

--- *Tempora mutantur*
et nos mutamur in illis ---

**ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

**ЖУРНАЛ
«РОССИЯ В ГЛОБАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ»**

А.И. Миллер

**УКРАИНСКИЙ ВОПРОС
И ПОЛИТИКА ИДЕНТИЧНОСТИ**

**МОСКВА
2024**

УДК 94
ББК 63.3
М 60

Институт научной информации
по общественным наукам РАН

Печатается по решению ученого совета ИНИОН РАН

Серия
«Письмена времени»

Редакционная коллегия серии:

А.В. Кузнецов (председатель), И.К. Богомолов,
Д.М. Бондаренко, Г.В. Вдовина, А.Г. Володин,
А.В. Головнёв, Д.В. Ефременко, О.В. Кулешова,
Р.Н. Лункин, С.В. Мельник, В.Ю. Муzychук,
И.В. Попова, Е.В. Соколова, А.К. Сорокин,
С.М. Хенкин, Е.А. Чукаева

М 60 **Миллер А.И.**

Украинский вопрос и политика идентичности : сб.
науч. трудов / под ред. Д.В. Ефременко ; ИНИОН РАН ;
журнал «Россия в глобальной политике». – Москва,
2024. – 524 с. – (Письмена времени)

ISBN 978-5-248-01111-7

В сборник вошли труды известного российского историка Алексея Миллера, в том числе его монография «Украинский вопрос в политике властей и русском общественном мнении второй половины XIX века» – книга, имеющая фундаментальное значение для развития научной украинистики в нашей стране. В ней профессор Миллер рассматривает процесс подъема украинского национализма во второй половине XIX в. и реакцию на него правительства и общественного мнения империи. Процесс принятия властями решений в отношении украинского национального движения воссоздан с использованием большого комплекса архивных материалов из ГАРФ, РГИА, АВПРИ, Отдела рукописей РГБ и Рукописного отдела РНБ. Многие документы использованы впервые.

Во вторую часть сборника включены избранные статьи А. Миллера по украинской проблематике, опубликованные на протяжении последних 30 лет. Здесь и статьи об истории борьбы вокруг разных проектов идентичности на Украине в XIX и начале XX в., и статьи о политике идентичности в независимой Украине.

ББК 63.3

ISBN 978-5-248-01111-7

© А.И. Миллер
© ИНИОН РАН, 2024

СОДЕРЖАНИЕ

Предварительные итоги, или Мои 30 лет занятий украинской тематикой	7
---	---

Часть первая

Украинский вопрос в политике властей и русском общественном мнении второй половины XIX века (монография)

Введение	17
<i>Теоретические принципы изучения национализма, важные для этой книги</i>	19
<i>Сравнительно-исторический контекст</i>	31
<i>Проект «большой русской нации»</i>	43
<i>О терминологии</i>	55
<i>Глава 1. Россия и украинофильство в первой половине XIX в.</i>	66
<i>Глава 2. Первые годы царствования Александра II. «Скрытая» стадия активизации украинофильства</i>	79
<i>Глава 3. Активизация украинофильства в начале 1860-х годов. «Основа» и русская пресса</i>	93
<i>Глава 4. Власти империи и украинофильство в 1862–1863 гг. Генезис Валуевского циркуляра</i>	116
<i>Глава 5. Реакция на циркуляр Валуева в правительственных структурах и общественном мнении</i>	138
<i>Глава 6. Политика властей после Валуевского циркуляра</i>	149
<i>Глава 7. Планы властей по усилению русского ассимиляторского потенциала в Западном крае</i>	162

<i>Глава 8. Киевский период активизации украинофильства (1872–1876)</i>	179
<i>Глава 9. Эмский указ</i>	202
<i>Глава 10. «Исполнение» Эмского указа</i>	213
<i>Глава 11. Последствия Эмского указа</i>	220
<i>Глава 12. Субсидия газете «Слово». Галицийские русины в политике Петербурга</i>	232
<i>Глава 13. Кризис власти в 1880–1881 гг. и попытка отмены Эмского указа</i>	241
<i>Заключение</i>	267
<i>Литература и источники</i>	282
<i>Приложение 1. Циркуляр министра внутренних дел П.А. Валуева Киевскому, Московскому и Петербургскому цензурным комитетам от 18 июля 1863 г.</i>	284
<i>Приложение 2. Выводы Особого Совещания для пресечения украинофильской пропаганды после исправления в соответствии с замечаниями, сделанными Александром II 18 мая 1876 г. в г. Эмс</i>	286

Часть вторая

Избранные статьи по украинскому вопросу

<i>Империя и нация в воображении русского национализма</i>	291
<i>Латиница и кириллица в украинском национальном дискурсе и языковой политике Российской и Габсбургской империй</i>	315
<i>Малоросс</i>	349
<i>Неуловимый малоросс: историческая справка</i>	398
<i>Соперничество русского и украинского национализма накануне и во время Первой мировой войны: история и политика памяти</i>	412
<i>История Украины в Советской исторической энциклопедии</i>	430
<i>Прошлое и историческая память как факторы формирования дуализма идентичностей в современной Украине</i>	437
<i>Государство и нация в Украине после 2004 г.: анализ и попытка прогноза</i>	454
<i>Стенограмма лекции «Две украинские идентичности», прочитанной в Одессе летом 2011 г.</i>	468
<i>История для политики или наоборот?</i>	476
<i>Национальная идентичность на Украине: история и политика</i> ..	486
<i>Старинная хроника текущих событий</i>	504

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ, ИЛИ МОИ 30 ЛЕТ ЗАНЯТИЙ УКРАИНСКОЙ ТЕМАТИКОЙ

В конце февраля 2022 г. я перечитал свою самую первую статью о русско-украинских отношениях, написанную около 30 лет назад и уже отчасти мною подзабытую. Та статья рассказывала, что писала западноукраинская пресса о России и русских в начале 1990-х годов¹. В ней оказалось много такого, что в свете произошедшего через 30 лет после ее написания приобретало новое звучание, и, отчасти, помогало понять причины текущих событий. Редакция журнала «Россия в глобальной политике» согласилась с предложением перепечатать статью, ничего не меняя в тексте, только добавив курсивом немного пояснений². Посмотрев в свете этого опыта на свои работы об истории «украинского вопроса», о политике Украины и русско-украинских отношениях уже после распада СССР, я понял, что многие из них приобрели теперь новую актуальность. И убедился, что мне не стыдно за то, что и как я писал на этот счет 30, 20 или 10 лет назад. Все работы печатаются в том виде, в каком они были изначально опубликованы в разные годы в разных журналах и сборниках, что делает неизбежным некоторые повторы.

Оценивая сегодня эти 30 лет, в течение которых я с большей или меньшей интенсивностью занимался украинской проблематикой, легко заметить, что почти все мои работы, будь то исторические, которых большинство, или политологические, сфокусированы на одной большой теме. Так или иначе, но они обсуждают проблему формирования национальных идентичностей. Нужно оговориться, что тема «идентичности» в целом постепенно обретала свои методологические основания именно в это время. В 1990-е вместе со всеми постсоветскими гуманитариями я осваивал

¹ *Миллер А.И.* Образ России и русских в западноукраинской прессе // Палис. М., 1995. № 3. С. 124–132.

² Именно в таком виде, с добавлениями 2022 г., статья включена в эту книгу *Миллер А.И.* Старинная хроника текущих событий // Россия в глобальной политике. 2023. Т. 21. № 1. С. 172–194.

проблематику *nationalism studies*¹. Тогда же мы спорили, в том числе с украинскими коллегами, об уместности повторения в современных России и Украине усилий националистов XIX в. по построению национальных исторических нарративов². Знаменитая статья Роджерса Брубейкера и Фредерика Купера «За пределами идентичности»³ появилась в том же 2000 г., что и моя монография «Украинский вопрос в политике властей и русском общественном мнении»⁴, о которой мы еще поговорим.

В 2000-е годы я был участником бума «имперских исследований», в котором меня интересовали прежде всего вопросы взаимодействия империй и национализма⁵. Я старался показать, что во многих европейских империях власти не только противодействовали сепаратистскому национализму окраин, но участвовали в строительстве нации в ядре империи, в формировании представления о национальной территории и о составе имперской нации. В этом сравнительном контексте усилия Российской империи по строительству общерусской нации выглядели не аномалией, но частью общеевропейской тенденции.

В то же время континентальный характер Российской империи и ее «окраинное» положение в отношении Европы придавали этому процессу особые черты. При этом следует учесть, что в отличие от своих континентальных империй-соседей – Османской и Габсбургской, Российская империя в XIX в. была в фазе роста. Возникший в XX в. на пространстве бывшей Российской империи СССР «отменил» и распад Российской империи, и

¹ Национализм и формирование наций. Теории – модели – концепции / под ред. А. Миллера. – М.: Институт славяноведения РАН, 1994; Нация и национализм / под ред. А. Миллера. М.: ИНИОН РАН, 1999.

² Яркий текст, стоявший у истоков этой дискуссии: *von Hagen M. Does Ukraine Have a History? // Slavic Review. Vol. 54. No. 3 (Autumn, 1995). Pp. 658–673.*

³ *Brubaker R. & Cooper F. Beyond “Identity” // Theory and Society. Vol. 29. No. 1 (Feb., 2000). Pp. 1–47.*

⁴ *Миллер А. Украинский вопрос в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX в.).* СПб.: Алетейя, 2000.

⁵ *Imperial Rule / Miller A., Rieber A.J. (eds.).* N.Y. & Budapest: CEU Press, 2004; *Российская империя в сравнительной перспективе / под ред. А. Миллера.* – М.: Новое издательство, 2004; *Российская империя в зарубежной историографии / сост. П. Верг, П. Кабытов, А. Миллер.* М.: Новое издательство, 2005; *Ауст М., Вульфиус Р., Миллер А. Imperium inter pares. Роль трансферов в истории Российской империи.* М.: Новое литературное обозрение, 2010; *Миллер А. Империя Романовых и национализм.* М.: Новое литературное обозрение, 2006, (2-е изд. – 2010); серия «Окраины Российской империи» под моей редакцией в «Новом литературном обозрении», и, наконец, *Nationalizing Empires (Berger S., Miller A., eds.).* CEU Press, Budapest, 2015, в которой тема империи и национализма рассмотрена в глобальной перспективе.

имперский проект строительства большой русской нации. Только в конце XX в. распад СССР заново обострил вопрос политического структурирования евразийского пространства. Комбинация всех этих факторов сделала по своему уникальной историю строительства большой русской нации, что отразилось (и отражается до сих пор) и на истории зауральских владений империи, и на истории украинского вопроса.

В 2000-е годы в нашей стране стала развиваться методология истории понятий, и в подготовленные усилиями большой команды два тома «Понятий о России» вошли мои статьи о понятии «нация» в дореволюционной России и о понятии «малоросс», которые помогают проследить дискурсивное оформление процессов строительства нации в имперском ядре¹.

На рубеже первых двух десятилетий XXI в. в России стали осваивать проблематику *memory studies*, в которой меня более всего интересовало политическое использование прошлого в Восточной Европе, в том числе в политике идентичности². Использование политики памяти для поддержания и углубления раскола идентичностей на Украине я анализирую в одной из статей, включенных в этот сборник.

В это же время Альфред Степан и Хуан Линц стали обсуждать тему оппозиции нации-государства и государства-нации³, оспорив широко распространенное заблуждение, что нация-государство является единственно возможной формой для успешного развития. Я попробовал применить их концепции к анализу сценариев государственного строительства в России и на Украине, прежде всего подчеркивая, что агрессивная политика построения нации-государства в обоих случаях не может быть успешной и приведет к росту политической напряженности. Об этом – одна из статей сборника, написанная в 2008 г. (В 2011 г. я пытался поговорить об этих сюжетах с одесской публикой, и стенограмму той лекции я включил в эту книгу, но особый интерес представляет дискуссия после лекции, которую можно вполне оценить только по видеозаписи, ссылку на которую читатель найдет в книге.)

¹ «Понятия о России»: к исторической семантике имперского периода / сост. А. Миллер, Д. Сдвижков, И. Ширле: в 2 т. М.: Новое литературное обозрение, 2012. Статья об истории понятия «малоросс», которую я написал вместе с молодыми украинскими историками А.Котенко и О.Мартынюк, вошла в эту книгу.

² *The Convolutions of Historical Politics*. (eds. A. Miller, M. Lipman). N.Y. & Budapest: CEU Press, 2012; Миллер А., Линман М. Историческая политика в XXI веке. М.: Новое литературное обозрение, 2012; Миллер А., Ефременко Д. Политика памяти в России и Восточной Европе. СПб.: Изд-во ЕУСПб, 2020.

³ *Stepan A., Linz J., & Yadav Y. The Rise of “State-Nations” // Journal of Democracy*. 2010. No 21(3). Pp. 50–68; *Stepan A., Linz J. and Yadav Y. Crafting State-Nations. India and Other Multinational Democracies*. Baltimore: Johns Hopkins University press, 2011.

Иначе говоря, в последние 30 лет мои обращения к украинской проблематике происходили в контексте весьма интенсивных процессов формирования и преобразования методологических подходов в соответствующих сегментах общественных наук и отразили мое понимание этих процессов. Важно, что исторические исследования и работы о текущей ситуации я писал параллельно, постоянно ощущая влияние политики на то, как «пишется история»¹. Самое важное, пожалуй, следствие параллельных занятий прошлым и современным политическим развитием состоит в том, что, анализируя крутые повороты истории, ты понимаешь, что она, история, не кончилась, что политическая (в том числе геополитическая) реальность сегодняшнего дня, которую многие склонны воспринимать как непреложную данность, тоже может быть радикально изменена в ходе следующего резкого поворота. После 2022 г. это наблюдение кажется довольно банальным, но как же много людей отказывалось мыслить в этом ключе в прежнее время!

Между тем, все годы после распада СССР сам объект изучения и общественный контекст, в котором велась эта работа, менялись, порой весьма драматично. Монография «Украинский вопрос...» в 2000 г. стала первой книгой, когда-либо написанной в России на данную тему². В советское время в Москве или Ленинграде заниматься историей Украины, если, конечно, не считать Киевскую Русь, было «не положено», о чем рассказано во включенной в эту книгу статье «История Украины в Советской исторической энциклопедии». Сочинения, написанные об украинском национализме в среде русской эмиграции, пребывали в забвении, а когда появилась возможность их переиздавать, выбор издателей пал не на брошюру Петра Бицилли, которая на полвека опередила методологические прозрения Э. Геллнера и Б. Андерсона, но на «боевую» – в худшем смысле этого слова – книгу Николая Ульянова³. После развала СССР политическая острота темы отчасти способствовала росту интереса историков, но, с другой стороны, создавала вполне ощутимую напряженность в россий-

¹ Касьянов Г., Миллер А. Россия – Украина: как пишется история. М.: РГГУ, 2011.

² Миллер А.И. Украинский вопрос в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX века). СПб.: Алетейя, 2000. В 2003 г. книга вышла на английском: *The Ukrainian Question. The Russian Empire and Nationalism in the Nineteenth Century*. N.Y. & Budapest: CEU Press, 2003.

³ Бицилли П.М. Проблема русско-украинских отношений в свете истории. Прага: Единство, 1930. URL: https://vtoraya-literatura.com/pdf/bitsilli_problema_russko-ukrainskikh_otnosheny_v_sвете_istorii_1930.pdf; Ульянов Н.И. Происхождение украинского сепаратизма. М.: Индрик, 1996. (Впервые издана в 1966 г. в Мадриде. В России первое издание вышло в 1996 г. Есть много позднейших переизданий.)

ско-украинском диалоге о прошлом, участником и, отчасти, организатором которого я был в 1990-е и 2000-е годы. Целый ряд работ в это время я написал или редактировал вместе с украинскими коллегами¹. В 2013 г. книга «Украинский вопрос...» по инициативе киевского издательства «Ляурус» была переиздана, с дополнениями и уточнениями, на Украине². Как теперь ясно, это был последний год, когда такое издание вообще было возможно. Уже в 2013 г. пара активистов партии «Свобода» застенчиво, по сравнению с их более поздними подвигами, пыталась сорвать в Киеве ее презентацию. Польский перевод, подготовленный в 2015 г., так и не увидел свет. Пространство для диалога схлопывалось.

Российско-украинские отношения переживали за эти годы многочисленные зигзаги. На Украине политическая жизнь бурлила, и темы национальной идентичности играли в этом бурлении центральную роль. В повестке дня постоянно присутствовали темы коллективной памяти, особенно тема страдания украинцев и ответственных за эти страдания во время голода 1932–1933 гг., который получил официальное название Голодомор³, а также тема героизма и непогрешимости ОУН и УПА. Создавался украинский Институт национальной памяти, примерно наказывались те историки, которые осмеливались сопротивляться этой повестке⁴. Вопросы статуса меньшинств и, особо, статуса русского населения и русского языка неизменно становились важной темой законотворчества. Власти колебались в вопросе интенсивности национализаторской политики, но сам курс оставался неизменным. Сегодня, глядя на логику стратегически осмысленного (что не значит – основанного на верном расчете) поведения украинских националистов, я готов утверждать, что в основе этого поведения лежит убеждение о том, что без утверждения этнически экс-

¹ Первая такая книга появилась в 1997 г. (Миллер А.И., Репринцев В.Ф., Флоря Б.Н. Россия – Украина: история взаимоотношений. М.: Языки русской культуры, 1997), последняя в 2017 г. (Города империи в годы Великой войны и революции: сб. ст. / под ред. А. Миллера, Д. Черного. СПб.: Нестор-История, 2017). Важнейшим для меня продуктом этого диалога стала изданная в 2011 г. книга «Россия – Украина: как пишется история» (М.: РГГУ, 2011), написанная именно в форме диалога вместе с ведущим украинским историком и моим другом Георгием Касьяновым.

² Миллер А. Украинский вопрос в Российской империи. Киев: Laurus, 2013. В настоящее издание монография включена в доработанной версии 2013 г., которая в России почти не продавалась.

³ Касьянов Г. Danse macabre: голод 1932–1933 років у політиці, масовій свідомості та історіографії (1980-ті – початок 2000-х). Київ: Наш час, 2010.

⁴ Химка Дж.-П. Дружественные вмешательства: борьба с мифами в украинской истории XX в. // Историческая политика в XXI веке. М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 421–454.

клюдивной версии украинской идентичности в масштабе всей страны Украина будет находиться в состоянии экзистенциальной угрозы. Поэтому отторжение неготовых усвоить такую идентичность сограждан, даже угроза потери территорий в результате такой политики и провоцирование напряженности вплоть до военного противостояния как внутри Украины, так и с ее соседом на востоке – все это рассматривалось, а кем-то рассматривается и до сих пор как плата на пути к устойчивости нации, объединенной такой этнически-эксклюзивной идентичностью.

Исторические корни той особой ситуации с национальными идентичностями, которая сложилась на юго-западных окраинах империи, я рассматривал прежде всего в книге «Украинский вопрос...». Мне было важно показать, что в XIX и начале XX в. происходило соревнование разных сценариев национального строительства и формирования национальных идентичностей. В этом соревновании решалось, возникнет ли в Российской империи большая русская нация, объединяющая разные группы восточных славян, в том числе малороссов, или утвердится украинская национальная идентичность как несовместимая с идеей национальной общности с великорусами. Также открытым был вопрос о том, станут ли русины Галичины, находившейся под властью Австро-Венгрии, частью украинской нации, или окажутся разделенными с малороссами, как сербы и хорваты оказались разделены на Балканах. (М. Грушевский говорил о такой возможности в начале XX в.) Подчеркивая открытость ситуации и разные возможности ее развития, я возражал национальным нарративам, которые, если и говорили о разных сценариях, точно знали, какой из них «правильный», а какой нет. Споры о том, кто пытался «в бессильной злобе» предотвратить освобождение якобы сформировавшейся в основном то ли в XIII, то ли в XV в. украинской нации, или о том, кто исказил правильное течение истории, разорвав части уже якобы сложившейся общерусской нации, идут до сих пор и имеют к истории как области знания мало отношения.

Это, кстати, не значит, что вопрос о том, кто сыграл какую роль в процессах формирования наций в Восточной Европе, не имеет смысла. Когда я писал книгу «Украинский вопрос...», я делал акцент на том, что политика нациестроительства в империи Романовых была непоследовательной, нескоординированной и неэффективной, что власти империи и русский национализм не сумели вполне воспользоваться теми возможностями, которые у них были во второй половине XIX в. Не отменяя этого тезиса, сегодня я бы больше внимания уделил роли внешних акторов в соревновании общерусского и украинского проектов – польского движения, а также соперничавших с Россией соседних империй – Австро-Венгрии и, особенно, в ходе Первой мировой войны, Германии. В монографии я довел обсуждение этой темы до 1880-х годов, когда вопрос о формирова-

нии общерусской нации еще оставался открытым, и затем написал еще целый ряд статей, включенных в эту книгу, в которых показано, как борьба вокруг разных проектов национального строительства развивалась в первой половине XX в. В последние 20 лет обсуждение этой проблематики развивалось довольно интенсивно. И в России, и на Украине было опубликовано немало текстов, в которых принципы научного анализа были принесены в жертву пропаганде. Однако в изучении советской политики украинизации, вслед за заслуженно популярной книгой Терри Мартина¹, появилось и немало ценных работ российских историков².

Сегодня монография «Украинский вопрос...» и некоторые статьи из этой книги получили дополнительную актуальность в связи с укрепившейся тенденцией описывать положение Украины в Российской империи и в СССР как колониальное, что получило развитие в виде общего заказа на «деколонизацию» российской истории, а заодно и политическую «деколонизацию» современной России³. В Российской империи, конечно, были окраины с колониальным статусом, можно найти элементы колониальности и в советских практиках, при всей непохожести СССР на капиталистические империи. Но в случае с малороссом в Российской империи несоответствие их места в политике империи и в воображаемой большой русской нации колониальному статусу вполне очевидно. Так же очевидно, что место и роль украинцев в советском проекте при всех отличиях от царского времени, нельзя описать через «постколониальную» и «деколони-

¹ *Мартин Т.* Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939. М.: РОССПЭН, 2011 (английское издание – 2001 г.).

² См.: *Борисёнок Е.Ю.* Феномен советской украинизации. 1920–1930-е годы. М.: Европа, 2000; *Борисёнок Е.Ю.* Сталинский проконсул Лазарь Каганович на Украине: апогей советской украинизации (1925–1928). М.: Родина, 2021; *Васильев И.Ю.* Украинское национальное движение и украинизация на Кубани в 1917–1932 гг. Краснодар: Кубанькино, 2010; *Дроздов К.С.* Политика украинизации в Центральном Черноземье, 1923–1933 гг. М.: Институт российской истории РАН : Центр гуманитарных инициатив, 2016; *Малороссы vs украинцы: украинский вопрос в науке, государственной и культурной политике Российской империи и СССР: очерки / редкол. Е.Ю. Борисёнок, М.В. Лескинен. М.: Институт славяноведения РАН, 2018.*

³ Об ограниченности постколониального подхода прекрасно написал В. Малахов. См.: *Малахов В.С.* Ретроактивные категоризации, или Постколониальность как состояние // Социологическое Обозрение. 2023. Т. 22, № 3. С. 53–74. В статье Нила Ларсена, носящей слишком заметные следы левой партийной публицистики, тем не менее дан внятный анализ причин перехода от в основном культурной проблематики и рефлексивного подхода «постколониальности» к активистской повестке «деколонизации». *Larsen N.* The Reactionary Jargon of Decoloniality. URL: <https://jacobin.com/2023/12/walter-mignolo-politics-of-decolonial-investigations-review-decoloniality-postcolonialism-academic-jargon-universalism>

торскую» оптику. В частности, как показано в этой книге, знание об истории Украины в советское время производилось на Украине, что никак не согласуется с колониальным статусом, поскольку знание о колониях производится в центре империи.

Вообще оказывается, что сюжеты, связанные с национальной идентичностью в Восточной Европе, с одной стороны, могут служить иллюстрацией постоянных перемен, в том числе, невозвратных перемен. С другой стороны, хорошо видно, что эти сюжеты никуда не исчезают, они все время присутствуют, но мутируют. Поэтому монография и 10 статей, написанные с 2000 по 2023 г. и включенные в эту книгу, сохраняют актуальность. И трудно сказать, хорошо это или плохо.

Перечень статей, лекций и интервью, включенных в это издание

1. *Миллер А.* Империя и нация в воображении русского национализма // Российская империя в сравнительной перспективе: сб. ст. / под ред. А.И. Миллера. М.: Новое издательство, 2004.
2. *Миллер А., Остапчук О.* Латиница и кириллица в украинском национальном дискурсе и языковой политике Российской и Габсбургской империй // Славяноведение. 2006. № 5.
3. *Котенко А., Мартынюк О., Миллер А.* Малоросс // «Понятия о России»: к исторической семантике имперского периода. Т. 2. М.: Новое литературное обозрение, 2012.
4. *Миллер А.И.* Неуловимый малоросс: историческая справка // Россия в глобальной политике. 2018. № 2. URL: <https://www.globalaffairs.ru/articles/neulovimyj-maloross-istoricheskaya-spravka>
5. *Миллер А.* Соперничество русского и украинского национализма накануне и во время Первой мировой войны: история и политика памяти // *Quaestio Rossica*. Т. 6. 2018. № 2. С. 420–437.
6. *Миллер А.И.* История Украины в Советской исторической энциклопедии // *Світло й тіні українського радянського історіописання: матеріали міжнародної наукової конференції (Київ, Україна, 22–23 травня 2013 р.)*. Київ, 2015. С. 207–211.
7. *Миллер А.И.* Прошлое и историческая память как факторы формирования дуализма идентичностей в современной Украине // *Политическая наука*. 2008. № 1. С. 83–100.
8. *Миллер А.И.* Государство и нация в Украине после 2004 г.: анализ и попытка прогноза // *Политическая наука*. 2008. № 4. С. 109–124.
9. *Миллер А.И.* Стенограмма лекции «Две украинские идентичности», прочитанной в Одессе летом 2011 г. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=I9PmxSYUY50&t=862s>
10. *Миллер А.И.* История для политики или наоборот? Интервью // *Россия в глобальной политике*. 19. 07. 2021 г. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/istoriya-dlya-politiki>
11. *Миллер А.И.* Национальная идентичность на Украине: история и политика // *Россия в глобальной политике*. 2022. Т. 20, № 4(116). С. 46–65.
12. *Миллер А.И.* Старинная хроника текущих событий // *Россия в глобальной политике*. 2023. Т. 21, № 1(119). С. 172–195.

УКРАИНСКИЙ ВОПРОС

*в политике властей и
русском общественном мнении
второй половины XIX века*

Введение

Первая и последняя книга о политике властей Российской империи в «украинском вопросе» была написана в конце 20-х годов украинским историком Федором Савченко¹. Он и другие сотрудники М.С. Грушевского, вернувшегося в Советский Союз в 1924 г. и возглавившего секцию истории Украины Исторического отделения АН УССР, много сделали в то время для изучения темы². Книга Савченко в определенном смысле подводила итог этой работы – она включала обширный корпус документов, по большей части публиковавшихся впервые, и с разной степенью подробности касалась всех ключевых эпизодов этой истории. Переизданная в 1970 г. в Мюнхене – киевское издание стало к тому времени раритетом³ – работа Савченко определила представления о теме среди тех историков, кто занимался близкими сюжетами. По сути дела считалось, что Савченко тему «закрыл». Только в конце 80-х годов британский историк Дэвид Сондерс снова обратился к изучению политики властей по отношению к украинскому национальному движению в начале 1860-х годов. В частности, он задался вопросами: почему власти предпринимали именно такие, во многом уникальные для их национальной политики, репрессивные меры, чего они стремились добиться, чего боялись? На эти вопросы книга Савченко не давала сколько-нибудь основательных ответов. Отчасти это объясняется тем, что Савченко ошибочно считал многие

¹ Савченко Ф. Заборона українства 1876 року. Харків – Київ, 1930 (репринт с вводной статьей В. Дмитришина. – München, 1970).

² В выпускавшемся этой группой ежегоднике «За сто літ» и ряде других журналов появилось тогда много статей и публикаций источников. Помимо Ф. Савченко этой темой активно занимались В. Мияковский, Н. Бухбиндер и др.

³ Из всех московских библиотек киевское издание книги Савченко сохранилось только в РГБ.

из этих вопросов самоочевидными. Но была и другая причина. Нетрудно заметить, что Савченко писал свою книгу в спешке, от чего существенно пострадала и аналитическая ее составляющая, и четкость организации материала. Основания спешить у Савченко в конце двадцатых были серьезные – политика «коренизации» подходила к концу, и он верно полагал, что в ближайшем будущем не только публикация такой книги будет невозможна, но и он сам может стать жертвой террора. Так оно и случилось: в 1934 г. Савченко, как и почти все остальные сотрудники Грушевского, был арестован, отправлен на Соловки, а в 1937 г. вместе со многими другими деятелями украинской культуры расстрелян.

Но и Сондерс вынужден был ограничиться гипотезами. Дело в том, что он, так же как и Савченко, работал только с частью документов, разделенных между московскими и петербургскими архивами. Таким образом, первая задача предлагаемого читателю исследования состояла в том, чтобы свести воедино весь комплекс соответствующих источников и восстановить с возможной полнотой процесс принятия властями решений по «украинскому вопросу». Кроме того, я постарался проследить полемику вокруг этого вопроса в наиболее популярных и влиятельных органах печати, которая, вопреки мнению некоторых исследователей¹, была весьма оживленной вплоть до начала восьмидесятых годов прошлого века.

Однако, решив эти задачи, автор столкнулся с более общим и сложным вопросом: как рассказать эту историю? Во-первых, речь идет о том, насколько подходят для этого те слова, которыми мы привыкли сегодня пользоваться? А во-вторых, о чем эта история? В поисках ответа на эти отнюдь не простые вопросы, которым посвящены вводные главы книги, нам придется обратиться к проблемам и сравнениям, далеко выходящим за рамки первоначальной темы.

¹ См., например, доклады Ольги Андриевски на конференции «Русско-украинские отношения» в Колумбийском университете в Нью-Йорке в 1994-м и «Формирование идентичностей в пространстве пограничья» в Центральном-Европейском университете в Будапеште в 1999 г.

Теоретические принципы изучения национализма, важные для этой книги

Эта книга – о национализме. Тема в хорошем смысле слова модная. Без боязни ошибиться, можно утверждать, что за последние десятилетия исследования национализма превратились в наиболее динамично развивающееся направление наук об обществе – количество публикаций огромно, растет число специализированных исследовательских центров и научных журналов. Между тем общепринятых «истин» в теоретических интерпретациях национализма совсем немного, а скептик скажет, что их нет вовсе¹. Здесь не место включаться в дискуссию по спорным теоретическим вопросам². Задача скромнее – разъяснить именно те исходные теоретические позиции, которыми руководствовался автор при работе над этим текстом.

Одна из таких отправных точек – сформулированная Бенедиктом Андерсоном концепция нации как «воображенного сообщества». Андерсон явно опасался, и не без оснований, что его термин «воображенное сообщество» будет неверно интерпретирован, и снабдил его обстоятельным комментарием. «Воображенными» Андерсон называет *все* сообщества, члены которых не знают и заведомо не могут знать лично или даже «понаслышке» большинства других его членов, однако имеют представление о таком сообществе, его образе. «Воображенная» природа таких сообществ вовсе не свидетельствует об их ложности, нереальности³. Крупные сообщества, а к ним относятся не только нации, но и классы⁴, можно

¹ См.: *Коротеева В.* Существуют ли общепризнанные истины о национализме? // *Pro et Contra*. 1997. Т. 2, № 3 и дискуссию в последующих номерах журнала.

² Автор не раз занимался этим в специальных публикациях. См. мои статьи в кн.: *Национализм и формирование наций: теории – модели – концепции* / под. ред. А. Миллера. М., 1994; *Национализм как теоретическая проблема* // *Полис*. 1995. № 6; *О дискурсивной природе национализмов* // *Pro et Contra*. 1997. Т. 2, № 4; *Ответ П. Канделю* // *Pro et Contra*. 1998. Т. 3, № 3; *Национализм и формирование наций. Теоретические исследования 80–90-х годов* // *Нация и национализм* / под. ред. А.И. Миллера. М.: ИНИОН, 1999.

³ Именно в таком неверном смысле часто говорят о «воображенности» нации неглубокие критики национализма.

⁴ Выдающийся историк английского рабочего класса Эдвард Томпсон считал, что класс состоялся тогда, когда люди «в результате общего опыта (унаследованного и разделяемого) чувствуют и выражают идентичность их интересов между собой и в оппозиции к другим людям, интересы которых отличаются (и, как правило, противоречат интересам первых)». Классовое сознание, по Томпсону, есть

классифицировать по стилям и способам их воображения. Тезис, что способ воображения сообщества может меняться, Андерсон иллюстрирует примером аристократии, которая стала восприниматься как общественный класс только в XIX в., а до этого осознавалась через категории родства и вассалитета.

Андерсон поставил вопрос о том, в чем принципиальная новизна националистического способа воображения сообщества и каковы были предпосылки самой возможности вообразить или, как сказали бы русские переводчики немецких философов, помыслить нацию. Именно «описанию процесса, благодаря которому нация может быть воображена и, будучи раз воображенной, затем моделируема, адаптируема и трансформируема», и посвящена, по собственному определению Андерсона, основная часть его книги¹.

Несколько тезисов Андерсона прямо относятся к рассматриваемым нами сюжетам. Во-первых, он верно указывает на вторичный, имитационный характер национализмов в Центральной и Восточной Европе, которые заимствовали готовые конструкции и адаптировали их применительно к своим условиям. Это значит, что «нация» была идеей, целью, образом, к которому можно было стремиться с самого зарождения движения, а не постепенно формирующейся концепцией². От себя уточним, что некоторые национализмы, в том числе украинский, заимствовали образцы у народов Центральной Европы, прежде всего чехов и поляков, в то время как русский национализм по большей части искал для себя образцы в

«форма выражения этого опыта в культурных категориях: воплощенная в традициях, системах ценностей, идеях и институтах. Если опыт выступает как предопределенный, то классовое сознание таковым не является». См.: *Thompson E. The Making of the English Working Class. London, 1963. P. 9–10.* Эрнест Геллнер, в основном имея в виду опыт третьего мира, пошел еще дальше: «Только когда нация стала классом, заметной и неравномерно распределяющейся категорией в других отношениях мобильной системы, она стала политически сознательной и активной. Только когда классу удастся в той или иной мере стать нацией, он превращается из “класса в себе” в “класс для себя” или “нацию для себя”. Ни нации, ни классы не являются политическими катализаторами, ими являются лишь “нации-классы” или “классы-нации»» (*Геллнер Э. Нации и национализм. М., 1991. С. 252*). Под классом-нацией Геллнер понимает культурно и мировоззренчески эмансипированный класс.

¹ *Anderson B. Imagined Communities: Reflections on the Origins and Spread of Nationalism. London, 1983. P. 129.* [Существуют укр. и рус. переводы этой классической уже работы.]

² *Ibid. P. 67.*

Западной Европе, что вполне объяснимо в силу различия стоявших перед ними задач.

Заимствование готовых идеологических «модулей» означает, что отставание в идеологической сфере оказывалось значительно меньше, чем в сфере социально-экономического развития. Следовательно, в Восточной Европе националистические идеи и образы возникали и функционировали в существенно иной социальной среде по сравнению с теми условиями, где эти идеи первоначально сформировались. Иными были возможности массовой коммуникации, механизмы осуществления власти и средства, которыми государственная власть располагала для решения новых задач, возникших с приходом национализма.

Андерсон верно указал также на различие между национализмом «господствующих» наций и «официальным национализмом» правящих династий. Понятие «господствующие» не случайно взято мной в кавычки. При старом режиме французский, испанский или русский национализмы как общественные движения в смысле властных отношений развиваются также «снизу», как и национализмы «малых народов». И реально, и формально власть принадлежит не нациям, но династиям. По всей Европе старые династии с большим или меньшим успехом, с большим или меньшим (как правило, весьма ограниченным) энтузиазмом переживали процесс своеобразной национализации. Они шли на это вынужденно. Старый мир, в котором они получали свою власть «от Бога» и осуществляли ее над разнообразными «языками и народами» (в том числе теми, которые принято называть господствующими), был привычнее и удобнее, но постепенное утверждение национализма как способа видения социального мира вынуждало монархии компенсировать ослабление прежних механизмов идеологического обоснования своей власти за счет этого нового, не всегда удобного для них источника легитимации. Очень важен тезис Андерсона, что этот официальный национализм был реактивным в том смысле, что служил ответом на развитие националистических настроений среди подвластных народов, причем как тех, которые находились в положении угнетенных меньшинств, так и тех, которые составляли этническое ядро империй. Этот процесс «национализации» династии Романовых весьма затянулся и занял практически весь XIX век, а последствия этого усугублялись самодержавным харак-

тером их власти¹. Собственно, стремление сохранить самодержавие и было главной причиной, почему Романовы заметно упорнее (и успешнее), чем большинство европейских династий, сопротивлялись национализации, тем самым надолго лишив процесс формирования нации такой ключевой составляющей, как расширение политического участия и становление гражданского общества. Настоящего контакта и сотрудничества самодержавия и общества в деле строительства нации в XIX в. не было. В других крупных европейских странах государственная власть оставляла заметно больше пространства для общественной деятельности, в том числе и по строительству нации, да и само государство заметно раньше и осмысленнее стало принимать в этом процессе участие. Когда же после 1905 г. Николай II счел нужным искать союза с русскими националистами, выбор его пал на самые экстремистские и одиозные организации, в первую очередь ориентированные не на строительство чего бы то ни было, а на погромы.

Андерсон совершенно справедливо поправляет Хью Сетона-Уотсона, который писал о «национализации» Романовых как об уникальном феномене, и указывает, что в Лондоне и Париже, Берлине и Мадриде протекали во многом сходные процессы². Итак, зафиксируем главное: *русский национализм как общественное настроение и «официальный национализм» самодержавия представляют собой тесно связанные, но самостоятельные явления, иногда идущие рука об руку, но не менее часто и конфликтующие.*

Другое важное следствие концепции Андерсона состоит в том, что между моментом, когда нация «воображена», то есть когда ее образ, который мы условно будем называть идеологическим или идеальным Отечеством³, возникает у представителей элиты, и мо-

¹ Можно согласиться с Лией Гринфелд (*Greenfeld L. Nationalism. Five Roads to Modernity. Cambridge, Mass., 1992*), которая считает, что важная фаза процесса формирования русского, равно как и других европейских национализмов, приходится на XVIII в. Но ее внимание сосредоточено на эмоциональном аспекте взаимоотношений главных европейских государств-империй и их элит. (Не случайно ключевой категорией ее книги оказывается понятие *resentiment*.) Во внутренней политике этих государств проблема национализма становится центральной только в XIX в.

² *Seton-Watson H. Nations and States. An Enquiry into the Origins of Nations and the Politics of Nationalism. Boulder, Colo.: Westview Press, 1977. P. 83–87; Anderson B. Imagined Communities... P. 87.*

³ Образ «идеального Отечества» представлял собой сложную идеологическую конструкцию. Он описывал – в более или менее утопическом ключе – социальные и политические отношения, которые должны были сделать Родину счастли-

ментом, когда соответствующая этому национальная идентичность утверждается среди большинства членов этого воображенного сообщества и получает политическое оформление, лежит значительное время. Очень важно, что процесс этот вовсе не является предопределенным, то есть *усилия по утверждению того или иного варианта национальной идентичности могут увенчаться как успехом, так и неудачей, равно как реальное воплощение нацистского государства даже в случае осуществления проекта может существенно отличаться от его исходной версии.*

Различные проекты наций могут находиться в конфликте друг с другом, в частности претендовать на одну и ту же территорию. Порой это представляет собой соперничество по поводу определенного пространства пограничья, где речь идет о том, какому воображаемому сообществу это пространство будет принадлежать. (Примером, как мы увидим, может служить конфликт русского и польского образов «идеальных Отечеств».) Столкновение может носить и тотальный характер в том смысле, что один образ идеального Отечества включает всю территорию и население другого, отрицая альтернативный проект как таковой. (Здесь примером может служить как раз конфликт русского и украинского национализмов.)

Этнические и культурные характеристики того населения, которое становится объектом соперничества различных национальных активистов, существенно влияют на их концепции и ход борьбы. В этом отношении мы на стороне Энтони Смита, но не радикального модерниста Эрнеста Геллнера, утверждавшего, что исходный этнический материал практически не сковывает свободу творчества националистов в их проектировании нации¹. Но это вовсе не значит, что исходные этнические характеристики исключают возможность разной – в определенных пределах – их интерпретации и построения на их основе разных национальных проектов. Целый ряд других факторов наряду с характеристиками исходного этнического материала определяют в конечном счете

вой, а также определял «правильные», «справедливые» параметры этого Отечества – то есть какой должна быть национальная территория и кто должен на ней жить.

¹ Энтони Смит много писал о роли этнического фактора в процессах формирования наций. См.: *Smith A. The Ethnic Origins of Nations.* Oxford, 1986. Последнюю дискуссию Смита и Геллнера накануне смерти последнего см. в кн.: *Nations and Nationalism. V. 2. Pt. 3.* 1996. О работах Смита см.: *Коропеева В. Энтони Смит: историческая генеалогия современных наций // Национализм и формирование наций... / под. ред. А. Миллера.*

более или менее полный успех или неудачу того или иного проекта. Одна из задач этой книги – привлечь внимание к тем из них, что прежде недооценивались или вовсе упускались из виду при анализе русско-украинских отношений.

Практически все теоретические исследования национализма последних десятилетий в той или иной степени опираются на работы Карла Дойча¹. Интерес Дойча был сосредоточен на формировании и развитии такой системы коммуникаций, которая позволила формировать и *воспроизводить* идею национальной общности. Он считал это следствием урбанизации, формирования рынка и сети железных дорог, в общем – индустриальной революции. Андерсон в определенном смысле скорректировал тезис Дойча, показав в своей книге, что формирование такой системы коммуникаций, строго говоря, является не следствием, а частью модернизационного процесса, иногда даже предшествуя индустриальной революции.

В России формирование общественности, общественного мнения и рынка прессы как основного на то время средства массовой коммуникации стало возможным, пусть и не без существенных административных ограничений, главным образом после реформ Александра II. Именно в этой «публичной сфере», то есть в среде образованной, читающей и пишущей публики, и обсуждаются, формируются и воспроизводятся образы нации и концепции национальных интересов. Именно из «публики» эти идеи транслируются в «народ» по мере того, как он становится доступен для пропаганды и печатного слова. При этом на пространстве Российской империи формируются несколько «публичных сфер». Московские и петербургские газеты и журналы практически безраздельно доминировали в круге чтения жителей Пскова, Нижнего Новгорода, Оренбурга, Иркутска. Их читали в Киеве, но здесь уже круг чтения ими не ограничивался. А в Царстве Польском, Финляндии или Остзейском крае московская и петербургская пресса вообще играла маргинальную роль².

Эти различающиеся, хотя и не изолированные вполне друг от друга, публичные сферы можно назвать и пространствами функционирования дискурсов. Интерпретация национализма как дискурса – важная отправная точка для этой работы. Во многом она

¹ *Deutsch K.W.* Nationalism and Social Communication: an Inquiry into the Foundations of Nationality. Cambridge, Mass. 1953.

² Эти проблемы подробно рассмотрены в книге: *Renner A.* Russischer Nationalismus und Öffentlichkeit im Zarenreich. 1855–1875. Köln: Böhlau, 2000.

опирается на то, что писали о национализме Дойч и Андерсон, хотя оба не употребляли этого термина. Понятие «дискурс», разработанное Мишелем Фуко еще в шестидесятые годы, до сих пор остается у нас достаточно экзотичным, а потому нелишне будет дать хотя бы самое общее его определение. Дискурс – это отложившийся и закрепившийся в языке способ упорядочения действительности, способ видения мира, выражаемый в самых разнообразных, не только вербальных, практиках, следовательно, не только отражающий мир, но его проектирующий и сотворяющий. Иначе говоря, понятие «дискурс» включает общественно принятые способы видения и интерпретирования окружающего мира и вытекающие из именно такого видения действия людей и институциональные формы организации общества. Сам Фуко в «Археологии знания» писал об этом так: «Задача состоит не в том – уже не в том, чтобы рассматривать дискурсы как совокупности знаков (то есть означающих элементов, которые отсылают к содержаниям или представлениям), но в том, чтобы рассматривать их как практики, которые систематически образуют объекты, о которых они говорят»¹. «Нация это именно то, что Фуко называл “дискурсивной формацией” (*formation discursive*) – не просто аллегория или плод воображения, это понятие беременно политической структурой. [...] Национализм – троп [то есть образное выражение. – А.М.] таких феноменов как “принадлежность”, “преданность”, но также и институциональное использование воображаемого», – писал в 1990 г. Тимоти Бреннан в сборнике «Нация и повествование», который стал, кажется, первой яркой демонстрацией возможностей нового подхода².

Кэтрин Вердери, развивая замечание Андерсона о нации как о наиболее универсальной легитимной ценности в политической жизни нашего времени³, посвятила специальную статью символической природе нации. По Вердери, особенность символа нации в том, что он пробуждает целый спектр мощных эмоций, будучи при этом, как всякий символ, неоднозначным и открытым различным

¹ Цит. по: Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. М., 1996. С. 427–428. Позднее, в «Воле к знанию», Фуко ввел еще одну важную, хотя и не получившую столь широкого распространения, как «дискурс», категорию для осмысления этой сферы социального, прямо связанную с отношениями власти, а именно *dispositif*. Заинтересованного читателя отсылаю к кн.: Фуко М. Воля к истине... С. 367–369.

² Brennan T. The National Longing for Form // Nation and Narration / Ed. by Homi K. Bhabha. London ; N.Y., 1990. P. 47.

³ Anderson B. Imagined Communities... P. 12.

интерпретациям. Вердери говорит о нации как о «базовом операторе в системе социальной классификации», как об «элементе политического и символично-идеологического порядка, а также социального взаимодействия и чувствования»¹.

Национализм Вердери определяет как «политическое использование символа нации через дискурс и политическую активность, а также как эмоции, которые заставляют людей реагировать на использование этого символа»². Национализм, таким образом, не стоит в одном ряду с идеологиями типа либеральной или социалистической и не сводим к одному из нескольких существующих в обществе политических движений. Невозможно, например, представить себе либерала-социалиста, если иметь в виду либерализм не как стиль поведения, но как систему ценностей. Между тем либералов-националистов, равно как социалистов-националистов, история представляет нам в неограниченном количестве³. В подавляющем большинстве случаев все политические акторы, хотя бы они того или нет, вынуждены вступать в борьбу за право утвердить в обществе свою интерпретацию ключевого для современного политического дискурса символа нации и тем самым становятся участниками националистического дискурса. Они борются за этот идеологический и мобилизационный ресурс, дабы достичь с его помощью тех или иных, в том числе либеральных или социалистических, авторитарных или демократических целей. «Тотальный отказ от национализма, – категорично утверждает Саймон Дюринг применительно к сегодняшнему дню, – ведет к отказу от эффективного политического действия»⁴. В XIX в. дело еще обстояло несколько иначе – национализм только утверждался в этом своем качестве

¹ *Verdery K. Whither “Nation” and “Nationalism”?* // *Daedalus*. Summer 1993. P. 37.

² *Ibid.* P. 38.

³ См., напр., как Ральф Дарендорф описывает политический спектр Германии конца XIX – начала XX в.: «В имперской Германии были национал-националисты, как [Генрих фон] Трейчке, национал-социалисты, как [Густав фон] Шмоллер, национал-либералы, как [Макс] Вебер, и множество версий и оттенков этих позиций, но все группы исповедовали примат национального». (*Darendorf R. Society and Democracy in Germany*. Westport, Conn.: Greenwood Press, 1969. P. 57.)

⁴ *During S. Literature – Nationalism’s other? The case for revision* // *Nation and Narration* / Ed. by Н.К. Bhabha. London ; N.Y., 1990. P. 139. Это означает, что все мы в той мере, в какой мыслим категориями нации и национальных интересов, являемся участниками этого дискурса. Следовательно, рефлексия по поводу характера собственной включенности в националистический дискурс должна быть своего рода регулярной гигиенической практикой для исследователя национализма.

в борьбе с другими, как старыми (религиозной и династической), так и новыми (классовой) формами политического дискурса. В России утверждение националистического дискурса как доминирующего встретило большие сложности, но во второй половине века его роль уже была очень заметной.

В рамках широко понятого националистического дискурса взаимодействуют и соревнуются друг с другом самые разнообразные по степени агрессивности, ксенофобности или терпимости интерпретации нации и национальных интересов. Это значит, что неверно говорить о французском, русском, польском или украинском национализме как о чем-то однородном. Вопрос в том, какие из интерпретаций нации и национальных интересов в тот или иной момент в том или ином обществе, в тех или иных социальных слоях становятся доминирующими, и почему? Такая постановка вопроса, среди прочего, практически дезавуирует традиционные классификации и периодизации развития национализма авторства Ганса Кона, Джона Пламенаца и Эрнеста Геллнера, в которых разные типы национализма имеют жесткую географическую привязку¹.

Другое очень важное методологическое следствие такой точки зрения – это трактовка понятий «национализм», «националист» как оценочно нейтральных. В советское время негативное значение этих терминов было строго фиксировано в оппозициях типа национализм (буржуазный) *contra* патриотизм (советский), космополитизм (ясно, что плохой), *contra* интернационализм (ясно, что хороший, пролетарский). Типологически сходные явления назывались так или иначе в зависимости от того, нравились они автору высказывания или нет. В соответствии с этим механизмом «наши» назывались разведчиками, а «их» – шпионами². Произвольно

¹ См.: *Kohn H. Nationalism: Its Meaning and History*. Princeton, N.J., 1955; *Kohn H. The Idea of Nationalism*. 2nd ed. N.Y., 1967 (о концепции Ганса Кона см.: *Kemilainen A. Nationalism: Problems concerning the Word, the Concept and Classification*. Yvaskyla, 1964); *Plamenatz J. Two Types of Nationalism // Nationalism. The Nature and the Evolution of the Idea / Ed. by E. Kamenka*. London, 1976; *Геллнер Э. Пришествие национализма. Мифы нации и класса // Путь*. 1992. № 1. Так, например, Том Нэйрн приводит убедительные аргументы в пользу того, что шотландский национализм, о котором нам еще предстоит не раз говорить, типологически близок к национализмам «малых» народов Центральной Европы (*Nairn T. Scotland and Europe // New Left Review*. Vol. 83 (January–February 1974). P. 57–82; цит. по изд.: *Becoming National. A Reader / Ed. by J. Eley and R.G. Suny*. N.Y. ; Oxford: Oxford UP. 1996. P. 79–104.

² См.: *Эпштейн М. Способы воздействия идеологического высказывания // Образ человека XX века*. М.: ИНИОН, 1988.

избирательное и имплицитно негативное употребление понятия «националист» до сих пор бытует, и отнюдь не только в России. Многие до сих пор утверждают, что патриот это человек, любящий свою родину, а националист – ненавидящий другие народы и страны. Добрые интенции таких высказываний несомненны, однако неясно, к какой категории в рамках этой классификации надо отнести, например, силезских немцев, которых любовь к родине, как они ее понимают, толкала и, хоть и все реже, но до сих пор толкает на достаточно агрессивные заявления в адрес Чехии и Польши, в составе которых их родина, из которой они были изгнаны, теперь находится. Ясно, что для научного исследования, посвященного анализу конфликта по поводу нации, тем более в Восточной Европе того времени, когда нации еще только формировались и часто претендовали на одну и ту же территорию, такая практика непригодна, потому что автоматически превращает текст в пропагандистский. *В этой книге определение кого-либо как националиста (будь то русского, польского или украинского) не означает ни положительной, ни отрицательной оценки. Националистами мы будем называть всех, кто участвует в националистическом дискурсе, то есть принимает и стремится так или иначе интерпретировать категории национальных интересов и нации как символические ценности.* Только проанализировав, что именно определенный персонаж понимает под нацией, как трактует национальные интересы и способы их осуществления, мы можем высказать о нем оценочное суждение. При этом критерием оценки должно быть не то, насколько симпатичен автору или читателям исповедуемый тем или иным персонажем идеал нации – это фактически означало бы сделать критерием оценки наш собственный *субъективный* идеал – а социальная цена тех способов осуществления национального проекта, которые наш персонаж считает допустимыми. Некоторая степень конфликтности и агрессивности свойственна любому мировоззрению и любой идеологической системе. Применительно к тем вариантам национализма, в которых эти качества доминируют и которым мы считаем нужным именно поэтому дать заведомо негативную оценку, мы будем пользоваться определениями «шовинистический», «ксенофобный».

Еще одно важное методологическое новшество последних лет наиболее четко сформулировано в статье Джона Холла «Национализмы: классифицированные и объясненные». Суть главного тезиса Холла отражена уже в названии работы, где говорится о национализмах во множественном числе. «Единая, универсальная

теория национализма невозможна. Поскольку прошлое различно, различаться должны и наши концепции», — пишет он¹.

В своих выводах Холл опирался на главное, может быть, достижение исследований национализма в 70–80-е годы. Оно заключается в формировании определенного консенсуса, ставшего плодом не совпадения, а различия позиций в вопросе о факторах, обусловивших возникновение национализма и «запустивших» процессы формирования наций. Так, Э. Геллнер делал акцент на роли индустриализма и формировании системы всеобщего стандартизированного образования, К. Дойч — на возникновении систем массовых коммуникаций, Б. Андерсон подчеркивал значение «печатного капитализма», «лингвистических революций» и новых способов видения мира, Ч. Тилли и М. Манн — роль государства и войн эпохи абсолютизма, М. Грох и Э. Хобсбаум отмечали роль интеллектуальных элит, Э. Смит — значение этнического, а Ю. Хлебкович роль эмоционального фактора². Плодом этого многоголосия стало осознание многочисленности факторов, влияющих на процесс формирования наций, бесконечного многообразия их сочетаний в истории и относительной значимости в этих сочетаниях.

Тезис Холла можно развить. Ни один национализм не существует вне противостояния другому, а иногда и ряду других национализмов, стремящихся утвердить свои иерархии идентичностей и ценностей³. Структура этих противостояний и взаимовлияний — а

¹ Hall J. Nationalisms: Classified and Explained // *Daedalus*. Summer 1993. P. 5.

² См.: *The Formation of National States in Western Europe* / Ed. by Ch. Tilly. Princeton, 1975; *Mann M. Sources of Social Power*. Vol. 2: *The Rise of Modern Nations and Classes, 1760–1914*. Cambridge, 1993; *Геллнер Э. Нации и национализм*. М., 1991; *The Invention of Tradition* / E. Hobsbawm, T. Ranger (eds.). Cambridge, 1983; *Hobsbawm E. Nations and Nationalism Since 1780: Programme, Myth, Reality*. N.Y., 1990; *Hroch M. Obrození malých evropských národů*. Praha, 1971; *Hroch M. Social Preconditions of National Revival in Europe*. Cambridge, 1985; *Chlebówczyk J. Procesy narodotwórcze we wschodniej Europie Środkowej w dobie kapitalizmu*. Warszawa ; Kraków: PWN, 1975 (сокращенная английская версия: *On Small and Young Nations in Europe*. Wrocław: Ossolineum, etc., 1980); *Chlebówczyk J. O prawie do bytu małych i młodych narodów. Kwestia narodowa i procesy narodotwórcze we wschodniej Europie Środkowej w dobie kapitalizmu*. Warszawa, 1983. Wyd. 2; а также уже цитированные работы упомянутых авторов.

³ Ключевое значение такого взаимодействия для «исторических» наций подчеркивали многие ученые. (См.: *Zernack K. Germans and Poles: Two cases of Nation-Building* // *Nation-Building in Central Europe* / Ed. H. Schultze. Leamington Spa, Hamburg, New York, 1992; *Greenfeld L. Nationalism. Five Roads to Modernity...*) Но это верно и для любых национализмов.

национализмы, несколько не стесняясь, заимствуют идеи, образы, тактику и у своих противников – каждый раз неизбежно имеет уникальные черты. Только выявив основные оппозиции и системы соотношения тех комплексов ценностей, которые утверждаются тем или иным национализмом, мы можем понять логику развития ситуации¹. В некотором смысле это борьба всех против всех, где столкновение происходит как внутри определенного националистического дискурса (между теми, кто признает определенную нацию как символическую ценность, но не согласен в вопросе об интерпретации национальных интересов), так и с другими, внешними по отношению к нему националистическими дискурсами, которые, в свою очередь, испытывают другие внешние воздействия и внутренние противоречия. Отсюда важное методологическое следствие – *необходимость ситуационного и коммуникативного подходов к изучению национализмов*. Более продуктивны анализ и классификация не отдельно взятых национализмов, но структур взаимодействия различных национализмов как на уровне идейных столкновений и влияний, так и на уровне политического взаимодействия различных национальных движений между собой и с государственными структурами.

Ценным дополнением к сказанному может служить исследование Питера Салинса, показавшего, как конфликт крупных политических сил обостряет проблему идентификации для локального сообщества, попадающего в его поле². Для нашей темы это очень важно, поскольку формирование идентичностей восточнославянского населения на территории современной Украины проходило в поле многовекового соперничества Речи Посполитой, Московского государства и Османской империи, а позднее – империи Романовых и польской шляхты.

Исследуя один из регионов Каталонии, разделенный франко-испанской границей, Салинс скорректировал образ строительства государства и нации как процесса, идущего исключительно из центра к периферии. Он показал, что уже с XVII в. этот процесс

¹ Этот метод применительно к изучению идеологических феноменов был подробно разработан Анджеем Валицким в его книге о славянофильстве. См.: *Walicki A. W kręgu konserwatywnej utopii. Struktura i przemiany rosyjskiego sławianofilstwa*. Warszawa, 1964 [укр. пер.: *Валицький А. В полоні консервативної утопії: Структура і видозміни російського слов'янофілства* / пер. з пол. В. Моренець. Київ: Основи, 1998. 710 с.].

² *Sahlins P. Boundaries. The Making of France and Spain in the Pyrenees*. Berkeley: Univ. of California Press, 1989.

был направлен в обе стороны. Центр не просто утверждал свои ценности в местных сообществах, но местные сообщества играли важную роль в формировании границ государств и наций. Каталонцы Сердании и Руссильона вовсе не были пассивны в выборе лояльности и использовании государства для собственных интересов. Взаимоотношения малороссов, и в первую очередь казачества, с Речью Посполитой, Московским царством, а позднее, Российской империей, их роль в формировании русской нации дают на редкость богатый материал для подтверждения этого тезиса.

Многие выводы Салинса развивают идеи, заметно раньше высказанные о формировании идентичностей в пространстве пограничья Ю. Хлебовчиком¹. Для нас особенно важно введенное Хлебовчиком различие «стыкового» и «переходного» пограничья. Первое из этих понятий означает пространство сосуществования резко различающихся этноязыковых групп (например, поляки – немцы, словаки – венгры), а второе – групп родственных (например, славянских)². Но исследование Салинса корректирует одну из основных ошибок Хлебовчика, полагавшего, что описываемые им процессы не характерны для Западной Европы, к которой он относил и Испанию³.

Сравнительно-исторический контекст

Итак, мы согласились с Бенедиктом Андерсоном, что нация есть воображенное сообщество. Довольно значительное время разделяет момент, когда нации впервые воображены, то есть когда проекты строительства наций сформулированы идеологами, и ту стадию развития национальных движений, когда формирование национальных идентичностей достигает уровня, позволяющего судить, какие из проектов оказались успешными, а какие потерпели неудачу. Начало этого хронологического отрезка в Российской империи приходится на 1820–1830-е годы, а завершается он уже при советской власти в 1920–1930-е. Этот период богат альтернативами, неизбежно вытекающими из конфликтов между различными проектами национального строительства.

Для того чтобы увидеть эти альтернативы, очень важно «эмансипировать» обращенный в прошлое взгляд от знания о последующих событиях. Объясняя, что имеется в виду, обратимся к

¹ *Chlebowczyk J. Procesy narodotwórcze...* S. 21–52.

² *Ibid.* S. 23.

³ *Ibid.* S. 10–14.

помощи Иммануила Валлерстайна, опубликовавшего в конце 80-х годов эссе под странным на первый взгляд названием «Существует ли Индия?»¹ Суть работы Валлерстайна сводится примерно к следующему. Мы хорошо знаем, что сегодня Индия существует и обладает достаточным набором атрибутов государства и, хоть это уже более проблематично, нации. Но что нам делать с книгами, озаглавленными, например, «История Индии XVI века»? Представим себе – и в этом не будет ничего невозможного, – что этот полуостров был колонизирован наполовину англичанами, а наполовину – французами. Тогда после деколонизации на полуострове наверняка возникли бы два государства. Одно из них, англоговорящее, могло бы называться, например, Дравидия, другое, франкоговорящее, Брахмания. В этом случае мы читали бы сегодня книги под названием «История Дравидии XVI века» или «Культура Брахмании накануне колонизации». Именно потому, что мы знаем о существовании Индии сегодня, мы проецируем это знание в прошлое. Такая практика – разумеется, не только в Индии – всемерно поощряется государственными структурами, использующими исторические мифы для легитимации нации-государства.

Допустив сравнительно небольшую долю упрощения, можно утверждать, что до сих пор существовало два способа рассказывать историю русско-украинских отношений в XIX в. В одном случае, это история о том, как в своем стремлении к самоопределению нация, подобно траве, пробивающейся сквозь асфальт, неизбежно преодолевает все препятствия, создаваемые антиукраинской политикой империи. В другом случае, речь идет о том, как, благодаря крайне несчастливому стечению обстоятельств, польская и австрийская интрига, используя в качестве сознательного или несознательного орудия немногочисленную и чуждую народным интересам группу украинских националистов, раскололи единое тело большой русской нации, воссозданное после объединения в составе Российской империи основной части земель бывшей Киевской Руси. Нельзя сказать, что сторонники этих подходов к теме делятся строго по национальному признаку, но ясно, что первый характерен для украинской историографии, а второй был особенно популярен в русской дореволюционной националистической литературе.

Я говорю здесь именно о дореволюционной русской литературе, потому что в советское время вопросами, относившимися, по

¹ *Wallerstein E. Does India Exist? // Wallerstein E. Unthinking Social Science. The Limits of Nineteenth-century Paradigms. Cambridge, 1995. P. 131–134.*

мнению начальников, к истории Украины XIX–XX вв., могли заниматься только «на месте». Впрочем, то, что писали в Киеве или Львове, Москва и коммунистические власти самой Украины строго контролировали. Изучение национализма вообще, а тем более национализма и процессов формирования наций в Российской империи, не говоря уже об СССР, отнюдь не поощрялось. Такая ситуация, кстати, вовсе не была уникальна. «Исследования национализма воспринимались как оппозиция существующему режиму в 60–70-е годы, поскольку режим делал акцент на единстве. Сам национализм почти совершенно игнорировался исследователями. [...] Характерно почти полное отсутствие сравнений со сходными процессами за границей». Это не об СССР – так описывает ситуацию в испанской историографии при франкистском режиме Хосе Нуньес¹. Ничего удивительного, что работа, которую читатель держит в руках, – первая книга о русско-украинских отношениях в XIX в., написанная в России после 1917 г.

Менее политически и эмоционально ангажированные «посторонние» историки в большинстве своем все же испытывают влияние одной из упомянутых концепций. При всех различиях у этих точек зрения есть одна общая черта – применительно к XIX в. они более или менее явно трактуют украинскую или большую русскую нацию не как проекты, но как уже консолидированные сообщества. Справедливости ради нужно сказать, что не все с таким подходом готовы согласиться – о невозможности представить историю Украины в рамках традиционного «национального» нарратива писал Марк фон Хаген². Однако опубликованные в том же номере журнала отклики на его статью свидетельствуют, что сопротивление подобному «ревизионизму» в среде историков достаточно сильно.

Очевидно, что любые «национальные» концепции истории в очень большой степени есть настоящее или идеальный образ будущего, опрокинутые в прошлое. В этом смысле они отражают интересы национальных политических элит. Политическое давление и заказ особенно ощутимы в новых, «национализирующихся»

¹ См. *Núñez X-M. Historical Research on Regional and Peripheral Nationalism in Spain: A Peappraisal. EUI Working Paper ESC No 92/6. Badia Fiesolana, San Domenico, 1992. P. 87–91.* Справедливости ради заметим, что работы по деконструкции английского и французского мифов «естественного и освященного веками» формирования этих наций тоже начали появляться не слишком давно, лишь в 1970-е годы.

² *von Hagen M. Does Ukraine Have a History? // Slavic Review. Fall 1995.*

государствах, к каковым принадлежат современные Россия и Украина¹. «Независимость Украины ставит вопрос о формировании и переформировывании идентичностей, и образ истории был и остается главным полем битвы в борьбе вокруг идентичности», – так определяет современную ситуацию в украинской историографии известный американский историк украинского происхождения Зенон Когут². Некоторые российские ученые также склонны сегодня воспринимать себя участниками сражения³.

Между тем первой жертвой таких сражений становится история как ремесло. История вообще должна стремиться ответить на два вопроса. Как «это» произошло? Почему «это» произошло? Второй вопрос неизбежно предполагает и такую формулировку: почему события и процессы развивались так, а не иначе? В применении к нашей теме это значит, что мы будем рассматривать исторически реализованный вариант развития русско-украинских отношений и формирования наций в Восточной Европе как *закономерный, но не предопределенный*. Таким образом, мы отвергаем детерминизм, свойственный одному из подходов, и, в то же время, отвергаем трактовку исторически реализованного варианта событий как несчастливой, противоестественной случайности, присущую другому. Исходными для нас становятся вопросы – в чем заключалась в

¹ Подробнее см.: *Миллер А.* Украина как национализирующееся государство // Pro et contra. Весна 1997.

² *Kohut Z.* History as a Battleground. Russian-Ukrainian Relations and Historical Consciousness in Contemporary Ukraine // The Legacy of History in Russia and the New States of Eurasia / S.F. Starr (ed.). Armonk, NY, London, Eng., 1994. P. 123.

³ Автору неизвестны новые публикации российских исследователей о русско-украинских отношениях рассматриваемого периода. Отметим лишь более общую статью В.С. Дякина (Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX в.) // Вопросы истории. 1995. № 9), в которой трактовка украинской проблемы (с. 135–136) нам близка. Весьма симптоматично, однако, что уже нашли энтузиасты, потрудившиеся переиздать многие из старых сочинений. См., например, сборник с работами А.И. Савенко, Т.Д. Флоринского и других противников украинофильства «Украинский сепаратизм в России. Идеология национального раскола» (М., 1998), а также написанную в дореволюционной традиции книгу русского эмигранта Н.И. Ульянова «Происхождение украинского сепаратизма» (М., 1996; первое изд. – New Haven, Conn., 1966). Обидно, что даже среди текстов этого направления для переиздания выбраны далеко не лучшие. При не меньшей тенденциозности, чем упомянутые сочинения, непереизданная книга С.Н. Щеголева «Украинское движение как современный этап южнорусского сепаратизма» (Киев, 1912) намного более ценна с точки зрения содержащегося в ней фактического материала.

XIX в. альтернатива исторически воплощенному сценарию, и почему эта альтернатива не была реализована?

Чтобы ответить на первый из этих вопросов, вернемся к уже цитированному нами эссе Валлерстайна об Индии. Автор заканчивает его замечанием, что более или менее похожую операцию «проблематизации прошлого» можно провести применительно к любой другой, в том числе и европейской, стране. Попробуем развить этот тезис. Итак, существуют ли Франция, Испания, Великобритания, Германия, Италия в том онтологическом смысле, который имел в виду Валлерстайн, спрашивая, существует ли Индия? В течение достаточно длительного времени, включая и XIX век, все упомянутые государства в разных исторических обстоятельствах и разными средствами решали в конечном счете одну и ту же задачу политической консолидации и культурной гомогенизации нации-государства.

В случае Германии и Италии политическая сторона проблемы была предельно обнажена – более мелкие разрозненные государства предстояло объединить. Исход этих усилий не был заведомо предопределен. «В заключительный период существования [Священной Римской] империи, в конце XVIII века, вполне можно было представить, что австрийская, прусская или баварская нации станут политической реальностью», – пишет Клаус Цернак¹. Другой немецкий историк Франц Шнабель считает, что альтернативность характерна и для XIX в.: «Шансы центральноевропейского решения [то есть широкой и относительно рыхлой федерации немецких государств. – *А.М.*] были столь же явно выражены в немецкой жизни, как и малое германское решение [то есть более тесное и более ограниченное географически объединение Германии Пруссии. – *А.М.*]. До появления Бисмарка все возможности оставались открытыми»².

Собственно, история австрийской нации, окончательно сформировавшейся лишь во второй половине XX в., показывает, что представление о том, где проходят границы немецкой нации, могло существенно меняться и позднее. Вовсе небезальтернативно было и формирование итальянской нации. Различия и противоречия между Югом и Севером, которые эксплуатирует современная Ломбардская лига, возникли отнюдь не в XX в. Так или иначе, ясно,

¹ *Zernack K.* Germans and Poles: Two cases of Nation-Building... P. 159.

² *Schnabel F.* Federalism Preferable to a National State // The Unification of Germany, 1848–1871 / O. Pflanze (ed.). Holt, Rinehart and Winston, N.Y., etc., 1968. P. 98.

что и Германия, и Италия могли «не состояться», по крайней мере, в том виде, в каком мы их знаем сегодня. Можно предположить, что в этих странах проблема объединения настолько доминировала в политической повестке дня в XIX в, что заблокировала появление политических движений, которые стремились бы формулировать партикуляристские националистические проекты, хотя культурные, исторические и языковые различия регионов давали для таких проектов вполне достаточно исходного материала.

Однако для последующих сравнений нам более важны примеры Франции, Британии, Испании, то есть тех государств, которые легко обнаружить на карте Европы и в XVIII в. Нет нужды специально доказывать этническую, культурную и языковую гетерогенность населения Великобритании и Испании. Вопреки весьма распространенному мифу, также и континентальная Франция в культурном и языковом отношении оставалась очень неоднородной в течение всего XIX в. Статистический обзор французского Министерства просвещения от 1863 г. свидетельствует, что по крайней мере четверть населения континентальной Франции не знала в то время французского языка. Французский не был тогда родным языком для примерно половины из четырех миллионов французских школьников. Опубликовавший этот документ Юджин Вебер приводит далее примеры, которые свидетельствуют, что Министерство, дабы продемонстрировать свои успехи, явно занижало число нефранкоговорящих¹. Практически весь юг и значительная часть северо-востока и северо-запада страны говорили на диалектах или наречиях, которым французы дали общее имя *patois*, по большей части настолько отличавшихся от французского, что парижским путешественникам не у кого было узнать дорогу. (Трудно представить себе в подобной ситуации путешествующего по Малороссии русского барина.) «Дева Мария, явившаяся Бернадетте Субиру в 1858 году, не нуждалась в переводчице, но сочла нужным обратиться к девочке на пиренейском диалекте Лурда», — замечает Юджин Вебер². Говорившие на местных диалектах крестьяне Бретани или Прованса отнюдь не были патриотами Франции, и вопрос о том, станут ли они французами, оставался открытым в течение большей части XIX в. Во второй половине XIX в. во Франции существовали достаточно активные группы интеллектуалов

¹ Weber E. Peasants into Frenchmen. The Modernization of Rural France, 1870–1914. Stanford, Cal.: Stanford UP, 1976. P. 67–69.

² Ibid. P. 74–75.

(фелибры и ново-кельтское движение), стремившиеся превратить *patois* в стандартизированные языки, что было типичным шагом националистов Центральной и Восточной Европы на пути к созданию «собственных» наций.

Отнюдь не были патриотами Британии и жители Шотландии, в особенности ее горных районов (*Highlands*). Вооруженный знанием последующих событий и не свободный от эмоциональной ангажированности шотландец Том Нэйрн называет шотландских романтиков 1850-х и автономистское движение конца века (*Home rule movement*) лишь предшественниками шотландского национализма¹, но вернее все же будет определить эти явления как умеренный и во многом самоограничивавшийся национализм². Пример Ирландии и вовсе показывает, что британские усилия по консолидации нации-государства могли терпеть жестокие поражения. Во всех этих государствах возможность различного исхода борьбы консолидирующей и центробежной тенденции сохранялась долгое время после того, как национализм стал одной из доминирующих концепций политики, по крайней мере, в том смысле, что далеко не все регионы современных Испании, Великобритании и Франции непременно должны были стать частью этих наций-государств.

Каждое из этих государств, применительно к условиям и собственным возможностям, использовало разную стратегию национального строительства и добилось существенно различных результатов. Наиболее максималистская ассимиляторская в культурном и языковом отношении, централизаторская в административном аспекте программа была осуществлена во Франции. Ю. Вебер подробно описал, как французское правительство использовало административную систему, школу, армию и церковь в качестве инструментов языковой и культурной ассимиляции. Не останавливалась Франция и перед применением административных запретов и практик жесткого психологического давления³. Закон, впервые разрешивший факультативное преподавание в школе местных языков, был принят во Франции лишь в 1951 г. Впрочем, сравнительная эффективность экономического развития и довольно щед-

¹ *Nairn T. Scotland and Europe // Becoming National. A Reader / J. Eley and R.G. Suny (eds.). NY ; Oxford: Oxford UP, 1996. P. 81.*

² См.: *Smouth T.C. A Century of the Scottish People, 1830–1950. London, 1988.* О том, как большинство шотландцев заблокировало в конце XIX в. попытки националистов ввести преподавание на гэльском вместо английского.

³ См., например: *Reece J.E. The Bretons against France. Ethnic Minority Nationalism in Twentieth-Century Brittany. Chapel Hill, 1977. P. 30–32.*

рая материальная поддержка французским государством локальных сообществ играли не менее важную роль в успехе ассимиляции, чем репрессивные меры¹. Испания, следовавшая в целом французской модели, добилась заметно более ограниченных результатов из-за отставания в экономическом развитии и сравнительной слабости государственной власти. В результате сегодня по французскую сторону границы каталонцы называют себя если не французами, то, во всяком случае, *французскими* каталонцами, в то время как по испанскую сторону каталонцы все более очевидно отдают предпочтение каталонской идентичности как национальной, противостоящей испанской².

Английская стратегия была дифференцированной. В Ирландии политика была очень близка к колониальной – репрессивная составляющая безусловно доминировала. Провинция управлялась как оккупированная территория, и террор был легитимизирован специальными актами. В Шотландии англичане подавляли восстания якобитов³ не менее жестоко, чем Петр I преследовал сторонников Мазепы. После разгрома последнего восстания в 1746 г. английские войска в течение нескольких месяцев без суда убивали любого шотландца-горца, которого им удавалось поймать. Всерьез обсуждалось предложение перебить всех женщин детородного возраста из якобитских семей, а командующий английскими войсками в Шотландии требовал для себя официальных полномочий казнить подозрительных и конфисковывать их собственность⁴. Однако с конца XVIII в., во многом опираясь на уже достигнутые ре-

¹ *Weber E.* Peasants into Frenchmen... P. X; *Sahlins P.* Boundaries. The Making of France and Spain in the Pyrenees. P. 282–285.

² *Sahlins P.* Boundaries. The Making of France and Spain in the Pyrenees. P. 290–291.

³ Якобитами назывались шотландские сторонники свергнутого в 1688 г. короля Якова II Стюарта, которые в 1715 и 1745 г. поднимали восстания против англичан. В течение XVIII в. они получали поддержку из Франции.

⁴ *Velychenko S.* Empire Loyalty and Minority Nationalism in Great Britain and Imperial Russia, 1707 to 1914: Institutions, Laws, and Nationality in Schotland and Ukraine // *Comparative Studies in Society and History*. Vol 39, No. 3, July 1997. P. 419–422. Величенко вообще дал очень хороший обзор английской политики в Шотландии и обширную библиографию проблемы. В его сравнении английской политики в Шотландии с российской политикой на Украине также есть немало интересных наблюдений, однако со многим в его интерпретации российской политики в XIX в. и с рядом его выводов нам придется спорить. Впрочем, Величенко сам признает, что многие проблемы русско-украинских отношений исследованы недостаточно и что это затрудняло его работу.

зультаты по ассимиляции равнинной Шотландии, Англия переходила к легалистским формам правления¹. Притягательность Англии, мирового лидера в экономическом и политическом развитии того времени, а также карьерные и предпринимательские возможности, открывавшиеся для шотландцев в рамках Британской империи, привели к тому, что уже в XIX в. националистические движения не получали в Шотландии сколько-нибудь значительной поддержки. Требования преподавания в школах на гэльском языке выдвигались, но Англии уже не приходилось вмешиваться – они отвергались самими шотландскими элитами.

Стремление «сделать французами» всех жителей Франции понималось как стремление совершенно подавить региональную идентичность. Наполеон отнюдь не случайно заменил все исторические названия департаментов на сугубо формальные географические, связанные с названиями протекающих по их территории рек. Но стремление утвердить британскую идентичность, по крайней мере, в XIX в., совершенно не предполагало сделать всех жителей Британии англичанами. Важно было, чтобы шотландская или валлийская идентичность функционировала как региональная, то есть не отрицающая общebritанскую и не выдвигающая требования отдельного государства. Целью была не тотальная, но частичная ассимиляция, которую Хлебовчик называет полуассимиляцией или «культурной гибридизацией»².

«В рамках государственного национализма государство стремится минимизировать внутреннюю этническую разнородность, растворяя через фольклоризм или устраняя с помощью комбинации образования и репрессий этнические эмоции, которые могли бы послужить основой для этнонационалистических требований. Поскольку «национальные культуры», которые большинство государств пытается утвердить, на деле являются доминирующими культурами правящего ядра (юго-восток Англии в Соединенном королевстве, Кастилия в Испании, регион Парижа во Франции и т.д.), их приходится поддерживать с помощью идеологий, основанных на политическом национализме», – так обобщает западноевропейский опыт Джозеф Йобера³. При всех различиях воплощения этой

¹ Наиболее целостный анализ британской стратегии строительства нации дала Линда Колли. См.: *Colley L. Britons. Forging a Nation. 1707–1837. Yale UP, 1992.*

² *Chlebowczyk J. Procesy narodotwórcze... S. 29.*

³ *Llobera J.R. The God of Modernity. The Development of Nationalism in Western Europe. Berg, Oxford UK; Providence, USA, 1994. P. 214.*

политики в разных государствах можно выделить общую «программу-минимум» – утверждение единого языка высокой культуры, администрации и образования, а также общенациональной идентичности, которая могла подавлять региональные отличия, а могла и терпеть их, но лишь как подчиненные.

Какое отношение все это имеет к нашей теме? До сих пор процессы формирования наций в Российской империи сравнивались главным образом с империей Габсбургов¹. Такое сравнение следует признать продуктивным для изучения национальных движений ряда угнетенных народов империи Романовых, но абсолютизация его, в особенности применительно к русско-украинским отношениям, может привести к ложным результатам. В этом сравнительном контексте упускается из виду, что ситуация в Австрийской империи – то есть характер политического режима, этнический баланс и ориентация австрийских немцев на проект большой германской нации – крайне затрудняла постановку правящими кругами задачи консолидации так или иначе определенного ядра империи в нацию-государство. (Только после принятия в 1844 г. закона об исключительных правах венгерского языка в землях короны св. Стефана и дуалистического соглашения 1867 г. венгерская политическая элита получила такую возможность и немедленно ею воспользовалась.)

Франция, Испания и Британия тоже были империями, но не континентальными, как империи Габсбургов и Романовых, а морскими. Процесс консолидации нации-государства проходил главным образом в метрополиях, отделенных от большинства своих колоний морем. Примеры Алжира и Ирландии показывают, что это правило не без исключений, но в целом море заметно облегчало элитам этих империй вычленение ядра как пространства для строительства нации, хотя по сути дела континентальные Франция и Испания, равно как и островная Британия тоже были империями, а не гомогенными метрополиями. Неассимилированные в культуру доминирующего центра крестьяне вполне в традициях колониаль-

¹ См., например: Nationalism and Empire. The Habsburg Monarchy and the Soviet Union / R. Rudoph and D. Good (eds.). New York: St. Martin Press, 1992; *Subtelny O.* The Habsburg and Russian Empires: Some Comparisons and Contrasts // Empire and Society. New Approaches to Russian History / Teruyuki Hara and Kimitaka Matsuzato (eds.). Sapporo: Slavic Research Center, Hokkaido Univ., 1997.

ного дискурса описывались как дикари и сравнивались с американскими индейцами¹.

Для участников событий второй половины XIX в. в России аналогия между проблемами, которые становились актуальны в связи с появлением украинского национального движения, и ситуацией в крупных западноевропейских странах того времени представлялась неизбежной. Практически все, кто писал об «украинском вопросе», считали нужным определить свое отношение к этому сравнению. Разумеется, это не было сравнение «без гнева и пристрастия». Противники украинского движения использовали его как один из главных аргументов в пользу неуместности, невозможности или вредности притязаний украинских националистов. Кажется, первым, кто прямо сравнил украинский с *patois*, был В.И. Ламанский в славянофильском «Дне»². Впоследствии активно использовал это сравнение главный гонитель украинофилов М.Н. Катков. Украинофилы (Н.И. Костомаров, М.П. Драгоманов) и те русские публицисты, кто соглашался с их мнением (Н.Г. Чернышевский), напротив, доказывали обычно неприменимость этой аналогии. Однако тот же Драгоманов в 1875 г., еще до эмиграции, опубликовал большую статью «Ново-кельтское и провансальское движение во Франции», где, напротив, настойчиво эту аналогию проводил. Все дело в том, что в этой статье он старался показать, что регионалистские националистические движения постепенно получают во Франции признание и добиваются удовлетворения своих требований, и ставил воображаемое изменение французской политики в пример российским властям и общественному мнению³.

Уже в конце жизни, в 1891 г., Драгоманов снова вернулся к этой теме в своей знаменитой работе «Размышления чудака об украинском национальном вопросе». Эта статья была написана по-украински и представляла собой полемику с тем сортом малообразованных украинских националистов, которые, по мнению Драгоманова, дискредитировали и дезориентировали движение тенденциозностью и примитивизмом своих писаний. Четвертый раздел работы весь посвящен сравнению русификаторской политики с политикой крупных

¹ См, например: *Weber E. Peasants into Frenchmen...*; *Hechter M. Internal Colonialism. The Celtic Fringe in British National Development. 1556–1966.* Berkeley: Univ. of Calif. Press, 1975.

² День. 1861. № 2 (21 октября). С. 15. В том же духе, но не используя подобных сравнений, рассуждал о «малорусском наречии» еще в начале 1840-х В.Г. Белинский.

³ Вестник Европы. 1875. № 8. С. 703, 706, 727.

европейских государств. Вывод Драгоманова таков: «Русификация не является системой, которая вытекает из национального духа великоруссов или из именно российской государственной почвы. Она, по крайней мере, в значительной своей части, есть следствие определенной фазы общеевропейской государственной политики. Особенным российским элементом в теперешней системе русификации можно считать определенную брутальность, которая проявляется, например, в возвращении униатов в православие или запрете украинской литературы. Но и эта брутальность представляется российской особенностью только для нашего XIX в., потому что в XVII–XVIII вв. отношение Людовика XIV к гугенотам или англичан к шотландцам-горцам были еще более брутальными. Даже теперь, если сравнить отношение российского самодержавного, то есть архаичного, правительства к униатам и украинцам с отношением конституционного венгерского правительства к словакам, еще неизвестно, кому надо будет отдать пальму первенства на этом конкурсе брутальности»¹. В литературе XIX в. эта работа Драгоманова дает наиболее подробную разработку сравнительного контекста для рассмотрения политики российских властей в украинском вопросе.

Историки XX в. до недавних пор если не совершенно игнорировали это сравнение, то, во всяком случае, не разрабатывали его всерьез². Объясняется это во многом тем, что знание «пред-

¹ Драгоманов М. Чудацькі думки про українську національну справу // Драгоманов М.П. Вибране. Київ: Либідь, 1991. С. 533–534.

² Аналогии между украинским движением, с одной стороны, и шотландским, уэльским, провансальским движениями – с другой, можно встретить в работах И. Рудницкого (см.: *Rudnytsky I. Essays in Modern Ukrainian History...* P. 25, 395). В пользу сравнения языковой политики государства в России с Францией, Британией и Испанией решительно высказались в 1992 г. Д. Лэйтин и его соавторы. Преобладающее в историографии мнение о принципиальном различии процессов формирования наций на Востоке и Западе Европы они обозвали «синдромом ориентальной исключительности», хотя точнее было бы говорить о синдроме «окцидентальной исключительности», поскольку именно западные исследователи национализма, в частности Г. Коң, настойчиво подчеркивали особый, включающе-гражданский характер национализма в Западной Европе, противопоставляя его национализму в Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европе (см.: *Laitin D.D., Petersen R., and Slocum J.W. Language and the State: Russia and the Soviet Union in Comparative Perspective // Thinking Theoretically About Soviet Nationalities. History and Comparison in the Study of the USSR / A.J. Motyl (ed.). N.Y.: Columbia UP, 1992. P. 129–130*). Однако разработка этого тезиса в их статье применительно к истории XVIII и XIX в. оказалась неглубокой, отчасти, вероятно, из-за того, что авторы не

стоящего прошедшего», то есть хода событий после изучаемого ими периода, в очередной раз сузило оптику исследователей: раз развитие пошло иначе, значит – аналогия с самого начала не имеет смысла. Позволим себе не согласиться с таким подходом. Если изначальная структура проблемы допускала такое сравнение – а для современников, не знавших, как будут развиваться события, это не подлежало сомнению, – то отбрасывать его было бы в высшей степени непродуктивно. Потому что именно в рамках этого сравнения и нужно искать ответ на ключевой для историка вопрос: почему реализовался тот, а не другой из теоретически возможных вариантов. Именно сравнение неудачника с теми, кто смог более или менее успешно решить сходные задачи, и позволит понять причины этой неудачи.

Проект «большой русской нации»

Попробуем более подробно «вписать» русско-украинские отношения в этот непривычный сравнительный контекст. Для этого надо ответить на ряд вопросов. Во-первых, а был ли в сознании правителей империи и русских элит образ такой нации, которая занимала бы ядро империи, и какое место принадлежало в нем Украине?

являются специалистами в этой области. Среди историков, специально занимающихся нашими сюжетами, на плодотворность сравнения русско-украинских отношений с процессами во Франции и других странах Западной Европы указал тогда же, в 1992 г., в написанной, но опубликованной лишь в 1998-м статье Андреас Каппелер (см.: *Kappeler A. Die ukrainische Nationalbewegung im Russischen Reich und in Galicien: Ein Vergleich // Entwicklung der Nationalbewegungen in Europe 1850–1914 / H. Timmermann (Hrsg.). Berlin, 1998. S. 195–196*). Уже цитированная статья Стивена Величенко, в которой проводится сравнение русско-украинских и англо-шотландских отношений, опубликована в 1997 г. Автор этой книги представил ее программу в 1996-м на проводившейся в Москве конференции «Россия – Украина: история взаимоотношений», а в 1997-м опубликовал на ее основе статью «Россия и русификация Украины в XIX веке» (Россия – Украина: история взаимоотношений / под. ред. А. Миллера, В. Репринцева, Б. Флори. М., 1997). Тогда же, в 1997 г., Роман Шпорлюк говорил о русско-украинских отношениях в сравнительном контексте с европейскими державами в статье «Украина: от периферии империи к суверенному государству» (Украина и Россия: общества и государства / под. ред. Д.Е. Фурмана. М., 1997; см. там же мою статью «Россия и Украина в XIX – начале XX века: непредопределенная история»). Шпорлюк также говорит о соревновании русского и украинского проектов национального строительства, но мы не согласны с его интерпретацией русского проекта как либо сугубо имперского, либо сугубо этнического, то есть великорусского.

Для того чтобы понять не лишнюю некоторой иронии логику происходившего, нам придется обратиться вглубь истории, ко второй половине XVII в. В 1674 г, ровно через 20 лет после перехода Левобережной Украины под власть московского царя, в Киеве был впервые напечатан «Синописис», сочинение одного из местных православных иерархов, предположительно архимандрита Киево-Печерской лавры Иннокентия Гизеля. В книге говорилось о единстве Великой и Малой Руси, о единой государственной традиции Киевской Руси, об общей династии Рюриковичей, и о едином «русском» или «православнороссийском» народе¹.

Вполне вероятно, что автор «Синописиса» преследовал достаточно сиюминутные конкретные цели: во-первых, дать московскому царю мотивацию для продолжения борьбы с Речью Посполитой за освобождение из-под власти католиков остальной части «единого православного народа», а во-вторых, облегчить элите Гетманщины инкорпорацию в русское правящее сословие. (А это отнюдь не были в то время вещи само собой разумеющиеся – достаточно сказать, что московские церковные власти требовали повторного крещения даже от православных духовных лиц, переселявшихся в Московию из Малороссии до Переяславской рады, поскольку не считали их православие вполне безупречным².)

В данном контексте для нас неважно, насколько эффективно «Синописис» способствовал решению этих задач. Важно отложенное влияние этого текста, который, по существу, вплоть до 1760-х годов оставался единственной в России учебной книгой по истории. Очень широкое распространение и устойчивый покупательский спрос на «Синописис» в России XVIII в. показаны в прекрасно документированном исследовании А.Ю. Самарина. «Положение единственной печатной книги по отечественной истории объясняет наличие “Синописиса” практически во всех крупных книжных собраниях видных деятелей эпохи, известных на сегодняшний день», – пи-

¹ Подробно о роли «Синописиса» в формировании концепции единства Великой и Малой Руси см.: *Когут З. Питання українсько-російської єдності та української окремішності в українській думці і культурі ранньомодерного часу // Когут З. Коріння ідентичності. Студії з ранньомодерної та модерної історії України. Київ: Критика, 2004. С. 133–168.*

² Подробно см.: *Keenan E.L. On Certain Mythical Beliefs and Russian Behaviors // The Legacy of History in Russia and the New States of Eurasia / S.F. Starr (ed.). Armonk, New York and London, 1994; Keenan E.L. Muscovite Perceptions of Other East Slavs before 1654: An Agenda for Historians // Ukraine and Russian in Their Historical Encounter / P. Potychny et al (eds.). Edmonton, 1992.*

шет он¹. В качестве чтения «для народа» «Синописис» сохранял популярность вплоть до середины XIX в. К этому времени он выдержал уже около 30 изданий. Замечательно, что, несмотря на многочисленность изданий и их значительные тиражи, «Синописис» оставался самым популярным предметом рукописных копий². Именно «Синописис» лежит у истоков Русского Исторического Нарратива. В.Н. Татищев прямо указывает на «Синописис» как на один из источников своих взглядов³. «Дух “Синописиса” царит и в нашей историографии XVIII в., определяет вкусы и интересы читателей, служит исходной точкой для большинства исследователей, вызывает протесты со стороны наиболее серьезных из них, – одним словом, служит как бы основным фоном, на котором совершается развитие исторической науки прошлого столетия», – писал П.Н. Милюков⁴. Хотя отношение к «Синописису» как историческому сочинению со временем становилось все более критическим, те элементы его схемы, которые относятся к единству Великой и Малой Руси, можно найти у всех авторов «Историй России» от Карамзина до Соловьева и Ключевского⁵.

Вообще, культура, известная нам сегодня под названием русской, была в XVIII-м и первой половине XIX в. плодом совместного творчества элит русской и украинской⁶, если позволительно воспользоваться понятиями более позднего времени применительно к той эпохе, а вернее будет все же сказать великорусской и малорусской⁷. Именно с этим совместным наследием пришлось потом

¹ Самарин А.Ю. Распространение и читатель первых печатных книг по истории России (конец XVII – XVIII век). М., 1998. С. 58.

² Там же. С. 128; Апанович Е.М. Рукописная светская книга XVIII века на Украине // Исторические сборники. К., 1983. С. 65.

³ Татищев В.Н. История Российская. Ч. 1. Л., 1962. С. 433.

⁴ Милюков П.Н. Главные течения русской исторической мысли. СПб., 1913. С. 7.

⁵ Роль русских историков XIX в. в развитии русского национализма подчеркнута в: Kappeler A. Bemerkungen zur Nationalbildung der Russen // Die Russen. Ihr Nationalbewusstsein in Geschichte und Gegenwart / A. Kappeler (Hg.). Köln, 1990. S. 24.

⁶ Лиа Гринфелд, говоря о XVIII в., отмечает, что «не менее 50 % русских националистов первого призыва были украинцами» (Greenfeld L. Nationalism. Five Roads to Modernity. Cambridge, Mass., 1992. P. 237).

⁷ Н.С. Трубецкой позднее даже пытался отстаивать тезис, что в XVIII в. малорусская культура фактически вытеснила, заменила московскую (см. его статьи «К украинской проблеме» и «Ответ Д.И. Дорошенко» в кн.: Трубецкой Н.С. История. Культура. Язык. М., 1995). В то же время Эдвард Л. Кинан склонен считать, что восприятие малорусской культуры в Московской Руси было поверхностным

бороться украинским националистами, в том числе М.С. Грушевскому, много сил отдавшему критике сочиненной в Киеве «традиционной схемы русской истории»¹.

Господствующие в континентальных империях этнические группы испытывали в эпоху пришествия национализма серьезные трудности с разграничением традиционной, наднациональной (а точнее донациональной и надэтнической) империи, с одной стороны, и собственно нации и Родины, понимаемой как национальная территория, с другой. В Османской империи это противоречие к концу XIX в. породило три идеологических ответа – пантюркизм, то есть расовую; османскую, то есть традиционную имперско-династическую; и младотурецкую, то есть националистическую, – идеологии. В России схожая ситуация возникла даже раньше: панславизм, идеология российского империализма и русский национализм развивались в противоречивой атмосфере соперничества и взаимовлияния. *Националистические мотивы в русском общественном мнении постепенно становились все более актуальными во второй половине века, чему способствовали господство национализма в Западной Европе того времени и конфликт сперва с польским, а затем и с другими национальными движениями в самой Российской империи.*

Многие исследователи, обсуждавшие в своих работах русский национализм и русификацию, обращали внимание на то, что оба эти понятия используются для обозначения целой группы разнородных взглядов и практик. Эдвард Таден выделял спонтанную русификацию элит, «административную русификацию» как часть политики абсолютистской административной централизации второй половины XVIII в., и, наконец, насильственную русификацию (стремление насадить русский язык и православие) в XIX и начале

(см.: Keenan E.L. On Certain Mythical Beliefs and Russian Behaviors...). Истина, наверное, лежит где-то посредине между этими полярными точками зрения, и ближе к ней Д. Сондерс и другие авторы, писавшие о серьезном взаимовлиянии малорусской и великорусской культур (см.: Saunders D. Ukrainian Impact on Russian Culture 1750–1850. Edmonton, 1985; Дзюба О. Українці в культурному житті Росії (XVIII століття): причини міграції // Россия – Украина: история взаимоотношений / под. ред. А. Миллера, В. Репринцева, Б. Флори. М., 1997). Совершенно прав Р. Шпорлюк, когда поправляет Л. Гринфелд, считающую, что выходцы из Малороссии «выковывали великорусское национальное самосознание», и указывает, что русскость того времени отнюдь не равна русскости в ее современном понимании (см.: Шпорлюк Р. Украина: от периферии империи к суверенному государству... С. 49).

¹ См.: Грушевський М.С. Звичайна схема «русської» історії й справа національного укладу історії східного слов'янства. СПб., 1904.

XX в.¹ Тот же Таден писал о русском «консервативном», «романтическом», «бюрократическом» национализмах². Андреас Каппелер определял главные разновидности русского национализма как «реакционно-антисемитскую, консервативно-православную и либерально-конституционную»³. В рамках этой классификации можно говорить и о «революционно-демократическом» национализме. По сути дела она, предвосхищая уже обсуждавшийся тезис Вердери, отражает различия в интерпретации нации и национальных интересов в различных идеологических системах и стилях мышления⁴. Дитрих Гейер писал о различных функциях и вариантах русского национализма⁵. Каппелер говорил о неясности самой концепции русской нации: в нее могли включаться 1) все подданные Империи; 2) члены привилегированных сословий (в соответствии с предмодерной концепцией *natio*); 3) русские православные (имеются в виду великоруссы) или 4) все восточные славяне, в духе традиционного значения понятия «Русь»⁶.

Попробуем все это упорядочить применительно к нашим задачам. Это значит, что мы попытаемся выстроить систему возможных идеологических реакций на проблему соотношения государства и нации в царской России, обращая преимущественное внимание не на социально-политические аспекты концепций, но на их отношение к проблеме пространственных и этнических границ нации и к желательному типу государственных отношений, как то империя, унитарная нация-государство, федерация, ряд независимых государств. Эти реакции мы будем рассматривать как «идеальные типы», то есть логически целостные и последовательные. В жизни, конечно, они чаще выступали в незаконченных или сме-

¹ Russification in the Baltic Provinces and Finland / E.C. Thaden (ed.). Princeton, N.J.: Princeton UP, 1981. P. 8–9; Thaden E.C., Thaden M.F. Russification in Tsarist Russia // Interpreting History: Collective Essays on Russia's Relations with Europe. N.Y.: Boulder, 1990. P. 211–220.

² Thaden E.C. Conservative Nationalism in Nineteenth-Century Russia. Seattle: Univ. of Washington Press, 1964.

³ Kappeler A. Einleitung // Die Russen. Ihr Nationalbewusstsein in Geschichte und Gegenwart / A. Kappeler (Hg.). Köln, 1990. S. 9.

⁴ О категории «стиль мышления» см.: Манхейм К. Консервативная мысль // Манхейм К. Диагноз нашего времени. М., 1994.

⁵ Geyer D. Funktionen des russischen Nationalismus // Nationalismus / H.A. Winkler (Hrsg.). Königstein, 1978. S. 173–186.

⁶ Kappeler A. Bemerkungen zur Nationalbildung der Russen // Die Russen. Ihr Nationalbewusstsein in Geschichte und Gegenwart / A. Kappeler (Hg.). Köln, 1990. S. 21.

шанных формах, хотя и для наших «идеальных типов», как правило, можно подобрать реальные примеры.

Во-первых, вполне можно было быть российским империалистом, не будучи при этом русским националистом. Собственно, российские императоры долгое время и были таковыми, заботясь о сохранении империи прежде всего как родовой собственности. Можно было быть русским националистом, отрицая империю, считая, что ее сохранение наносит ущерб интересам русской нации, и видя будущее в создании на этом пространстве ряда независимых национальных государств, в том числе русского национального государства. Между этими полюсами помещается целый ряд других возможных позиций.

Стремление к сохранению и даже расширению империи могло сочетаться с национализмом, то есть рассматриваться как соответствующее интересам русских. Идеологическое оформление этого тезиса могло идти по линии «национального эгоизма», но также и через идею «цивилизационной миссии». Экспансия могла обосновываться и через панславизм, который в своей «демократической» версии предполагал растворение империи в более обширном союзе славянских народов. Сохранение империи можно было видеть через ее русификацию и превращение из империи в нацию-государство. При этом одни считали, что это осуществимо в условиях самодержавия, и делали акцент на традиционных формах русификации, то есть обращении в православие, становясь в определенном смысле в оппозицию принципам современного национализма. Другие, в большем соответствии с националистическими принципами, полагали, что путь к цели лежит через демократизацию и ускорение экономического развития, создающие более благоприятные условия для языковой и культурной ассимиляции.

Можно было и проводить различие между русской нацией как ядром империи и «национальными окраинами», отказываясь от стремления их тотально русифицировать. (Логика первого подхода предполагает, например, что школа по всей империи должна быть инструментом русификации и все обучение вести на русском, сторонники же второго видели русский лишь одним из предметов преподавания в нерусских окраинах, не предполагая тотального вытеснения из школы местных языков.)

Признание того, что формирующаяся русская нация не равна империи, но меньше ее, было более реалистичной точкой зрения. В тех случаях, когда она сочеталась со стремлением к сохранению государственного единства, представления о способах достижения

этой цели могли различаться. Для одних это равнялось сохранению старого режима. Были люди, которые, напротив, считали национальные конфликты следствием политики самодержавия и верили, что государственное единство всей или, по крайней мере, основной части империи будет автоматически обеспечено при условии ее демократизации и федерализации. Третьи считали, что единство государства можно сохранить, лишь опираясь в той или иной степени на силу, но уже не династии или не столько династии, сколько русской нации как «государствообразующей». *Вне зависимости от того, как относились к империи те люди, которые признавали, что русская нация ей не равна, они неизбежно вставали перед проблемой определения того, что есть русскость, и где границы этой русской нации.*

Русскость могла пониматься как обозначение культурной или этнической общности. В первом случае она была открыта для всех «обрусевших», во втором – нет. Когда чеховский Тузенбах в «Трех сестрах» говорит о том, что он русский, потому что родной язык у него русский и крещен он православным, он отстаивает трактовку русскости именно как культурной общности в противовес этнической. «Плохая» немецкая фамилия делает его русскость в рамках этнической трактовки этого понятия сомнительной.

Но и границы русской этнической общности также понимались в XIX в. по-разному. Трактовка понятия «русский» как равного понятию «великорусс» имела место, но не была доминирующей. Русский образ национальной территории или «идеального Отечества» сформировался в остром конфликте с соответствующей польской концепцией. Для поляков «идеальной Родиной», то есть какой она должна быть «по справедливости», была Речь Посполитая в границах 1772 г. Таким образом, польский образ «идеального Отечества» включал заметную часть территорий с преобладанием восточнославянского населения (современная Белоруссия и часть современной Украины), которые русское общественное сознание считало «исконно русскими». Именно это взаимное наложение «идеальных Отеществ» и делало польско-русский конфликт непримиримым, а концепция большой русской нации, объединяющей Великую, Малую, Белую и Червонную Русь и уходящей корнями в Русь Киевскую, была главным идеологическим основанием для русской позиции в этом конфликте¹.

¹ О роли «польского фактора» в русско-украинских отношениях см.: Kappeler A. Russland als Vielvolkerreich: Entstehung, Geschichte, Zerfall. Munchen:

Территория современной Украины превратилась в XIX в. в объект настоящей терминологической войны. Поляки называли земли, занятые Российской империей в результате разделов Речи Посполитой *kresy wschodnie* (восточные окраины Речи Посполитой). В России об этой территории говорили как о *Западном крае*. При этом различались *Юго-Западный край*, включавший Подольскую, Волынскую и Киевскую губернии, и собственно Западный с Виленской, Ковенской, Могилевской, Минской и Витебской губерниями. Земли на левом берегу Днепра называли *Малороссией*, а Причерноморье – *Новороссией*. В целом территория современной Украины часто называлась *Южной Русью*. Особое название существовало при этом для Восточной Галиции – *Червоная Русь*.

Такая же ситуация была и с терминами, использовавшимися для обозначения православного и униатского населения современной Украины. Поляки называли их *rusini*, непременно с одним «с», в то время как для великоруссов использовалось слово *moskali*¹. До середины XIX в. среди поляков преобладала точка зрения, отрицавшая этническую инаковость русинов и объявлявшая их такой же частью польского народа, как, например, мазуры. Постепенно все больше поляков начинает поддерживать украинскую идею как подрывающую целостность главного противника польского национального движения – Российской империи.

В Москве и Петербурге предков современных украинцев называли *малороссами* или *малороссиянами*, иногда *русскими* или *русинами*, непременно с двумя «с», чтобы подчеркнуть их единство

С.Н. Векс, 1992. С. 179; Шпорлюк Р. Украина: от периферии империи к суверенному государству... С. 55–63.

¹ В среде малороссов понятие *москаль* также было весьма распространено, но претерпевало любопытную эволюцию. В отличие от польского *moskal*, обозначающего всех великороссов, малорусский *москаль* относился только к чиновнику, офицеру и солдату, то есть к «госслужащим». Наиболее типичной чертой *москаля* в малорусских поговорках выступает склонность к обману и вообще пройдошливость. При ближайшем рассмотрении облик *москаля* оказывается очень близок к облику солдата из великорусских сказок, которые, впрочем, в отличие от малорусских пословиц, симпатизируют этому персонажу, а не надуваемому им мужику. Если вспомнить, что русская армия до второй половины XIX в. не имела казарм и квартировала по домам и хатам, а содержимое солдатского котелка прямо зависело именно от пройдошливости его хозяина, то происхождение малороссийского образа *москаля* становится вполне понятным. Для великорусского крестьянина у малороссов был целый ряд других названий (наиболее распространенное – *кацап*), лишенных, в отличие от *москаля*, интенсивной негативной окраски.

со всеми русскими, то есть великороссами и белорусами. (Последние тоже писались тогда с двумя «с».) Понятие *русский* оказывалось, таким образом, более широким, чем его современное значение. Оно относилось ко всем восточным славянам и обозначало ту цель проекта национального строительства, которую мы будем условно называть «большой русской нацией» или «общерусской нацией». Будучи этнической концепцией и проводя четкую грань между русскими и другими народами империи, этот проект в то же время отрицал качественный характер этнических различий между велико-, мало- и белорусами, включая всех их в единую этническую общность.

Малороссы и белорусы никогда не дискриминировались в Российской империи на индивидуальном уровне. «Украинцам и белорусам, официально считавшимся русскими, в принципе была открыта любая карьера – при условии, что они владели русским языком. Не было препятствий и у детей от смешанных браков русских и украинцев. [Такие браки, собственно, и не считались смешанными. – А.М.] Украинцы не вычленялись и не ущемлялись ни по конфессиональным, ни по расовым соображениям», – пишет Андреас Каппелер. В иерархии различных этносов империи, которую он представляет в виде системы концентрических кругов, все православные славяне включались в единый центр системы¹.

Это отношение к малороссам как части русского народа сохранялось как официальная позиция властей и как убеждение большинства образованных русских в течение всего XIX в. Даже в начале XX в, когда усиление шовинистических, ксенофобных мотивов в русском национализме выразилось в трактовке русскости как сугубо этнической категории, а не как определенного культурного стандарта, только малороссов и белорусов никогда не описывали как «инородцев»². Таким образом, на языке эпохи два последних варианта из классификации Каппелера обозначались бы одинаково – «все русские», при этом в одном случае «русские»

¹ *Каппелер А.* Мазепинцы, малороссы, хохлы: украинцы в этнической иерархии Российской империи // Россия – Украина: история взаимоотношений. С. 134–135.

² См.: *Slocum J.W.* Who and When, Were the *Inorodtsy*? The Evolution of the Category of “Aliens” in Imperial Russia // *The Russian Review*. April 1998. P. 173–190. Понятие «инородцы» первоначально имело узкое юридическое значение и применялось к кочевым народам Российской империи. Распространение его на всех «нерусских» в ксенофобной версии русского национализма в конце XIX – начале XX в. сопровождалось отказом в «русскости» ассимилированным в русскую культуру людям иного этнического происхождения – немцам, евреям, полякам и т.д.

означало бы великоруссы, а в другом – все восточные славяне. Приверженность последней точке зрения вовсе не обязательно предполагала совершенное отрицание различий между малороссом и великороссом. В написанном в 1898 г. рассказе «Казацким ходом» Бунин, например, пишет: «Хохлы мне очень понравились с первого взгляда. Я сразу заметил резкую разницу, которая существует между мужиком-великороссом и хохлом. Наши мужики – народ по большей части изможденный, в дырявых зипунах, в лаптях и онучах, с исхудалыми лицами и лохматыми головами. А хохлы производят отрадное впечатление: рослые, здоровые и крепкие, смотрят спокойно и ласково, одеты в чистую, новую одежду». Но это противопоставление «наших» «хохлам» Бунин делает как великоросс, и в том же рассказе говорит о Шевченко, «который воплотил в песнях всю красоту своей родины», что тот «навсегда останется украшением русской литературы». Уже в 1919 г. «несметные украинские побоища и зверства [времен Богдана Хмельницкого. – А.М.], кровавый хам Разин» стоят у Бунина через запятую, в одном ряду примеров «русского бунта, бессмысленного и беспощадного»¹. В творчестве Бунина, как и многих других писателей того времени, можно найти бесчисленное количество примеров такого рода, когда идея русской общности, объединяющей всех восточных славян, даже не постулируется специально, но без труда выявляется в высказываниях по другим поводам. Этим, собственно, подобные высказывания и ценны, поскольку показывают, что представление об «общерусской» общности было для их авторов естественным, не требующим объяснений и доказательств.

Культурная и историческая специфика Малороссии, равно как особый региональный патриотизм малороссов были вполне приемлемы в глазах сторонников концепции большой русской нации до тех пор, пока не входили с этой концепцией в противоречие. Более того, в первой половине XIX в. малорусская специфика вызывала живой интерес в Петербурге и Москве как более красочный, романтический вариант русскости². Упомянутый рассказ Бунина может служить примером, что у многих такое отношение сохранилось и позднее.

¹ Бунин И.А. Из «Великого дурмана» // Бунин И.А. Окаянные дни. Воспоминания. Статьи. М., 1990. С. 341.

² См.: *Bushkovitch P. The Ukraine in Russian Culture 1790–1860: The Evidence of the Journals // Jahrbucher für Geschichte Osteuropas. 39. (1991).*

Литературные опыты на «малорусском наречии», отражавшие специфику местной жизни, вызывали благожелательный интерес в Петербурге и Москве как часть русской литературы, но попытки трактовать это «малорусское наречие» как отдельный от русского, самостоятельный украинский язык была для сторонников концепции большой русской нации неприемлема. Украинский национализм отрицал малорусскую идентичность, которая могла мирно уживаться с общерусской, и создавал свой образ идеального Отечества, стоявший в конфликте и с польским, и с русским. Украинская идея «отбирала» у русской не просто часть национальной территории, но и «Киев – мать городов русских», место обретения православной веры и государственности, а также лишала ее идеологической основы в конфликте с польским движением. Не случайно наиболее влиятельный русский националистический журналист М.Н. Катков рисовал украинофилов вольными или невольными агентами «польской интриги». Вызов со стороны националистов воспринимался правительством и русским общественным мнением как вызов «извне», в то время как угроза украинского национализма для сторонников общерусской нации была диверсией изнутри «национального тела». Вплоть до царствования Александра III, ознаменовавшегося заведомо обреченной на неудачу попыткой проведения русификаторской ассимиляторской политики в масштабе всей империи, русификация на окраинах носила ограниченный характер. Это могла быть, если воспользоваться определением Э. Тадена, административная русификация в духе политики Иосифа II в Австрийской империи, направленная на обеспечение более благоприятных условий функционирования централизованного правительственного аппарата. В определенных условиях русификация могла носить характер репрессивной меры, своеобразного наказания за нелояльность, как это было в Царстве Польском после восстаний 1830–1831 и 1863–1864 гг. Но в обоих случаях задача тотальной языковой ассимиляции местного населения не ставилась. В результате репрессии против польской культуры в Царстве Польском, то есть на территориях с преобладанием этнически польского населения, могли быть предметом торга, в отличие от таких же и более жестких мер в Юго-Западном и части Западного края, то есть на «исконно русских землях», потому что здесь они были средством «обрусения», понимавшегося как восстановление подлинного характера этих земель, искаженного полонизацией. Репрессии же против украинского движения воспринимались как борьба с попытками разложения самого национального

организма. Отношение властей империи и великороссов к малороссам и белорусам предполагало, таким образом, интеграцию, основанную на принципе равенства индивидов с одновременным отказом в институционализации этих групп как национальных меньшинств, в то время как по отношению к неславянам, а также к западным славянам (полякам), принцип индивидуального равенства отрицался, но их статус национального меньшинства не ставился под вопрос.

В тот момент, когда малоросс принимал украинскую, включающую общерусскую, идентичность, он, в отличие от представителей других этнических групп, становился в глазах сторонников концепции большой русской нации отступником. В рамках этой концепции верна была формула «одним украинцем больше значит одним русским меньше». «Возмутительный и нелепый софизм [...] будто возможны две русские народности [намек на известную статью Костомарова «Две русские народности», где он говорил о малороссах и великороссах как о двух русских народностях. – А.М.] и два русских языка, как будто возможны две французские народности и два французских языка!» – четко определял существо своих опасений по поводу украинофильства главный гонитель Костомарова Катков¹. Таким образом, восприятие украинского и белорусского, в той мере, в какой последнее проявляло себя, национальных движений в корне отличалось от восприятия других национальных движений в империи. Борьба с другими национальными движениями была борьбой за сохранение целостности империи. Борьба же с украинским движением непосредственно касалась еще и вопроса о целостности русского народа (для тех, кто верил, что триединая русская нация уже существует) или о том, какие территории и какое население составят то ядро империи, которое предстояло консолидировать в русскую нацию (для тех, кто отдавал себе отчет в том, что большая русская нация представляет собой только проект). Поэтому политика Петербурга в Малороссии и Белоруссии должна сравниваться именно с политикой Парижа в континентальной Франции и политикой Лондона на Британских островах, а не с политикой, например, Лондона в Индии, как это ошибочно делает в своей книге Андерсон.

¹ Катков М.Н. 1863 год. Собрание статей по польскому вопросу, помещавшихся в «Московских Ведомостях», «Русском Вестнике» и «Современной Летописи». Вып. 1. М., 1887. С. 276.

Еще раз оговоримся при этом, что проект большой русской нации большинством его adeptов интерпретировался как нечто среднее между французской и британской моделями. Сторонников предоставления Украине автономии было немного, но также немало было и тех, кто считал необходимым полное подавление особой малороссийской региональной идентичности и малороссийской культурной специфики.

Полагаю, что приведенных аргументов достаточно, чтобы принять, по крайней мере в качестве серьезной гипотезы, тезис о существовании в русском общественном мнении и в сознании значительной части бюрократии образа большой русской нации, включавшей всех восточных славян империи. Анализ официальных документов и прессы, которому посвящены дальнейшие главы, позволит нам представить дополнительные аргументы в пользу этого тезиса, равно как и показать, что многие чиновники и публицисты имели также достаточно ясное представление о методах реализации этого проекта национального строительства.

Оставим пока открытыми целый ряд других вопросов. Каковы были мотивы тех, кто этот проект отвергал? (А мотивы эти были разными у сторонников традиционной религиозной и имперской легитимации самодержавия и у таких противников царизма, как Чернышевский.) Насколько ясно представляли себе сторонники проекта большой русской нации способы достижения цели, насколько последовательными были усилия к его осуществлению? Все это – предмет обсуждения в главах, посвященных описанию событий.

О терминологии

Если мы исходим из того, что взаимоисключающие проекты формирования украинской и большой русской нации в рассматриваемый нами период были именно *проектами* с большими или меньшими шансами на осуществление, то, в случае, если мы хотим быть последовательными, это порождает существенные проблемы с терминологией.

В ходе конференции, состоявшейся в 1978 г., наиболее авторитетные украинские эмигрантские историки обсуждали, в частности, правомерность употребления терминов «Украина» и «украинцы» применительно к тому времени, когда они не были общепринятыми. Иван Рудницкий заметил: «Я полагаю правомерным применять

ретроспективно современный национальный термин “Украина” к тем эпохам в жизни страны и народа, когда это понятие еще не существовало или имело иное значение. Случай Украины не уникален с этой точки зрения. Французские историки, не колеблясь, включают кельтские и романские регионы в историю Франции, несмотря на то, что термин “Франция” возник только позднее и изначально относился только к ареалу Парижа, Иль-де-Франс¹. Поступая так, французские историки, между прочим, продолжают традицию французских националистов XIX в. Этой логике следовали и русские националисты прошлого века, настаивавшие, что малороссы – часть русского народа. В случае удачи проекта строительства большой русской нации и русские историки, если согласиться с Рудницким, вполне могли бы сегодня продолжать называть территорию современной Украины Южной Русью и Малороссией. Аргумент, которым пользуются Рудницкий, а также открывавший эту дискуссию Омелян Прицак (последний приводил сравнение с Испанией²), прямо адресуют нас к проблеме, уже обсуждавшейся нами в связи с эссе Валлерстайна «Существует ли Индия?». Участники дискуссии правы в том, что это устоявшаяся практика. Вряд ли в обозримом будущем удастся ее изменить. Но это не должно скрывать от нас недостатки этой практики.

«Изменение общего названия украинцев от русинов к малороссиянам и, затем, украинцам с региональными вариациями в употреблении этих терминов создает существенное напряжение. Однако использование столь большого числа названий для народа, который был ясно очерчен и воспринимался как историческая общность, слишком обременительно. Так что мы вполне можем использовать понятия “Украина” и “украинский”, оговариваясь, какие названия использовались в тот или иной период», – говорил в ходе упомянутой дискуссии Фрэнк Сысун³. Действительно ли в истории менялись лишь термины для обозначения «ясно очерченного и воспринимавшегося как историческая общность народа»? С этим трудно вполне согласиться. Менялось понимание того, представляет ли эта общность часть «большого целого» или является самодоста-

¹ Problems of Terminology and Periodization in the Teaching of Ukrainian History. Round Table Discussion // Rethinking Ukrainian History / Ed. by I. Rudnytsky. Edmonton, 1981. P. 234–268. Высказывание Рудницкого – P. 240.

² Ibid. P. 235.

³ Problems of Terminology and Periodization in the Teaching of Ukrainian History. Round Table Discussion... P. 251.

точной единицей. Менялись также и представления о том, каковы границы этой общности. В Закарпатье и сегодня существует политическое течение, считающее тамошних русинов отдельным народом, а не частью украинской нации¹. В XIX в. немало людей придерживалось этой точки зрения и в Галиции, а другие галичане считали свой народ частью большой русской нации². Содержание понятия «малоросс» также далеко не равнялось содержанию понятия «украинец». Украинские активисты первоначально пользовались понятием «Русь», которое в их системе, как и в польской, принципиально отличалось от понятия «Россия», означавшего Великобританию. Постепенно они переключались на термин *Украина*, чтобы избежать постоянной путаницы между их трактовкой понятия «Русь» как Украины и значением этого термина как общего для всех восточнославянских земель. Украинофилам пришлось также утверждать новый термин *украинцы* вместо более распространенного самоназвания *русины* для того, чтобы преодолеть традицию прежних двух веков, акцентировавшую общность имени для всего восточнославянского населения. Это встречало резкое сопротивление со стороны тех людей с малорусской идентичностью, которые понимали, что речь шла не просто о смене имени. Невозможно «придать Украине, этому обыкновенному названию местности, территориальной окраины, такое значение, которого она никогда не имела, не имеет и иметь не может... Украина это название вовсе не одновременное с происхождением первичных частей древней Руси, а гораздо позднее, и при том название, как мы сказали, только полосы территории на юг от Киева, или даже от Роси... Кто в самом деле уполномочивал украинолюбцев отнимать у нас древнее название Русских и все принадлежности этого названия, в том числе и наш общий, культурный русский язык, выработавшийся таким долговременным и многотрудным процессом нашей истории, и все это заменять чем-то *украинским*, т.е. возникшим гораздо позднее, чисто частным и обозначающим только *крайнюю местность?*» – писал в середине 1870-х годов профессор филологии Киевского

¹ См.: *Rudnytsky I. Carpatho-Ukraine: A People in Search of Their Identity // Rudnytsky I. Essays in Modern Ukrainian History... P. 353–374.* Об известном современном канадском историке Поле Роберте Магочие как об идеологе этого течения см. также: *Hann C. Intellectuals, Ethnic Groups and Nations: Two Late-twentieth-century Cases // Notions of Nationalism / Ed. by S. Perival. Budapest, London, New York: CEU Press, 1995.*

² Подробнее см. главу 13.

университета С.С. Гогоцкий¹. Отметим, что он вовсе не был оригинален в своих взглядах. Вообще среди наиболее агрессивных противников украинского движения было немало людей, которые по современной, плохо подходящей к реалиям XIX в., терминологии должны были бы называться украинцами. Так, вдохновителем антиукраинофильского Эмского указа был малоросс М.В. Юзефович, а организатором и председателем киевского Клуба русских националистов в начале XX в. выступил уроженец Полтавской губернии А.И. Савенко. Эти люди вовсе не были «предателями украинского народа», потому что, сохраняя малорусскую идентичность и веря, что лучше понимают интересы края, чем их оппоненты-украинофилы, они отрицали сам проект украинской нации и связанную с ним версию идентичности. Они были русскими националистами в том смысле, что выступали сторонниками проекта большой русской нации, составной частью которой они видели малороссов, вовсе при этом не считая, что приносят интересы малороссов в жертву великороссам. Они совсем не обязательно полагали, что малороссы должны отказаться от своей идентичности в пользу великорусской – будем помнить, что большая русская нация их представлений должна была отличаться от той русской нации, какую мы знаем сегодня, не только размерами.

Все эти замечания касаются взглядов людей более или менее образованных, составлявших едва ли более двух процентов в крестьянском море восточнославянского населения современной Украины. Подавляющее большинство этих крестьян оперировало совсем иными категориями. В первом, программном номере украинофильского журнала «Основа» за 1861 г. была среди прочего помещена статья М.М. Левченко под названием «Места жительства и местные названия русинов в настоящее время». Автор определяет предмет своего интереса как «Южноруссов, Малоруссов, или, правильнее, Русинов». «Русины, – замечает Левченко, – по происхождению, быту и языку представляют одно племя, но по месту жительства носят разные названия». Далее он эти названия перечисляет: гетманьцы (юг Черниговской губернии), степовики (Полтавская и Екатеринославская губернии), украинцы («жители Киевской губернии, которая называется Украиною»), русины (Люблинская губерния и Галиция), гуцулы (Карпаты), польщаки (Подольская губерния, «называемая у простонародья Польщею») и так далее. К понятию

¹ Русский вестник. 1875. № 7. С. 414.

«Польша» Левченко делает любопытное примечание, что в Новороссии это название часто применяют также к Волины и Украине¹.

Трудно однозначно судить, в какой степени представления самих крестьян о том, к какой общности они принадлежат, совпадали со взглядами Левченко. (Галицийские русины, например, даже в начале XX в. говорили, что ходят на заработки «в Россию», хотя отправлялись они на территорию современной Украины. О польских крестьянах в той же Галиции Винценты Витос вспоминает, что «жившие на правом берегу Вислы очень долго считали своих соседей с другого берега Москалями, удивлялись, что те говорят по-польски и относились к ним с большим предубеждением, чем к немцам или евреям»².) Ясно, что в крестьянской иерархии идентичностей сословная и религиозная принадлежность (православные крестьяне), династическая лояльность, а также локальная идентичность («мы местные», то есть гетманьцы, украинцы, польшаки), во всяком случае, стояли выше «общерусинской». На Правобережье в 1863 г. эти православные крестьяне, верные православному царю, с воодушевлением ловили польских повстанцев, шляхтичей-католиков. Правительство этот энтузиазм использовало с оглядкой, боясь повторения галицийской резни шляхты 1846 г.

Термин «украинцы» как общее название Левченко не упоминает. И не цензура тому причиной – в том же номере Костомаров пишет об украинском языке в современном значении этого слова. Следовательно, мы должны отдавать себе отчет в том, что *в середине XIX в. только ничтожное меньшинство жителей современной Украины называло себя украинцами в том смысле, в каком этот термин употребляли украинофилы.*

В уже цитированной дискуссии украинских историков Рудницкий сделал очень важную оговорку: «Добросовестный исследователь должен сознавать опасность анахронизмов. Поэтому он будет уделять пристальное внимание содержанию того или иного термина в каждый конкретный момент и семантической эволюции этого термина. В начале XIX века, например, термин “Украина” официально использовался только применительно к Слобожанщине. Это объясняет, почему писатели того времени могли противопоставлять “Украину” (то есть область Слободской Украины) “Малороссии” (Черниговской и Полтавской губерниям, бывшей Гетманщине). Польские источники девятнадцатого века регулярно говорят о

¹ Основа. 1861. № 1. С. 263–264.

² *Witos W.* Moje wspomnienia. T. I. Paryż, 1964. S. 132–134.

“Волыни, Подолии и Украине”, последнее означает здесь район Киева. Еще дальше в прошлое, в XVII веке “Украина” означала территорию под казацкой юрисдикцией, то есть не включала Галиции, Волыни и Закарпатья. В этих областях термин “Украина” утвердился только в XX веке, в ходе национально-освободительного движения и последних политических изменений¹. С учетом такой оговорки практику ретроспективного применения устоявшихся национальных терминов в большинстве случаев можно принять как неизбежное зло.

Но для работы, посвященной именно процессам формирования национальных идентичностей, этот компромисс все же неприемлем. Тот же Рудницкий написал однажды, что «среди проблем, стоявших перед украинским народом в XIX веке, самой зловещей был выбор между ассимиляцией в общерусскую нацию и утверждением отдельной национальной индивидуальности»². Эта фраза может служить прекрасной иллюстрацией тех опасностей, которые таит общепринятая практика даже для наиболее аккуратных и вдумчивых историков, видящих альтернативность процесса. В этом высказывании украинский народ уже в XIX в. предстает как консолидированная общность, совершающая некий выбор. В результате конфликт *националистических движений, проектов национального строительства* превращается в конфликт уже сформировавшихся *народов, наций*; хотя, по признанию самого Рудницкого, «отдельную национальную индивидуальность» еще только предстояло утверждать. В той же статье Рудницкий вполне справедливо отмечает, что «украинская история XIX века может означать две различные вещи: с одной стороны, историю украинского националистического движения, а с другой, историю страны и народа»³. Народ этот – понимаемый как простонародье, крестьяне, а не как нация – был озабочен вовсе не этим «зловещим» выбором. Само наличие этой дилеммы крестьянам еще предстояло объяснять. Изучавший начало XX в. Теодор Викас пишет: «Я нашел мало свидетельств того, что крестьянские массы на Юго-Западе имели национальное самосознание до 1914 года»⁴, найдя тем самым более

¹ Problems of Terminology and Periodization... P. 240.

² *Rudnytsky I. The Role of Ukraine in Modern History // Rudnytsky I. Essays in Modern Ukrainian History...* P. 25 (укр. пер. этой ключевой работы Рудницкого см. в изд.: *Лисяк-Рудницький І. Історичні есе. Т. 1. Київ, 1994*).

³ *Rudnytsky I. The Role of Ukraine in Modern History...* P. 12.

⁴ *Weeks T.R. Nation and State in Late Imperial Russia. Nationalism and Russification on the Western Frontier, 1863–1914. DeKalb: Northern Illinois UP, 1996.*

точную формулировку для высказанного много ранее тезиса Богдана Кравченко: «Накануне Первой мировой войны и революции украинцы были народом, еще не выработавшим кристаллизованного национального самосознания»¹. Даже после того, как они узнали о существовании описанной Рудницким дилеммы, крестьяне, как показывает история Гражданской войны, очень часто склонны были руководствоваться в своем поведении не национальными, а другими мотивами.

Между прочим, и сама формулировка этой дилеммы нуждается в уточнении. Ассимиляция в общерусскую нацию православного населения современной Украины совсем не обязательно предполагала то растворение и полную утрату малорусской идентичности и культурных особенностей, которые Рудницкий называет «зловещей» альтернативой сохранению национальной индивидуальности. Не считая тот или иной вариант создания такой общерусской нации более предпочтительным, чем исторически воплощенный вариант формирования украинской нации, замечу все же, что не вижу в них ничего зловещего и противоестественного – ассимиляционные процессы столь же «нормальны» в истории XIX в., как и процессы формирования «национальных индивидуальностей»².

Я прекрасно понимаю, что современному украинцу невозможно представить такую перспективу без эмоционального протеста, ведь это означало бы, что те ценности, которым он привержен как украинец, просто не могли бы существовать. Будем, однако, помнить, что речь идет не о стремлении «отнять» уже сформировавшуюся национальную идентичность и все связанные с нею ценности, но об анализе исторических альтернатив на той стадии развития, когда эта идентичность как массовое явление еще не существовала.

Добавлю, что ассимиляцией, как она здесь описана, список альтернатив вовсе не исчерпывается. Если допустить, например, что Речь Посполитая не была бы разделена в конце XVIII в., то вполне вероятным выглядит формирование единой нации из всех

Р. 125. Название книги Викса заметно шире, чем ее содержание, исследование касается только XX в. Предшествующий период лишь кратко описан, основываясь на имевшейся литературе, с повторением многих свойственных ей ошибок.

¹ *Kravchenko B. Social Change and National Consciousness in Twentieth-Century Ukraine. New York, 1985. P. 3.*

² В схожем ключе эта проблема применительно к белорусам рассматривается в статье Д. Фурмана и О. Буховца «Парадоксы белорусского самосознания» (Дружба народов. 1996. № 6).

восточных славян, живших в ее границах. Это, в свою очередь, имело бы последствия и для Малороссии, вошедшей в состав Московского царства после восстания Хмельницкого. Можно представить и формирование нескольких «украинских» (беру это слово в кавычки, потому что никто не знает, как бы они назывались) наций, если бы, среди прочего, Сталин не выступил в роли «собирателя украинских земель». Грушевский, обращаясь к активистам украинского движения, в 1906 г. недаром ссылаясь на пример сербов и хорватов, предупреждая об угрозе формирования двух разных народов на едином этническом фундаменте¹.

Применительно к русской нации альтернативы также не обязательно предполагают ее большие размеры. Формирование особой нации в Сибири или воображенный Василием Аксеновым по образцу реального тайваньского сценария «остров Крым» также были вполне возможны. О течении «сибирских сепаратистов», возникшем почти одновременно с украинским национальным движением, нам еще придется говорить в этой книге.

Но вернемся к проблемам терминологии. Я буду использовать термины «Украина» и «украинцы» при изложении взглядов украинских националистов, то есть людей, которые мыслили этими категориями в их современном значении. Когда речь идет о людях, отрицавших исключительную украинскую идентичность или еще не знавших о возможности таковой, я буду употреблять те термины, которыми они сами пользовались, то есть «южноруссы», «малоруссы» или «малороссияне», «руссины»². Таким образом, мы сможем отразить ту неопределенность в иерархиях идентичностей, которая была характерна для всего XIX в.

В соответствии с этим принципом я буду употреблять и термины «русский», «великоросс», а также названия местностей. Будем помнить, что, в зависимости от контекста, понятие «русский» могло охватывать всех восточных славян или относиться только к великороссам. Это означает, в частности, что понятие «русское общественное мнение», употребленное в названии книги, включает

¹ Грушевський М. Україна і Галичина // Літературно-науковий вісник. Т. XXXVI (1906).

² Слова «малоруссы» и «великоруссы» я буду писать по устаревшей на сегодня орфографии, с двумя «с», потому что в XIX в., как уже сказано, это имело особое значение. (Собственно, и «белоруссы» очень часто писались именно так, с двумя «с».) Также и «руссины» будут появляться в тексте с двумя «с» в тех случаях, когда цитируются или излагаются взгляды тех людей, которые писали именно так.

публицистику всех тех авторов, кто причислял себя к русским, то есть и великороссов, придерживавшихся различных вариантов русской идентичности, и тех малороссов и белорусов, которые разделяли концепцию общерусской нации.

Во взглядах современников соотношении понятий русский, великорусский, белорусский, малорусский и тому подобных могло существенно различаться. Например, М.А. Максимович, малорусский патриот, но не украинский националист¹, в лингвистическом отношении делил восточных славян на четыре части, которые, в свою очередь, составляли две группы, будучи, в конечном счете, частью общерусского целого: «Великороссийское наречие состоит в ближайшем сродстве с белорусским, и составляют они одну речь, или язык севернорусский, который, вместе с южнорусским языком или речью (состоящею в двух главных наречиях – малороссийском и червонорусском), образует одну великую речь восточнославянскую или русскую»².

Характерно признание Максимовичем языковой неоднородности того пространства, которое в идеологии украинофилов становится Украиной. «Малорусское и червонорусское наречия» оказываются в этой классификации столь же различными или столь же близкими, как великорусское и белорусское. Важна здесь не точность его оценок с точки зрения современной лингвистики, а именно принципиальное отличие классификации и иерархии Максимовича от взглядов, которые исповедуют уже в это самое время люди следующего поколения, украинофилы Кулиш и Костомаров. Разные интерпретации этих этнических категорий и их соотношений необязательно были результатом сознательного искажения реальности – сама реальность была еще столь аморфной и непредопределенной, что вполне допускала различные, и при этом вполне добросовестные, интерпретации³.

Общий вывод таков: в XVIII и XIX в. процессы формирования идентичности у восточных славян могли протекать по существенно различным сценариям и дать существенно различные результаты.

¹ Снова оговоримся, что противопоставляется здесь не «хороший» патриотизм и «плохой» национализм, но традиционный региональный патриотизм и национализм как новая, модерная форма идеологии и мировоззрения.

² Максимович М. Ответные письма М.П. Погдину // Русская беседа. 1857. Кн. 2. С. 87.

³ Четких языковых границ на этом пространстве не было – вместо этого существовали достаточно обширные пространства пограничья, где население говорило на смеси велико- и малорусских, малорусских и белорусских диалектов.

При этом нужно еще раз оговориться, что подчеркивание альтернативности, непредопределенности рассматриваемых процессов проистекает из стремления глубже понять логику происшедшего, а вовсе не из того, что автору тот или иной нереализованный вариант нравится больше, чем исторически воплощенный. Автор считает, что в подобных ситуациях историку вредно задаваться вопросом о том, какой из рассматриваемых им вариантов «предпочтительнее», поскольку в полном виде этот вопрос неизбежно звучит как «предпочтительнее для кого?» и предполагает принятие отвечающим той или иной стороны в описываемых конфликтах. Кроме того, нам не дано предугадать, какие совершенно неожиданные, непредсказуемые, в том числе и отрицательные, последствия могут иметь тот или иной альтернативный вариант.

В авторских рассуждениях, не являющихся пересказом или комментарием чьих-либо взглядов, применительно к XIX в. термины «Малороссия», «Украина» и производные намеренно употребляются попеременно, а применительно к XX в., когда они действительно утвердились как самоназвания, мы строго придерживаемся терминов «Украина» и «украинцы».

Теперь несколько слов о других «проблемных» терминах. Мы уже условились, что понятия «националист» и «националистический» лишены в этом тексте оценочных характеристик, то есть характеризуя того или иного человека как украинского или русского националиста, мы не оцениваем его «хорошо» или «плохо». Подчеркну также, что фразы типа: «украинские националисты, претендовавшие на представительство интересов народа, как они его (народ) и их (интересы) понимали» должны восприниматься буквально. Иными словами, такая фраза вовсе не содержит намека, будто кто-то другой непременно понимал и отражал эти интересы лучше. Автор вообще старался избегать намеков, двусмысленностей, подтекстов – все, что сказано, сказано эксплицитно, в книге нет «скрытого», второго плана.

Также лишено позитивной или негативной окраски используемое в работе понятие «украинские сепаратисты». Противники украинских националистов, безусловно, вкладывали в него отрицательный смысл. Но не в цитатах, а в авторском тексте оно означает только то, что определяемые так персонажи считали желательным создание независимой Украины, и не содержит ни одобрения, ни порицания таких взглядов. (Понятие «сепаратисты» необходимо нам потому, что не все украинские националисты исповедовали такие взгляды – среди них было немало убежденных федералистов.)

Понятие «украинские националисты» нередко замещается в тексте термином «украинофилы». Его история сходна с другими «прозвищами», которые давались тем или иным течениям общественной мысли их противниками. Как и западники, как и славянофилы (термин «украинофилы» был скроен именно по их образцу), украинофилы приняли это прозвище как самоназвание. Негативная окраска этого понятия, слабо выраженная с самого начала, скоро совсем стерлась, так что противникам украинофилов пришлось придумать новые оскорбительные прозвища – хохломаны, мазепинцы. Иногда понятие «украинофильство» использовалось более широко, для обозначения интереса к украинской специфике среди людей, не обязательно являвшихся украинскими националистами, а иногда даже имевших четко выраженную польскую и русскую идентичности¹. В случае употребления термина в таком расширительном значении это оговаривается в тексте.

¹ Подробно см. мою статью «Украинофильство» (Славяноведение. 1998. № 5).

Глава 1

Россия и украинофильство в первой половине XIX в.

Растянувшийся на полтора века процесс инкорпорации Левобережья в Российскую империю протекал достаточно гладко. Отмена автономии Гетманщины в конце XVIII в., явившаяся частью более широкого процесса административной унификации екатерининского царствования, не вызвала сколько-нибудь существенного сопротивления местных элит¹. Зенон Когут, наиболее основательный исследователь истории Гетманщины XVIII в., пишет о двух типах настроений, преобладавших в среде малорусского дворянства в XVIII-м и начале XIX в. Один из них – Когут называет его ассимиляционным – был ориентирован на растворение в среде русского дворянства и полное слияние Малороссии с Великороссией. Другой тип настроений Когут очень точно определяет как традиционалистский. Традиционалисты стремились к сохранению или восстановлению «прав и привилегий», унаследованных малорусским дворянством от времен Речи Посполитой или полученных им в результате восстания под руководством Богдана Хмельницкого и перехода Малороссии под власть династии Романовых.

Когут подчеркивает, что традиционалисты не ставили под вопрос верность Романовым и не были политически организованы². «Эта привязанность [к остаткам автономии Гетманщины. – А.М.] представляется более результатом инерции и удобства, чем защи-

¹ *Kohut Z.E. Russian Centralism and Ukrainian Athonomy. Imperial Absorbtion of the Hetmanate 1760s – 1830s. Cambridge, Mass., 1988.*

² *Kohut Z.E. The Ukrainian Elite in the Eighteenth Century and Its Integration into the Russian Nobility // Nobility in Russia and Eastern Europe / Ed. by I. Banac, P. Bushkovitch. New Haven: Slavica Publishers, 1983. P. 75–76.*

той исторических малорусских прав и привилегий», — отмечает Когут, приходя в конечном счете к выводу, что «оппозиционные тенденции замедлили, но не остановили интеграцию и постепенную ассимиляцию украинского дворянства в русское имперское дворянство. Несмотря на живучесть некоторых местных традиций, в конечном счете факторы, способствовавшие интеграции, оказались сильнее»¹. Преобладание ассимиляционной тенденции было обусловлено тем, что различия между малоруссами и великоруссами обеими сторонами воспринимались как качественно меньшие по сравнению с поляками или прибалтийскими немцами, а также тем, что традиция верной службы царю была общей для подавляющего большинства и ассимиляционистов, традиционалистов². Подчеркнем еще раз, что в XVIII-м и начале XIX в. малорусское дворянство и духовенство не просто в подавляющем большинстве своем верно служило царям, но внесло весьма значительный вклад в формирование того, что сегодня известно под именем русской культуры.

Ситуация принципиально изменилась в конце XVIII и начале XIX в. В результате разделов Речи Посполитой в состав Российской империи вошли земли Правобережья с польской или сильно полонизированной местной шляхтой. Это совпало с Французской революцией, которая вместе с последовавшими за ней Наполеоновскими войнами противопоставила прежним религиозным и династическим принципам легитимации власти принцип национального суверенитета. В европейской культуре утверждается романтизм с его интересом к национальной проблематике и к народной культуре. Широкую популярность обретают идеи Й. Гердера, предрекавшего среди прочего особую роль славянских народов в наступающем веке и подчеркивавшего роль «собственного» языка для становления каждого народа³. Вскоре декабристское движение и польское восстание 1830–1831 гг. ознакомили кризис старого режима, основанного на лояльности династии различных, в том числе и нерусских, групп дворянства.

¹ Kohut Z.E. The Ukrainian Elite in the Eighteenth Century and Its Integration into the Russian Nobility. P. 78, 83.

² Ibid. P. 84.

³ “Denn jedes Volk ist Volk; es hat seine National Bildung und seine Sprache”. См.: Kemilainen A. Nationalism: Problems Concerning the Word, the Concept and the Classification. Jyväskylä: Kustantajat, 1964. P. 42.

В среде польской шляхты романтизм не просто становится господствующим настроением, но получает мощное художественное воплощение. Польское посредничество сыграло большую роль в распространении романтизма в России. Казачество и его фольклор становятся объектом живого интереса и своего рода модой среди поэтов, писателей и этнографов. Далеко не всех, и даже вряд ли большинство тех, кто занимался в то время украинской этнографией, можно по современной классификации отнести к украинцам (по-тогдашнему – русинам или малороссам). Первое собрание «малороссийских песней» издал в 1819 г. в Петербурге грузинский князь Н.А. Цертелев. Существенный вклад в соби́рание народного творчества и этнографическое изучение малоруссов внесли М.А. Максимович, И.И. Срезневский, О.М. Бодянский, З. Доленга-Ходаковский, А.Л. Метлинский и П.А. Лукашевич¹. Среди этих ранних украинофилов были и малоруссы, и великоруссы, и поляки. Применительно к первой половине XIX в. можно даже говорить о польском, малорусском и, с некоторой натяжкой, великорусском украинофильстве как о взаимосвязанных, но самостоятельных явлениях, причем каждое из них вдохновлялось существенно различными идеями и целями.

В России первой половины XIX в. украинская тематика вызвала интерес и симпатию². Но это была симпатия и заинтересованность по отношению к одной из частей русской земли и русского народа. В истории и характерах Южной Руси искали те романтические краски и мотивы, которых не хватало в истории Руси Московской. «Вечера на хуторе близ Диканьки», «Тарас Бульба» и другие окрашенные малорусской спецификой произведения Гоголя и их восторженное восприятие петербургской и мо-

¹ «Опыт собрания старинных малороссийских песней» Цертелева вышел в Петербурге в 1819 г., а «Малороссийские песни, изданные М. Максимовичем» в Москве в 1827-м. Подробно о Цертелеве, Максимовиче и вообще об этнографической составляющей того весьма разнородного явления, которое можно условно назвать ранним украинофильством см.: *Пытин А.Н.* История русской этнографии. Т. 3. Этнография малорусская. СПб., 1891. (Пыпинский анализ политического аспекта явления устарел.) Понятием «раннее украинофильство» мы будем обозначать тот этап интереса к украинской, а чаще всего казачьей теме, который не предполагал утверждения исключительной украинской идентичности среди его адептов.

² См.: *Bushkovich P.* The Ukraine in Russian Culture 1790–1860: The Evidence of the Journals // *Jahrbucher für Geschichte Osteuropas* 39 (1991). Н. 3. S. 339–363, а также: *Saunders D.* Ukrainian Impact on Russian Culture, 1750–1850. Edmonton, 1985; *Kannepel A.* «Мазепинцы, малороссы, хохлы»: украинцы в этнической иерархии Российской империи // *Россия – Украина: история взаимоотношений*. С. 125–144.

сковской публикой могут послужить яркой иллюстрацией этих настроений. Однако в целом для русской культуры эпохи романтизма украинская тема была менее важна, чем для польской.

Важный мотив польского украинофильства – миф кресов как потерянного рая. В XIX в., особенно в первой его половине, вполне можно было быть польским националистом и украинофилом одновременно. Украинофильство в этом случае выступало как любовь к краю, являющемуся частью Речи Посполитой, а украинская специфика трактовалась либо просто как региональная, либо как этническая, но не исключая Украину из польского мира. (Это примерно соответствовало той схеме, на которой был основан интерес к украинской тематике среди русской публики, но эмоции усиливались ностальгией.) Одним из наиболее знаменитых и, по своему, типичным поэтом польского украинофильства был Тымко (Фома) Падура, исполнявший казацкие думы собственного сочинения на сомнительного качества украинском или, как тогда говорили, русинском языке при дворах богатейших магнатов Правобережья¹. Мода на украинскую, а точнее, казацкую специфику выражалась и в том, что эти магнаты зачастую содержали собственную стражу из казаков².

Именно в польском украинофильстве уже в 30-е годы начинают отчетливо звучать политические мотивы. Интерес к Украине польских идеологов, особенно из числа эмигрантов после поражения восстания 1830–1831 гг., прежде всего был связан с поиском потенциальных союзников для борьбы с Российской империей. И. Лысяк-Рудницкий, автор биографических очерков трех видных идеологов польского украинофильства, начавших свою деятельность в конце 30-х – начале 40-х годов – Ипполита (Владимира) Терлецкого, Михала Чайковского и Франтишека Духиньского, – отмечает: «Поляки-украинофилы и украинцы польского происхождения (граница между этими категориями была очень зыбкой)

¹ Свои сочинения Падура издал в 1844 г.: *Ukrainky z nutoju Tymka Padurky*. Warszawa, 1844. О Падуре см.: *Пытин А.Н.* Этнография малорусская... С. 252–258.

² Собственно «украинские» украинофилы относились к этому резко отрицательно. «Изобретение комнатных козачков принадлежит цивилизаторам заднепровской Украины – полякам. [...] Новейшие представители вельможной шляхты с чувством просвещенной гордости называют это покровительством украинской народности, которым-де всегда отличались их предки. [...] В краю некогда козаком сделать козака ручным с самого детства – это то же самое, что в Латгалии покорить произволу человека быстрого оленя», – писал Шевченко (см.: *Современник*. 1860. № 3. С. 102).

внесли существенный вклад в создание новой Украины... Их влияние помогло украинскому возрождению преодолеть уровень аполитичного культурного регионализма и усилило его антироссийскую боевитость»¹. Еще об одном польском украинофиле того времени, также уроженце Правобережья, Якубе Яворском, подробно рассказал А.Н. Пыпин². В писаниях польских украинофилов акцент делался на противопоставлении Руси, как они называли восточнославянские территории Речи Посполитой, деспотической Московии. Наиболее радикальные из них даже отрицали славянскость москалей. Они идеализировали прошлое польско-русинских отношений, а будущее Руси видели в восстановлении Речи Посполитой, теперь уже как союза трех начал – польского, литовского и восточнославянского.

Малороссы-украинофилы этого поколения в строгом смысле слова националистами не были и не стали ими даже в последующие десятилетия. Так, например, малороссийский патриотизм Максимовича не стоял в непримиримом конфликте с его общероссийской идентичностью. До конца жизни он не ставил под сомнение единство Южной и Северной Руси даже в отдаленной перспективе. Он просто не мыслил националистическими категориями³.

В 20–30-е годы центром развития малорусского романтического украинофильства был Харьков с его университетом⁴. Однако, по замечанию Грушевского, «рядом с “настоящею” великорусскою культурою, к которой серьезно относилось не только правительство, но и местное общество, это украинское течение выглядит мелким провинциализмом, забавою или капризом этнографов и антиквариев»⁵. Возникновение в сороковые годы политических мотивов в среде украинской молодежи уже больше связано с Киевом и его новым университетом св. Владимира, основанным в 1834 г. вместо закрытого после польского восстания 1830–1831 гг. Виленского университета.

¹ См.: Лисяк-Рудницький І. Історичні есе. Т. 1. С. 276.

² Пыпин А.Н. Этнография малорусская... С. 262–272.

³ Подробнее о взглядах Максимовича см. главу 2.

⁴ О Харькове как центре раннего украинофильства см.: Багалеї Д.І. Опыт истории Харьковского университета. Т. 1–2. Харьков, 1893–1904; Харьковская школа романтиков. Т. 3 / под ред. А. Шамрая. Харьков, 1930; Шамрай А. Харьковские поэты 30–40-х годов XIX столетия. Харьков, 1930; Ajzensztoł J. Romantycy Ukraincy a zagadnienia jednoscі slowianskiej // Slavia Orientalis. 1973. No. 3.

⁵ Грушевський М. Очерк истории украинского народа. С. 348.

В стихах середины 1840-х Т. Шевченко впервые с огромной эмоциональной силой сформулировал идею «миллениарного» воскрешения Украины, ее особой будущности и оказал решающее воздействие на идейное развитие участников Кирилло-Мефодиевского общества¹.

Члены общества – Н.И. Костомаров, П.А. Кулиш и Н.М. Белозерский – стали, наряду с Т.Г. Шевченко, тем поколением, которое превратило украинофильство в националистическую идеологию².

Это новое, в значительной мере уже разночинское и, во всяком случае, вполне народническое по убеждениям поколение украинофилов не сменило в строгом смысле слова прежнее поколение, носителей традиционного регионального патриотизма, но жило и действовало бок о бок с ним. Взаимоотношения этих двух поколений до сих пор изучены плохо. Между тем «старые» украинофилы часто оказывали новому поколению существенную поддержку, при этом далеко не всегда разделяя, а порой даже не понимая их цели.

В творчестве членов киевского общества, в особенности у Костомарова, очевидно влияние польского романтизма, прежде всего А. Мицкевича. Заимствовались форма и стиль, заимствовались некоторые идеи, но при этом антипольские настроения в украинском украинофильстве были весьма сильны³. (Позднее, в 60-е и 70-е годы, украинские активисты часто специально подчеркивали свою антипольскость как своего рода свидетельство благонадежности в глазах русского общественного мнения, враждебно настроенного к полякам.)

Сам термин «украинофильство», скроенный по образцу уже ставшего к тому времени привычным «славянофильства», впервые, похоже, появляется в связи с делом Кирилло-Мефодиевского общества или, как еще его называли, братства. В первоначальном секретном докладе шефа жандармов А.Ф. Орлова царю о расследовании дела Кирилло-Мефодиевского общества говорится: «В Киеве же и Малороссии славянофильство превращается в украинофильство.

¹ См.: *Грабович Г.* Шевченко як міфотворець. Семантика символів у творчості поета. Київ, 1991.

² О значении раннего этапа деятельности Шевченко, Кулиша и Костомарова для украинского национализма см.: *Pelech O.* The State and the Ukrainian Triumvirate in the Russian Empire, 1831–1847 // *Ukrainian Past, Ukrainian Present* / Ed. by V. Kravchenko. N.Y., 1993.

³ О Кирилло-Мефодиевском обществе и идеологии его членов см.: *Зайончковский П.А.* Кирилло-Мефодиевское общество (1846–1847). М., 1959.

Там молодые люди с идеею соединения славян соединяют мысли о восстановлении языка, литературы и нравов Малороссии, доходя даже до мечтаний о возвращении времен прежней вольницы и гетманщины»¹.

Разгромив едва возникшее Кирилло-Мефодиевское общество, власти обошлись с его участниками (за исключением Шевченко и А. Гулака) по меркам николаевского времени довольно мягко.

П.А. Зайончковский, изучивший следственное дело общества, пришел к выводу, что в крайне узком кругу высших сановников, включая и Николая I, взгляды кирилло-мефодиевцев были верно оценены как попытка формулирования программы украинского национального движения. Сам Николай I прямо связывал возникновение общества с влиянием польской послеповстанческой эмиграции: «Явная работа той же общей пропаганды из Парижа; долго этой работе на Украине мы не верили; теперь ей сомневаться нельзя»². Не желая подталкивать малороссов к союзу с поляками и учитывая также, что круг распространения идей кирилло-мефодиевцев был крайне узким, власти решили не обострять обстановку жесткими репрессиями и сохранить в тайне истинный характер дела. В записке III отделения ясно говорилось: «Еще более надлежит быть осторожными в отношении к Малороссии, хотя там от молодых украинофилов, подобных Шевченко и Кулишу, быть может, обращаются идеи об отдельном существовании, даже между людьми более степенными, нежели сами украинофилы, но строгие меры сделают для них еще дороже запрещенные мысли и могут малороссиян, доселе покорных, поставить в то раздраженное против нашего правительства положение, в каком находится, особенно после мятежа, Царство Польское. Полезнее и справедливее будет не показывать и вида малороссиянам, что правительство имело причину сомневаться, не посеяны ли между ними вредные идеи, и принять меры в отношении к ним совершенно противоположные тем, которые принимались в Царстве Польском»³. В полном согласии с этой тактикой управляющий I-й экспедицией III отделения М.М. Попов посетил в камере Костомарова, который давал до этого вполне откровенные показания, и прямо посоветовал ему, что тот должен написать о целях общества, чтобы избежать сурового

¹ Кирило-Мефодіївське Товариство: в 3 т. / упоряд. О.О. Франко та ін.; ред. Л.З. Гісцова, Г.Я. Сергієнко. Київ, 1990. С. 309.

² *Зайончковский П.А.* Кирилло-Мефодиевское общество... С. 118.

³ Там же. С. 129–130.

наказания, и даже дал в качестве образца показания Белозерского, с которым, по-видимому, уже провел аналогичную работу¹. В дальнейшем сконструированная тогда версия о стремлении Кирилло-Мефодиевцев объединить славян под скипетром русского царя и стала официальной. Распространение подлинной информации о выводах следствия было строго ограничено. Распоряжение Николая I о подчинении Киевского учебного округа непосредственно генерал-губернатору Д.Г. Бибикову было дано, «не оговаривая причин»². Циркуляр, разосланный Уваровым в университеты в качестве официальной реакции на дело Кирилло-Мефодиевского общества, оказался столь невразумительным, что попечитель Московского университета граф С.Г. Строганов, не знавший сути дела, даже отказался оглашать его профессорам как совершенно непонятный.

В последние годы царствования Николая I власти довольно внимательно следили за проявлениями «малороссийского особничества». Однако в силу того, что оценка идеологии Кирилло-Мефодиевского общества как сепаратистской и националистической не вышла за теснейший, насчитывавший буквально несколько человек, круг высших сановников, основная масса чиновников продолжала придерживаться официальной версии. Это хорошо видно из дела канцелярии министра народного просвещения по Главному управлению по делам цензуры (далее ГУЦ), начатого в 1853 г. в связи с конфликтом киевского цензора Д. Мацкевича с киевской Временной комиссией для разбора древних актов по поводу издания «Летописи гадячского полковника Григория Грабянки»³. Цензор полагал, вполне в согласии с изначальными планами учредившего эту Комиссию правительства, что «главная цель учреждения ее [комиссии. – А.М.] состоит в обнародовании не актов, доказывающих отдельную историческую самобытность Малороссии, а присутствие русского элемента в возвращенных от Польши губерниях»⁴. Мацкевич напоминал также, что в связи с делом Кирилло-Мефодиевского общества последовало распоряжение не допускать перепечатывания прежде разрешенных сочинений Т. Шевченко, П. Кулиша и Н. Костомарова, поскольку «в этих сочинениях авторы стараются выставить прежнее положение Украины

¹ Зайончковский П.А. Кирилло-Мефодиевское общество... С. 125–126.

² Там же. С. 118.

³ РГИА. Ф. 772. Оп. 1. Ед. хр. 3210.

⁴ Там же. Л. 13.

в выгоднейшем свете в сравнении с нынешним и возбудить сожаление об утрате старинной вольницы»¹. Разбиравший дело чиновник для особых поручений Волков был с цензором солидарен, указывая в докладе министру народного просвещения С.С. Уварову, что «Малороссияне никак не могут забыть ни своей Гетманщины, ни своей казацкой вольности, ни своих прав, ими потерянных»². В свою очередь, Уваров в письме министру внутренних дел от 27 апреля 1854 г. напоминал высочайшее повеление от 1847 г., «чтобы писатели рассуждали возможно осторожнее там, где дело идет о народности или языке Малороссии и других подвластных России земель, не давая любви к родине перевеса над любовью к отечеству – Империи, изгоняя все, что может вредить последней любви, особенно о прежнем, будто бы необыкновенно счастливом положении подвластных племен»³. Таким образом, на всех уровнях имперской власти от министра до рядового цензора «малороссийское особничество» рассматривалось прежде всего как проявление традиционалистского местного регионального патриотизма, как своеобразный пережиток старины, обреченный отойти в прошлое, но не как *начало* современного украинского национализма, каковым в действительности была деятельность Шевченко, Кулиша, Костомарова и других украинских активистов их поколения⁴.

Нарождающийся конфликт получил свое отражение в русской прессе. Уже в начале сороковых годов вопрос о роли и статусе малороссийского языка привлек пристальное внимание Белинского, напечатавшего целый ряд рецензий на появлявшиеся тогда публикации на украинском. Восхищаясь поэтичностью малороссийской жизни, он одновременно, в духе модного тогда в Европе «цивилизаторского» империализма⁵, утверждал, что, «слившись навеки с единокровною ей Россиею, Малороссия отворила к себе дверь цивилизации, просвещению, искусству, науке, от которых дотолле не-

¹ РГИА. Ф. 772. Оп. 1. Ед. хр. 3210. Л. 9.

² Там же. Л. 18об.

³ Там же. Л. 22об.

⁴ См.: *Pelech O The State and the Ukrainian Triumvirate in the Russian Empire, 1831–1847 // Ukrainian Past, Ukrainian Present / Ed. by B. Kravchenko. N.Y., 1993.*

⁵ «Здесь живут краснокожие Фенимора Кулера», писал, например, Бальзак о крестьянах Франции в 1844 г. Множество других высказываний образованных французов в этом духе см. у Ю. Вебера в главе под говорящим само за себя названием «Страна дикарей» (*Weber E. Peasants into Frenchmen... Ch. 1. A Country of Savages. P. 3–6*).

преодолимою преградою разлучал ее полудикий быт ее»¹. Отсюда вытекало и отношение к вопросу о языке: «Мы имеем полное право сказать, что теперь уже нет малороссийского языка, а есть областное малороссийское наречие, как есть белорусское, сибирское и другие подобные им областные наречия. [...] Литературный язык малороссиян должен быть язык их образованного общества – язык русский»². Это убеждение было распространено и в конце 50-х, когда П.А. Лавровский, например, призывал собирать сведения о малорусском наречии как исчезающем³. (Впрочем, как верно замечает П. Бушкович, многие из русских публицистов, выразивших скептицизм по поводу будущего украинского литературного языка, были в то же время и издателями малорусской литературы⁴.) Агрессивная позиция Белинского сказалась и в его реакции на слухи о раскрытии Кирилло-Мефодиевского общества. «Ох мне эти хохлы! Ведь бараны – а либеральничают во имя галушек и вареников с свиным салом! И вот теперь писать ничего нельзя – все марают. А с другой стороны, как и жаловаться на правительство? Какое же правительство позволит печатно проповедовать отторжение от него области?» – пишет он П.В. Анненкову в начале декабря 1847 г.⁵

В своих взглядах на необходимость русификации Западного края Белинский отнюдь не был оригинален: в это же время стоявший на другом полюсе общественного спектра сотрудник Ф.В. Булгарина Н.И. Греч, предлагая в своей записке в III отделение сделать ряд уступок национальным чувствам поляков, оговаривался: «Уроженцы западных губерний дело иное: с ними должно принимать другие меры, особенно усилить там распространение русского духа и языка»⁶.

Во второй половине 40-х годов редактируемые Бодянским «Чтения Императорского Общества Истории и Древностей Россий-

¹ Белинский В.Г. Полн. собр. соч. Т. 7. М., 1955. С. 64–65.

² Белинский В.Г. Полн. собр. соч. Т. 5. М., 1954. С. 177, 330. Подробно о позиции Белинского см.: *Rutherford A. Vissarion Belinskii and the Ukrainian National Question // Russian Review. Vol. 54. No. 4 (October 1995).*

³ Лавровский П.А. Обзор замечательных особенностей наречия малорусского сравнительно с великорусским и другими славянскими наречиями // Журнал Министерства народного просвещения. Июнь 1859. С. 225.

⁴ *Bushkovitch P. The Ukraine in Russian Culture 1790–1860: The Evidence of the Journals // Jahrbucher für Geschichte Osteuropas 39 (1991). Н. 3. S. 341.*

⁵ Белинский В.Г. Полн. собр. соч. Т. 12. С. 441.

⁶ См.: Видок Фиглярин. Письма и агентурные записки Ф.В. Булгарина в III отделение / сост. А.И. Рейтблат. М., 1998. С. 556.

ских» напечатали несколько малорусских исторических сочинений, написанных в начале XIX в. и посвященных отношениям Малороссии с Великороссией. В 1846 г. была опубликована широко распространенная до этого в списках «История Русов»¹. «История...», написанная, кстати, по-русски, не ставила под вопрос верность Романовым, но в традиционалистском духе подчеркивала обособленность Малороссии и весьма ярко описывала жестокости и бесправия, чинившиеся в Малороссии царскими чиновниками. После ареста кирилло-мефодиевцев, а возможно и в связи с ним, в 1848 г. «Чтения...» напечатали резко антипольские «Замечания, до Малой России принадлежащие», в которых акцентировалось единство Малой и Великой Руси, а о малороссиянах говорилось как о «русских людях»².

Особенный интерес среди публикаций «Чтений» на эту тему представляет неоконченная работа Ю. Венелина «Спор между южанами и северянами по поводу их россизма». Венелин, сам закарпатский русин, был сторонником концепции большой русской нации: «Весь Русский народ, как он есть ныне, по огромности своей [...] разделился только на две ветви. [...] Этих ветвей иначе назвать нельзя как Северною и Южною». Численность малоруссов или, по терминологии Венелина, «южан», он определял в 15 млн в России и в 20 с русинами, находящимися под властью Австрии³. Главной причиной возникновения различий между южанами и северянами Венелин считал нашествия татар, турок и германцев, причисляя к последним ляхов, в некотором смысле «выворачивая наизнанку» теорию Духиньского о неславянском, туранском происхождении москалей⁴. Основным современным фактором разделения Венелин считал «взаимное, постепенное уклонение в языке», приведшее к формированию южного и северного «наречий». Взаимное восприятие инаковости южан и северян Венелин иронично описывал как прежде всего простонародный предрассудок, которому поддаются и некоторые образованные люди: «И в самом деле, можно ли человека почесть своим, который не носит красной или цветной рубашки, называет щи борщом, и не *гаварит харашо*,

¹ История Русов или Малой России. Сочинение Георгия Конисского архиепископа Белорусского // Чтения императорского общества истории и древностей российских (далее – ЧОИДР). М., 1846. № 1–4. (Реальный автор до сих пор однозначно не установлен.)

² ЧОИДР. М., 1848. № 2.

³ ЧОИДР. М., 1847. № 3. С. 2–3.

⁴ Там же. С. 9.

а добре?!»¹ Отметим, что простонародное восприятие того, что мы бы назвали сегодня этнолингвистическими различиями, Венелин проциательно трактует как ресурс, значение которого определяется тем, будет ли он востребован «безбородыми», то есть образованными, для их политических целей. Хотя опубликованный текст Венелина явно представлял собой лишь небольшое введение к задуманному обширному сочинению, идеология автора реконструируется без труда – южанам и северянам предстоит изжить взаимные предрассудки и сгладить накопившиеся за века иноплеменного владычества языковые различия.

Если Белинский демонстрировал весьма агрессивную ассимиляторскую позицию, а Венелин отстаивал те же идеи в более умеренном, даже ироническом тоне, то один из виднейших славянофилов Ю.Ф. Самарин был не только сторонником сохранения культурной самобытности украинцев, но даже определенной административной обособленности Украины. В дневнике, веденном им в Киеве в 1850 г., он полемизирует с интерпретацией украинской истории Кулишем, считавшим, что Украина в XVII в. могла бы стать самостоятельной, если бы не предательство казачьей старшины, но при этом замечает: «Пусть же народ украинский сохраняет свой язык, свои обычаи, свои песни, свои предания; пусть в братском общении и рука об руку с великорусским племенем развивается он на поприще науки и искусства, для которых так щедро наделила его природа, свою духовную самобытность во всей природной оригинальности ее стремлений; пусть учреждения, для него созданные, приспособляются более и более к местным его потребностям. Но в то же время пусть он помнит, что историческая роль его – в пределах России, а не вне ее, в общем составе государства Московского»².

¹ ЧОИДР. М., 1847. № 3. С. 4.

² Из дневника, веденного Ю.Ф. Самариним в Киеве, в 1850 году // Русский архив. 1877. № 6. С. 232. Как показатель отношения славянофилов к Кирилло-Мефодиевскому обществу чаще цитируют высказывание А.П. Хомякова из его письма Ю.Ф. Самарину от 30 мая 1847 г.: «Малороссиян повидимому заразила политическая дурь. Досадно и больно видеть такую нелепость и отсталость». Здесь цитату обрывают (см., напр.: *Полещук Т. Російська громадськість та український культурно-національний рух кінця 50-х – початку 60-х років XIX століття* // Вісник Львівського університету. Серія історична. Випуск 33. Львів, 1998. С. 102), но если продолжить ее дальше, то ясно, что полемизирует Хомяков именно с их увлечением политикой, не определяя своего отношения к представлениям братчиков о будущем Украины: «Когда общественный вопрос только

Ясно, что вскоре после разгрома Кирилло-Мефодиевского общества такие взгляды не могли быть опубликованы, но они логично дополняют широкий спектр отношения русских образованных слоев к украинскому вопросу. Общим для всех был тезис о государственном единстве Южной и Северной Руси, но одни видели путь к этому единству через более (Белинский) или менее (Венелин) агрессивную русификаторскую политику, через создание культурно и лингвистически гомогенной нации, а другие, как Самарин, понимали это единство как политическое, с сохранением культурной и языковой самобытности Украины. (Вряд ли, впрочем, в своих представлениях о самобытности Украины Самарин шел так далеко, что готов был поддержать вытеснение русского языка малорусским. Скорее, он представлял это как развитие украинского языка во внегосударственной сфере.)

Ограниченный всплеск активности в обсуждении украинского вопроса в 40-е годы не получил своего развития в первой половине 50-х. Члены Кирилло-Мефодиевского общества отправились в ссылку, и тактика правительства, решившего «не показывать вида», что проблема существует, срабатывала, пока николаевский режим не рухнул в результате поражения в Крымской войне и связанной с ним, как считают многие, смерти императора¹. Всё, в том числе и «украинский вопрос», переменялось с началом нового царствования.

поднят и не только не разрешен, но даже и не близок к разрешению, люди, по-видимому умные, хватаются за политику! [...] Не знаю, до какой степени было преступно заблуждение бедных Малороссиян, а знаю, что бестолковость их очень ясна. Время политики миновало. [...] Наше дело – борьба нравственная». (Русский архив. 1879. Кн. 3. С. 327–328.)

¹ Запрет простудившегося Николая I давать ему какие-либо лекарства нередко истолковывают как своеобразную форму самоубийства.

Глава 2

Первые годы царствования Александра II. «Скрытая» стадия активизации украинофильства

Уже первые шаги по либерализации режима в начале царствования Александра II затронули и положение активистов украинского национального движения, репрессированных по делу Кирилло-Мефодиевского братства. Запрет на публикацию их произведений был снят. Костомаров был возвращен из провинции и получил место профессора. Его появление в Петербургском университете было поистине триумфальным – после первой лекции из аудитории его вынесли на руках. У Кулиша вскоре появилась собственная типография в Петербурге¹. В 1858 г. вернулся в столицу и Шевченко. Вообще Петербург в то время становится центром довольно многочисленного и активного украинофильского кружка. «Жаль мне, что Вы находитесь так далеко от родины и от Петербурга, который, по множеству проживающих здесь украинцев, заменяет нам отчасти родину», – писал Кулиш одному из своих корреспондентов-украинцев в 1861 г.²

¹ За 1860–1862 гг. типография Кулиша издала в серии «Сельская библиотека» 39 различных брошюр на украинском языке, что равняется числу украинских книг, изданных за предыдущие сорок лет. См.: *Дей О.І.* Книга і друкарство на Україні з 60-х років XIX ст. до Великого Жовтня // Книга і друкарство на Україні / за ред. П.М. Попова. Київ, 1964. С. 129.

² П.А. Кулиш В.П. Маслову, 7 декабря 1861 г. ОР РГБ. Ф. 418. К. 1. Ед. хр. 15. Л. 1. Некоторые подробности о жизни петербургского кружка украинофилов см. в кн.: *Пантелеев Л.Ф.* Воспоминания. М., 1958; *Недоборовский З.* Мои воспоминания // Киевская Старина. Февраль 1893. Грушевский впоследствии заметил: «Самый факт, что центром украинского движения конца пятидесятых и начала 60-х

Бдительность властей по отношению к украинофильству практически сошла на нет. Только некоторые рядовые чиновники, еще помнившие порядки прежнего царствования, временами беспокоили начальство. В 1857 г. петербургский цензор Лажечников, обнаружив в предисловии Кулиша к его исторической хронике «Черная рада» «рассуждения о внесении примирительного начала между двух племен, связанных материально и отчасти духовно, но разрозненных старыми недоразумениями и недостатками взаимной оценки», счел, что «столь важный предмет требует рассмотрения его высшею Цензурою», а потому обратился с запросом в Главное Управление по делам цензуры (далее – ГУЦ)¹. Последнее от бдительного цензора отмахнулось, предложив рассмотреть вопрос «согласно общим правил»².

Уже в 1860 г. петербургский цензор В. Бекетов при рассмотрении очередного произведения Кулиша под названием «Хмельниччина», не найдя в книге «ничего предосудительного, кроме некоторых слов, намекающих на стеснительное положение Малороссии при завладении ею русскими», тем не менее усомнился, «может ли вообще быть допущена история Малороссии, в чем как бы высказывается самостоятельность этого края»³. И вновь ГУЦ не нашло резонно трактовать украинский вопрос вне «общих правил»: «Цензура вообще не может и не должна препятствовать обнародованию специальных сочинений, касающихся истории разных областей империи, бывших некогда отдельными и ныне составляющих с ней одно целое, если только сочинения эти написаны с чисто ученою целью, без всякой мысли о возможности самостоятельного существования тех областей и без всяких сепаратических учений и настроений»⁴. Не обнаружив, по наивности, таковых в сочинении Кулиша, ГУЦ разрешило публикацию «Хмельниччины».

Где правительство проявляло жесткость и быстроту реакции, так это в пресечении весьма энергичных в то время попыток поляков распространять в Западном крае книги на местных языках,

годов сделался Петербург – правительственный центр, расположенный в 1500 верстах от украинской территории, показывает, как слабо было еще это движение, как связано с деятельностью немногих единиц» (*Грушевский М.* Очерк истории украинского народа. СПб, 1904. С. 352).

¹ РГИА. Ф. 772. Оп. 1. Ед. хр. 4027. Л. 1–1об. Письмо от 4 января 1857 г.

² Там же. Л. 8. Заключение ГУЦ от 12 января 1857 г.

³ РГИА. Ф. 772. Оп. 1. Ед. хр. 5536. Л. 1–1об. Запрос от 7 декабря 1861 г.

⁴ Там же. Л. 4–4об. Письмо члена ГУЦ Н. Муханова от 22 февраля 1861 г.

печатанные латиницей¹. Активные усилия по переводу на латиницу письменности тамошних русинов предпринимались в это время в Габсбургской монархии. В мае 1858 г. в Галиции по указанию наместника провинции гр. А. Голуховского была создана специальная комиссия по переводу галицийских русинов с кириллицы на латиницу. Другой проект такого рода был подготовлен с благословения австрийских властей чехом Й. Иречком, занимавшим важный пост в австрийском министерстве просвещения². Реализовать эти проекты не удалось из-за отчаянного сопротивления галицийских русинов.

Уже в 1859 г. «печатание азбук, содержащих в себе применение польского алфавита к русскому языку», в России было запрещено. В этой связи было указано «постановить правилом, чтобы сочинения на малороссийском наречии, собственно для распространения между простым народом [а это как раз не возбранялось. – А.М.], печатались не иначе, как русскими буквами»³. Аналогичное решение вскоре последовало и в отношении белорусского языка⁴. В целом эти решения продолжали политику, принятую после восстания 1830–1831 гг., которая, по меткому определению французского историка Даниэля Бовуа, признавала крестьян Западного края экономической собственностью польских землевладельцев, но отказывалась считать их польской культурной и национальной собственностью⁵.

Накануне отмены крепостного права правительство и общественное мнение были озабочены развитием начального образования для крестьян. И здесь особой чуткости к угрозе украинского национализма, а также жесткости ассимиляторской политики не проявлялось. Специальный Комитет, рассматривавший этот вопрос в 1861 г., пришел к заключению, что в первые два года – а к этому, собственно, и сводилось начальное образование во многих областях империи, в том числе и на Украине, вплоть до начала XX в. – преподавание должно вестись на местных наречиях «в тех местностях, где родной язык не есть язык велико-русский», и только

¹ См. статью В. Ламанского в № 2 «Дня» от 21 октября 1861 года (с. 16).

² См.: *Мойсеенко В.* Про одну спробу латинізації українського письма // «Ї»: незалежний культурологічний часопис. Львів, 1997. № 9. С. 140–147.

³ РГИА. Ф. 772. Оп. 1. Ч. 2. Ед. хр. 4840.

⁴ РГИА. Ф. 772. Оп. 1. Ч. 2. Ед. хр. 4950. Замечательно, что В. Дунину-Марцинкевичу, издателю конфискованного в результате этого решения перевода «Пана Тадеуша» А. Мицкевича, были возмещены убытки.

⁵ *Beauvois D.* Polacy na Ukrainie 1831–1863. Paryż, 1987. S. 31.

на более высоких ступенях языком обучения должен становиться русский¹. (Фактически это решение повторяло нормы Устава 1804 г., предполагавшего преподавание и русской, и местной грамматики.) Замечателен в этой связи рассказ члена Полтавской громады Д. Пильчикова о том, как в 1861 г. в ходе конфликта украинофилов и местных помещиков о языке преподавания в местной воскресной школе «какой-то петербургский генерал зашел в школу, принял к великому нашему удивлению нашу сторону, находил наше притязание вполне законным и – хамократия [так Пильчиков неизменно называет местных помещиков. – А.М.] замолчала»².

В начале 1862 г. в Петербурге и Москве можно было свободно купить шесть (!) украинских букварей разных авторов, в том числе Кулиша и Шевченко³. В 1862 г. стараниями минского маршалка (предводителя дворянства) А. Аскерка был напечатан и белорусский букварь⁴. Отметим предписание цензурным комитетам от 1858 г. в случае переиздания «Граматики» Кулиша, впервые напечатанной в Петербурге в 1857 г., исключить из нее статьи, «проникнутые национальным украинским духом»⁵. Цензурным властям просто не приходило в голову, что само издание украинских букварей гораздо более важно для развития украинского национализма, чем несколько высказанных в них сепаратистских идей! Другая претензия властей к «Граматке» Кулиша, вытекавшая, собственно, из первой, была связана с помещением в ней статей, вызывающих враждебность к полякам. Киевский генерал-губернатор кн. И.И. Васильчиков под влиянием жалоб местных помещиков обращался в 1858 г. к министру народного просвещения с просьбой запретить именно по этой причине продавать «Граматку» во вверенных ему губерниях, а в последующих изданиях эти статьи изъять⁶.

Власти не только не чинили препятствий для издания украинских букварей, но ассигновали через Министерство народного

¹ См.: РГИА. Ф. 775. Оп. 1. Ед. хр. 188. Л. 9–9об. (Справка для Валуева о решениях по этому вопросу.)

² Дудко В. Полтавська Громада початку 1860-х рр. у листах Дмитра Пилчикова до Василя Білозерського // Київська Старовина. 1998. № 2. С. 162.

³ См.: Основа. 1862. № 1. С. 108. Остальные авторы – Л. Яценко, Н. Гацук, И. Деркач, К. Шейковский. Были и разошедшиеся к тому времени издания, например, М. Максимовича.

⁴ Церашкович П.У. Беларусы. Энциклапедыя Гісторыі Беларусі. Мінск, 1993. С. 471.

⁵ РГИА. Ф. 772. Оп.1. Ч. 2. Ед. хр. 4503.

⁶ РГИА. Ф. 772. Оп.1. Д.4503. Л.1.

просвещения (МНП) 500 рублей для издания украинских учебников для народных школ¹.

Украинские активисты даже попытались использовать церковные структуры для распространения букваря Шевченко в народных школах. В начале 1861 г. группа харьковских украинофилов отправила 6000 экземпляров букваря Шевченко киевскому митрополиту Арсеню для использования их в народных школах. Сам факт, что организаторы этой акции не спросили Арсения о готовности принять книгу, но сразу послали ему такое огромное количество экземпляров, войдя в весьма серьезные расходы, говорит о том, что они не ожидали встретить какие-либо препятствия с его стороны. Митрополит, однако, проявил осторожность и 19 апреля отправил обер-прокурору Святейшего синода А.П. Толстому запрос о том, стоит ли ему принимать этот дар и вообще о мнении правительства насчет использования малорусских букварей в народных школах². Толстой 20 июня переадресовал запрос Арсения начальнику III отделения В.А. Долгорукову³. Долгоруков, в свою очередь, тут же передал письмо Толстого министру народного просвещения Е.В. Путятину, который запросил справку от подчиненного ему Главного управления цензуры. Последнее сообщило, что «по цензуре нет распоряжения, чтобы не позволять печатать буквари на малороссийском языке. Только постановлено правилом, чтобы сочинения на малороссийском наречии, писанные собственно для распространения их между простым народом, печатались не иначе как русскими буквами, и чтобы подобные народные книги, печатанные за границею польским шрифтом, не были допускаемы ко ввозу в Россию». В канцелярии Путятина на этом документе была сделана приписка: «Главное управление цензуры постановило: препятствовать нет законных оснований, но лучше не поощрять наречий, разъединяющих два племени. Представить подробнее рассмотреть г. т[айному] с[оветнику] Тройницкому. 8 июля 1861 г.»⁴.

¹ См.: *Фабрикант Ник*. Краткий очерк из истории отношений русских цензурных законов к украинской литературе // Русская мысль. 1905. Кн. III, С. 131.

² См.: *Бородин В.С.* Т.Г. Шевченко і царська цензура. Дослідження та документи. 1840–1862 роки. Київ, 1969. С. 75. (Бородин опубликовал в приложении все документы, касающиеся этой истории.) К запросу в адрес Толстого Арсеней приложил письмо от дарителей, но просил его вернуть, что Толстой, вероятно, и сделал, поэтому установить имена харьковских активистов на основании материалов дела невозможно.

³ Там же. С. 154.

⁴ Там же. С. 154–155.

Таким образом, в середине 1861 г. ни Синод, ни III отделение, ни МНП не имели сколько-нибудь ясной позиции по вопросу о допущении в начальную школу украинских учебников.

Член Главного управления цензуры А. Тройницкий представил свой отзыв через неделю – 14 июля. Он начал записку с подтверждения вывода ГУЦ, что нет никаких законных оснований для препятствий к публикации этого букваря, но тут же оговорился, что «покровительствовать от имени правительства распространению ее в Малороссии, в виде народного учебника, едва ли было бы уместно». Аргументация Тройницкого выглядела следующим образом: «Издание как этой книжки, так и других, ей подобных, т.е. составляемых для простонародья в Малороссии, на малороссийском языке, хотя и печатаемых русскими буквами, обнаруживает намерение вызвать снова к отдельной жизни малороссийскую народность, которой постепенное и прочное слияние в одно неразрывное целое с народностью великорусскою должно, по моему мнению, быть предмет ненасилственных, но тем не менее постоянных стремлений правительства. Религия, исповедуемая нами, одна и та же; высшие классы малороссийского населения, благодаря Бога, уже значительно сблизились и слились с такими же классами великороссийского племени в общественном и служебном быту; простой народ составляет значительную часть русского войска, его интересы, земледельческие, промышленные и торговые, могут только выиграть и развиваться через взаимное обобщение с подобными интересами всего русского государства; различаются и разделяются еще отчасти великорусский и малороссийский простой народ особенными наречиями одного и того же языка и некоторыми местными обычаями. Невозможно и не следует искоренять этих различий насильственными мерами, как, например, запрещением вообще печатания малороссийских книг, и сближение их следует предоставить времени; но никак не следует и препятствовать естественному ходу времени и новым оживлением малороссийской речи и малороссийской литературы содействовать, от имени или влиянием правительственных властей, возникновению вновь в будущем того разделения между родственными племенами, которое некогда было так губительно для обоих и которое было бы даже опасно для целостности государства. Позволяю себе присовокупить, что такому направлению следовали и главнейше, может быть, обязаны своим нынешним могуществом Англия и Франция,

державы, собравшиеся первоначально из частей, более разнородных, нежели наше общее отечество – Россия»¹.

В своей интерпретации различий между малороссами и великороссами Тройницкий следует за Венелиным. Его предложения относительно неуместности цензурных запретов предвосхищают, как увидим, позицию большей части русской прессы, как она была выражена в публикациях осени 1861 г. Тройницкий, насколько можно судить по имеющимся источникам, оказался первым саванником, который ясно сформулировал в бюрократическом документе ассимиляторский подход, основанный на проекте большой русской нации, и прямо провел аналогию между этим проектом и опытом Англии и Франции. Однако никакой программы ассимиляторского давления Тройницкий не предлагал, полагаясь лишь на «естественный ход времени».

Разумеется, после этой записки митрополиту Арсению было рекомендовано «принятие и раздачу южнорусского букваря отклонить»². Неверно было бы, однако, думать, что перелом в политике властей произошел уже в середине 1861 г. Так, в 1862 г. одна из украинских книжек для народного чтения – «Сказки» Л. Глебова – была издана за казенный счет³. Также терпимую позицию продолжал занимать и Святейший синод, цензуре которого подлежали все книги религиозного содержания. Предназначенное для народа и напечатанное на собранные Костомаровым добровольные пожертвования издание «Священной истории» отца Степана Опатовича на украинском не встретило препятствий в 1862 г.⁴ Как увидим далее, Синод в это время вполне допускал и возможность издания на украинском Священного Писания. В стремлении довести свои решения до крестьян, власти, если действительно были этим озабочены, не останавливались перед тем, чтобы обратиться к ним на украинском языке. В 1861 г. ни кому иному, как Кулишу, официально было предложено перевести на украинский Положение о крестьянах⁵. Перевод не был напечатан из-за того, что государственный секретарь В.П. Бутков требовал от Кулиша приблизить его к языку

¹ *Борodin В.С.* Т.Г. Шевченко і царська цензура... С. 155–156.

² Там же. С. 156.

³ *Дей О.І.* Книга і друкарство на Україні з 60-х років XIX ст. до Великого Жовтня... С. 308.

⁴ Служивший в Петербурге на Смоленском кладбище Степан Иванович Опатович был близок с Костомаровым и другими петербургскими украинофилами. См.: *Недоборовский З.* Мои воспоминания // Киевская старина. 1893. № 2. С. 201–202.

⁵ Об отмене стеснений малорусского печатного слова. СПб., 1910. С.14.

малороссийского крестьянина, а Кулиш отказался вносить поправки, поскольку видел свою главную задачу в стандартизации языка¹. В 1862 г. киевский гражданский губернатор Н.П. Гессе, совершая поездку по вверенной ему губернии с целью убеждения крестьян в необходимости составления уставных грамот, имел с собой чиновника, который повторял его речь «на малороссийском языке» и раздавал затем печатные экземпляры этого украинского текста собранным старшинам².

Таким образом, даже после появления записки Тройницкого, сформулировавшего проблему достаточно ясно, власти, как мы увидим, еще довольно продолжительное время не выработали четкой единой позиции в вопросе о языке преподавания и не проявляли особой чувствительности к проблемам идентичности, что явно свидетельствует о запаздывании самодержавия по крайней мере на несколько десятилетий в усвоении националистических принципов политики, уже вполне утвердившихся к тому времени в западноевропейских странах.

Во второй половине 50-х своеобразной прелюдией к грядущему обострению украинского вопроса стала полемика двух весьма известных в тогдашней России ученых мужей – академика Михаила Погодина и бывшего ректора Киевского университета Михаила Максимовича, выступавшего от имени «малорусского народа»³. Суть спора, проходившего в течение 1856–1857 гг. на страницах славянофильского журнала «Русская беседа», сводилась к тому, кто (великороссы или малороссы) имеет больше прав на наследие Киевской Руси. Максимович начал полемику «Филологическими письмами» к Погодину, возражая против его теории, согласно ко-

¹ Дудко В. Полтавська Громада початку 1860-х рр... С. 176. Отметим, что с Бутковым был солидарен и полтавский украинофил Д. Пильников, писавший о тексте Кулиша, что «такой перевод будет бесполезен для народа». (Там же. С. 163.)

² Шевелів Б. Петиці українських громад до петербурзького комітету грамотности з р. 1862 // За сто літ. № 3. X. – К., 1928. С. 14. См. также: Современная летопись Русского вестника. 1862. № 4.

³ До конца жизни Максимович просто не мыслил националистическими категориями. Объясняя, почему заведомо любит Киев больше Погодина, Максимович ссылается на то, что, «питая к нему любовь общерусскую, и ближайшую к нему любовь – малороссийскую, – я люблю его еще как *родину моего рода*», оперируя ценностями потомственного дворянина (Максимович М. Ответные письма М.П. Погодину // Русская беседа. 1857. Кн. 2. С. 85). О Максимовиче см. также: Пытин А.Н. История русской этнографии. Т. 3. Этнография малорусская. СПб., 1891. С. 15–37; Драгоманов М. М.А. Максимович. Его литературное и общественное значение. Некролог // Вестник Европы. 1874 (март). С. 442–453.

торой население Киевской Руси до татарского нашествия было великорусским, а малоруссы заняли эту территорию лишь в XIV–XV вв., после ухода великоруссов на север. (О. Андриевски считает, что Погодин начал формулировать эти идеи под впечатлением от дела Кирилло-Мефодиевского общества¹.)

Подчеркивая малороссийский характер культуры Киевской Руси, Максимович оговаривался, что «Малороссийское и Велико-российское наречие, или, говоря полнее и точнее, Южнорусский и Севернорусский языки – родные братья, сыновья одной русской речи, ... должны быть непременно вместе, в одной системе»². И далее, говоря о языке, Максимович дает вполне систематическое изложение концепции «большой» русской общности: «Великороссийское наречие состоит в ближайшем сродстве с белорусским, и составляют они одну речь, или язык севернорусский, который, вместе с южнорусским языком или речью (состоящую в двух главных наречиях – малороссийском и червонорусском), образует одну великую речь восточнославянскую или русскую»³. В ответ Погодин обвинил своего старого приятеля (весь спор проходил в достаточно благожелательной атмосфере, и полемисты обращались друг к другу на «ты») в «жаре местного пристрастия»⁴. Характерно, что Погодин возражал против объявления «Малороссийским того, что принадлежит нам (т.е. Великоруссам) искони»⁵. Тем самым он, сознательно или нет, признавал саму возможность такого дележа и отрицал, по сути, концепцию безусловного единства «трех русских племен». В его трактовке наследие Киевской Руси из материала, в высшей степени удобного для создания исторического мифа, обслуживающего идею единства, становилось предметом «имущественной тяжбы».

Фактически мы имеем здесь дело с весьма типичным для романтического этапа развития националистического конфликта

¹ *Andriewsky O.* Becoming Invisible: Ukrainians in the Rhetoric of Empire in the 19th Century Russia. Доклад на конференции “Shaping identities in the borderlands: Ukraine, Belarus, and Lithuania in the Nineteenth Century” (CEU, Budapest, March 4–6, 1999).

² *Максимович М.* Филологические письма к М.П. Погодину // Русская беседа. 1856. Кн. III. С. 84–85.

³ *Максимович М.* Ответные письма М.П. Погодину // Русская беседа. 1857. Кн. 2. С. 87.

⁴ *Погодин М.* Ответ на филологические письма М.А. Максимовича // Русская Беседа. 1856. Кн. IV. С. 124.

⁵ Там же. С. 137.

спором о дележе истории, с поиском исторических аргументов для обоснования прав на ту или иную территорию и для установления того или иного варианта этнической иерархии. Из рассуждений Погодина вытекала идея «старшинства» и доминации великорусского элемента, Максимович же отстаивал их равенство, но само единство сомнению не подвергал¹. Происходила постепенная «национализация патриотизма», хотя модерная националистическая идеология оставалась чужда обоим участникам полемики до конца их жизни².

Форма полемики, с обилием ученой терминологии, подробным обсуждением лингвистических частных, делала для читателей вычленение идеологической сути спора задачей весьма трудоемкой и заведомо исключала возможность превращения этих публикаций в предмет широкого общественного интереса.

Однако дошедшие до нас фрагменты частной переписки конца пятидесятых годов показывают, что уже тогда шло активное обсуждение тех вопросов, которым предстояло стать предметом острой публичной полемики в начале шестидесятых годов. Уже в 1857 г. Кулиш начал искать деньги на издание украинского журнала. «Если бы был журнал, то есть деньги на него, то можно б и найти дельных ребят, которые поняли бы, что нам нужно, и создали бы свой язык не хуже чехов и сербов», – писал Кулиш богатому помещику Г.П. Галагану, который симпатизировал украинофилам³. (Если образы, символы и тексты часто заимствовались украинофилами у поляков, то стратегия движения формулировалась в опоре на чешский образец, который больше соответствовал характеру проблем культурной и языковой эмансипации, стоявших перед украинским национальным движением.) Кулиш совершенно точно определял суть задачи – литературный язык еще предстояло создать⁴. Впрочем, он и сам не собирался оставаться в стороне от

¹ Вполне логично, что Максимович впоследствии не поддержал «Основу», в программе которой делался акцент на национальной проблеме. См.: *Бернштейн М.Д.* Журнал «Основа» і український літературний процес кінця 50–60-х років XIX ст. Київ, 1959. С. 34.

² Понятие «национализация патриотизма» предложено и проанализировано на западноевропейском материале в кн.: *Viroli M.* For Love of Country. An Essay on Patriotism and Nationalism. Oxford: Clarendon Press, 1995. P. 140–160.

³ Киевская старина. 1899 (сентябрь). С. 349 («Частная переписка Г.П. Галагана. Письма П.А. Кулиша»).

⁴ Именно поколение Кулиша и Шевченко заложило основы этого процесса, который не был вполне завершен даже к середине XX в. См.: *Shevelov G.* Evolution

дела: «Мы обогатили московскую речь словами, которых, при их научной темноте, у москалей не было. Теперь надо взять свое назад с лихвой, не обращая внимания на то, что хозяйствовал на нашей собственности Пушкин и другие. Вот я, отдыхая, перевел по нашему первую песню Чайлд Гарольда так, будто и нет на свете московской речи, а только английская и наша»¹.

Кулиш, при всей его очевидной тенденциозности, был ближе к исторической правде в описании характера взаимодействия малорусской и великорусской культуры в XVII и XVIII в., чем Белинский². Поляки, если бы их пригласили к участию в этой дискуссии, разумеется, предложили бы свою трактовку того, откуда взялись у малороссов «ученые слова». Далее слово следовало бы передать немцам...

В конце 1858 г. планы создания журнала стали предметом оживленной полемики Кулиша со славянофилом С.Т. Аксаковым. В октябре 1858 г. Кулиш писал Аксакову следующее: «Слова мои кажутся иногда резким криком потому, что им не предшествовали свободные объяснения с читающим обществом; что свободы слова мы, Малороссияне, лишены более, нежели какая-либо народность в Русской Империи; что мы поем свою песню *на земле чуждей*. Мы имеем против себя не одно Правительство, но и ваше общественное мнение. Мы имеем против себя даже собственных земляков-недоумков. Нас горсточка, хранящих веру в свою будущность, которая, по нашему глубокому убеждению, не может быть одинакова с будущностию Великорусского народа. Между нами и вами лежит такая же бездна, как между драмой и эпосом: и то, и другое великие создания божественного гения, но странно желать, чтобы они слились в один род! А ваше общество этого желает и в это слепо верует. Ваше общество думает, что для нас клином сошлась земля в Московском царстве, что мы созданы для Московского царства, а пожалуй, что Московское царство создаст нашу будущность. Мы это видим и чувствуем беспрестанно, и не имея возможности писать за себя так, как пишут *дома*, изредка только нарушаем свое молчание...

of the Ukrainian Literary Language // Rethinking Ukrainian History / Ed. by I.L. Rudnytsky. Edmonton, 1981. P. 224–227.

¹ Киевская старина. 1899 (сентябрь). С. 349. («Частная переписка Г.П. Галагана. Письма П.А. Кулиша»).

² См.: *Saunders D. Ukrainian Impact on Russian Culture 1750–1850*. Edmonton, 1985.

Да если б можно было писать по-искендеровски, то каждая оскорбляющая вас фраза превратилась бы в биографический, этнографический или социальный трактат, и целая литература образовалась бы из нашего несогласного с вашим воззрением на то, что теперь обсуживается в назидание всей Русской земли по Московски и Петербургски. Это время настанет-таки, но настанет тогда, когда нас не будет уже на свете. И пускай доказательством будет то, что в период высшего развития вашей письменности существуют люди, негодующие на ее односторонность и нетерпимость. Мы не домогаемся от Правительства и вашего общества невозможного покаяния, но мы храним завет свободы нашего самостоятельного развития...»¹

Кулиш выступает здесь как убежденный украинский националист именно сепаратистского толка, то есть ясно определяющий Москву и русскую культуру как «чуждые», а конечную цель как отделение Украины. Обратим внимание на то, что Кулиш вполне доверяет своему адресату в том смысле, что тот не сделает письмо достоянием гласности. Далее мы увидим, что в начале 60-х подавляющее большинство великорусских оппонентов украинофилов последовательно предвосхищало логику Ф.М. Достоевского и А.С. Суворина из известного эпизода 1881 г., рассказанного последним в его «Дневнике», где они говорят о невозможности донести на заговорщиков². Речь, конечно, идет не о сравнении украинофилов с террористами «Народной воли», а о том, что многие либерально настроенные противники украинофилов не только на них не доносили, но и самой открытой полемики с ними длительное время вынужденно избегали, поскольку в условиях полицейского режима это с большой долей вероятности могло иметь последствия, равнозначные доносу. Далее мы увидим, что эта весьма актуальная для России даже в XX в. тема трактовки либеральной этики в условиях полицейского режима будет не раз возникать в полемике об украинофильстве.

Впрочем, в Петербурге многие сознательно поддерживали украинофильство. Тот же Кулиш с укором писал Аксакову в ноябре 1858 г.: «...петербургские русские позволяют существовать мало-

¹ ГАРФ. Ф. 109 (Секретный архив). Оп. 1. Ед. хр. 1762. Л. 1–2.

² Дневник А. С. Суворина. М. – Пг., 1923. С. 15.

российской народности и хлопочут о ней, как свойственно истинно просвещенным людям нашего времени»¹.

В переписке конца пятидесятых уже обозначился и конфликт, которому впоследствии предстояло сыграть важную роль в судьбе украинофильства в России, а именно конфликт между украинофилами и теми малороссами (было бы неверно называть их украинцами), которые считали благом для Украины единство с Россией. Вот что писал такой малоросс С.С. Гогоцкий, профессор педагогики Киевского университета, священнику В.В. Гречулевичу, автору одного из многих появившихся в то время украинских букварей, в Петербург в декабре 1859 г.: «В букваре своем вы прекрасно сделали, что напомнили народу его же понятиями о всех подлостях Ляхов. Это необходимо, потому что, повторяю, и теперь эта пропаганда только выжидает случая для действия против нас. В мыслях своих она уже уничтожила нас. Солтык в Париже напечатал, что Малороссия обитает от Днепра до Волги, а о том, что нас не менее 6 миллионов по правую сторону Днепра – ни гугу. Но мне кажется, вы не приняли во внимание обстоятельств всей Малороссии, когда а) намекаете народу о какой-то *самостойкости*. (Самостойкость нас убила бы в один год.) б) Хотя не прямо, но косвенно, молчалием проводите разделение между нами и Великоруссами, тогда как именно нужно внушить нашему народу крепко, что наше благо только и только в единстве всех Русских племен. Поверьте, что это единственный компетентный молот против этой пропаганды, которую я отлично вижу и понимаю, как она прячется. Я заметил, что Восточные Малороссы совсем забыли о нас. в) Вообще в вашем букваре вы, заметно, желаете поставить наш народ во враждебное отношение к России и напрасно устранили употребление литературного русского языка, хотя в некоторых статьях. Этим вы, даже если судить по расчету, поступили неловко, потому что вы накликаете нам вместо одного врага – Ляха, двух: Ляха и Русского. Понять не могу, каким же образом мы удержимся при двух врагах, когда нас держит единственно Русское Правительство.

Мои выводы следующие: а) Мы должны теперь же озаботиться о обучении народа по обеим сторонам Днепра. б) Поддерживать впредь мысль о единстве трех племен Русских; без этого единства мы погибнем и очень скоро. в) Литературный русский язык должен быть всем общий в букварях. Вера и язык должны

¹ Цит. по: *Бернштейн М.Д.* Журнал «Основа» і український літературний процес кінця 50–60-х років XIX ст. Київ, 1959.

быть связующими элементами. Но не мешает привести *что-нибудь* и на простом языке нашем. г) отнюдь не внушать разлада между Великороссиею и нами. Можно выражать желания перемен другим способом. Не забывайте, что враги наши: Ляхи и Рим!»¹

Цитированное ранее замечание Кулиша о «земляках-недоумках», которые выступают против украинофилов, говорит о том, что Гогоцкий был в своих взглядах не одинок. Председатель киевской Комиссии для разбора древних актов М.В. Юзефович тогда же старался убедить Кулиша, что задача состоит в «воздействии друг на друга двух коренных русских наречий, из общего источника которых [...] должен вылиться великолепный, образцовый наш литературный язык»². Юзефович давал Кулишу деньги, и потому последний писал «земляку-недоумку»: «Хоть вы и не по нашему пишете, но не совсем и по чужому, потому что мы с Московскою Землей не враждуем и любим московскую словесность, как и свою русскую. Сохрани нас Боже Московської Земли одбигаты»³.

Однако письмо Гогоцкого свидетельствует, что публично нигде пока не заявленная политическая программа украинофилов для многих заинтересованных наблюдателей была достаточно понятна уже в конце пятидесятых годов. Кстати, в круг «заинтересованных наблюдателей» как раз с 1858 г. входит и III отделение, перлюстрировавшее и письмо Гогоцкого, и весьма откровенное письмо Кулиша Аксакову от октября 1858 г. С точки зрения охраняемых им интересов жандармское начальство верно оценило оба текста. Письмо Гогоцкого начальник III отделения Долгоруков лично снабдил пометкой «Вообще весьма дельно», а дело по письму Кулиша канцелярия Долгорукова озаглавила «Письмо ... с рассуждениями в националистическом духе: о невозможности сосуществования в будущем России и Малороссии в едином государстве, о вере Малороссии в свое обособленное от России будущее и т.д.». Однако времена были уже не николаевские, и никаких прямых репрессий против Кулиша не последовало.

¹ ГАРФ. Ф. 109 (Секретный архив). Оп. 1. Ед. хр. 1763. Л. 3–4об. Выписка из письма С. Гогоцкого из Киева от 19 дек. 1859 г., к отцу Василию Вас. Гречулевичу, в СПб. Сохранена пунктуация оригинала.

² Киевская старина. 1899 (март). С. 324.

³ Там же. С. 314.

Глава 3

Активизация украинофильства в начале 1860-х годов. «Основа» и русская пресса

Существенная активизация украинского движения приходится на 1861 г. И связана она прежде всего с организацией ежемесячного Южно-русского литературно-ученого вестника «Основа».хлопоты об открытии журнала велись еще с 1857 г. Однако, когда в октябре 1858 г. Кулиш официально обратился в МНП с просьбой разрешить ему издавать журнал «Хата», а МНП, в свою очередь, запросило мнение III отделения, жандармы как раз занимались подготовкой для своего начальника справки о Кулише. Удивительно здесь не то, что перлюстрированное письмо Кулиша вызвало у Долгорукова неподдельный интерес, но то, что начальнику жандармов потребовалась справка о том, кто же такой этот Кулиш: с десятилетней давности делом Кирилло-Мефодиевского общества, по которому Кулиш проходил как один из главных обвиняемых, Долгоруков не был знаком!¹ Долгорукова просветили, и его ответ на запрос МНП был решительно негативным: «...принимая в соображение сведения о губернском секретаре Кулише, изложенные в отношении предместника моего от 30 мая 1847 года, № 897, к бывшему тогда министру народного просвещения, графу Уварову, и имея также в виду [...], что он в литературной своей деятельности следует прежнему своему направлению, бывшему причиной особых мер, принятых против него правительством, я полагаю бы разрешение губернскому секретарю Кулишу издание журнала откло-

¹ Именно так и помечил Долгоруков на полях прочитанного им письма: «Кто такой Кулиш?» (ГАРФ. Ф. 109 (Секретный архив). Оп. 1. Ед. хр. 1762. Л. 2).

нить». Но, по верному замечанию самого Кулиша, «министр отказал, и отказал собственно мне, не восставая против идеи журнала»¹. Когда годом позднее заявку на издание журнала подал другой бывший член Кирилло-Мефодиевского братства, родственник Кулиша В. Белозерский, Долгоруков тоже возражал, но уже не столь энергично, и вскоре такое разрешение было дано. Возможно, что и хлопоты тех «просвещенных людей из петербургских русских», о которых упоминал Кулиш в письме С. Аксакову, возымели действие.

Первое объявление о скором выходе «Основы» было напечатано в июне 1860 г., а первый номер вышел в январе 1861-го. Это было особенное время. «Все это переверотилось и только укладывается», – написал Лев Толстой о России через несколько лет после отмены крепостного права. Такое ощущение было тем более характерно и для власти, и для подданных империи в начале 1860-х годов. Последние не знали, где пройдут новые границы того, что возможно, и в какой степени это зависит от воли власти, а в какой – от них самих. Власть, в свою очередь, начав реформы, еще не знала, где остановится, и боялась потерять контроль над происходящим, памятуя уже тогда известную истину, что нет момента более опасного для авторитарного режима, чем начало либеральных преобразований.

По-своему эта атмосфера преломлялась в среде активистов национальных движений, что хорошо передает письмо А. Конисского Кулишу из Полтавы: «19 февраля [1861 года, в день провозглашения манифеста об отмене крепостного права. – *А.М.*] наше небольшое общество сделало обед, во время которого первый тост был за здоровье крепостных крестьян, а другой за здоровье Украинских писателей и за «Основу». [...] А что? Теперь Москали молчат! Бог даст и на нашей улице будет праздник!!»² Именно к началу 60-х относится появление в целом ряде городов так называемых «громад», то есть кружков украинских национальных активистов.

Наибольшее беспокойство властей вызывало тогда, разумеется, польское национальное движение не только в Царстве, но и в Западном крае. Из польской среды вновь зазвучали требования присоединения, по крайней мере, части кресов к Царству Поль-

¹ См.: *Бернштейн М.Д.* Журнал «Основа» і український літературний процес кінця 50–60-х років XIX ст. Київ, 1959. С. 14–17.

² ГАРФ. Ф. 109 (Секретный архив). Оп. 1. Ед. хр. 1764. Л. 1об.

скому¹. Правительство, с одной стороны, искало компромисса с поляками, с другой – совершенно исключало возможность передачи земель Западного края Царству Польскому как плату за такой компромисс². Уже с 1861 г. начинается, неуклонно нарастая вплоть до восстания 1863 г., поток секретных правительственных документов, ставивших вопрос о необходимости «усиления русского элемента в Западном крае»³. Постоянный рост напряженности в западных губерниях, начало польской манифестационной кампании и отсутствие единства в правящих кругах по вопросу отношений с поляками, неопределенность условий крестьянской реформы на этих землях продвигали проблему Западного края все выше в списке приоритетов правительства. Позднее это обстоятельство сыграет немалую роль в ужесточении правительственной политики в отношении украинофилов.

Ярким примером атмосферы всеобщей подозрительности в русско-украинско-польских отношениях того времени стало отношение к новому явлению, которое в польской среде было презрительно прозвано «хлопоманством». «Хлопоманами» стали называть молодых выходцев из польских или давно ополяченных шляхетских семей, которые в силу своих народнических убеждений более или менее последовательно отказывались от социальной и культурной солидарности со своим слоем и стремились сблизиться с местным украинским крестьянством. (Аналогичное явление, только в меньших масштабах, существовало и в Белоруссии⁴.)

¹ В 1862 г. предводители дворянства Подольской губернии подали адрес, в котором призывали царя объединить Юго-Западный край с Царством Польским и оставить крестьянскую реформу в этих землях на усмотрение местных польских землевладельцев.

² «Ни одна пядь Русской земли не может быть уступлена Царству Польскому», – писал наиболее компромиссно настроенный к полякам среди высших сановников Петр Валуев в докладе императору в декабре 1862 г. (РГИА. Ф. 908. Оп. 1. Ед. хр. 185. Л. 5). Когда влиятельный лидер польского Земледельческого общества граф Анджей Замойский, которого правительство очень хотело привлечь к сотрудничеству, поставил условием объединение Западного края с Царством, все переговоры с ним были прекращены.

³ Кажется, наиболее ранний проект такого рода, сразу привлечший внимание Валуева, был изложен в письме подольского гражданского губернатора Р.И. Брауншвейга от 4 июня 1861 года, впоследствии назначенного на высокий пост в Царстве Польском. См.: РГИА. Ф. 1282. Оп.1. Ед. хр. 19. Л. 20–23. Целую подборку более поздних проектов см.: ГАРФ. Ф. 109. Оп. 37 (1863 г.). Ед. хр. 23. Ч. 175.

⁴ *Церашкович П.У.* Беларусы. Энцыклапедыя Гісторыі Беларусі. Мінск, 1993. С. 471.

Правительству, конечно, не могло не нравиться, когда наиболее последовательные «хлопоманы» переходили из католичества в православие и отказывались поддерживать польское национальное движение. Однако польские недоброжелатели «хлопоманов» спешили обратить внимание властей на неблагонадежность их социальных воззрений, а также на их украинофильскую ориентацию. (Далее мы увидим, что власти нередко склонны были к этим обвинениям прислушиваться, руководствуясь более инстинктом социальной солидарности крупных землевладельцев, чем логикой национального конфликта с поляками.) Наиболее же подозрительные из русских противников украинофильства считали «хлопоманство» особенно коварной версией валленродианства, частью польского плана по расколу русского народа¹.

В списке сотрудников «Основы», насчитывавшем более 50 человек, мы встречаем имена таких «хлопоманов» – В. Антоновича, Ф. Рыльского. Однако наибольшее внимание привлекали имена прежних соратников по Кирилло-Мефодиевскому обществу Н. Костомарова и П. Кулиша, действительно ставших наиболее активными авторами нового издания наряду с Шевченко. Под конец жизни автор «Кобзаря» становится культовой, символической фигурой для этого поколения украинофилов, возникает конструкция «Шевченко – батько, Украйно – мати», что получило вскоре логическое завершение в истории вполне осознанного создания национального символа из его могилы². То обстоятельство, что стихи и дневники Шевченко неизменно открывали каждый новый номер «Основы», также имело символическое значение.

«Край, изучению которого будет посвящена “Основа”, обитаем преимущественно южно-русским народом, – гласила Программа журнала. – Хотя в Бессарабии, Крыму и земле Войска Донского преобладающее население не южно-русское, но мы включаем и эти области в круг нашего изучения, как потому, что они не

¹ См., например, рассуждения Каткова о готовности «польских фанатиков ... прикинуться завзятыми украинофилами, имея на мысли великий идеал в лице Конрада Валленрода» (в кн.: *Катков М.Н.* 1863 год. Собрание статей, по польскому вопросу, помещавшихся в «Московских Ведомостях», «Русском Вестнике» и «Современной Летописи». Вып. 1. М., 1887. С. 276–277). Подробнее о «хлопоманстве» см.: *Пытин А.Н.* История русской этнографии. Т. 3: Этнография малорусская. СПб., 1891.; а также: *Миллер А.* Украинофильство // *Славяноведение*. 1998. № 5.

² О могиле Шевченко как национальном символе см. *Yekelchuk S.* Creating a Sacred Place: The Ukrainofiles and Shevchenko's Tomb in Kaniv (1861–ca. 1900) // *Journal of Ukrainian Studies*. Vol. 20. Nos. 1–2 (Summer – Winter 1995). P. 15–32.

имеют еще своих печатных органов, так и потому, что они находятся в непосредственной, промышленной и торговой, связи с прочими южно-русскими землями»¹. Редакция сразу заявила, что «открывает свой журнал для произведений на обоих родственных языках», подчеркнув, что «в наше время вопрос – можно ли и следует ли писать по южно-русски, что все равно – по-украински, разрешен самим делом»². Особое внимание редакция призвала обратить на «практическое значение народного языка в преподавании и проповеди – вопрос весьма важный и, пока, спорный единственно от того, что разрешение его не выведено из наблюдения над действительностью»³.

В центре внимания публицистов «Основы» была задача формулирования особой малорусской или украинской идентичности, с типичным для такого националистического дискурса вниманием к вопросу осамостоятельности украинского языка, а также к истории и к проблеме национального характера⁴.

Ключевой и наиболее часто затрагиваемой темой был вопрос об украинском языке и в особенности о его использовании в преподавании. Об этом писали Кулиш, Костомаров, молодые активисты П. Житецкий и П. Чубинский, которому предстояло стать одним из лидеров украинского движения в семидесятые годы и автором текста украинского гимна⁵. О значении, которое придавала редакция языковому вопросу, свидетельствует письмо Костомарова А. Котляревскому: «Александр Александрович! Необходимо написать большую, ученую, филологическую работу, где показать, что южнорусское наречие есть самобытный язык, а не неорганическая смесь русского с польским. Это необходимо, от этого зависит наше дело»⁶. Если тезис Ю. Шевелёва, что «лингвистическое развитие» породило украинское политическое движение, представляется

¹ См.: Основа. Объявление об издании и Программа. Приложение к № 1 за 1861 г. С. 1.

² Там же. С. 2.

³ Там же. С. 5.

⁴ О характерных чертах таких движений см.: *Anderson B. Imagined Communities. Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*. L.: Verso, 1991. 2nd ed. P. 67–82 (глава *Old Languages, New Models*).

⁵ Чубинский П. Два слова о сельском училище вообще и об училище для сельских учителей // Основа. 1862. № 4; Житецкий П. Русский патриотизм. Ответ «Дню» // Основа. 1862. № 3.

⁶ Кілька записок М.І. Костомарова з 1859–1870 років // Україна. 1929. № 10–11. С. 70.

все же преувеличенным, то с его утверждением, что языковой вопрос был центральным для украинского национального движения в XIX в., трудно не согласиться¹.

До начала 60-х годов обсуждение языкового вопроса касалось, если можно так выразиться, «нестатусных» аспектов. Против использования украинского языка в произведениях художественной литературы, а тем более при публикации исторических памятников, никто не возражал. Скептицизм в отношении возможности создания самостоятельной «высокой» литературы на украинском был среди русских распространенным мнением, но никто, в том числе и правительство, на протяжении всего XIX в. не предполагал решать этот вопрос запретами, будучи убежденным в предопределенности неудач украинофильских усилий в этой сфере.

Собственно, судьба самой «Основы» служила аргументом в пользу такой точки зрения. Тираж за 1861 г. не был распродан до конца, а с начала 1862-го журнал испытывал серьезные финансовые затруднения из-за недостатка подписчиков, постоянно задерживал выпуск очередных номеров и закрылся к концу года, причем без каких-либо экстраординарных репрессий со стороны властей, которые могли бы рассматриваться как причина этого².

¹ *Shevelov G.Y. Evolution of the Ukrainian Literary Language // Rethinking Ukrainian History / Ed. by I.L. Rudnytsky. Edmonton, 1981. P. 226–227.*

² Цензурные вмешательства в деятельность «Основы», конечно, имели место, но число их не было специально высоким в сравнении с другими изданиями. Предупреждений редактору и связанной с ними угрозы закрытия журнала не было. Подробнее о причинах закрытия «Основы» – финансовых, организационных, а также связанных с разногласиями в редакции, – см.: *Бернштейн М.Д. Журнал «Основа» і український літературний процес кінця 50–60-х років XIX ст. С. 198–208.* В частности, Бернштейн пишет: «Мнение, что Основа погибла только из-за цензурных притеснений – не может считаться обоснованным». Впрочем, отношение В. Белозерского в цензурный комитет от 19 декабря 1862 г. доказывает, что инициатива прекращения «Основы» исходила от самой редакции. (Обращение см.: РГИА. Ф. 772. Оп. 1. Ч. 2. Ед. хр. 5049.) Этому же мнению придерживался Драгоманов: «Основа замолчала, нужно заметить, не от того, что ее администрация задушила, а через беспорядок в редакции» (*Драгоманов М. Література російська, великоруська, українська і галицька // Правда. 1874. № 3. С. 113*). О падении популярности «Основы» свидетельствуют такие цифры: в 1861 г. в Полтаве, оплоте украинофильства на левом берегу Днепра, на «Основу» подписались 53 человека, а в 1862-м – 24. (*Дудко В. Полтавська Громада початку 1860-х рр... С. 156*). Пишу об этом подробно, поскольку тезис о закрытии журнала из-за преследований властей широко распространен в эмигрантской украинской историографии.

Возможность использования украинского языка в начальном обучении народа, как мы показали, в 1861 г. также еще вполне допускалась. Ситуация принципиально менялась, когда в публицистике «Основы» язык стал приобретать универсальное, сакральное значение. Возможность выразить региональную специфику в художественной литературе, возможность быстрее и легче научить крестьян читать и сообщать им важные правительственные решения – все эти аспекты отступали на второй план. Главной становилась идентификационная, символическая, национально-репрезентативная роль языка. Все те функции, которые украинский выполнял до сих пор, рассматривались теперь как начальные шаги к полной языковой эмансипации, и «Основа» прямо писала об этом. «Неужто, в самом деле, русский язык имеет монополию быть органом науки, проводником образованности?» – восклицал П. Житецкий и продолжал: «Великорусский язык – и народный, и литературный, не есть ближайший и прямой орган малоруссов»¹. Костомаров соглашался, что «смешно было бы, если бы кто-нибудь перевел на южно-русский язык “Космос” Гумбольдта или “Римскую империю” Момзена», добавляя, что «для такого рода сочинений *еще не пришло время* [выделено мной. – А.М.]»².

Здесь нужно сделать теоретическое отступление. В литературе о национализме широко признано, что вопрос о языке, то есть стремление к эмансипации языка, к превращению его из по преимуществу народного диалекта в стандартизированный, развитый литературный язык было типичной чертой национальных движений в Центральной и Восточной Европе. Бенедикт Андерсон даже называл определенную стадию этих движений «лексикографическими революциями»³.

Изучавшие эти процессы социолингвисты выделили несколько факторов, которые они считают решающими для успешной языковой эмансипации. Это, во-первых, развитость языка, то есть использование его во всех культурных и социальных контекстах, для всех коммуникационных задач. Во-вторых, историческое наследие языка, реальное и изобретенное. В-третьих, уровень его

¹ *Житецкий П.* Русский патриотизм. Ответ «Дню» // *Основа*. 1862. № 3. С. 8, 14–15.

² *Костомаров Н.* Мысли южнорусса. О преподавании на южнорусском языке // *Основа*. 1862. № 4. С. 2.

³ *Anderson B.* Imagined Communities... P. 67–84; см. также: *Seton-Watson H.* Nations and States... P. 11.

стандартизації. В-четвертых, дистанція, масштаб отличий от языка, по отношению к которому данный язык пытается эмансипироваться. И, наконец, наличие группы активистов, идентифицирующих себя с этим языком и готовых посвятить свои усилия его сохранению и развитию¹.

Достаточно самоотверженные и многочисленные активисты имелись. (Этого нельзя сказать о белорусском.) Историческая традиция по глубине была не хуже прочих – ее можно было возводить к Нестору, что и делалось. В стандартизации и развитости украинское движение за языковую эмансипацию заметно отставало, например от чешского, служившего образцом. Эти задачи оставались актуальными в течение всего XIX в.²

Но уникальность ситуации украинского по сравнению с другими славянскими языками была связана с проблемой дистанцирования от русского. Собственно, в самой необходимости такого дистанцирования не было ничего особенного. В Галиции украинский решал такую же задачу в отношении польского. И русские, и поляки одинаково настаивали на том, что малорусский или русинский представляют собой лишь наречия, простонародные говоры их развитых языков. Уникальность определялась статусом русского языка. Это был единственный славянский язык, который выполнял функцию официального языка огромной империи, а значит, экспансионистские, ассимиляторские позиции русского могли быть поддержаны всей мощью государственных институтов и всеми преимуществами, вытекавшими из владения русским. В XVIII – начале XIX в. для малороссийской элиты эти преимущества были уже достаточно ощутимы, результатом чего и стало поголовное владение русским. Интересно, что программа Костомарова об использовании украинского языка в образовании, изложенная в цитированной статье, практически повторяла и по существу, и по аргументации статью Чернышевского, написанную по поводу появления первого номера «Основы». Собственно, Чернышевский ясно сформулировал свои советы: «Преподавание малорусскому народу на малорусском языке, развитие популярной малороссийской литературы – вот по нашему

¹ См.: *Stewart W.A.* A Sociolinguistic Typology for Describing National Multilingualism // Readings in the Sociology of Language / Ed. by J. Fishman. The Hague: Mouton, 1968; *Sussex R.* Lingua Nostra: The Nineteenth-Century Slavonic Language Revivals // Culture and Nationalism in the Nineteenth-Century Eastern Europe / R. Sussex and J.C. Eade (eds.). Columbus, Ohio: Slavica Publ., Inc., 1983.

² См., напр.: *Shevelov G.Y.* Evolution of the Ukrainian Literary Language... P. 225, 229–230; *Бевзенко С.П.* Історія українського мовознавства. Київ, 1991. С. 32–37.

мнению та цель, к которой всего удобнее и полезнее будет стремиться малороссам на первое время»¹. Речь, разумеется, не о том, что Чернышевский «придумал» Костомарову программу, а о том, что Костомаров, хотя и с существенным запозданием, стал прислушиваться к советам опытного конспиратора по части сознательного ограничения открыто декларируемых целей как для того, чтобы избежать репрессий властей, так и для того, чтобы не оттолкнуть симпатии части русского общества.

Между тем, современный европейский контекст, обрати мы взгляд на Германию, Британию или Францию, демонстрировал, что утверждение единого языка высокой культуры было общей тенденцией консолидации наций-государств. Совсем не случайно Чернышевский, поддержавший «Основу» в языковом вопросе, заметную часть статьи посвятил доказательству неприменимости этой аналогии в данном случае. «Лет 50 или 70 тому назад каждый из них, вероятно, точно так же рад был бросить свой язык для великорусского, как чех тогда рад был стать из чеха немцем ... или как теперь провансалец рад стать из провансальца истым парижанином по разговору. Теперь не то у малороссов»². Русское общественное мнение, особенно по мере обострения русско-польского соперничества за Западный край, начинало, как мы увидим, обращать все больше внимания на различие между империей с ее бесконечным этническим многообразием и ее русским ядром, в которое многие включали, в отличие от Чернышевского, и Малороссию, настаивая на верности аналогии именно с провансальцами, а не чехами. Конфликтный потенциал вопроса о языке резко возрастал.

Проблемы особой украинской идентичности наиболее полно были рассмотрены в статьях Костомарова «Правда москвичам о Руси» и «Правда полякам о Руси», где он подчеркивал особенность украинцев в сравнении и с великоруссами, и с поляками, оговариваясь при этом, что в политическом отношении Южная Русь тесно связана с Москвой, а по складу народного характера ближе к Польше³. Последний тезис был весьма рискованным в свете русско-польских отношений вообще и русско-польского соперничества в Западном крае в особенности. Костомаров наверняка осознавал это, ведь до того времени постоянным мотивом всех украинофильских

¹ Современник. 1861. № 1. Новые периодические издания // Основа. 1861. № 1. С. 71–72.

² Там же. С. 70.

³ Основа. 1861. № 10.

публикаций было подчеркивание необходимости единого фронта против поляков. Единство Руси, то есть ее северной и южной ветвей, Костомаров интерпретировал как единство равных по статусу и самостоятельных элементов, подчеркивая значение федеративного начала, которое, по его мнению, лежало в основе истории Руси удельного периода.

Федералистские идеи были подробно развиты Костомаровым в программной статье «Мысли о федеративном начале в Древней Руси», напечатанной в первом номере журнала. «Вся история Руси удельного периода есть постепенное развитие федеративного начала, но вместе с тем и борьбы его с началом единодержавия». «Это начало федерации не представляет в истории нашей чего-то исключительно-свойственного Славянскому племени; его встречаем мы как у древних, так и у новых народов, где только живучесть нравственных сил человека не была подавлена насильственным сплочением», – писал Костомаров, ясно давая понять, что рассуждения его касаются не только времен давно минувших, а также подчеркивая принципиальное отличие своего понимания федерализма от славянофильских идей самостоятельности земель¹. (Славянофилы полагали, что самостоятельность земель не противоречит самодержавному принципу, поскольку невмешательство царской власти в местные дела сочеталось в их программе с отказом земель от вмешательства в политическую сферу как исключительную прерогативу самодержавия.)

Фактически статьи Костомарова в «Основе» стали развернутым, хотя и существенно сглаженным из-за цензурных соображений, изложением той концепции, которая в сжатом виде была им представлена уже в начале 1860 г. в статье «Украина», анонимно опубликованной в «Колоколе» Герцена². «В будущем славянском союзе ... наша Южная Русь должна составить отдельное, гражданское целое на всем пространстве, где народ говорит южнорусским языком». Завершалась статья так: «Пусть же ни великороссы, ни поляки не называют *своими* земли, заселенные нашим народом».

Публицистика «Основы», особенно статьи Костомарова и Кулиша, сыграла очень важную роль в дальнейшем развитии событий. Она имела мощный пропагандистский эффект, на который и была рассчитана. Статью Костомарова «Две русские народности»

¹ Основа. 1861. № 1. С. 121, 158.

² Колокол. 15 января 1860 г. Лист 61. С. 499–503.

Д. Дорошенко называл «Евангелием украинского национализма»¹. Вот что говорит неизвестный украинский автор в письме от ноября 1861 г., перлюстрированном жандармами: «безошибочно можно сказать, что большая часть молодого поколения заражена украинофильством; за что, конечно, нужно благодарить “Основу”»². Но побочный, незапланированный эффект был не менее сильным. Выходящая в Петербурге «Основа» весьма внимательно читалась в русском обществе, которое постепенно, во многом благодаря журналу, начало осознавать действительные цели украинофильского движения. В своей «Автобиографии», написанной в 1875 г., где он последовательно (и неискренне) отрицает наличие каких-либо сепаратистских идей и намерений у сотрудников «Основы», Костомаров вспоминает, что «независимо от печатных намеков, появлявшихся кстати и некстати в периодических наших изданиях, я тогда получал письма с укором за мою статью [«О федеративном начале древней Руси». – А.М.] и с отысканием в ней такого смысла, какого я не заявлял»³. О том, что «хамократия *гомонить дуже* против предполагаемых в его [Костомарова. – А.М.] статьях задних мыслей», писал Белозерскому уже в августе 1861 г. из Полтавы Пильчиков⁴.

Первая реакция петербургской и московской прессы на появление «Основы» была вполне благожелательной, так что Редакция в объявлении о журнале на 1862 г. даже выражала благодарность «образованнейшим великоруссам за трогательное [...] доброжелательство»⁵. Однако с течением времени, в особенности после появления упомянутых статей Костомарова, все больше изданий начинает полемизировать с «Основой», каждое исходя из своих особых соображений.

Единственным, пожалуй, изданием, которое оказывало украинскому движению безусловную поддержку, был свободный от цензуры «Колокол». Редакция вполне солидаризовалась со взгля-

¹ См.: *Doroshenko D.* A Surway of Ukranian Historiography // The Annals of the Ukrainian Academy of Arts and Sciences in the United States. N.Y., 1957. Special issue, vol. 5–6. P. 139.

² ГАРФ. Ф. 109 (Секретный архив). Оп. 1. Ед. хр. 1765. Л. 1–1об. (Выписка из письма с неразборчивой подписью со ст. Репки Черниговской губ. к Ивану Васильевичу Дриге в Москву. 19 ноября 1861 г.)

³ *Костомаров Н.* Автобиография // Костомаров Н.И. Исторические произведения. Автобиография. 2-е изд. – Киев, 1990. С. 533.

⁴ *Дудко В.* Полтавська Громада початку 1860-х років... С. 164.

⁵ Основа. 1861. № 11–12. С. 76.

дами Костомарова и в 1863 г. заявляла: «Автор превосходной статьи в “Колоколе” 1860, лист 61 [это была уже упоминавшаяся статья Костомарова «Украина». – А.М.], заключает следующими словами, сжато представляющими все воззрение наше: “Пусть же ни великоруссы, ни поляки не называют своими земли, заселенные нашим народом”»¹.

Отношение «Современника» к украинскому национальному движению уже не было вполне однозначным. В 1860 г., когда первые признаки активизации украинофильства стали очевидны, Н.И. Добролюбов опубликовал в журнале рецензии на сборник поэзии Шевченко «Кобзарь» и на составленный Кулишем альманах «Хата». Взгляды Добролюбова, по сути, близки к позиции Белинского, хоть и начисто лишены агрессивности, присущей «неистовому Виссариону». «Русская цивилизация» противостоит у него не варварству, якобы характерному для старой Малороссии, как у Белинского, но «безыскусственной простоте малорусской жизни». «Конечно, на малороссийском не выйдет хорошо “Онегин” или “Герой нашего времени”, так же как не выйдут статьи г. Безобразова об аристократии или моральные статьи г-жи Тур [...] Те малороссы, которым доступно все, что занимает Онегина или г-жу Тур, говорят уже почти по-русски. [...] Настоящие же малороссы, свободные от влияния русского языка, так же чужды языку книжной литературы, как и наши простолюдины»². Добролюбов писал о «маленьких разницах малороссийского наречия от русского» и высказывал сомнения, «достаточно ли будет чумацкой жизни и старых гайдамацких воспоминаний для дальнейшего обширного развития, которого ожидает г. Кулиш для своей литературы, и не придется ли ей опять сознательно сойтись с “соседней словесностью”, которая, кажется, не совсем ему нравится»³. Хоть Добролюбов и заявлял, что «теперь писатели малороссийские не встречают тех насмешек и недоверчивости, на которые они жаловались прежде»⁴, сама его статья убедительно свидетельствовала обратное.

Между тем Чернышевский, второй из «столпов» журнала, вполне разделял позицию Герцена. Это нашло отражение не только в уже упомянутой его рецензии на первый номер «Основы». Признавая в украинцах самостоятельную нацию, Чернышевский в своей

¹ Колокол. 10 июля 1863. Лист 167. С. 1375.

² Современник. 1860. № 3. С. 99 (раздел «Современное обозрение»).

³ Там же. С. 109, 117.

⁴ Там же. С. 115.

знаменитой статье «Национальная бестактность» осуждал отрицавших свою «украинскость» галицийских русофилов и их газету «Слово», а также призывал украинцев помириться с поляками, подразумевая необходимость совместной борьбы против общего врага – самодержавия¹. Чернышевский убеждал: «...нынешним людям в своих чувствах и действиях надо бы руководствоваться не прадедовскими отношениями, а нынешними своими надобностями; иначе бретонцу следовало бы ненавидеть французов, которые когда-то угнетали бретонцев»². (На самом деле ассимиляционное давление на бретонцев, как и их враждебность этим усилиям в XIX в. достигли апогея, а отнюдь не были преданьем старины глубокой³.)

Вполне солидарен с Чернышевским в его признании украинцев самостоятельной нацией с особым литературным языком был Аполлон Григорьев. «Шевченко – последний кобзарь и первый великий поэт новой великой литературы славянского мира», – писал известный критик о «Кобзаре», явно полемизируя с Добролюбовым⁴.

Однако антипросветительский и антимодернизаторский пафос некоторых публикаций «Основы», характерный в основном для текстов Кулиша⁵, «Современнику» не нравился, что уже после

¹ Современник. 1861. № 7–8. С. 1–18 (раздел «Современное обозрение»). Полную солидарность с программой Костомарова продемонстрировал «Колокол», на страницах которого М. Бакунин писал о будущей славянской федерации и подчеркивал, что, по его мнению, «Украина ... будет не Польшею и не Россиею, а сама собою». См.: Бакунин М.А. Русским, польским и всем славянским друзьям // Колокол. Февраль 1862. Приложение к № 122–123. С. 1026.

² Современник. 1861. № 7–8. С. 4.

³ См.: Reese J.E. The Bretons against France. Ethnic minority nationalism in twentieth century Britany. Chapel Hill, 1977. P. 30–32.

⁴ Время. 1861. № 4. С. 636–637.

⁵ См., например, стилизованные под простонародный говор «Письма с хутора», которые Кулиш печатал в «Основе» по-украински. «А что мы словесности вашей книжной не знаем, то скажите сами: что было бы хорошего, если бы мы сто лет назад то же самое, что и вы, читали, и того же, что и вы, набрались, а начитавшись и набравшись того лиха, как жаба грязи, начали бы по-вашему в наших селах и хуторах жить? Что бы это, скажите, была за пакостная, заимствованная словесность, от которой вы теперь и сами отказались и уже нам теперь хорошие книжки печатаете? [...] Чу вас, цивилизаторов! У вас все только сбыт и потребление на уме, и если бы весь мир закипел торговлей, то вам бы и рая Божьего не надо». См.: Основа. 1861. № 1. С. 313–314. Отметим, что наряду с общим антимодернизаторским пафосом (пассаж насчет торговли и рая Божьего), Кулиш видит в модернизации опасный инструмент ассимиляции, которому традиционный крестьянин противопоставит как хранитель «украинскости».

смерти критично настроенного к украинофильству Добролюбова вызвало в разделе «Свисток» январского номера за 1862 г. весьма желчные рассуждения о том, что «сыны благословенной Малороссии, изучая самым усердным образом философию, все-таки не смогли уразуметь – чем жид отличается от собаки, равно как и того, что – кроме искусства делать сало и хорошие наливки – для человеческого благоденствия на земле потребны и некоторые другие знания»¹.

Вполне вероятно, что это упоминание об антисемитизме «Основы» возникло в «Современнике» под впечатлением от полемики, развернувшейся в конце 1861 г. по поводу позиции журнала в еврейском вопросе². В статьях «Основы» часто встречалось слово «жид», и В. Португалов, один из евреев – читателей журнала, написал в редакцию письмо с протестом против использования этого оскорбительного, по его мнению, прозвища. «Основа» ответила статьей «Недоразумение по поводу слова “жид”» в июньском номере, где объяснялось, что это слово на страницах малорусского журнала само по себе ничуть не обидно, потому что в Малороссии и Польше употребляется так же, как «еврей» в русском языке. (Объяснение это выглядело не совсем логично, потому что слово «жид» одинаково часто встречалось как в украиноязычных, так и в русскоязычных текстах «Основы».) Затем, однако, автор статьи пустился в рассуждения о том, почему евреев в Малороссии действительно не любят, заметив среди прочего, что евреи не хотят с

¹ Цит. по: Основа. 1862. № 2. С. 103.

² Вопрос об антисемитизме некоторых лидеров украинофильского движения в XIX в. для нашей темы периферийен и заслуживает отдельного рассмотрения. Заметим только, во-первых, что, кроме Кулиша, несомненен антисемитизм Костомарова, составившего для саратовского губернатора «ученую записку» о возможности использования евреями христианской крови в ритуальных целях. Сообщая об этом в своей автобиографии, Костомаров с сожалением замечает, что «принужден был оставить еврейский вопрос» после возмущенной реакции адресата (*Костомаров Н.И.* Исторические произведения. Автобиография. Киев, 1989. С. 494–495). Имеются свидетельства об антисемитизме Драгоманова (см., например: *Бен-Ами.* Мои сношения с Драгомановым и работа в «Вольном слове» // Еврейская старина. Пг., 1915. № 3–4. С. 360). Подробно об отношении Драгоманова к евреям см. статью Рудницкого, считающего обвинения Драгоманова в антисемитизме несправедливыми, но упоминающего и о противоположной точке зрения: *Mykhailo Dragomanov and the Problem of Ukrainian-Jewish Relations // Rudnytsky I.L. Essays in Modern Ukrainian History.* Edmonton, 1987. P. 283–297). Во-вторых же, оговоримся, что этот грех в российском и европейском контексте того времени отнюдь не выглядел «специфической» чертой.

малороссами сближаться, в частности, учиться их языку. «Для нации не может быть ничего вреднее, как существование среди нея других народностей, которые держат себя в стороне и равнодушны к ее судьбам», – писала «Основа». (Отметим без удивления, а, напротив, как закономерность, что антиассимиляторский пафос украинофилов менялся на прямо противоположный, когда украинцы оказывались сильной стороной.)

Эта статья вызвала уже полемику со стороны издававшегося по-русски в Одессе журнала «Сион», напечатавшего в сентябре 1861 г. статью «“Основа” и вопрос о национальностях». «Не в частом употреблении слова “жид” усматриваем мы опасность, а в исключительно национальных стремлениях “Основы”, – говорилось в редакционной статье «Сиона». «С какой стати одну часть, хотя бы и огромнейшую, вы смешиваете с целым? С какой стати вы требуете от одной народности сочувствия не к судьбам целого, а к судьбам все-таки одной из частей», – продолжал «Сион» и заявлял, что если уж евреи и будут ассимилироваться, то в общерусскую культуру, осуждая попытки «разбить и так малочисленную публику [т.е. образованные слои. – А.М.] на мельчайшие еще кружки со своими особыми наречиями и подречиями, вместо того, чтобы вести ее под знаменем одного общего литературного языка, помимо мелких племенных распрей, к великим общечеловеческим целям»¹.

На это «Основа» отреагировала крайне раздраженной статьей Кулиша «Передовые жида», где повторялся главный тезис прежних публикаций, а именно что «малороссыяне сознаются откровенно, что не имеют вообще симпатий к иудейскому племени, среди их родины живущему», а «Сион» сравнивался с Иудой, т.е. обвинялся в доносительстве и провокаторстве². В ответ «Сион» напечатал обращение «К русским журналам», передавая «свое дело с “Основою” на суд всей русской публицистики»³. Этот призыв получил довольно широкий отклик – по подсчетам Р. Сербина по крайней мере дюжина русских изданий так или иначе включилась в полемику⁴. Неверно утверждать, как это делал позднее Драгоманов¹, что

¹ Сион. 10 сентября 1861. № 10. С. 159–160.

² Основа. 1861. № 9. С. 56.

³ Сион. 24 ноября 1861. № 21. С. 325.

⁴ *Serbyn R. The Sion – Osnova Controversy of 1861–1862 // Ukrainian-Jewish Relations in Historical Perspective / P.J. Potychnyj and H. Aster (eds.). Edmonton, 1988. P. 94.* «Сион» перечисляет «Русскую речь», «Русский инвалид», «Русский вестник», «Русское слово», «Сын отечества», «Русский мир», «Северную пчелу».

с этого, собственно, и начались нападки русской прессы на «Основу» – первые критические статьи в «Дне» появились уже в октябре, однако конфликт с «Сионом» ускорил превращение политической направленности «Основы» в предмет широкого обсуждения.

«Русский вестник» замечал в ответ на обвинения в доносительстве: «Ему [Кулишу. – А.М.] повторяют то, что он сам о себе высказывает, и он приходит в самое истерическое негодование. [...] Неужели г. Кулиш думает, что его занятия по части южнорусского наречия и народности – тайна, которую нам только теперь открыли редакторы “Сиона”?»² Далее, однако, «Русский Вестник» утверждал, что вреда от усилий Кулиша и его единомышленников быть не может, а потому он волен и далее заниматься тем безнадежным делом, которым занимался до сих пор. Эту же снисходительно-презрительную позицию занял и «Русский инвалид»: «Неужели г. Кулиш серьезно думает, что человек, не совершенно лишенный умственных способностей, может придавать “Основе” какое-либо другое значение, кроме того, которое придается “Пермскому сборнику” и газете “Амур”?»³ Таким образом, даже в конце 1861 – начале 1862 г. враждебная украинофильству русская пресса склонна была, частью искренне, а частью напоказ, трактовать претензии «Основы» на представительство особой нации как безопасное чудачество⁴.

В отношении «Русского вестника» эта позиция уже означала принципиальный перелом. В начале 1861 г. Катков в литературном обозрении «Русского вестника» рассуждал совсем иначе: «Украина имеет свое наречие, которое довольно сильно и резко обозначилось с течением времени и почти готово само стать особым языком». Конечно, он уже в этой первой своей работе по украинскому вопросу ясно формулирует свои предпочтения. Говоря об особенностях украинцев, Катков подчеркивает, что «в этих существенных

¹ «Идея “сепаратизма” пушена “Сионом” и подхвачена “Русским вестником”. См.: М.Т. (Драгоманов) Восточная политика Германии и обрусение // Вестник Европы. 1872 (март). С. 211.

² Русский Вестник. 1861 (ноябрь). Статья «Какой бывает вред от монополии». Цит. по: Сион. 16 марта 1862. № 37. С. 582.

³ Русский Инвалид. 1862. № 2, цит. по: Сион. 16 марта 1862. № 37. С. 583.

⁴ Поддержали «Основу» в этом споре «Одесский вестник», редактировавшийся украинофилом Н. Сокальским, и «Северная Пчела», признавшая украинцев отдельной нацией и украинский самостоятельным литературным языком (Северная пчела. 1862. № 44. С. 174). Подробнее см.: Serbyn R. The Sion – Osnova Controversy... P. 96–98. Замечу, что богатая материалом статья Сербина не всегда свободна от «проукраинофильской» тенденции в его интерпретации.

качествах желали бы мы видеть элементы общей русской народности; Малоросс, как свидетельствует история, есть такая же живая часть русского народа, как и Великоросс; они взаимно дополняют друг друга, и противоположность между ними есть противоположность одной и той же гармонии». Но продолжает он в сослагательном наклонении: «Сколько благодатных элементов могла бы внести Украина в русскую жизнь, в русскую мысль, при благоприятных условиях!» Сравнение с западными славянами, которым он оперирует, призвано доказать пагубность иного развития событий, но вопрос, сбудется ли желанный вариант, для Каткова открыт. Катков ясно видит незавершенность, непредопределенность процесса формирования русской нации. «Нет возможности сомневаться в крепости и величии России как государственной силы. [...] Это факт небывалых размеров, но вопрос не в размерах этого факта и не в этом факте. Факт этот существует давно, но русского слова до сих пор еще не было слышно в мире; русская народность еще сама сомневается в себе; ищет себя и обретает. Где на народность большой спрос, где о ней слишком много говорят, там, значит, ее мало или там ее нет в наличности»¹. Более того, Катков в течение всего 1861 г. печатал в своих изданиях объявления Костомарова о сборе средств на публикацию украинских книжек для народа. В этом контексте заявления Каткова, что «всякая попытка внешним образом стеснять или навязывать язык есть историческое безумие, недостойное насилие», звучали совсем иначе, чем готовность предоставить Кулишу возможность продолжать свою деятельность потому, что она заведомо обречена на неудачу.

В начале 1861 г. Катков открыт для диалога с украинофилами, его статья адресована прежде всего им, он допускает, хотя отнюдь и не приветствует, возможность формирования особой украинской нации и принципиально выступает против репрессий в отношении украинофилов. В конце того же года Катков уже догматически отрицает объективное наличие проблемы, говорить с украинофилами теперь не о чем, эту проблему они просто «придумывают». Теперь остается только последний шаг – признать украинофильство опасным, и тогда репрессии будут оправданы. Из талантливый аналитика Катков постепенно превращает себя в не менее талантливого проповедника русского национализма, пряча, а с течением времени,

¹ Русский Вестник. 1861. Т. 32. С. 2–5.

вероятно, и забывая свои сомнения и критицизм, неуместные для нового жанра¹.

К чести Каткова нужно отметить, что он понимал проблему заметно более глубоко, чем большинство современных ему и позднейших русских противников украинофильства, вполне искренне повторявших то, что он писал, начиная с 1862 г. Свое понимание сложности проблемы, ясно выраженное в статье 1861 г., он сознательно не пускал в свои позднейшие тексты в угоду их пропагандистской эффективности. Позднее Драгоманов напишет, что Катков в этой своей новой роли пропагандиста национализма был уникален только для России, что в Германии «чуть ли не каждый профессор и публицист есть такой же Катков по всем национально-политическим вопросам»². Это добавляет новые нюансы к оценке эволюции Каткова – по крайней мере, поначалу он, вероятно, считал этот выбор своего рода служением, выполнением той для людей его калибра черновой, чтобы не сказать грязной, работы, которую он полагал необходимой и на которую других квалифицированных исполнителей в России 60-х годов не нашлось.

Тогда же, осенью 1861 г., славянофильский «День» продолжил, теперь уже по поводу статей Костомарова, начатые еще Погодиным и Максимовичем квазиученые препирательства на тему исторических прав велико- и малороссов на Киев³. Затем газета выступила против особого «малорусского патриотизма» и надежд на развитие малорусского языка в литературный. Вопрос о такой возможности, по мнению «Дня», «а ргіогі решається отрицательно»⁴.

¹ Весьма сходную эволюцию позиции Каткова по польскому вопросу подробно проследил Г. Глембоцкий. См.: *Głębocki H.* "Co zrobic z Polską?". *Kwestia polska w koncepcjach konserwatywnego nacjonalizmu Michaila Katkowa // Przegląd Wschodni.* 1998. T. IV. Z. 4. S. 853–889; а также *Śliwowska W.* Petersburg i społeczeństwo rosyjskie wobec kwestii polskiej // *Powstanie styczniowe. Wrzenie – Bunt – Europa – Wizje.* Warszawa, 1991. S. 541–569. (Из западных текстов о Каткове наиболее адекватна глава 4 в кн. *Thaden E.* *Conservative Nationalism...* P. 38–56.) Эволюция эта, наверняка, далась Каткову нелегко. Еще в конце пятидесятых Т.Н. Грановский говорил: «Из Каткова может выработаться отличный ученый [...], но от журналиста требуется нечто другое, чего у него нет и в помине» (*Феокистов Е.М.* *Воспоминания. За кулисами политики и литературы (1848–1896).* Л.: Прибой, 1929. С. 91).

² *М.Т. (Драгоманов).* Восточная политика Германии и обрусение // *Вестник Европы.* 1872. № 2. С. 641.

³ См. статью И.Д. Беляева (День. 18 ноября 1861 г. № 6).

⁴ См. статью А.О. Гильфердинга «Славянские народности и русская партия в Австрии» (День. 25 ноября 1861 г. № 7. С. 17).

Особое место в публицистике «Дня» по украинскому вопросу принадлежит статье В.И. Ламанского в октябре 1861 г., в которой уже достаточно четко были сформулированы основные элементы той позиции, которая двумя годами позже будет заметно более агрессивно утверждаться Катковым. Ламанский прямо сравнил малорусский язык с *patois* во Франции, подчеркивая нецелесообразность стараний украинофилов превратить это наречие в развитый язык, «когда для Малой и Великой Руси обоюдными их усилиями уже выработан один общий литературный язык»¹. Далее, в связи с претензиями поляков на объединение Западного края с Царством Польским, Ламанский пишет: «Малоруссы и Великоруссы с Белоруссами, при всех несходствах и насмешках друг над другом, образуют один Русский народ, единую Русскую землю, плотно, неразрывно связанную одним знаменем веры и гражданских учреждений... Отнятие от России Киева с его областью повело бы к разложению Русской народности, к распадению и разделу Русской земли»². (Заметим, что речь все время идет о «русской народности» и «русской земле», но не об империи.) Статья Ламанского была вполне понята в лагере украинофилов и вызвала энергичный протест «Основы»: «Для нас одинаково смешон и шляхетский гонор поляков, обзывающих малорусский язык хлопской мовой, так и вельможная деликатность великоруссов, употребляющих для этой цели французское выражение»³. Отметим, что «Основа» откликнулась на статью Ламанского с задержкой почти в полгода. Возможно, редакция решила вступить в полемику только тогда, когда, после истории с «Сионом», стало ясно, что на дальнейшее молчание большинства русских изданий рассчитывать уже не приходится. В случае с либеральной петербургской прессой это молчание мож-

¹ День. № 2. 21 октября 1861 г. С. 15.

² Там же. С. 17. Позднее Ламанский уже в панславистском духе писал об утверждении русского языка в качестве «языка высшей образованности» как об инструменте политического объединения всех славян, полагая, что при этом условии «образование общего славянского союза не представляет таких громадных трудностей, как политическое единство Германии». Он оговаривался, что «о насильственном распространении (русского) не может быть и речи», и ставил успех этого предприятия в прямую зависимость от успешного развития России: «Для этого нужно, чтобы русский язык стал носителем великих идей любви и свободы, необходимым деятелем общечеловеческого просвещения». См.: *Ламанский В. Национальности итальянская и славянская в политическом и литературном отношении* // *Отечественные записки*. 1864. Т. 157. № 11–12. С. 615–616.

³ Основа. 1862. № 3. С. 14.

но трактовать как благожелательное, во всяком случае «Русская Речь» упрекала «Сион» в бестактности, «на которую противникам неудобно [по цензурным соображениям. – *А.М.*] возражать»¹.

Период более острой полемики начинается летом 1862 г., когда катковский «Русский вестник» напечатал в приложении «Современная летопись» пространное письмо «Из Киева» П.В. Анненкова с критикой «малорусской партии»². (Только после этой публикации «Русский вестник» перестал помещать объявления Костомарова о сборе средств на издание малороссийских учебников. В других изданиях, в частности в «Санкт-Петербургских ведомостях», эти объявления продолжали выходить вплоть до рассылки Валуевского циркуляра.)

Провинциальные издания также были расколоты, как и столичные. Редактор «Киевских ведомостей» П.Г. Лебединцев защищал «Основу» в полемике с уроженцем Малороссии редактором петербургского еженедельника «Домашняя беседа» В.И. Аскоченским³. А начавший выходить в 1862 г. «Вестник Юго-Западной и Западной России» К.А. Говорского возражал, пока достаточно сдержанно, Чернышевскому: «Хотя мы сами принадлежим к племени малорусскому, однако же решительно не находим в нашем языке тех литературных достоинств, которые почему-то приписывает ему автор [«Национальной бестактности». – *А.М.*]; да и единства-то малорусский язык, употребляемый в разных до сих пор вышедших книжках, не имеет. Наш общерусский литературный язык есть такое же достояние малоруссов, как и великоруссов, потому что в развитии его оба великие племена принимали участие. [...] Мысль о какой-то отдельности малорусского народа и его языка мы считаем просто нелепостью, которая довела бы его не до отдельности, не до самостоятельности, но до гибели; без нашего выработанного, уже богатого письменными произведениями общерусского языка, его неизбежно ожидает исчезновение в волнах известной нам западной пропаганды»⁴. Автором этой неподписанной статьи был, по всей видимости, С.С. Гогоцкий, который, как мы видели, еще в 1859 г. активно развивал эти идеи: «Мы должны всячески поддерживать единство трех племен Русских, а иначе ...

¹ См.: Сион. 16 марта 1862. № 37. С. 581.

² Современная летопись Русского вестника. 1862 (июнь). № 25.

³ См.: *Фабрикант Ник*. Краткий очерк из истории отношений русских цензурных законов к украинской литературе // Русская мысль. 1905. Кн. III. С. 131.

⁴ Вестник Юго-Западной и Западной России. 1862. Т. 1. С. 25, 26.

Латино-Ляшская партия его [малороссийский народ. – *А.М.*] сейчас же раздавит или по крайней мере прямо подавит и ассимилирует. Ляхи это отлично понимают, и потому то они постоянно, под видом искреннейшего благожелания, нашептывают нам, что Малороссия может быть самостоятельно. Нас то, Западных Малороссиян, обмануть трудно; но Восточные Малороссыяне, как я заметил, легко даются и уже дались в обман. Они не замечают того, что Ляхам и Иезуитам только того и нужно, чтобы 1е, развить нерасположение в Малороссиянах к Великоруссам; 2е развить мысль об отдельности, и 3е, вытолкать употребление литературного русского языка. Ляхи очень хорошо знают, что если бы Малороссия оторвалась от Великороссии, то первую, особенно Западную, они схватили бы тотчас же и задушили, как кот мышку»¹.

Таким образом, обсуждение направления «Основы» и украинофильства вообще в 1862 г. все больше затрагивало такую основополагающую для русского общественного мнения проблему, как границы и принципы организации русской нации, а также постепенно обострившийся польский вопрос. Как следствие, в дискуссию вовлекались все новые петербургские, московские и киевские издания, а тон ее становился постепенно таков, что украинские активисты сочли за благо в сентябре 1862 г. направить в «Русский вестник» коллективное письмо с объяснениями по поводу звучащих обвинений. Газета опубликовала его в ноябре под заголовком «Отзыв из Киева»². Во вполне народническом по духу тексте решительно отвергалось обвинение в «государственном сепаратизме» и вообще подчеркивалось, что «никто из нас ... не говорит и не помышляет о политике»³. «Другое дело, если под словом сепаратизм разумеют желание развить южно-русский язык и южно-русскую литературу. Это желание мы действительно имеем», – признавались авторы письма, полагая, что в русском общественном мнении оно должно выглядеть вполне естественным и безвредным. Под письмом стояла 21 подпись, первыми из которых были подписи его составителей Владимира Антоновича и Павла Чубинского, лидеров Киевской Громады. Параллельно некто, скорее всего из числа подписавших это письмо, предпринял другой, и весьма затейливый,

¹ ГАРФ. Ф. 109 (Секретный архив). Оп. 1. Ед. хр. 1763. Л. 1–3. (Выписка из письма С. Гогоцкого из Киева от 19 дек. 1859 г. к отцу Василию Вас. Гречулевичу, в СПб.)

² Современная летопись. 1862 (ноябрь). № 46.

³ Там же. С. 5.

защитный маневр. В бумагах сенатора А.А. Половцева сохранилась анонимная «Записка о состоянии Юго-Западного края», датированная 12 октября 1862 г. Вероятно, он получил ее от начальника III отделения П.А. Черевина, когда готовился к своей инспекции края в 1880 г.¹

В записке давалось довольно подробное описание края и его тогдашнего положения с умеренно-либеральных позиций и от лица великорусса. Роль главного врага отводилась полякам. Особый интерес представляет характеристика, данная в записке украинофильству.

«Журнал “Основа” сделался органом умеренной и разумной партии малоруссов, желающих умственного возрождения своего племени не в видах разобщения его с Россиею, а в цели сознательного участия его в общем прогрессивном движении русского народа». Хотя некоторые «пуристы», – говорилось далее, – доводят свою любовь к малороссийской народности до абсурда и «стремятся навязать народу исключительно малорусскую грамотность, опасного в этом крайнем проявлении малорусского патриотизма ничего нет». Партия хлопоманов – так польская шляхта называла членов киевской украинофильской Громады – характеризовалась как «несколько похожая на нашу современную славянофильскую партию и составляющая только переходную ступень к слиянию польской шляхты с русским населением края». «Лучшим доказательством безвредности и неопасности тенденций партии хлопоманов, – утверждалось далее, – может служить питаемая к ней ненависть шляхты»². Очевидно, что автор(ы) записки стремились нейтрализовать в восприятии III отделения негативный эффект газетных публикаций, теперь от имени благонадежного великоросса.

Хотя прежний благожелательный или, по крайней мере, терпимый тон по отношению к украинскому движению в московской и киевской прессе с конца 1861 г. уступил место настороженности и подозрениям в сепаратизме, весь 1862 г. конфликт по-прежнему не описывался в категориях жесткой конфронтации. Даже «Современная летопись» Каткова, публикуя коллективное письмо украинофилов, заявляла, что менее всего желает, чтобы «попытки малороссийской литературы встречали какое-нибудь внешнее противодействие и подвергались стеснению», и лишь сетовала, что «многие добрые силы» могут быть отвлечены на «бесплодное и

¹ Подробно об инспекции Половцева см. гл. 14.

² РО РНБ. Ф. 600. Ед. хр. 606. Л. 52об–55.

безуспешное дело»¹. Перелом, однако, был уже близок. Защитники украинских активистов в петербургской прессе подчеркивали беспочвенность подозрений в сепаратизме. Сами они также отвергали эти обвинения. Не подлежит сомнению, что часть украинофилов делала это неискренне. Не стоит, однако, и забывать, что тогдашние условия не оставляли другого выхода тем, кто не стремился стать объектом немедленных полицейских репрессий. Боязнь спровоцировать карательные меры властей против «Основы» составляла неотъемлемый фон этой полемики – вся пресса, вне зависимости от идейной ориентации, в 1861–1862 гг. решительно выступает за свободу слова.

¹ Современная летопись. 1862 (ноябрь). № 46. С. 3.

Глава 4

Власти империи и украинофильство в 1862–1863 гг. Генезис Валуевского циркуляра

Исследователи уже не раз обращались к проблеме генезиса Валуевского циркуляра цензурным комитетам от 18 июля 1863 г. и реконструировали существенную часть этой истории. Однако целостная картина до сих пор не была воссоздана, во многом потому, что ни один историк не имел, по разным причинам, доступа ко всему комплексу связанных с этим делом документов¹. Между тем в недрах бюрократического аппарата развивались, до определенного момента формально независимо друг от друга, два дела об украинофильстве, замкнувшихся, в конечном счете, на министре внутренних дел П.А. Валуеве, которому и предстояло подписать эту знаменитую инструкцию². И только изучив оба комплекса документов, хранящихся в ГАРФ и в РГИА, можно воссоздать процесс принятия этого решения, что мы и постараемся сделать.

¹ М. Лемке в своей книге «Эпоха цензурных реформ 1859–1865 гг.» (СПб., 1904) вообще вынужден был пользоваться не оригиналами, а копиями неизвестного происхождения. Ф. Савченко («Заборона українства 1876 р.») (Х. – К., 1930; репринт München, 1970) не знал документов петербургских, а Д. Сондерс – московских. Сондерс опубликовал за последние годы несколько статей о происхождении Валуевского циркуляра: *Saunders D. Russia's Ukrainian Policy (1847–1905): A Demographic Approach // European History Quarterly 25 (1995); Saunders D. Russia and Ukraine under Alexander II: The Valuev Edict of 1863 // International History Review 17 (1995); Saunders D. Mikhail Katkov and Mykola Kostomarov: A Note on Petr Valuev's Anti-Ukrainian Edict of 1863 // Harvard Ukrainian Studies 17 (No. 3–4, 1996 for 1993).*

² Текст циркуляра см. в Приложении I.

Более чем за год до того, как Валуев подписал свой циркуляр, 29 июня 1862 г. военный министр Д.А. Милютин направил шефу жандармов кн. В.А. Долгорукову коротенькую записку следующего содержания: «Секретно. Сообщенные мне генерал-губернатором свиты е. в. графом Сиверсом секретные сведения о происходящем в Киеве, считаю полезным довести до сведения Вашего сиятельства, присовокупив, что прилагаемую при сем записку я прочел Государю Императору»¹. Хорошо знакомый с обычаями царской бюрократии Милютин знал, как заставить крутиться достаточно неповоротливую машину тайной полиции. Упомянув, что он проинформировал об этом письме императора, или, как сказали бы современные бюрократы, что «дело находится у царя на контроле», Милютин мог быть спокоен – оно будет разрабатываться с максимальной активностью.

Такая предосторожность Милютина не была лишней. III отделение уже располагало к тому моменту весьма существенной информацией об активности украинофилов, в том числе и уже цитированной ранее их перлюстрированной перепиской, но никаких действий, помимо сыскных, по этому поводу не предпринимало. Теперь, после записки Милютина, III отделению предстояло заняться этим вопросом всерьез. В приложенном к записке письме Б.Ф. Сиверса говорилось о существовании в Киеве «общества под названием хлопоманов», действующего «для возмущения крестьян против помещиков и распоряжений правительства с целью восстановления независимости Малороссии»². «Нисколько не скрывая принадлежности к обществу, молодые люди эти ходят в национальном малорусском платье и разъезжают по деревням». Среди активистов общества Сиверс упоминал В. Антоновича, Ф. Рьльского и П. Чубинского, подписи которых стояли под отвергавшим политические обвинения в адрес украинофилов письмом, которое в ноябре 1862 г. опубликовала «Современная летопись Русского вестника»³. Очевидно, что кто-то из местных киевских деятелей снабдил Сиверса информацией, а может быть и подтолкнул к написанию этого письма. Это могли быть противники украинофилов из собственно малороссийской среды, но более вероятно, что это

¹ ГАРФ. Ф. 109 (1-я экспедиция III отделения). Оп. 37. Ед. хр. 230. Ч. 38. Л. 1. Цит. по: *Савченко Ф.* Заборона... С. 183–184.

² ГАРФ. Ф. 109. Оп. 37. Ед. хр. 230. Ч. 38. Л. 3. Цит. по: *Савченко Ф.* Заборона... С. 184–185.

³ Современная летопись. 1862 (ноябрь). № 46.

были местные польские землевладельцы. Именно они прозвали украинофилов «хлопоманами», то есть «поклонниками крестьян»¹, именно они могли акцентировать опасность возмущения крестьян против помещиков – на то время почти исключительно поляков. Наконец, среди названных по именам украинофилов двое – Антонович и Рылский – были особенно нелюбимы в польской среде как «отступники», родившиеся в польских (а точнее в давно полонизированных) шляхетских семьях, а затем сменившие идентичность на украинскую, а социальные симпатии на народнические. В 1861 г. «Основа» напечатала очень эмоциональную «Исповедь» Антоновича, в которой он объяснял своим польским оппонентам, почему он не может и не хочет считать себя поляком. Именно такие бывшие члены польской нелегальной студенческой организации – «гмины» – и составили к 1860 г. ядро киевской Громады – полулегальной организации украинских национальных активистов². Так или иначе, но подчеркнем то обстоятельство, что «местная инициатива» дает о себе знать с самого первого шага в развитии этого дела.

Ответы жандармских офицеров из Юго-Западного края на последовавшие вслед за обращением Милютинина к Долгорукову запросы петербургского начальства были выдержаны в успокоительном тоне и не содержали существенной дополнительной информации. «Дошедшие в Петербург слухи, что ничтожное общество хлопоманов стремится будто бы о восстановлении и независимости Малороссии (sic!), не заслуживают на внимание, испокон веков Малороссия самостоятельную не была и быть не может», – заключал испытывавший некоторые трудности в борьбе с русскими предложениями поляк, полковник Грибовский, штаб-офицер находящегося в Киевской губернии корпуса жандармов³. (Заметим, что уже здесь проскальзывает формула, которую сделает позже знаменитой Валуевский циркуляр – «не было, нет и быть не может».)

Тем не менее оставить показанную царю записку Милютинина без последствий было нельзя, и в январе 1863 г. Долгоруков отправил в Киев предписание, в котором предлагал киевскому гене-

¹ *Chlop* по-польски значит крестьянин. В России это прозвище иногда переименовывали в хохломаны.

² Сам Антонович говорит об основателях Громады «мы, поляки-украинцы». Кстати, и само понятие «громада» было заимствовано у поляков. См. Мияковский В. Киевская громада (Из истории украинского общественного движения 60-х годов) // Летопись революции. 1924. № 4. С. 129, 134.

³ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 37. Ед. хр. 230. Ч. 38. Л. 100б.

рал-губернатору «принять зависящие меры к прекращению дальнейших действий означенного общества». В вину Громаде Долгоруков ставил контакты с польскими гминами, а также стремление «распространять в народе либеральные идеи, и с этой целью издавать народные малороссийские книги»¹. Иначе говоря, шефу жандармов на тот момент более опасной представлялась социальная, а не националистическая сторона идеологии Громады.

Адресатом этого письма был уже новый генерал-губернатор генерал Н.Н. Анненков, назначенный 3 декабря 1862 г. по протекции Д. Милютинина на место скоропостижно скончавшегося Васильчикова². При всей кажущейся грозности этого предписания прямых серьезных последствий оно иметь не могло. Громада не была официальной организацией, а потому закрыть ее распоряжением властей было нельзя. Никаких конкретных компрометирующих данных на громадчиков Долгоруков Анненкову не сообщал, так что полицейские репрессии против них также не предусматривались, тем более что таковые были в компетенции самого Долгорукова. Все, что мог предпринять Анненков на основании этого письма, это вызвать нескольких лидеров Громады и сделать им внушение. Однако перспектива «спугнуть» таким образом громадчиков его не устраивала.

23 февраля Анненков отправил Долгорукову письмо, посвященное проблеме украинофильства. Он прежде всего солидаризовался с мнением шефа жандармов о «вредности коммунистических и социалистических теорий». Сетую на то, что секретный надзор, установленный над украинофилами, не дал компрометирующих материалов, Анненков предлагал спровоцировать в прессе полемику с участием украинофилов, которая «могла бы содействовать Правительству в раскрытии действительной цели и к объяснению духа и направления лиц, подписавших статью», опубликованную в «Современной летописи»³. Н. Анненков, по сути, предлагал продолжить тактику, однажды уже примененную, ведь письмо украинофилов стало ответом на статью губернаторского однофамильца

¹ См.: Мияковский В. Киевская громада... С. 149–150.

² Заметим, что Валуев, еще рассчитывавший на мирное развитие отношений с поляками, был этой кандидатурой недоволен и пытался убедить Милютинина, что «в Западный край нужна не сила, которой столько потратил, зато без пользы, ген. Бибиков, но умение ладить и жить с людьми» (Письмо Валуева Д. Милютину от 16 ноября 1862 г. // ОР РГБ. Ф. 169. К. 59. Ед. хр. 32. Л. 5). Опасения Валуева подтвердились очень скоро.

³ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 37. Ед. хр. 230. Ч. 38. Л. 46–47.

П.В. Анненкова «Из Киева» Позднее генерал-губернатор просил Долгорукова прислать в Киев опытного и неизвестного там агента, который мог бы внедриться в среду украинофилов. Анненков таким образом пытался подтолкнуть Долгорукова более серьезно заняться этим делом, демонстрируя заметно более высокую квалификацию в деле политического сыска, чем начальник III отделения.

Вскоре после этого, в начале марта, Долгоруков получил анонимное письмо из Киева, написанное, судя по его тексту, высокопоставленным духовным лицом (или лицами). Отмечая, что украинофилы «привлекли к своей партии в Киеве и Санкт-Петербурге несколько людей значительных, хоть и слепотствующих», авторы письма продолжали: «...все мы благонамеренные малороссы, вполне понимающие нужды и желания народа и затеи наших хлопманов-сепаратистов, умоляем в. с. употребить все, чем только вы можете располагать, чтобы защитить нашу святыню от поругания, а отечество от распада и опасного раскола». Потребовав далее запретить «малорусский» перевод Евангелия, авторы закончили письмо прямой и недвусмысленной угрозой: «Впрочем, если моление наше, теперь одинокое, не принесет ожидаемых от вашей ревности к пользам церкви и отечества результатов, мы явимся с протестом нашим гласно, перед лицом всего русского мира»¹. Очевидно, что авторы были крайне раздражены медлительностью III отделения, если позволили себе обращаться к Долгорукову в таком тоне. Отметим в то же время, что требование о запрете украинского перевода Евангелия формально обращено «не по адресу» – этим вопросом, как и изданием духовной литературы вообще, занимался Синод. Остается предположить, что при всем своем недовольстве III отделением авторы считали более вероятным добиться нужного им результата здесь, а не у своего прямого начальства.

Долгоруков переслал это письмо Анненкову, и уже 17 марта Анненков отправил Долгорукову второе «антиукраинофильское» послание. Из него ясно видно, что киевский генерал-губернатор если и не был инициатором анонимного письма «защитников церкви и отечества», то, во всяком случае, был с ним вполне согласен: по сравнению с февральским письмом критические акценты резко смещены, и вопрос о переводе Евангелия выходит на первый план. Анненков отмечает, что «польская и малорусская партии, расходящиеся в окончательной цели своих стремлений [то есть Ан-

¹ См.: Герцен А.И. Полн. собр. соч. / под ред. М.К. Лемке. Т. XVI. Пг., 1920. С. 299–300.

ненков признавал украинофильство самостоятельным движением и не склонен был видеть в украинофилах сознательных польских агентов. — А.М.], сходятся в средствах, ибо и поляки стали в званиях своих к простому народу тоже напоминать им о прежней независимости Украины, о козачестве»¹. Затем Анненков обратился к языковому вопросу, сравнив украинский язык с «особыми наречиями жителей некоторых великорусских губерний». В этой связи планировавшееся издание украинского перевода Священного Писания Анненков охарактеризовал как «предприятие скорее политического характера». Вывод его был таков: «До сих пор в литературе идет спор о том, составляет ли малороссийское наречие только особенность русского языка, или это язык самостоятельный. Добившись же перевода на малороссийское наречие Священного Писания, сторонники малороссийской партии достигнут, так сказать, признания самостоятельности малороссийского языка, и тогда, конечно, на этом не останутся и, опираясь на отдельность языка, станут заявлять притязания на автономию Малороссии»².

Сам Н. Анненков, похоже, многое понял под влиянием своих занятий проблемой украинофильства и стал формулировать русификаторские идеи более четко. Вскоре после вступления в должность новый генерал-губернатор писал Д. Милютину, что главную задачу видит в принятии «мер к усилению русской народности», имея в виду лишь борьбу с польским влиянием³. В мае же в письме другому своему покровителю, министру иностранных дел А.М. Горчакову, Анненков уже говорит о задаче «утвердить окончательно за жизнью всей Западной Руси совершенное тождество коренных общественных начал с жизнью Руси Восточной, и, следовательно, полноту Русского народного единства»⁴. Две пометки

¹ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 37. Ед. хр. 230. Ч. 38. Л. 56.

² ГАРФ. Ф. 109. Оп. 37. Ед. хр. 230. Ч. 38. Л. 56об. Уже «вдогонку», в апреле, Анненков перешлет Долгорукову и письмо директора училищ Закавказского края Кулжинского, где тот, обеспокоенный объявлениями о сборе средств на издание украинских книг для народа, вопрошал: «...неужели нельзя удержать беспокойного Костомарова от его сепаративных затей?» (см.: *Герцен А.И.* Полн. собр. соч. / под ред. М.К. Лемке. Т. XVI. Пг., 1920. С. 301).

³ ОР РГБ. Ф. 169. К. 14. Ед. хр. 3. Л. 58об.

⁴ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469 (1863 г.). Ед. хр. 83. Л. 4об. Письмо Н. Анненкова А. Горчакову от 24 мая 1863 г. В 1864 г. Анненков старался также заручиться поддержкой Горчакова при решении вопроса о проведении железной дороги из Одессы в Москву через Киев, а не Харьков, оперируя не только экономическими, но и ассимиляторскими аргументами (АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469 (1864 г.). Ед. хр. 73. Л. 8. Письмо от 24 октября 1864 г.).

Долгорукова на полях письма Анненкова от 17 марта говорят о том, что оно сыграло в развитии дела очень важную роль: «Должено Его Величеству 27 марта», «Высочайше разрешено войти с кем следует по данному предмету [перевод Евангелия. – А.М.] в сношение. 27 марта»¹.

Таким образом, Святейший Синод не был, как считают некоторые исследователи, инициатором запретительных мер, и сам вопрос о целесообразности издания Священного Писания по-украински отнюдь не был первоначальным поводом для репрессий против украинского языка².

Здесь необходим комментарий. Первая попытка опубликовать перевод Священного Писания с церковнославянского на русский была предпринята в начале 1820-х годов Российским Библейским Обществом с разрешения Александра I. Противодействие церковных иерархов не позволило довести дело до конца. Несколько сотен тысяч уже отпечатанных по-русски экземпляров Библии были сожжены. В последующие годы митрополит московский Филарет несколько раз пытался сломить сопротивление своих более консервативных коллег, но безуспешно. Его «Катехизис» синодальная цензура долго не пропускала из-за того, что три молитвы, включая «Отче наш», были приведены на русском³. Главный противник Филарета архимандрит Фотий еще долго поминал ему попытку «перевода Нового Завета на простое наречие русское»⁴.

Эта фраза Фотия еще раз напоминает нам, что русский к тому времени еще далеко не вполне утвердился в целом ряде важных ролей, которые выполняли к тому времени ведущие европейские языки. Не только дворянство, в том числе и Пушкин, осваивало французский раньше русского. Церковная иерархия, в свою очередь, лишала это «простое русское наречие» права быть языком

¹ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 37. Ед. хр. 230. Ч. 38. Л. 55, 56об.

² См.: *Dmytryshyn B.* Introduction // *Савченко Ф.* Заборона українства 1876 р. München, 1970.

³ *Smolitsch I.* Geschichte der russischen Kirche, teil 2 // *Forschungen zur osteuropäischen Geschichte.* Band 45 (1991). S. 19; *Batalden S.K.* Printing the Bible in the Reign of Alexander I: Toward a Reinterpretation of the Imperial Russian Bible Society // *G.A. Hosking (ed.) Macmillan Academic and Professional LTD.* L., 1991, P. 67; Филарет под цензурою // *Русский архив.* 1904. № 2. С. 311. См. также: *Пытин А.Н.* Религиозные движения при Александре I. СПб., 1911; *Пытин А.Н.* Российское библейское общество // *Вестник Европы.* 1868. № 8–12.

⁴ Автобиография юрьевского архимандрита Фотия // *Русская старина.* 1894. № 7. С. 218.

Священного Писания, тем самым отнимая у него то огромное преимущество, которое западноевропейские языки уже давно имели перед теми менее «везучими» наречиями, которые пытались эмансипироваться из-под их доминанции на волне национализма в XIX в.¹

Только в 1859 г. по настоянию Александра II Синод наконец разрешил полный русский перевод Священного Писания. Новый Завет был опубликован в 1862 г., а полный текст Священного Писания в 1876 г., годом позже, чем русский перевод «Капитала». После того, как русский перевод был наконец разрешен, Синод, насколько можно судить, склонялся к проведению такой же политики в отношении малорусского языка. В 1862 г. он разрешил печатание на украинском «Священной истории» отца Степана Опатовича и рассматривал малорусский перевод Евангелия, подготовленный Ф.С. Морачевским. Таким образом, вопрос о переводе Священного Писания на украинский был в начале 1860-х годов частью более общего вопроса о доступности Священного Писания для паствы и о статусе современных восточнославянских языков по отношению к церковнославянскому. Разгоревшаяся в это время в прессе дискуссия об украинском языке или малороссийском наречии, о его роли в преподавании и литературе сделала очевидным, что вопрос перевода Священного Писания касается и статуса восточнославянских языков по отношению друг к другу. О популярности русского перевода Евангелия среди крестьян, а значит и о его потенциальной ассимиляторской роли, можно судить по тому, что только с 1863 по 1865 г. разошлось более 1 миллиона 250 тысяч экземпляров².

Во исполнение резолюции царя от 27 марта Долгоруков письмом от 2 апреля проинформировал Валуева о деле украинофилов, приложив второе письмо Анненкова и анонимное письмо из Киева³. 14 апреля Валуев отправил обер-прокурору Синода генерал-майору А.П. Ахматову запрос об украинском переводе Евангелия, приложив письмо Анненкова. Ответ Ахматова от 19 апреля был весьма сдержанным – сообщив, что перевод находится на отзыве у калужского епископа, обер-прокурор обещал, что по возвращении рукописи мнение Анненкова будет «принято в соображение Святейшим Синодом», о решении которого Валуев будет

¹ Ошибочно поэтому мнение Андерсона, считавшего издание в конце XVIII в. академического шеститомного словаря свидетельством триумфа русского языка над церковнославянским. См.: *Anderson B. Imagined Communities...* P. 73.

² См.: *Hosking G. Russia: People and Empire, 1552–1917.* L., 1997. P. 233–234.

³ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 37. Ед. хр. 230. Ч. 38. Л. 58.

извещен¹. Своего отношения к письму Анненкова и позиции по этому вопросу Ахматов никак не определял. Даже в мае, в ответ на очередной запрос Долгорукова, Ахматов счел нужным просить дополнительных разъяснений по поводу других книг религиозного содержания, ссылаясь на публикуемые в прессе объявления о сборе средств для «издания книг для народа по-малороссийски»². Окончательно разобравшись, куда ветер дует, обер-прокурор приказал калужскому епископу Иакову (Миткевичу), у которого перевод Морачевского был на отзыве, вернуть текст *без всякого отзыва*, очевидно не желая поставить епископа в неловкую ситуацию, буде тот даст положительное заключение³. Раз Ахматов допускал такую возможность, следовательно, никаких предварительных инструкций отрицательного толка по поводу перевода епископ не получал.

Таким образом, за почти три месяца с момента, когда Александр II поручил Долгорукову обсудить вопрос об издании украинского перевода Евангелия с другими высокопоставленными чиновниками, о деле были проинформированы только Валуев и Ахматов. От министра просвещения А.В. Головина на этом этапе дело держали в секрете. Только 17 июня Валуев написал Долгорукову, что «совершенно разделяет мнение» киевского генерал-губернатора⁴. В этом промежутке между началом апреля и серединой июня противники украинофильства постарались придать делу уже публичный резонанс.

Неизвестно, то ли Долгоруков ознакомил Каткова с планом Н. Анненкова об организации в прессе провокации против украинофилов, то ли сам Анненков связывался с Катковым. Возможны оба варианта, не исключено, что оба и имели место в действительности. Во всяком случае, Каткова не нужно было долго уговаривать. Первой попыткой реализовать план, предложенный киевским генерал-губернатором, стала публикация в майском номере «Русского вестника» за 1863 г. статьи А. Иванова «О малорусском языке и об обучении на нем». Эта работа стала самым последователь-

¹ РГИА. Ф. 1281. Оп.1. Ед. хр. 166.

² ГАРФ. Ф. 109. Оп. 37. Ед. хр. 230. Ч. 38. Л. 66. Письмо Долгорукову от 22 мая 1863 г.

³ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 37. Ед. хр. 230. Ч. 38. Л. 78. Авторы Доклада Комиссии Академии наук по вопросу об «отмене стеснений малорусского печатного слова» упоминают, правда, без указания источника, что епископ «склонялся к одобрению труда Морачевского» (Об отмене стеснений малорусского печатного слова. СПб., 1910. С. 17).

⁴ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 37. Ед. хр. 230. Ч. 38. Л. 68.

ным и аргументированным изложением антиукраинофильской позиции в русской печати. Иванов с 1858 г. был студентом Киевского университета и, весьма вероятно, писал свою статью по прямому указанию киевского генерал-губернатора. Во всяком случае, в своей статье он неоднократно призывает украинофилов к полемике.

Иванов, в отличие от всей антиукраинофильской русской публицистики, не оспаривает возможности превращения «малорусского наречия» в развитый самостоятельный язык¹, а нападает на украинофильство с позиций идейного сторонника ассимиляции. Ссылаясь на немецкий и французский опыт, Иванов говорит о роли языка и культуры как объединяющего фактора. Он призывает к подобному объединению и славян на основе тех четырех славянских языков, которые он считает на данный момент литературно развитыми – русского, польского, чешского, сербского². Для него вопрос состоит не в том, возможен ли украинский язык, но в том, возможно ли обойтись без него, сделав русский общим языком велико- и малоруссов. Ответ, разумеется, утвердительный, а значит, «украинофилы-сепаратисты стремятся разрушить и уничтожить то, что уже в значительной степени осуществилось, что давно уже идет к полному осуществлению, стремятся уничтожить самые драгоценные плоды нашей истории»³.

Не оспаривает Иванов и главного «официального» аргумента украинофилов в пользу преподавания на украинском – ускорения обучения грамоте. Но выигрыш на первых порах обернется, по его мнению, проигрышем в дальнейшем, ведь массив культуры, доступный грамотному по-украински, заметно меньше, чем тот, который доступен грамотному по-русски. Далее он делает не лишнее замечание, которое ставит языковой вопрос и проблему русификации вообще в социальный контекст: «Очень может быть, что в настоящее время в деревнях преподавание на малорусском наречии идет значительно успешнее, чем на русском языке. Но причина лежит в другом обстоятельстве. По-малорусски преподают теперь только приверженцы сепаративных устремлений; а таким стремлениям предаются только люди, получившие образование, хотя поверхностное, но все-таки гораздо лучшее, чем прочие сельские преподаватели, состоящие из писарей и дьячков... Причина здесь

¹ Катков к 1863 г. уже не допускает такой возможности.

² Русский вестник. 1863 (май). С. 253.

³ Там же. С. 254.

не в языке, а в преподавателях»¹. (А в Петербурге именно в это время хоронили проект передачи начального преподавания светским учителям!²)

Очевидно, что в Киеве опасения по поводу распространения украинского языка в преподавании возникли и усилились раньше, чем в Петербурге. Уже в 1862 г. Комитет для рассмотрения уставов под председательством профессора Киевского университета И.Я. Нейкирха единогласно постановил заменить в уставах низших и средних учебных заведений слова «отечественный язык» на «русский язык»³. В 1863 г. профессор Киевского университета С. Гогоцкий и учитель нежинской гимназии И. Кулжинский (оба – малороссы) публикуют специальные брошюры против применения украинского языка в преподавании⁴.

Иванов видел, что языковой вопрос есть часть более обширной националистической программы. «Такое стремление имеет целью развить в народе [...] понятие о его каком-то резком и совершенном отличии от великороссов»⁵. Он указывал на стремление украинофилов преподавать по-украински и детям уже обрусевших горожан, что явно противоречило логике «официальной» аргументации украинофилов в пользу преподавания на родном языке. «Когда в частных разговорах подобными возражениями обличал я некоторых из украинофилов в неискренности их уверений, то они ничего не могли возразить, кроме того, что они хотят возратить горожан к утраченной ими национальности»⁶.

По сути, Иванов верно описал всю структуру конфликта русского и украинского национализмов, в котором воедино были сплетены вопросы языка и идентичности, а также борьбы интеллектуальных элит по вопросу об их социальном статусе. (Он весьма зло писал о мотивах активистов украинского движения⁷. Кстати,

¹ Русский вестник. 1863 (май). С. 260.

² Подробно см. главу 7.

³ Русский вестник. 1863 (май). С. 258. Университетские Известия. 1862. № 4. С. 19, 25, 35.

⁴ См.: *Гогоцкий С.* На каком языке следует обучать в сельских школах Юго-Западной России? Киев, 1863; *Кулжинский И.* О зарождающейся так называемой малороссийской литературе. Киев, 1863.

⁵ Русский вестник. 1863 (май). С. 259.

⁶ Там же. С. 261.

⁷ Русский вестник. 1863 (май). С. 256, 257, 266. «Если б им удалось создать малорусскую литературу, то их как основателей, как положивших начало будут прославлять, они будут жить в потомстве». Очевидно, что в той части, в которой

русско-польский конфликт и место украинофильства в этом контексте Иванов упомянул лишь однажды, и только намеком, хотя писал свой текст уже после начала восстания.) Предлагаемая программа борьбы с украинофильством, Иванов возражал против претерительных санкций, настаивая на эффективности только «мер положительного противодействия», то есть создания системы государственных школ с преподаванием на русском, которые были бы конкурентоспособны в сравнении с частными украинскими.

Однако украинофилы в полемику с Ивановым вступать не стали. Поняв, что публикация статьи не дала желаемого результата, Катков сам взялся за дело. Он постарался сделать критику максимально острой и адресной. Своими нападка ми лично на Костомарова Катков, по сути, реализовал план спровоцировать украинофилов на полемику, предложенный Анненковым Долгорукову в письме от 23 февраля.

Катков сделал главным предметом критики акцию Костомарова по сбору средств для издания книг для народа. Катков не без оснований увидел в этой инициативе потенциал для перерастания украинофильства в легальное коллективное действие с мощным пропагандистским эффектом. Если воспользоваться понятийным аппаратом М. Гроха, который предложил периодизацию национальных движений такого типа, речь шла о попытке перейти от стадии «А» (научный интерес к украинской специфике) к фазе «В» (создание организационных структур и широкая пропаганда национальных идей). Катков, некоторые высшие российские бюрократы, как, впрочем, и многие радикально настроенные оппозиционеры, включая Герцена и Чернышевского, будь они знакомы с гроховской схемой, сказали бы в то время о потенциальной возможности перехода сразу в фазу «С» (массовая мобилизация крестьян в условиях отмены крепостного права)¹. После опубликования

этот анализ верен, он относится к активистам всех движений такого рода, а отнюдь не только украинского.

¹ *Hroch M. Social Preconditions of National Revival in Europe. Cambridge, 1985.* (О концепции М. Гроха см.: *Бобрович М. Мирослав Грох: формирование наций и национальные движения малых народов // Национализм и формирование наций. Теории – модели – концепции / под. ред. А. Миллера. М., 1994.*) Примененные схемы Гроха к украинскому национальному движению см. в кн.: *Kappeler A. The Ukrainians of the Russian Empire, 1860–1914 // Comparative Studies on Governments and Non-Dominant Ethnic Groups in Europe, 1850–1940. Vol. VI; The Formation of National Elites / Ed. by A. Kappeler. Dartmouth: New York UP, 1996. P. 112–113.* В ряде работ последнего времени была предложена разумная, с моей точки зрения, кор-

царского манифеста среди крестьян широко распространились надежды на «слушный час», то есть объявление «настоящей воли» 19 февраля 1863 г., когда истекал срок временнообязанного состояния. Основываясь на этом, заинтересованные лица как в России, так и за границей даже пытались вычислить точную дату массового крестьянского восстания. Кстати, само понятие «слушный час» говорит о том, что зародилось оно именно в Западном крае¹. Сегодня мы знаем, что эти надежды на народное восстание были неосновательны, но это не отменяет субъективных страхов (или надежд) современников.

Первая попытка перехода к политической деятельности – создание Кирилло-Мефодиевского общества в 1847 г. – была легко пресечена властями как в силу общих порядков николаевского царствования, так и в силу малочисленности ее участников. Но в начале 60-х эта перспектива была заметно более реальной и в связи с общей либерализацией режима, и в связи с наличием достаточно организованных, многочисленных и связанных между собой групп украинских национальных активистов как в Петербурге (круг «Основы»), так и в Киеве и других частях Украины («громады»). И действительно, члены Полтавской Громады уже в марте 1862 г. писали другим громадам о необходимости организовать кампанию писем в Петербургский комитет грамотности при третьем отделении Императорского Вольного экономического общества в поддержку требования о введении украинского языка в преподавании².

ректировка схемы Гроха. Она предполагает выделение особой предварительной фазы, когда характерный для эпохи романтизма интерес этнографов, филологов и историков к этническим особенностям был свободен от националистической идеологии. В этом случае фаза «А» будет охватывать только следующее поколение (в нашем случае – членов Кирилло-Мефодиевского братства), вдохновленное националистическими идеалами. См.: *Yekelchyk S. Nationalisme ukrainien, bielorusse et slovaque // L'Histoire des idées politiques centre-est européennes / Ch. Mellon-Delson and M. Maslowski (eds.). Paris, 1998. P. 377–393.* Такая поправка представляется мне более точной, чем позиция Романа Шпорлюка, считающего, что политические мотивы *непрерывно* выступают уже на стадии научного интереса к фольклору, этнографии и истории. См.: *Шпорлюк Р. Украина: от периферии империи к суверенному государству... С. 47.*

¹ См., например: *Миллер И.С. «Слушный час» и тактика русской революционной партии в 1861–1863 гг. // Миллер И.С. Исследования по истории народов Центральной и Восточной Европы XIX в. М.: Наука, 1980. С. 240–267.*

² Такие письма были посланы в Петербург по крайней мере из Полтавы и Киева. Письмо членов Полтавской громады в Чернигов попало в руки полиции и

Именно такую вполне архетипическую картину активизации национального движения и рисует со всей доступной ему язвительностью Катков: «По украинским селам стали появляться, в бараньих шапках, усердные распространители малороссийской грамотности и начали заводить малороссийские школы... Пошли появляться книжки на новосочиненном малороссийском языке. Наконец, одним профессором, составившим себе литературную известность, торжественно открыта национальная подписка для сбора денег на издание малороссийских книг и книжек»¹.

«Возмутительный и нелепый софизм ... будто возможны две русские народности (намек на известную статью Костомарова «Две русские народности») и два русских языка, как будто возможны две французские народности и два французских языка!» – четко определял Катков существо своих опасений по поводу украинофильства². Катков, собственно, вслед за Ивановым отрицал не саму возможность создания такого языка, но позволительность этого мероприятия: «Общественный сбор на такой предмет по своим последствиям ... гораздо хуже, чем сбор на Руси доброхотных пожертвований в пользу польского мятежа»³. Эти филиппики были адресованы не только Костомарову и другим украинофилам. (Катков, разумеется, знал, что акция пользовалась в Петербурге широкой поддержкой – 6 апреля 1863 г, например, в петербургском Дворянском собрании состоялся литературно-музыкальный вечер в пользу издания украинских книг для народа, на котором выступали К.И. Бестужев-Рюмин, В.И. Каховский, Н.Г. Помяловский. Доклад самого Костомарова «несколько раз прерывался оглушительными рукоплесканиями»⁴.) Завершалась статья изъявлением готовности помогать Костомарову в сборе пожертвований на «развитие провансальского жаргона во Франции или нортумберландского в Англии»⁵.

В духе своей любимой идеи о всепроникающей «польской интриге», Катков заявлял, что «сбор пожертвований в пользу изда-

стало предметом особого разбирательства. См.: *Шевелів Б.* Петиції українських громад до петербурзького комітету грамотности з р. 1862 // За сто літ. 1928. № 3.

¹ Катков М.Н. 1863 год. Собрание статей, по польскому вопросу, помещавшихся в «Московских Ведомостях», «Русском Вестнике» и «Современной Летописи». Вып. 1. М., 1887. С. 276–277.

² Там же. С. 276.

³ Там же. С. 282.

⁴ Голос. 1863. № 83. См. также: *Бухбіндер Н.* Лист М. Костомарова до І.П. Корнілова // За сто літ. 1930. № 6. С. 122.

⁵ Катков М.Н. 1863 год... С. 282.

ния книг [...] на Южно-русском языке есть дело тайных польских интриг» и что Костомаров и другие украинофилы, сами этого не осознавая, стали орудием врагов России¹. «Интрига, везде интрига, коварная иезуитская интрига, иезуитская и по своему происхождению, и по своему характеру!» – так начинается эта статья². Это была главная полемическая «удача» Каткова – сделав украинофильство частью «польской интриги», он переводил его из разряда «вредных заблуждений» в разряд непосредственных политических опасностей.

Статья Каткова вышла 21 июня, а на следующий день киевский гражданский губернатор Гессе отправил министру внутренних дел донесение об аресте нескольких молодых людей, один из которых – Владимир Синегуб – сразу стал давать весьма подробные показания о своей принадлежности к некоему «Киевскому обществу малороссийских пропагандистов» и о связях этого общества с польскими конспираторами, что иллюстрировалось уже самим составом арестованной троицы. Особое беспокойство следователей вызвали показания Синегуба о связях конспираторов с незадолго до этого арестованным полковником А.А. Красовским – власти совсем иначе относились к крамоле в армии, чем среди студентов³.

Буквально несколькими днями позже Валуев получил независимо от III отделения, через курируемое им с недавних пор цензурное ведомство, новый документ по украинскому вопросу, вполне возможно инспирированный Анненковым. 27 июня недавно назначенный на эту должность председатель Киевского цензурного комитета О.М. Новицкий⁴ направил министру внутренних дел письмо, составленное на основании записки цензора того же комитета Лазова. В письме говорилось, что «само возбуждение вопроса о пользе и возможности употребления этого (малороссийского) наречия в школах принято большинством малороссиян с негодованием. Они весьма основательно доказывают, что никакого особенного малороссийского языка не было, нет и быть не может, и что наречие их, употребляемое простонародьем, есть тот же русский язык, только испорченный влиянием на него Польши».

¹ Катков М.Н. 1863 год... С. 277.

² Там же. С. 273.

³ РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Ед. хр. 162. Л. 3, 3об. (Дело о неблагонадежных поступках помещика Потоцкого и дворян Синегуба и Пелипенко.)

⁴ Орест Маркович Новицкий был уроженцем Вольни, где его отец получил шляхетский статус. Судя по тому, что первая его должность в Киевском университете была профессор польского языка, семья была колонизированной.

«Общерусский язык», говорилось далее, для народа «гораздо понятнее, чем теперь сочиняемый для него некоторыми малороссами и в особенности поляками так называемый украинский язык. Лиц того кружка, который усиливается доказывать противное, большинство самих малороссиян упрекает в каких-то сепаративных замыслах, враждебных России и гибельных для Малороссии»¹. (Все цитированные фразы, в том числе знаменитое «не было, нет и быть не может...», без изменения вошли затем в текст Валуевского циркуляра².) Особо подчеркивалось, что изданием книг для народа занимались прежде деятели харьковского тайного общества, а теперь лица, арестованные в Киеве – то есть конспираторы и политические преступники.

Новицкий проницательно отмечал, что «положение цензора при рассмотрении подобных рукописей [для народа. – А.М.] тем более затруднительно, что в них только цель и предосудительна, самое же содержание обыкновенно не заключает в себе ничего непозволительного»³. Завершалось письмо указанием на то, что явление малороссийского сепаратизма «тем более прискорбно и заслуживает внимания правительства, что оно совпадает с политическими замыслами поляков и едва ли не им обязано своим происхождением»⁴.

Нельзя исключить, что письмо Новицкого и первая из статей Каткова против украинофильства, появившаяся в «Московских ведомостях» 21 июня, были частью общего наступательного плана. Совпадение дат очень подозрительное. Между появлением статьи Каткова и отсылкой письма Новицкого прошло ровно столько времени, сколько нужно было для получения в Киеве этого номера «Московских ведомостей» и внесения возможных поправок в заранее подготовленный текст письма. (И именно в конце письма

¹ РГИА. Ф. 775. Оп. 1. Ед. хр. 188. Л. 1об.

² РГИА. Ф. 775. Оп. 1. Ед. хр. 188. Л. 5об–6. Неверны, таким образом, повторяемые Сондерсом со ссылкой на книгу Ф.О. Ястребова «Революционные демократы на Украине: вторая половина 50-х – начало 60-х годов XIX ст.» (Киев, 1960. С. 284), предположения, что авторство этих слов принадлежит Каткову. Вообще переписка Каткова с Валуевым в 1863 г. показывает, что Валуев скорее пытался сам влиять на Каткова, чем поддавался влиянию последнего. Поэтому предположение Сондерса о том, что циркуляр Валуева стал результатом какого-то неизвестного письма Каткова министру внутренних дел, неосновательно. См: *Saunders D. Mikhail Katkov and Mykola Kostomarov: A Note on Petr Valuev's Anti-Ukrainian Edict of 1863 // Harvard Ukrainian Studies 17 (Nos. 3–4, 1996 for 1993).*

³ РГИА. Ф. 775. Оп. 1. Ед. хр. 188. Л. 2об.

⁴ РГИА. Ф. 775. Оп. 1. Ед. хр. 188. Л. 2об–3.

Новицкого мы находим тот принципиально новый мотив критики украинофильства как плода «польской интриги», на котором сделал акцент Катков.) Сам Катков, кстати, дважды ссылается на письма, полученные им из Киева и подтолкнувшие его к написанию этой статьи¹.

Костомаров, чувствуя надвигающуюся угрозу, ответил в оправдательном тоне в газете «День»². Он отвергал обвинения в сотрудничестве с поляками и подчеркивал, что «никто не думал и не думает изгонять из Южной Руси книжного, общего, государственного языка; никто не заявлял о замене его иным каким бы то ни было в университетах, гимназиях, семинариях. Шло дело только о преподавании в селах». Он даже считал нужным, вероятно из тактических соображений, осудить увлечение «юной южно-русской литературы» «бесплодной беллетристической», настаивая на примате задач народного просвещения. «Русскому обществу следовало бы помогать нам в этом деле, [...] не допуская нелепое подозрение в возможности солидарности какого бы то ни было Малорусского дела с каким бы то ни было польским», – заключал Костомаров свою статью.

Редактор «Дня» И.С. Аксаков снабдил текст Костомарова пространными примечаниями. Осуждая попытки создания самостоятельного украинского литературного языка, Аксаков тем не менее полагал, что «малорусская речь» может быть использована для «передачи первоначальных познаний малороссийскому простонародью». Он оговаривался, что «в этом отношении должна быть предоставлена свобода частным школам; но что касается правительства, то оно, конечно, со своей стороны, может признавать обязательным: для общества – разумение, а для себя преподавание *только* русского общественного и государственного языка, того языка, которым оно говорит со всем Русским народом, не справляясь с его наречиями». Он осуждал возможность поддержки малорусского языка со стороны Министерства народного просвещения, имея, видимо, информацию о контактах министра народного просвещения А.В. Головкина с украинофилами. Аксаков, таким образом, выступал как приверженец концепции большой русской нации и противник украинофилов, но полагал, что «всякой лжи должна быть предоставлена полная свобода самоубийства». Он решительно

¹ Катков М.Н. 1863 год... С. 277, 279. (Московские ведомости. № 136. 21 июня 1863 г.)

² День. № 27. 7 июля 1862 г. С. 18.

выступал против запретов на украинский язык в частном преподавании, полагая, что они «несравненно опаснее полной свободы, предоставленной в этом отношении украинцам, и могли бы только дать силу и прочность тому, что, при полной свободе, скоро оказалось бы неудобным или излишним или временной прихотью, возбужденной ложной теорией федерализма». (Это отсылка к взглядам Костомарова.) Замечая, что «малорусс и малороссийский “патриот” — это вовсе не одно и то же и большею частью находится в совершенном друг другу противоречии», Аксаков фактически предлагал более гибкую, менее репрессивную тактику борьбы с украинофильством, чем та, которую проповедовал Катков и которая воплотилась в правительственной политике. «День» последовательно придерживался этой позиции, и не только в отношении украинофильства — двумя номерами раньше, то есть на следующий день после того, как Катков опубликовал свои антикостомаровские филиппики, газета выступала в поддержку начального преподавания «на белорусском наречии»¹.

Письмо Новицкого от 27 июня представляло собой запрос и требовало ответа, каковым и стало решение Валуева о запрете публикации книг для народа на украинском языке, принятое практически сразу после получения письма.

Валуевский циркуляр стал отражением целого ряда опасений властей. Он был реакцией на заметную активизацию как легальной, так и скрытой деятельности украинофилов, в которой явно прочитывались, пусть и отдаленные, сепаратистские планы. Между тем не только власти, но и большая часть русской прессы вовсе не были склонны отказываться от взгляда на малоруссов как на часть русского народа. Таким образом, в 1862–1863 гг. конфликт впервые был осмыслен в националистических категориях не узким кругом членов Кирилло-Мефодиевского общества и высших петербургских бюрократов, но широким спектром общественного мнения.

Кроме того, контекст русско-польских отношений того времени резко усиливал подозрительность властей по поводу любой несанкционированной политической активности в Юго-Западном крае. Уже осенью 1862 г. результатом растущей обеспокоенности правительства стала организация «Комитета по делам Западного края» во главе с кн. П.П. Гагариным. Заседания его начались в ноябре. О статусе комитета свидетельствует состав — министры внутренних дел, юстиции, государственных имуществ, финансов,

¹ День. № 25. 22 июня 1863 г. С. 3.

военный министр и шеф жандармов¹. Через несколько месяцев после начала восстания, в апреле 1863 г., правительство приняло тактику подавления польского движения любой ценой (символом этого стало назначение на пост виленского генерал-губернатора М.Н. Муравьева, который вскоре заслужил от Герцена прозвище «вешатель»). О степени обеспокоенности властей возможностью союза украинофилов с польским движением свидетельствует письмо начальника Черниговской губернии кн. С. Голицына Валуеву от 2 июля 1863 г., в котором в связи с активизацией украинофильства предлагалось «если не вовсе приостановить формирование малороссийских казачьих полков, то, по крайней мере, обставить это формирование совершенно другими условиями»². (Эти полки предполагалось использовать для подавления польского восстания.)

Именно сочетание боязни украинского сепаратизма как такового с опасностью его использования польским освободительным движением в своих целях и было главной причиной острой реакции правительства. Наконец, власти подозревали, и не без основания, украинофилов в социалистической народнической ориентации. Значение этого фактора будет возрастать по мере усиления социалистического движения и обеспокоенности властей этим процессом.

Никто из исследователей, писавших о циркуляре, почему-то не отметил, что Валуев рассматривал его как временную меру. Это ясно следует из его записки «О книгах, издаваемых для народа на малороссийском наречии», отправленной царю 11 июля, то есть за неделю до подписания циркуляра. В ней говорилось, что «в последнее время вопрос о малороссийской литературе получил иной характер вследствие обстоятельств чисто политических»³. Валуев указывал, что к изданию книг для народа постоянно оказываются причастны члены тайных обществ. Он предлагал обсудить этот вопрос с министром народного просвещения, обер-прокурором Синода и шефом жандармов и сообщал, что «пока же сделал распоряжение, чтобы дозволялись в печати только произведения на малороссийском языке, принадлежащие к области изящной литературы, пропуском же книг на том языке религиозного содержания,

¹ См., например: *Милютин Д.* Мои старческие воспоминания // ОР РГБ. Ф. 169. К. 14. Ед. хр. 2. Л. 88об.

² РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Ед. хр. 166. Л. 20об. Голицына беспокоило также, что сам факт формирования особых малороссийских полков может быть истолкован как «признание, со стороны Правительства, некоторой автономии Малороссийского края» (там же. Л. 25).

³ РГИА. Ф. 775. Оп. 1. Ед. хр. 188. Л. 4.

учебных и вообще назначенных для первоначального чтения народа, приостановиться до решения настоящего вопроса»¹. Александр II одобрил предложения Валуева на следующий день, 12 июля². 18 июля Валуев разослал одновременно два документа – сам циркуляр в Киевский, Московский и Петербургский цензурные комитеты и письма Головнину, Ахматову и Долгорукову с приглашением обсудить этот вопрос.

То же слово «приостановление», свидетельствующее о временном характере меры, мы находим и в дневниковой записи Валуева от 28 июля 1863 г., которая гласит: «...были у меня несколько лиц, в том числе Костомаров, сильно озадаченный приостановлением популярных изданий на хохольском наречии. Мягко, но прямо и категорически объявил ему, что принятая мною мера останется в силе»³. Обращает внимание и замечание о том, что отвечал Валуев «мягко», то есть открыто ссориться с «сильно озадаченным» Костомаровым не хотел. Сам Костомаров также говорит в «Автобиографии», что Валуев подчеркнул ему временный характер этой меры⁴.

Валуев продолжал переписку на эту тему с другими высокопоставленными чиновниками много времени спустя после подписания циркуляра. Так, обер-прокурор Синода отвечал на запрос Валуева по этому поводу 24 декабря 1864 г. (Кстати, Ахматов, который, насколько можно судить из прежней переписки по этому вопросу, Валуеву и Долгорукову предпочитал писать то, что, по его мнению, они хотели в его письмах увидеть, в этом письме замечал: «Я охотно склоняюсь к тому убеждению, что как для самого дела, так и для Правительства было бы гораздо лучше, если бы украинофильские попытки возможно было уничтожить силою общественного мнения, без прямого участия власти»⁵.) В самом цензурном ведомстве тоже не было осознания этой меры как постоянной. В марте-апреле 1865 г. Санкт-Петербургский цензурный комитет предлагал вернуться к обсуждению этого вопроса. Вероятно, и

¹ РГИА. Ф. 775. Оп. 1. Ед. хр. 188. Л. 7об–8.

² РГИА. Ф. 775. Оп. 1. Ед. хр. 188. Л. 4.

³ Дневник П.А. Валуева, министра внутренних дел. Т. 1. М., 1961. С. 239.

⁴ *Костомаров Н.* Автобиография... С. 595.

⁵ РГИА. Ф. 775. Оп. 1. Ед. хр. 188. Л. 24. По свидетельству редакции «Русской старины» (1872 (февраль). С. 320), письмо Ахматова основывалось на некой антиукраинофильской записке, составленной в противовес проукраинофильской записке, которую рассылал влиятельным лицам Головнин. Иначе говоря, вовлеченные в принятие решения сановники активно привлекали, как сказали бы мы сегодня, экспертов.

Ахматов, и цензоры полагали, что с подавлением польского восстания те «политические обстоятельства», о которых говорил Валуев в письме царю, перестали быть актуальными.

Есть косвенные, но достаточно убедительные аргументы, что и сам Валуев считал эту меру не просто временной, но и неэффективной в длительной перспективе. В своей секретной переписке с Катковым по польскому вопросу летом и осенью 1863 г. он демонстрирует ясное понимание того, что чисто запретительными мерами серьезных изменений добиться нельзя. «Этот вопрос разрешим только в Москве и Петербурге, а не в Вильне и Киеве, и разрешен будет только тогда, когда Вильна и Киев станут лицом к Санкт-Петербургу или Москве... Надлежит иметь решимость посмотреть на себя в зеркало, когда чувствуешь себя нездоровым. Ни Аксаков в «Дне», ни Говорский в «Вестнике Юго-Западной России» не убедят меня, что мы нравственно сильны на западе. Мы материально сильны и можем быть сильны и морально. Но как?»¹ (Из этого видно, почему Валуев не захотел принять логику Аксакова и Иванова. Он полагал, что украинофилы выигрывают в темпе, и его решение было проявлением осознания слабости русского ассимиляторского потенциала, а не силы.) Позднее он снова возвращается к этой мысли, подчеркивая: «Нужна невесомая сила»². Валуев понимал, что, прежде всего, «невесомая», то есть цивилизаторская и ассимиляторская, сила необходима для укрепления русских позиций в Западном крае. Он понимал также, что пока ее нет и на утро не будет, не случайно к утверждению, что Россия может быть сильна «и морально», он подвешивает мучительный вопрос «Но как?» Почти через год он уже прямо адресует этот вопрос самому Каткову: «Прошу Вас... предложить себе вопрос: какие приемы нужны, чтобы при таком центре и такой периферии развивались центростремительные, а не центробежные силы?»³ Постоянно об этом «твердя, изустно и письменно» – по его собственному выражению⁴, – Валуев просто не мог вдруг абстрагироваться от своих рассуждений при принятии решения о циркуляре по украинскому вопросу.

¹ ОР РГБ. Ф. 120. К. 1. Ед. хр. 57. Л. 17об., 20. Письмо Каткову от 19 сентября 1863 г.

² ОР РГБ. Ф. 120. К. 1. Ед. хр. 57. Л. 31. Письмо Каткову от 5 декабря 1863.

³ ОР РГБ. Ф. 120. К. 1. Ед. хр. 57. Л. 53об. Письмо Каткову от 16 июля 1864 г.

⁴ ОР РГБ. Ф. 120. К. 1. Ед. хр. 57. Л. 14об. Письмо Каткову от 15 августа 1863 г.

18 июля, в тот самый день, когда Валуев разослал свой циркуляр, Александр II по заключению Западного Комитета приказал прекратить преподавание польского в казенных заведениях на территории Западного края. Валуев и Горчаков, которых на заседании Комитета, где готовилась записка царю, не было, выступили против этой меры и вскоре добились ее смягчения, а это в отношении царских приказов было совсем не просто¹. Так что Валуев не только «твердил», что административные запреты не заменяют «невесомой силы», но и проявлял в определенных случаях готовность настойчиво отстаивать свою позицию.

Все эти косвенные, но в совокупности достаточно убедительные аргументы говорят о том, что Валуев рассматривал этот циркуляр как меру на период польского восстания, конца которому в тот момент еще не было видно, и хотел «пригасить», «приостановить» бурно нараставшую активность украинофилов, дав правительству время подготовиться к тому соперничеству, которое предполагала концепция Аксакова и Иванова. Однако в необходимости циркуляра в тот конкретный момент он был убежден. Это ясно проявилось в ходе обсуждения мер по отношению к украинофильству, к которому Валуев пригласил других высокопоставленных чиновников тогда же, 18 июля 1863 г.

¹ РО РНБ. Ф. 208. Ед. хр. 105 (докладная записка от 1 августа). Л. 15.

Глава 5

Реакция на циркуляр Валуева в правительственных структурах и общественном мнении

Обер-прокурор Синода и шеф жандармов циркуляр Валуева поддержали. Письмо последнего отличалось лапидарностью, заключив в себе лишь одну фразу: «Я в печатании книг на малороссийском языке, предназначенных для простонародья, не нахожу ни пользы, ни необходимости»¹.

Однако решительным противником циркуляра проявил себя министр народного просвещения Головнин, которого Валуев сознательно держал в неведении об этом деле вплоть до рассылки своего циркуляра. Его реакция была весьма энергичной. Уже 20 июля, через два дня после получения запроса Валуева, Головнин ответил пространным и очень эмоциональным письмом, где, в частности, говорилось: «Сущность сочинения, мысли, изложенные в оном, и вообще учение, которое оно распространяет, а отнюдь не язык или наречие, на котором написано, составляет основание к запрещению или дозволению той или другой книги. [...] Стремление литераторов обработать грамматически каждый язык или наречие [...] весьма полезно в видах народного просвещения и заслуживает полного уважения»². Головнин полагал, что «малороссийский перевод Евангелия [...] составит одно из прекраснейших дел», а возражения против него Анненкова «из уважения» к последнему объяснял «канцелярской ошибкой». (Анненков и Новицкий словно бы предвидели логику Головнина, утверждая в качестве контраргумента,

¹ РГИА. Ф. 775. Оп. 1. Ед. хр. 188. Л. 18.

² РГИА. Ф. 775. Оп. 1. Ед. хр. 188. Л. 15, 15об.

что в большинстве случаев лишь цель, но не содержание украинофильских публикаций представляет угрозу.)

Логика Головнина совершенно отличалась от логики Валуева, сомнения которого в действенности циркуляра происходили из сугубо прагматических, а не общих соображений в просветительском духе.

Это вполне выразилось в пометке, которую Валуев сделал на полях письма Головнина, в том месте, где последний ссылался в качестве аргумента на неблагоприятное впечатление, произведенное на финнов русификаторскими шагами властей в 40-е годы. Валуев написал: «Сравнение Малороссии и Финляндии заключает в себе наилучшее опровержение всего того, что здесь сколь грамматически верно высказано, столь государственно неправильно соображено»¹. Валуев понимал, что политика в отношении Украины и в контексте русско-польских отношений, и с точки зрения задач ассимиляции принципиально отличается от ситуации с Финляндией. (Кстати, именно в 1863 г. правительство после 55-летнего перерыва разрешило вновь собраться Финляндскому сейму.) Уже в конце жизни, в 1882 г., Валуев запишет в своем дневнике о разговоре с одним из сановников: «Я пересказал вкратце мои привычные темы о сплошном или однородном центре и разностихийной периферии», так что эти мысли явно принадлежали у Валуева к числу особенно дорогих и любимых². Можно сказать, что полемика Валуева с Головинным символизирует тот переломный момент в политике правительства, когда одни министры уже начинали мыслить категориями современного национализма, а другие продолжали исповедовать либерально-просветительские имперские идеалы по преимуществу «донационалистической» (в России) первой половины XIX в.

Через три дня, 23 июля, письмо Валуеву пишет Костомаров. Он жаловался Валуеву, во-первых, на то, что его статья с возражениями Каткову не была пропущена цензурой, а во-вторых, что цензура отказалась пропустить две рукописи, «не находя в них, по содержанию, ничего противного ценсурным узаконениям», а только потому, что «они писаны по-малороссийски»³. Ссылаясь на цен-

¹ РГИА. Ф. 775. Оп. 1. Ед. хр. 188. Л. 16. Странно, что Сондерс, знакомившийся с этим документом, не обратил внимания на эту маргиналию. Возможно, он просто не смог прочитать малоразборчивую скоропись карандашом.

² Валуев П.А. Дневник. 1877–1884. Пг., 1919. С. 188.

³ РГИА. Ф. 775. Оп. 1. Ед. хр. 205. Л. 1–2. Письмо целиком опубликовано по-русски и в английском переводе в публ.: Saunders D. Mikhail Katkov and

зурные постановления, Костомаров просил обязать Каткова напечатать его статью как ответ на критику в тех же «Московских ведомостях». Завершалось письмо так: «Умоляю Ваше Превосходительство отстранить от вопроса об издании книг научного содержания на южнорусском языке бездоказательные и крайне оскорбительные для всех, имеющих честь принадлежать к малорусскому племени, подозрения в солидарности с какими-либо вредными замыслами святого дела народного образования, – пусть этот вопрос встанет на чисто научную почву и будет дозволен свободный обмен доказательствами pro et contra: тогда само собою окажется в чем истина и в чем заблуждение»¹. (Дэвид Сондерс верно отмечает уловку Костомарова, который называл книги «научными», а таковые не подвергались запрету в Валуевском циркуляре, хотя речь на самом деле шла об учебных книгах для народа².)

В конце 1863 г. Головнин вновь выступил как защитник украинофилов, на этот раз в связи с запиской III отделения, в которой говорилось, что по агентурным данным в Харьковской гимназии учитель русской словесности «явился распространителем украинофильства». Попечитель гимназии Фойгт на запрос Головнина отвечал, что «украинофильства в гимназиях г. Харькова никогда не существовало»³. Это, по словам Головнина, подтвердило и специальное расследование. «Ни учащие, ни учащиеся в здешних гимназиях не обнаруживают никакого стремления к украинофильству»⁴. Ясно, что искали не слишком прилежно – украинофилы в Харькове были. Однако Головнин уверенно отрапортовал о результатах расследования царю и не без злорадства сообщил в III отделение, что его агенты ненадежны. Впрочем, в жандармском ведомстве мнение Головнина никого не убедило.

Усилия Головнина, предпринимавшиеся по бюрократическим каналам, были подкреплены активностью в прессе Костомарова, которому все же удалось напечатать несколько статей с возражениями Каткову. Тон и характер полемики Каткова и Костомарова в сравнении с шестилетней давности полемикой Погодина и Максимова показывает, что пришли иные времена и иные люди.

Mykola Kostomarov: A Note on Petr Valuev's Anti-Ukrainian Edict of 1863 // *Harvard Ukrainian Studies* 17 (Nos. 3–4, 1996 for 1993). P. 378–383.

¹ *Saunders D.* Mikhail Katkov and Mykola Kostomarov: A Note on Petr Valuev's Anti-Ukrainian Edict of 1863. P. 379.

² *Ibid.* P. 381.

³ РО РНБ. Ф. 208. Ед. хр. 105 (докладная записка от 19 ноября). Л. 144об.

⁴ Там же. Л. 145.

В начале июля, когда решение Валуева еще не было принято, неподписанная статья в «Санкт-Петербургских ведомостях» клеймила «убогих публицистов», которые «подняли гвалт, что этого [издания украинских книг. — А.М.] не должно быть, и в своем жалком неведении, что они служат мракобесию и интересам врагов наших, всячески желавших задержать народное развитие на Руси, хватились по истине за калмыцкое [т.е. азиатское, варварское. — А.М.] средство»¹.

После принятия Валуевского циркуляра тон вынужденно был смягчен. Однако и 20 июля в заметке в «Дне» Костомаров отзывается о «выходках» «Московских ведомостей», «Киевского телеграфа» и «Вестника Юго-Западной России» как о «крайнем насилии»². Симпатизировавшие Костомарову «Санкт-Петербургские ведомости» более осторожно, но все же выступали и позже в его поддержку: «Недавно, преимущественно в Петербурге, утверждали, что первоначальное обучение в западном крае должно быть производимо непременно на местных наречиях, особенно там, где господствует наречие малорусское; но затем поднялись голоса местных деятелей, опровергающие этот взгляд. Таким образом, мы теперь находимся в недоумении и можем желать только, чтобы учили народ западно-русский, а как его учить, по великорусски ли, или на местных наречиях, белорусском и малорусском, может указать всего лучше сама жизнь. Вредно было бы предрешать этот вопрос регламентацией а priori в ту или в другую сторону»³. Газета, фактически, призывала теперь обратиться к аксаковской формуле решения вопроса как способу хотя бы смягчить валуевский запрет. Интересно, что автор статьи верно определял «местных», то есть киевских, деятелей как наиболее энергичных сторонников запретительных мер, а значит, имел конфиденциальные источники информации в правительственных кругах.

Головнин и украинофилы вскоре стали прямо координировать свои действия в попытках добиться отмены Валуевского циркуляра. В январе 1864 г. Головнин направил Долгорукову письмо, к которому приложил анонимную записку о деятельности украинофилов, выдержанную в оправдательном тоне, присовокупив, что в ней «много дельного». В записке подчеркивалось, что «вся деятельность ее [украинофильской партии. — А.М.] происходила и

¹ Санкт-Петербургские ведомости. № 152. 7 июля 1863 г.

² День. № 29. 20 июля 1862. С. 19.

³ Санкт-Петербургские ведомости. № 171. 1 августа 1863 г.

происходит на виду», «не вдаваясь при этом ни в какие политические и социальные толки, а заботясь только развивать грамотность в народе и внушать ему истинные понятия о его долге и обязанности»¹. Судя по подробному знакомству автора записки с развитием украинофильства в 1860–1863 гг., автор или авторы ее были из круга «Основы», весьма вероятно, что запиской занимался Костомаров, который во второй половине 1863 г. был наиболее активен среди украинофилов в стремлении добиться отмены запрета. Не подлежит сомнению и знакомство автора записки с цитированным письмом Головнина Валуеву – ряд аргументов повторяется почти дословно.

Тогда же, в январе 1864 г., украинофилы постарались поддержать усилия Головнина в прессе. Костомаров хотел продолжить открытую полемику с Катковым, но его большая статья не была пропущена цензурой, а точнее А.В. Никитенко. Вот как он рассказывает о своем решении не пропустить статью Костомарова в записи «Дневника» за 24 января: «Костомаров написал оправдательную статью против упреков в сепаратизме. Мне она дана была на рассмотрение; она написана хитро, но все-таки отстаивает любимую мысль малороссийских литераторов о введении преподавания в малороссийских школах на тамошнем наречии. Я полагал эту статью остановить именно по этой причине. Гончаров слабо возражал; видно, что он совсем не знает стремлений этих господ. Я настаивал, что всеми силами надобно противодействовать замыслам их, потому что за их домогательствами скрываются тенденции настоящего сепаратизма»². Описанный Никитенко спор с его товарищем по работе в цензуре писателем И.А. Гончаровым весьма показателен. Он не только лишний раз свидетельствует об отсутствии единства в русском обществе по украинскому вопросу, но и доказывает, что цензоры не имели на этот счет ясных инструкций «сверху». Решение Никитенко было не выполнением циркуляра Валуева, который и не требовал запрещать такие статьи, но отклик пропаганды Каткова. Более успешной оказалась попытка ис-

¹ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 1. Ед. хр. 1766. Л. 2, 2об.

² *Никитенко А.В.* Дневник. Т. 2. Л., 1955. С. 398. В примечаниях (с. 628) И.Я. Айзеншток упоминает, что Ю.Т. Оксман опубликовал этот текст Костомарова в 1921 г. в Одессе отдельной брошюрой (*Костомаров Н.И.* “Украинский сепаратизм”. Неизвестные запрещенные страницы), но мне не удалось разыскать это издание. Возможно, что анонимная записка в защиту украинофилов, отправленная Головнинным Долгорукову в январе 1864 г., была переработанным вариантом этой запрещенной статьи Костомарова.

пользовать «День» И. Аксакова. 25 января Аксаков напечатал в своей газете большую статью против антиукраинофильских репрессий. Начинаясь она напыщенными и, по крайней мере, наивными рассуждениями о том, что опасаться таких угроз, как революция или украинский сепаратизм, просто смешно тем здравомыслящим людям, которые сознают «крепость Русской земли и Русского государственного строя»¹. Далее Аксаков переходил к прямой полемике с «Московскими Ведомостями», а именно с опубликованной в № 13 за 1864 г. статьей некоего Волынца, развивавшего мысль Каткова об украинофилах как сознательных или несознательных пособниках польской интриги и об украинском вопросе как более важном для судьбы России, чем вопрос польский. Аксаков называет «бессознательным орудием польской интриги» самого Волынца, а косвенно и Каткова, объясняя, что подобные рассуждения лишь отвлекают внимание от подлинных проблем. Отчасти повторяя логику властей при выборе наказания для участников Кирилло-Мефодиевского общества, Аксаков хвалил правительство за то, что оно не прислушивается к инсинуациям «Московских ведомостей» и не наказывает Костомарова, что также могло бы сыграть на руку полякам². Прямо Валуевский циркуляр он не критикует, но решительно осуждает призывы в прессе к запрету издания украинских книг, в том числе Евангелия. Аксаков напомнил, что на обложке утвержденного Синодом русского перевода Евангелия значилось «на русском наречии», а значит вполне допустимо и Евангелие на наречии малорусском. В свете того, что Аксаков писал раньше о соотношении русского литературного языка и «малорусского наречия», этот аргумент не в полемическом задоре, а на ясную голову, и ему самому показался бы сомнительным – все-таки, в отличие от церковных иерархов, он не считал русский язык второй половины XIX в. «простым наречием».

Но самую любопытную часть статьи Аксакова представляло помещенное им в конце письмо из Киева от – согласно характеристике Аксакова – «одного истого Малоросса, ярого врага всякого сепаратизма»³. Автор письма оговаривался, что не считает правильным настаивать на преподавании в школах «обязательно на малорусском». Но он решительно протестовал против «всякого

¹ Аксаков И. С. Сочинения. Т. 3: Польский вопрос и западно-русское дело. Еврейский вопрос. 1860–1886. СПб., 1900. С. 201–202.

² Там же. С. 205.

³ Аксаков И. С. Там же. С. 207.

стеснения в издании книг на этом языке», замечая, что не понимает, как книга может быть вредна «не по содержанию, а по языку, на котором писана». Эта специально выделенная в тексте почти буквальная цитата из письма Головнина Валуеву заставляет предположить, что автора опубликованного Аксаковым послания скорее нужно искать не в Киеве, но в Петербурге. Напомним, что статью Костомарова Никитенко не пропустил из-за вопроса о языке преподавания, и коррекция именно этой позиции в письме, опубликованном Аксаковым, позволяет предположить, что Костомаров был причастен и к этому тексту, по крайней мере, информировал его автора о характере претензий цензуры. Завершалось письмо попыткой сформулировать, в форме риторического вопроса, новую, тактически более гибкую позицию в этом ключевом вопросе: «Что подумает любой хлебороб-Украинец, если ему растолкует какой-нибудь недоброжелатель великорусское негодование за то, что иной учитель вздумал объяснять детям грамоту на его материнском наречии и учил читать по книжкам, на нем написанным?»¹

Таким образом, украинофилам даже в январе 1864 г. все же удалось выступить в печати с критикой позиции Каткова и циркуляра Валуева, хотя и не называя их имен. Это еще раз подтверждает, что Валуев запрета на обсуждение этой темы не накладывал и запрет статьи Костомарова был личной инициативой Никитенко.

Позиция знаменитого цензора-мемуариста заслуживает дополнительного комментария. Никитенко был убежденным противником позиции украинофилов в языковом вопросе: в «Дневнике» он вспоминает, как еще в 1863 г. он резко возражал «горячему проповеднику малороссийского сепаратизма» Г.П. Данилевскому, выступавшему за «преподавание в малороссийских школах на малороссийском наречии»². Но это вовсе не означало в случае Никитенко неприязни к малороссам и малорусской культуре. 16 февраля 1864 г., то есть через три недели после решения о запрете статьи Костомарова и за три дня до записи о Данилевском, он пишет в «Дневнике»: «Здесьние малороссияне решились сыграть на своем языке две пьесы Основьяненко “Щира любов” и “Сватання на Гончарівці”». Игра была очень недурна, особенно отличалась некая г-жа Гудима-Левкович. [...] Театр был довольно полон. И вообще спектакль этот

¹ Аксаков И.С. Сочинения. Т. 3: Польский вопрос и западно-русское дело. Еврейский вопрос. 1860–1886. С. 207.

² Никитенко А.В. Дневник. Т. 2. С. 409.

удался. Он был дан в пользу семейств, пострадавших от войны»¹. Благотворительная цель «политически корректна», малороссийская специфика на театральных подмостках Петербурга не выглядит политической демонстрацией, и Никитенко все нравится.

В одной из своих статей того времени Катков очень точно описал причины эволюции, которую претерпел он, а с ним многие его сановные и рядовые читатели, от благожелательного отношения к «Основе» и первым планам Костомарова по изданию украинских книжек для народа в 1861 г. к жесткой антиукраинофильской позиции в 1863-м: «Прежде с. петербургские украинофилы смиренно заводили журналец для того, чтобы помещать в нем, между прочим, малороссийские сказочки и стишки, и трепетали, чтобы какие-нибудь неосновательные подозрения не помешали им в этом невинном и добродушном занятии; а теперь эти господа берут под свою опеку десять миллионов Русского народа и хотят навязать им особую народность, переводят на вновь сочиняемый ими язык законы Российской Империи и Священное Писание, открывают общественную подписку на издание малороссийских учебников, затевают издавать в Киеве народную газету на этом вновь сочиняемом языке и питают надежду, что правительство окажет им свое могущественное пособие на образование малороссийских школ, которых малороссийский народ не хочет, и которых могут хотеть только заклятые враги русской народности»².

Катков говорил языком современного ему европейского национализма: «Различия и противоположности между многими элементами германской и французской народности гораздо более резки, чем различие не только между особенностями великороссийскими и малороссийскими, но между разными славянскими народами, и однако же ни во Франции, ни в Германии, на основании этих особенностей, нет бессмысленной речи о двух французских народностях или языках, о двух немецких народностях или языках. Сколько нужно иметь отваги или сколько нужно иметь презрения к здравому смыслу общества, чтобы проповедовать о возможности двух русских народностей или о возможности двух русских языков!»³ «Если теперь, когда еще нет ни особой народ-

¹ Никитенко А.В. Дневник. Т. 2. С. 409.

² Катков М.Н. 1863 год. Собрание статей... С. 706. (Современная летопись. 1863. № 26.)

³ Катков М.Н. 1863 год. Собрание статей... С. 695. (Современная летопись. 1863. № 24.)

ности, ни особого языка, находятся люди, которые осмеливаются предьявлять права особой народности и особого языка, — что же будет тогда, когда явится нечто похожее на особый язык?»¹

«Может быть в скором времени к украинофилам присоединятся еще какие-нибудь *филы*», — указывал Катков на новую опасность и ссылался на информацию о проекте издания в Вильно газеты на «белорусском наречии». Он обвинял в этих планах «либеральный Петербург», который «во что бы то ни стало хочет оплодотворить все наши жаргоны и создать столько русских народностей и языков, сколько окажется у нас годных к отсечению частей»². Тема «укрепления русского характера» Западного края, в том числе Белоруссии, часто возникала в печати в начале 60-х годов, но Катков был первым, кто заговорил о потенциальной угрозе белорусского сепаратизма, причем в прямой связи с темой украинфильства.

Стремясь добиться националистической мобилизации общества, Катков именно в своей полемике с Костомаровым выдвинул программный тезис о ложности того либерального принципа, согласно которому считалось необходимым избегать открытой полемики в тех случаях, когда это могло навлечь на оппонентов преследования властей. (Вспомним, как без опаски излагал Кулиш свои взгляды Аксакову.) «Ловкие люди уверили наших либералов, будто долг рыцарства требует жмуриться при виде общественного зла и лжи и не называть их собственным именем», — так выглядела эта позиция в изложении Каткова. «Мы считаем долгом объявить нашим противникам, кто бы они ни были, что мы не будем стеснять себя никакими соображениями при изобличении действий, которые считаем вредными и ложными», — заявлял он³.

Обратим, однако, внимание на то, как Катков объясняет причины административного запрета. «Если бы г. Костомаров действовал в Германии, во Франции или Англии, [...] никто не стал бы запрещать ему издавать ученые и учебные книжки на этом языке, — именно потому, что там подобные попытки не имели бы серьезного значения. [...] Нигде не могла возникнуть мысль о преподавании в казенных школах на каком-нибудь другом языке, кроме языка общенародного, и нигде нет надобности протестовать против безвредных [...] попыток чуждачества». В России же, по

¹ Катков М.Н. 1863 год. Собрание статей... С. 703.

² Там же. С. 682. (Московские ведомости. № 91. 4 сентября 1863 г.)

³ Там же. С. 680–681.

Каткову, «нужно толковать, и долго толковать о предметах самых понятных, как будто о каких-то мудреных умозрительных задачах». Даже правительство в России «состоит из лиц, которые на многие предметы смотрят с точки зрения совершенно противоположной». В условиях, когда украинофильство «может пользоваться сознательным или бессознательным содействием того или другого ведомства», «не должны ли другие, смотрящие на дело с противоположной точки зрения, усилить, сколько возможно, свое противодействие?»¹ Катков явно намекал здесь на Головнина, которого совершенно всерьез считал сознательным врагом России, связанным с революционерами и врагами России за границей². Таким образом, Катков представлял Валуева предпринимающим вынужденные действия, дабы нейтрализовать благоприятствующие украинофилам шаги других ведомств. Парадоксальным образом оказывается, что даже самые решительные глашатаи националистических принципов видели в Валуевском циркуляре порождение не силы, но слабости русского национализма. Ни одна другая газета не высказалась в пользу Валуевского циркуляра.

* * *

Запрет украинских публикаций для народа стал результатом сложного бюрократического процесса, а также националистического перелома вобщественных настроениях, во многом предопределенного польским восстанием 1863–1864 гг.

Мы можем оценить роль различных ведомств в этой истории. Военный министр Милютин, занимавший и в польском вопросе последовательную либерально-националистическую позицию, стал инициатором процесса. (Отметим, впрочем, что подтолкнувшее к этому Милютина письмо Сиверса было инспирировано кем-то в Киеве.) Мотором дела на более поздней стадии был киевский генерал-губернатор Анненков и подчиненные ему структуры, которые активно отстаивали меры запретительного характера и представили в целостном виде аргументацию этого решения. Третье отделение, будучи изначально довольно пассивным, после вмешательства Милютина и Анненкова выполняло координирующие функции. В июне 1863 г. эта координирующая роль перешла к министру внутренних дел, который и подписал запретительный цир-

¹ Московские ведомости. № 191. 4 августа 1863 г.

² См.: *Феоктистов Е.М.* Воспоминания... С. 130–131.

куляр. Александр II по крайней мере трижды возникает в ходе процесса, когда к нему последовательно обращались Милютин, Долгоруков и Валуев, и каждый раз способствует его активизации. Решение о запрете было им одобрено. Святейший Синод играл лишь пассивную роль в этой истории, исправно соглашаясь с запретительной тенденцией. Энергичные попытки противостоять запрету были предприняты на поздней стадии, уже после рассылки циркуляра, министром народного просвещения Головниным. В прессе наиболее последовательным и яростным противником украинофилов начиная с 1863 г. был Катков и его печатные органы. (Вообще отношение Каткова к украинофильству, при неизменном несогласии с целями движения, менялось наиболее динамично – от готовности к диалогу в 1861-м через терпимость к обреченному на неудачу заблуждению в 1862-м к открытой враждебности в 1863 г.) С более умеренной, но также неприязненной по отношению к украинофильству позиции выступал И. Аксаков и его славянофильский «День». Московская и киевская пресса, вообще настроенная более националистически, и в украинском вопросе занимала более агрессивную позицию, чем петербургская. Либеральная пресса северной столицы, и прежде всего «Санкт-Петербургские ведомости», в основном относилась к украинофильству с симпатией и пыталась поддержать Костомарова в его попытках добиться отмены или смягчения валуевского решения. Аксаков присоединился к этим усилиям в 1864 г. не потому, что изменил отношение к требованиям украинофилов, но потому, что считал принятые против них меры слишком жесткими и играющими на руку полякам.

Глава 6

Политика властей после Валуевского циркуляра

Как уже было отмечено, Валуевский циркуляр не представлял собой некоей рубежной вехи в политике властей. Правительство еще только определяло свое отношение к украинофильству. В сентябре 1863 г. флигель-адъютант полковник Н.В. Мезенцов был командирован III отделением «в южные губернии по случаю развивавшейся там малороссийской пропаганды»¹. Первое донесение Мезенцова было отправлено из Харькова, остальные – из Киева. Судя по рапортам, главная задача будущего шефа жандармов заключалась в общей оценке украинофильства и в выявлении его взаимосвязей с польским движением. (Впрочем, Мезенцов имел еще одно важное задание, речь о котором пойдет в следующей главе.) Тогда же, осенью 1863 г., предписание шефа жандармов о подготовке рапорта обо «всем, до внутренней политики этой губернии относящемся», получил флигель-адъютант императора полковник барон Корф², отправлявшийся в Черниговскую губернию³. Свой рапорт Корф представил Александру II 23 декабря 1863 г.⁴

¹ См.: *Савченко Ф.* Заборона... С. 193. Недоумение Савченко по поводу сроков поездки Мезенцова (после Валуевского циркуляра) связано с тем, что Савченко не понимал, что на тот момент циркуляр рассматривался властями как временная мера.

² К сожалению, известные нам документы не дают возможности установить, был ли это Андрей Николаевич или Иван Николаевич Корф – оба брата были полковниками в 1863 г.

³ РГИА. Ф. 733. Оп. 193 (1863 г.). Ед. хр. 86. Л. 11. Я очень признателен Рикарде Вульпиус, указавшей мне на этот документ.

⁴ Там же. Л. 21.

Главным центром украинофильства Мезенцов считал редакцию «Основы». Более того, он проводил резкое различие между украинофильством «Основы» и украинофильством в самой Украине. Перечислив «видимые признаки желания в некоторой части общества какого-то обособления», а именно «ношение малороссийского костюма, употребление малороссийского наречия, манифестации по случаю памяти поэта Шевченки и тому подобное», Мезенцов заключал, что все это не представляло бы «ничего угрожающего, если бы рядом с ними некоторые влиятельные по своему таланту личности, как Костомаров, Кулиш и его сообщники, не проводили систематически такие начала, утверждение коих влекут за собою положительную политическую сепарацию Малороссии от прочей части Российской империи»¹.

В Украине потенциальные центры развития движения представляли, по его мнению, Харьков и Киев как университетские города. Определенную трудность для развития украинофильства в Харькове он видел в отсутствии здесь «старинного малорусского казачества». Однако немногочисленную «малорусскую партию», в том числе среди университетских преподавателей, Мезенцов в Харькове обнаружил². Уже в этом первом рапорте из Харькова он упоминает и поляков, которые «мечтают о соединении судеб Малороссии с восстановленною Польшею». При более внимательном рассмотрении ситуации в Киеве Мезенцов пришел к выводу, что по отношению к польскому движению украинофильство оказалось расколотым. «Малороссийские передовые люди разошлись на два стана; из них большинство по врожденной исторической ненависти к полонизму стали воздержаны в своих заявлениях, сохранив только сильное упорство к достижению любимой мысли молодой Малороссии – преподавания в народных школах первоначального обучения на Малороссийском наречии; [...] остальное затем меньшинство, проявляя большее поползновение к сепаратизму, еще недоумевает о средствах к его достижению, кроя в задней мысли и в самом крайнем случае возможность примкнуть к польскому движению, которое с своей стороны в отношении к Малороссии не дремлет, а

¹ РГИА. Ф. 776. Оп. 11. Ед. хр. 61. Л. 28–28об.

² Вероятно, именно эти данные и пытался опровергнуть в конце 1863 г. Голловнин, когда, ссылаясь на результаты собственного расследования, доказывал царю, что агенты III отделения ненадежны. Нетрудно догадаться, что сменивший в 1866 г. Долгорукова на посту шефа жандармов Мезенцов пользовался у Александра II большим авторитетом в делах сыска, чем министр народного просвещения.

старается употребить все старания для привлечения малороссийских сепаратистов на свою сторону»¹. (Образ молодости, начала использовался большинством современных националистических движений, поэтому употребление Мезенцовым понятия «молодая Малороссия» очень симптоматично: из категории «пережитков прошлого», отголосков регионального сепаратизма старых элит украинофильство переводилось «по принадлежности»².)

В отношении антипольски настроенной части украинофилов Мезенцов настойчиво рекомендовал избегать «политических взываний» как «неразумных и даже опасных». Он предлагал воздействовать на них «убеждением печатного слова», в том числе и местных изданий, которые «с запальчивостью отозвались против сепаратистических стремлений г.г. Костомарова, Кулиша и их сообщников». Лидеров той части украинофилов, которая допускала возможность союза с поляками, он предлагал «удалить с поприща их деятельности», что могло означать как высылку во внутренние губернии, так и просто лишение места, поскольку упоминаемые Мезенцовым в этой связи А.И. Стоянов и А.А. Гацук были преподавателями гимназии и лица³. В целом Мезенцов заключал, что «малорусская пропаганда может быть опасна лишь при соединении ее с полонизмом, которое вряд ли совершится; до появления же более ясных симптомов соединения следует действовать выжидательно, довольствуясь пока зорким наблюдением, тем более что польский элемент в крае всеми силами старается представить хлопманские стремления в извращенном виде, дабы через то заставив карательно действовать высшую правительственную власть, тем самым произвести окончательный разрыв правительства с малорусскою партией и принудить последнюю искать союза с Польшей»⁴. Таким образом, Мезенцов выступил против усиления репрессий в отношении украинофильства как играющего на руку полякам. Он видел в «малорусской партии» объект борьбы русского и польского влияний и даже потенциального союзника против польского движения. Заключительная фраза последнего рапорта Мезенцова была, очевидно, ответом на опасения по поводу украин-

¹ РГИА. Ф. 776. Оп. 11. Ед. хр. 61. Л. 30об–31.

² О младочехах, движениях «Молодая Италия», «Молодая Германия», «Молодая Польша» и т.д. см.: *Hobsbawm E.J. The Age of Revolution, Europe 1789–1948.* L., 1962. P. 164–165.

³ *Савченко Ф. Заборона...* С. 197.

⁴ Там же. С. 198.

нофильства, сформулированные в антикостомаровских статьях Каткова и, вероятно, разделяемые кем-то в правительственных кругах: «И вообще полагать этот вопрос как имеющий в здешнем крае более польского значение, весьма неосновательно»¹.

К «применению мер кротости в Малороссии» призывал и Корф. Он объяснял это, во-первых, «отсутствием надобности в строгости», указывая, что в отношении украинофилов к России нет «закоренелой злобы и ненависти», характерной для поляков. Корф описывает отношения велико- и малоруссов как отношения «родных братьев», будучи, кажется, одним из первых, кто употребил эту метафору, получившую позднее столь широкое распространение². Во-вторых, Корф подчеркивает непродуктивность репрессий, которые не смогут до конца подавить движение, но лишь дадут ему знамя в лице мучеников и «невинных жертв»³. В своей оценке перспектив и планов украинофильства Корф был более проницателен, чем Мезенцов, четко заявив, что реализация языковой части программы движения вне зависимости от субъективных мнений и настроений его участников, логически ведет к «отделению Малороссии от России»⁴. «Польский фактор» в рапорте Корфа не акцентировался.

В рапортах Мезенцова нужно отметить два важных тезиса, получивших развитие в политике властей. Во-первых, в своих рекомендациях о формах репрессий Мезенцов фактически воспроизвел логику рассуждений Николая I и тогдашнего шефа жандармов А.Ф. Орлова в отношении меры наказания членам Кирилло-Мефодиевского общества. Все участники Кирилло-Мефодиевского общества после заключения во время следствия были сосланы, но в губернии европейской части империи и с определением на службу⁵.

¹ Савченко Ф. Заборона... С. 198.

² РГИА. Ф. 733. Оп. 193 (1863 г.). Ед. хр. 86. Л. 14об, 17об, 21.

³ Там же. Л. 21.

⁴ Там же. Л. 14об.

⁵ Костомаров, например, по личному указанию Николая I был отправлен не в первоначально определенную ему Вятку, но в Саратов с его мягким климатом. Его жалование профессора Киевского университета оставили матери, самому Костомарову выдали 300 рублей на переезд (сумма весьма существенная для того времени), а саратовскому губернатору было отправлено официальное рекомендательное письмо, обеспечившее Костомарову хорошее место в губернской администрации. (См.: *Костомаров Н.* Автобиография; а также: *von Mohrenschild D.* Toward a United States of Russia. Plans and Projects of Federal Reconstruction of Russia in the Nineteenth Century. Rutherford, Madison, etc.: Fairleigh Dickinson Univ. Press. 1981. P. 51.) Жестокость наказания Шевченко объясняется тем, что его поведение –

К моменту, когда Мезенцов писал свои рапорты, под арестом находилось около двух десятков активистов украинофильского движения. Для рассмотрения их дел царским указом была утверждена особая следственная комиссия под председательством кн. С.П. Голицына¹. Семеро арестованных в Полтаве и Чернигове обвинялись в «деятельном участии в образовании кружков для возбуждения, под видом общества грамотности, неудовольствия народа к правительству, с целью отделения Малороссии»². Все они уже в 1863 г. были сосланы, но, как и братчики, в губернии европейской части империи и с определением на службу. Карьера некоторых развивалась впоследствии весьма успешно, так что первый обвиняемый по этому делу полтавский учитель А.И. Стронин кончил свои дни в Петербурге членом совета Министерства путей сообщения. Четверо арестованных в Полтаве по другому делу вызывали особый интерес следствия, поскольку один из них, студент киевского университета Владимир Синегуб, сразу стал давать показания о своей принадлежности к некоему «Киевскому обществу Малороссийских пропагандистов»³. Синегуб говорил также о связях с поляками и называл множество имен. Хотя показания Синегуба вызывали сомнения уже у полтавских следователей, задержанных по предложению Мезенцова в январе 1864 г. перевели в Петербург для более подробного следствия. В конце концов, и петербургские следователи убедились в том, что фантазий в показаниях Синегуба много больше, чем фактов. Его товарищей отпустили по домам, а Синегуба сослали в Вятку «с устройством на службу»⁴. Та же мера наказания была определена Чубинскому и А. Конисскому, которых выслали без следствия⁵.

не только членство в братстве, но и некоторые звучавшие оскорбительно для царской фамилии стихи – Николай I счел личной неблагодарностью «холопа», выкупленного при его участии из крепостной зависимости. Сравнение с многолетними каторжными сроками арестованных в 1848 г. петрашевцев ясно говорит о том, что деятельность братчиков была оценена властями «по льготному тарифу».

¹ См.: РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Ед. хр. 162; *Гуревич П.* Дело о распространении малороссийской пропаганды // *Былое.* 1907. № 7.

² *Гуревич П.* Дело о распространении малороссийской пропаганды. С. 169.

³ РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Ед. хр. 162. Л. 3об.

⁴ РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Ед. хр. 162.

⁵ О положении П. Чубинского в ссылке кое-что говорит письмо отца Чубинского от 10 мая 1863 г., в котором он благодарит опального сына за присланные 50 рублей. См.: *Савченко Ф.* Листи П.П. Чубинського до Я.П. Полонського (1860–1874) // *За сто літ.* 1930. № 6. С. 139.

Разумеется, шестилетняя ссылка в Архангельск или Вятку за устройство воскресных школ с преподаванием на украинском и неблагожелательное отношение к правительству более чем убедительно демонстрирует репрессивный, полицейский характер режима. Однако в арсенале этого режима были и заметно более жестокие наказания. Так, например, в мае 1865 г. в Омске полиция раскрыла общество сибирских сепаратистов, выступавших за создание самостоятельного государства на пространстве от Урала до Тихого океана. «Состав преступления» принципиально не отличался от деятельности украинофилов. В 1868 г., после завершения следствия, Сенат приговорил лидеров общества Г.Н. Потанина – к 15 годам каторжных работ, а Н.М. Ядринцева – к 10 годам заключения в крепости¹. О том, что наказания для русских нигилистов были не в пример суровее, чем репрессии против украинофилов, писал впоследствии и Драгоманов². Очевидно, что власти явно оставляли украинофилам возможность «одуматься». Спад политической напряженности во второй половине 60-х сказался на судьбе сосланных в 1862–1864 гг. украинофилов. Конисского выпустили за границу уже в 1865 г., а в 1866-м разрешили вернуться на Украину³. Все остальные вернулись из ссылки в конце 60-х⁴.

Второй важный тезис в рапортах Мезенцова – возможность использования в интересах правительства «врожденной исторической ненависти к полонизму», свойственной большинству украинофилов. До 1863 г. правительство не раз пресекало нападки украинофилов на поляков. Так было и когда Васильчиков поддерживал требования поляков об изъятии антипольских фрагментов из «Грамотки» Кулиша, и когда цензура приостановила публикацию в «Основе» статьи Костомарова с полемикой против краковской

¹ См.: *von Mohrenschild D. Toward a United States of Russia...* P. 104–105; *Попов И.* Из воспоминаний о Г.Н. Потанине // *Голос минувшего.* 1922. № 1. С. 141. Позднее приговоры были смягчены, но пять лет в Свеаборге Потанин отсидел.

² *Драгоманов М.* Антракт з історії українофільства (1863–1872) // Драгоманов М.П. *Вибране.* Київ: Либідь, 1991. С. 220.

³ АВПРИ. Ф. 155. Стол I–4. Оп. 241. Ед. хр. 1.

⁴ Дело Чубинского в III отделении показывает, что в хлопотах о его скорейшем возвращении принимали участие не только столичные литераторы, но и несколько высокопоставленных чиновников, в том числе сменявшие друг друга за это время архангельские губернаторы. Вообще, насколько можно судить по имеющимся документам, отношение гражданской администрации к ссыльным украинофилам было благожелательным.

газеты «Час»¹. Теперь ситуация менялась. Вскоре эта тема получила дальнейшее развитие.

Сенатор А.А. Половцов, общавшийся с Г.П. Галаганом в начале 80-х, записал в дневнике следующий рассказ своего собеседника о его встрече с царем в 1863 г. Галаган направил своему коллеге по работе в Редакционных комиссиях Ю.Ф. Самарину, которому предстояло быть одним из руководителей крестьянской реформы в Царстве Польском, записку с соображениями о способах подрыва влияния польских землевладельцев в Юго-Западном крае. Через Валуева Самарин передал эту записку царю, и тот пригласил Галагана для беседы. «Государь со всем соглашался, но как будто не решался высказать свою мысль, наконец он обратился к Галагану со словами: послушай, Галаган, ведь многие упрекают тебя в том, что ты украинофил. – Я люблю свою родину и край, где родился, отвечал Галаган. – Да, но ведь между украинофилами есть такие, кои мечтают о сепаратизме. Из числа таких не надо бы привлекать к поручаемому тебе делу». В дальнейшей беседе было решено, что без местных людей обойтись нельзя и потому «известное число хотя бы и за подозреваемых в украинофильстве допустить следует»². Этот эпизод показывает, что при желании власть и в 60-е годы могла найти подходящих медиаторов для контакта с украинофилами в среде богатых малороссийских землевладельцев.

Рассказ Галагана позволяет судить о том, как выглядела в 1863 г. иерархия врагов в представлении царя. Его, хоть и с оговорками данное, разрешение привлекать украинофилов к административной деятельности в Юго-Западном крае, развязало руки Самарину и В.А. Черкасскому в Царстве Польском. Уже в 1864 г. Черкасский, назначенный главным директором Правительственной комиссии внутренних дел в Царстве Польском, пригласил на весьма значительные посты в Варшаве Кулиша и Белозерского.

Настойчиво, хоть и безуспешно, звали в Варшаву и Костомарова. В 1864 г. ему была присуждена почетная докторская степень Киевского университета, что должно было продемонстрировать, что Костомаров остается для властей персона грата. О переезде в Варшаву с ним говорил сам Н.А. Милютин, глава администрации

¹ См.: РГИА. Ф. 772. Оп. 1. Ч. 2 (1861 г.). Ед. хр. 5603.

² ГАРФ. Ф. 583. Оп. 1. Ед. хр. 18. Л. 170–171. Дневник А.А. Половцова, запись 6 февраля 1881 г.

Царства Польского¹. (Однако на возможность его работы на Украине власти смотрели совсем иначе, и позднейшие предложения занять кафедры в Харькове и Киеве Костомарову пришлось отклонить по указанию МВД.) Со свойственной ему эмоциональностью звал товарища в Варшаву и Кулиш: «Приезжайте, и восторжеством над презиравшим наши права панством!»²

Письмо Кулиша Костомарову свидетельствует о существенных переменах, произошедших с автором под влиянием варшавской обстановки и хорошего жалования. «Что наша правительственная партия состоит не вся из отличнейших русских людей, это естественно. [...] Но все сделанное до сих пор *она* сделала, симпатии всего народа стремятся к *ней*, и будущность русского мира зависит от *ее* деятельности. [...] Я знаю, что оппозиция приносит свою пользу и что без оппозиции Правительство иного до сих пор не предприняло бы из того, что уже сделано им; но вам ли выбирать, на которую сторону становиться? С одной стороны оправданная историею зиждательная сила, с другой – хаотическое брожение. [...] Помогая ему, вы внушите ему доверие к благороднейшим умам, и оно сделает уступки духу времени скорее, нежели от напора сил оппозиционных. Притом же нам предстоит борьба с врагом, общим для него и для нас. Польская интеллигенция все еще остается в уверенности, что только правительственные лица произносят последний приговор ее автономии. Следует ее в этом разуверить таким людям, как вы, посредством солидарности с Правительством»³. Это не было минутным настроением. Годом позднее Кулиш напишет А.А. Гацуку⁴: «Пусть Москвичи ведут русское дело по-московски. История доказала, что без московского способа делать дела славянам не принадлежало бы ныне и столько земли, сколько принадлежит. Настанет пора, когда по-московски не нужно и нельзя будет вести русское дело; но пока такая пора не наступила, напрасно пытаться вырывать палицу из рук Геркулеса. Что касается до безобразия, то оно неизбежно в таком хаосе, в котором находится сла-

¹ РО РНБ. Ф. 385. Ед. хр. 13. Л. 1. Письмо А.О. Гильфердинга Костомарову от 26 декабря 1865 г. о том, что только что вернувшийся из Варшавы Н.А. Милютин хочет срочно его видеть.

² ГАРФ. Ф. 109 (Секретный архив). Оп. 1. Ед. хр. 1767. Л. 2об. Письмо Кулиша Костомарову от 5 января 1866 г.

³ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 1. Ед. хр. 1767. Л. 1, 1об.

⁴ А.А. Гацук был преподавателем Ришельевского лицея. Мезенцов причислял его к тем украинофилам, которые допускали возможность союза с поляками. *Савченко Ф. Заборона... С. 197.*

вянский мир вообще и русский в особенности. Но рассердясь на вшей, не бросают шубу в печь»¹. Кулиш и теперь слишком критичен по отношению к правительству, чтобы можно было предположить, что эти письма писались как демонстрация лояльности в расчете на перлюстрацию. (Каковая, впрочем, имела место.) Но теперь он настроен сотрудничать с этим правительством и видит к тому возможности. Кулиш варшавского периода не написал бы цитированного нами письма Аксакову от октября 1858 г.

Интересные изменения претерпела и позиция Кулиша в языковом вопросе. Уже в начале 1863 г., после закрытия «Основы», Кулиш в поисках денег на новый журнал писал харьковскому коммерсанту-миллионеру А.К. Алчевскому² следующее: «...все-таки провинциальный журнал может у нас существовать только с большим трудом и никак не в состоянии быть органом независимым. Надобно управлять мнением украинских читателей из центра просвещения и администрации. Необходимо издавать журнал в столице. Мы должны иметь дело не столько с людьми смиренными и малообразованными, сколько с людьми, имеющими в своих кружках вес, – не столько с людьми убогими, сколько с людьми, от которых материально зависит многое. [...] Вы догадываетесь, что я говорю не собственно об украинском журнале, но о журнале для Украинцев или Южноруссов. И украинский литературный язык, и украинская политическая самостоятельность составляют еще проблему, для решения которой, может, понадобятся века. Речь к тому, что, при всей любви к родному слову, мы должны в журнале отодвинуть его на второй план и писать побольше хорошего на языке, которым мы вполне владеем и который будут одинаково ясно понимать все наши читатели, [...] этот воображаемый мною журнал должен быть возможно обилён дельными статьями на общерусском языке, так чтобы мог заменить для жителей Украины любой из великорусских

¹ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 1. Ед. хр. 1769. Л. 2об.

² О взглядах семьи Алчевских можно судить по более позднему эпизоду, в котором принимала участие его жена Христина Алчевская, содержавшая школу. Алчевская носила по праздникам украинский костюм, в школе ее часто пели украинские песни, но когда украинофильски настроенный учитель Б. Гринченко начал использовать украинские учебники и учить детей украинскому, Алчевская немедленно его уволила (*Русова С. Мої спомини (1879–1915) // За сто літ. Т. 1. 1928. С. 172; см. также: Yekelchuk S. The Body and National Myth: Motifs from the Ukrainian National Revival in the Nineteenth Century // Australian Slavonic and East European Studies. 1993. No 2. P. 45*). Такая позиция была достаточно типична для богатых людей с малорусской идентичностью.

журналов. Лишь только бы мы достигли того, что этот журнал сделался бы необходимостью для всех любителей чтения на юге, – мы достигли бы как отдельная нация и литературной автономии, независимо от украинского языка»¹. В этом высказывании характерны, во-первых, исчезновение надежд на скорый успех украинского национального движения, одушевлявших многих украинофилов в самом начале 60-х годов, во-вторых, связанная с этой новой оценкой смена приоритетов – намерение сосредоточиться на пропагандистской работе с образованными людьми, а не на прямом обращении к крестьянству, и, наконец, признание Кулишем того факта, что «общерусский» язык и был тем языком, которым украинофилы «вполне владели» и который их читатели могли «ясно понимать». Как следствие, Кулиш теперь видел в языковой эмансипации не первейшее средство национальной борьбы, но отдаленную, может быть «на века», цель.

Идея с приглашением в Царство Польское украинофилов и прочих не вполне благонадежных не была личной инициативой Черкасского², а приобрела статус полуофициальной государственной политики. Вот как рассказывает Драгоманов, служивший тогда учителем во 2-й киевской гимназии, о том, как директор этой гимназии Вилуев, назначенный на должность попечителя всех школ варшавской губернии, в 1864 г. приглашал в Варшаву и его. «Как же вы меня зовете в Варшаву, когда недавно чуть не на всю гимназию нигилистом назвали? Какой из меня усмиритель Польши!» – отвечал на приглашение Драгоманов.

«Именно поэтому я Вас и зову, – горячо сказал Вилуев, – что Вы «нигилист», конечно, не в «базарном» смысле слова. Вы рационалист и демократ, а нам в Польше (Вилуев любил говорить как государственный муж) такие и нужны. Мы боремся там не с национальностью поляков, а с римским клерикализмом и аристократией»³.

Валуеву такие объяснения его почти однофамильца вряд ли пришлись бы по душе. Он считал, что антиполонизм, а уж тем паче

¹ Письмо от 28 февраля 1863 г. Цит. по: *Шун Н.А.* Український національно-культурний рух в умовах антиукраїнської політики російського царизму // Нариси з історії українського національного руху / під ред. В.Г. Сарбея. Київ, 1994. С. 79–80.

² О политике Черкасского в Царстве Польском см.: *Кошелев А.И.* Записки А.И. Кошелева. М.: Изд-во МГУ, 1991. С. 127–152.

³ *Драгоманов М.* Два учителя // Драгоманов М.П. Вибране... С. 581–582. Драгоманов не поехал, но своего любимого учителя К.И. Полевича Вилуеву рекомендовал, и Полевич отправился в Варшаву.

антиаристократизм украинофилов не должны расцениваться как доказательство их лояльности. Собираясь в инспекционную поездку в Киевское генерал-губернаторство летом 1864 г., он так формулировал свои задачи в докладной записке царю: «В отношении к национальному вопросу надлежит обратить внимание на стремления малороссийского сепаратизма и наблюдать за тем, чтобы под видом патриотического противодействия полонизму так называемые украинофилы не организовали в народных массах противодействия правительственному великорусскому началу единства России»¹. Слежка за Кулишем, Белозерским и рядом других видных украинофилов продолжалась и в конце 60-х².

Мезенцов в своих рапортах настаивал на «упорстве и стойкости» в сохранении запрета на преподавание на украинском, допуская лишь «объяснение по-малорусски некоторых незнакомых ученикам слов»³. Таким образом, Валуевский циркуляр, по его мнению, следовало оставить в силе как постоянную меру. Корф был с ним согласен, но шел значительно глубже в анализе проблемы. Как и Мезенцов, Корф считал влияние украинофилов на тот момент крайне ограниченным, но полагал, что бороться с ним нужно незамедлительно. (Царь соглашался, написав на полях – «необходимо»⁴.) Говоря о мерах противодействия украинофилам, Корф рекомендовал «употребить против них те же средства, которые они употребляют для своих целей, то есть распространение в народе грамотности, но, конечно, не малороссийской, а русской»⁵. Он предлагал конкретную программу «наводнения края до чрезвычайности дешевыми *русскими* книгами», включавшую издание дешевых книг для народа за казенный счет, предоставление частным издателям права бесплатной пересылки заказчикам в Малороссии изданных ими таких же книг (цена пересылки в некоторых случаях утраивала стоимость изначально дешевых изданий⁶), поручение губернаторам малороссийских губерний всемерно содействовать их распространению. Большие тиражи, а Корф говорил о 10 000 букварей только в качестве первого шага, даже при предлагавшейся им цене в две копейки за экземпляр позволяли покрыть производственные

¹ РГИА. Ф. 908. Оп. 1. Ед. хр. 231. Л. 4об.

² См.: ГАРФ. Ф. 109. Оп. 1. Ед. хр. 1769, 1770, 1771.

³ Савченко Ф. Заборона... С. 197.

⁴ РГИА. Ф. 733. Оп. 193 (1863 г.). Ед. хр. 86. Л. 16.

⁵ Там же. Л. 18.

⁶ Там же.

издержки. (Если вспомнить, что еще в 1861 г. украинофилы, несмотря на ограниченность их материальных ресурсов, смогли предложить митрополиту Арсению 6000 букварей Шевченко, то планы Корфа отнюдь не выглядят неподъемными для бюджета Российской империи.) Корф подчеркивал, что если правительству удастся сделать эти книги более дешевыми, чем соответствующие малорусские, то и нужды в административных запретах не будет. В перспективе, указывал Корф, это лишило бы и малороссийскую литературу шансов сколько-нибудь существенно расширить круг читателей¹. Александр II отчеркнул эти рассуждения Корфа, написав на полях: «Дельно. Мысль весьма хорошая. Сообразить, как ее исполнить».

Корф четко выделил суть проблемы и сформулировал ассимиляторский подход к ее решению: «Народ, находясь в самом начале своего развития, легко уступит и подчинится всякому, кто захочет и, главное, сможет с умением взяться за его развитие»². Он ясно видел необходимые условия для успеха этого проекта. «В настоящую минуту малороссийский народ видит связь с Россией в царях, сродство в религии, но связь и сродство сделаются еще сильнее, еще неразрывнее. [...] Путь к этому – железная дорога. [...] Не одни товары движутся по этой дороге, а книги, мысли, обычаи, взгляды. [...] Капиталы, мысли, взгляды, обычаи великороссийские и малороссийские перемешаются, и эти два народа, и без того так близко стоящие один от другого, сперва сроднятся, а потом и сольются. Пускай тогда украинофилы проповедуют народу, хотя бы и в кипучих стихах Шевченки, об Украине и борьбе ее за независимость, и о славной Гетманщине»³. Обращал Корф внимание и на миграцию рабочей силы как на инструмент ассимиляции, ссылаясь на пример фабрик купца Н. Терещенко⁴ в Черниговской губернии, где

¹ РГИА. Ф. 733. Оп. 193 (1863 г.). Ед. хр. 86. Л. 18–19.

² Там же. Л. 12об.

³ Там же. Л. 20. Отметим, что Катков, излагая в 1865 г. первоочередные, по его мнению, меры по обрусению Юго-Западного края, также поставил на первое место задачу связать железнодорожным сообщением бассейны Волги и Днепра. См.: Катков М.Н. Собрание передовых статей «Московских ведомостей». 1865 г. М., 1897. С. 757.

⁴ Судьба самого рода Терещенко небезынтересна. Михаил Иванович Терещенко, внук упомянутого сахарозаводчика малорусса Микола Терещенко, дававшего деньги украинофилам, стал сперва министром финансов, а затем министром иностранных дел Временного правительства, сторонником войны до победного конца, а после октября 1917-го – одним из лидеров русской, а не украинской эмиграции [см. популярный биографический очерк о нем: Терещенко М. Первый олигарх. Михаил Иванович Терещенко (1886–1956). Киев: Ника-Центр, 2012].

из 5000 рабочих две трети были великороссы¹. Корф считал нужным особо возразить против любых планов институционализации Малороссии, упомянув ходившие тогда слухи о создании Малороссийского генерал-губернаторства во главе с Галаганом и о планах учреждения должности Окружного начальника войск в Малороссии². В целом позиция Корфа была весьма трезвой, основанной на понимании механизмов национальных процессов и свободной от идеологических шор, а для того, чтобы написать в рапорте Александру II, что железная дорога есть более эффективный инструмент обеспечения единства Малороссии и Великороссии, чем верность государю, нужна была и изрядная смелость.

Закрытие «Основы», Валуевский циркуляр, ссылка одних украинофилов и вовлечение в правительственную службу в Царстве Польском других, прекращение деятельности киевской Громады привели к тому, что в развитии украинского национального движения до начала 70-х наступил, по выражению Драгоманова, антракт. В 1864-м в Российской империи вышло из печати 12 украинских книг, в 1865–1866 – ни одной, в последующие три года по две. Таким образом, за семь лет после издания Валуевского циркуляра вышло столько же украинских книг, сколько за один 1862 г.³ Драгоманов, заметим, считал, что причина была не только в репрессиях, но и в слабости украинофильского движения того времени, которое не смогло использовать те немалые возможности, которые Валуевский циркуляр оставлял открытыми. «Нужно признать, что украинофильство показало себя самым слабым и недогадливым из всех либеральных течений в России», – писал, безусловно, с долей полемического преувеличения, Драгоманов⁴. Это, конечно, не значит, что в Петербурге считали проблему вполне решенной. Остается выяснить, насколько эффективно власти империи сумели использовать этот антракт для осуществления той русификаторской программы, которую подразумевали рассуждения Валуева о «невесомой силе», которую прямо излагал Корф и одобрил в замечаниях на полях его рапорта императору Александру II.

¹ РГИА. Ф. 733. Оп. 193 (1863 г.). Ед. хр. 86. Л. 20об.

² Там же. Л. 19–19об.

³ См.: Дей О.І. Книга і друкарство на Україні з 60-х років XIX ст... С. 134; Шум Н.А. Український національно-культурний рух в умовах антиукраїнської політики російського царизму... С. 82.

⁴ Драгоманов М. Антракт з історії українофільства (1863–1872) // Драгоманов М.П. Вибране... С. 219–220.

Глава 7

Планы властей по усилению русского ассимиляторского потенциала в Западном крае

Если логика Валуева была реконструирована нами верно, то цензурный циркуляр должен был стать только административным прикрытием русификаторской программы от конкуренции со стороны украинских националистов. Следовательно, чтобы верно оценить адекватность и действенность Валуевского циркуляра как административной меры, нужно внимательнее присмотреться к тому, что же предприняло или планировало предпринять правительство в эти годы для «обрусения» Западного и Юго-Западного края, для увеличения здесь русского ассимиляторского потенциала.

Докладные записки на этот счет начинают поступать в Петербург от высших должностных лиц местной администрации уже в 1861 г. Кажется, наиболее ранний проект такого рода, сразу привлечший внимание Валуева, был изложен в письме подольского гражданского губернатора Р. И. Брауншвейга министру внутренних дел от 4 июня 1861 г. «Наблюдая положение здешнего края в течение трехлетнего пребывания моего в нем, я пришел к убеждению, что единственное средство упрочить спокойствие здесь и обеспечить край от случайностей политических бурь – это развить в нем русский элемент и сделать его господствующим не в одной администрации, а во всех проявлениях народной жизни, в массе населения, которая состоит здесь из племени, родственного русским по происхождению и вере, и нерасположенного, даже враждебного

к полякам»¹. Бросается в глаза, что Брауншвейг называет вещи своими именами – то есть местное население для него лишь «родственное русским», а потому задача не ограничивается лишь подрывом польского влияния. Предлагаемые им первые шаги – распространение «школ сельских по помещичьим имениям и воскресных по городам», а также открытие в Каменце-Подольском русского театра – свидетельствуют, что его программа имела ясную ассимиляторскую направленность.

С ноября 1862 г. в Петербурге начинает заседать Западный комитет. Валуев подготовил для Комитета специальный «Очерк о средствах обрусения Западного края», и уже в декабре 1862 г. подал царю записку с изложением основных его тезисов. В программе Валуева, как, собственно, и во всех других проектах на эту тему, выделялись два основных направления. Первое – создание в крае привилегированного русского слоя в противовес безраздельно доминировавшей польской шляхте. Путь к этому видели в расширении крупного русского землевладения в крае и увеличении числа проживающих в нем русских дворян. После начала польского восстания правительство было готово добиваться этой цели все более жесткими методами, включая и введение определенных ограничений права собственности для поляков. Попытки реализовать эту часть программы в основном приходится на время после польского восстания 1863–1864 гг. Земли участников восстания подлежали конфискации. Все польские землевладельцы обкладывались особым десятипроцентным налогом, официально для возмещения нанесенного восстанием ущерба. Полякам было запрещено покупать землю в Западном крае, равно как и продавать ее кому-либо, кроме лиц православного вероисповедания. Об умеренной эффективности этих мер и неумеренной коррупции среди чиновников, которые отвечали за их проведение, подробно написал Даниэль Бовуа². Однако даже переход значительной части земель в Юго-Западном

¹ См.: РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Ед. хр. 19. Л. 20–23. Впоследствии Брауншвейг получил высокий пост в гражданской администрации Царства Польского.

² *Beauvois D. La bataille de la terre en Ukraine, 1863–1914. Lille: P.U.L., 1994.* Расширенное издание на польском, которым я пользовался: *Beauvois D. Walka o ziemię. 1863–1914. Sejny: Pogranicze, 1996.* Бовуа показал, что за взятки русские чиновники нередко помогали крупным польским землевладельцам, участвовавшим в восстании, избежать конфискации их имений. Новые русские владельцы тех земель, которые все же были конфискованы или проданы позднее их польскими владельцами, по большей части не жили в своих имениях и не выполняли той роли проводников русского влияния, на которую так рассчитывало правительство.

крае в руки русских землевладельцев не мог дать ожидаемого результата. В великорусских губерниях дворяне в 1858 г. составляли лишь 0,76% населения, что было существенно меньше, чем даже в таких странах с низким по европейским меркам процентом дворянства, как Англия, Франция, Австрия и Пруссия, где их численность превышала 1,5%. В Речи же Посполитой, в том числе и на Правобережье, дворяне составляли более 5% населения¹. Но главная причина состояла даже не в малочисленности того слоя, которому должны были достаться эти земли, а в слабости ассимиляторского потенциала русского дворянства. Большинство русских дворян в действительности было бедным и не могло приобретать землю по реальным ценам. Значительная часть имений, переходивших в «русские руки», доставалась за бесценок чиновникам. В результате среди тех, кто получил землю в Юго-Западном крае, еще более остро проявлялась типичная для русских дворян черта – склонность не жить постоянно в своих имениях. Как следствие, ассимиляторское влияние небогатых, с низко развитым, как и у всего русского дворянства, чувством корпоративной солидарности², и по большей части отсутствовавших в имениях русских собственников не могло идти ни в какое сравнение с влиянием крупных польских землевладельцев, поколениями живших в своих имениях и сплоченным сопротивлением тем мерам имперского правительства, которые стремились вырвать землю из польских рук. С учетом всего этого предложение виленского генерал-губернатора В.И. Назимова «подготовить более соответственный потребностям государства материал из низшего сословия» для передачи ему конфискуемых у поляков земель, выглядит вполне резонным³. В Петер-

¹ См.: *Bush M.L.* Rich Noble, Poor Noble. Manchester & New York: Manchester UP, 1988. P. 8, 10.

² О том, что русское дворянство, по сути, так и не стало сословием, объединенным чувством солидарности и способностью отстаивать корпоративные интересы, см.: *Raeff M.* The Russian Nobility in the Eighteenth and Nineteenth Centuries: Trends and Comparisons // *Nobility in Russia and Eastern Europe* / Ed. by I. Banac, P. Bushkovitch. New Haven: Slavica Publishers, 1983. P. 99–122; *Haimson L.H.* The Problem of Social Identities in Early Twentieth Century Russia // *Slavic Review*. Vol. 47. No. 1 (Spring 1988). P. 1–20.

³ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 38 (1863 г.). Ед. хр. 23. Ч. 175. Л. 4об. Назимов вообще предлагал исходить из того, что «в Западных губерниях нет вовсе дворянства, ибо наличное польское дворянство никогда ничего не захочет сделать в пользу Русского государства» (там же. Л. 6). Интересно, что перечисляя области и города, которые должны были подвергнуться русификации, Назимов четко различал территории Западного края с «исконным» восточнославянским населением и мест-

бурге, однако, оно не могло получить поддержки – двор и большинство министров продолжали и после отмены крепостного права придерживаться консервативно-аристократических взглядов, унаследованных от уже ушедшей в прошлое эпохи Священного союза.

В результате даже в 1910 г., когда правительство решилось наконец ввести земство в Западном крае, П.А. Столыпин все равно вынужден был отстаивать особые правила земских выборов для этой части империи, чтобы «создать такое новое избирательное собрание, в котором права русского экономически слабого большинства были бы ограждены от польского экономически и культурно сильного меньшинства»¹.

Нас более интересует вторая неперенная составляющая этих проектов, а именно политика в отношении крестьянства, влияние на которое и было предметом соперничества русских, польских и украинских националистов. Валуев в своем докладе царю вполне справедливо отмечал: «...мы употребляли для достижения цели только одно средство – силу в тех разнообразных видах, в которых возможно проявление силы. Только две меры имели другое, органическое свойство: воссоединение унии в прежнее время, и освобождение крестьян в новейшее»².

Валуев считал, что после освобождения крестьян проблема народного просвещения выдвигается на первый план. «Быстрое учреждение сельских школ на основаниях, обеспечивающих не только поддержание, но и распространение русской народности в крае. Об этом важном предмете давно и много говорят и пишут, но в отношении к нему сделано чрезвычайно мало, а то, что сделано, почти исключительно сделано православным духовенством. Для правильного и успешного устройства дела необходимо вести его в широких размерах, энергически, и по систематически начертанному плану»³.

Этот отрывок заслуживает подробного обсуждения, потому что в нем завуалированно затрагиваются два весьма важных вопроса. Во-первых, Валуев пытался намекнуть царю на проблему неопределенности национальной идентичности крестьян Западного

ности, где литовцы или евреи традиционно составляли большинство. Последние не должны были, по его мнению, подвергаться немедленной русификации.

¹ Столыпин П.А. Речи в Государственной Думе и Государственном Совете (1906–1911) / сост. Ю.Г. Фельштинский. Нью-Йорк: Телекс, 1990. С. 233.

² РГИА. Ф. 908. Оп. 1. Ед. хр. 185. Л. 2, 2об.

³ Там же. Л. 7об.

края. Замечание, что сельские школы должны были способствовать «не только поддержанию, но и распространению русской народности», можно, конечно, при желании объяснить и тем, что Валуев имел в виду литовского крестьянина. Однако в докладе есть еще несколько фраз, которые можно интерпретировать по-разному, что для такого текста уже трудно счесть случайным. Адресат доклада это почувствовал, а потому, словно в ответ на непрозвучавший вопрос, пометил рядом со словами заголовка «о средствах обрусения западного края» – «т.е. относительно дворянства и городского населения в сих губерниях». Иначе говоря, в 1862 г. Александр II в общении с Валуевым еще не готов был отступить от официальной концепции «беспроблемной» русскости малорусского и белорусского крестьянского населения Западного края.

Во-вторых, рассуждения Валуева содержали плохо скрытый выпад против министра народного просвещения Головнина и его планов. Именно в 1862 г. Валуев потратил немало сил для того, чтобы заблокировать проект развития народных школ в Западном крае, предложенный Головниным. План МНП развивал идеи, которые еще в 1859 г. выдвинул при поддержке киевского генерал-губернатора кн. Васильчикова либеральный попечитель Киевского учебного округа знаменитый хирург Н.И. Пирогов, предлагавший «образовать учителей для сельских школ из молодых крестьян, которых можно было бы в два года обучить грамоте, счету и способу наглядного обучения в особых педагогических семинариях»¹. Тогда против этой идеи выступил Синод, требовавший оставить начальное обучение в руках духовенства. В апреле 1860 г. царь принял сторону Синода и разрешил начать обучение грамоте силами приходских священников. Согласно официальным данным, к началу 1862 г. в 4000 приходских школ, из которых около 3000 были созданы в 1860–1861 гг., обучалось более 60 тысяч человек². Впрочем, есть основания подозревать, что тут не обошлось без традиционного русского греха – приписок. Драгоманов упоминает, что во время епископских проверок одних и тех же учеников показывали по несколько раз, перевозя их из одной школы в другую³. Качество обу-

¹ РГИА. Ф. 908. Оп. 1. Ед. хр. 174. Л. 1.

² Там же. Л. 2, 28об.

³ Драгоманов М. Антракт з історії українофільства (1863–1872) // Драгоманов М.П. Вибране... С. 210. Вот что писал, пусть даже несколько преувеличивая, в своем дневнике уже в 90-е годы о масштабе приписок генерал А.А. Киреев, которого никак нельзя заподозрить в каком-то антиклерикализме: «Гр. Толстой, министр в[нутренних] д[ел], говорил Георгиевскому, что, по его совершенно точным сведе-

чения в этих школах, где по методикам, не претерпевшим больших изменений с XVII в., преподавались лишь начальные навыки чтения и письма на русском и церковнославянском – при этом нередко начинали с церковнославянского! – было поводом для смеха сквозь слезы по всей империи. Даже Корф, упомянув в рапорте царю от 1863 г. о потенциальной роли духовенства как проводника ассимиляции, не стал развивать эту тему, а лишь оговорился, что «до окончания предпринятого улучшения его быта о нем ничего сказать нельзя»¹.

В январе 1862 г. Васильчиков возобновил старания о создании педагогических училищ для крестьян. Активно поддерживавший его Головнин тогда же доложил дело царю и добился разрешения, оставив уже работавшие школы в ведении церкви, начать устраивать новые народные училища под эгидой МНП. В Киеве начала работать «Временная педагогическая школа», готовившая учителей для народных школ. Уже в июне 1862 г. Головнин подготовил Устав «Общества для распространения грамотности и православного образования в губерниях Киевского учебного округа». План Головина предусматривал создание 157 училищ для учителей начальных школ. Число это не было случайным. Головнин и Васильчиков задумали обратить на их финансирование доходы от 157 ферм, принадлежавших казне в Киевской, Волынской и Подольской губерниях. В мае 1862 г., после долгих и бесплодных стараний добиться на это разрешения у министра финансов М.Х. Рейтерна, который отговаривался тем, что вопрос не в его компетенции, Васильчиков обратился с этим предложением к Валуеву. Ответ последнего от 20 сентября был подлинным бюрократическим шедевром: «Я конечно должен согласиться на оставление сего предприятия [...] без последствий, ибо прямая переассигновка доходов одного ведомства на расходы другого не соответствует коренным началам составления государственных смет и государственной отчетности»².

Валуев выступал в этом вопросе единым фронтом с местной православной иерархией, доказывавшей, что «училища эти могут оказать неблагоприятное влияние на приходские школы», поскольку

ниям, церковные школы существуют только на бумаге. [...] Один предводитель дворянства говорил Георгиевскому, что в его местности, по отчетам церковного ведомства, считается 104 (или 94) школы. В действительности же есть 4 или 5». Цит. по: *Зайончковский П.А.* Российское самодержавие в конце XIX столетия... С. 365.

¹ РГИА. Ф. 733. Оп. 193 (1863 г.). Ед. хр. 86. Л. 19об.

² РГИА. Ф. 908. Оп. 1. Ед. хр. 174. Л. 5.

«священники, занимаясь ныне в этих школах почти без вознаграждения, потеряют нравственную энергию в этом деле, видя, что тот же труд в училищах МНП значительно вознаграждается»¹. В докладе царю Валуев прямо рекомендовал сохранить в руках церкви контроль над начальными школами. Также против Головнина было направлено его предложение не давать дополнительного финансирования университетам и другим учебным заведениям в крае. Если Валуев видел в высших учебных заведениях рассадник политической неблагонадежности, то Головнин рассчитывал получить из студентов столь дефицитных чиновников и гимназических учителей. С этой целью он даже предлагал увеличить число студентов, обучаемых за казенный счет, с тем, чтобы после окончания курса выпускники обязаны были отработать шесть и более лет «по разнарядке» или «распределению», если воспользоваться советским названием этой практики².

Кадровая проблема в Западном крае была действительно очень острой. Так, в адресованной Валуеву записке чиновника МНП Э.В. Цехановского от 1863 г. приводились, например, следующие цифры: при общей численности служилых сословий в европейской части империи, равной 720 000 человек, на долю поляков приходилось 346 000, или 48%³. В Западном крае они доминировали безраздельно. Только в Юго-Западном крае начала 60-х годов число чиновников-поляков превышало полторы тысячи⁴. Даже начальниками канцелярий губернаторов, в том числе и после 1863 г., часто служили поляки, порой делавшие своим подчиненным выговоры за незнание польского языка, на котором большинство чиновников и общалось между собой⁵.

Соотношение числа чиновников к численности всего населения на землях современной Украины (1:1642) даже в конце XIX в. соответствовало подобной пропорции в заморских колониях Франции (1:1063 в Индокитае и 1:1903 в Алжире) и не шло ни в какое сравнение с ситуацией в европейских державах (1:141 в Великобритании, Франции, Германии и 1:198 в Австрии). Привычный нам

¹ РГИА. Ф. 908. Оп. 1. Ед. хр. 174. Л. 29.

² ОР РГБ. Ф. 169. К. 42. Ед. хр. 5. Л. 10.

³ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 38. Ед. хр. 23. Ч. 175. Л. 23, 24. Вполне возможно, что цифры эти неточны, но они дают представление о пропорциях и о том образе ситуации, который существовал в умах высших сановников.

⁴ Аксаков И.С. Сочинения. Т. 3. С. 186.

⁵ См. рапорт Мезенцова из Киева от 9 ноября 1863 г. (РГИА. Ф. 776. Оп. 11. Ед. хр. 61. Л. 32).

образ всеконтролирующего сверхбюрократизированного самодержавного государства скрывал в действительности недоразвитую и слабую административную систему. Автор приведенных выше подсчетов Стивен Величенко видит прямую связь между слабостью административного контроля и активностью украинского национального движения: именно в Полтавской губернии, откуда происходило 27% украинофильских активистов, пропорция чиновников к общей численности населения была самой низкой (1:2096)¹.

Попытки заместить если не все должности гимназических учителей в Западном и Юго-Западном крае, то хотя бы должности преподавателей истории, русскими оказывались неисполнимыми из-за нехватки людей, сколько-нибудь соответствовавших предъявляемым требованиям. Так, в инструкции от февраля 1857 г. попечителям Киевского и Виленского учебных округов о том, чтобы «должности учителей истории в гимназиях и уездных училищах замещаемы были исключительно природными русскими», содержалась знаменательная оговорка: «и только при совершенной невозможности найти способных кандидатов из русских, таковые должны временно быть предоставляемы уроженцам западных губерний»². (Речь, между тем, шла всего лишь о трех десятках должностей.)

Валуеву эти данные были хорошо известны. Он, без сомнения, знал также, что качество преподавания в приходских школах плохое и принципиально улучшить его не удастся. (Жизнь это подтвердила – даже в 1881 г. весьма умеренный в своих взглядах русский помещик, земский деятель в Херсонской губернии В.И. Албранд в записке для сенатской ревизии А.А. Половцова писал: «Сельские приходские училища существуют большею частью для вида, это своего рода “мучилища” детей»³.) Понимал Валуев и то, о чем писал уже в мае 1863 г. А. Иванов в «Русском вестнике»: приходские школы обречены проигрывать в открытой конкуренции со школами украинофилов, если таковая будет допущена.

Почему же Валуев блокировал начинания Головнина? В значительной мере его действия можно объяснить узкими ведомственными интересами. Именно в 1862 г. Валуев добивался (и к началу 1863 г.

¹ *Velychenko S.* Where Tsarist Borderlands Undergoverned and Did it Matter? Доклад для конференции *Shaping Identities in the Borderland* (Будапешт, Центрально-Европейский университет, 4–6 марта 1999 г.).

² ОР РГБ. Ф. 169. К. 42. Ед. хр. 5. Л. 9.

³ РО РНБ. Ф. 600. Ед. хр. 608. Л. 8.

добился) передачи от МНП в МВД контроля над цензурой, так что любой повод подорвать доверие царя к Головнину был хорош. Головнина Валуев считал серьезным и опасным противником: «Умен, вкрадчив, методичен, холоден, эгоистичен, мало приятен», – записал он о Головнине в своем дневнике в конце 1861 г.¹ Сам Валуев отнюдь не был свободен от греха, на который он жаловался в докладе царю, – несогласованности и противоречивости деятельности различных звеньев центральной и местной администрации, а часто и сознательного их противодействия друг другу. Александру II проблема была хорошо знакома. Рядом со словами доклада – «Успех невозможен при коренном различии взглядов и при отсутствии взаимного содействия между генерал-губернаторами и МВД» – царь пометил: «Вот почему я и возобновил Западный комитет»². Однако история самого Западного комитета, вполне в традициях российской бюрократии, также превратилась в череду конфликтов и интриг между его членами. Масштаб недуга был таков, что в 1865 г. Александр II вынужден был сделать выговор всему Совету министров, напомнив министрам «об обязанности признавать себя солидарными по общим делам администрации» и о том, «что каждый из них занимает свое место по его доверию и что если они друг другу не оказывают уважения, то обязаны оказывать это уважение к его доверию»³. Приговором Западному комитету звучат слова Д. Милютин: «В этом Комитете, как и в других, было больше слов, чем дела. Не было выработано ни одной существенной меры, которая обещала бы новую жизнь краю. [...] Все постановления комитета имели характер полумер, обставленных такими условиями, которые обращали их в одни платонические пожелания. Правительство сознавало необходимость сделать что-нибудь – и только выказывало свою немощь»⁴.

Впрочем, у взаимной нерасположенности двух министров были не только ведомственные мотивы, но и серьезные идеологические основания. Валуев, как мы уже видели, смотрел на проблему православного населения Западного края с ассимиляторской точки зрения, которая была Головнину чужда. Как следствие, Валуев имел основания сомневаться в том, что МНП сумеет и захочет

¹ Валуев П.А. Дневник... Т. 1. С. 137.

² РГИА. Ф. 908. Оп. 1. Ед. хр. 185. Л. 11.

³ Валуев П.А. Дневник... Т. 1. С. 299.

⁴ Милютин Д.А. Мои старческие воспоминания за 1816–1873 гг. (ОР РГБ. Ф. 169. К. 14. Ед. хр. 2. Л. 89об (нумерация рукописи – л. 170)).

обеспечить русификаторскую направленность новых училищ. В этом плане характерен эпизод, о котором вспоминает Драгоманов: когда какой-то архиерей из Владимирской губернии вызвался направить в народные школы в Малороссии своих семинаристов, и Васильчиков, и куратор Киевского учебного округа Ф.Ф. Витте его предложение отвергли, ссылаясь на то, что для этой цели нужны местные учителя, хотя шанс получить из среды выпускников местных университетов украинофильски настроенных преподавателей был решительно выше¹. Драгоманов, кстати, обращает внимание и на то, что в ходе развития земских школ во второй половине 60-х МНП и ведущие русские педагоги, в том числе К.Д. Ушинский, выступали за использование местного языка в начальной школе, а главными противниками этого на левом берегу Днепра, где также было введено земство, выступали местные малороссийские деятели Андрияшев, Багатимов, Недзельский. «Стыдно признаться, а приходится, что орудием изгнания украинского духа из всяких школ были совсем не великоросы, а урожденные украинцы», – пишет в этой связи Драгоманов².

Другой важный источник конфликта министров состоял в том, что Валуев придерживался аристократических убеждений и, в отличие от Головнина, скептически смотрел на расширение участия разночинцев в государственной службе. Польский князь, несмотря ни на что, был ему ближе русского парвеню. «Вы не опровергаете тех (весьма к сожалению многих), которые воображают, что можно элиминировать поляков из государства, командировав из внутренних губерний гг. Федотовых, Никаноровых и Пахомовых для исправления должностей Тышкевичей, Потоцких и Радзивиллов. Все это не так легко, как многие думают», – не без злой иронии писал в августе 1863 г. Валуев Каткову, противопоставляя списку знатнейших польских родов ряд заведомо разночинских русских фамилий³. Свои обращенные к Каткову обвинения в «страсти к оплебеянию России» Валуев «в уме» вполне мог адресовать и Головнину⁴. После того, как конфликт с Головниным еще более обострился из-за решительной критики министром народного просвещения Валуевского циркуляра, Валуев решил использовать для дискредитации оппонента инспекционную поездку на Украину Мезенцова, чьи

¹ Драгоманов М. Антракт з історії українофільства (1863–1872). С. 210.

² Там же. С. 221–222.

³ ОР РГБ. Ф. 120. К. 1. Ед. хр. 57. Л. 14, 14об.

⁴ Там же. Л. 33об.

доклады нетрудно было затем положить на стол императору. Мезенцов, без сомнения, получил соответствующие инструкции еще в Петербурге. В результате в его рапортах появились утверждения, что «учебное ведомство ежегодно усиливает местные заведения количеством новых лиц с ультра-либеральным и местным областным стремлением», что местные университеты, служащие источником пополнения преподавателей, «не имеют надлежащего прочного внутреннего устройства», и даже прямые обвинения, что «действия кружка «Основы» [...] получают сильную поддержку в ученом и учебном ведомстве».

«В учебных ведомствах кроется все угрожающее зло», – заключал рьяно исполнявший задание жандармский полковник¹. Все эти филиппики отлично гармонировали с общим настроением консервативных кругов, для которых снятие установленного Николаем I ограничения числа студентов (не более трехсот в каждом университете) уже было мерой более чем спорной. С 1862 г., после знаменитых петербургских пожаров и раздутой ими в своем значении прокламации «Молодая Россия», консерваторы с новой энергией стремились представить университеты рассадником свободомыслия, а студенчество чуть ли не главной угрозой общественному порядку.

Как ни печально, но консерваторы в определенном смысле были правы – университеты действительно были кузницей нигилистов в неменьшей степени, чем источником квалифицированных кадров². Беда в том, что, за исключением отдельных эпизодов, как, например, установление в 1880 г. М.Т. Лорис-Меликовым 100 именных стипендий для студентов, власти видели решение вопроса не в улучшении материальных условий студентов и карьерных возможностей выпускников, а в репрессиях, усилении консерватизма и сословного принципа в образовании³.

Мезенцов, кстати, в своей оценке роли университетов в развитии украинофильства тоже был прав – в 1860–1864 гг. студенты составляли более 70% активистов украинофильского движения⁴.

¹ РГИА. Ф. 776. Оп. 11. Ед. хр. 61. Л. 28 об, 29, 32.

² См., например: *Brower D. Training the Nihilists. Education and Radicalism in Tsarist Russia. L., 1982.*

³ О политике властей в области просвещения при Александре III см.: *Зайончковский П.А. Российское самодержавие в конце XIX столетия... С. 309–365.*

⁴ *Kappeler A. The Ukrainians of the Russian Empire, 1860–1914 // Comparative Studies on Governments and Non-Dominant Ethnic Groups in Europe, 1850–1940.*

Э. Хобсбаум, несколько пожертвовав точностью ради красоты выражения, сказал, что «развитие национализма можно измерять развитием школ и университетов, поскольку школы и особенно университеты были главными его проводниками»¹. Важно уточнить, что в Германии, Франции, Британии университеты и школы были эффективными проводниками централизаторского национализма, в то время как в Центральной и Восточной Европе они становились очагами сопротивления ассимиляторским усилиям доминирующих групп. Университеты в Харькове и Киеве при отсутствии таковых на территории Белоруссии – не менее важная причина качественного отличия национального движения на Украине от почти не существовавшего в XIX в. белорусского национализма, чем часто упоминаемые в этой связи казацкие традиции и память о Гетманщине.

Но вернемся к Головнину и Валуеву. Идеологический конфликт двух министров отражал глубинные противоречия русской политики – сохранявшие преобладающее влияние дворцовые круги не доверяли разночинцам, без широкого участия которых проведение успешной ассимиляторской политики было невозможно. В свою очередь, радикалы-народники, а со временем и все возрастающее число либералов царизм откровенно ненавидели. Те из них, кто были националистами, как правило, считали царизм лишь препятствием на пути осуществления своих националистических идеалов.

Именно это противоречие и пытался по-своему разрешить Катков, стремясь сделать, по крайней мере, условную лояльность режиму составной частью националистической идеологии. Однако для властей, весьма ценивших редактора «Московских ведомостей», даже такой его национализм был частью «страсти к оплебеганию России». Чем дальше он развивал свои националистические идеи, тем регулярнее власти натягивали цензурные вожжи². В результате с 1871 до 1882 г. Катков вынужденно вообще пере-

Vol. VI: The Formation of National Elites / Ed. by A. Kappeler. Dartmouth: New York UP, 1992. P. 116.

¹ Цит. по: *Anderson B. Imagined Communities...* P. 71.

² Начальник III отделения П.А. Шувалов прямо обвинял Каткова в стремлении «возбуждать и поддерживать беспорядки в окраинах империи», имея в виду его русификаторский пафос. См.: *Оржиховский И.В.* Администрация и печать между двумя революционными ситуациями (1866–1878 гг.). Горький, 1973. С. 59. С конца 60-х годов задача сохранения социальной иерархии старого порядка получает в политике властей решительное преобладание над попытками опереться на низшие слои против более или менее непокорных элит окраин империи. Давление на крупных польских землевладельцев в Западном крае было смягчено.

стал касаться национального вопроса¹. В свою очередь, либеральные круги, не говоря уже о радикалах, отторгали Каткова именно за его лояльность режиму, которая к концу жизни Каткова действительно нередко превращалась в сервильность. Призывы же Аксакова и других публицистов ко всем «деятельным русским людям» отправиться в Западный край для укрепления в нем «русских начал» были не более чем красивыми словами – без сотрудничества с правительством никакая серьезная акция такого рода была невозможна; впрочем, сколько-нибудь массовых попыток такого рода и не было. Уже в 1864 г. разочарованный Аксаков с горечью писал в связи со своими призывами к выкупу земель в Западном крае: «В Европе давно бы образовалось общество для добровольной колонизации края...»²

Польское восстание было вполне подавлено только к концу 1864 г. Именно в этот момент и начинается вновь в правительственных структурах обсуждение вопроса о возможном смягчении или отмене Валуевского циркуляра, что отразилось в уже упомянутых письме обер-прокурора Синода Ахматова от декабря 1864 г. и запросе Петербургского цензурного комитета от марта 1865-го. Возможно, что этот запрос был как-то связан с подготовкой Валуевым закона об отмене предварительной цензуры, опубликованного 6 апреля 1865 г.

Этому закону предстояло, однако, стать последним крупным либеральным актом 60-х годов. 4 апреля 1866 г. произошло каракозовское покушение на Александра II. Оно произвело на царя весьма сильное впечатление, что не замедлило сказаться и на судьбах некоторых героев нашей истории. То, что шеф жандармов Долгоруков поплатился своим местом, выглядит вполне естественно. Но обстоятельства отставки Головнина были весьма необычны. Александр II уволил Головнина резко, без прошения, обнаружив, что среди конспираторов, задержанных в связи с покушением, много студентов, за увеличение числа которых ратовал министр народного просвещения. «Молодые люди, арестованные в Москве, показали в комиссии с цинизмом и как нечто похвальное, что они пред-

¹ См.: *Чернуха В.Г.* Внутренняя политика царизма с середины 50-х до начала 80-х гг. XIX в. Л., 1978. С. 181. Возможно, что это стало результатом специального заседания Совета министров 20 ноября 1871 г., на котором по инициативе министра внутренних дел А.Е. Тимашева обсуждалась слишком независимая позиция «Московских ведомостей». См.: *Валуев П.А.* Дневник... Т. 2. С. 275, 503; *Никитенко А.В.* Дневник. Т. 3. Л., 1955. С. 161.

² *Аксаков И.С.* Сочинения. Т. 3. С. 239. (День. 28 апреля 1864 г.)

назначали себя в учителя народных школ, чтобы развить народ и освободить его от того, что они называли религиозными предрассудками», – с горечью писал Головнин в своих мемуарах¹. В отставке министра народного просвещения многолетний конфликт Головнина и консерваторов, касающийся отношения к университетам и студенчеству, получил свое бюрократическое завершение.

Позднительность властей по отношению к народникам с течением времени усиливалась. Начальное образование было решено оставить в руках духовенства. Самодержавный и сугубо централистский принцип государственного устройства в атмосфере усиливавшихся сомнений в том, не переборщили ли с реформами и послаблениями, под вопрос не ставился. Соответственно, и «переклочение» властей на «англо-шотландский» вариант политики в отношении Украины, предполагавший поиск какого-то компромисса с украинскими элитами, было невозможно, тем более, что новое поколение «украинофилов» было по преимуществу народническое и состояло не из «классово близких» землевладельцев, а из подозрительных писателей и преподавателей, нередко бывших ссыльных. Впрочем, смену тактики всерьез никто не рассматривал: во второй половине 60-х правительству вполне могло показаться, что повторяется сценарий конца 40-х годов. Те же самые люди, бывшие братчики, в очередной раз получили отпор своим планам, и о проблеме можно снова забыть на очередные десять лет.

Таким образом, национальная политика властей империи после того, как обозначился националистический перелом в общественном мнении, в способах легитимации власти и в ее, власти, принципах целеполагания, была непоследовательной, противоречивой, часто попросту непродуманной. Сознывая отсутствие ресурсов для проведения ассимиляторской политики по «французской» модели, правительство считало себя вынужденным прибегать к запретительным мерам в духе такой модели по причине своей слабости. Циркуляр Валуева, принимавшийся как вынужденная краткосрочная мера и оставшийся в силе на долгие годы, может служить своеобразным символом этой политики.

Валуеву вполне можно адресовать его собственный упрек в адрес Головнина, что о необходимости развития народного образования в Западном крае много говорится, да мало делается. Он даже не пытался скорректировать по своему разумению планы Васильчикова и Головнина, а просто похоронил единственный про-

¹ См.: *Головнин А.В.* Записки для немногих // Вопросы истории. 1997. № 6. С. 68.

ект, дававший реальные шансы на существенное изменение ситуации. Более того, он не дал хода и другим проектам развития народных школ, выдвинутым уже в 1864 г. лояльными правительству киевскими деятелями, в частности М.В. Юзефовичем. Никакого своего «систематически начертанного плана» он так и не предложил. Замечание Александра II на полях программы Корфа о необходимости «сообразить, как ее исполнить», также не имело никаких практических следствий.

О политике сменившего Головнина на посту министра народного просвещения Д.А. Толстого лучше всего говорит тот факт, что в конце 60-х он даже не хотел в течение нескольких лет использовать для развития народных школ те средства, которые специально ассигновал для этой цели киевский генерал-губернатор А.П. Безак¹. Число гимназий и прогимназий в Киевском учебном округе за время его министерства практически не росло (17 в 1871 г., 20 в 1882-м), в то время как в Московском округе с тех же 17 в 1871 г. оно к 1882-му более чем удвоилось (до 37)². Начальное образование развивалось в это время медленно во всей империи. Расходы государства на крестьянские школы практически не росли с 1862 по 1895 г. В 1879 г. из бюджета покрывалось только 11,3% всех расходов на начальные школы. Сами крестьяне давали втрое больше, а земства – 43,4% всех средств. В Юго-Западном крае, где земств не было вплоть до 1911 г., ситуация была еще хуже: в губерниях без земств расходы на начальное образование в пересчете на душу населения были на треть меньше³.

Плачевные результаты деятельности МНП под управлением Толстого, особенно в области развития начальной школы, служат убедительным свидетельством прагматического бессилия русского национализма. Дело в том, что огромным влиянием на Толстого пользовался в то время Катков. Протеже Каткова А.И. Георгиевский был назначен председателем Ученого комитета и докладывал патрону обо всем, что происходило в министерстве, получая соответствующие указания. «Без преувеличения можно сказать, что все реформы, осуществлявшиеся в области народного просвещения во второй половине 60–70-х годов, исходили от Каткова», – писал

¹ Драгоманов М.П. Автобиография // Былое. 1906 (июнь). С. 198.

² См.: Камоско Л.В. Политика правительства в области среднего образования в 60–70-е гг. XIX в. (гимназии, реальные училища). М., 1970.

³ См.: Eklof B. Russian Peasant Schools. Officialdom, Village Culture and Popular Pedagogy, 1861–1914. Berkeley: Univ. of California Press, 1986. P. 89, 94.

П.А. Зайончковский¹. Однако тот самый Катков, который настойчиво доказывал в своей публицистике, что консолидация большой русской нации есть важнейшая политическая задача, а ускоренное развитие начального образования крестьян Малороссии и Белоруссии на русском языке представляет главное к тому средство², так ничего и не сумел сделать, чтобы использовать свое влияние на деятельность МНП для практической реализации этой программы. 11% государственного участия в расходах на начальную школу означали приговор любому ассимиляторскому проекту.

Когда в 1905 г. сторонники введения украинского в качестве языка обучения в начальной школе указывали, что низкий уровень грамотности украинских крестьян связан с необходимостью обучения на неродном языке, министр просвещения В.Г. Глазов отвечал им, что низкий уровень грамотности объясняется прежде всего двухгодичным образованием, и решать проблему нужно не введением украинского языка, а расширением начального обучения с двух до четырех лет³. Беда в том, за все эти десятилетия, отделявшие время отмены крепостного права от первой русской революции, власти так и не удосужились проверить этот тезис на практике. Серьезные изменения к лучшему стали происходить в начальной школе только с середины 90-х годов⁴, то есть три с лишним

¹ Зайончковский П.А. Российское самодержавие в конце XIX столетия (Политическая реакция 80-х – начала 90-х годов). М., 1970. С. 69. Яркое описание огромного влияния Каткова на Толстого и роли первого в формировании политики в области просвещения см. в кн.: Феоктистов Е.М. Воспоминания... С. 173–179.

² Подробное перечисление предлагавшихся Катковым в его статьях 60-х годов средств русификации Западного края см. в кн.: Неведенский С. Катков и его время. СПб., 1888. С. 257–258. О необходимости увеличения ассигнований на народные школы Катков писал, например, в «Московских ведомостях» от 16 марта 1865 г., подчеркивая, что в условиях России «успех народного обучения условливается преимущественно поддержкой со стороны государства». См.: Катков М.Н. Собрание передовых статей «Московских ведомостей». 1865 г. М., 1897. С. 157. В № 262 от 27 ноября 1865 г. он подчеркивал фактор времени в решении задач русификации Западного края и их приоритетность в сравнении с другими проблемами, сетуя, что «драгоценное, невознаградимое время, заботы и средства употребляются на предметы случайного свойства, отнимаются от предметов существенных». См.: Там же. С. 755.

³ Подробнее см.: Andriewsky O. The Politics of National Identity: The Ukrainian Question in Russia, 1904–1912. PhD dissertation. Harvard, 1991. P. 85.

⁴ С 1896 по 1900 г. расходы государства на начальную школу удвоились, очередное удвоение расходов было достигнуто к 1907 г., а с 1907 по 1914-й они возросли в четыре раза. Если в 1881-м все расходы на образование составляли 2,69% бюджета и начальная школа отнюдь не имела приоритета при дележе этих

десятилетия после отмены крепостного права были фактически потеряны с точки зрения использования начальной школы как эффективного инструмента ассимиляции. Лишь накануне Первой мировой войны Россия подошла к практической возможности осуществления принципа всеобщего обязательного начального образования.

Так и не став частью «положительной» ассимиляторской программы, Валуевский циркуляр справедливо вошел в историю как мера чисто репрессивного свойства.

денег, то в 1914-м расходы на образование составили 7,21 % бюджета и доля начальной школы при этом возросла. См.: *Eklöf B. Russian Peasant Schools...* P. 89–90.

Глава 8

Киевский период активизации украинофильства (1872–1876)

Новый период активизации украинофильства приходится на первую половину 1870-х годов, снова, как и в конце 50-х – начале 60-х, совпадая, а точнее – будучи одной из составляющих частей более широкого, общеимперского общественного оживления¹. Первые статьи, в которых ставилась под вопрос политика, воплощенная в Валуевском циркуляре, появились в русских журналах в 1872 г. Наиболее заметной стала публикация с февраля по май в четырех номерах либерального «Вестника Европы» большой работы «Восточная политика Германии и обрусение». Автором ее был Драгоманов, скрывавшийся под псевдонимом М.Т. Драгоманов постарался представить развернутое идеологическое обоснование тезиса, что ассимиляторская и централизаторская политика в отношении западных окраин противоречит интересам России. Во-первых, он утверждал, что она играет на руку врагам России, к которым он причислял поляков и Германию, готовившуюся, по его интерпретации, к распространению своего влияния на востоке Европы. Во-вторых, он доказывал, что ассимиляторская политика, скопированная с французского и прусского опыта, не соответствует российским условиям, ссылаясь на иные масштабы страны и на относительную молодость и слабость русской культуры по сравнению с французской и немецкой. Третий аргумент состоял в том, что Франция и Пруссия пользуются правом завоевателя, которого

¹ То обстоятельство, что спады и подъемы украинского национального движения совпадают с общероссийскими, отметил еще И. Лысяк-Рудницкий. См.: *Rudnytsky I.L. Essays in Modern Ukrainian History...* P. 12–13.

у России по отношению к Малороссии нет¹. В другой части статьи и вне сравнительного контекста, дабы не дразнить цензуру, Драгоманов замечал также, что успех франкоизации во многом был предопределен тем, что французский был «языком свободы»².

Главная цель Драгоманова заключалась в реабилитации украинофильства. Его интерпретация этого явления словно возвращалась к официальной трактовке шефа жандармов А.Ф. Орлова в конце 1840-х: «Костомаров не украинофил, а “украинский славянофил”, как есть “московские славянофилы”»³, а Шевченко – «единственный русский поэт, рожденный в юго-западном крае»⁴. Если они и украинофилы, то русские украинофилы, в противовес украинофилам польским, то есть полякам, стремившимся использовать украинскую идею с целью оторвать Малороссию от Северной Руси. Драгоманов доказывал, что они были сторонниками русского единства, но единства в многообразии, с сохранением малорусской специфики и развитием местного языка⁵. В интерпретации Драгоманова эта позиция находила широкую поддержку и понимание в русском обществе до тех пор, пока люди чужие – «Сион» и поляки – не возвели на украинофилов ложного обвинения в политическом сепаратизме⁶. И только затем, по Драгоманову, эти обвинения в сепаратизме были подхвачены «Русским вестником», который исходил из неверной идеи о применимости западной программы ассимиляции к российским условиям.

В то же время Драгоманов критиковал и петербургскую либеральную прессу, «явно враждебную ко всяким толкам об окраинах». Эта часть его рассуждений заслуживает пространного цитирования. «Это по настоящему и есть наша ультрарусская партия, довольно многочисленная среди образованных людей в столицах и в Великой России; этот новый род «великорусских сепаратистов» говорит: да Бог с ними, с этими окраинами; нас, несомненных русских, на несомненной русской земле все-таки 30–40 миллионов, будем заниматься своими делами, а окраины пусть живут как хотят!

¹ Вестник Европы. 1872 (май). С. 241.

² Вестник Европы. 1872 (февраль). С. 687–689.

³ Вестник Европы. 1872 (март). С. 200.

⁴ Там же. С. 198.

⁵ Тактический характер этих рассуждений Драгоманов признаёт в эмиграции в 1878 г., написав о том, как украинофильство «пряталось под защиту московского славянофильства». См.: *Драгоманів М. Шевченко, українофіли й соціалізм*. Львів, 1906. С. 145. (Первое издание – четвертый том женевской «Громады» – 1878 г.)

⁶ Вестник Европы. 1872 (март). С. 211–212.

Конечно, останься эти «ультрарусские» без Риги и Варшавы, и чего доброго без Вильно и Киева, они бы почувствовали себя не совсем ловко, и хорошенько пораздумав, они и теперь увидят, как тесно связаны нравственные и экономические интересы середины России с судьбою лежащих и дальше наших границ стран прикарпатских и придунайских. Но этот ультрарусский сепаратизм людей середины России совершенно понятен и естественен как реакция направлению, которое заботится так неловко об обрусении и перерусении племен¹.

Две важных идеи сформулированы в этом фрагменте. Во-первых, Драгоманов стремится устранить опасность особой ассимиляторской «заботы» о Малороссии как части русского «идеального отечества», которая, наряду с Белой Русью, подлежала бы русификации прежде других, «нерусских» западных окраин. С этой целью он, с одной стороны, говорит об ошибочности стремления к «перерусению» или «дорусению», подчеркивая тем самым уже и так «русский» характер Малороссии. (Русскость здесь интерпретируется как родовое понятие, не предполагающее тотальной культурной гомогенизации.) С другой стороны, отчасти противореча сам себе, Драгоманов старается «вписать» Украину в общий ряд других окраин, перечисляя малорусскую проблему наравне с эстонской, латышской, литовской².

Во-вторых, и это главное, он предлагает новую, более привлекательную для российских империалистов, «упаковку» федеративной идеи, которая теперь не только должна обеспечить целостность империи, но и ее экспансию. Драгоманов утверждает, что именно неассимиляторский характер русской политики даст ей преимущество в борьбе с централизаторской националистической Германией за господство в Восточной Европе. В этой связи он особенно подробно рассказывает, как репрессии против украинофилов в России подрывают симпатии к Москве среди русинов Восточной Галиции³. Эта идея Драгоманова вскоре получила, как мы увидим, приверженцев даже среди высокопоставленных сановников.

Вскоре Драгоманов напечатал специальную статью «Русские в Галиции», где осуждал репрессивную политику Вены и, между прочим, с симпатией к пострадавшему передавал рассказ униатского священника С. Качалы о том, как тот лишился деканства за

¹ Вестник Европы. 1872 (май). С. 239.

² Там же. С. 238.

³ Вестник Европы. 1872 (март). С. 237–239.

то, что начал свое выступление в 1868 г. на славянском съезде в Стромовце под Прагой со слов: «Позвольте, господа, и мне, как русскому, говорить с вами на русском языке»¹. Кроме того, Драгоманов критиковал галицийских политиков за их консерватизм и нерешительность, стремясь закрепить лидерство киевской Громады.

Драгоманов писал эти статьи, путешествуя по Европе по командировке Киевского университета. В Киеве же в это время люди самых разных политических взглядов выдвигают несколько проектов организации научных обществ. Было бы неверно, как это сделал в свое время Ф. Савченко, характеризовать все эти инициативы как попытки «украинского научно-культурного самоопределения»². М.А. Максимович, предложивший проект организации «Киевского общества истории и древностей славяно-русских», и М.В. Юзефович, бывший одним из членов-учредителей Киевского отдела Русского императорского географического общества (далее – КГО), при всех принципиальных различиях между ними – Юзефович вскоре будет с жаром писать доносы на украинофилов, а Максимович и помыслить такого не мог – в общей для них ненационалистической трактовке значения малорусской специфики стояли далеко от украинских националистов из круга бывших киевских сотрудников «Основы», возродивших в это время киевскую Громаду. Активное участие громадчиков в создании и работе КГО и сделало короткую историю этого учреждения столь важной вехой в развитии украинифильства.

Историю КГО подробно описал Ф. Савченко³. Прологом к созданию отдела послужила работа этнографическо-статистической экспедиции для описания Юго-Западного края, организовать которую Русское географическое общество (далее – РГО) поручило только что вернувшемуся из ссылки П.П. Чубинскому. РГО было в то время весьма влиятельной и почитаемой в России организацией. Председателем его был великий князь Константин Николаевич, а членами общества состояли многие либерально настроенные сановники. (Из РГО вышла едва ли не половина ведущих деятелей крестьянской реформы.) Марка РГО обеспечила Чубинскому содействие всех властей, включая даже церковные, и в значительной мере избавила его от клейма политической неблагонадежности.

¹ Вестник Европы. 1873 (январь). С. 149–151.

² См.: Савченко Ф. Українське науково-культурне самовизначення 1850–1876 рр. // Україна. 1929 (січень – лютий).

³ Савченко Ф. Заборона... С. 1–126.

Газета «Киевлянин» под редакцией В.Я. Шульгина, в недалеком будущем заклятого врага Чубинского и Драгоманова, в 1870–1872 гг. неоднократно печатает похвальные статьи о работе экспедиции. Собственно, газета выступала за создание отдела РГО в Киеве уже в 1866 г. Наконец 20 апреля 1872 г. киевский генерал-губернатор А.М. Дондуков-Корсаков отправляет вел. кн. Константину Николаевичу письмо с предложением открыть в Киеве отдел РГО¹. При подготовке документов, необходимых для открытия отдела, Дондуков-Корсаков консультируется и с Юзефовичем, и с Чубинским. В списке членов-учредителей отдела рядом стоят имена Чубинского и Юзефовича, В.Б. Антоновича и Шульгина, украинофилов и их будущих гонителей.

Конфликт был заложен с самого основания КГО. Юзефович, который еще в 50-е годы председательствовал в Комиссии для описания Киевского учебного округа, организованной генерал-губернатором Д.Г. Бибиковым, явно рассчитывал занять пост председателя отдела. Однако деловые качества престарелого Юзефовича слишком оставляли желать лучшего – даже прежняя комиссия под его началом проработала активно лишь до 1855 г., а затем «выдохлась». Комиссия для разбора древних актов, в которой Юзефович также председательствовал, держалась почти исключительно трудами В. Антоновича. Впрочем, независимо от этого, Чубинский и Антонович, представлявшие в КГО интересы Киевской громады, совсем не собирались уступать кому-то контроль над деятельностью отдела. Шульгин и Юзефович были им полезны только на самой ранней стадии организации КГО, когда их имена придавали списку учредителей благонадежность и консерватизм. Киевский генерал-губернатор А.М. Дондуков-Корсаков, знавший о трудах экспедиции Чубинского, понимал, кто представляет в отделе реальную творческую силу, и оказал поддержку «молодым». На учредительном собрании КГО 13 февраля 1873 г. председателем отдела был избран Г.П. Галаган – персона грата и для властей, и для Громады², а исполнителем секретарем стал Чубинский. Внимательно следивший из своей заграничной поездки за организацией отдела Драгоманов писал: «Главное дело – состав членов и делопроизводитель –

¹ Савченко Ф. Заборона... С. 6, 10–13.

² Г.П. Галаган, крупный землевладелец, был членом Редакционных комиссий и Государственного совета, удостоивался личных поручений царя. В то же время поддержку украинофилам он оказывал уже в конце 50-х годов.

наши»¹. Юзефович и Шульгин обнаружили себя в роли свадебных генералов².

При своем избрании Чубинский произнес речь, в которой отметил, что после освобождения крестьян и восстания 1863 г. в Западном крае ожил русский элемент и призвал присутствующих работать во благо края, «откуда пошла есть русская земля». После заседания члены Громады критиковали Чубинского за эти заявления, указывая, что можно было обойтись без деклараций о политической лояльности, а говорить только о научных задачах отдела. Тот оправдывался «высшими соображениями». Член Громады Ф.К. Вовк замечал позднее в своих воспоминаниях, что «в действительности все объяснялось порывом его (Чубинского) экспансивного темперамента»³.

Представляется, что дело обстояло сложнее. Вот что писал из Страсбурга в июле 1863 г. Драгоманов В. Навроцкому, связанному с редакцией львовской украинофильской газеты «Правда»⁴: «Вы скажете, что “Правда” протестует против национального угнетения Украины. Отвечу на это, что Украина еще как национальность не выступила в России и сама себя еще не знает. Ей нужна научная и литературная работа, чтобы себя познать, а криками, да еще из-за границы, вы только повредите этой работе, которой теперь само правительство помогает организоваться такими вещами, как Географическое Общество. [...] Оставьте ж нам самим с Великоруссами реформировать Россию. [...] Я очень прошу передать мои слова во Львов, пусть там зададут себе такой вопрос: чувствуют ли они в себе силу Мадзини, видят ли в Киеве Молодую Италию – если да, пусть идут против России, но тогда пусть прямо зовут революцию, а если нет, тогда “Правде” также не следует делать из Львова Локарно или Лугано, как и “Слову” Венецию!»⁵

¹ *Студинський К.* Листи Драгоманова до Навроцького // За сто літ. 1927. № 1. С. 117.

² Уже в 1874 г. Юзефович с очевидным раздражением писал: «Я допустил себя самым пошлым образом обратить в орудие людей, которым нужно было для успеха своей цели прикрыться несколькими благовидными именами». Цит. по: *Савченко Ф.* Заборона... С. 369.

³ См.: *Савченко Ф.* Заборона... С. 23.

⁴ Некоторые подробности о Навроцком и его взаимоотношениях с редакцией «Правды» см. в кн.: *Заславський Д., Романченко І.* Михайло Драгоманов. Життя і літературно-дослідницька діяльність. Київ, 1964. С. 41.

⁵ *Студинський К.* Листи Драгоманова до Навроцького... С. 135. Интересно, что в этом письме Драгоманов фактически предсказал источники будущих бед

Особенно важный источник для характеристики взглядов Драгоманова в этот момент – написанная в 1872 г. для «Правды», то есть не только без оглядки на цензуру, но и вообще не для русского читателя, а для украинофильски настроенных галичан статья «Антракт з історії українофільства (1863–1872)»¹. Драгоманов говорит здесь немало критических слов в адрес предыдущего поколения украинофилов, критикует их за романтизм и максимализм, в том числе и в языковом вопросе. Требование перевести преподавание в школе преимущественно, а тем более и исключительно на украинский он считает не просто «бестактным», но и «скорее разрушительным, чем созидательным». Он признает, что протесты самих крестьян против этих планов «и правда случались», и были разумны, потому что это «обрекало народ на пищу святого Антония, то есть на 10–15 украинских книжек»². Он не раз повторяет: «Умение читать по-русски не повредило бы нашему народу», «на заведение в школах на Украине государственного русского языка я смотрю как на факт исторически неизбежный»³. Программа Драгоманова в языковом вопросе уже свободна от фронтального противопоставления русского и украинского, она сводится к двуязычному преподаванию в начальной школе, с двуязычным русско-украинским букварем (по К.Д. Ушинскому) и с увеличением числа украинских книг по мере подготовки действительно качественных учебников, выбирать которые он предлагает «не по языку, а по цене того, что им написано»⁴. Сравнивая украинский с патуа и с платтойч, Драгоманов замечает, что и у провансальского, и у нижненемецкого на данный момент больше оснований претендовать на звание самостоятельного языка, чем у украинского, не имеющего систематизированной грамматики и словаря⁵.

украинофилов, высказывая опасения по поводу возможного недовольства тех, кто не примут в Отдел, а также по поводу публикации слишком откровенных статей в «Правде». Он сам и совершил эту ошибку, напечатав в «Правде» статью «Література російська, великоруська, українська і галицька».

¹ Статья была опубликована в «Правде» лишь в 1876 г. (№№ 12–16), поскольку редакции она не нравилась, и Драгоманову пришлось неоднократно требовать ее выпуска. *Заславський Д., Романченко І. Михайло Драгоманов... С. 49.* Здесь цитируется по изд.: *Драгоманов М.П. Вибране.* Київ: Либідь, 1991. С. 204–233.

² Там же. С. 211–212.

³ Там же. С. 211, 231.

⁴ Там же. С. 211.

⁵ *Заславський Д., Романченко І. Михайло Драгоманов... С. 229.* Имеется в виду толковый словарь украинского языка. О роли таких одноязычных словарей как своеобразного «инвентаря лингвистической собственности» в развитии

Кажется, что лидеры киевской Громады Драгоманов, Чубинский и Антонович в это время действительно придавали легальной части своей деятельности первостепенное значение. Они готовы были, причем на достаточно длительную перспективу, ограничиться той позитивистской (культурной, научной, экономической) деятельностью, которую польские либералы-позитивисты, обретающие популярность именно в это время, называли «органической работой»¹. Драгоманов в это время с симпатией говорит и об эволюции российского нигилизма в «серьезный позитивизм»². Готовность «вместе с Великоруссами реформировать Россию» свидетельствует, что федералистские концепции, провозглашавшиеся в тогда Драгомановым, не были тактической уловкой. Профессор Киевского университета В. Антонович, ставший с 1874 г. доцентом того же университета М. Драгоманов, действительный член РГО, исполнительный секретарь его Киевского отдела П. Чубинский, вскоре начавший неплохо зарабатывать и как управляющий сахарного завода, – эти и похожие на них активисты украинского движения начала 1870-х годов вполне могли стать для властей партнерами в диалоге, будь правительство достаточно либерально и открыто³.

националистических движений «неисторических» народов см.: *Anderson B. Imagined Communities...* Усилия нескольких групп украинских активистов по подготовке русско-украинского словаря, инициированные в 1860-е годы, увенчались изданием двух словарей только в 1890-е. Но и тогда словари эти в большей степени решали задачу собирания различных народных говоров, чем стандартизации языка, так что современные исследователи определяют их как «диалектологические» или «этнографические». См.: *Yekelchuk S. The Nation's Clothes: Constructing a Ukrainian High Culture in the Russian Empire, 1860–1900 // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas* 49. No. 2 (2001). P. 230–239; а также *Горецкий П.И.* История украинской лексикографии. Киев, 1963. С. 68–149.

¹ Из работ на русском наиболее подробно освещает историю польского позитивизма К.В. Душенко. См.: *Душенко К.В.* Из истории польской буржуазной общественной мысли. Варшавский позитивизм. 1866–1886: дис. ... канд. ист. наук. М., 1977.

² *Драгоманов М.П.* Вибране... С. 220.

³ Впоследствии Драгоманов отвечал на обвинения в недостаточной приверженности украинскому делу, что он пожертвовал своим положением в университете и признанием как автор лучших русских журналов ради журналистской борьбы за украинское дело (см.: *von Mohrenschild D.* Towards the United States... P. 141.) В действительности Драгоманов в 1874–1876 гг. совсем не стремился «сжигать мосты», своим положением он дорожил и его украинофильская деятельность, если не считать несчастливой статьи в «Правде», была достаточно осторожной. К открытой оппозиции режиму он перешел уже после вынужденного отъезда из

Вдумчивые люди в киевской администрации поняли это уже раньше. В архиве сохранились следы того, что еще в ноябре 1868 г. кто-то из высокопоставленных людей в Киеве писал в Петербург о желательности «предоставить преимущества» и улучшить материальное положение В. Антоновича как человека влиятельного среди украинофилов и в то же время демонстрирующего неизменную умеренность во взглядах и поведении¹. Не исключено, что таких ходатаев за Антоновича было несколько. В записке куратора Киевского учебного округа П.А. Антоновича от 1875 г. упоминается, что о награждении В. Антоновича фермой хлопотал перед своим начальством не кто иной, как начальник жандармского управления Киевской губернии генерал А.С. Павлов². Тогда делу хода не дали. Теперь Дондуков-Корсаков шел на сотрудничество с этой группой, вполне отдавая, как мы вскоре увидим, себе отчет в украинофильском характере их убеждений, но рассчитывая тем не менее найти с этими людьми некий *modus vivendi*, разумеется, на своих, а не их условиях. Генерал-губернатор надеялся – как показывают проанализированные нами тексты Драгоманова, не без оснований – на то, что стремление сохранить легальные организационные возможности, которые он предоставлял громадчикам, послужат не менее важным сдерживающим фактором, чем соображения личного благополучия. Не подлежит сомнению, что киевский генерал-губернатор был искренне привержен выполнению задачи, поставленной ему царем при вступлении в должность: «...преследовать национальную цель окончательного объединения Юго-Западного края с великою семьею русскою»³. Но действовал он при этом на свой страх и риск, даже не пытаясь найти понимания и одобрения своей тактики в Петербурге. В обширной записке Дондукова-Корсакова царю «О более важных вопросах по управлению Юго-Западным краем», подготовленной как раз в 1872 г., ни украинофильство, ни украинская проблема вообще не упоминаются, в то время как полякам и

России в 1876 г., даже тогда, впрочем, сохранив приверженность федеративной идее. Трудно, конечно, предположить, что Драгоманов с его общественным темпераментом так и прослужил бы всю жизнь в университете, как В. Антонович, а тем более дослужился бы до члена совета Министерства финансов, как другой активный член Громады И.Я. Рудченко, или Министерства путей сообщения, как А.И. Стронин, бывший учитель Драгоманова. Но судьба его могла быть совсем иной, чем это получилось в действительности.

¹ РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Ед. хр. 352. Л. 135.

² Савченко Ф. Заборона... С. 71.

³ РГИА. Ф. 932. Оп. 1. Ед. хр. 160. Л. 104.

евреям посвящены специальные обширные разделы¹. Главный начальник края был заранее уверен в том, что понимания и одобрения той тонкой игре, которую он собирался вести с украинофилами, он у царя не получит. Так мы в очередной раз сталкиваемся с отсутствием единства в политике властей в украинском вопросе.

Киевское общество относилось в это время к культурным манифестациям украинофильства с энтузиазмом. Даже «Киевлянин», ставший с 1874 г. центром объединения противников украинофильства, вынужден быть констатировать, что представление оперы Лысенко «Різдвяна ніч» стало «в Киеве животрепещущим вопросом дня, привлекая толпами зрителей в театр и возбуждая в театральной зале огромный восторг и воодушевление»².

«Киевлянин» еще в начале 1874 г. старался демонстрировать терпимость к украинскому культурному движению. Газета исправно публикует материалы и протоколы КГО. «Киевлянин» даже напечатал на украинском рассказ И. Левицкого, снабдив его примечанием, что публикует этот «юмористический, бытовой этюд в оригинале, на малорусском языке, который в подобного рода очерках собственно не переводим»³. Об изначально терпимой позиции газеты свидетельствует и тот факт, что ее редактор Шульгин, покидая в 1862 г. кафедру в Киевском университете, рекомендовал себе на смену не кого иного, как Драгоманова, чьи взгляды были ему хорошо известны.

Вскоре, однако, «Киевлянин» начинает кампанию против Громады и ее позиций в КГО. Впрочем, конфликт «Киевлянина» и лидеров Громады отнюдь не исчерпывался борьбой за влияние в КГО. К этому присоединился конфликт экономических интересов – начал выходить «Киевский телеграф», фактическим редактором которого был Драгоманов. Само существование двух ежедневных газет в Киеве ставило их в отношения острой конкуренции, при этом «Киевский телеграф» был явно живее и либеральнее «Киевлянина». («Смело скажу, что на Украине никогда не было издания, которое так бы подходило по своему направлению программе Кирилло-Мефодиевского братства 1847 года, разумеется, с соответствующими времени изменениями, как наш Киевский телеграф», – писал Драгоманов⁴. Заметим, однако, что украинофильские симпатии

¹ РГИА. Ф. 932. Оп. 1. Ед. хр. 160. Л. 1–104.

² Киевлянин. 2 февраля 1874. № 15. Статья «Новая малорусская опера».

³ Киевлянин. 24 января 1874. № 11.

⁴ Савченко Ф. Заборона... С. 17.

«Киевского телеграфа» проявлялись очень умеренно, в духе драгомановского позитивистского подхода.) Дополнительным источником раздражения для Шульгина стало то, что с 1875 г. КГО передает право печатать протоколы своих заседаний от «Киевлянина» «Киевскому телеграфу»¹.

Наконец, между Юзефовичем и Драгомановым с Чубинским уже в 1874 г., очевидно, произошел какой-то личный конфликт. Подробности его неизвестны, но можно догадаться, что последние позволили себе какие-то непочтительные замечания о возрасте своего оппонента, не исключено, что в ответ на поучения Юзефовича со ссылкой на авторитет седин. С тех пор «Киевлянин» неизменно писал о «иных, которые навсегда остаются юношами, хотя и принимают на себя руководство молодым поколением», а «Киевский телеграф» отзывался на нападки «обеззубевших авторитетов»². Возможно, что начало конфликту положила статья Драгоманова «По поводу киевских застольных речей» в декабрьском номере «Вестника Европы» за 1873 г. Сравнив речь Юзефовича, произнесенную на обеде в честь посетившего Киев министра народного просвещения Толстого, с либеральной речью того же Юзефовича на обеде в честь Пирогова в 1861 г., Драгоманов саркастически высказал восхищение тем «самоотвержением, с коим г. Юзефович переживает разные эпохи, служит разным системам и высказывает разные мнения с одинаково стоической силою»³. Юзефович, судя по всему, обиделся смертельно, во всяком случае, очевидец всех событий Ф. Вовк считал эту статью основной причиной вражды Юзефовича и Драгоманова⁴.

«Киевлянин», разумеется, совсем не собирался ограничиваться личными выпадами. Темой для идеологической атаки он вполне безошибочно избрал проблему языка. Сперва выступления газеты носят характер увещания: «...мы не видим сколько-

¹ «Киевлянин» (№ 1 за 1 января 1875 г.) не смог сдержать обиженных замечаний.

² Киевлянин. 5 ноября 1874 (№ 132); Киевский телеграф. 30 апреля 1876 (№ 51). «Киевлянин» многократно возвращался к теме конфликта поколений и личным выпадам против Драгоманова. Газета писала о «до оскомины надоевшем г. Т-ов» (псевдоним Драгоманова) (5 ноября 1874 (№ 132)) и о «местном гении» (1 января 1875 (№ 1)), о зарвавшихся выскочках, которые «считают всех достигших гражданского совершеннолетия eo ipso уже ни к чему не годными консерваторами» (9 января 1875 (№ 4)). Драгоманов в долгу не остался, окрестив Юзефовича – «тайный советник, явный шпион».

³ Вестник Европы. 1873. № 12. С. 906.

⁴ Неделя. 27 июля 1875. № 30.

нибудь разумного основания в стремлениях непременно, даже в азбуке, отличать малоруссов от великоруссов», «навязывать общелитературное свойство тому языку, в котором что ни колокольня, то свой говор – попытка едва ли возможная»¹. Вскоре к ним присоединяются своего рода «отеческие» предупреждения: «Мы, местные люди, воочию близко ознакомившиеся с этим движением, можем только улыбаться перед ним. [...] Тем не менее другие издалека могут посмотреть на него иначе, и тогда, кроме единичных жертв ребяческого увлечения, им могут быть вызваны, как реакция, более общие суровые меры, довольно неблагоприятные для нашего умственного и общественного развития»². Газета тут же определяла, чем это местное развитие должно ограничиваться – «серьезное стремление серьезных людей дать обработку южно-русской народной музыке», «серьезные чисто научные этнографические исследования».

«Киевлянин», таким образом, отрицал не малорусскую специфику как таковую, но любые попытки представить эту специфику как основу для политической программы, тем более для национального и политического самоопределения. В очерке из Воронежской губернии, где рядом жили велико- и малорусские крестьяне, газета с умилением рассказывала о «соединении малорусской опрятности и некоторого чувства изящества с великорусской энергией и предприимчивостью» как о символическом воплощении общерусского единства³.

Позднее, в 1875 г., эта позиция нашла отражение и в полемике «Киевлянина» с Кулишем, выступившим с резкими личными нападениями на Костомарова, Шевченко, Максимовича. (Именно в это время Кулиш написал известную фразу о «пьяной музе» Шевченко.) Максимович берется под защиту безоговорочно как искренний и последовательный сторонник единства Руси. Заявляя, что не считает Шевченко и Костомарова пророками, газета защищает «народного поэта Шевченко», попавшего под вредное влияние украинофилов, «извратившее его естественные чистые помыслы». Так же и Костомаров защищается как «замечательный русский историк», «до скрытых убеждений» которого редакции «дела нет»⁴. «Киевлянин» пы-

¹ Киевлянин. 2 февраля 1874 (№ 15).

² Киевлянин. 9 февраля 1874 (№ 18).

³ Киевлянин. 10 июля 1875 (№ 81).

⁴ Киевлянин. 22 марта 1875 (№ 35). Позиция газеты в отношении Костомарова особенно интересна, потому что совсем незадолго до этого, в ходе Археоло-

тается бороться за право «собственности» на Шевченко, Костомарова, Максимовича с «Киевским телеграфом», который, разумеется, тоже вступился за обиженных, но как за членов украинофильского «пантеона»: «...украинофильство едва ли создано и руководилось талантливыми и сколько-нибудь серьезными людьми»¹, «относясь с порицанием к смешным и диким украинофильским увлечениям, мы всегда относились с полным сочувствием и уважением к произведениям южно-руссов»².

Но вернемся в 1874 год. Деятельность КГО к этому времени получила одобрение III археологического съезда, состоявшегося в Киеве в конце августа – начале сентября. Между тем попытки Юзефовича и Шульгина провести в состав отдела нескольких своих сторонников потерпели неудачу. Их кандидатуры были забаллотированы украинофильским большинством КГО. Отдел провел однодневную перепись населения в Киеве. И здесь несогласные с ее программой Шульгин и Юзефович ничего не могли поделать. Постепенно активизировалась издательская деятельность украинофилов³.

Эти события становятся предметом все более агрессивной критики на страницах «Киевлянина», с которой, помимо Юзефовича и Шульгина, выступали учитель киевской гимназии Л. Лопатинский, Н. Ригельман, Н. Ренненкампф, С. Гогоцкий и некоторые другие профессора Киевского университета⁴. Газета нападает на книжную лавку Л.В. Ильницкого, где продавались украинофильские издания: «...склад различных укладов, выкладов и перекладов на языке, выдаваемом за малорусский»⁵. Тема неуклюжести мно-

гического съезда в Киеве в конце августа – начале сентября 1874 г. Юзефовичу пришлось пережить от Костомарова жестокое публичное унижение. Он подошел к группе гостей съезда, среди которых был Костомаров, и обратился к последнему с приветствием: «Ах, Николай Иванович, как я рад с Вами встретиться! Давненько мы не виделись!» Костомаров, помнивший о неприглядной роли Юзефовича в деле Кирилло-Мефодиевского общества, ответил: «Да, давно, но руки я Вам все ж таки не подам», отвернулся и пошел прочь (Воспоминания А.Д. Корсакова // Былое. 1906. № 9. Цит. по: *Савченко Ф.* Заборона... С. 61).

¹ Киевлянин. 8 марта 1875. № 29.

² Киевлянин. 22 марта 1875 (№ 35).

³ «Пробным камнем» послужили опубликованная на украинском в 1872 г. популярная брошюра по географии «Де-що про світ Божий» и книжечка стихов «Сопілка». То обстоятельство, что они не встретили препятствий со стороны цензуры, стало сигналом для активизации издательской деятельности Громады.

⁴ *Савченко Ф.* Заборона... С. 62.

⁵ Киевлянин. 7 ноября 1874 (№ 133).

гих тогдашних переводов («перекладов») на украинский вообще не сходит со страниц газеты¹.

Обсуждение языковой проблемы решительно переводится в политическую плоскость. «Зачем же вести преподавание на языке хотя родном, но не имеющем будущности и употребляющемся только необразованными людьми? [...] Когда кончить это преподавание? [...] Не следует ли подумать об устройстве гимназии, где бы преподавание шло по-малорусски? Не лучше ли, чтобы в волостях все бумаги писались на этом языке? Не следует ли в мировые, а пожалуй и окружные суды не принимать лиц, не знающих этого языка вполне основательно? Эти и подобные вопросы не содержат никакого абсурда и естественно вытекают из одного только вопроса о необходимости обязательного преподавания на малорусском языке в элементарной школе»². Хотя автор статьи Н.А. Ригельман³, скрывавшийся под псевдонимом Левобережный, подчеркивал, что он «тоже хохол, [...] с умилением произносящий слова «галушки» и «варенуха», [...] любящий малороссийские напевы и малороссийскую деревню», это уже была тональность и способ аргументации Каткова. Для предложенной Драгомановым компромиссной программы двуязычного обучения при признании русского государственным языком такая критика просто не оставляла места.

Газета призвала КГО осудить «попытки насаждения малорусского языка», подчеркнув, что «громкое неодобрение таких работ не только выделило бы его в мнении общества от солидарности с подобными деятелями, но, может быть, образумило бы лица, злоупотребляющие его именем уже тем, что некоторые носят имена

¹ См.: Киевлянин. 2 февраля 1874 (№ 15); 9 февраля 1874 (№ 18); 28 сентября 1874 (№ 116). «Ударным» примером неуклюжести украинских переводов стал приписанный М.П. Старицкому перевод знаменитого гамлетовского вопроса: «Бути чи не бути, ось то заковика». В действительности перевод был: «Жити чи не жити? Ось в чім річ», но все попытки Старицкого, рассылавшего протесты и экземпляры книги по редакциям, прекратить издательства не давали результата. Впрочем, переводы Старицкого и вводимые им неологизмы не раз становились предметом критики не только противников украинофильства, но и таких людей, как Костомаров и Нечуй-Левицкий. См.: *Yekelchuk S. The Nation's Clothes: Constructing a Ukrainian High Culture in the Russian Empire, 1860–1900*. P. 230–239.

² Киевлянин. 17 сентября 1874 (№ 111).

³ Н.А. Ригельман был главой киевского отдела «Благотворительного Славянского комитета», активно поддерживавшего москвофилов в Восточной Галиции. В 40-е годы он был близок к кружку Кирилло-Мефодиевского общества, но затем перешел на жесткие антиукраинофильские позиции.

его членов»¹. Другая тема критики КГО – его закрытость. «Отдел стал похож на католический орден», – писала газета в связи с отклонением кандидатур, предложенных Юзефовичем и Шульгиным². Отдел спокойно отвечал, что по политическим вопросам не высказывается, за деятельность своих членов вне отдела не отвечает, а из 118 заявлений о приеме удовлетворил 114³.

Однодневную перепись «Киевлянин» критиковал, прежде всего, за то, что в перечень языков был включен малорусский, а также за то, что спрашивали о родном, а не разговорном языке, что давало малорусскому больший процент⁴. И здесь отдел был готов к отпору, предусмотрительно назвав в материалах переписи русский литературный язык «языком», а мало-, велико- и белорусский «наречиями», соблюдая тем самым официальную иерархию.

Иначе, скорее как угрозы, начинают звучать и предупреждения, адресованные «Киевлянином» украинофилам. Газета предостерегает «увлекающуюся молодежь от повторения того, за что дорого заплатились ее предшественники в 60-х годах»⁵. «Так было в конце 40-х, так было в начале 60-х годов, не то же ли предстоит и семидесятым?» – прямо напоминал «Киевлянин» о разгроме Кирилло-Мефодиевского общества и Валуевском циркуляре⁶.

Вся эта антиукраинофильская кампания «Киевлянина», проходившая к тому же на фоне массовых арестов участников «хождения в народ» летом 1874 г., к началу 1875-го стала давать определенные результаты. В феврале заместитель председателя отдела В.В. Борисов, не раз атакованный «Киевлянином» за пособничество украинофилам, заявил о своей отставке. 28 апреля заявление о сложении с себя обязанностей председателя прислал Галаган. Избранный на его место генерал А.О. Шмит отказался от оказанной ему чести. В результате председателем стал В.Б. Антонович, который отнюдь не имел у петербургских властей того кредита доверия, что Галаган.

Однако довести разгром отдела до конца в тот момент не удалось. Дело в том, что его решительным защитником выступил Главный начальник края, как вполне официально именовался Дондуков-Корсаков. Он утвердил избрание В. Антоновича председателем,

¹ Киевлянин. 30 сентября 1874 (№ 118).

² Там же.

³ Киевлянин. 26 октября 1874 (№ 128).

⁴ Киевлянин. 21 ноября 1874 (№ 139).

⁵ Киевлянин. 12 сентября 1874 (№ 109).

⁶ Киевлянин. 24 июля 1875 (№ 87).

что положило конец затянувшемуся кризису в руководстве отдела. Когда Юзефович, в отличие о Галагана и Борисова, постарался сделать свой собственный выход из КГО 28 марта 1875 г. как можно более демонстративным и написал для «Киевлянина» особенно резкую статью, объясняющую причины этого шага, генерал-губернатор поспешил организовать цензурный запрет публикации как разжигающей ненужные страсти¹. Чтобы предотвратить ее напечатание за пределами края, Дондуков-Корсаков поручил отослать статью в Главное управление по делам цензуры вместе с отрицательным отзывом киевского цензора. Сам же генерал-губернатор 16 апреля отправил письмо министру внутренних дел А.Е. Тимашеву. В этом послании Дондуков-Корсаков решительно вставал на защиту отдела. Он подчеркивал, что ему известно все, что происходит там, и что то обстоятельство, что многие члены отдела «сочувствуют украинофильству», совсем не означает, что сам отдел является украинофильским центром². (Последнее замечание убедительно свидетельствует, что генерал-губернатор не был наивной жертвой конспиративных усилий Громады, а прекрасно понимал ситуацию.) Дондуков-Корсаков уверял далее, что не имел бы ничего против публикации статьи Юзефовича, будь она написана в ироническом, а не патетическом тоне, подчеркнув, что он всеми силами старается предотвращать газетную полемику об украинофильстве, дабы не придавать ему того политического значения, которого в действительности оно не имеет³.

Защищал украинофилов и куратор Киевского учебного округа П.А. Антонович. 23 января 1875 г. министр народного просвещения Д.А. Толстой направил П. Антоновичу письмо, где говорилось, что «проводящимися ныне дознаниями о пропаганде в народе разных преступных учений обнаружено, между прочим, что существующая в Киеве партия украинофилов стремится провести в народе мысль о выгодах отделения малорусского края от России. В числе средств, избранных украинофилами для достижения указанной цели, наиболее выдается дознанное сближение вожаков этой партии с учителями народных школ»⁴. Вместе с письмом Толстой

¹ Запрещенная цензурой статья Юзефовича опубликована в кн.: *Савченко Ф. Заборона...* С. 368–372.

² *Савченко Ф. Заборона...* С. 63.

³ *Савченко Ф. Заборона...* С. 146.

⁴ Цит. по: *Мяковський В. Записка 1874 р. про український рух // Архівна справа. 1927. № 2–3. С. 21.*

переслал Антоновичу анонимную записку «О деятельности украинофилов в Киевской губернии». (Савченко полагает, что автором ее, скорее всего, был Ригельман¹.) В ней давалась общая характеристика украинофильских активистов и украинофильской прессы, в том числе и галицийской. В записке говорилось и о деятельности украинофилов в системе просвещения. Это письмо было одним из многих шагов высших петербургских властей по повышению бдительности в отношении народнической пропаганды, предпринятых в начале 1875 г.²

П. Антонович никаких действий по поводу этого письма министра не предпринял. Учитывая, что о Толстом не без основания говорили, что вскормлен он был слюной бешеной собаки, такое поведение требовало изрядного мужества и уверенности в поддержке подобных действий со стороны Дондукова-Корсакова.

Разумеется, что в этой ситуации киевские противники украинофилов нервничали, а Юзефович просто потерял контроль над собой. На торжественном обеде 17 апреля в честь присвоения Дондукову-Корсакову звания почетного гражданина Киева, причем в то время, когда тот еще не покинул вечер, Юзефович разразился обвинительной речью в адрес украинофилов и заявил, что если генерал-губернатор не обращает внимания на деятельность украинофилов, то он не остановится перед тем, чтобы писать прямо в III отделение и самому Государю. Дондуков-Корсаков не проронил при этом ни слова³. Не исключено, что кто-то из губернской администрации в ходе обеда рассказал Юзефовичу о письме в защиту украинофилов, отправленном Дондуковым-Корсаковым накануне Тимашеву, что и могло послужить причиной этого эмоционального срыва.

Юзефович осуществил свою угрозу, но отнюдь не сразу. Прежде противники украинофилов предприняли ряд других шагов. Глава Киевской городской думы Н. Ренненкампф направил в ГУП жалобу на «Киевский Телеграф», предвзято, по его мнению, освеще-

¹ Савченко Ф. Заборона... С. 65. Его мнение выглядит убедительнее, чем версия опубликовавшего записку Мияковского, который считал автором Юзефовича. К аргументам, приведенным Савченко, можно добавить, что в записке критично говорится о редакторе «Слова» Площанском, в то время как Юзефович годом позже активно добивался от правительства субсидии для Площанского.

² Специальный доклад шефа жандармов Потапова «Об обнаружении и распространении в обществе разрушительных учений» в марте 1875 г. обсуждал Комитет министров. См.: *Валуев П.А. Дневник... Т. 2. С. 514–515.*

³ См.: *Дорошкевич О.* Листи М. П. Драгоманова до О.М. Пипіна // За сто літ. 1928. № 3. С. 75; а также *Савченко Ф.* Заборона... С. 62.

щавший деятельность Думы. Это подтолкнуло ГУП к изучению положения в газете, а также деятельности контролировавшего ее цензора Пузыревского. Последний, опасаясь уже собственного увольнения, стал требовать от владелицы газеты Гогоцкой объяснений, кто на самом деле редактирует газету и пишет основные статьи, появлявшиеся, как правило, под псевдонимом. Он угрожал ей, что предложит ГУП прекратить выпуск газеты, если она не предоставит требуемую информацию. Орган украинофилов оказался под угрозой¹.

Кроме того, противники Громады постарались привлечь к борьбе столичную прессу. В их проверенном еще с 60-х годов союзнике катковском «Русском вестнике» за февраль 1875 г. появилась пространная статья Z (Н. Ригельмана) «Современное украинофильство», содержащая весь стандартный набор обвинений, включая определение КГО как организационного центра украинофилов и сообщения о субсидиях поляков для украинофильской деятельности в Галиции². Впрочем, этнографические труды КГО, в том числе работы Антоновича и Драгоманова, Ригельман оценивает очень высоко. Статья не предлагает закрыть отдел, но призывает к его очищению от «фальшивой, вольной или невольной, примеси».

В июне «Русский вестник» публикует статью «Еще несколько слов о украинофильстве» С. Гогоцкого, которая повторяет тезисы Ригельмана, добавляя лишь требование запрета использовать малороссийский даже для объяснения ученикам первого класса незнакомых русских слов³. Большой интерес представляет добавление Гогоцкого к этой статье, напечатанное в июльском номере. Оно посвящено проблеме терминологии, стоявшей в тесной связи с проблемой идентичности.

«Наш юго-запад не украина, с древнейших времен русской истории этот русский край носит уже название Руси, русского. [...] Оттого и до сих пор на юго-западе говорят, например, *русский* фольварок, в отличие от польского [...], но никто никогда не говорил и не говорит: [...] *украинский* фольварок. [...] По какому же праву мы позволяем себе вторгаться с украинскими планами в землю издревле русскую, а не украинскую? Ведь подобные названия – не кличка, которую можно переменять как угодно. Кто в самом деле уполномочивал украинолюбцев отнимать у нас древнее название

¹ Савченко Ф. Заборона... С. 147–150.

² Русский вестник. 1875. № 2. С. 820, 827.

³ Русский вестник. 1875. № 6. С. 790.

Русских и все принадлежности этого названия, в том числе и наш общий, культурный русский язык, выработавшийся таким долговременным и многотрудным процессом нашей истории, и все это заменять чем-то *украинским*, т.е. возникшим гораздо позднее, чисто частным и обозначающим только *крайнюю местность*? [...] Смешное и жалкое увлечение, будто *украинское* может быть для нас выше и важнее *русского!*»¹ (Курсив Гогоцкого.)

Главную опасность для украинофилов все же представляла статья Ригельмана, а именно та ее часть, которую он посвятил критике, напечатанной в 1874 г. в «Правде», работы Драгоманова «Література російська, великоруська, українська і галицька». Статья, псевдонимом для которой Драгоманов выбрал «Украинец», представляла собой развернутое изложение его программы, сформулированной еще в статье «Антракт в истории украинофильства» (1872). Он подчеркивал необходимость «не отрываться от России ни политически, ни морально, не бросая российской литературы», говорил об «общей интеллигенции русской или российской, которая складывается из великоруссов и малоруссов». Задачу украинофильства он видел в том, чтобы помочь украинскому народу «не утратить своего существования, пользуясь российским»². Ригельман даже вынужден был признать, что «многим из этих советов можно было бы пожелать исполнения»³. Однако статья Драгоманова действительно содержала много неосторожных высказываний о будущей самостоятельности украинской нации в федеративном союзе с Россией, что дало Ригельману возможность заявить, что все оговорки о русско-украинской общности являются лишь прикрытием для подлинных сепаратистских планов автора и всех украинофилов. Вероятно, покровительство отделу со стороны Дондукова-Корсакова притупило осторожность Драгоманова, и он сам совершил ту ошибку, от которой всего годом раньше предостерегал редакцию «Правды» – не касаться вопроса о самостоятельности Украины, чтобы не повредить деятельности украинофилов в Киеве. Авторство Драгоманова ни для кого не было секретом. Теперь, после статьи Ригельмана, он по достоинству оценил угрозу и искал способов защититься. Сам он ответил короткой неподписанной заметкой, а потом и более пространной анонимной статьей в «Киевском Теле-

¹ Русский вестник. 1875. № 7. С. 414–415.

² Русский вестник. 1875. № 2. С. 837, 839.

³ Там же. С. 838.

графе», отрицая сепаратистские планы украинофилов¹. Но этого было явно недостаточно, нужно было выступление столичной прессы и известного русского публициста. В начале мая он пишет А.Н. Пыпину, который с симпатией относился к украинскому культурному движению, но не к сепаратистским идеям украинофилов: «Прочитавши же статью Ригельмана в Р. Вестнике, думал, что полезно было бы, если б о “Л. р.” и пр. написал откровенный суд не мошенник, а честный человек, хотя бы и противник»². Пыпин писать не захотел, предложив Драгоманову самому ответить Ригельману. Тогда Драгоманов просил Пыпина передать ставшую предметом полемики статью сотруднику дружественного ему «Вестника Европы» П.А. Ровинскому, в надежде, что тот вступит с Ригельманом в полемику. Сам Драгоманов в июле напечатал в «Вестнике Европы» весьма обширную рецензию на очередной том материалов экспедиции Чубинского, в которой повторил свои рассуждения 1872 г. об украинофильстве как разновидности русского славянофильства. Он осуждал галицийских деятелей, не желающих признавать русскую литературу общерусской, и объяснял их сближение с поляками гонениями на малороссийскую литературу в 60-е годы. «Наблюдение за ходом общественно-культурного движения в Малороссии со времен Мазепы до наших дней показывает постепенное ослабление здесь стремлений политическо-национальной исключительности и постепенное усиление стремлений социально-культурных в формах народных и в гармонии с подобными стремлениями северно-русскими», – писал Драгоманов, адресуясь к своим гонителям в Петербурге³.

Вслед за этим в августе и сентябре «Вестник Европы» опубликовал большую статью Драгоманова «Ново-кельтское и прован-

¹ Киевский Телеграф. 22 марта 1875 (№ 36); 09 апреля 1875 (№ 43).

² *Дорошкевич О.* Листи М.П. Драгоманова до О.М. Пипіна... С. 74. Пыпин неизменно критиковал, насколько позволяла цензура, полицейские репрессии против украинофилов. Его очерк истории украинофильства в «Истории русской этнографии» порой почти буквально повторяет рассуждения на этот счет Драгоманова в его статьях 1872 г. В то же время само помещение «Этнографии малороссийской» в «Историю русской этнографии», как и включение очерка о малорусской литературе в раздел русской литературы в его совместном с В.Д. Спасовичем «Очерке истории славянских литератур» (СПб, 1865), говорят о том, что, будучи противником насильственной ассимиляции, он все же разделял идею большой русской нации.

³ *Драгоманов М.* Рецензия на т. 7 «Трудов этнографическо-статистической экспедиции в западно-русский край» под руководством П.П. Чубинского // Вестник Европы. 1875. № 7. С. 158–167, 169.

сальское движение во Франции». Украина и украинофильство в ней не упоминались, но статья была буквально напигована весьма прозрачными аллюзиями. Драгоманов писал о подъеме «кельтофильства», «бретонофильства» и провансальского движения во Франции как о типичной и положительной тенденции, отражающей более общие процессы развития самоуправления, децентрализации и культурного и политического подъема «сельских классов»¹. Сочувствие этим процессам и «отказ от погони за единообразием сердец и речи» он представлял как доминирующее во всей Франции настроение². При этом он осуждал радикализм некоторых лидеров «бретонофильства» и спрашивал: «...не станет ли это последнее прочнее, если прямо признает свою связь с лучшим, прогрессивным в обществе этих злых галлов?»³ Наконец, он прямо обращался к тематике своей злополучной статьи в «Правде»: «Нет никакого сомнения, что домашние, первые литературно-образовательные потребности населения могут быть удовлетворены всего удобнее литературой на местных наречиях. Но раздробление великих мировых литератур, как французская, немецкая, итальянская, на провинциальные было бы таким же бедственным культурным явлением, как совершенное раздробление политическое великих национальных единиц было бы бедствием политическим»⁴. Драгоманов лишь в слегка завуалированной форме стремился оправдаться, подчеркнуть федералистский, а не сепаратистский характер своих убеждений. Однако в открытую полемику с Ригельманом он так и не вступил, а открытое покаяние было для него неприемлемо.

Попутно Драгоманов не оставлял попыток убедить вмешаться и Пыпина, подчеркивая, что его мнение «было бы самым лучшим заграждением уст всяким насекомым». Это письмо, написанное, по всей видимости, в августе 1875 г., поскольку о доносе Юзефовича в III отделение речь идет как об уже состоявшемся факте, звучит почти как крик о помощи. Упомянув об угрозах Юзефовича написать в III отделение и о том, что последний, по слухам, их уже осуществил, Драгоманов продолжает: «На меня указано как на человека, коего для общего спокойствия надо вывезти. А печать сто-

¹ Вестник Европы. 1875. № 8. С. 703, 706, 727.

² Там же. С. 692.

³ Там же. С. 727.

⁴ Вестник Европы. 1875. № 9. С. 188.

личная молчит [...], молчат и укрфильские [украинофильские. – А.М.] нотабли, а другие пишут пошлости, как Лысенко в Голосе!»¹

Статья Ригельмана дала эффект, на который была рассчитана – она привлекла внимание петербургских властей. 5 мая 1875 г. новое письмо П. Антоновичу отправил по поручению Толстого его заместитель А.П. Ширинский-Шихматов, восемью годами ранее сам исполнявший должность куратора Киевского учебного округа. В этом послании П. Антоновичу не только предлагалось обратить особенное внимание на деятельность украинофильски настроенных учителей и профессоров университета, но и запрашивался список неблагонадежных. Дабы желания и далее манкировать поручением у П. Антоновича не возникло – напомним, что он проигнорировал январское письмо самого министра, – Ширинский-Шихматов предлагал, в крайнем случае, прислать ему список всех преподавателей, в котором он без труда по старой памяти сам сможет отметить заведомых украинофилов. В числе таковых он сразу назвал Драгоманова, В. Антоновича и П. Житецкого. К письму была приложена также статья Драгоманова «Література російська...», которой предстояло сыграть роковую роль в биографии ее автора².

Ответ П. Антоновича от 19 июля представляет собой обширную записку, где подробно оспаривается большинство высказанных Ширинским-Шихматовым обвинений. Подозрения об украинофильстве В. Антоновича куратор отвергает вполне, о Житецком говорит, что его поведение на данный момент не вызывает замечаний. Впрочем, за Житецкого он не ручался и обещал уволить его при первых признаках неблагонадежности. Подчеркнув, что и преподавательская деятельность Драгоманова не дает оснований обвинять в его в украинофильстве, П. Антонович пишет далее, что присланная ему Ширинским-Шахматовым статья Драгоманова в «Правде» сама по себе служит тем не менее достаточным основанием для увольнения его из университета. Это он и предлагает сделать. Очевидно, что суровость Антоновича – демонстративная. О статье Драгоманова он наверняка знал задолго до того, как ему прислали ее из Петербурга – еще в 1874-м о ней писал «Киевлянин», а в феврале 1875 г. она стала предметом разбирательства в «Русском вестнике». То обстоятельство, что П. Антонович ничего

¹ Дорожкевич О. Листи М.П. Драгоманова до О.М. Пипіна... С. 75. Из этих писем ясно видно, что Драгоманов изо всех сил пытался спустить инцидент, вызванный его неосторожностью, «на тормозах» и сохранить свое положение в Киеве.

² См.: Савченко Ф. Заборона... С. 64–70.

не предпринимал, тем более после получения письма министра народного просвещения в январе, ясно свидетельствует, что куратор до последнего стремился избежать репрессий против лидеров Громады.

Далее П. Антонович критично отзывается об «инсинуациях Шульгина» против КГО, равно как и о «публичных взрывах гнева» против КГО со стороны Юзефовича, оценивая все обвинения против отдела как попытки сведения личных счетов. Не без лукавства он утверждал, что замечания о ключевой роли в отделе бывшего ссыльного Чубинского не соответствуют действительности, поскольку тот человек незначительный и никому не известный, и напоминал, что среди основателей КГО были его сегодняшние хулиги. «Как бы то ни было, Киевский Отдел Географического Общества находится под ближайшим покровительством Главного Начальника Края, который почитает его заседания своим присутствием и вообще принимает в деятельности Отдела живое участие; поэтому трудно допустить, чтобы в этих условиях Отдел мог стать центром и опорным пунктом украинофильства в Киеве», – заключает Антонович эту часть своей записки¹.

Таким образом, после «ритуальной жертвы» в виде увольнения Драгоманова из университета, киевские власти заняли круговую оборону, стремясь защитить КГО и предотвратить более широкую кампанию персональных репрессий. Громада также предприняла шаги в русле этой тактики – 1 августа ее члены вышли из редакции «Киевского телеграфа» и прекратили таким образом полемику с «Киевлянином». В заявлении «от выходящих сотрудников» ни слова не говорилось о действительных причинах их поступка – оно было выдержано в самом лояльном духе, с выпадами против поляков как главного и единственного врага. Украина ни разу не поминалась, речь шла о Юге России. Лишь в призыве и далее обсуждать «славяно-русские вопросы с прогрессивно-народной точки зрения» слышался глухой намек на реальные обстоятельства².

Влияния МНП было явно недостаточно, чтобы окончательно сломить сопротивление Дондукова-Корсакова. Именно в этой ситуации в начале августа 1875 г. Юзефович и написал шефу жандармов А.Л. Потапову.

¹ См.: Савченко Ф. Заборона... С. 70–73.

² Киевский Телеграф. 30 июля 1875 (№ 90).

Глава 9

Эмский указ

27 августа 1875 г. начальник III отделения генерал-адъютант А.Л. Потапов подписал следующее письмо: «Государь император в виду проявлений украинофильской деятельности и в особенности переводов и печатания учебников и молитвенников на малорусском языке Высочайше повелеть соизволил учредить под председательством министра Внутренних Дел Совещание из министра Народного Просвещения, обер-прокурора Святейшего Синода, главного начальника III-го Отделения собственной его императорского величества Канцелярии и председателя Киевской археологической комиссии тайного советника Юзефовича для всестороннего обсуждения этого вопроса»¹. На следующий день оно было разослано А.Е. Тимашеву в МВД, Д.А. Толстому в МНП, К.П. Победоносцеву в Синод и Юзефовичу (по всей видимости, через Дондукова-Корсакова) в Киев.

Архивные дела Совещания не содержат документов, предшествовавших этому посланию². Ясно, однако, что Юзефович писал Потапову, вероятно, в начале августа. Шеф жандармов, по всей видимости, вполне разделял взгляды своего корреспондента и, докладывая дело Александру II накануне состоявшейся в сентябре поездки царя в Киев, предложил включить Юзефовича в члены Совещания. (То обстоятельство, что комиссия, в которой председательствовал

¹ РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Ед. хр. 352. Л. 1; опубликовано в кн.: *Савченко Ф. Заборона...* С. 204.

² Два имеющих существенные отличия дела сохранились в архиве III отделения в ГАРФе и в архиве МВД в РГИА. Савченко смотрел только московский вариант. Целостного и последовательного описания процесса принятия решения об Эмском указе в книге Савченко нет, хотя почти все важные эпизоды он описал.

Юзефович в Киеве, названа в письме Археологической вместо Археографической, лишний раз доказывает, что Юзефович был включен в нее не «по должности».)

В качестве главного пункта первоначального обвинения фигурировало издание украинских книг для народа, что было запрещено Валуевским циркуляром, который Александр II лично одобрил в 1863 г.

Сентябрь ушел на подготовку для Совещания двух записок экспертов. Первая по поручению Тимашева была составлена Главным управлением по делам печати и доложена министру уже 3 октября¹. Документы не содержат имени ее автора, но он говорит о себе как о великороссе. В записке ГУП речь шла исключительно о языковой проблеме. Ситуация в Малороссии сравнивалась в записке с ситуацией в Бретани и южных департаментах Франции, где большинство населения говорило на *patois*. Записка подчеркивала, что нефранкоговорящие «далеко не составляют такого значительного процента в общем населении Франции, каким являются малоруссы в общем итоге Русского народа. Можно с полной безопасностью для целостности России, – говорилось далее, – смотреть на возникновение литературы, например, у латышей, но допустить обособление путем возведения украинского наречия в степень литературного языка 13 млн малороссов было бы величайшею политической неосторожностью, особенно ввиду того объединительного движения, какое совершается по соседству с нами у германского племени»². Далее записка говорила о роли Малороссии в русско-польском конфликте, напоминая, что Россия получила преобладание над Польшей «вследствие, главнейше, того, что от Польши к ней отошла Малороссия: если последняя отшатнется от нас опять к полякам, настоящее величие Русского государства будет поставлено на карту»³. Мотив триединой нации звучит здесь как бы походя, акцент делается на стратегическом значении Малороссии и демографическом весе малороссов в масштабе империи⁴. Сепаратистские

¹ РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Ед. хр. 352. Л. 2.

² Там же. Л. 25об–26об. Замечание о несравненно более высоком проценте малороссов в составе населения Российской империи по сравнению с говорящими на *patois* жителями Франции сильно преувеличено.

³ Там же. Л. 27об.

⁴ Дэвид Сондерс считает, что демографический фактор был решающим при определении политики властей в украинском вопросе. См.: *Saunders D. Russia's Ukrainian Policy (1847–1905): A Demographic Approach // European History Quarterly. Vol. 25 (1995). P. 181–208.*

стремления украинофилов имплицитно трактуются в записке через призму «польской интриги», отпадение Малороссии от России понимается как переход ее на сторону Польши. В конце записки формулировался ряд рекомендаций об ограничении публикации книги для народа на украинском и запрете импорта таковых из-за границы, которые впоследствии вошли в заключение Совещания.

Вторая записка была подготовлена Юзефовичем, который, вероятно, расширил и развил тот текст, который он в августе послал Потапову. Эта записка была готова только к середине октября, поскольку в ней упоминается о приеме в члены КГО С.Д. Носа и А.Я. Конисского, который состоялся 3 октября 1875 г.¹ Юзефович делал акцент на концепции триединой русской нации. Его текст начинался обширным историческим экскурсом, в котором доказывалось, что «между Русскими племенами никогда не было национальной розни. Вера, язык, исторические начала и идеалы – все у них общее. [...] Их этнографические цвета сливаются как радужные, неделимые между собою полосы. [...] Киев со своей общерусской святыней, Москва с общерусским царем служили такими звеньями нашего народного единства, которых не могла разорвать никакая внешняя сила»². Вслед за патетической частью Юзефович переходил к истории украинофильства, характеризуя его исключительно как «измышление австрийско-польской интриги». В доказательство он подробно рассказывал историю обращения в украинофильство Кулиша поляком М. Грабовским, впоследствии министром просвещения Царства Польского при А. Велёпольском³. Целью исторических трудов Костомарова Юзефович считал «подорвать у Малороссиян сочувствие к Русскому Государству унижением и опозорением его истории»⁴. Далее наступала очередь молодых украинофилов – главной мишенью служил КГО как организационный центр движения, Драгоманов и Чубинский как его лидеры. Записка просто дышала личной неприязнью автора к упоминавшимся персонажам, не останавливаясь перед такими «политическими» обвинениями, как «дерзкий характер».

¹ См.: *Савченко Ф.* Заборона... С. 272–273. Сам факт принятия Носа и Конисского в КГО уже был предосудителен, поскольку оба были членами второй «Земли и Воли».

² См.: *Савченко Ф.* Заборона... С. 372–373.

³ Там же. С. 375.

⁴ Там же. С. 376.

Заключительный пассаж записки стремился эксплуатировать страхи, вызванные у властей «хождением в народ» 1874 г., и пред-рекал народный бунт в казацком стиле: «...старания демократов оживить предания и старые буйные инстинкты в народе здешнем как будто начинают уже вызывать с его стороны отклики. Не я один здесь думаю, что разбойничьи шайки, вооруженные, в массах, появляющиеся в крае, суть не что иное, как зачатки зарождающейся в современных умах гайдаматчины»¹.

Дальнейшие материалы Совещания показывают, что подробного анализа деятельности КГО и «Киевского телеграфа» не проводилось. Запросы об украинофилах, посланные Потаповым его подчиненным в Юго-Западном крае, также не дали богатых результатов. Лишь начальник Волынского губернского жандармского управления подполковник Бельский смог доставить шефу сколько-нибудь существенные сведения. В его донесении рассказывалось о деятельности некоего Лободовского, сына священника, служившего писарем в Райковской волости. Лободовский бесплатно раздавал крестьянам украинские книжки, каковые (154 экземпляра) были у них жандармами отобраны². Список конфискованных книг, большинство которых составляли произведения Шевченко, включал и перевод на украинский гоголевского «Тараса Бульбы», отмеченный еще в записке Юзефовича, поскольку в нем слова «русская земля, русский устранины и заменены словами Украина, украинская земля, украинец, а в конце концов пророчески провозглашен даже свой будущий украинский Царь»³. Особенное значение этому эпизоду придавал тот факт, что Лободовского рекомендовал на службу голова местного съезда мировых судей П.А. Косач, женатый на сестре Драгоманова Ольге⁴.

Донесение Бельского датировано 3 апреля 1876 г. и пришлось как нельзя кстати, поскольку именно в апреле Совещание приступило к составлению журнала и выработке решений. Юзефовича на это время специально вызвали в Петербург, куда он и явился, не забыв похлопотать о выдаче ему «подъемных денег»⁵.

¹ Савченко Ф. Заборона... С. 380.

² ГАРФ. Ф. 109. Оп. 50. Ед. хр. 85 (1875 г.). Л. 25–27об.

³ Савченко Ф. Заборона... С. 379. Этот пассаж произвел впечатление на участников совещания и упоминался затем в подготовленных документах. См.: РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Ед. хр. 352. Л. 91.

⁴ Дочь П.А. Косача и О.П. Драгомановой (известной также под псевдонимом Олена Пчілка) прославилась впоследствии как поэтесса Леся Украинка (1871–1913).

⁵ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 50. Ед. хр. 85 (1875 г.). Л. 38.

Дополнительные сведения подготовило для Совещания ГУП. Часть выводов ГУП вошла в журнал Совещания в следующем виде: «...цензурное ведомство давно уже обратило внимание на появление в печати значительного числа книг, издаваемых на малорусском наречии, не заключающих в себе по-видимому ничего политического и вращающихся единственно в сфере интересов чисто научных и художественных. Но следя с особенным вниманием за направлением всех расплодившихся во множестве изданий для народа на малорусском наречии, нельзя было не прийти к положительному заключению в том, что вся литературная деятельность так называемых украинофилов должна быть отнесена к прикрытому только благовидными формами посягательству на государственное единство и целостность России. Центр этой преступной деятельности находится в настоящее время в Киеве. Стремление киевских украинофилов породить литературную рознь и, так сказать, обособиться от великорусской литературы, представляется опасным и потому еще, что совпадает с однородными стремлениями и деятельностью украинофилов в Галиции, постоянно толкующих о 15-миллионном южно-русском народе, как о чем то совершенно отдельном от великорусского племени. Такой взгляд рано или поздно бросит галицийских украинофилов, а затем и наших, в объятия поляков, не без основания усматривающих в стремлениях украинофилов движение в высшей степени полезное для их личных политических целей. Несомненным доказательством этому служит поддержка, оказываемая Галицкому украинофильскому обществу «Просвита» сеймом, в котором преобладает и господствует польское влияние¹.

В книгах, изданных нашими украинофилами для народа с дозволения цензуры, не замечается явного демократического направления, но это вовсе не доказывает, чтобы украинофилы были чужды разрушительных начал социализма.

[...] Очевидна и та конечная цель, к которой направлены усилия украинофилов, пытающихся ныне обособить малоруссов медленным, но до известной степени верным путем обособления малорусской речи и литературы. Допустить создание особой простонародной литературы на украинском наречии, значило бы по-

¹ «Просвита» действительно получала от галицийского сейма регулярные субсидии – в это время часть польских политиков в Галиции начинает целенаправленно поддерживать так называемых народовцев, сторонников отдельной украинской идентичности, против москвофилов, считавших галицийских русинов частью большой русской нации.

ложить прочное основание к развитию убеждения в возможности осуществить в будущем, хотя может быть и весьма отдаленном, отчуждение Украины от России. Относясь снисходительно к развивающемуся ныне поползновению обособить украинское наречие путем возведения его в степень языка литературного, правительство не имело бы никакого основания не допустить такого же обособления и для наречия Белоруссов, составляющих столь же значительное племя, как и Малороссы. Украина, Малороссия и Западная Россия, населенная Белоруссами, силою исторических событий и естественного тяготения окраин к соплеменному им великорусскому центру, составляют одно неразрывное и единое с Россией великое политическое тело»¹.

Эта пространная цитата показывает, что в своем понимании ситуации и идеологическом обосновании подготовленных решений Совещание почти буквально повторило тезисы Каткова от 1863 г. («польская интрига», угроза возникновения белорусского сепаратизма по образцу малорусского, языковое обособление как основа обособления политического) и ни на шаг не продвинулось дальше. Сомнения в правильности выбранной в 1863 г. тактики, свойственные в свое время даже Валуеву и очевидно разделявшиеся теперь Дондуковым-Корсаковым и другими достаточно высокопоставленными чиновниками, никакого отражения в выводах Совещания не нашли. Весьма показательно, что сам киевский генерал-губернатор даже не попытался изложить Совещанию своих взглядов на предмет, хотя знал о его работе. Это много говорит о той атмосфере, в которой действовало Совещание, ведь неадекватность его решений была очевидна многим уже в момент их принятия. Совещание, по сути, не совещалось, не анализировало проблему, не искало пути ее решения, а готовило идеологическое обоснование для репрессий и служило полем для статусного соперничества участвовавших в нем министров. Далее мы увидим, что даже те участники этого тайного Совещания на уровне министров, которые были несогласны с некоторыми его решениями, предпочитали не выступать против них открыто, а пытались их заблокировать чисто бюрократическими методами. Впрочем, это была общая тенденция – Россия шла к первому массовому политическому процессу над народниками (процесс 193-х в 1877 г.), в основе которого также лежала идея репрессии как превентивной меры.

¹ Цит. по: *Науменко В.* До історії указу 1876 року про заборону українського письменства // Україна. 1907 (май). С. 141–145.

Проект решения, составленный Юзефовичем, был утвержден Совещением 24 апреля 1876 г. Он состоял из 11 пунктов. Первые три были посвящены ограничению распространения литературы на украинском, и предусматривали запрет ввоза такой литературы из-за границы, запрет публикаций на украинском в империи, за исключением исторических памятников и «изящной словесности», и то только по особому разрешению ГУП в каждом конкретном случае. Особо был подчеркнут запрет на «кулишовку», то есть предложенное Кулишем фонетическое правописание. Было отмечено, что должна соблюдаться «общерусская орфография», то есть запрещалось использование буквы «і» вместо «и» и «і» перед согласной¹. Эти пункты практически повторили Валуевский циркуляр, более четко обозначив стремление противодействовать той инициированной Кулишем реформе орфографии, которая должна была усилить отличия формировавшегося украинского литературного языка от русского. Рамки запрета расширились четвертым пунктом, возбранявшим сценические представления на украинском, «как имеющие в настоящее время характер украинофильских манифестаций».

Пункты 6, 7 и 8 относились к МНП. В них предлагалось не допускать преподавания на малорусском языке в школах, «очистить библиотеки всех низших и средних учебных заведений» от книг на малорусском, а также направлять преподавателей, окончивших курс в великорусских губерниях, на службу в Киевский, Харьковский и Одесский учебные округа, а их выпускников, в свою очередь, в другие округа.

5-й пункт проекта предлагал оказать финансовую поддержку львовской газете «Слово». (Подробнее об этом речь пойдет в отдельной главе.) Наконец, пункты 5, 10 и 11 предполагали закрытие «Киевского телеграфа», закрытие «на неопределенный срок» КГО и высылку из края Чубинского и Драгоманова. Юзефович, разумеется, торжествовал – пришел час рассчитаться с обидчиками за все.

В журнале Совещения, подготовленном для представления Александру II, существенные изменения претерпели четыре пункта проекта Юзефовича. К запрету сценических представлений добавился запрет на публичные чтения на украинском и нелепый запрет на публикацию текстов к нотам. Пункт о тотальном переселении преподавателей, как заведомо невыполнимый, был отредактирован в том смысле, что переводу подлежали только неблагонадежные.

¹ РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Ед. хр. 352. Л. 66–67.

Но самые интересные изменения коснулись пунктов о запрете КГО и высылке Чубинского и Драгоманова. В экземпляре документов, который был у Тимашева, пункт о КГО аккуратен, так, чтобы легко было стереть в случае необходимости, перечеркнут карандашом¹. В журнале, который именно Тимашев готовил для царя, этот пункт уже сформулирован весьма расплывчато: «Предоставить министру внутренних дел войти с кем следует в сношения касательно деятельности и направления Киевского Отдела Императорского Русского Географического общества, а касательно членов оного Чубинского и Драгоманова представить особый всеподданнейший доклад». О высылке их из края ничего не говорилось². Очевидно, что эти изменения были внесены министром внутренних дел по ходатайству патрона РГО вел. кн. Константина Николаевича. Вероятно, за Драгоманова с Чубинским хлопотал и Дондуков-Корсаков. Именно последний мог сообщить Константину Николаевичу о планах Совещания, после чего тот и говорил с Тимашевым. Возможен и вариант, при котором сам Тимашев счел нужным поставить великого князя в известность об угрозе КГО. Трудно сказать, хотел ли Тимашев лишь оказать услугу великому князю или, имея за плечами опыт службы в Киеве³, сам разделял взгляды Дондукова-Корсакова. Так или иначе, но он попытался спасти КГО и его лидеров.

«Смешна и печальна наивность, с которой мы полагаем, что потолковав 3 или 4 часа и никогда ни в чем не столковавшись, мы сделали путное дело. Все наши силы потребляются бесплодно на это тарабарство. Поговорят, составят журнал, поднесут под высочайшее “исполнить” – и только. Что же “исполняется”? Какие-нибудь отрывочные полумеры, сегодня в одном направлении, завтра в другом. Разношерстная упряжка плохо везет государственную телегу матушки России», – задолго до обсуждаемых событий записал в своем дневнике большой знаток русской бюрократии, в том числе и таких Совещаний и Комиссий Валуев⁴. Далее мы сможем убедиться, насколько справедливы все эти слова применительно к Совещанию об украинофильстве. Пока же обратим внимание лишь на фразу, которая описывает механизм действий: «Поговорят,

¹ РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Ед. хр. 352. Л. 70.

² Там же. Л. 105–105об.

³ Тимашев несколько лет прослужил в Киеве начальником штаба кавалерийского корпуса.

⁴ Дневник П.А. Валуева... Т. 2. М., 1961. С. 127.

составят журнал, поднесут под высочайшее “исполнить”». Председательствовавший в Совещании Тимашев в обычных обстоятельствах должен был контролировать обе заключительные стадии – составление журнала и «поднесение». В этом случае его план сработал бы гладко. Но на беду в апреле Александр II выехал за границу. Министр внутренних дел остался, разумеется, в империи. Тимашев мог попытаться оттянуть представление журнала царю до его возвращения, но он, вероятно, полагал, что главная угроза для его плана исходит от Юзефовича, который оставался в Петербурге. В результате он допустил роковую ошибку, 11 мая отправив Потапову, сопровождавшему царя в Германии, сам журнал и записку с просьбой показать его Александру II¹. Таким образом, Тимашев выпустил из-под своего контроля решающий акт «поднесения» журнала царю, что имело самые печальные последствия.

Потапов, похоже, был сдержан на заседаниях Совещания, предоставив Юзефовичу «требовать крови», что и ввело в заблуждение Тимашева. Но в действительности шеф жандармов вполне разделял взгляды Юзефовича. Последний, впрочем, тоже не дремал. Перед отсылкой журнала Потапову Тимашев вынужден был дать его на подпись остальным членам комиссии, в том числе и Юзефовичу. 12 мая, уже на следующий день после отсылки журнала, Юзефович отправил Потапову письмо, в котором говорилось: «Подписав журнал о мероприятиях, определенных совещательным собранием для пресечения так называемого украинофильского движения в Киеве, считаю долгом не скрывать, а доложить вашему высокопревосходительству, что, по глубокому моему убеждению, все прочие меры не пособят делу окончательно, пока Киевский Отдел Географического общества будет продолжать существовать в своем нынешнем составе. Не смею отрицать уважительности особых соображений, побудивших отклонить предложенную мною меру о немедленном закрытии Отдела с тем, чтобы открыть его в новом составе, и не могу победить в себе опасение, что возлагаемая на министра Внутренних дел работа о его преобразовании, требующая сношений и переписки, затянет разрешение вопроса на долгий срок и отнимет у самой существенной охранительной меры то значение, которое ослабляется или усиливается медленностью или быстротою ее действия»².

¹ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 50. Ед. хр. 85 (1875 г.). Л. 56.

² ГАРФ. Ф. 109. Оп. 50. Ед. хр. 85 (1875 г.). Л. 57; *Савченко Ф.* Заборона... С. 94.

Ответ Потапова от 18 мая из г. Эмс так описывал события этого дня: «Получив обязательное письмо вашего превосходительства 12-го с. мая, я имел счастье повергнуть содержание оногo, вместе с журналом нашего совещания, на благовоззрение Государя императора, и е. и. в., удостоив одобрением все предложения относительно Киевского Отдела Императорского Географического Общества, соизволил собственноручно начертать резолюцию, согласную с мнением вашего превосходительства и моим»¹. Обратим внимание на слова «обязательное письмо». Они заставляют предположить, что план антитимашевских действий был согласован ими заранее, то есть Юзефович и должен был послать это письмо, с тем, чтобы Потапов, продолжая играть роль беспристрастного посредника, мог «поднести» царю не только журнал, но и более радикальный проект решения. Само письмо Юзефовича, краткое, четко сформулированное и по форме весьма корректное в отношении их общего противника Тимашева, было рассчитано на то, что увидит его не один Потапов. Это тем более вероятно, что далее в своем письме Потапов просил Юзефовича сохранять эту информацию «в совершенном секрете» до ее официального объявления. Похоже, он опасался, что Тимашев сможет предпринять какие-то ответные шаги. В письме самому министру внутренних дел от того же 18 мая Потапов опускает все подробности, сообщая лишь, что Государь смотрел журнал и наложил резолюцию².

Резолюция Александра II звучала так: «Исполнить, но с тем, чтобы Отдел Географического Общества в Киеве в нынешнем его составе был закрыт, и чтобы открытие его вновь не могло состояться иначе, как с моего разрешения, по представлению мин. вн. дел»³. Саркастический оттенок придавало этой формуле то обстоятельство, что она была почти точно предсказана четыремя годами ранее М.Е. Салтыковым-Щедриным. Предлагаемый одним из его героев проект реформирования «де сиянс академии» наделял ее президента правом «некоторые науки временно прекращать, а ежели не заметит раскаяния, то отменять навсегда»⁴. Щедрин точно угадал и ход мысли членов Совещания: описанный им проект предлагал «прилежно испытывать обывателей, не заражены ли, и в случае

¹ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 50. Ед. хр. 85 (1875 г.). Л. 59.

² Там же. Л. 58.

³ Савченко Ф. Заборона... С. 93.

⁴ См.: Салтыков-Щедрин М.Е. Дневник провинциала в Петербурге. М., 1986. С. 97.

открытия таковых, отсылать для продолжения наук, в отдаленные и малонаселенные города», что вполне соответствовало указаниям Совещания в отношении преподавателей.

Любопытно, что в 1882 г., давая своеобразную периодизацию государственной деятельности Александра II, Валуев запишет в дневнике: «Нечто в роде систематического улучшения наступило в 1872 году и продолжалось до 1874-го. Затем стали быстро возрастать утомление от дел правительственных, озабоченность делами частными и перемежающееся гальванизирование деятельности на политической международной почве, [которое] привело к странным капризам 1876 г.»¹ Из нашей истории видно, что эта характеристика верна не только в отношении международных дел.

Окончательная версия выводов Совещания от 18 мая 1876 г., получившая в литературе название «Эмский указ» по месту подписания царем журнала Совещания, содержала пункт о закрытии КГО и немедленной высылке из Юго-Западного края Драгоманова и Чубинского. (На основании этого журнала составлялись затем секретные служебные инструкции. Строго говоря, выводы Совещания неверно называть указом, но мы не станем отступать от установившейся традиции. Полный текст Эмского указа см. в Приложении.) Остается разобраться с валуевским вопросом, что же и как «исполняется», а также представить реакцию на указ и его последствия.

¹ Валуев П.А. Дневник 1877–1884 гг. С. 192.

Глава 10

«Исполнение» Эмского указа

Первая попытка «отыграть назад» была сделана Тимашевым сразу же после получения окончательного варианта Эмского указа. Из документов неясно, какие именно шаги были предприняты. Но ясно, что они предпринимались, поскольку 27 мая товарищ (заместитель) министра внутренних дел кн. Н.А. Лобанов-Ростовский отправил своему шефу, находившемуся как раз в Киеве, секретную телеграмму: «Я полагаю приостановиться какими бы то ни было распоряжениями относительно Киевского Отдела впредь до получения сообщения Вашего Высокопревосходительства по сему предмету»¹. Вероятно, Лобанов-Ростовский был в курсе первоначальных планов Тимашева и теперь ждал, не удастся ли министру, а вернее всего, самому Константину Николаевичу, убедить царя изменить решение. В телеграмме, которую сопровождал Тимашева правитель канцелярии МВД Л.С. Маков отправил в Петербург своему заместителю С.С. Перфильеву 6 июня, говорилось: «Доложите князю, что господин министр просит приостановить исполнение по известному журналу Совещания до его возвращения»². Значит, Тимашев действительно ждал результатов каких-то неизвестных нам хлопот и, сознавая, что пауза затягивается, счел нужным подтвердить Лобанову-Ростовскому необходимость тянуть время. Только 6 июля, через полтора месяца после указа, распоряжение о закрытии КГО было передано киевскому гражданскому губернатору Гессе – все усилия спасти отдел оказались тщетны³.

¹ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 50. Ед. хр. 85 (1875 г.). Л. 120об.

² Там же. Л. 133.

³ Там же. Л. 128.

Дондуков-Корсаков уехал в это время из Киева, чтобы не участвовать в закрытии любимого детища.

Не менее интересные события происходили и с распоряжением о высылке из края Драгоманова и Чубинского¹. Драгоманов, слухи о грядущей высылке которого ходили с 1875 г., еще в феврале уехал за границу. Дондуков-Корсаков, к которому Драгоманов пришел просить паспорт, своей волей выдать его не мог, потому что Драгоманов состоял уже тогда под надзором полиции. Но генерал-губернатор отправил депешу Потапову, и тот 10 января подписал разрешение, а уже на следующий день канцелярия киевского генерал-губернатора с небывалой для русской бюрократии оперативностью выдала Драгоманову заграничный паспорт².

Чубинского тоже в беде не бросили. 2 августа Дондуков-Корсаков отправил исполнявшему тогда обязанности министра внутренних дел Лобанову-Ростовскому пространное письмо с просьбой разрешить Чубинскому остаться на полгода в Киеве в связи с тем, что тот «занят управляющим сахарного завода»³. Уже через неделю Лобанов-Ростовский сообщил о разрешении задержаться на три месяца. Хлопоты на этом не прекратились, и 26 ноября царь, оставив в силе решение о высылке, разрешил Чубинскому жить в столицах, что позволило ему из Киева сразу переехать в Петербург⁴. Чубинский был принят на службу в министерство путей сообщения, и в начале 1879 г. после настойчивых ходатайств министра путей сообщения адмирала К.Н. Посыетта и с согласия нового киевского генерал-губернатора М.И. Черткова он смог вернуться на Украину⁵. Тогда же, весной 1879 г., в должности мирового посредника был восстановлен и шурин Драгоманова П.А. Косач, но, по просьбе III отделения, не на прежнем месте в Новоград-Волинске, где у жандармов не было офицера для слежки, а в Луцке⁶. Таким образом, персональные репрессии, вызванные Эмским указом, за-

¹ Им запрещалось жительство «в тех губерниях, где население сплошь или только частью принадлежит к Малорусскому племени (Киевской, Подольской, Волинской, Полтавской, Харьковской, Черниговской, Екатеринославской, Воронежской и Херсонской), равно и в столицах, и столичных губерниях». Драгоманову запрещался также выезд за границу (РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Ед. хр. 374. Л. 4).

² *Дорошкевич О.* Листи М.П. Драгоманова до О.М. Пипіна... С. 93; *Драгоманов М.П.* Автобиография // Былое. 1906 (июнь). С. 201–202.

³ РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Ед. хр. 374. Л. 14–15об.

⁴ Там же. Л. 31.

⁵ Там же. Л. 42; ГАРФ. Ф. 109. Оп. 50. Ед. хр. 85 (1875 г.). Л. 113.

⁶ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 50. Ед. хр. 85 (1875 г.). Л. 122–123об.

тронули весьма ограниченный круг людей и не были продолжительными.

Без сколько-нибудь заметного рвения исполнялись и предписания, касавшиеся епархии МНП. Впрочем, само министерство весьма рьяно, уже 15 июня, направило кураторам Киевского, Одесского и Харьковского учебных округов секретный циркуляр, содержащий параграфы пять и шесть Эмского указа об устранении из школьных библиотек украинских книг и составлении поименных списков преподавателей с указанием «благонадежности их по отношению к украинофильским тенденциям». Однако уже на уровне кураторов округов энтузиазм испарялся. Куратор Киевского округа подготовил свой доклад только к 9 февраля 1877 г. П. Антонович сообщал, что директора гимназий и училищ округа охарактеризовали неблагонадежными восемь преподавателей. В своем докладе министру куратор настойчиво защищал всех, в части случаев доказывая, что обвинения неосновательны, в других – что украинофильские симпатии подозреваемых носят поверхностный характер¹. Пятеро из упомянутых преподавателей, в том числе братья П. и И. Житецкие, были поставлены перед выбором: принять предложенные им аналогичные должности в великорусских губерниях, самим найти себе место за пределами Малороссии или уволиться из МНП, если они хотят в Малороссии остаться. Судя по документам, Е. Дьяконенко принял предложенное ему место в Уфе, Т. Беленький сам нашел место в Баку, Н. Билинский уволился, П. Житецкий перешел на работу в военное ведомство. Последний после высылки Чубинского стал ключевой фигурой в Громаде. В Одесском округе был обнаружен один украинофил, который согласился на перевод в Тулу. Куратор Харьковского округа ответил, что неблагонадежных преподавателей не выявлено². Что касается конфискации книг, то в архивах сохранились лишь два донесения из реальных училищ Киевского округа, в одном из которых было обнаружено пять книг на украинском, в другом две³. (Это лишнее свидетельство справедливости замечания Драгоманова, что введение украинского как единственного языка преподавания обрекало бы учеников на пищу св. Антония.)

В качестве еще одной иллюстрации к поведению в этот момент Дондукова-Корсакова отметим, что когда киевский граждан-

¹ Савченко Ф. Заборона... С. 214–220.

² Там же. С. 222–223.

³ Там же. С. 213.

ский губернатор Гессе обратился к нему 29 июля с запросом, не следует ли изъять из книжных лавок еще не распроданные украинские книги, изданные до указа, генерал-губернатор наложил резолюцию «Не отвечать»¹.

Наиболее длительный и серьезный административный эффект имели цензурные параграфы Эмского указа. С момента его принятия все издания на украинском языке должны были проходить через Главное управление по делам печати. Секретное предписание, сообщавшее начальнику ГУП В.В. Григорьеву первые три пункта указа, относившиеся к цензуре, было получено 5 июня. Указ, безусловно, ужесточил цензурную политику по сравнению с началом 70-х годов, когда Валуевский циркуляр хоть и не был отменен, но на практике не применялся. Напомним, что беспрепятственное прохождение через цензуру в 1872 г. украинских популярных дешевых книжек для народа, которые как раз и запрещались циркуляром 1863 г., и послужило Драгоманову основанием для объявления антракта в развитии украинофильства оконченным. Антракт в цензурных гонениях оказался вдвое короче.

С июня 1876 г. рассмотрение всех рукописей на украинском было выделено ГУП в особое производство. Это архивное дело охватывает период до апреля 1880 г. и позволяет с точностью установить не только общий характер цензурных репрессий, но и их процентное соотношение к числу поданных рукописей². Эти подсчеты оказываются совсем бесполезны, поскольку дают весьма неожиданный результат. Итак, с июня 1876 по апрель 1880 г. в ГУП были представлены 53 заявки на издание на украинском языке или ввоз таковых из-за границы. Из них в той или иной степени были затронуты цензурными репрессиями 16 произведений. Из этого числа четыре были запрещены к ввозу в империю, а из 12 заявок на издание половина была отвергнута в целом, в остальных же были сделаны существенные цензурные изъятия. Среди десяти запрещенных к изданию или распространению в империи книг три пострадали по формальному признаку. Как перевод с русского не разрешили печатать «Мороз – красный нос» Некрасова³. Знаменитым стал случай со сборником украинских песен Н.В. Лысенко.

¹ Міяковський В. Ювілей Цензурного Акту 1876 року. С. 13.

² РГИА. Ф. 776. Оп. 11. Ед. хр. 61а (2-е отделение ГУП. «По высочайшему повелению о недопущении к печати и распространению книг и брошюр на малороссийском наречии»).

³ Там же. Л. 30.

Петербургский цензурный комитет, пересылая его в ГУП, полагал возможным разрешить распространение при изъятии четырех песен.

Однако ГУП запретил сборник в соответствии с пунктом третьим Эмского указа, возбранявшим совместное печатание текстов и нот¹. Часто цензоры оговаривали разрешение на печать «непременным условием, чтобы не было допущено никаких отступлений от общерусского правописания»².

Здесь мы сталкиваемся с довольно тонким моментом. Ясно, что попытки регулировать внешним административным воздействием развитие того языка, существование которого в качестве литературного не только отрицается, но и подавляется, выглядят не просто репрессивными, но и ханжескими. Практика эта была, однако, типична по отношению к украинскому языку как со стороны властей Российской империи, так и со стороны польской администрации в Галиции, которая даже пыталась перевести его на латиницу. В обоих случаях в основе лежало стремление максимально сократить грамматические и орфографические отличия от соответственно русского и польского и закрепить статус украинского как диалекта. И польская, и русская стороны воспринимали возрастание таких отличий не просто как отход от их языка, но дрейф в сторону врага. Было бы, однако, неверно вполне приравнивать запрет целенаправленно стремившейся к увеличению дистанции между русским и украинским кулишовки, которая к тому моменту была весьма влиятельна, но далеко не общепринята среди украинцев³, к запрету языка как такового. То же цензурное ведомство давало, например, разъяснения, что за образец правописания должно быть принято «Собрание сочинений на малороссийском наречии» И.П. Котляревского (Киев, 1875), которого сами украинцы считали родоначальником современной украинской литературы⁴.

Таким образом, в общей сложности репрессиям подверглось 30% представленных в цензуру сочинений: в 10% сделаны изъятия,

¹ РГИА. Ф. 776. Оп. 11. Ед. хр. 61а. Л. 77. Уже в 1880 г. именно этот случай, обнажавший всю нелепость некоторых пунктов Указа, стал поводом для выступления киевского генерал-губернатора в пользу его пересмотра.

² Там же. Л. 41.

³ Юрий Шевелев упоминает о двух больших «лингвистических дискуссиях» среди самих украинцев в 1891–1893 и 1907–1912 гг. *Shevelov G.Y. Evolution of the Ukrainian Literary Language // Rethinking Ukrainian History / Ed. by I.L. Rudnytsky. Edmonton, 1981. P. 225.*

⁴ РГИА. Ф. 776. Оп. 11. Ед. хр. 61а. Л. 41об.

20% запрещены. Очевидно, что немалое число рукописей просто не пытались подавать в цензуру, многие сочинения сразу издавались за границей, какие-то вовсе не были написаны их потенциальными авторами, не надеявшимися получить разрешение на издание, а значит, и гонорар. В то же время, если верны подсчеты Дэниела Балмута, сообщающего, что в 1896 г. Киевский цензурный комитет запретил 42% украинских сочинений¹, конец 70-х не был самым свирепым периодом в цензурной политике по отношению к украинским публикациям.

Оговоримся, что духовная цензура поняла Эмский указ как запрет любых сочинений на украинском. Запрошенный о возможности ввоза в Россию изданного во Львове «Жития мучеников Бориса и Глеба», комитет духовной цензуры ответил: «...хотя по содержанию своему означенная брошюра безукоризненна, но, как написанная на малорусском наречии, не может быть допущена к обращению в пределах Империи». Комитет иностранной цензуры, не удовлетворившись этим решением, обратился в ГУП, и не напрасно. ГУП постановил, что раз издание «напечатано кириллицей, то не только следует пропустить брошюру, а радоваться, что в Галичине партия, противная украинофилам, издает книги, печатая их церковным шрифтом»². Таким образом, оспорив неверную аргументацию духовной цензуры, ГУП отменил решение, которое в действительности соответствовало указу, потому что речь шла о недорогой брошюре для народного чтения, каковые указ запрещал.

Всеми органами, которых касался Эмский указ, он исполнялся без рвения. В определенном смысле здесь верна знаменитая фраза о том, что суровость российских законов смягчалась небрежностью их исполнения. Целый ряд высокопоставленных чиновников, включая министра внутренних дел, его заместителя, киевского генерал-губернатора, попечителя Киевского учебного округа, целенаправленно стремились смягчить сам указ или его исполнение. С большой вероятностью можно предположить, что шаги в этом направлении предпринимал и вел. кн. Константин Николаевич. Никто из них не разделял украинофильских идей. У нас нет оснований, чтобы судить, были ли Тимашев и Лобанов-Ростовский принципиальными противниками указа или делали это из стремления

¹ *Balmuth D. Censorship in Russia, 1865–1905. Washington: University Press of America, 1979. P. 215.*

² [В. Науменко] Найближчі відгуки указу 1876 р. про заборону українського письменства // Україна. 1907 (июнь). С. 249–250.

угодить великому князю. Но определенно можно утверждать, что Дондуков-Корсаков и П. Антонович были убежденными сторонниками более гибкой политики в украинском вопросе. Указ, без сомнения, был уникальной по своему характеру и длительности действия ряда статей репрессивной мерой в национальной политике Российской империи. (Цензурные запреты, лишь отчасти смягченные, просуществовали до 1905 г. В 1896–1900 гг. Киевский цензурный комитет ежегодно запрещал не менее 15% украинских изданий, что было существенно выше его «нормы» по другим языкам, которая не превышала 2%¹.) Но, *toute proportion garde*, неверно характеризовать указ как тотальный «запрет украинства», что характерно не только для Савченко, вынесшего это определение в заголовках своей книги, но и для более поздней историографии.

¹ *Balmuth D. Censorship in Russia...* P. 126.

Глава 11

Последствия Эмского указа

В деле Сопещения об украинофильстве, которое вела канцелярия III отделения, сохранилось датированное 4 сентября 1876 г. неподписанное донесение. Оно совершенно недвусмысленно описывало впечатление, произведенное в Киеве Эмским указом: «Прибывшие после каникул из Малороссии студенты рассказывают, что там сильное неудовольствие местной интеллигенции возбудило известное правительственное распоряжение, воспретившее пьесы и издания на малороссийском языке. Результатом этого запрещения было то, что почти во всех помещичьих семействах женщины начали носить национальный костюм (малороссийские рубашки), который давно уже не был в употреблении. Профессора Драгоманова называют главным виновником происшедшего, и он приобрел огромную популярность в Малороссии, особенно в Киеве. Утверждают, что он переселится в Австрию, чтобы издавать там украинофильский журнал»¹.

Помимо волны негативных эмоций указ вызвал и ряд долговременных отрицательных – с точки зрения правительственных интересов – последствий. Вся украинофильская культурная активность приобрела теперь характер символических манифестаций и притягательные свойства запретного плода. Издательская деятельность переместилась за границу, в Галицию и Женеву, где обосновался Драгоманов. Туда же направлялись и деньги, которые Громада активно собирала в Юго-Западном крае². Постепенно Галиция пре-

¹ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 50. Ед. хр. 85. Л. 92.

² Весной 1877 г. новый киевский генерал-губернатор Чертков специально доносил в III отделение, что Громада под руководством П. Житецкого собирает средства для женевских изданий Драгоманова (ГАРФ. Ф. 109. Оп. 50. Ед. хр. 85. Л. 106).

вратилась в украинский культурный Пьемонт, надежно защищенный австрийской границей от влияния Петербурга. Указ подрывал и позиции прорусски ориентированных галицийских русинов, которых правительство собиралось поддерживать предусмотренными в указе тайными субсидиями «Слову».

Можно сказать, что правительство в очередной раз «наступило на грабли». Совсем недавно, по свежим следам польского восстания, виленские генерал-губернаторы М.Н. Муравьев и К.П. фон Кауфман в своих попытках пресечь распространение польской книги в Западном крае не останавливались даже перед уничтожением латинских шрифтов в типографиях. Результатом стала массовая контрабанда польских книг из Галиции и Царства Польского, так что запрет издавать и продавать польские книги в северо-западных губерниях уже в 1869 г. пришлось отменить¹. Нетрудно было догадаться, что при наличии украинской издательской базы в Галиции, а об этом шла речь даже в материалах самого совещания, Эмский указ приведет к аналогичным результатам. Вряд ли кто-то из участников Совещания смог бы внятно объяснить и то, каким образом запланированные репрессии должны были предотвратить сближение украинофилов с субсидировавшими украинофильскую деятельность в Галиции поляками, что так беспокоило Петербург.

Весьма показательна реакция на Эмский указ галицийской прессы. Польская «Газета Народова» с удовольствием использовала ситуацию для пропаганды идеи польско-украинского союза против России. Подчеркнув, что «русский народ [...] никогда не растворится в монголизме», газета делала однозначный и желанный для себя вывод: «Быть русином и быть в добрых отношениях с Москвой более невозможно». Тут же давались практические рекомендации: «Кто может запретить заграничным русинам писать и печатать, обходя цензуру, или ввозить чисто русские произведения из-за границы без разрешения правительства? Временно этот удар будет сильным для русинов – но в конечном счете благотворным. [...] Сомневающиеся превратятся в фанатиков, слабаки станут способны творить чудеса. Как пожар, как шторм, национальные преследования вызывают чудодейственное самопожертвование. Дети станут героями, рассудительные мужи будут жаждать пальмы мученичества...

¹ См.: Самбук С.М. Политика царизма в Белоруссии во второй половине XIX века. Минск, 1980. С. 89.

Верным галицким русинам не нужно говорить, что им теперь нужно делать!»¹

Позиция органа галицийских украинофилов «Правды» существенно отличалась от позиции польской газеты. В своей редакционной статье «Правда» сразу же называла Эмский указ «российской Голуховщиной», напоминая тем самым об аналогичных мерах польской администрации Галиции во главе с Ю. Голуховским в конце 50-х – начале 60-х годов и демонстрируя откровенное нежелание бросаться в объятия поляков. Газета настойчиво подчеркивала, что считает указ плодом интриги «киевских доносчиков à la Юзефович» и что «если бы российское правительство оценило и поняло украинский вопрос с его серьезной стороны и скинуло с глаз стекла, закопченные доносами киевских брехунов, тогда оно поняло бы живую правду: главные враги России и есть эти доносчики на украинский сепаратизм». «Правда» писала, что «вся просвещенная Россия, вся Славянщина, вся Европа станет на сторону руського народа против правительственного насилия», и даже выражала надежду, что правительство одумается. Очевидно, что газета даже после указа еще продолжала определенное время ту умеренную линию, которую рекомендовал ей Драгоманов в 1873 г. Вместе с тем практические выводы из сложившейся ситуации неизбежно совпадали с выводами «Газеты Народовой»: «Теперь Галичина должна повести дальше великое и святое дело народного возрождения. [...] Там, где решается вопрос жизни нашей народности, там наверняка не будет между галицкими русинами никаких партий, никаких противоречий»².

Неуклюжесть и контрпродуктивность Эмского указа становятся особенно очевидны, если оценить те перечеркнутые им перспективы, которые открывала более гибкая тактика Дондукова-Корсакова. Итак, изначальный расчет киевского генерал-губернатора, что украинофилы будут дорожить предоставленными им легальными возможностями и преобладание получит умеренная ориентация, оказался верен. В 1872–1873 гг. Драгоманов призывал к сдержанности галицийских украинофилов, настаивая на приоритете легальной украинофильской деятельности в Киеве. Он выступал за параллельное использование украинского и русского в начальной школе, под-

¹ Gazeta Narodowa. 15 июня 1876 (№ 161). Цит. по: Солчаник Р. Lex Jusephovicia 1876. 3 приводу 100-ліття заборони українства // Сучасність. 1976. № 5. С. 47.

² Правда. 31 июня 1876. № 13–14. С. 500–505. Цит. по: Солчаник Р. Lex Jusephovicia 1876. 3 приводу 100-ліття заборони українства... С. 48–53.

черкивая полезность изучения русского языка. Будущее Украины, по крайней мере на достаточно длительную перспективу, Драгоманов видел в федеративном союзе с Россией. Эта позиция объяснялась далеко не только пониманием недостижимости независимости в современных ему условиях – Драгоманов говорил о наличии общих интересов как в совместной с русскими работе по реформированию России, так и в совместной колонизации малонаселенных пространств Сибири, Урала и Дальнего Востока. Среди лидеров украинофилов эта тенденция выражена не только Драгомановым – напомним о неизменной осторожности Антоновича, о претензиях некоторых членов Громады к Чубинскому за его слишком верноподданнические декларации. При этом неверно думать, что большинство рядовых участников движения были более радикальны. Позднее Драгоманов, не склонный вспоминать, что сам был тогда настроен весьма умеренно, писал, что ему после возвращения из-за границы в 1873 г. не понравилась в киевских украинофилах «уступчивость официальному миру и заигрывание с консервативными кругами, а в молодежи даже вражда к «радикалам», как тогда звали социалистов»¹. Например, член КГО и Громады А.Ф. Кистяковский противопоставляет тогдашнее умеренное, позитивистски ориентированное украинофильство романтическому радикализму «Основы» в еще более сильных выражениях, чем Драгоманов в его работах первой половины 70-х годов. Вот что писал Кистяковский в своем дневнике 18 апреля 1876 г.: «Я лет 8–9 как перестал быть украинофилом политич[еского] оттенка. У меня давно выдохся украинский фанатизм 62, 63, 64 годов, и я стал к малороссийскому вопросу относиться с холодным расчетом, оставаясь преданным народу, но убедившись в тщете политических переворотов»². Хотя эта позитивистская ориентация разделялась не всеми украинофилами, но авторитет Драгоманова и других умеренных лидеров, а также те реальные возможности, которые были открыты для такой деятельности Дондуковым-Корсаковым, приглушали более радикальные настроения.

Такая ситуация давала правительству широкое пространство для маневра. Оно могло использовать отдельные запреты и частные репрессивные меры против наиболее опасных, с его точки зрения, мероприятий украинофилов, заодно и поддерживая в хорошей форме того «внутреннего цензора», те самими украинофилами на-

¹ Драгоманов М.П. Автобиография. Былое. (июнь 1906). С. 197.

² Савченко Ф. Заборона... С. IX–X.

лагаемые ограничения, к которым призывал Драгоманов. Но все это было возможно только при сохранении достаточно значимых легальных возможностей для украинофильской культурной деятельности, дабы украинофилам было что терять. Это позволяло также оставлять главную часть украинофильской активности и финансовых ресурсов в сфере, контролируемой властями – то есть сохранять приоритет Киева по отношению ко Львову. Что могла принести такая ситуация в длительной перспективе?

При всей неспособности правительства организовать мощное ассимиляторское давление через систему образования именно в 70-е годы начинает проявляться действие некоторых других, косвенных механизмов, способствующих ассимиляционным процессам.

С 1865 по 1875 г. железнодорожная сеть на Украине выросла более чем втрое. Было построено 12 000 км железных дорог, в том числе соединивших Москву с Севастополем и с Одессой через Киев. Именно в это время начался активный рост городов. В 1860 г. население Киева составляло 55 000 (увеличившись с 1840 г. лишь на 10 000, Харькова – 50 000, а Одессы – 112 000 человек. К 1874 г. численность киевлян составляла 127 000, Харьков к 1881 г. вырос до 128 000, а Одесса – до 220-ти. Чтобы лучше оценить темпы роста в российской части Украины, скажем, что Львов, с 70 000 уступавший в 1860 г. только Одессе, к началу 80-х со 100 000 уже заметно отставал от Киева и Харькова¹. В то же время и во второй половине XIX в. Россия продолжала катастрофически отставать по уровню урбанизации от ведущих европейских стран: даже в 1890 г. процент городского населения составлял 12,5, в то время как в Германии 47%, во Франции 37,4%, даже в Австро-Венгрии 32,5%, не говоря уже о Великобритании – 72%².

Статистические данные прошлого века плохо приспособлены для того, чтобы проследить взаимосвязь урбанизации и ассимиляции на Украине. Лишь проведенная КГО в Киеве в 1874 г. однодневная перепись была спланирована так, что давала материал для относительно точных оценок. В переписи был вопрос о родном языке, причем предлагалось делать выбор между «общерусским», то есть литературным русским и «его наречиями» – великорусским,

¹ См.: *Herlihy P. Ukrainian Cities in the Nineteenth Century // Rethinking Ukrainian History / Ed. by I.L. Rudnytsky. Edmonton, 1981. P. 136–137.*

² См.: *Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XIX века). Т. 2. СПб., 1999. Табл. 4 (с. 381).*

малорусским и белорусским. В общей сложности «русский или его наречия» назвали родными 80% киевлян. Из этого числа 49,32% выбрали литературный русский, 39,26% – малорусское наречие, 9,91% – великорусское и 1,51% – белорусское¹. Ясно, что 11,42%, назвавших родным языком великорусское и белорусское наречия – мигранты из низших социальных слоев. По данным переписи, уроженцы Украины составляли почти 74% населения города, и они составляли подавляющее большинство среди тех 49%, которые назвали литературный русский родным, поскольку всего «уроженцев Московщины» среди киевлян было менее 17 000, или 21,5%. Анализируя эти данные, Драгоманов, один из организаторов переписи, прямо признавался, что процент украиноговорящих был бы еще ниже, если бы спрашивали не о родном, а о привычном языке². Собственно, сами украинофилы, наверняка отмечавшие в переписи родным языком украинский, совершали идеологический выбор. Дело не только в том, что все они свободно владели русским. Вспомним, что дневники, то есть наиболее интимные, непосредственные записи, не только Шевченко, но и многие члены Громады 70-х годов вели по-русски! Кстати, весьма сомнительного качества украинофильские стихи с осуждением Эмского указа («безвинно изгнан Драгоманов / и Малороссии сыны / сыны народа хлопоманы / разогнаны, поражены» и т.д.), циркулировавшие в Киеве летом 1876 г., также были написаны по-русски³. «Что же будет, – спрашивал Драгоманов в 1878 г., думая об этой ассимиляционной тенденции, – если города на Украине совсем отделятся от украинских сел и своим просвещением, и неукраинским языком?»⁴

Другой важный проассимиляторский фактор, включившийся с 1874 г., – всеобщая воинская повинность. С этого момента до начала XX в. число выучившихся грамоте в армии превысило 1,5 млн, среди них заметное число составляли, разумеется, призывники с Украины.

Наконец, отметим очень важную потенциальную возможность, которую правительство в XIX в. не потрудились реализовать. Если в Великороссии 95% крестьян состояло в общинах, то на Украине таковых было 30% на левом и лишь 15% на правом

¹ Киевский Телеграф. 30 марта 1875. № 39.

² Драгоманів М. Шевченко, українофіли й соціалізм. С. 145.

³ Савченко Ф. Заборона... С. 226.

⁴ Драгоманів М. Шевченко, українофіли й соціалізм. С. 147.

берегу Днепра¹. Это значит, что уже с отменой крепостного права, а не со столыпинской реформы, как великорусские крестьяне, то есть на 30 лет раньше, они могли быть вовлечены в переселенческие процессы. Это было особенно важно из-за привязанности малорусского крестьянина к сельскому укладу жизни, его нежелания уходить в город. Впрочем, Питер Воробый замечает, что широко распространенное мнение будто украинский крестьянин крайне неохотно шел в город – преувеличено, и для рассматриваемого периода город просто не создавал достаточно рабочих мест, которые могли быть заняты выходцами из деревни².

Как бы то ни было, стремление переехать на свободные земли в Сибири, на Урале и на Дальнем Востоке было весьма распространено, тем более, что после реформы 1861 г. крестьянское землепользование на плодородной Украине сократилось на треть. В начале XX в., в рамках недолго действовавшей столыпинской программы, таких переселенцев было много. В Северном Казахстане, например, украинцев (малоруссов) не было вовсе в 1858 г. К концу века там жило уже около 100 000 украинцев, а к 1917 г., после того как заработала столыпинская программа, численность украинцев в Казахстане превысила 789 000 человек. Сходная тенденция прослеживается и в других зауральских регионах. В 1858 г. украинцев там практически не было, переписи 1897–1900 гг. дают 137 000 в Западной Сибири, 25 000 в Восточной Сибири и 61 000 на Дальнем Востоке. К 1917 г. число украинцев в Западной Сибири подскочило до 375 000, в Восточной Сибири до 96 000, а на Дальнем Востоке до 427 000. В Нижнем Поволжье (Самарская, Саратовская и Астраханская губернии) число украинцев в 1917 г. превысило 545 000. Таким образом, в 1917 г. в регионах, не прилегающих непосредственно к территории их сплошного этнического расселения, украинцев жило почти 2,5 млн³. Подавляющее их большинство (более 90%) составляли крестьяне⁴. Переселенцы долго сохраняли

¹ См.: *Bihl W. Aufgegangen in Grossreichen: Die Ukraine als österreichische und russische Provinz // Geschichte der Ukraine / F. Golczewski (Hrsg.). Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1993. S. 149.*

² *Woroby P. The Role of the City in Ukrainian History // Rethinking Ukrainian History / Ed. by I.L. Rudnytsky. Edmonton, 1981. P. 207.*

³ См.: *Брук С.И., Кабузан В.М. Численность и расселение украинского этноса в XVIII – начале XX века // Советская этнография. 1981. № 5. Табл. 3 (с. 20–21).*

⁴ *Kappeler A. Chochly und Kleinrussen: Die ukrainische ländliche und städtische Diaspora in Russland vor 1917 // Jahrbucher für Geschichte Osteuropas 45 (1997).*

культурные и языковые особенности, но как ресурс для украинской националистической политики эти жители Дальнего Востока или Оренбуржья были в массе своей потеряны. Во время переписи 1926 г. уже половина выходцев с Украины, живших на Дальнем Востоке, указывали русский как свой родной язык¹.

Кроме того, в прилегающих к современной Восточной Украине Тамбовской, Курской, Воронежской и Орловской губерниях численность украинцев в 1917 г. составляла почти 2 млн, еще без малого два миллиона жили на Кубани, в Терской области и в Ставрополье². Многие из этих людей не были «свежими» переселенцами, но проживание в «смешанных» регионах также ускорило ассимиляционные процессы. С.И. Брук и В.М. Кабузан подчеркивают, что процесс ассимиляции украинцев активно развивался не только в отдаленных районах, но даже в ряде регионов современной Украины, где было много выходцев из великорусских областей. (В Новороссии доля украинцев, во многом благодаря ассимиляционным процессам, сократилась с 52,5% в 1755 г. до 41,3% в 1917-м³.) Всего, по их подсчетам, во второй половине XIX в. «обрусели» (здесь понятие «русский» используется как равное понятию «великорусский») 1,5 млн украинцев, так что даже при более высокой, чем у великоруссов, рождаемости уже в первые десятилетия XX в. наметилась тенденция к снижению доли украинцев в составе населения империи (с 17,5% в 1897 г. до 17,3% в 1917-м)⁴.

Однако в своем стремлении сохранить преобладание православного и, как тогда считалось, русского населения над поляками, власти не поощряли желание страдавших от земельного голода крестьян Украины и Белоруссии переселиться на свободные земли в других регионах империи. В 1879 г. губернаторам Западного края был даже разослан специальный секретный циркуляр, предписывавший не допускать самовольных переселений⁵. В отчете сенатора Половцова о ревизии Черниговской губернии в 1880 г. отмечалось «довольно сильное стремление крестьян к переселению» и тут же говорилось о мерах «для уменьшения вредных последствий» этого

Н. 1. С. 48–63. Всего же по переписи 1926 г. на территории РСФСР жило более 7 млн украинцев.

¹ Kappeler A. Chochly und Kleinrussen... S. 58.

² Брук С.И., Кабузан В.М. Численность и расселение украинского этноса... Табл. 4 (с. 23).

³ Там же. С. 24.

⁴ Там же. С. 26, 30.

⁵ РО РНБ. Ф. 600. Ед. хр. 1333. Л. 28–28об.

обстоятельства¹. Наконец летом 1881 г. правительство приняло «Временные правила о переселении крестьян на свободные земли». Документ этот, однако, не опубликовали и крестьянам о нем ничего не сообщили, дабы не спровоцировать массового переселенческого движения².

Как бы нерасторопно ни было правительство, ассимиляционные процессы нарастали до Первой мировой войны. Когда исследователь городов Украины Стивен Гутье говорит, что накануне войны из 16 городов Украины с населением более 50 000 только в Полтаве украинцы составляли большинство, он на самом деле имеет в виду, что только в Полтаве большинство называло родным языком малорусский. По данным переписи 1897 г. более 80% населения городов Украины были уроженцами той губернии, где находился город³. Этот процент будет еще выше, если учесть выходцев из соседних украинских губерний. Статистика не позволяет выявить количество ассимилированных в русскую культуру уроженцев Украины, но сам Гутье признает, что ассимиляционные процессы шли весьма активно⁴.

Между прочим, Гутье сообщает интересные данные о развитии украинской прессы после того, как запреты на украинские издания были отменены в ходе революции 1905 г. «К 1906, – пишет он, – практически каждый город имел свою украинскую газету. Однако к 1908 году в результате преследований со стороны властей и финансовых трудностей осталась лишь одна ежедневная газета “Рада” в Киеве»⁵. Среди причин на первое место вернее будет поставить финансовые трудности. Известно, что гонения на русскоязычные издания не были слабее, но ничего даже отдаленно напоминающего коллапс украиноязычной прессы не произошло. В начале XX в. большинство украинских изданий повторило судьбу «Основы», которая смогла продержаться на выданные тестем Белозерского И.Н. Катениным 20 000 рублей без малого два года⁶.

¹ *Beauvois D.* Walka o ziemię. 1863–1914. S. 281; *Самбук С.М.* Политика царизма в Белоруссии во второй половине XIX в. С. 154.

² *Зайончковский П.А.* Кризис самодержавия на рубеже 1870–1888-х годов. С. 425.

³ *Woroby P.* The Role of the City in Ukrainian History... P. 208.

⁴ *Guthier S.L.* Ukrainian Cities during the Revolution and the Interwar Era // Rethinking Ukrainian History / Ed. by I.L. Rudnytsky. Edmonton, 1981. P. 157–159.

⁵ *Ibid.* P. 159.

⁶ *Бернштейн М.Д.* Журнал «Основа» і український літературний процес кінця 50–60-х років XIX ст... С. 191.

Конкуренция с русскими изданиями, деньги, рынок – эти факторы даже в начале XX в. работали против украиноязычной прессы, что тем более верно для прошлого века.

Очевидно, что в условиях капиталистического развития, при ясно выраженном русском культурном облике городов Украины, при сохранении русского как языка предпринимательства, как языка администрации, государственного среднего и высшего образования (здесь правительство могло держаться твердо), даже частичная реализация драгомановской программы в виде допущения украинского в негосударственную начальную школу вместе с русским, а не вместо него, вовсе не вела к тем последствиям, которые рисовал вдохновитель Эмского указа Юзефович. Вытеснения русского не произошло бы, он оставался бы языком администрации, экономического и карьерного успеха, языком массовой коммуникации. Оговоримся, что Дондуков-Корсаков совсем не предполагал идти на столь серьезные уступки и готов был лишь допустить употребление украинского в первом классе начальной школы для объяснения непонятных русских слов.

Тактика Дондукова-Корсакова предполагала отказ от ориентации на французский вариант тотальной ассимиляции, для которого у правительства не было ни сил, ни средств, ни настойчивости и умения, ни исторического времени. На смену французскому проекту приходил бы англо-шотландский. Особая идентичность более бы не отрицалась как пережиток прошлого, украинские язык и культура получили бы определенные права, но в рамках большой русской общности, с сохранением за русским той же роли, которую играл английский в Великобритании. В начале XX в. такая позиция уже представлялась вполне приемлемой самым убежденным русским националистам: «Все русские разных оттенков должны уметь говорить, читать и писать по-русски, – но никогда никто не может иметь ничего и против того, чтобы малороссы умели говорить, читать и писать на своем наречии, а белоруссы – на своем. Костюм, нравы и обычаи Малороссии и Белоруссии иные, чем в России, но они им сродны, а потому должны быть всюду и при всех условиях допустимы»¹. В начале XX в. это понимали уже и при дворе. В феврале 1903 г. на костюмированном балу в Зимнем дворце, посвященном России XVII в., наряду с великорусскими было немало и малорусских костюмов. Вел. кн. Дмитрий Константинович

¹ Ковалевский П.И. Национализм и национальное воспитание в России. Нью-Йорк, 1922 (перепечатка с 3-го издания (СПб, 1912)). С. 124.

был одет в костюм полковника Сумского слободского полка, вел. кн. Михаил Николаевич – в костюме атамана запорожских казаков, гр. В.Д. Воронцова-Дашкова, в костюме малорусской казачки, а министр двора В.Б. Фредерикс щеголял в костюме, скопированном с портрета Богдана Хмельницкого¹. Дондуков-Корсаков пытался действовать в этом духе на 40 лет раньше, в самом начале спурта русского капитализма, и это давало его политике большие потенциальные преимущества.

Успех или неудача этого проекта в длительной перспективе зависели бы от устойчивости экономического и политического развития России. Трудно судить, был ли Дондуков-Корсаков сторонником конституционных реформ в России. Во всяком случае, Болгария, где он с марта 1878 г. к качеству русского комиссара возглавлял оккупационное правительство, получила весьма либеральную конституцию. Драгоманов на конституционные реформы в России надеялся, но перспективы украинофильства в случае их проведения оценивал в том же 1878 г. отнюдь не оптимистически: «Конституция в России даст свободу украинской работе... Только эта же конституция даст еще большую свободу и силу московским людям, и они, наверняка, поведут свое дело так, что потянут за собой множество помосковленных [т.е. ассимилированных. – А.М.] людей и на Украине. Некоторое время украинство не погибнет, но станет снова «провинциальным родственником», прихвостнем»².

Стивен Величенко, опубликовавший статью, в которой сравнивается политика английских властей в отношении Шотландии и политика российских в отношении Украины, считает, что разные результаты объясняются прежде всего отсутствием власти закона и неразвитостью гражданских институтов в Российской империи³. Всякое выделение одного обстоятельства как решающего, в ситуации, где действовал целый ряд факторов, может быть оспорено. Но не приходится отрицать его важное значение.

Правительство, и прежде всего сам царь, оказались не способны верно оценить ситуацию, понять преимущества тактики Дондукова-Корсакова. Применительно к этому эпизоду верно сде-

¹ Таким образом, ошибается Стивен Величенко, утверждая, что единственная попытка использовать малорусский костюм была предпринята Николаем I в 1827 г. (*Velychenko S. Empire Loyalism... P. 436.*)

² *Драгоманів М. Шевченко, українофіли й соціалізм. С. 157.*

³ *Velychenko S. Empire Loyalism and Minority Nationalism in Great Britain and Imperial Russia... P. 438–439.*

ланное по другому поводу замечание Валуева: «Свойственная у нас многим, и весьма многим, умственная лень постоянно располагает к выбору простых и потому вообще грубых средств для достижения правительственных целей. Нет ничего проще, чем положиться на одну силу вместо нескольких»¹. Действуя по шаблону сатирических героев Щедрина, Александр II подписал Эмский указ, ставший очередным свидетельством того, что история России может быть рассказана как история плохого управления и его последствий.

¹ Валуев П.А. Дневник 1877–1884 гг. Пг., 1919. С. 61–62.

Глава 12

Субсидия газете «Слово». Галицийские русины в политике Петербурга

Отдельного обсуждения заслуживает пункт Эмского указа, касавшийся оказания финансовой поддержки издававшейся во Львове газете «Слово». Это была первая попытка властей систематически влиять на галицийских русинов, хотя борьба Вены, Петербурга и поляков за умы и души жителей Восточной Галиции или, как нередко предпочитали говорить в Москве и Петербурге, Червонной Руси шла уже давно.

В ходе революции 1848 г. при поддержке австрийского губернатора Галиции Ф. Стадиона в противовес активизации польского национального движения были созданы Головна Руська Рада и львовская Матица. Чуть позже, в 1849 г., марш через Галицию бесконечных николаевских полков, отправлявшихся подавлять венгерскую революцию, оставил глубокий след в умах местного населения. «Русское вмешательство в венгерскую кампанию надолго оставило импозантное впечатление в Галиции, через которую проходили русские войска. Они напомнили о существовании в могущественном соседнем государстве «русской веры» и «русского языка», довольно близкого к книжным элюкубрациям Галичан», — замечает Грушевский¹.

В среде галицийских русинов вплоть до начала XX в. шла острая борьба по вопросу об идентичности. Канадский историк Пол Роберт Магочий отметил, что символична в этом смысле судьба членов знаменитой «русской троицы», первых русинских «будителей» Маркияна Шашкевича, Якова Головацкого и Ивана Вагилевича.

¹ Грушевский М.С. Очерк истории украинского народа. СПб., 1904. С. 359–360.

Рано умерший Шашкевич остался вполне верен объединявшей их до 1848 г. идее исключительной русинской идентичности. (Оговоримся, что некоторые исследователи считают его предшественником народовцев.) Головацкий позднее склонился к малорусско-русской версии множественной идентичности, а Вагилевич – к украинско-польской¹. Влияние ориентации, которая видела будущее русинов в полонизации, к 60-м годам практически сходит на нет. Наиболее заметными остаются с тех пор два течения – так называемые москвофилы или русофилы, отстаивавшие идею принадлежности галицийских русинов к большой русской нации, и народовцы, считавшие русинов частью особого украинского народа. С 70-х годов часть польских политиков, как и австрийские власти, начинают поддерживать народовцев в противовес русофилам².

В более либеральной монархии Габсбургов национальная активность рано приобретает легальные организационные, в том числе и политические формы. С 60-х годов украинский язык используется в сейме. К работавшей не слишком активно львовской Матице добавилось в 1868 г. общество «Просвита», а с 1873 г. стараниями главным образом деятелей из российской части Украины Общество им. Шевченко (с начала 1890-х – Научное общество им. Шевченко)³.

Попытки влиять на настроения галицийских русинов с русской стороны иногда приобретали форму распространения слухов, враждебных польским землевладельцам. Летом 1872 г. это привело даже к возникновению первой в истории Галиции стихийной забастовки сельскохозяйственных наемных рабочих, поверивших, что австрийский император, обидевшись на поляков, отдал Галицию

¹ *Magocsi P.R.* The Ukrainian National Revival: A New Analytical Framework // Canadian Review of Studies in Nationalism. Vol. XVI. 1989. No. 1–2. P. 57.

² Наиболее полно борьба вокруг проблемы идентичности галицийских русинов рассмотрена в докладе: *Himka J.-P.* The Construction of Nationality in Galician Rus': Icarian Flights in Almost All Directions (3-й конгресс МАУ, август 1996 г.) и монографии: *Wendland A.V.* Die Russophilen in Galicien. Ukrainische Konservative zwischen Österreich und Rußland, 1848–1915. Wien 2001. См. также: *Миллер А.* Внешний фактор в формировании национальной идентичности галицких русинов // Австро-Венгрия: интеграционные процессы и национальная специфика / под. ред. О. Хавановой. М., 1997; *Серпеда О.* Місце Росії в дискусіях щодо національної ідентичності галицьких українців у 1860–1867 роках // Россия – Украина: история взаимоотношений. М., 1997.

³ Подробно о Матице, а также статистические данные о «Просвите» и НТШ см. в кн.: *Стеблій Ф.И., Криль М.М.* Галицкая матица во Львове // Славянские матицы. XIX век. Т. 1 / под. ред. И. Лещиловской. М., 1996.

царю, который вот-вот придет казаков, а те будут бесплатно раздавать хлеб¹. Русофильские деятели в Галиции получали из России спорадические субсидии. Сперва это были сугубо частные пожертвования – в 1866 г. значительную сумму выделил, например, М. Погодин. С конца 1860-х годов периодическую поддержку русофилам оказывают Славянские благотворительные комитеты². Если Московский и Санкт-Петербургский комитеты делали это в рамках общей помощи австрийским славянам, то Киевский практически целиком сосредоточил свое внимание на Галиции. Опосредствованным образом в этом участвует и правительство, поскольку Славянские комитеты субсидировались МНП. Как справедливо замечает подробно исследовавшая этот вопрос Вероника Вендланд, интерес к галицийским русинам был свойственен лишь консервативно-славянофильской части русского общественного мнения и не вылился в широкое и активное общественное движение³.

Идея, что поддержка русофилов должна быть систематической и идти прямо от государства, была выдвинута Юзефовичем и обоснована тем, что поляки оказывают такую поддержку газете «Правда» и обществу «Просвита». В очередной раз решение принималось лишь как реакция на схожие действия противника, в определенном смысле как их имитация. В вопросах националистической политики власти империи по-прежнему оставались в роли учеников, причем довольно нерадивых. О русофильской ориентации львовской газеты «Слово» говорилось еще в письме Н. Ригельмана Д. Толстому от 1874 г. Киевский отдел Славянского благотворительного комитета, в котором Ригельман председательствовал, уже давно оказывал поддержку русофильски настроенным галичанам. Затем Юзефович в своих записках для Совещания и в подго-

¹ Подробно см.: *Миллер А.* Украинские крестьяне, польские помещики, австрийский и русский император в Галиции 1872 г. // *Центральная Европа в Новое и Новейшее время* / под. ред. А.С. Стыкалина. М., 1998. С. 175–180.

² «Слово» получило 500 рублей в 1868 г., вдвое меньше в 1869-м и 300 рублей в 1870-м. Обещания увеличить поддержку и сделать ее регулярной так и остались невыполненными. См. *Tanty M.* Kontakty rosyjskich komitetów słowiańskich ze słowianami z Austro-Węgier (1868–1875) // *Kwartalnik Historyczny*. 1964. No. 1. S. 69.

³ *Wendland A.V.* Die Russophilen in Galizien. Ukrainische Konservative zwischen Österreich und Russland, 1848–1915. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften (VÖAW), 2001. (Гл. 5: Rußland und die Russophilen.) Это резко контрастирует, например, с принявшим действительно массовый характер движением за присоединение Шлезвиг-Гольштейна к Германии. Специальные общества за единство Шлезвиг-Гольштейна с Германией возникли в десятках городов.

товленном им проекте указа настойчиво подчеркивал необходимость субсидии для «Слова». Этот пункт вошел в окончательный вариант Эмского указа, и Потапов, сообщая Юзефовичу письмом от 18 мая 1876 г. об успехе их общей интриги, спрашивал Юзефовича о том, сколько нужно дать денег. «В виду той пользы, которую он [орган русофилов. – А.М.] может принести в борьбе с врагами нашего народного единства, – отвечал Юзефович 5 июня, – я полагаю, что скупиться нам не следует. [...] Я думаю, что 2000 гульденов»¹. Передавать деньги редактору «Слова» Юзефович предлагал через русское посольство в Вене, которое само должно было подыскать удобный тайный канал. Потапов доложил эти соображения царю, и тот утвердил их 27 июня 1876 г.² Через месяц, 24 июля, первая субсидия «Слову» была отправлена послу Е.П. Новикову в Вену.

Однако прибывший в Петербург в конце 1879 г. издатель «Слова» Вен. Площанский обратился к тогдашнему министру внутренних дел Макову с жалобой, что в 1876–1879 гг. он назначенной ему субсидии не получал³. Документы не содержат ответа на вопрос, куда же девалась каждый год 1000 рублей, соответствовавшие 2000 гульденов. Запрошенный на этот счет Маковым 10 января 1880 г. новый начальник III отделения А.Р. Дрентельн, человек инициативный, решил не только заняться поиском пропавших денег, но и поинтересоваться содержанием газеты и ее распространением. Его запросы и те, кому они были направлены (киевский генерал-губенатор М.И. Чертков и варшавский П.Е. Коцебу), обнаруживают весьма любопытное обстоятельство – Дрентельна в первую очередь интересовала степень влияния газеты в Российской империи, а не в самой Галиции, в противном случае запрос нужно было посылать послу в Вене. Ответы были весьма неутешительны. Чертков, вообще похвалив газету, сообщил, что в Киеве выписывается пять – восемь экземпляров, и еще один – в волынской губернии⁴. Коцебу также сообщил о крайне ограниченном распространении газеты в Царстве Польском и решительно выска-

¹ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 50. Ед. хр. 85. Л. 66–66об.

² Там же. Л. 67.

³ Там же. Л. 126.

⁴ Там же. Л. 137. 2000 гульденов составляли примерно 1000 рублей. Чтобы верно оценить масштаб этой суммы, выделенной правительством империи, укажем, что объединявшая несколько десятков человек Киевская Громада послала Драгоманову на издание его журнала 1500 рублей в 1876-м, и по 3000 в 1877 и 1878 г. См.: *Рябінін-Скляревський О. Київська Громада 1870-х років // Україна. 1927. Кн. 1/2. С. 146.*

зался за отмену субсидии, предложив оставить только пособие в 500 рублей по линии МНП. Он подчеркнул, что «полного единомыслия между карпатско-русинской партией и задачами и целями русского правительства далеко не существует», что цели русинской партии «чисто сепаратистические». Как следствие, газета не давала того антиукраинофильского пропагандистского эффекта, на который власти, судя по всему, рассчитывали, а потому смысл всего мероприятия, по мнению Коцебу, сводился к поддержке «борьбы русинского элемента против польского в Галиции». Коцебу полагал, что вопрос, стоит ли на это тратить деньги, заслуживал специального нового обсуждения¹. 12 сентября 1880 г. недавно назначенный министр внутренних дел М.Т. Лорис-Меликов приказал прекратить выплату субсидии «Слову».

Эта история, даже если отрешиться от ее криминальной стороны, еще раз демонстрирует, во-первых, крайнюю неэффективность политики властей, поинтересовавшихся, на что идут довольно существенные деньги, лишь через четыре года после начала выплат. Во-вторых, она свидетельствует, что, по крайней мере, некоторые высокопоставленные чиновники интерпретировали планы, связанные со «Словом», не в наступательном, а в оборонительном духе – от газеты ждали не столько усиления русского влияния в Галиции, сколько противодействия украинофильству в Юго-Западном крае. Напомню, что и Юзефович с самого начала подчеркивал именно роль газеты в борьбе с «врагами народного единства».

Это не единственный эпизод, когда мерам охранительного характера отдавался приоритет. Можно сказать, что этот подход доминировал в 60–70-е годы. В 1866 г., во время австро-прусской войны, русский посол в Вене Э.Г. Штакельберг направил канцлеру А.М. Горчакову два послания, касавшихся русской политики в отношении Галиции. Первое датировано 16 марта и посвящено возможным вариантам поведения России в случае, если Наполеон III возобновит уже делавшиеся им в 1859 г. предложения о передаче Галиции России в рамках широкой дипломатической комбинации, касавшейся также Венеции и дунайских княжеств. Штакельберг указывал на различные *pro et contra*. К позитивным последствиям возможного присоединения Галиции он относил более удобную границу по Карпатам и облегчение ассимиляторской политики, которую «затрудняет теперь развитие автономии в Лемберге». «Моральная поддержка руссинов» (во французском оригинале

¹ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 50. Ед. хр. 85. Л. 135–136об.

Штакельберг использует австрийский термин Ruthenen) облегла бы, по его мнению, это присоединение. И все же, в конечном счете, Штакельберг призывает отказаться от этой возможности как добавляющей новые проблемы при управлении и без того обширной территорией империи¹. Планы аннексии Галиции никогда не исчезли окончательно с повестки дня в Петербурге, но было бы ошибкой полагать, что они были приоритетны и Россия была готова воспользоваться любой возможностью для их осуществления.

В октябре 1866 г. Штакельберг возвращается к теме Галиции в связи с назначением сторонника полонизации галицийских русинов Ю. Голуховского наместником провинции. Он сожалеет о кампании, поднятой в русской печати против этого назначения, и призывает «не будить внимания Австрии к русинам, которые, может быть, упали бы в наши руки, как спелый плод, в результате неосторожной терпимости венского кабинета к полонизму». Горчаков сделал здесь на полях пометку «вполне справедливо»². В качестве приложения Штакельберг переслал Горчакову написанное уже по-русски донесение консула в Бродах, сообщавшего о «непомерном ропоте между Русинами», которые недовольны планами австрийского правительства «заставить их пожертвовать своим именем Русского и слиться со всегда ненавистной им польской нацией»³. Любопытно, что Горчаков велел показать эти донесения военному министру Д. Милютину⁴.

Здесь мы в очередной раз сталкиваемся с проблемой пограничного положения территории Украины, при котором разные центры силы внимательно следили за политикой друг друга в отношении местного населения и надеялись воспользоваться ошибками соперника. Очевидно, что и Вена, и поляки после отказа большинства их политиков от стратегии полонизации галицийских русинов имели значительно больше пространства для маневра в этой игре, чем Петербург, стремившийся непременно утвердить общерусскую идентичность среди миллионов подвластных ему малоруссов. Очень явственно проступает здесь и механизм, описанный Питером Салинсом на примере Каталонии, когда идентичности и лояльности населения разделенной границей этнической группы формировались

¹ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. Ед. хр. 218. Л. 208–209.

² Там же. Л. 303об.

³ Там же. Л. 306об.

⁴ Там же. Л. 301.

не только, и порой не столько, на базе симпатии к одному из центров силы, сколько на основе антипатии к сопернику¹.

В конце 1871 г. русский посол в Вене Новиков обратился в МИД с проектом учреждения консульства в Кракове или Львове. Он ссылаясь на то, что эти города относятся к числу «главных центров и, так сказать, пульсовых жил национальной жизни составляющих Австрию народностей», и отмечал, что «присутствие в Галиции многочисленного преданного нам руссинского населения доставит этому консулу несомненное политическое значение». Новиков, однако, обращал внимание начальства на то, что Австрия безусловно потребует взаимности, то есть права учредить свое консульство в Киеве или «в другом центральном пункте Западной России»². Последнее соображение отмечено на полях адресатом – начальником канцелярии МИД В.И. Вестманом или самим министром Горчаковым. Именно по этой причине канцлер решил не давать делу хода³.

Ситуация постепенно меняется в 80-е годы, когда военные круги империи все более определенно начинают смотреть на Австро-Венгрию как на потенциального противника. В их планах этнический состав приграничных областей играл важную роль. Не случайно именно военный министр Д. Милютин, вообще бывший ближайшим союзником Лорис-Меликова, с его решением в отношении «Слова» не согласился и в марте 1881 г. добился возобновления субсидии, причем в утроенном размере⁴.

В целом политика царских властей по отношению к проблеме галицийских русинов была не просто пассивной, но обреченной на поражение. Одна из наиболее слабых ее сторон, по верному замечанию Джона-Пола Химки, состояла в заведомо невыгодном кадровом обмене⁵. На деле Петербург рассматривал Галицию не столько как сферу, где нужно последовательно укреплять свое влияние, сколько как источник рекрутации кадров для империи. Пророссийски настроенные деятели десятками выезжали в Россию. По подсчетам В. Вендланд, только в Холмскую область переселились, главным образом в 1866–1870 гг., 136 галицийских ду-

¹ *Sahlins P. Boundaries...* P. 109.

² АВПРИ. Ф. 155. Оп. 241. Ед. хр. 34. Л. 10–12об. Письмо Е.П. Новикова начальнику канцелярии МИД В.И. Вестману от 25 ноября 1871 г.

³ АВПРИ. Ф. 155. Оп. 241. Ед. хр. 34. Л. 13.

⁴ *Савченко Ф. Заборона...* С. 171–172.

⁵ *Himka J.-P. The Construction of Nationality in Galician Rus': Icarian Flights in Almost All Directions* (доклад на 3-м конгрессе МАУ, август 1996 г.).

ховных лиц, из них 42 семинариста. Остро ощущавшаяся в ходе реформ Д. Толстого нехватка преподавателей древних языков также в значительной мере восполнялась за счет галичан. Часто переселенцы получали места за пределами Украины, и тем самым их влияние если не сводилось к нулю, то резко уменьшалось. (Яков Головацкий, например, после переезда в Россию получил место в Вильно.) Между тем из России в Галицию выезжало немало украинофилов, которые затем играли важную, порой ключевую роль в галицийской политике. Достаточно назвать имена Драгоманова, который, хоть и задержался в Галиции ненадолго, но из Женевы поддерживал с ней тесные связи, позднее Грушевского и Донцова.

С 1882 г., в условиях нарастающей напряженности в отношениях между Россией и Австро-Венгрией, галицийские русофилы подвергались жестким репрессиям польской администрации и Вены. В этом году во Львове прошел большой политический процесс над русофильскими деятелями. Вендланд справедливо отмечает, что «львиная доля» финансовой помощи русофилам из российских государственных источников поступает только после Львовского процесса, когда последние уже находились в глухой обороне. В результате Галиция в последние десятилетия XIX в. стала если не политическим, то культурным украинским Пьемонтом, со все более мощной издательской базой, с украинскими научными и просветительскими учреждениями (существенно подпитывавшимися как интеллектуально, так и финансово из российской Украины), а позднее и политическими партиями, которые возникли на десятилетие раньше, чем в Российской империи. Это обстоятельство было одним из важных факторов, способствовавших поражению ассимиляторского проекта.

Вместе с тем нужно отметить, что такая роль Галиции во многом была обусловлена развитием украинофильского движения в Российской империи. Галиция в значительной мере стала плацдармом украинского национального движения, но его инициатором и главной движущей силой она стать не могла. Если бы развитие России в политическом и экономическом отношении было настолько успешным, что осознание выгод единства решительно перевешивало бы в малорусском обществе сепаратистские настроения, то в экономическом отношении более медленно развивавшаяся Галиция не смогла бы получить такого политического влияния, даже несмотря на усилия Вены и части польских политиков, в последние десятилетия XIX в. поддерживавших галицийских

украинофилов¹. Примером для сравнения может здесь послужить горная часть Шотландии, по типу своего отстающего экономического развития весьма напоминавшая, по замечанию Тома Нэйрна, Центральную Европу. Сепаратистские настроения ее жителей не получили поддержки у населения равнинных районов, понимавшего преимущества единства с Англией, и, как следствие, не смогли перерасти в сколько-нибудь сильный шотландский национализм². Другой пример, структурно даже более близкий к нашему, рассмотрен Салинсом в уже упомянутой книге о Каталонии. Исключительная каталонская идентичность постепенно утверждалась в XIX в. по испанскую сторону границы. Однако существенного влияния на настроения во французской части Каталонии это не оказало, потому что в экономическом отношении и с точки зрения доступных им как гражданам Франции политических прав каталонцы по французскую сторону границы находились в заметно более выгодном положении³.

¹ Это прекрасно понимал Грушевский, который неизменно при первой возможности старался перенести свою деятельность из Львова в Киев, как до революции 1917 г., так и после.

² См.: *Nairn T. Scotland and Europe // Becoming National / G. Eley and R.G. Suny (eds.). N.Y., Oxford: Oxford UP, 1996. P. 92–93.*

³ *Sahlins P. Boundaries... P. 290–291.*

Глава 13

Кризис власти в 1880–1881 гг. и попытка отмены Эмского указа

Взрыв, организованный народолюбцами в Зимнем дворце 4 февраля 1880 г., послужил толчком к резкой смене правительственной политики. Главой нового чрезвычайного органа – Верховной распорядительной комиссии по охране государственного порядка и общественного спокойствия – был назначен М.Т. Лорис-Меликов, считавший, что борьба с террористами должна быть дополнена союзом с «благонамеренной частью общества». Его программа предполагала реорганизацию государственного аппарата, возобновление реформ и привлечение представителей общества к их обсуждению. Лорис-Меликова называли «диктатором сердца», новую политику сравнивали с весной, оттепелью.

Летом 1880 г. один из ближайших сотрудников Лорис-Меликова статс-секретарь М.С. Каханов предложил организовать сенаторские ревизии губернского управления, с тем, чтобы «найти управу на губернаторов» и подготовить рекомендации для реформы управления провинциями при планируемом возрастании роли земств¹. Первым шагом Лорис-Меликова после назначения министром внутренних дел был доклад царю об этом проекте, что убедительно свидетельствует о придававшемся ему значении². Одним из сенаторов, поддержавших этот план и вызвавшихся возглавить одну из ревизионных комиссий, был А.А. Половцов, «умный, толковый, даже с государственным умом», как характеризовал его позднее С.Ю. Витте³. Он был готов ехать «куда угодно». Киев выпал

¹ ГАРФ. Ф. 583. Оп. 1. Ед. хр. 15. Л. 241. Ед. хр. 16. Л. 12.

² *Валуев П.А.* Дневник 1877–1884 гг. С. 109.

³ *Витте С.Ю.* Избранные воспоминания. М.: Мысль, 1991. С. 120.

Половцову либо вовсе случайно, либо потому, что Лорис-Меликов хотел послать туда человека сильного и настойчивого, поскольку инспектировать ему предстояло известного своим самоуправством киевского генерал-губернатора М.И. Черткова, в 1877 г. сменившего на этом посту Дондукова-Корсакова¹.

Совсем не зная особенностей Юго-Западного края, Половцов постарался получить консультации у как можно большего числа петербургских сановников, которые когда-либо занимались его проблемами. Он встретился с бывшим ректором Киевского университета, а теперь товарищем министра финансов Н.Х. Бунге, министром народного просвещения А.А. Сабуровым, председателем Комитета министров Валуевым, Головниным, Маковым. Посетил он и товарища министра внутренних дел П.А. Черевина, который заведовал делами III отделения накануне его расформирования. В своих обстоятельных беседах с Половцовым, которые он прилежно фиксировал в своем дневнике, никто из них, равно как и Каханов с Лорис-Меликовым, совсем недавно оставившим пост харьковского генерал-губернатора, даже не упомянул об украинской проблеме. Когда речь заходила о национальном вопросе, все внимание было сосредоточено на поляках². Это лишний раз свидетельствует о принципиальном различии в подходе властей империи к украинскому и польскому вопросу. Если последний неизменно был в центре внимания, то первый возникал на повестке дня от случая к случаю, и после принятия очередного указа исчезал из поля зрения высших петербургских бюрократов на годы.

12 октября 1880 г. Половцов приехал в Киев. Здесь украинская проблема сразу вторгается на страницы его дневника. Сперва визит Половцову наносит «бодрый, несмотря на свои 79 лет», Юзефович. «Потом являются две дамы, просящие о разрешении петь малороссийские песни на благотворительном концерте, разговор приобретает гоголевский оборот»³. На первых порах Половцов, похоже, плохо понимал ситуацию, но, во всяком случае, осознал ее нелепость. Таких ходатаев у Половцева побывало осенью много. Он, вероятно, консультировался по их поводу с прежним киевским, а теперь харьковским генерал-губернатором Дондуковым-Корсаковым, который в письме о малороссийском языке от 13 января, о котором речь пойдет позже, прямо ссылается на «хо-

¹ ГАРФ. Ф. 583. Оп. 1. Ед. хр. 15. Л. 241; ед. хр. 16. Л. 3.

² ГАРФ. Ф. 583. Оп. 1. Ед. хр. 15. Л. 193, 241; ед. хр. 16. Л. 46, 67, 89–91, 104.

³ ГАРФ. Ф. 583. Оп. 1. Ед. хр. 18. Л. 10, 24.

датыства отдельных лиц, обращавшихся по этому поводу к сенатору Половцову»¹. Наряду с частными ходатайствами по отдельным вопросам Черниговское земство обратилось в Петербург с требованием разрешить учителям начальных классов объяснять на малорусском непонятные детям русские слова. Приезд ревизора был воспринят как предвестник смены политики, и все заинтересованные лица начали проявлять активность.

Уже в самом начале января 1881 г. и Чертков, и Дондуков-Корсаков отправили в Петербург специальные послания по украинскому вопросу. То обстоятельство, что первое письмо исходило от Черткова, заставляет предположить, что Половцов не делал большого секрета из своего намерения пересмотреть прежние правила. Дело в том, что с Чертковым Половцов сразу вошел в острейший конфликт и настойчиво добивался в Петербурге его отставки, каковая и последовала в конце января². В этих условиях и речи быть не могло о том, чтобы Половцов обсуждал украинский вопрос с киевским генерал-губернатором. Но тот все-таки был в курсе дела и решил, скорее всего, опередить противника с проявлением инициативы.

Поводом для письма Черткова в МВД стало обращение к нему 29 декабря Н.В. Лысенко, жаловавшегося на серьезные убытки из-за запрета на распространение отпечатанного им за свой счет в Лейпциге сборника малороссийских песен. Лысенко мыкался со своим сборником еще с 1878 г., так что решение написать прошение Черткову именно в этот момент, скорее всего, было ему подсказано членом киевской Громады Иваном Рудченком, братом известного украинского писателя А.Я. Рудченко (Панаса Мирного), служившим начальником отделения в канцелярии киевского генерал-губернатора. Без такой подсказки Лысенко логичнее было бы обращаться к Половцову, как большинство ходатаев и делало. Чертков наложил резолюцию, какой от него ждали участники этой комбинации: «Представить с отзывом об отмене установленных стеснений», и передал задание тому же Рудченко³. «Рассмотрев представленный при означенном прошении Лысенка сборник мало-

¹ РГИА. Ф. 776. Оп. 11. Ед. хр. 61. Л. 25.

² О том, что Александр II, продолжая хорошо относиться к Черткову, увольнял его только из-за конфликта с Половцовым, см.: *Перетц Е.А.* Дневник А.Е. Перетца, 1880–1883. М. – Л.: Госиздат, 1927. С. 16.

³ *Мяковский В.* Ювілей Цензурного Акту 1876 року. Київ, 1926 (оттиск из журнала «Бібліографічні Вісті» (1926, № 3), выпущенный отдельной брошюрой). С. 15.

российских песен, – писал Чертков (читай Рудченко), – я не нашел в нем ничего предосудительного, но выпуск в свет этого издания не мог быть разрешен за силою выс. повеления, объявленного бывшим министром Вн. дел в конфиденциальном отзыве от 23/VI 76 г. [...] Не встречая со своей стороны препятствий к разрешению выпуска в продажу сборника песен Лысенко, я, пользуясь настоящим случаем, признаю уместным войти вообще в оценку целесообразности распоряжения 1876 года, положившего запрет на все роды произведений на малороссийском наречии, кроме произведений изящной словесности». Оговорившись, что ему неизвестны мотивы, «которые послужили к принятию столь строгой меры, установленной без ведома и заключения местной администрации края», Чертков высказал предположение, что главная цель состояла в том, чтобы «пресечь украинофильскую деятельность в смысле политического сепаратизма». Далее он переходил к оценке ситуации и рекомендациям: «Ссылаясь на трехлетний опыт управления Ю.-З. краем, я с уверенностью могу утверждать, что в среде здешнего малороссийского населения, чуждого каких бы то ни было политических идей и беззаветно преданного своему государю, проповедники сепаратизма, если бы таковые нашлись, встретили бы то же самое, что и проповедники полонизма, пытавшиеся привлечь народ на свою сторону во время последнего польского восстания. В виду этого установленные по отношению к малороссийскому наречию и музыке ограничения, имеющие вид недоверия к народу, который ни своим прошлым, ни настоящим не подал к тому никакого повода, не оправдываются, по моему мнению, действительною необходимостью и служат только к нежелательному раздражению». «Признавая с своей стороны отмену установленных законом 1876 г. ограничений [...] не только возможным, но даже желательным в интересах утверждения в обществе доверия к правительству», Чертков предлагал «литературные и музыкальные произведения на малорусском наречии поставить в одинаковые цензурные условия с произведениями на общерусском языке»¹. Очевидно, что сам Чертков не слишком вникал в разбор дела. Подлинное авторство записки сказалось в насквозь декларативном характере документа, сводившего аргументацию к заверениям в «беззаветной преданности» вверенного Черткову населения и повтору любимой идеи Лорис-Меликова о доверии общества правительству. Этим можно

¹ [В. Науменко]. Найближчі відгуки указа 1876 р. про заборону українського письменства // Україна. 1907 (июнь). С. 250–251.

объяснить и совершенное отрицание угрозы сепаратизма, акцент на моральный аспект в аргументации и то, что выводы оказались столь радикальными. Рудченко, заметим, решил вовсе не касаться наиболее острого вопроса о допущении украинского в школу, опасаясь, возможно, что это вызовет ненужные вопросы уже у самого Черткова, если тот станет внимательно читать письмо прежде, чем его подписать.

В МВД, превратившемся после роспуска Верховной комиссии и назначения Лорис-Меликова министром в новый центр власти, письмо Черткова нашло живой отклик. Резолюция, по всей вероятности начальника ГУП Н.С. Абазы¹, гласила: «Заслуживает особого внимания и подлежит безотлагательному рассмотрению и докладу по соображению с мерою 1876 г. и порядкам, в которых она была принята»². Реформаторы были в силе и пересматривать собирались «порядки» в делах о печати вообще, так что изменения предполагались отнюдь не косметического характера. Не исключено, что письмо Черткова привлекло внимание Н. Абазы и его покровителей – Лорис-Меликова и Каханова – еще и потому, что оно могло быть использовано для борьбы с Валуевым, который был председателем Особого совещания, рассматривавшего реформу системы контроля над печатью. Валуев сопротивлялся плану Лорис-Меликова в этой области, и их противостояние в Особом совещании обострилось именно в конце 1880 – начале 1881 г.³ Если бы репрессивные меры в отношении украинских публикаций, родоначальником которых был Валуев, удалось представить как вредные, это дало бы его противникам лишние козыри.

13 января, буквально вслед за письмом Черткова, свое послание отправляет Дондуков-Корсаков. Похоже, что к этому времени Дондуков-Корсаков уже имел сведения, дававшие ему серьезные основания надеяться на пересмотр Эмского указа: 10 января он отправил Черткову телеграмму, в которой просил переслать ему все материалы КГО, явно рассчитывая, что получит возможность

¹ Савченко ошибочно считает, что это были пометки П.П. Вяземского, который стал начальником ГУП только в марте 1881 г.

² Савченко Ф. Заборона... С. 175.

³ Зайончковский П.А. Кризис самодержавия на рубеже 1870–1880-х годов. М.: Изд-во МГУ, 1964. С. 263–268; Валуев П.А. Дневник 1877–1884 гг. С. 117, 126–127, 146–147. То обстоятельство, что Валуев ничего не говорит в своем подробном дневнике о планах пересмотра Эмского указа, свидетельствует, что от него это держали в секрете.

возобновить отдел РГО в Харькове¹. Весьма вероятно, что и Чертков, и Дондуков-Корсаков в конце декабря получили конфиденциальные запросы из Петербурга от противников Валуева в Особом совещании. Во всяком случае, такое допущение не только не противоречит всем известным обстоятельствам, но и объясняет многие из них.

Официальным поводом для послания харьковского генерал-губернатора послужил запрос ГУП от 9 декабря 1880 г. о возможности допущения в печать двух книг на украинском – «Руська хата» и «Світопогляд українського народа». Высказавшись в пользу их публикации, Дондуков-Корсаков замечал, что «разрешение к обращению отдельных изданий находится в близкой связи с вопросом о допущении к употреблению малороссийского языка в литературе и школе вообще»². Эти общие вопросы Дондуков-Корсаков рассматривал в многостраничной и весьма тщательно подготовленной «Записке о малороссийском языке», приложенной к письму. Это, пожалуй, наиболее основательно подготовленный документ об украинском вопросе из всех, когда-либо сочиненных в бюрократических структурах в царствование Александра II.

В своей записке Дондуков-Корсаков определяет украинский вопрос как «дело величайшей государственной важности, неправильная постановка которого способна вызвать неисчислимые осложнения в будущем в отношении как к внутренней, так и к внешней политике». Первая часть документа посвящена анализу мнений, высказываемых на этот счет в печати. Публикации самих украинофилов Дондуков-Корсаков обвинял в неискренности и недоговоренности, скрывающих стремления, «несимпатичные даже для большинства их единоплеменников». Статьи русских журналистов, «бессознательно вторящих» украинофилам, он считал «отголоском того сентиментально-доктринерского либерализма, который составляет характеристическую черту русской столичной прессы, так отличающую ее даже от самой либеральной печати других стран». Эти «сентиментальные либералы» не сознают, по мнению Дондукова-Корсакова, реальных целей украинофильства и, «боясь обвинений в измене отвлеченной доктрине равноправности, готовы требовать применения ее безотносительно к условиям времени и места, и нередко вопреки традиционной исторической идее своего государства»³.

¹ Савченко Ф. Заборона... С. 118.

² РГИА. Ф. 776. Оп. 11. Ед. хр. 61. Л. 24об–25.

³ Там же. Л. 27–27об.

Затем записка весьма подробно и с хорошим знанием дела излагала историю развития украинофильства. Дондуков-Корсаков начинал ее от «Основы», упомянув Костомарова, Белозерского и Кулиша и специально остановившись на разработанной последним реформе правописания как средстве увеличения различий между малорусским и русским языками. Далее он переходил к КГО, о деятельности которого отзывался весьма критично. Список активистов украинофильства в 70-е открывался именами Драгоманова, Антоновича, Чубинского, Старицкого, Лысенко и продолжался целым рядом других, менее известных – ясно, что Дондуков-Корсаков пристально следил за событиями. Весьма точно определялся «круг прозелитов» – среднее и мелкое дворянство, люди свободных профессий, «из лиц, стоящих ближе к крестьянству» – поповичи и волостные писари¹. Автор демонстрировал и глубокое понимание социальных механизмов ассимиляции, подчеркивая ее ускорение «с оживлением сношений и улучшением сообщения с Великороссией, проведением железных дорог и [...] введением сокращенных сроков военной службы»². «Усилить в народе сглаживающееся уже, под влиянием совместной исторической жизни, обучения массы и чисто русского образования высших слоев, сознание своей племенной и исторической обособленности со всеми дальнейшими как культурными, так и политическими последствиями», – так определял Дондуков-Корсаков цель движения³.

Чтение этой части записки может вызвать недоумение. Почему Дондуков-Корсаков посчитал нужным повторить филиппики против «сентиментально-доктринерского либерализма», с которыми Катков впервые выступил как раз в связи с украинофильством еще в 1863 г.? Почему теперь он не защищал КГО, как в 1875–1876 гг., а с готовностью признавал его украинофильскую тенденцию и даже обвинял отдел в прямом подкупе во время переписи 1874 г.?⁴ Почему подчеркивал опасность украинофильства и его сепаратистские тенденции? Как все это сочетается с содержащимися в записке предложениями о почти полной отмене Эмского указа и с планами возобновить деятельность отдела РГО в Харькове? Ответ на все эти вопросы – в различии обстоятельств накануне принятия Эмского указа и в начале 1881 г. Будучи убежденным противником

¹ РГИА. Ф. 776. Оп. 11. Ед. хр. 61. Л. 32.

² Там же. Л. 34об–35.

³ Там же. Л. 29об–30.

⁴ Там же. Л. 30.

украинофильства в его сепаратистской версии, Дондуков-Корсаков защищал в 1875 г. прежде всего свою тактику в отношении украинофилов и сопротивлялся репрессиям, в неэффективности которых был уверен. Теперь, в январе 1881 г., он не сомневался, что Эмский указ будет отменен. В новой ситуации Дондукова-Корсакова больше беспокоило, чтобы это не было шагом в духе «сентиментально-доктринерского либерализма», чтобы цель, как он ее понимал, то есть ассимиляция в ее англо-шотландском варианте, не упускалась из виду. Ситуацию он чувствовал верно – это подтверждает и неизвестное ему во время подготовки записки письмо Черткова, в котором ассимиляторская идея вообще отсутствует. При общей неизменности принципиальной позиции Дондукова-Корсакова, самого, пожалуй, квалифицированного и изощренного среди высших сановников противника украинофильства, записка 1881 г. выражала его позицию наиболее адекватно.

Переходя к рассмотрению требований украинофилов «с точки зрения интересов объединенной России», Дондуков-Корсаков определял как центральное среди них стремление к замене русского малорусским в начальной школе. Он очень настойчиво подчеркивал, что здесь уступок делать нельзя: «Таким образом совершится полное обособление литературное, и тогда будет предъявлено, поддержанное уже всем грамотным людом, требование о введении малорусского наречия языком преподавания в гимназиях и выше»¹. Вместе с тем он предлагал разрешить использование малорусского для объяснений незнакомых ученикам русских слов в первом классе, что «способно вполне удовлетворить людей, не руководимых предвзятую мыслью»².

Все остальные пункты Эмского указа Дондуков-Корсаков подвергал уничтожающей критике. «Нельзя не сказать, что заключающееся в этом акте запрещение сценических представлений и исполнения национальных песен не только не достигло какой бы то ни было цели, но и вызвало решительное неодобрение и неудовольствие даже всех искренних приверженцев единения с Россией. Оно прямо способствовало усилению авторитета украинофильской партии, дав ей возможность указывать на стеснения даже таких невинных проявлений народного духа и творчества. Такое же действие произвело и запрещение издавать в России сочинения по всем отраслям знаний, кроме памятников истории и произведений изящ-

¹ РГИА. Ф. 776. Оп. 11. Ед. хр. 61. Л. 34–34об.

² Там же. Л. 35об.

ной словесности. [...] Оно повело лишь к тому, что центрами издательской деятельности, при поддержке австрийского правительства, сделались Львов, Черновице и Вена»¹. Записка особенно подчеркивала, что указ привел к ослаблению «дружественной России партии среди русинов Австрии» и тем самым поставил под угрозу «традиционное направление внешней политики России»². Дондуков-Корсаков предлагал отменить все ограничения на сценические представления, исполнение музыкальных произведений и издания на малорусском языке, с оговоркой о необходимости сохранения в силе требования не употреблять кулишовку³. Разрешать церковную проповедь на малорусском он считал необязательным, полагая, что «самый стиль и схоластическое, чуждое жизни содержание проповедей, составляют главное препятствие к их пониманию» равно великоруссами и малороссами «независимо от языка проповеди». Поскольку изменение этих условий «долго еще заставит себя ждать», «разрешение проповеди на малорусском языке [...] не окажет чувствительного влияния на успех духовного просвещения массы», – полагал Дондуков-Корсаков и ссылаясь при этом на опыт священника Гречулевича, читавшего в конце 50-х – начале 60-х проповеди на малорусском⁴.

В записке предлагались два возможных пути реализации этих рекомендаций – формальная отмена или же применение «со значительными постоянно усиливающимися послаблениями», то есть использование того же механизма, который фактически прекратил действие Валуевского циркуляра в начале 70-х⁵. В заключение Дондуков-Корсаков, возвращаясь к идее первой части записки, специально подчеркивал, что перечисленными «мерами должны ограничиваться все уступки, которые, без вреда для России

¹ РГИА. Ф. 776. Оп. 11. Ед. хр. 61. Л. 36–36об.

² Там же. Л. 37.

³ Там же. Л. 37об–38.

⁴ Там же. Л. 38об. Положительный современный отклик на опыт Гречулевича см. в журн.: Русское Богатство. 1857. № 3. С. 70 в разделе «Критика».

⁵ РГИА. Ф. 776. Оп. 11. Ед. хр. 61. Л. 37об. Подобная практика оставалась излюбленным методом действий царской бюрократии, чуждой идеям правового государства, и во времена Лорис-Меликова. Этот же механизм предусматривался, например, для некоторой либерализации политики в отношении университетов: вместо издания специального распоряжения право разрешать студенческие кассы взаимопомощи, дешевые столовые и формы корпоративной деятельности планировалось предоставить каждому попечителю в отдельности. См.: *Зайончковский П.А. Кризис самодержавия...* С. 273.

и для самого малорусского народа, могут быть сделаны ныне и когда бы то ни было. [...] В этом отношении мнение должно быть составлено раз и навсегда, бесповоротно, и никакие доводы и посторонние соображения не должны поколебать такого решения»¹.

Сам Половцов не спешил формулировать свои соображения по украинскому вопросу. В январе и начале февраля он весьма интенсивно обсуждал эту проблему с Галаганом, Ригельманом, бывшим заместителем Галагана в КГО Борисовым и другими видными представителями местного общества. Ригельман рассказывал Половцову о своих статьях против украинофильства и о коварстве Драгоманова и его сообщников, стремящихся в Галиции «слиться с приверженцами России, чтобы сделать нам из них врагов»². Галаган, с которым Половцов обсуждал проблемы преподавания в народных школах, говорил, что «самый народ не желает обучения на этом [украинском. – А.М.] языке, что крестьяне всегда говорят, что дети их в школах должны учиться тому языку, на котором писан царский закон». О Драгоманове Галаган сообщал, что «он получает деньги и из России, и из Австрии, и что вообще австрийское правительство покровительствует партии украинофилов, так как с развитием малорусских особенностей народ должен сблизиться с Галициею, где эти стремления находят удовлетворение и даже покровительство»³. Взгляды собеседников Половцова отразились впоследствии в его рекомендациях.

У Половцова были, впрочем, и другие источники информации. По крайней мере, часть сопровождавших его чиновников обсуждала проблему с собеседниками более низкого ранга и слышала совсем иные речи. Судить об этом позволяет письмо, отправленное в июне 1881 г. А.Я. Рудченко А.Н. Воскобойникову, секретарю 1-го департамента Сената, сопровождавшему Половцова во время ревизии в качестве чиновника для особых поручений. Рудченко упоминает об их многочисленных «продолжительных беседах», которые проходили, если судить по содержанию письма, в весьма доверительной атмосфере: «...обнимаю Вас, теоретического, но любимого мною петербуржца, – обнимаю за искренность и прямоту Ваших

¹ РГИА. Ф. 776. Оп. 11. Ед. хр. 61. Л. 39–39об.

² ГАРФ. Ф. 583. Оп. 1. Ед. хр. 18. Л. 159.

³ Там же. Л. 141. Параллельно Галаган хлопотал о разрешении на постановку в своей Коллегии «Наталки-Полтавки», оставаясь, таким образом, верным той малорусской точке зрения на проблему, которую он разделял с уже сошедшими со сцены людьми своего круга и поколения вроде Максимовича.

отношений ко мне, сыну черноземной Малороссии». Он сообщает, что уже почти закончил записку об украинском вопросе, которую готовил по просьбе Воскобойникова. Основные ее положения были уже знакомы его собеседнику. Рудченко призывал «освободить малорусское слово от кандалов», наложенных указом 1876 г., подчеркивая его бесполезность для достижения «слияния всех русских народностей в одно море». Он обращал внимание Воскобойникова на то, что в борьбе с поляками Петербургу в Юго-Западном крае не на кого опереться, кроме малорусского мужика: «Вот и толкуйте у нас, после этого, в крае о неблагонадежности малоруссов. [...] когда, силою исторических условий, не желая отказаться от своей русской миссии, Вы вынуждены поддерживать их (хотя бы в экономическом смысле) своими руками! [...] Да, история иногда заставляет работать на тех, смерти которым Вы бы желали всеми своими чувствами»¹. Воскобойников отстаивал ассимиляторскую позицию (именно в этом смысле, в понимании Рудченко, он «желал смерти» малоруссам), но Рудченко не боялся излагать ему свои взгляды, хотя и ждал в это время своего перевода на более высокую должность в столицу. Докладывая Половцову об этих беседах и передавая ему это письмо Рудченко, Воскобойников имел, похоже, основания считать, что не причиняет вреда своему доверительному корреспонденту. И действительно, место в Петербурге Рудченко получил, будучи отнесенным Половцовым к «безвредной» категории «смутных мечтателей», составлявших, по его мнению, большинство среди украинофилов².

Сенатор явно не был держимордой: он поддержал избрание В. Антоновича деканом историко-филологического факультета, разрешил панихиду по Шевченко в Софийском соборе³ и уже в феврале выхлопотал у Каханова разрешение на представление «Наталки-Полтавки» в коллегии Галагана, за что немедленно удостоился визита разгневанного Юзефовича⁴. Совсем другие, радостные настроения и весьма далеко идущие ожидания царили в киевском обществе. В. Антонович по поручению Громады начал составлять для властей записку о целях украинофильства, где говорил об особенностях

¹ РО РНБ. Ф. 600. Ед. хр. 280. Л. 5–6об.

² ГАРФ. Ф. 583. Оп. 1. Ед. хр. 60. Л. 90.

³ *Палієнко М.* Київська Стара Громада у суспільному та науковому житті України. (друга половина XIX – початок XX століття) // Київська Старовина. 1998. № 2. С. 69.

⁴ ГАРФ. Ф. 583. Оп.1. Ед. хр. 18. Л. 177, 183.

Украины и «вытекающих из этих особенностей нужд и потребностей»¹. А 1 апреля, уже незадолго до отставки Лорис-Меликова и смелы правительственного курса, А.А. Котляревский на чествовании Шевченко под аплодисменты собравшихся провозглашал: «...да получит же общее признание и уважение политическая деятельность родного нам края на языке ему родном, да утвердится за нею полное право безбоязненного, ничем не стесненного существования и развития»².

Свое секретное письмо об украинской проблеме Половцов отправил в Петербург Каханову 6 февраля, месяц спустя после посланий Черткова и Дондукова-Корсакова³. В литературе вообще нет ссылок на этот документ, поэтому привожу целиком его черновик, сохранившийся в бумагах Половцова и датированный 4 февраля.

«В Черниговском земстве, в петербургских журналах и, наконец, здесь на месте поднимается агитация о малороссийском языке. Считаю нужным по поводу этому сказать два слова, которые исходят лишь из желания, чтобы этому усложненному страстями вопросу не было дано поспешного разрешения.

В настоящий момент украинофильский вопрос ставится поборниками его так, что преподавание в школах на Малороссийском наречии составляет единственное средство распространения грамоты. Такой тезис не более как софизм. Малороссийское наречие необходимо народному учителю для того, чтобы объяснять начинающему учиться деревенскому мальчику те первоначальные понятия, которые ему необходимы на первых шагах, но из этого никак не следует, чтобы школа должна была создавать людей, игнорирующих наш великий Русский язык (а не великорусское наречие). Если ходатайство Черниговского земства будет разрешаться, то весьма желательно было бы сказать, что их требование, чтобы учитель с начи-

¹ Антонович В.Б. Моя сповідь: Вибрані історичні та публіцистичні твори. Київ, 1995. С. 40; Палієнко М. Київська Стара Громада... С. 69.

² Цит. по: Савченко Ф. Українське науково-культурне самовизначення 1850–1876 рр. // Україна. 1929 (січень – лютий). С. 28–29. Эти настроения и выступления не прошли незамеченными в Петербурге. Л. Пантелеев вспоминает: «В Киев частным путем, через Модестова, дано было знать, что над некоторыми профессорами готова разразиться гроза по подозрению в украинофильстве. [...] Вот по этому случаю и приехал [А.Ф.] Кистяковский в Петербург. Он был у министра И.Д. Делянова. [...] Я как раз видел А.Ф. после свидания с министром. “А знаете, А.Ф., ведь о вас очень и очень нехорошие сведения, – [...] сказал Иван Давыдович, – уж, право, не знаю, как и быть с вами”. Однако, выслушав Кистяковского, отпустил его с миром, прибавив на прощание: “только будьте, А.Ф., осторожнее, да и товарищам вашим то же передайте”» (Пантелеев Л.Ф. Воспоминания. С. 244.)

³ ГАРФ. Ф. 583. Оп. 1. Ед. хр. 18. Л. 167.

нающими учениками объяснялся на Малороссийском наречии, вполне справедливо, что оно не требует никакого закона и будет удовлетворено путем административной переписки. В действительности иначе и быть не может, а если являлись усердные, тупоумные ревнители, то без сомнения пора их миновала.

Само собою разумеется, что этим требованием земства не исчерпывается программа людей, именуемых украинофилами. Одни из совершенно честных и чистых побуждений, принадлежа к лучшим русским людям, привержены не только ко всему своему отечеству, но и в особенности к тому краю, где родились и провели жизнь. Их тешит Малороссийская песня, полная мелодии, им любя народная сказка и поговорка, им весело смотреть и на родной пейзаж, и на родной костюм. Другие, восхищаясь особенностями народного исторического быта (прошлое всегда привлекательнее настоящего), мечтают о народной литературе, забывая, что художественное произведение требует твердой механической и технической подготовки, которая для малорусского наречия не существует, да которую и создавать-то при существовании Русского языка не представляется необходимым. Третьи присовокупляют к литературным мечтаниям мечтания политические. Им хотелось бы самим играть важную на земном шаре роль в лице Украины. Эта группа людей по большей части имеет самый неопределенный образ мыслей и самые смутные понятия обо всем, не исключая и представлений о их собственном политическом значении. Они были бы совершенно невинны и безрезультатны, если бы за ними не стояла четвертая весьма немногочисленная кучка, видящая дальше других, и, к сожалению, видящая во всем этом средство вредить России. Последняя кучка так немногосилена, что, за исключением Драгоманова, она не решается высказывать свои взгляды. Драгоманов высказывает их открыто, он явно враждебен и потому менее опасен, но есть его единомышленники, которые мечтали бы доказать, что великорусское и малорусское наречие равноправны; доказав это, изгнать отсюда Русский язык, а затем в отдаленном будущем подчинить неразвитое, нелитературное, некультурное племя Малороссов другим выше стоящим Славянским национальностям, в ряду коих первым не сможет явиться Польская. Последняя в Галиции перемена фронта в литературных партиях служит подтверждением этих слов. Что же из всего этого следует? 1., что покамест никаких мер, а тем более решительных и бесспорных, принимать не следует 2., что частные разрешения должны быть даваемы во множестве на отдельные концерты, издания и т.п., словом на всю игрушечную часть 3., что предел этих разрешений

должен принадлежать весьма чутким и умным администраторам, так как после минувших строгостей, к сожалению огульных, мелкие вспышки неизбежны 4., что серьезная сторона требует тщательного и многостороннего обсуждения»¹.

Половцов, таким образом, соглашался с рекомендациями Дондукова-Корсакова, хотя критический пафос по отношению к Эмскому указу в его письме выражен далеко не столь ярко, как в послании харьковского генерал-губернатора. В отличие от Дондукова-Корсакова, Половцов однозначно выступал за постепенные административные послабления, а не формальную отмену Эмского указа – такую возможность он даже не рассматривал. В целом намерения Половцова по пересмотру указа были заметно менее радикальны, чем это казалось многим в Киеве. Достаточно фантастические рассуждения о Драгоманове и его планах стали, по всей видимости, результатом осмысления Половцовым на свой лад информации, полученной от его киевских собеседников, и свидетельствуют, что сенатор по-прежнему весьма приблизительно представлял себе многие аспекты проблемы.

Письмо Половцова, несомненно, обладало большим весом для центральной власти, чем письма губернаторов. Уже 25 февраля начальник ГУП Н.С. Абаза отправил харьковскому цензору А.И. Паломацкому секретную инструкцию, которая явно была следствием письма сенатора. В ней цензору предлагалось внимательно следить за публикациями «в пользу отмены ограничений малорусской речи» и сообщалось, что «правительство, предполагая сделать некоторые облегчения в употреблении малорусского наречия, не находит возможным, однако, отменить все меры, принятые в 1876 г. против развития украинофильства, пользующегося, сколько известно, поддержкой австрийского правительства»².

* * *

Статьи и заметки, призывавшие к отмене «стеснений малорусского слова» стали появляться с конца 1880 г. как в провинциальной, так и в столичной печати³. Главный трибун украинофиль-

¹ ГАРФ. Ф. 583. Оп. 1. Д. 60. Л. 89об–91. (Тетрадь сшита таким образом, что оборот листа следует прежде листа с нумерацией, т.е. письмо занимает шесть листов.)

² Савченко Ф. Заборона... С. 178–179.

³ Пыпин в «Вестнике Европы» упоминает заметки в «Педагогической хронике», «Церковно-Общественном Вестнике», «Неделе» (Вестник Европы. 1881. № 1. С. 409). Мне не удалось разыскать эти публикации.

ства Драгоманов сколько-нибудь открыто выступать в российской прессе не мог, и его роль постарался взять на себя Костомаров. Первая его статья, озаглавленная «Малорусское слово», появилась в «Вестнике Европы» в январе 1881 г. Сославшись на планируемый пересмотр законов о печати вообще, Костомаров призывал обратить внимание и на положение малороссийского языка. Аргументы его были весьма умеренными – Костомаров ссылаясь на то, что не все образованные люди на Украине достаточно хорошо знают русский, а также на непопулярность принятых запретов. Он особо отмечал, что запрет ведет к ввозу из Галиции не всегда безвредных украинских изданий, и представлял распространение штундизма среди малорусских крестьян как результат такой политики¹. В своей статье Костомаров ставил знак равенства между малорусским наречием и «провансальским, бретонским, нижненемецким, валлийским, шотландским провинциальными наречиями», которые, по его мнению, не подвергались никаким стеснениям, существуя «именно для домашнего обихода». В случае отмены запретов, – говорил Костомаров, – малороссийское наречие займет такое же место². По сравнению со своей публицистикой в «Основе» Костомаров принципиально менял тактику: наученный горьким опытом, он теперь не отстаивал принцип языкового равноправия, но использовал утилитарные аргументы, декларируя готовность признать иерархическое преобладание русского языка над малорусским наречием. Он формулировал лишь один практический постулат – в школьных учебниках «необходимо прилагать и малорусский текст излагаемого по-русски предмета», продолжая тем самым линию Драгоманова восьмилетней давности, выступавшего за то, чтобы в учебниках были и русский текст, и малорусский перевод³.

В том же номере была напечатана и заметка Пыпина «Малорусско-галицкие отношения», в которой он прямо солидаризовался со статьей Костомарова и добавлял в качестве аргумента в пользу отмены запретов, что они отталкивают от России «русских галичан». «С общерусской национальной точки зрения [...] надо было бы желать утверждения тесной связи нашей южно-русской литературы с такою же южно-русской литературой в Галиции», – писал Пыпин, который, похоже, был искренним сторонником концепции

¹ Вестник Европы. 1881. № 1. С. 402–403.

² Там же. С. 407.

³ Там же. С. 403.

«большой» русской общности при сохранении иерархической русско-малорусской множественной идентичности¹.

Более общая статья Костомарова «Украинофильство», написанная в декабре 1880 г., появилась в февральской книжке «Русской старины». Изложив историю украинофильства как течения чисто культурнического, лишенного политических стремлений, Костомаров объяснял репрессии против украинофилов интригами поляков. «Стремление писать по-малорусски истекало из присущей человеческому естеству любви к своему родному, с детства близкому – такой же любви, как любовь человека к семье. [...] Малоруссы никогда не были покорены и присоединены к России, а издревле составляли одну из стихий, из которых складывалось русское государственное тело»². Вся система аргументации Костомарова совпадала таким образом, причем порой буквально, с тем, что писал Драгоманов в 1872 г. в статье «Восточная политика Германии и обрусение».

На статьи Костомарова незамедлительно отреагировал главный гонитель украинофилов катковский «Русский вестник». Уже в мартовском номере журнал напечатал статью М.Ф. де-Пуле «К истории украинофильства». «Считать украинофильство явлением естественным, вытекающим из природы южно-русского племени, – писал де-Пуле, – грубая, ни с чем не сообразная ошибка»³. Он выступал как сторонник триединой и, в конечном счете, гомогенной русской нации: «Малороссия (вообще Юго-Западная Русь), покоренная Литвой, а затем угнетаемая Польшей, *воссоединилась* с Северо-Восточной Русью. [...] Малороссия толкнула Москву на путь преобразований; Малороссия вызвала к жизни предшественников Петра и подготовила его реформы, без Малороссии не было бы [...] и Российской империи как новой великой державы. [...] Правда, в XVIII веке Малороссия как бы исчезла и потонула в волнах империи, но в тех же волнах точно так же потонула и до-петровская Москва»⁴. «В начале этого столетия закончилось то, чему было положено начало в конце XVII века – полное духовное единение Малой России с Великою. В Малороссии явилась общерусская интеллигенция, то есть такая же, как и во всей России (а не старшинская

¹ Вестник Европы. 1881. № 1. С. 409.

² Русская старина. 1881. № 2. С. 329–330.

³ Русский вестник. 1881. № 3. С. 213.

⁴ Русский вестник. 1881. № 3. С. 220.

или казацкая, не полупольская)»¹. (Заметим, насколько отличается это описание истории взаимоотношений Великороссии и Малороссии от представлений Белинского – «колониально-цивилизаторский» дискурс сменяется концепцией «общего дела».)

Де-Пуле подчеркивал, что «ничего не имеет против писания рассказов, стихотворений, драматических пьес на малороссийском наречии» и призывал, чтобы «подобные сочинения не были исключением из общих цензурных правил». «Мы не видим также причины, почему нельзя дозволить учителю сельской школы прибегать с учениками к народному говору? Почему сельский священник не может также поступать со своими прихожанами даже в церкви, поучая их как проповедник?»² Фактически де-Пуле повторял «разрешительную» часть записки Дондукова-Корсакова. Единственное отличие – это скептицизм харьковского генерал-губернатора в отношении способности крестьян понимать схоластические проповеди священников на каком бы то ни было языке.

Далее, в точном соответствии с логикой Дондукова-Корсакова, де-Пуле переходил к ограничениям, повторяя, а кое-где развивая его тезисы. Де-Пуле подчеркивал недопустимость придания малороссийскому языку официального статуса, использования его в образовании (за оговоренным исключением), в суде и других государственных институтах, в армии. Даже церковная проповедь на малорусском допустима, по его мнению, лишь в сельской церкви, поскольку в городе, где понимают по-русски, малорусская проповедь превратилась бы в орудие пропаганды. А в средней школе «нельзя допускать, чтобы воспитанники говорили между собой по-малороссийски»³. Конечный идеал де-Пуле – языковая ассимиляция: «В настоящую пору распространение нашего государственного языка [...] идет с изумительною быстротой. [...] О Малороссии и говорить нечего: здесь каждый крестьянин, каждый казак, пожив в городе, *eo ipso* становится уже москалем. [...] Народность сама ассимилируется, сама бежит навстречу с общей матерью-родиной, а вы говорите о жестокости, насилии!»

Де-Пуле отмечал, что очерченная им сфера допустимости малороссийского языка не может удовлетворить украинофилов, и настаивал, что «в случае их попыток перейти указанные черты [...] должен быть дан им сильный отпор, сильный, как во всяком

¹ Русский вестник. 1881. № 3. С. 214.

² Там же. С. 228.

³ Там же. С. 229–230.

внутреннем расколе»¹. Здесь он продолжал линию Каткова, подчеркивая особое качество украинофильского «лингвистического сепаратизма» (де-Пуле дважды употребляет это понятие²) как диверсии изнутри русского национального тела. «Надеемся, что наши украинофилы [...] указывать не будут на пример иноплеменных литературных языков, благополучно существующих и даже нарождающихся в нашей империи. [...] Пример этот нам, русским, не указ, и особенного существенного вреда нам не приносит, как принесет непременно это разделение *на ся*, эти две или три русские литературы, каждая со своим языком», писал он, упоминая и угрозу развития потенциального белорусского сепаратизма по примеру малорусского³. В целом, если вспомнить те оговорки, с которыми Катков поддержал Валуевский циркуляр, статья де-Пуле была изложением последовательно националистической катковской позиции применительно к условиям, сложившимся накануне гибели Александра II. Отметим, что позиция эта совпадала со взглядами Дондукова-Корсакова, демонстрировавшего наиболее гибкий подход к украинскому вопросу среди высших царских бюрократов.

Показательно, что Костомаров предпочел не ввязываться в полемику с «Русским вестником» и ответил лишь на критическую статью в «Современных известиях», касавшуюся более частных вопросов, опубликовав в марте в «Вестнике Европы» статью «По вопросу о малорусском слове». Он отстаивал тезис о двуязычных учебниках и отрицал обвинения в лингвистическом сепаратизме. Осуждая вообще стремление смешивать проблемы правописания (то есть кулишовку) с политикой, он, впрочем, оговаривался, что сам предпочитает систему, разработанную Максимовичем, с «ы» для твердого «и» и «и» для мягкого, как в русском⁴. В заключение Костомаров призывал к «снятию всякого запрещения с малорусского наречия и предоставлению совершенной свободы писать на нем»⁵.

И эту статью Костомарова Катков не оставил без ответа. Он прибег к весьма сильному, но и в той же степени неджентльменскому полемическому ходу, перепечатав под заголовком «Украинофильство и г. Костомаров» четыре свои антикостомаровские статьи 1863 г., в которых обвинял Костомарова в пособничестве

¹ Русский вестник. 1881. № 3. С. 233.

² См.: Там же. С. 224, 227.

³ Там же. С. 227.

⁴ Там же. С. 364.

⁵ Русский вестник. 1881. № 3. С. 359.

польским стремлениям расколоть русскую нацию¹. В кратком предисловии к этой подборке он писал: «Двадцать лет назад было смутно в умах – появился Костомаров с крайнофильским вопросом. Теперь то же самое. Если бы ничего не знать, что происходит вокруг, то довольно этого появления, чтобы узнать погоду»². В апреле 1881 г. эти слова звучали как прямое обвинение если не в сотрудничестве с цареубийцами, то, во всяком случае, в стремлении воспользоваться их успехом. (Между тем все статьи Костомарова были написаны до 1 марта 1881 г.) В то же время многие читатели «Русского Вестника», впервые знакомившиеся с этими статьями Каткова, могли теперь узнать, что Костомаров не всегда отстаивал права украинского языка как всего лишь «наречия для домашнего обихода».

Совершенно новые мотивы в дискуссию об украинофильстве внесли публикации в народническом «Русском богатстве». В феврале 1881 г. журнал напечатал статью своего штатного публициста Л. Алексеева «Что такое украинофильство?». Он осуждал попытки представить украинофильство как польскую интригу и говорил о движении как о «несчастном, напрасно гонимом и оклеветанном». Алексеев заявлял себя «самым горячим и верным сторонником» стремления украинофилов «отстоять национальную самобытность малорусского народа, легальными средствами бороться против его обрусения, против ассимилирования его великороссом». Обвинения в сепаратизме Алексеев вполне искренне считал совершенно беспочвенными, и призывал разрешить малорусский язык в школе и в печати³.

Но, начав «во здравие», он весьма неожиданно переходил к «за упокой», к рассуждениям о том, почему украинофильство ему «антипатично». «Мы, малороссы из партии народников, – писал Алексеев, – но нам нет дела до того, будет ли Малороссия жить как нация или помрет; мы заботимся только о народе, а не о нации... Этим мы отличаемся от украинофилов, которые очень заботятся о Малороссии как национальной единице и отделяют малорусское дело от великорусского. В сложном понятии «малорусский крестьянин» для нас впереди стоит – «крестьянин», а для украинофилов –

¹ Русский вестник. 1881. № 4. С. 687–725. Катков включил в подборку передовые статьи из «Московских ведомостей» от 24 июня 1863 г. (№ 136) и от 4 сентября 1863 г. (№ 191), а также статьи из № 24 и № 26 «Современной летописи» за 1863 г.

² Русский вестник. 1881. № 4. С. 687.

³ Русское богатство. 1881. № 2. С. 22–24.

«малоросс»¹. «Существование или исчезновение национальных отличий ни малейшим образом не влияет на развитие и удовлетворение коренных, существенных духовных и материальных нужд человеческой личности, – так формулировал Алексеев кредо журнала по национальному вопросу. – Возрождение малорусской народности вовсе не нужно. Мало того, оно невозможно. Оно идет вразрез с направлением нашей эпохи. Украинофильство – движение ретроградное»².

Алексеев повторил свои основные антиукраинофильские тезисы в июле 1881 г. в статье «Еще об украинофильстве», которая явилась ответом на рецензию в «Неделе», заметившей, что взгляды Алексеева, в конечном счете, совпадают со взглядами публициста «Киевлянина» А. Иванова, впервые выступившего против украинофилов еще в 1863 г. в катковском «Русском вестнике». Впрочем, здесь Алексеев, в прямом противоречии со своей первой статьей, уже утверждал, что «малороссийский язык находится теперь уже в периоде вымирания»³. Осенью 1881 г., когда надежды на сколько-нибудь радикальный пересмотр Эмского указа окончательно развеялись, в полемику с Алексеевым включился Драгоманов, который, вероятно, посчитал, что тактические соображения, из-за которых он до сих пор хранил молчание, утратили свое значение. В статье «Что такое украинофильство» он подробно разбирал многочисленные ошибки и несуразности в публикациях Алексеева, порой, впрочем, и сам прибегая к весьма сомнительным расовым аргументам, вроде рассуждений о вырождении белорусов в результате смешения с другими народностями⁴. Алексеев оставил последнее слово за собой, признав в статье под названием «Сказка о белом

¹ Русское богатство. 1881. № 2. С. 29.

² Там же. С. 40. Из редакционного примечания (№ 11. С. 93) следует, что редакция вполне разделяла позицию Алексеева.

³ См.: Русское богатство. 1881. № 7. С. 69.

⁴ *Петрик (Драгоманов) М.* Что такое украинофильство // Русское богатство. 1881. № 11. С. 111. Интересно, что сам Драгоманов позднее отмечал: «Я во многом разделял стремления и идеи украинских националистов, но во многом они мне казались реакционными» (*Драгоманов М.П.* Автобиография // Былое. 1906. № 6. С. 187). Суть расхождений Драгоманова с позицией «Русского богатства» лучше всего отражают такие его слова: «...здесь плохой тот украинофил, который не стал радикалом, и плохой тот радикал, который не стал украинофилом» (Там же. С. 198). Впрочем, мы уже отмечали, что в 80-е годы Драгоманов склонен был увеличивать свой радикализм начала 70-х.

бычке», что украинцы – нация, но заметив, что «заботиться о том, чтобы она и впредь осталась нацией – нет никакой надобности»¹.

Драгоманов впервые столкнулся с тем, что русские народники 70-х годов в большинстве своем смотрят на украинский вопрос совсем иначе, чем Герцен и Чернышевский, еще будучи в Киеве. Он вспоминал позже о приезде в Киев в первой половине 70-х делегата от петербургского «социально-революционного кружка». Выслушав реферат Драгоманова об украинофильстве, делегат заявил: «Все это, может быть, верно, но к делу не идет. Мы должны думать о борьбе с общим врагом, а Вы, говоря нам об Украине, как о чем-то особом, вносите разделение в наши силы!» Драгоманов пишет, что эти рассуждения напомнили ему логику Ширинского-Шихматова, который тоже всегда говорил об общем враге, но для него им была Польша². Из воспоминаний Дейча о начале его революционной деятельности в 70-е годы следует, что и среди молодых киевских народников было немало противников украинофилов. «По нашему мнению, он своими «скучными и никому не нужными предприятиями», вроде «сборника малороссийских преданий» или «песен», отвлекал передовую молодежь, и без того склонную к украинофильству, от единственно насущного и полезного дела – от общерусского революционного движения», – описывал Дейч отношение к Драгоманову в своем киевском кружке³. Возможно, что неприязнь Дейча как ассимилированного еврея к украинофильству была особенно обострена, потому что украинофилы очень часто подчеркивали «вредное влияние» евреев на жизнь Юго-Западного края. Не подлежит, однако, сомнению, что отрицательное отношение к украинофильству было типично для большинства активистов русского революционного движения 70-х – 80-х годов. Сам Драгоманов, вспоминая киевский конфликт, писал в середине 80-х: «С тех пор прошло одиннадцать лет, в течение которых нам пришлось и устно, и печатно говорить об Украине с добрыми 200 “русских революционеров, социалистов” и пр. – известных и неизвестных, ученых и неученых, – но все наши беседы были только более или менее повторением вышеизложенной беседы»⁴.

¹ Русское богатство. 1881. № 12. С. 37.

² Драгоманов М.П. Автобиография // Былое. 1906. № 6. С. 192.

³ Дейч Л.Г. Русская революционная эмиграция 70-х годов. Пг., 1920. С. 24.

⁴ Драгоманов М. Отношение великорусских социалистов 70-х годов к народно-федеральному направлению // Киевская старина. 1906 (май-июнь). С. 8–10.

Из воспоминаний Л. Дейча мы знаем некоторые подробности этих бесед Драгоманова с русскими социалистами в Женеве в начале 80-х годов. Драгоманов на одном из собраний в июле 1880 г. стал осуждать русских социалистов за то, что многие из них, принадлежа к малороссам, ничего не делают для своих сородичей. Дейч так пересказывает свою ответную речь: «Я постарался представить деятельность украинофилов на юго-западе бесполезным времяпровождением, чуть ли не переливанием из пустого в порожнее. Я сообщил, как украинофилы по несколько лет проводят в обработке одной буквы малороссийского словаря или в собирании народных песен и поговорок, а если уже раскачаются написать что-нибудь для народа, то печатают столь глубокомысленные рассказы, как “Про сіру кобилу” или “Як баба Параська, та купила порося”!» «Помню, – замечает Дейч, – раздался веселый и одобрительный смех»¹. Когда оскорбленные украинцы покинули собрание и прислали затем коллективный протест, никто не предложил Дейчу извиниться и вообще не проявил заинтересованности в примирении. Происшедший тогда разрыв Драгоманова с общерусской эмиграцией в Женеве «уже не прекращался; наоборот, он все более обострялся и усиливался»². Попытка возобновить контакты, предпринятая Драгомановым в 1883 г., закончилась плачевно. Он обратился к «общерусской» эмиграции с призывом вести пропаганду не только «на великорусском, но и на малорусском языке», ссылаясь на опыт австрийских социалистов. Возражение Н.И. Жуковского – «Как же вы хотите, чтобы пропаганда велась на языках всех народов, когда у некоторых из них не имеется собственного языка» – сопровождалось «гомерическим хохотом и громом аплодисментов»³.

Конечно, как в любом русском общественном движении, отношение народников к украинофильству отнюдь не всегда было таким издевательским и ерническим. Тот же Жуковский входил в редакцию «Общины», которая писала: «Москвич, поляк, украинец друг другу не указчики, а товарищи. Теперь все они живут под гегемонией великороссов и называются русским народом потому именно, что над нами русский становой; исчезнет становой, и все эти народы будут предоставлены самим себе, а в каких пределах и как они сфедерируются друг с другом, это может показать только

¹ Дейч Л. Украинская и общерусская эмиграция // Вестник Европы. 1914. № 8. С. 217–218.

² Там же. С. 222.

³ Дейч Л. За рубежом // Вестник Европы. 1912. № 9. С. 181–182.

практика»¹. М. Яворский отмечал, что украинофильские настроения были у целого ряда участников процесса 193-х, а Лизогуб специально хотел отдать брата к учителю-украинофилу, объясняя это тем, что «под влиянием украинофилов лучше всего вырабатываются социалисты»². Преобладала, однако, тенденция, описанная Дейчем. Русская интеллигенция, участвовавшая в революционном и оппозиционном движении, отказываясь от сотрудничества с правительством, отчасти выполняла тем не менее ассимиляторскую роль – многие малороссы, вовлеченные в «общерусские» политические движения, оказались потеряны для украинофильства. В очередной раз отдадим должное прозорливости Драгоманова, который выражал опасение, что после принятия конституции «московские люди... поведут свое дело так, что потянут за собой множество помосковленных людей и на Украине. Некоторое время украинство не погибнет, но станет снова “провинциальным родственником”, прихвостнем»³. Как видим, стремление трактовать украинофильство именно таким образом достаточно ярко обозначилось задолго до того, как в России появилось хоть какое-то подобие конституции.

* * *

Предложение Половцова о созыве специального Совещания по украинскому вопросу было реализовано, но в обстоятельствах, которых он заведомо не мог предвидеть. 1 марта 1881 г. Половцов закончил ревизию и отправился в Петербург, лишь в дороге узнав о гибели Александра II в результате седьмого покушения на его жизнь, из последних сил организованного «Народной волей». Когда Александр III в августе 1881 г. приказал собрать запланированное Совещание, Лорис-Меликов давно уже был в отставке, от его реформаторских планов остались лишь слабые следы, а подписанный Александром II утром 1 марта указ о созыве двух комиссий с участием представителей от дворянства, земств и городов для обсуждения проектов дальнейших реформ так и не был обнародован. Оттепель закончилась, не успев толком начаться, на Россию легла тень «совиных крыл» Победоносцева. (Да простит читатель заезженную цитату – уж больно она точна!)

¹ Цит. по: *Яворський М.* Емський акт 1876 р. // Прапор марксизму. 1927. № 1. С. 128–129.

² Там же. С. 129.

³ *Драгоманів М.* Шевченко, українофіли й соціалізм. С. 157.

Среди участников Совещания не оказалось никого, кто принимал участие в обсуждении вопроса в начале 1881 г., даже Половцова, не говоря уже о Дондукове-Корсакове, который был к тому времени переведен с поста харьковского генерал-губернатора. Вместе с председательствовавшим новым министром внутренних дел гр. Н.П. Игнатьевым в него вошли министр государственных имуществ М.Н. Островский, министр народного просвещения Д.М. Сольский, обер-прокурор Синода К.П. Победоносцев и новый начальник ГУП кн. П.П. Вяземский. Ничего хорошего от Совещания в таком составе ожидать было нельзя. Только Сольского и Вяземского с определенной натяжкой можно было отнести к числу умеренных либералов. Но реальным влиянием обладали не они. Победоносцев уже в первые недели после гибели Александра II не просто открыто выступил против проектов Лорис-Меликова, но постоянно подчеркивал своему воспитаннику, новому царю, мотив «исконно русского духа». Сам Александр III был к таким речам весьма отзывчив. «*Mot d'ordre* теперь – русские начала, русские силы, русские люди, одним словом – руссизм во всех видах. Авошь, ничего, как-нибудь. Недоставало бы замены в государственном гербе, двуглавого орла раком», – записывает в это время в своем дневнике саркастичный Валуев¹. Назначая, по совету Победоносцева, на министерский пост искренне верившего во всемогущий польско-жидовский заговор Н.П. Игнатьева, царь специально отмечал, что тот «настоящий коренной русский»². К партии Победоносцева принадлежал и Островский.

Из подготовленного для царя доклада Совещания ясно, что оно обсуждало только те пункты Эмского указа, которые касались цензуры. Вопросы об использовании украинского в школе в том ограниченном объеме, который имели в виду Половцов и Дондуков-Корсаков, и о возможности возобновления деятельности отдела РГО в Харькове вообще не ставились³.

Совещание пришло к выводу, что «пятилетнее применение этих правил обнаружило некоторые их неудобства». Упомянув, что это вызвало представления киевского и харьковского генерал-губернаторов, а также «многих губернаторов и частных лиц», Совещание тем не менее «признало необходимым оставить эти пра-

¹ Валуев П.А. Дневник 1877–1884 гг. С. 181.

² См., напр.: Валуев П.А. Дневник 1877–1884 гг. С. 161; Зайончковский П.А. Кризис самодержавия... С. 338.

³ РГИА. Ф. 776. Оп. 11. Ед. хр. 61. Л. 81–82.

вила в силе и на будущее время, сделав в них для устранения обнаружившихся на практике неудобств лишь некоторые изменения и дополнения, не касающиеся, однако, начал, положенных в основании этих правил»¹. Предложенные Совещанием изменения действительно были крайне ограниченными.

«Совещание признало необходимым 1) пункт второй правил дополнить пояснением, что к числу изданий, которые дозволяется печатать на малорусском наречии, прибавляются словари, под условием печатания их с соблюдением общерусского правописания или правописания, употреблявшегося в Малороссии не позже XVIII века, 2) пункт третий разъяснить в том смысле, что драматические пьесы, сцены и куплеты на малорусском наречии, дозволенные к представлению в прежнее время драматическою цензурою и могущие вновь быть дозволенными Главным управлением по делам печати, могут быть исполняемы на сцене, с особого, однако, каждый раз разрешения генерал-губернаторов, а в местностях, не подчиненных генерал-губернаторам, – с разрешения губернаторов, и что разрешение печатания на малорусском наречии текстов к музыкальным нотам, при условии общепринятого русского правописания, предоставляется Главному управлению по делам печати»². Особо было подчеркнуто, что совершенно воспрещается «устройство специально малорусского театра и формирование трупп для исполнения пьес и сцен исключительно на малорусском наречии»³. Имелось в виду, что каждое представление должно было включать наряду с украинской пьесой также и русскую. Поскольку Эмский указ был секретным, эти новые правила также предполагалось распространить как служебную инструкцию, «не объявляя во всеобщее сведение». Никакого обсуждения существа украинского вопроса и аргументов сторонников отмены Эмского указа в докладе не было.

Доклад Совещания был утвержден Александром III в Гатчине 8 октября 1881 г. без каких-либо поправок⁴. Циркуляр о принятых изменениях был разослан губернаторам 16 октября. Инструкции, принимавшиеся в последующие годы, лишь ужесточали применение Эмского указа, вредность которого была ясна еще в момент его принятия наиболее трезвым противникам украинофильства среди

¹ Там же. Л. 82–82об.

² Там же. Л. 82об–83об.

³ РГИА. Ф. 776. Оп. 11. Ед. хр. 61. Л. 83об.

⁴ Там же. Л. 81.

царских бюрократов¹. Вместе со многими другими маразматическими элементами старого режима Эмский указ перестал действовать лишь в 1905 г. Впрочем, никакой новой, более осмысленной политики в украинском вопросе режим так и не смог выработать вплоть до своего краха в феврале 1917 г.

Переход в царствование Александра III к политике русификации в масштабе всей империи означал, по сути, интеллектуальную капитуляцию перед проблемой формирования русской нации. Задачу русификации империи в целом можно было рассматривать как хоть сколько-то реалистичную, и то лишь в отдаленной перспективе, только в том случае, если соглашаться с официальным тезисом об абсолютном преобладании русских среди населения Российской империи. Между тем защищать этот тезис можно было только декларативно включая малороссов и белорусов вместе с великоруссами в состав единой общерусской нации. А это, в свою очередь, предполагало игнорирование уроков предыдущего царствования, события которого предельно ясно продемонстрировали политической элите, что над достижением цели объединения восточных славян в единую нацию необходимо долго и упорно работать. Эти уроки и были проигнорированы, когда насильственное обращение в православие – излюбленное средство не понимавшего механизмов националистической политики Победоносцева – превратилось в стержень русификаторских усилий власти². Не удивительно, что главным результатом недифференцированной и неумелой русификаторской политики последних двух царствований стали лишь гигантские православные соборы сомнительных архитектурных достоинств, кое-где сохранившиеся, как в Хельсинки, кое-где позднее снесенные, как в Варшаве.

¹ См., например, циркуляр ГУП от 31 декабря 1883 г. губернаторам южных губерний с требованием следить, чтобы пьесы на русском языке составляли не менее половины каждого представления местных трупп (РГИА. Ф. 776. Оп. 11. Ед. хр. 61. Л. 95–96).

² Хороший анализ русификаторской программы Победоносцева см. в кн.: *Thaden E.C. Conservative Nationalism...* P. 183–203.

Заключение

Во «Введении» мы сформулировали две основные задачи этого исследования. Первая состояла в реконструкции процесса принятия властями решений по «украинскому вопросу» и реакции русского общественного мнения на развитие украинского национального движения. Суммируя полученные результаты, мы можем заодно предложить определенную периодизацию развития событий.

Начало модерного украинского национализма можно отнести к середине 1840-х годов. Кирилло-Мефодиевское общество, ставшее первой попыткой его организационного оформления, было разгромлено властями в 1847 г. При этом власти сознательно обошлись с большинством братчиков довольно мягко, чтобы не толкнуть украинофилов к радикализму и союзу с поляками. Принцип «сдержанности» в персональных репрессиях против активистов украинского движения оставался в силе по крайней мере до конца XIX в.

Русское общественное мнение уже в 40-е годы было расколото в своем отношении к украинскому национальному движению. Ясно выраженный ассимиляторский подход был представлен Белинским и Венелиным. В то же время Ю. Самарин на рубеже 40–50-х годов высказывался в пользу политического единства Великороссии и Малороссии при ограничении языковой и культурной ассимиляции.

Условия для новой активизации украинофильства возникли во второй половине 1850-х годов – в связи с общей либерализацией в начале царствования Александра II члены общества были возвращены из ссылки и получили возможность возобновить общественную деятельность. С конца 50-х власти достаточно внимательно следили за украинофилами, но репрессий не предпринимали. Более того, в 1860 г. украинофилам было разрешено издавать в Петербурге

свой журнал «Основа». Можно утверждать, что власти лишь постепенно приходили к осознанию природы и масштаба угрозы, — вплоть до 1862 г. они, за редким исключением, не противодействовали стремлению к эмансипации украинского языка, а отдельные ведомства (прежде всего МНП) порой даже оказывали этим усилиям поддержку.

Летом 1863 г., на фоне польского восстания, но не только в связи с ним, министр внутренних дел Валуев издал циркуляр, резко ограничивший издательские возможности украинофилов. Он приостанавливал публикацию любых книг для народа, включая учебники и религиозные тексты. Главной целью циркуляра было блокировать усилия, направленные на эмансипацию украинского языка и распространение грамотности на украинском среди крестьян. Инициатором бюрократического процесса по его подготовке был военный министр Д. Милютин, активную роль играли III отделение и киевский генерал-губернатор Н. Анненков. Настойчивое противодействие этим планам исходило от министра народного просвещения Головнина. Роль Святейшего синода в подготовке циркуляра, которую некоторые исследователи считали ключевой, в действительности была маргинальной.

В относящихся к 1863–1864 гг. правительственных документах была ясно сформулирована задача языковой ассимиляции малорусского крестьянина и достаточно полно перечислен арсенал практических мер для достижения этой цели. К этому же времени относится единственный эпизод, когда петербургские власти оказались способны эффективно использовать в борьбе с украинофильством меры не репрессивного свойства. Речь идет о привлечении украинофилов к работе в гражданской администрации Царства Польского, эксплуатировавшем широко распространенную в этой среде полонофобию. На 1864–1872 гг. приходится спад украинского национального движения.

Новая активизация украинофильства в первые годы царствования Александра II вызвала враждебную реакцию большей части русской прессы, и прежде всего московских изданий Каткова и «Дня» И. Аксакова. Однако часть петербургской прессы симпатизировала украинофилам. Целый ряд русских деятелей культуры помогал Костомарову в сборе средств для издания украинских учебников. Однозначную поддержку украинскому движению выразил «Колокол» Герцена. Критика украинофилов их противниками была при этом сдержанной.

Начиная с осени 1862 г. полемика против украинофилов становится все более агрессивной, однако вся пресса неизменно выступала против репрессий. В то же время Катков, не призывая к этому открыто, оказал поддержку силам, добивавшимся принятия административных запретов. Позднее он единственный высказался, хотя и с оговорками, в поддержку Валуевского циркуляра.

В целом дискуссия по «украинскому вопросу» в русской прессе происходит на фоне общего поворота внимания к национальной проблематике. Отмена крепостного права и последующие либеральные реформы начала царствования Александра II открыли новые возможности для прессы и других форм формирования и выражения общественного мнения, оживили надежды на введение конституции и тем самым неизбежно способствовали выдвиганию темы нации на первый план. Вызов со стороны украинского национализма становится исключительно важным катализатором дискуссии о проблеме формирования самой русской нации. Представление о Малороссии и Белоруссии как об «исконно русских землях», о малороссах и белорусах как о частях русского народа ясно прослеживается в правительственных документах и преобладает в общественном мнении. В статьях Каткова и ряде публикаций «Дня» на тему украинофильства концепция большой русской нации, включающей малороссов и белорусов, получает свое наиболее полное для того времени выражение. Подчеркнем при этом, что в своих первых выступлениях по «украинскому вопросу» Катков продемонстрировал понимание того, что общерусский и украинский проекты национального строительства суть именно конкурирующие проекты с обоюдными шансами на успех.

Оппозиция концепции большой русской нации со стороны Герцена и Чернышевского опирается на идеи национального самоопределения, право на которое они признавали за всеми народами империи, включая малороссов и белорусов. В правительственных кругах скептическое, нередко подозрительное отношение к акцентированию национальной проблематики вообще и проблемы формирования русской нации в частности было присуще традиционалистам – приверженцам сословного порядка и старых механизмов легитимации самодержавия. Элементы такого подхода могли сочетаться с элементами национализма, как, например, у Валуева – противоречивость его позиции отражает объективные противоречия той переходной стадии, когда национализм постепенно вытеснял в умах высшей бюрократии традиционалистские ценности. Такое же противоречие можно позднее наблюдать и у Победонос-

цева, с той только разницей, что православный традиционализм и ксенофобный национализм обер-прокурора Святейшего Синода существенно отличались от аристократическо-космополитического традиционализма и умеренно-либерального национализма Валуева.

Особо нужно сказать о позиции тех малороссов, которые имели общерусскую идентичность. Их взгляды могут рассматриваться как часть русского общественного мнения. Среди этих людей было немало весьма решительных противников украинских националистов. В 60-е годы их роль в публичной полемике против украинофилов оставалась второстепенной. Однако из этой среды выходит ряд конфиденциальных обращений к властям, сыгравших существенную роль в принятии Валуевского циркуляра.

Активизация украинофильства в середине 1870-х годов была связана уже с деятельностью нового поколения, впервые заявившего о себе в начале 60-х годов, но остававшегося тогда в тени возобновивших свою деятельность бывших членов Кирилло-Мефодиевского общества. Центр украинофильской активности перемещается из Петербурга в Киев. Понимая бесперспективность политики, основанной лишь на административных запретах, тогдашний киевский генерал-губернатор Дондуков-Корсаков придерживается гибкой тактики «приручения» украинофилов – предоставляя определенные возможности для их культурной и научной деятельности, но не делая уступок в ключевом вопросе о допущении украинского языка в школу, он надеется придать движению умеренный, лоялистский характер. Эта политика, осуществляемая Дондуковым-Корсаковым на свой страх и риск без санкции Петербурга, приносит определенные плоды. Однако конфликт украинофилов с их противниками в малорусской среде в Киеве подтолкнул последних обратиться с рядом доносов в Петербург – к министру народного просвещения Толстому и начальнику III отделения Потапову. Созданное по указанию царя Секретное совещание разработало новые репрессивные меры против украинофилов, которые, в конечном счете, были еще более усилены в результате интриг тех оставшихся в меньшинстве членов Совещания, которые были сторонниками максимально жестких запретов как главного инструмента борьбы с украинофильством. Как и в 1863 г., Александр II 18 мая 1876 г. охотно поддержал наиболее радикальную версию антиукраинофильских инструкций, получивших название Эмского указа. Тщетны оказались старания министра внутренних дел Тимашева, опиравшегося, вероятно, на поддержку вел. кн. Константина Николаевича, по горячим следам смягчить Эмский указ.

Попытка пересмотра Эмского указа была предпринята по инициативе сенатора Половцова в 1880 г. Она была активно поддержана харьковским генерал-губернатором Дондуковым-Корсаковым и сменившим его на посту киевского генерал-губернатора Чертковым, а также рядом влиятельных сановников из окружения Лорис-Меликова в Петербурге, что еще раз свидетельствует об отсутствии единства в рядах высшей бюрократии в подходе к «украинскому вопросу». После убийства Александра II и отставки Лорис-Меликова Совещание о пересмотре Эмского указа оказалось под контролем Победоносцева и его сторонников, а потому ограничилось лишь косметическими поправками. В царствование Александра III цензурная политика в отношении украинских изданий была еще более жесткой, чем в годы правления его отца. Эмский указ оставался в силе вплоть до революции 1905 г. Центр публичной полемики в 1870-е годы также смещается в киевские газеты, только позднее на короткое время выплескиваясь на страницы столичной прессы, среди которой наиболее ангажированную антиукраинофильскую позицию как всегда занимают катковские издания. Однако теперь ключевая роль в этой полемике даже в столичных изданиях принадлежит малорусским противникам украинофильства. Они же, в особенности Юзефович, подтолкнули тот административный процесс в Петербурге, который завершился принятием Эмского указа. Подчеркивая видную роль малорусских противников украинофильства в формировании общественного мнения и в принятии административных решений, а также отсутствие единства в среде центральной бюрократии и великорусских публицистов в подходе к «украинскому вопросу», мы вовсе не стремимся перераспределить ответственность, но делаем это, чтобы показать, что «линия фронта» проходила не по этнической границе. О проблеме ответственности заметим – репрессивного характера политики в отношении украинского движения вовсе не отрицая – что, в отличие от XX в., масштаб и качество репрессий в XIX в. дают немного оснований для использования мартирологических мотивов при описании русско-украинских отношений. Нет оснований и говорить о тотальном запрете публикаций на украинском, что часто делается в литературе.

Второй, более спекулятивного свойства вопрос, сформулированный во Введении: почему альтернативный украинскому проекту национального строительства проект общерусской нации потерпел неудачу? Применительно к таким сложным социально-политическим процессам как формирование наций, любая попытка выделить тот или иной фактор в качестве решающего неизбежно

становится легкой добычей критики. Скажем поэтому осторожно: мы сосредоточились по преимуществу на тех сторонах процесса, которым прежде не уделялось должного внимания.

До сих пор исследователи, занимавшиеся этими сюжетами, обсуждали следующие факторы. Во-первых, речь шла об успехе самого украинского движения. Действительно, чтобы убедиться в том, что силу украинского национального движения нельзя недооценивать, достаточно сравнить его с белорусским. Но и преувеличивать эту силу также не стоит. Вплоть до революционных времен оно так и не стало массовым. Евген Чикаленко, сам украинофил, не без иронии заметил в своих мемуарах, что если бы поезд, в котором в 1903 г. ехали из Киева в Полтаву делегаты на открытие памятника Котляревскому, потерпел крушение, то это означало бы конец украинского движения на многие годы, если не десятилетия – практически все его активисты помещались в двух вагонах этого поезда¹. Не забудем также, что только на рубеже веков украинофильство смогло решить две ключевые для всех таких движений задачи – стандартизировать язык и создать его словарь, а также сформировать собственную целостную национальную концепцию истории. (Чехи, с которых украинофилы брали пример, сумели сделать это уже в первой половине XIX в.)

Во-вторых, часто говорится об особенностях малорусского крестьянина (например, о его привязанности к земле) и о серьезных различиях между ним и великорусским крестьянином, которые затрудняли ассимиляцию. Не отрицая этих особенностей и различий, решимся все же, взяв в союзники самого глубокого украинского историка послевоенного времени Ивана Лысяка-Рудницкого, утверждать, что ассимиляционный барьер не был высок². Если воспользоваться терминологией Ю. Хлебовчика, русско-украинское культурное и языковое пограничье в максимальной степени соответствует понятию переходного, а не стыкового. Как верно заметил Джон Армстронг, по лингвистическим признакам невозможно было определить, где кончаются малороссы и начинаются великороссы или белорусы³. Не было здесь и религиозного барьера, который играл

¹ Чикаленко Е. Спогади (1861–1907). Нью-Йорк, 1955. С. 337.

² О низком ассимиляционном барьере и податливости украинского крестьянина к русификации Рудницкий писал в статье «Русификация или малороссиянизация?» (*Лысяк-Рудницький І. Історичні есе. Т. 2. С. 476*).

³ *Armstrong J.A. The Autonomy of Ethnic Identity: Historic Cleavages and Nationality Relations in the USSR // Thinking Theoretically About Soviet Nationalities.*

столь важную роль в польско-украинских отношениях. (Влияние проблемы униатства возрастает лишь в конце XIX в. и лишь в западной части Украины.) Не было и ассимиляционного отторжения со стороны русских – малоросс по происхождению, говоривший по-русски и причислявший себя к русским, таковым автоматически великоруссами и признавался, что по отношению ко многим другим этническим группам выглядело совсем иначе. Собственно, этот механизм работает и сегодня.

Привязанность крестьянина к его «украинской» земле также не стоит мифологизировать. Город в рассматриваемый период просто не создавал достаточно рабочих мест, которые могли быть заняты выходцами из деревни. Зато число украинских переселенцев на свободные земли на востоке империи уже до революции 1917 г. приблизилось к 2,5 млн человек – то есть составило почти 14% всех украинцев империи. Еще без малого 8 млн малороссов жило в регионах со смешанным, малорусско-великорусским населением, где также интенсивно развивались ассимиляционные процессы. Хотя способствующие ассимиляции социально-экономические факторы во второй половине XIX в. еще только начинали сказываться, за это время «обрусели» 1,5 млн украинцев. Поэтому и масштаб демографической массы украинцев, будучи фактором очень важным, тем не менее не может служить самодостаточным объяснением произошедшего, особенно с учетом того, что великоруссы по численности превосходили малороссов в 2,5 раза, что примерно соответствовало пропорции франко- и *patois*-говорящих во Франции 60-х годов XIX в.

Среди обстоятельств, затрудняющих реализацию ассимиляторского проекта, часто упоминается русско-польское политическое, экономическое, культурное соперничество в западных губерниях. Действительно, роль поляков и выходцев из полонизированных семей в развитии украинского движения была значительной, особенно на его ранних этапах. Очевидны идейные заимствования. Позднее польские политики нередко оказывали украинскому движению в Галиции материальную поддержку.

Однако влияние «польского фактора» на ситуацию было амбивалентным. В течение всего XIX в. большинство образованных малороссов считало поляков врагом номер один, а для крестьян ненависть к польским панам вообще была краеугольным камнем

представлений об окружающем мире. Этническая, религиозная и социальная вражда к полякам подталкивала большинство малороссов к ориентации на Россию хотя бы через механизм негативного выбора. Даже некоторые лидеры Кирилло-Мефодиевского общества позднее готовы были служить царю в качестве чиновников-русификаторов, если эта служба была «против поляков». Можно сказать, что власти были довольно сдержанны в использовании тех возможностей, которые открывала для них вражда малорусского крестьянина к польскому землевладельцу.

Некоторые исследователи особенно подчеркивают ту роль, которую играла в развитии ситуации Галиция, а иначе говоря, то обстоятельство, что существенная часть территории расселения украинского этноса находилась вне контроля Петербурга. И здесь, признавая важную роль Галиции в развитии украинского движения, особенно в последние десятилетия XIX и в XX в., заметим, что сама Галиция не располагала материальными и интеллектуальными ресурсами, чтобы выступать в качестве украинского Пьемонта. Даже та поддержка украинскому движению, которую оказывали иногда польские политики и Вена, радикально изменить положения не могла. Роль Галиции была во многом производной от положения в русской части Украины.

Значения этих факторов, как видно из только что сказанного и из книги в целом, мы не отрицаем. Однако если анализ ими ограничивается, а дело, как правило, так и обстоит, то это явно или имплицитно предполагает, что для реализации конкурирующего с украинофильским вариантом национального строительства было сделано все возможное. Между тем именно этот тезис мы и считаем ошибочным.

Сказав, что ассимиляционное давление на малороссов в XIX в. было довольно слабым, прежде всего попытаемся, отдавая себе отчет в некоторой условности подобной операции, разделить объективные и субъективные причины такого положения дел. Отсталость социально-экономического развития России по сравнению с ведущими европейскими государствами была очевидна. Столь же очевидно, что эта отсталость в развитии железнодорожной сети, промышленности и урбанизации крайне затрудняла реализацию ассимиляторского проекта. Она ограничивала мобильность населения и снижала тот потенциальный выигрыш от владения господствующим, государственным языком, осознание которого крестьянами Франции столь ускорило в последней трети XIX в. вытеснение *patois* французским. Отсталость

России ограничивала также людские и материальные ресурсы, которые находились в распоряжении правительства.

Модернизация запаздывала не только в сравнении с Францией или Англией, с которыми мы сопоставляли Россию. Не менее важно, что она запаздывала в сравнении с «приходом национализма» на пространство Российской империи – во Франции и Англии развитие индустриальной революции на несколько десятилетий опережало появление националистического «вызова», а в России – наоборот.

Уже здесь, однако, можно поставить вопрос о том, в какой мере масштабы этой отсталости России были усугублены правящими кругами империи, решавшими проблему устранения феодальных пережитков и задачи экономической и политической модернизации империи неизменно позже и неизменно хуже, чем Габсбурги и тем более Гогенцоллерны с их юнкерами?¹ Достаточно хотя бы задаться вопросом, существовала ли объективная возможность введения в России 1860-х годов, пусть и неизбежно ограниченных, элементов конституционного строя? Иначе говоря, в какой степени субъективный фактор способствовал нарастанию объективного отставания?

В России ни один из тех институтов, которые Франция столь успешно эксплуатировала при осуществлении своего проекта национального строительства – а именно школа, армия, местная администрация – ни по своему состоянию, ни по уровню государственного финансирования не мог выполнить сходные задачи. В свою очередь, слабость административной системы предопределяла непоследовательность российской политики, которая существенно менялась в связи со сменой не только самодержцев, но и генерал-губернаторов. Плачевное состояние этих институтов и государственной машины в целом усугублялось ограниченностью возможностей

¹ Весьма нелестное для русского дворянства сравнение его качеств каксловия и политической элиты с прусским дворянством см.: *Raeff M. Russian Nobility in the Eighteenth and Nineteenth Centuries: Trends and Comparisons // Nobility in Russia and Eastern Europe / Ed. by I. Banac, P. Bushkovitch. New Haven, 1983. P. 99–122.* Разумеется, опыт Австрии и Пруссии не стоит идеализировать. Достижения этих государств в сфере политической модернизации и демократизации выглядят весьма сомнительными, особенно в свете истории XX в. Критике прусского пути политического развития посвящены сотни книг. Однако их успехи в экономическом «догонянии» отрицать не приходится. И даже в политической сфере они смогли пережить кризис, связанный с Первой мировой войной, с последствиями менее катастрофическими, чем Россия.

использования общественных ресурсов, хотя бы для пополнения остродефицитных кадров образованных чиновников. Это во многом объясняется тем упорством, с которым самодержавие стремилось сохранить свою политическую монополию, то есть остаться самодержавием даже после отмены крепостного права, служившего основой старого режима. Реформы 1860-х годов, будь они продолжены в политической сфере, открывали возможность преодолеть взаимное отчуждение власти и общества. Этого не произошло. Не берясь определить процентное соотношение вины, заметим, что ответственность лежит на обеих сторонах. Переход властей к контрреформаторской политике в 1870-е годы, утверждение бюрократическо-полицейского режима и нараставший с этого времени политический конфликт в русском обществе неизбежно подрывали привлекательность России как центра интеграционного притяжения для элит окраин империи.

Как бы то ни было, но мы старались показать, что даже те ресурсы, которыми правительство обладало, не были использованы эффективно. Не постесняемся повторить: проблема консолидации большой русской нации и механизмы этого процесса обсуждались в прессе, все основные элементы ассимиляторской программы были упомянуты в бюрократических документах и многие даже одобрены царем. Однако скоординированный план «положительных» ассимиляторских действий так и не был разработан. При обсуждении «украинского вопроса» во властных структурах внимание почти исключительно было сосредоточено на запретительных мерах. Задача консолидации именно большой русской нации как задача принципиально отличная по способам ее решения от проблемы сохранения империи так и не стала приоритетной в глазах властей. Скудное, даже сравнительно с имевшимися возможностями, финансирование начальной школы, отсутствие массовых изданий дешевой учебной литературы на русском, характер переселенческой политики и другие упомянутые в книге примеры нерадивости лишней раз свидетельствуют о низкой эффективности российской бюрократии как агента ассимиляции.

В результате в течение по крайней мере трех более-менее стабильных (сравнительно с царствованием Николая II, разумеется) десятилетий после отмены крепостного права, когда массы, в том числе крестьянство, еще оставались вне влияния радикалов, а возможности ассимиляторского давления на малорусского крестьянина и реализации общерусского проекта национального строительства, как бы они ни были ограничены, все же заметно превышали

возможности немногочисленного и политически аморфного украинского национального движения по пропаганде его идей, власти империи, по сути дела, полагались на стихийную ассимиляцию, сведя собственные усилия лишь к административным запретам по отношению к пропагандистским усилиям украинских националистов. Жесткость и закрытость политической системы исключала также и переориентацию на более ограниченную стратегию «гибридной» ассимиляции по англо-шотландскому образцу.

Историк лишен возможности экспериментальной проверки своих гипотез – мы никогда не сможем доказательно ответить на вопрос, возможен ли был успех общерусского проекта национального строительства при более эффективной власти вообще и более эффективном использовании ею имевшихся ассимиляторских возможностей, в частности. Как бы то ни было, ясно, что историю соперничества общерусского и украинского проектов национального строительства нужно рассказывать не только, а может быть, даже не столько как историю успеха украинского национального движения, но и как историю неудачи русских ассимиляторских усилий.

Вообще, оценка результатов ассимиляции решающим образом зависит от выбранных критериев. Если брать чисто количественные показатели, то ассимиляционные процессы шли весьма успешно – «обрусевшие» исчислялись в миллионах; города Украины, в подавляющем большинстве заселенные местными уроженцами, говорили тем не менее по-русски; практически неизбежно ассимилировались крестьяне-переселенцы. Оценка меняется, если ее критерием становится соревнование двух проектов национального строительства. В этом случае выясняется, что масштабы и темпы ассимиляции были в XIX в. все же недостаточны, чтобы обеспечить преимущество для проекта большой русской нации в условиях серьезного кризиса власти и «пришествия масс» в политику.

Аналогично выглядит и проблема оценки действенности Валуевского циркуляра и Эмского указа. Они были успешны в том смысле, что существенно затормозили процесс развития украинского национального движения. Однако сами по себе, не будучи подкрепленными достаточно мощным «положительным» ассимиляторским давлением, они не могли обеспечить победу проекту большой русской нации, а именно эту цель их авторы в конечном счете и преследовали.

Так что неудача проекта большой русской нации связана в первую очередь не со столь часто поминаемой Катковым и его последователями «польско-австрийско-немецкой интригой», но

с объективной ограниченностью русского ассимиляторского потенциала, с неспособностью государства и сторонников общерусского проекта в обществе скоординировать свои усилия, мобилизовать имевшиеся возможности для его реализации и для отстаивания уже достигнутого от вызова со стороны конкурирующего украинского проекта. «Окно возможностей» не было использовано, а тяжелейший политический кризис России в первые десятилетия XX в. и его последствия похоронили среди прочего и проект большой русской нации¹. Можно, конечно, допустить, что тот поистине катастрофический сценарий, кульминация которого прилась на 1917 г., не был неизбежен. Но вообще избежать серьезного политического кризиса в первые десятилетия XX в. Россия просто не могла. И еще до 1917 г. становится ясным, что предотвратить вытеснение малорусской версии идентичности украинской, то есть отрицающей общерусскую, не удастся. Успешный переход к той или иной форме автономии исключить было нельзя, но и он в условиях кризиса легитимности центральной власти был бы весьма затруднен, а к упреждающей кризис смене политики в «украинском вопросе» власти были не способны. Поэтому о достижениях в реализации этого проекта национального строительства можно сказать то же, что и в отношении ко многим другим аспектам российской модернизации – эти достижения были весьма существенны, но недостаточны для того, чтобы выдержать те внутренние и внешние вызовы, с которыми России пришлось столкнуться.

Вне зависимости от того, насколько убедительной покажется читателю предложенная оценка значимости различных факторов, предопределивших неудачу проекта большой русской нации, рискнем настаивать, что именно сквозь призму соперничества этого проекта с украинским можно наиболее адекватно описать развитие событий в XIX в. и логику поведения их участников.

* * *

Разумеется, история русификации украинцев в XIX в. далеко не заканчивается. Однако условия и механизмы ее развития, равно как и русско-украинских отношений вообще, в XX в. принципи-

¹ Отмечу, что сходный образ использует Л.Е. Горизонтов, исследовавший русскую политику в польском вопросе: «Государственным деятелям прошлого, кажется, была чужда мысль о том, что время, отведенное историей на эксперименты, не безгранично» (см.: *Горизонтов Л.Е. Парадоксы имперской политики: поляки в России и русские в Польше.* М., 1999. С. 219).

ально меняются. Революция 1905 г. начала тот крайне спрессованный процесс пришествия массовой политики, который уже в годы Первой мировой войны и революции превратил проблемы классовой и национальной идентичности из предмета интереса узких групп интеллектуалов в достояние миллионов.

Военные события 1914–1920 гг.; первые опыты украинской государственности; захват власти большевиками¹; создание Украинской ССР; политика коренизации, в ходе которой ликвидация безграмотности на Украине проводилась на украинском языке; институционализация этничности в СССР; коллективизация и связанный с ней организованный голод начала 30-х годов, страшнее всего ударивший именно по Украине; массовые репрессии против украинской культурной элиты в 30-е годы; Вторая мировая война и послевоенная реконструкция, вызвавшие новые перемещения десятков миллионов людей; противоречия послевоенного развития, когда одни украинцы сотнями отправлялись в лагеря по обвинению в буржуазном национализме, а другие составляли вместе с русскими костяк правившей империей номенклатуры; и, наконец, крах советского проекта в целом – все это уже совсем другая история. Трезвое изучение русско-украинских отношений в полном трагизме и противоречий XX в. сегодня только начинается².

¹ Этот момент очень важен, потому что означал исчезновение легитимного центра не только в глазах региональных элит, но и большей части русских образованных слоев. Нетрудно представить, как вели бы себя регионы Франции, удержись надолго у власти Парижская коммуна.

² Для заинтересованного читателя назову несколько публикаций, которые уже сегодня могут послужить хорошей отправной точкой для знакомства с этой темой. На русском языке вышли за последнее время два сборника о русско-украинских отношениях: Россия – Украина: история взаимоотношений / под. ред. А. Миллера, В. Репринцева, Б. Флори. М., 1997 (выделю статью Марка фон Хагена «Русско-украинские отношения в первой половине XX века»); Украина и Россия: общества и государства / под. ред. Д.Е. Фурмана. М., 1997. Также по-русски доступна сегодня книга Андреа Грациози «Большевики и крестьяне на Украине, 1918–1919 годы» (М.: АИРО-XX, 1997). Кроме того, отмечу следующие работы на английском: *von Hagen M.* Does Ukraine Have a History? // *Slavic Review* (Fall 1995); *Szporluk R.* The Russian Question and the Imperial Overextension // *The End of the Empire? The Transformation of the USSR in Comparative Perspective* / K. Davisha and V. Parrot (eds.). N. Y.: Armonk, 1997; *Slezkine J.* The USSR as a Communal Apartment, or How a Socialist State Promoted Ethnic Particularism // *Slavic Review* 53, 2 (Summer 1994); *Kaiser R.J.* The Geography of Nationalism in Russia and the USSR. Princeton, N.J., 1994; *Suny R.G.* The Revenge of the Past. Nationalism, Revolution and the Collapse of the Soviet Union. Stanford, Cal., 1993. Также полезна для

Эти драматические повороты истории и создаваемые ими новые обстоятельства превратили проект большой русской нации в очевидный анахронизм. Постепенно взгляд на проблему, признававший особую украинскую идентичность, становится в России все более распространенным. Уже в 1905 г. Российская академия наук признала украинский самостоятельным развитым языком, а не, как официально на тот момент считалось, наречием русского. После 1917 г. только в среде эмиграции некоторые упрямыцы сохраняли приверженность концепции большой русской нации в ее чистом виде. Так, знаменитый В.В. Шульгин, сын того самого В.Я. Шульгина, который редактировал «Киевлянин» в 1870-е годы, в 1922 г. на вопрос, что будет, если отпавшие от Российской империи новые государства попросят обратно, отвечал: «Тогда вместо федерации пожаловать их “широкой автономией”... Весьма приемлемая, настоящая национальная автономия. В то время, как в этнографической России будут “областные” автономии, ну, скажем, области: Петроградская, Московская, Киевская, Харьковская, Одесская – здесь будут области: Литовская, Латышская, Грузинская. Там будет, например, “Киевская Областная Дума”, а здесь “Литовский Сейм”. Там (например, в “Харьковской Областной Думе”) – председатель говорит *обязательно по-Русски*, а остальные – кто во что горазд, хоть по-“украински”, – а здесь (например, в Латвии) председатель *обязательно по-латышски*, а остальные, если хотят, хоть, по-русски»¹.

Однако большинство тех русских, которые признавали отдельную украинскую идентичность, будь-то до краха Российской империи или после, не допускали создания отдельного от России украинского государства. «Естественное» развитие должно было, с

первоначального знакомства с темой изданная на немецком книга: *Kappeler A. Kleine Geschichte der Ukraine. München, 1994.*

¹ *Шульгин В.* Нечто фантастическое. София, 1922. С. 26–27. (Цит. по: Несостоявшийся юбилей. Почему СССР не отпраздновал своего 70-летия? / под ред. М.К. Горшкова и др. М., 1992. С. 41). Обширную подборку цитат других русских деятелей периода гражданской войны и эмиграции, показывающую, как переосмысливались отдельные элементы концепции большой русской нации, см.: *Potulnyskyi V.A. The Image of Ukraine and the Ukrainians in Russian Political Thought (1860–1945) // Acta Slavica Iaponiaca. Т. XVI. Sapporo, 1998. P. 22–29.* (К сожалению, Потульницкий плохо знает историю XIX в., и те разделы его статьи, которые посвящены этому периоду, изобилуют ошибками. Достаточно сказать, что автор несколько раз, став, вероятно, жертвой опечатки в какой-то из использованных им книг, ссылается на номера «Основы» за 1863 г., в то время как журнал перестал выходить в 1862-м.)

их точки зрения, привести к добровольному федеративному союзу Украины и России. Украинскость в этом подходе уже не отрицалась как нечто противостественное, лишенное оснований, а концепция объективного единства малороссов и великороссов сменялась идеей единства русских и украинцев, основанного на истории и воле. Как правило, эта воля виделась predetermined, обусловленной своеобразными семейными узами. Теперь русское «идеальное Отечество» становилось «семейной собственностью», а отношения членов семьи и их иерархия определялась в категориях братства, где роль старшего принадлежала русским.

Эти взгляды, полуофициально принятые в советское время, в превращенной форме дожили до сегодняшнего дня. Александр Солженицын, например, в своем знаменитом эссе 1990 г. «Как нам обустроить Россию?» считал вполне возможным, а в некоторых случаях и весьма желательным отделение Прибалтики, Кавказа и Средней Азии, но настаивал на сохранении единства России, Украины, Белоруссии и Северного Казахстана с преобладанием восточнославянского населения. Вспомним, и как М.С. Горбачев накануне референдума о независимости Украины в своем обращении говорил, что не может представить Союз без Украины. Вряд ли он смог бы с той же искренностью и надеждой, что будет понят, сказать это в обращении к гражданам Таджикистана или Литвы. И снова проблема отнюдь не сводилась к размеру и ресурсам Украины. Уход Украины означал отвержение тех уз и ценностей, которые, казалось, должны были устоять после краха коммунизма, и потому этот уход был столь болезненно пережит в России, да и многими в Украине¹. Впрочем, вернее будет сказать, переживается. «Будем сохранять теплое чувство единого треславянского народа: “А вы, украинцы, как и белорусы, – все равно наши братья!”» – это уже цитата из последней книги Солженицына². Рассказанная нами история проекта большой русской нации и его краха завершена, но отголоски тех идей и сюжетов в новых условиях, в новых формах хорошо различимы и сегодня.

¹ Анализ публикаций российской прессы об Украине после распада СССР см.: *Миллер А.* Образ Украины и украинцев в российской прессе после распада СССР // Полис. 1996. № 2.

² *Солженицын А.И.* Славянская трагедия // Труд–7. 29 мая 1998. С. 5.

Источники

Архивные документы

Архив внешней политики Российской империи в Москве (далее – АВПРИ)

Ф. 133 (Канцелярия МИД), оп. 469, 1863 год – ед. хр. 83; 1864 год – ед. хр. 73; 1866 год – ед. хр. 218, 219; оп. 470, 1877 год – ед. хр. 113.

Ф. 135 (Секретный архив), оп. 467, ед. хр. 67.

Ф. 155 (2-й (внешних сношений) департамент, 1 отд., 4 секретный стол) оп. 241, ед. хр. 1, 34; оп. 441, 1882 г. – ед. хр. 67, 74, 77, 1888 г. – ед. хр. 210.

Государственный архив Российской Федерации в Москве (далее – ГАРФ)

Ф. 1090 (Секретный архив), оп. 1, ед. хр. 1762–1771.

Ф. 109 (1-я экспедиция III отделения), оп. 37, ед. хр. 230, ч. 38; оп. 38, ед. хр. 23 (ч. 175, ч. 313); оп. 50, ед. хр. 85

Ф. 569 (Лорис-Меликова М.Т.), оп. 1, ед. хр. 16, 24, 26.

Ф. 583 (Половцева А.А.), оп. 1, ед. хр. 15–20, 60, 61, 72.

Отдел рукописей Российской государственной библиотеки в Москве (далее – ОР РГБ)

Ф. 120 (Каткова М.Н.), картон 1, ед. хр. 37, 57, 68; к. 2, ед. хр. 29; к. 43, ед. хр. 18; к. 46, 47, 55, ед. хр. 5.

Ф. 169 (Милютин Д.), к. 14, ед. хр. 2, 3; к. 42, ед. хр. 5, к. 59, ед. хр. 32.

Ф. 265 (Самариных), к. 82, ед. хр. 2 ф. 418 (Маслова В.П.), к. 1, ед. хр. 15.

**Рукописный отдел Российской национальной библиотеки
в Санкт-Петербурге (далее – РО РНБ)**

Ф. 208 (Головнина А.В.), ед. хр. 105

Ф. 600 (Половцова А.А.), ед. хр. 606, 608.

Ф. 385 (Костомарова Н.И.), ед. хр. 13.

Российский государственный исторический архив в Санкт-Петербурге (далее – РГИА)

Ф. 733, оп. 193 (1863 год), ед. хр. 86.

Ф. 772 (Главное управление цензуры МНП), оп. 1, ч. 1, ед. хр. 188, оп. 1, ч. 2, ед. хр. 3165, 3210, 3263, 4027, 4152, 4503, 4840, 4950, 5049, 5536, 5603, 5722.

Ф. 775 (Центральное управление по цензурному ведомству МВД), оп. 1, 1863 год – ед. хр. 188, 205, 322, 332.

Ф. 776 (Главное управление по делам печати), оп. 11, ед. хр. 61, 61а; оп. 11, 2 отд., 1872 год – ед. хр. 35, 84, 1873 год – ед. хр. 38, 1876 год – ед. хр. 59, 61а, 61б, 1877 год – ед. хр. 81; оп. 20, 1880 год – ед. хр. 28.

Ф. 908 (Валуева П.А.), оп. 1., ед. хр. 109, 132, 174, 182, 185, 234.

Ф. 932 (Дондукова-Корсакова А.М.), оп. 1., ед. хр. 160.

Ф. 1281 (Канцелярия министра внутренних дел), оп. 1, ед. хр. 166.

Ф. 1282 (Канцелярия министра внутренних дел), оп. 1, ед. хр. 19, 160, 162, 166, 352, 374.

Ф. 797 (Канцелярия обер-прокурора Священного Синода), оп. 29, 1 отд., 2 стол, ед. хр. 158; оп. 53, 2 отд., 3 стол, ед. хр. 21.

Приложение 1

Циркуляр министра внутренних дел П.А. Валуева Киевскому, Московскому и Петербургскому цензурным комитетам от 18 июля 1863 г.¹

Давно уже идут споры в нашей печати о возможности существования самостоятельной малороссийской литературы. Поводом к этим спорам служили произведения некоторых писателей, отличавшихся более или менее замечательным талантом или своею оригинальностью. В последнее время вопрос о малороссийской литературе получил иной характер, вследствие обстоятельств чисто политических, не имеющих никакого отношения к интересам собственно литературным. Прежние произведения на малороссийском языке имели в виду лишь образованные классы Южной России, ныне же приверженцы малороссийской народности обратили свои виды на массу непросвещенную, и те из них, которые стремятся к осуществлению своих политических замыслов, принялись, под предлогом распространения грамотности и просвещения, за издание книг для первоначального чтения, букварей, грамматик, географий и т.п. В числе подобных деятелей находилось множество лиц, о преступных действиях которых производилось следственное дело в особой комиссии.

В С.-Петербурге даже собираются пожертвования для издания дешевых книг на южно-русском наречии. Многие из этих книг поступили уже на рассмотрение в С.-Петербургский цензурный комитет. Не малое число таких же книг представляется и в киевский цензурный комитет. Сей последний в особенности затрудняется

¹ Впервые опубликован М.К. Лемке в книге «Эпоха цензурных реформ 1859–1865 годы» (СПб., 1904. С. 302–304).

пропуском упомянутых изданий, имея в виду следующие обстоятельства: обучение во всех без изъятия училищах производится на обще-русском языке и употребление в училищах малороссийского языка нигде не допущено; самый вопрос о пользе и возможности употребления в школах этого наречия не только не решен, но даже возбуждение этого вопроса принято большинством малороссиян с негодованием, часто высказывающемся в печати. Они весьма основательно доказывают, что никакого особенного малороссийского языка не было, нет и быть не может, и что наречие их, употребляемое простонародием, есть тот же русский язык, только испорченный влиянием на него Польши; что обще-русский язык также понятен для малороссов, как и для великороссиян, и даже гораздо понятнее, чем теперь сочиняемый для них некоторыми малороссами, и в особенности, поляками, так называемый, украинский язык. Лиц того кружка, который усиливается доказывать противное, большинство самих малороссов упрекает в сепаратистских замыслах, враждебных к России и гибельных для Малороссии.

Явление это тем более прискорбно и заслуживает внимания, что оно совпадает с политическими замыслами поляков и едва ли не им обязано своим происхождением, судя по рукописям, поступавшим в цензуру, и по тому, что большая часть малороссийских сочинений действительно поступает от поляков. Наконец, и киевский генерал-губернатор находит опасным и вредным выпуск в свет рассматриваемого ныне духовною цензурой перевода на малороссийский язык Нового Завета.

Принимая во внимание, с одной стороны, настоящее тревожное положение общества, волнуемого политическими событиями, а с другой стороны, имея в виду, что вопрос об обучении грамотности на местных наречиях не получил еще окончательного разрешения в законодательном порядке, министр внутренних дел признал необходимым, впредь до соглашения с министром народного просвещения, обер-прокурором св. синода и шефом жандармов относительно печатания книг на малороссийском языке, сделать по цензурному ведомству распоряжение, чтобы к печати дозволялись только такие произведения на этом языке, которые принадлежат к области изящной литературы; пропуском же книг на малороссийском языке как духовного содержания, так учебных и вообще назначаемых для первоначального чтения народа, приостановиться. О распоряжении этом было повергаемо на высочайшее государя императора воззрение и Его Величеству благоугодно было удостоить оное монаршего одобрения.

Приложение 2

Выводы Особого Совещания для пресечения украинофильской пропаганды после исправления в соответствии с замечаниями, сделанными Александром II 18 мая 1876 г. в г. Эмс¹

В видах пресечения опасной, в государственном отношении, деятельности украинофилов, полагалось бы соответственным принять впредь до усмотрения, следующие меры:

а) По Министерству Внутренних дел.

1. Не допускать ввоза в пределы Империи, без особого на то разрешения Главного Управления по делам печати, каких бы то ни было книг, издаваемых за границей на малорусском наречии.

2. Воспретить в Империи печатание, на том же наречии, каких бы то ни было оригинальных произведений или переводов, за исключением исторических памятников, но с тем, чтобы и эти последние, если принадлежат к устной народной словесности (каковы песни, сказки, пословицы), издаваемы были без отступления от общерусской орфографии (т.е. не печатались так называемой «кулишовкою»).

Примечание I. Мера эта была бы не более, как расширением Высочайшего повеления от 3 июля 1863 года, коим разрешено было допускать к печати на малорусском наречии только произведения, принадлежащие к области изящной литературы, пропуски же книг на том же наречии, как духовного содержания, так учебных и

¹ В этом окончательном виде текст, известный в литературе как Эмский указ, стал основой для секретных инструкций соответствующим правительственным структурам. Впервые опубликован в кн.: *Савченко Ф.* Заборона українства 1876 року. Х. – К., 1930 (репринт – München, 1970). С. 381–383.

вообще назначаемых для первоначального чтения, повелено было приостановить.

Примечание II. Сохраняя силу означенного выше Высочайшего повеления, можно было бы разрешить к печатанию на малорусском наречии, кроме исторических памятников, и произведения изящной словесности, но с тем, чтобы соблюдалась в них общерусская орфография, и чтобы разрешение давалось не иначе, как по рассмотрению рукописей Главным Управлением по делам печати.

3. Воспретить равномерно всякие на том же наречии сценические представления, тексты к нотам и публичные чтения (как имеющиеся в настоящее время характер украинофильских манифестаций).

4. Поддержать издающуюся в Галиции, в направлении враждебном украинофильскому, газету «Слово», назначив ей хотя бы небольшую, но постоянную субсидию¹, без которой она не может продолжать существование и должна будет прекратиться (украинофильский орган в Галиции, газета «Правда», враждебная вообще русским интересам, издается при значительном пособии от поляков).

5. Запретить газету «Киевский Телеграф»² на том основании, что номинальный ее редактор Снежко-Блоцкий слеп на оба глаза и не может принимать никакого участия в редакции, которой заведуют постоянно и произвольно лица, приглашаемые к тому издательницею Гогоцкою из кружка людей, принадлежащих к самому неблагонамеренному направлению.

б) По Министерству Народнаго Просвещения.

6. Усилить надзор со стороны местного учебного начальства, чтобы не допускать в первоначальных училищах преподавания каких бы то ни было предметов на малорусском наречии³.

7. Очистить библиотеки всех низших и средних училищ в малороссийских губерниях от книг и книжек, воспрещаемых 2-м параграфом настоящего проекта.

8. Обратить серьезное внимание на личный состав преподавателей в учебных округах Харьковском, Киевском и Одесском, потребовав от попечителей сих округов именного списка преподавателей с отметкою о благонадежности каждого по отношению к украинофильским тенденциям, и отмеченных неблагонадежными

¹ На полях приписано, вероятно, Потаповым: «1000 р. из сумм III жанд., в текст заключения не вводить, а только иметь в соображении».

² На полях приписано: «в соображении вредное влияние газеты».

³ На полях приписано: «это не существенно».

или сомнительными перевести в великорусские губернии, заменив уроженцами этих последних.

9. На будущее время выбор лиц на преподавательские места в означенных округах возложить, по отношению к благонадежности сих лиц, на строгую ответственность представляющих о их назначении, с тем, чтобы ответственность, о которой говорится, существовала не только на бумаге, но и на деле.

Примечание I. Существуют два Высочайшие повеления покойного Государя Николая Павловича, не отмененные Верховной Властью, а потому сохраняющие и в настоящее время силу закона, которыми возлагалось на строжайшую ответственность Попечителей Округов и вообще учебного начальства не терпеть в учебных заведениях лиц с неблагонадежным образом мыслей не только между преподавателями, но и между учащимися. Полезно было бы напомнить о них.

Примечание II. Признавалось бы полезным принять за общее правило, чтобы в учебные заведения округов: Харьковского, Киевского и Одесского назначать преподавателей преимущественно великоруссов, а малоруссов распределить по учебным заведениям С.-Петербургского, Казанского и Оренбургского округов.

10. Закрыть на неопределенный срок Киевский Отдел Императорского Географического Общества (подобно тому, как в 1860-х годах закрыт в этом последнем Политико-экономический Комитет, возникший в среде Статистического Отделения) и допустить затем открытие его вновь, с предоставлением местному Генерал-Губернатору права ходатайствовать о его открытии, но с устранением навсегда тех лиц, которые сколько-нибудь сомнительны в своем чисторусском направлении¹.

в) По III Отделению Собственной Его Императорского Величества Канцелярии.

11. Немедленно выслать из края Драгоманова и Чубинского, как неисправимых и положительно опасных в крае агитаторов².

¹ На полях приписано: «предоставить М.В.Д. войти в надлеж. сношения с кем следует относительно изыскания мер к дал. направлению этого дела».

² На полях приписано: «выслать из края с воспрещением въезда в южн. губ. и столицы, под секретное наблюдение».

**ИЗБРАННЫЕ
СТАТЬИ
ПО УКРАИНСКОМУ
ВОПРОСУ**

Империя и нация в воображении русского национализма*

В 1885 г. известный историк литературы А. Пыпин опубликовал в «Вестнике Европы» статью под названием «Волга и Киев»¹. Он начинает ее с рассказа о своей беседе с мастером литературного описания природы И.С. Тургеневым. В разговоре выясняется, что тот никогда не бывал на Волге. Это становится для Пыпина отправной точкой для рассуждений о том, что «русская литература Волгу не освоила», что «Волги нет и в русской живописи» [188–189]. «Если действительно мы так преданы задаче «самобытности», народно-государственной оригинальности, так стремимся дать вес своему родному наперекор чужеземному и т.д., то одной из первых забот было бы знать это родное, по крайней мере в его основных, наиболее характерных пунктах. Волга, без сомнения, принадлежит к числу таких пунктов» [193]. Аналогичные упрёки и сожаления Пыпин высказывает в связи с Киевом: «Историк, публицист, этнограф, художник должны видеть Киев, если хотят составить себе живое представление о русской природе и народности, потому что здесь опять (как и на Волге. – А.М.) одни из лучших картин русской природы и одна из интереснейших сторон русской народности... Киев – единственный город, где чувствуется давняя старина русского города» [199–200].

Чтобы верно интерпретировать эти рассуждения, обратим внимание на два других мотива этой статьи. Во-первых, саратовский

* Статья впервые опубликована в кн.: Российская империя в сравнительной перспективе / под. ред. А. Миллера. М.: Новое издательство, 2004. Печатается с некоторыми изменениями и дополнениями.

¹ Пыпин А. Волга и Киев // Вестник Европы. 1885. № 7. С. 188–215. Далее ссылки на эту статью даются в тексте указанием номера страницы в скобках.

уроженец Пыпин прекрасно понимает, что «здесь, на Волге, смешение этнографическое и кровное» [196]. Он издевается над стремлением некоторых «стереть» все нерусские национальности: «это была бы задача для мономана, достойная известного щедринского героя, вопрошавшего: “зачем река?”» [211]. И в этой статье, как и во многих других своих трудах, Пыпин выступал против репрессий в отношении украинского языка и отстаивал право малороссов быть непохожими на великоросов, «как до сих пор северный француз, немец, итальянец не похожи на южных» [212].

Во-вторых, сказав о Волге и Киеве, как о «характерных пунктах родного», не освоенных русским искусством, Пыпин противопоставляет их популярным у писателей и художников Кавказу, Крыму, остзейскому краю, которые, по его мнению, к категории «родных пунктов» не относятся [196]. Он с сарказмом пишет о русских художниках, «которые предпочитают изображать “мельницы в Эстляндии” или кучу красно-бурых камней под именем “крымских эскизов”, или что-нибудь столь же занимательное» [190]. То есть не вся территория империи принадлежит, с его точки зрения, к разряду «родного, русского», но единство империи он при этом сомнению не подвергает.

Текст Пыпина в своих идеологических основаниях не носил сколько-нибудь революционного и оригинального характера, а был, скорее, типичен для настроений русского образованного общества. Он замечателен лишь полнотой и систематичностью изложения распространенной точки зрения, и мы еще вернемся к нему в этой главе, задача которой – обозначить самые общие параметры темы, до сих пор не получившей должного внимания исследователей. Речь идет о «ментальных картах» русского национализма.

* * *

Слишком многие историки, к сожалению, не придают должного значения тем идеям и настроениям, тому дискурсу, который так хорошо иллюстрирует статья Пыпина. Когда Роджерс Брубейкер написал, что «нигде теоретический примитивизм исследований национализма не проявляется столь явно, как в литературе (и квазилитературе) об этом регионе», он имел в виду Восточную Европу и политологов¹. Представления о проблематике русского национа-

¹ *Brubaker R. Myths and Misconceptions in the Study of Nationalism // The State of the Nation. Ernest Gellner and the Theory of Nationalism / J.A. Hall, ed. Cambridge, 1998. P. 272–306 (здесь – P. 302).*

лизма, о взаимоотношениях этого национализма и империи, которые доминируют сегодня в историографии, заставляют думать, что отчасти эта критика касается и историков.

Приведу примеры из нескольких публикаций самого недавнего времени. Дэвид Роули в своей статье приходит к выводу, что нет вообще основания говорить о русском национализме «в общепринятом смысле» в эпоху империи Романовых. «Общепринятым определением» национализма Роули считает определение Эрнеста Геллнера, который утверждал, что «национализм – это прежде всего политический принцип, в соответствии с которым политическое и национальное целое должны совпадать... Националистические чувства это чувства гнева, пробуждаемые нарушением этого принципа, или чувства удовлетворения от его реализации. Националистическое движение вызывается к жизни чувствами этого рода». Следовательно, заключает Роули, «русское националистическое чувство могло найти выражение в двух формах: либо русская нация очертит границу вокруг территории, на которой живут русские, и отделит себя от всех нерусских территорий, либо она может попытаться превратить всех жителей Российского государства в членов русской нации. Первый вариант предполагал бы роспуск империи и создание русским народом собственного государства. Второй вариант предполагал бы аккультурацию с русской этничностью (русификацию) всех народов империи»¹. В этой цитате Роули ясно излагает и доводит до логического завершения те теоретические посылки, которые лежат в основе многих работ о русском национализме.

Тезис о том, что русские не делали различия между империей, национальным государством и нацией, кочует из одного исследования в другое и ведет многих авторов к рассуждениям о том, что программа русского национализма сводилась к заведомо нереалистичному проекту преобразования империи в национальное государство. Именно им руководствуется, например, Роберт Кайзер, когда пишет о том, что «различие между Русью как родиной предков и Россией как территорией Российской империи утратило со временем ясное значение», и определяет «русский националистический проект» как «преобразование Российской империи в русское национальное государство»².

¹ Rowley D. Imperial versus National Discourse: the Case of Russia // Nations and Nationalism. 2000. No. 1. P. 23–42 (цитаты – с. 24, 25).

² Kaiser R.J. The Geography of Nationalism in Russia and the USSR. Princeton, N.J.: Princeton UP, 1994. P. 85.

«Главный вопрос для руководителей России в XIX и XX веке можно сформулировать так: возможно ли внедрить в сознание этнически разнообразного населения империи составную национальную идентичность?» наподобие британской, – в этом же духе пишет Джеффри Хоскинг в своей книге о том, «как строительство империи препятствовало формированию нации»¹. «Воображаемая география: Российская империя как русское национальное государство» – название одной из глав и тема всей книги Веры Тольц².

Но насколько применимо в случае России геллнеровское определение национализма, из которого исходят все цитированные и многие похожие рассуждения? Националисты неизбежно задаются вопросом о том, какое пространство должно принадлежать их нации с точки зрения политического контроля и как «национальная территория»³. В тех случаях, когда речь идет о неимперских нациях, можно сказать, что национальная территория это то, каким, по мнению националистов, «их» государство должно быть в идеале или «по справедливости». То есть «национальная территория» и пространство политического контроля совпадают. В случае с имперскими нациями эти две категории пространства могут существенно различаться. Дело в том, что стремление консолидировать нацию, в том числе очертив границы «национальной территории» внутри империи, совсем не обязательно предполагает стремление «распустить» империю.

Большинство колониальных войн велись именно ради установления имперского контроля над теми или иными территориями, а не для включения их в «национальную территорию». Англичане стремились утвердить британскую идентичность только в части своей империи – «на островах», французы стремились утвердить французскую идентичность только в европейской части своей им-

¹ *Hosking G.* Russia. People and Empire. 1552–1917. Glasgow: Fontana Press, 1997. P. XIX, XXI.

² *Tolz V.* Inventing the Nation. Russia. L., 2001. P. 155.

³ Терминами «национальная территория» и «идеальное отечество» я обозначаю националистическое представление о том, какое пространство должно принадлежать данной нации «по праву» именно как нации, как «наша земля», а не подвластная территория. Аргументы в пользу такой принадлежности могут быть самыми разными – от фактической демографической ситуации на данный момент до «исторического права» («наши предки здесь жили»), геополитических резонансов («выход к морю», «жизненное пространство»), ссылок на кровь, пролитую «нашими» солдатами на эту землю, и т.д. См.: *Миллер А.* Конфликт «идеальных отечеств» // Родина. 1999. № 8. С. 79–82.

перии¹. Конечно, в Британии, Франции и даже Испании национализм господствующих наций получил заметно более «богатое наследство», чем в России. (Но уже сравнение с Испанией не столь однозначно. Например, если считать, что Москва решала проблемы консолидации и гомогенизации объединяемых вплоть до XVI в. феодальных государств, то можно утверждать, что с этой проблемой она справилась даже лучше, чем «католические короли» и их наследники после Реконкисты в Королевстве Испании.) Модернизированность общества и доля «работы» по его культурной и языковой гомогенизации, выполненная еще «старым режимом», были, во всяком случае, в Британии и Франции, заметно выше, чем в России. Но все равно было бы заведомо неверно представлять дело так, будто уже сформировавшиеся национальные государства начинали колониальную экспансию. Нации-государства в метрополиях морских империй «добраивались» параллельно и в тесной связи с имперской экспансией. Если «британская идентичность», как показала Линда Колли, во многом рождалась из успехов империи и борьбы с ее врагами, то же самое можно сказать и о других «имперских» нациях, в том числе и русской².

Русский национализм тоже был избирателен в своем проекте³. В то же время, для русского национализма, как и для французского, британского или испанского, стремление к консолидации нации вовсе не стояло в непримиримом противоречии со стремлением сохранить и при возможности расширить империю. Геллнеровская формула национализма подходит к опыту тех движений, которые стремились «выкроить» новые государства из уже существующих, но не работает применительно к тем случаям, когда тот или иной

¹ Лишь после Второй мировой войны идея превращения алжирских арабов во «французов», а не «алжирцев», рассматривалась всерьез.

² Colley L. *Britons: Forging a Nation, 1707–1837*. L.: Pimlico, 1992. См. также: Kamen H. *Spain's Road to Empire. The Making of a World Power*. The Penguin Press, 2002, где подчеркивается, что испанская нация была продуктом империи. «Мы привыкли к идее, что Испания создала свою империю, но полезнее работать с идеей, что империя создала Испанию» (цитируется в кн.: Wright R. *For a Wild Surmise* // TLS. 2002. Vol. 20. No. 5202 (December). P. 3).

³ Пожалуй, единственный проект, который провозглашал задачу радикального преобразования всей территории империи, исключая этническую Польшу, в национальное государство русского народа – это «Русская Правда» Павла Пестеля.

национализм мог принять как «свое» уже существующее государство, в том числе империю¹.

Русские, что бы мы ни имели в виду под этим понятием², были центральной и наиболее многочисленной этнической группой империи. По целому ряду причин, как минимум до начала XX в., не вполне верно называть их доминирующей группой в том смысле, в котором британцы и французы доминировали в своих империях. Правящая династия дольше, чем в большинстве европейских государств, сопротивлялась «национализации», господствующее положение в империи занимало полиэтническое дворянство, а русский крестьянин долгое время мог быть, и был в действительности, крепостным у нерусского, не православного, и даже нехристианского, дворянина. Нация «не правила» и не имела системы политического представительства.

Но, с другой стороны, позиции русского языка как официального языка империи постоянно укреплялись, православие имело статусные преимущества в отношении других религий, элитная русская культура в XIX в. становилась все более «полной» и соответствующей европейским стандартам. В этих условиях вовсе не было утопическим стремление русских националистов к «русификации» империи в том смысле, что русские должны были занять в ней господствующее положение как нация, подобно положению французов или британцев в «их» империях. Сознательно оставляю за рамками этих рассуждений большой комплекс вопросов о том, какие изменения политического строя, какие формы политической мобилизации были для этого необходимы. (Можно предположить, что наиболее реалистичный путь такой политической модернизации лежал через установление конституционной монархии.) Хочу только подчеркнуть, что было бы ошибкой считать, что даже до создания системы политического представительства между общественным националистическим дискурсом и имперской бюрократией существовала непроницаемая мембрана. Если Романовы могли искать новые источники легитимации своей власти в национализме, то это мог быть только русский национализм, и «официальный

¹ О неприменимости геллнеровской модели к британскому случаю см.: *Wellings B. National and Imperial Discourses in England // Nations and Nationalism. 2002. No. 1. P. 95–109.*

² Трактовка понятия «русский» была далеко неоднозначной, и споры вокруг этого понятия составляли один из важных элементов русского националистического дискурса.

национализм»¹ Романовых неизбежно должен был искать точки соприкосновения с русским национализмом общественности. Медленно, не без сопротивления и внутренних противоречий, но правящая элита усваивала определенные элементы идеологии русского национализма, что уже в середине XIX в. сказывалось на мотивации ее политики².

Ричард Уортман написал, что «задача историка – понять русский национализм как поле постоянной борьбы, констатации. Эта борьба развернулась в XIX – начале XX в. между монархией и образованной частью общества, когда в своей борьбе за контроль над государством каждая из двух сторон претендовала на право представлять народ»³. В этой действительно непрестанной борьбе были и другие, иначе проходящие фронты, были предметы споров, в которых часть образованного общества вступала или стремилась вступить с властью в союз против другой части этого образованного общества. Именно так часто происходило в спорах о критериях русскости и о границах русской «национальной территории»⁴.

В этих спорах сторонники отождествления Российской империи с русским национальным государством и вытекающего из этого действительно утопического стремления к поголовной русификации всего населения империи неизменно составляли среди

¹ О понятии «официальный национализм» династий см.: *Anderson B. Imagined Communities. Reflections on the Origins and Spread of Nationalism.* L., 1991.

² См., например: *Уортман Р.С.* Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. Т. 2. М.: ОГИ, 2004; *Миллер А.* Украинский вопрос в политике властей и русском общественном мнении второй половины XIX века (главы 4–5).

³ *Уортман Р.* Национализм, народность и российское государство // *Неприкосновенный запас.* 2001. № 3(17).

⁴ Исходя из всего вышесказанного я бы хотел оспорить некоторые тезисы Роджерса Брубейкера, высказанные им в шестой главе его книги «Этничность без групп». Справедливо оспаривая продуктивность деления национализмов на «гражданские» и «этнические», Брубейкер предлагает в качестве одной из альтернатив различать национализмы, которые воображают нацию как совпадающую с государством институционально и территориально, и национализмы, которые воображают нацию в оппозиции к существующей институциональной и территориальной организации государства или государств. Очевидно, что русский национализм не противопоставлял себя государству, то есть Российской империи, во всяком случае, не стремился к ее территориальной дезинтеграции даже в тех случаях, когда выступал за институциональные изменения. В то же время русский национализм в подавляющем большинстве своих версий не идентифицировал русскую «национальную территорию» с Российской империей. См.: *Brubaker R. Ethnicity without Groups.* Cambridge, Mass. & London, Eng.: Harvard UP, 2004. P. 144.

русских националистов заведомое меньшинство. Таким же меньшинством были и те, кто готов был поставить знак равенства между русскими и великорусами, а в качестве национальной территории принять традиционный ареал расселения великорусов¹.

Очевидная особенность Российской империи в сравнении с Британской, Французской, Испанской империями – ее континентальный характер, отсутствие «большой воды» между метрополией и периферией. Это создавало понятные сложности для «воображения национальной территории» внутри империи, но и открывало определенные возможности.

По сравнению с другими континентальными державами проблема взаимоотношений русского национализма и империи также имела ряд особенностей. При всех своих трудностях в XIX в. Российская империя продолжала территориальную экспансию и сохраняла тот уровень военной мощи, экономического потенциала и веры в будущее, который делал иностранный диктат и распад империи скорее гипотетическими угрозами, а не фактором повседневности, как в Османской империи. Конечно, в тот момент, когда русский национализм получил некоторое общественное пространство и возможность заявить о себе в ходе реформ начала царствования Александра II, он был реакцией на вызов со стороны более развитых национализмов Европы и унижение Крымской войны². Но этот

¹ Вот как пишет об этом направлении в начале 1870-х годов Михаил Драгоманов, из собственных соображений склонный преувеличивать его влияние: «Это по-настоящему и есть наша ультрарусская партия, довольно многочисленная среди образованных людей в столицах и в Великой России; этот новый род “великорусских сепаратистов” говорит: да Бог с ними, с этими окраинами; нас, несомненных русских, на несомненной русской земле все-таки 30–40 миллионов, будем заниматься своими делами, а окраины пусть живут как хотят! Конечно, останься эти “ультрарусские” без Риги и Варшавы, и чего доброго без Вильно и Киева, они бы почувствовали себя не совсем ловко... Но этот ультрарусский сепаратизм людей середины России совершенно понятен и естествен как реакция направлению, которое заботится так неловко об обрусении и перерусении племен». (*Драгоманов М. Восточная политика Германии и обрусение // Вестник Европы. 1872. № 5. С. 239.*) Драгоманов был не русским, а украинским националистом, но при этом националистом-федералистом, и, судя по всему, он даже был искренен, когда выступал за целостность империи, которую он в 1870-е годы стремился «реформировать вместе с великоруссами» (*Студинский К. Листи Драгоманова до Навроцького // За сто літ. 1927. № 1. С. 135.*)

² О формировании в это время пространства русского националистического дискурса через развитие прессы см: *Renner A. Russischer Nationalismus und Öffentlichkeit im Zarenreich. Köln, 2000.*

национализм не был реакцией на неотвратимый, уже происходящий распад империи, как национализм младотурков. Это не был проект минимизации ущерба или спасения того, что удастся спасти, как в турецком случае.

От империи Габсбургов Россию отличала существенно менее сильная феодальная традиция в структурировании пространства империи. Здесь не было Прагматической санкции, четко фиксировавшей границы «коронных земель» и права их местных дворянских сеймов. Лишь Царство Польское, Финляндия и, до некоторой степени, остзейский край имели в определенные периоды сравнимый с габсбургскими коронными землями (Land'ами) статус. Если в Габсбургской монархии границы феодальных коронных земель стали основой «территориализации этничности» уже в XIX в., то в Российской империи соответствующие процессы были весьма ограничены, и территориализация этничности широко развернулась в опоре на иные принципы уже в СССР¹.

В монархии Габсбургов демографический баланс между различными этническими группами и особенности политического развития привели к тому, что в австрийской части империи самостоятельный экспансионистский проект строительства немецкой нации возник поздно и носил скорее оборонительный характер. Программа, принятая немецкими националистами в Линце в 1882 г., призывала к выделению тех земель империи, которые входили прежде в немецкий союз, в возможно более самостоятельное образование, и к защите их немецкого характера. Далмацию, Боснию и

¹ См.: *Martin T.* The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939. Cornell UP, 2001 (рус. пер.: *Мартин Т.* Империя положительной деятельности. Нации и национализм в СССР. М.: РОССПЭН, 2011; *Slezkine J.* The USSR as a Communal Apartment, or How a Socialist State Promoted Ethnic Particularism // *Slavic Review*. 1994. Vol. 53. No. 2 (Summer). P. 414–452 (см. рус. пер.: *Слезкин Ю.* СССР как коммунальная квартира, или Каким образом социалистическое государство поощряло этническую обособленность // *Американская русистика: вехи историографии последних лет. Советский период.* Самара, 2001); *Kaiser R.J.* The Geography of Nationalism in Russia and the USSR. Princeton, N.J., 1994. В отличие от некоторых историков, которые делают акцент на преемственности процесса территориализации этничности в имперской России и СССР (см.: *Brower D., Lazzarini E.* Introduction // *Russia's Orient: Imperial Borderlands and Peoples, 1700–1917* / Ed. by D.R. Brower and E.J. Lazzarini. Bloomington & Indianapolis: Indiana UP, 1997. P. XIX), я считал бы важным подчеркнуть как раз принципиальное различие между политикой поздней империи и русским националистическим дискурсом территориальности, с одной стороны, и советской политикой территориализации и институализации этничности – с другой.

Герцеговину предлагалось отдать под власть венгров, Галицию и Буковину либо также передать в Транслейтанию, либо дать им особый статус. Таким образом, мишенью германизации становились Богемия, Моравия, Словения и оставшиеся под властью Габсбургов части итальянских земель и Силезии. Однако вскоре и здесь немецкий национализм вынужден был скорее сосредоточиться на сохранении уже существовавшей к тому времени сферы немецкого культурного доминирования, чем на ассимиляторской экспансии¹. Таким образом, русский националистический проект консолидации нации внутри империи, который предполагал «присвоение» определенной части имперского пространства как «русской национальной территории», существовал более длительное время, чем аналогичные проекты в Османской или Габсбургской империях. Лишь в Транслейтании, в своей субимперии, венгры на протяжении сравнимого времени пытались реализовать отчасти похожий проект, используя ситуацию, возникшую в результате принятия закона об исключительных правах венгерского языка в землях короны св. Стефана в 1844 г. и дуалистического соглашения 1867 г.

Националистическое «присвоение» территории, мотивированное русским национализмом, было не актом, но процессом. У этого процесса было несколько важных составляющих. Во-первых, споры о том, что есть «русскость», каковы критерии принадлежности индивида, группы, территории русской нации, велись столько времени, сколько была жива империя.

Во-вторых, русский национализм обладал большим потенциалом к расширению «национальной территории» и на ряде направлений встречал на пути этого расширения меньше препятствий, чем аналогичные проекты в континентальных империях Габсбургов и Османов. Но это, подчеркну снова, отнюдь не значило, что в русском национализме, точнее в его дискурсивно преобладающих версиях, содержалось стремление охватить всю империю как «национальную территорию». Собственно, сама напряженность дебатов о границах русскости и критериях принадлежности к ней служит убедительным доказательством, что русский проект национального

¹ См.: *John M. National Movements and Imperial Ethnic Hegemonies in Austria, 1867–1918 // The Historical Practice of Diversity. Transcultural Interactions from Early Modern Mediterranean to the Postcolonial World / Ed. by D. Hoerder. N.Y. – L.: Berghahn Books, 2003. P. 87–105 (особенно с. 96–98).*

строительства, будучи экспансионистским, заведомо не стремился к охвату всей империи и русификации всех ее подданных.

Говоря о националистическом присвоении пространства, я имею в виду символическую, воображаемую географию. Речь идет о сложном комплексе дискурсивных практик, который включал в себя идеологическое обоснование, символическое, топонимическое, художественное освоение определенного пространства таким образом, чтобы общественное сознание осмысливало это пространство как часть именно «своей», «национальной» территории.

* * *

Вернемся к статье Пыпина «Волга и Киев». Когда он говорит о том, какими средствами должно развиваться и утверждаться среди русских представление о «родной» земле, у современного читателя может возникнуть ощущение, что Пыпин недавно читал второе, расширенное издание книги Бенедикта Андерсона или какое-то еще современное исследование, где рассматривается «образная составляющая» национализма. Сказав, походя, как о само собой разумеющихся вещах, об «учреждениях, промышленных связях, проложении железных дорог, высшей школе», Пыпин подробнее пишет об инструментах воспитания эмоциональной привязанности: о музеях; об историческом нарративе; о «литературе путешествий», как художественной, так и разряда путеводителей; об этнографии и об «областной бытовой новеллистике, образчики которой дал Мельников (благодаря тому, что был полуэтнограф)»; об отражении пейзажа и местных типов в живописи. Недоработки в этой сфере кажутся ему особенно опасными, потому что большие расстояния и дороговизна путешествий не позволяют в России столь же эффективно, как в Германии и других странах, использовать «опыт узнавания своей родины» через организованные поездки «учащейся молодежи» [197]¹. «Наше отечество так обширно, так разнообразно, что любовь к этому целому, которое редко кто видал во всем его необозримом объеме, возможна только через ближайшее

¹ Воображаемые путешествия такого рода давно использовались как педагогический прием в учебниках географии, в том числе и в русских учебниках, но реальные ознакомительные поездки учеников в России стали организовываться только в начале XX в. См.: *Loskoutova M.V. A Motherland with a Radius of 300 Miles: Regional Identity in Russian Secondary and Post-Elementary Education from the Early Nineteenth Century to the War and Revolution // European Review of History. 2002. Vol. 9. No. 1. P. 7–22.*

представление о местной родине... Принадлежность к целому у людей простых сознается через представление о «русской» земле и людях и через понятие об одной вере и власти» [206]. «Без такой литературы, без других трудов для изучения русской природы и народной жизни, наше так называемое «самосознание» будет оставаться скучной фразой» [215], – заключает он свою статью. Очевидно, что Пыпин отзывается на распространенные в обществе настроения и рассуждения о русском национальном самосознании и хочет привлечь внимание читателя к тем «инструментам», которые используются в более успешных с этой точки зрения странах для воспитания эмоциональной привязанности к «родной земле».

* * *

Тема «воображаемой географии» вообще стала привлекать внимание специалистов по истории России совсем недавно¹. Также недавно исследователи осознали необходимость заново проанализировать то многообразие процессов, которое скрывается за понятием «русификация». Поэтому все высказанные далее суждения должны трактоваться как рабочие гипотезы, а приводимые цитаты не как доказательства (для того, чтобы стать таковыми, они должны стать частью больших выборок), а только как иллюстрации.

Русский национализм идеологически развивался и формулировал свой образ национальной территории во взаимодействии и соперничестве с другими национализмами империи. Методы определения и освоения того или иного пространства в качестве «национальной территории», наборы эксплуатируемых в этом дискурсе аргументов и образов существенно различались в зависимости от ситуации и характера вызовов, с которыми сталкивался русский национализм на разных имперских окраинах.

Пожалуй, лучше всего эта проблематика изучена в отношении Западного края и «его окрестностей». Здесь проект русского национализма формулировался в условиях ожесточенного конфликта с польским проектом, который сначала отстаивал границы 1772 г. как «польскую собственность», а затем готов был вступить в союз с украинским движением против империи и русского национализма. Включившийся с середины XIX в. в это соперничество с собственным проектом «национальной территории», украинский

¹ Насколько я могу судить, пионером в этом отношении выступил Марк Бассин в начале 1990-х годов.

национализм во многом заимствовал формы и методы идеологической борьбы у своих более сильных соперников.

В Малороссии и Западном крае преобладающую часть населения составляли восточные славяне, которые в рамках концепции «общерусской нации» считались ветвями русского народа. Колонизация этого пространства великорусским населением не играла сколько-нибудь значимой роли. Главный акцент делался именно на принадлежности всех восточных славян единой русской нации. Именно в контексте полемики с украинскими националистами малорусский дворянин и русский националист М.В. Юзефович впервые сформулировал лозунг, получивший столь широкое хождение в начале XX в., но уже с иным смыслом. Говоря о «единой и неделимой России», Юзефович имел в виду не всю империю, но именно русскую нацию в ее «общерусской» версии.

В XIX в. пространство и население Западного края стали объектом ожесточенной терминологической войны, где, кажется, ни одно название местности или этнической группы не было идеологически нейтральным, каждое подтверждало или отрицало тот или иной проект национального строительства¹.

Как и в других подобных дискурсах, в русском важную роль играла апелляция к древней государственной традиции, в данном случае традиции Киевской Руси. Ясно, что применительно именно к западной части империи этот мотив эксплуатировался особенно настойчиво. Трактовка Киевской Руси как колыбели русской нации давала основу для традиционного мотива «земли предков», земли «исконно русской». Концепция Киевской Руси как «колыбели русского народа» хорошо сочеталась с династической логикой. Так, знаменитое высказывание Екатерины II после разделов Речи Посполитой, что «мы взяли только свое», можно истолковать и как вполне династическое (свое – то, что принадлежало Рюриковичам, наследницей которых Екатерина себя считала), и как националистическое – то есть земли Киевской Руси, населенные по преимуществу восточными славянами, каковые в доминирующей версии русского националистического дискурса все считались русскими. Отмечу отступления от этой концепции, которые показывают, что «верные» формулы находились не вдруг и не сразу. Примером может служить полемика М. Погодина с М. Максимовичем в середине 1850-х годов, где Погодин доказывал преимущественные исторические права великороссов на Киев по сравнению с малороссами². Но

¹ Подробно см.: *Миллер А.* Украинский вопрос... (Введение).

² Русская беседа. 1856. Кн. 4. С. 137.

широкой популярности в русском националистическом дискурсе этот мотив не получил, уступив место трактовке Киева и его исторического наследия как общего корня и общей собственности всех восточных славян, что было вполне логично с точки зрения тех целей, которые этот дискурс преследовал.

Интересно выглядит сочетание темы Киевской Руси с темой Москвы. Москва как современное «сердце», воплощение русскости, как центр «собирания» русских земель безусловно присутствовала в русском националистическом дискурсе. В традиционалистской версии русского национализма именно московская Русь противопоставлялась петербургской России¹. Но исторические границы Московского княжества на любой стадии их расширения в этом дискурсе «не работали» или работали в негативном плане, как те заведомо неприемлемые границы, к которым хотят свести русскую нацию ее враги².

Уже в середине XIX в. можно найти примеры влияния представлений о «русской национальной территории» на высшие эшелоны бюрократии. Например, в 1862 г. В.И. Назимов, генерал-губернатор Северо-Западного края, который включал и белорусские, и литовские земли, в своей программе русификаторских мер проводил четкое различие между «исконно русскими» землями и местностями, где литовцы и евреи традиционно составляли большинство. Причем это разграничение он делал не только на основе современной ему демографической ситуации. Назимов указывает на некоторые местечки с преобладанием еврейского населения, которым следует вернуть их «русский» характер, и тут же оговаривается, что уже соседние с ними местечки следует «оставить как есть», потому что славянское население там никогда не преобладало³.

¹ О доминирующей роли Москвы в символике и идеологии при Николае II см.: *Уортман Р.С.* Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. Т. 2. М.: ОГИ, 2004.

² Стоит в этой связи отметить весьма показательный разнотип в цитированных работах Р. Кайзера, Дж. Хоскинга и Д. Роули. Как об оппозиции империи первый пишет о «земле предков» (не ясно, имеет ли он в виду Московское княжество или все-таки Киевскую Русь русского национального мифа); второй – о «Руси», взятой из цитаты Г. Гачева, где, на самом деле, речь в славянофильском духе идет о прерыве «московской традиции» петровскими реформами; а третий – о территории, заселенной русскими, которая, даже если под русскими понимать только великорусов, с одной стороны, не была компактной, а с другой – к XIX в. простиралась далеко за Урал.

³ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 38 (1863 г.). Д. 23. Ч. 175.

Образ национальной территории был здесь избирательным в том смысле, что включал не все земли Западного края и не все его население. Стоит вспомнить здесь и письма Каткова Александру II и Александру III, в которых он неоднократно рассуждает о благе предоставления Польше независимости в «ее этнографических границах»¹. В этих своих настроениях Катков не был одинок. В разных условиях и по разным поводам идея если не отделить Царство Польское совсем, то, по крайней мере, отгородиться от него тарифами и таможами, возникает неоднократно. С точки зрения русского национализма западные окраины империи делились, таким образом, на три категории земель – во-первых, «исконно русские»; во-вторых, литовские земли, которые в образ русской национальной территории не включались, но были желанной частью империи; и, наконец, этнически польские земли, которые в идеале следовало бы «исторгнуть» из империи как нежеланную, несправимо чуждую и враждебную часть.

Оппозиция в отношении поляков была характерной чертой русского национализма уже на самых ранних стадиях его развития, но описанный здесь дискурс в отношении западных окраин утвердился уже во второй трети XIX в. Нельзя сказать, что эти идеи были совсем неизвестны ранее. Еще в XVII в. Иннокентий Гизель в «Синописе» развивал идеи единого православно-русского народа, включающего Малую Русь. Однако «Письмо русского гражданина» Карамзина, написанное в октябре 1819 г., может послужить убедительным примером того, что в то время эти идеи еще вовсе не были общепринятыми². Адресатом этого письма был Александр I, который поделился с Карамзиным своими планами присоединить к недавно созданному Царству Польскому часть земель, аннексированных Россией в результате разделов Речи Посполитой. Карамзин

¹ В итоге эти рассуждения сводились к выводу о невозможности такой меры именно из-за требования поляками границ 1772 г., то есть из-за непримиримого конфликта образов «идеальных отечеств». Но адресаты и частный характер этих писем позволяет предположить, что эти рассуждения не были полемической уловкой империалиста, не готового поступиться ничем из имперских владений и ищущего этому «приличное объяснение». Ни Александра II, ни, тем более, Александра III не надо было убеждать, что Царство Польское это их владение. Скорее, это рассуждения русского националиста, который при определенных условиях готов был бы пожертвовать частью имперских территорий для создания более благоприятных условий реализации русского националистического проекта.

² Полный текст см. в: *Карамзин Н.М. О древней и новой России. Избранная проза и публицистика.* М., 2002. С. 436–438.

категорически возражает против этого намерения царя. В данном контексте для нас важно не столько то, какие аргументы он использует в своих возражениях, а то, какой аргумент в этом письме совершенно отсутствует. «По старым крепостям Белоруссия, Во-лынь, Подолия, вместе с Галицией, были некогда коренным достоянием России», – пишет Карамзин, имея в виду династические права и историческую традицию. Карамзин ни разу не говорит в письме о русском или православном крестьянстве этих областей, о том, что это крестьянство составляет здесь большинство. «Литва, Во-лыния желают Королевства Польского, но мы желаем единой Империи Российской», – пишет он, явно имея в виду шляхту Литвы и Во-лыни, а под словом «мы» подразумевая корпорацию русского имперского дворянства. О принадлежности этих земель «русской национальной территории» здесь речи нет. Все это станет общим местом уже после 1830 г. Уже в стихах, которыми Пушкин откликнулся на восстание 1830 г, этот мотив присутствует, причем в весьма драматической форме: «Славянские ручьи сольются в русском море? / Оно ль иссякнет? вот вопрос»¹.

Логика дискурса общерусской нации выдвигала границы «русской национальной территории» за границы империи, в населенные восточными славянами области Габсбургской монархии. Дискурс о Червоной Руси (Восточной Галиции) и Угорской Руси (Буковине и современной Закарпатской Украине) принципиально отличался от панславистского дискурса вообще о славянах Габсбургской и Османской империй. Это был, по сути, дискурс националистической ирреденты. Пыпин, например, поклонником панславизма не был, но в цитированной статье «Волга и Киев» он счел нужным написать о судьбе «южно-русского народа в Галиции» [211]. Уже в XIX в. русские националисты неоднократно критикуют «ошибку Екатерины», оставившей «русское» население Восточной Галиции Австрийской империи, где оно оказалось «под властью поляков».

Таким образом, «исконно русские земли» в рамках этой оптики делились на «благополучные», то есть те, в которых их рус-

¹ Стихотворение 1831 г. «Клеветникам России». Эти же идеи звучат в стихах того же года «Бородинская годовщина», где предмет русско-польского конфликта описывается так: «За кем останется Во-лынь? / За кем наследие Богдана? / Признав мятежные права, / От нас отторгнется ль Литва? / Наш Киев дряхлый, златоглавый, / Сей пращур русских городов, / Сроднит ли с буйною Варшавой / Святыню всех своих гробов?» Разумеется, Литва здесь значит Великое княжество Литовское с белорусскими землями. Логика националистического дискурса здесь уже явно доминирует.

ский характер был вполне утвержден¹; проблемные, «больные», где следовало извести враждебные влияния; и, наконец, остающиеся вовсе «отторгнутыми», то есть в империю, и, как следствие, в национальное тело, не включенные.

Этот дискурс оставался в силе вплоть до краха империи. При обсуждении в Думе в 1911 г. вопроса о создании Холмской губернии (то есть о выводе Холмщины из Царства Польского) В.А. Бобринский-второй доказывал, что эта территория должна быть «в бесспорном национальном владении не России, здесь все Россия, – но Руси, чтобы это поле было не только частью Российского государства, но чтобы оно было всеми признано национальным народным достоянием, искони Русской землей, то есть Русью»². Это не мешало Бобринскому признавать, что население Холмщины глубоко ополчено. Но этот факт служил как раз аргументом в пользу срочности мер по «спасению» еще не вполне утраченной «изначальной русской его природы». «Это особенно больной истерзанный русский край, и вот его хотя бы выделить, чтобы особенно внимательно и бережно его лечить»³. Образ национального тела, отличного от империи, и больной части этого тела, причем больной в первую очередь именно как часть национального тела, а не империи – символика русского национализма выступает здесь совершенно отчетливо.

Именно в связи с западными окраинами можно проследить, как дискурс национальной территории отражался в концепциях такого последовательного российского империалиста, каким накануне и во время Первой мировой войны был П.Б. Струве. Свою статью «Великая Россия и Святая Русь» он начинает с утверждений, что «Россия есть государство национальное», что «географически расширяя свое ядро, русское государство превратилось в

¹ Такими видел в 60-е годы Иван Аксаков Левобережную Украину и Новороссию, предлагая присоединять к их губерниям отдельные уезды Юго-Западного края для их «оздоровления». См.: *Аксаков И.* Об изменении границ Западного края // *Аксаков И.С.* Сочинения. Т. 3: Польский вопрос и западно-русское дело. Еврейский вопрос. 1860–1886. СПб., 1900. С. 265–266. Аналогичные меры он предлагал и для Северо-Западного края. Причем он все время аргументирует свои предложения именно в рамках националистического дискурса – его главный критерий – «более русской общественной стихии» (с. 267) (впервые опубликовано: День. 26 октября 1863 г.).

² Государственная Дума. 3-й созыв. Стенографические отчеты 1911 г. Сессия V. Ч. I. Заседание 30. 25 декабря 1911 г. СПб., 1911. С. 2745.

³ Там же. С. 2746.

государство, которое, будучи многонародным, в то же время обладает национальным единством»¹.

Именно эти цитаты и приводятся часто среди доказательств того, что национальное государство и империя в восприятии русских слились. Между тем, в этой же статье Струве говорит о «национальном государстве-ядре», в котором «русские племена спаялись в единую нацию». Он отмечает способность этого национального ядра к расширению и отличает его от расширения империи. Связь разных окраин с «государственно-национальным ядром» может быть, по Струве, «чисто или по преимуществу государственная», а может быть «государственно-культурная, доходящая в окончательном своем развитии до полного уподобления, обрусения “инородцев”». Идеал Струве, конечно, постепенное расширение, на основе «правового порядка и представительного строя», государства-нации до границ государства-империи, но он, во-первых, ясно видит различия между ними, и, во-вторых, осознает свой идеал как далекую перспективу. Несколько раньше, в полемике с украинским национализмом, Струве не раз использует формулу «русская Россия», имея в виду именно «общерусскую нацию»².

Таким образом, даже в идеологии либерала-империалиста Струве сама идея русской национальной территории присутствует. Когда Струве переходит к формулированию задач России в мировой войне, оказывается, что на первом месте у него стоит задача «воссоединить и объединить с империей все части русского народа», то есть аннексия «русской Галичины». Здесь он, как это вообще типично для националистического дискурса органического единства, снова прибегает к метафорике оздоровления национального тела, доказывая, что присоединение Галичины необходимо для «внутреннего оздоровления России, ибо австрийское бытие малорусского племени породило и питало у нас уродливый так называемый «украинский» вопрос». Вторая задача, с точки зрения Струве, «возродить Польшу как единый национальный организм». И лишь третья – контроль над проливами. Таким образом, в этом перечислении Струве на первое и второе место ставит задачи, вытекающие именно из националистического дискурса, причем не обременяет себя их подробным обоснованием как очевидные, сосредоточившись на про-

¹ Русская мысль. 1914. № 12. С. 176–180.

² Струве П.Б. Общерусская культура и украинский партикуляризм // Русская Мысль. 1912. № 1. С. 68, 82.

странных геополитических объяснениях, зачем все-таки России нужен Константинополь.

Яркой иллюстрацией эволюции и одновременно живучести этого дискурса в переломный момент краха империи могут служить материалы Особого политического отдела МИД. Его сотрудники и консультанты в ходе Первой мировой войны разрабатывали идеологические обоснования для аннексии Червоной Руси и Угорской Руси. Отдел готовил свои последние меморандумы уже для большевиков и в них продолжал отстаивать концепцию общерусской нации, теперь уже клеймя и царей, и кайзеров за ее расчленение, и ссылаясь на право «самоопределения трудящегося народа»¹.

Важный аспект темы – взаимоотношение религиозного и этнического фактора в дискурсе русского национализма. На западных окраинах в контексте русско-польского соперничества акцент на противостоянии православия и католицизма был очень сильным. В то же время можно заметить, как с течением времени в националистической риторике религиозный фактор уступает первенство этническому.

Напрасно было бы искать в любой период истории поздней империи идейного единства в русском обществе по вопросу о том, можно ли считать русскими белоруса-католика или детей от смешанных браков с поляками, равно как и в вопросе о том, где точно проходят территориальные границы «русской земли» на западе, и надо ли стремиться присоединить Восточную Галицию и Угорскую Русь. Список таких спорных, дебатированных вопросов велик. Также велик и список разногласий о том, какую степень региональных особенностей можно терпеть у малорусов и белорусов. Эти дебаты идут и в газетах, и в среде бюрократии, позднее и в Думе. Но при всем разбросе мнений, мотив неравности империи и «русской национальной территории» для всех очевиден. Дискурс национального проекта несомненно влиял на планирование политики в западных губерниях.

* * *

В иных условиях другого «характерного пункта», о котором пишет Пыпин, – в Поволжье, трактовка этнического фактора была иной. Исторический миф не играл здесь важной роли. Если позиция

¹ Подробнее см. *Миллер А.И.* Империя Романовых и национализм. М.: Новое литературное обозрение, 2009 (глава 7), а также: *Miller A.* A Testament of the All-Russian Idea: Foreign Ministry Memoranda to the Imperial, Provisional and Bolshevik Governments // *Extending the Borders of Russian History. Essays in Honor of Alfred Rieber / Ed. by M. Seifert.* Budapest: CEU Press, 2003.

Москвы как наследницы Византии и Киевской Руси активно использовалась в националистическом дискурсе, то мотив преемственности по отношению к Золотой Орде оставался «невостребованным» вплоть до появления евразийства. Пыпин лишь вскользь замечает, что «Волга давно знакома русскому племени», что «русские удалыцы и промышленники» появлялись здесь еще до «татарского нашествия». Говоря о русской колонизации края после XVI в., он, между прочим, отмечает, что в ней участвовали не только великорусы, но и малорусы [190–191]¹.

На западных окраинах националистический дискурс акцентировал восточнославянский характер нации, и, объявляя малорусов и белорусов русскими, был в этническом отношении скорее исключаящим, чем включающим. В дебатах со своими польскими противниками русские националисты подчеркивали общность этнического происхождения восточных славян и если не отрицали вовсе, то, во всяком случае, никак не акцентировали неславянские составляющие русского народа.

В очень разнообразном по этническому составу Поволжье в XIX в. русские в результате миграций уже составляли чуть более половины населения и в городах, и в целом по сельской местности². Здесь открытость к неславянскому, в особенности угро-финскому элементу³, подчеркивалась. Пыпин в цитированной статье пишет, что великорусское племя «не чисто славянское, а смешанное», и говорит о его «славяно-финской основе» [191]. Власти и русский национализм не только не видели ничего дурного в смешанных

¹ Впоследствии в русском дискурсе появляется тема колонизации как инструмент строительства нации в том смысле, что различия между великорусами и малорусами в новых условиях отступали на второй план, а черты общности в иноплеменной среде актуализировались. См.: *Bizzilli P. Geopolitical Conditions of the Evolution of Russian Nationality // The Journal of Modern History. 1930. No. 1. P. 27–36.* (Вообще теоретические замечания Бицилли о национализме и формировании наций заслуживают особенного внимания – его подход во многом предвосхитил исследования национализма 1980–1990-х годов.)

² В Поволжье к XIX в. не осталось ни одного города, где мусульманское население составляло бы большинство. См.: *Frank A.J., Usmanov M.A. Introduction // Materials for the Islamic History of Semipalatinsk / A.J. Frank, M.A. Usmanov (eds.). Berlin: Das Arabische Buch, 2001. P. 2.* Авторы пишут о Семипалатинске как о «единственном мусульманском городе в собственно России» (“the only Muslim city in Russia proper”). Интересно было бы уточнить, что они имеют в виду под этим определением «собственно Россия».

³ Об особом позитивном образе угро-финских народов в русском дискурсе см.: *Geraci R. Window on the East* (особенно главу 2).

браках, но воспринимали такое этническое смешение как неотъемлемую часть процесса формирования русской нации¹.

«Мне кажется, что обрусение или слияние чуваш с русским народом может быть достигнуто только трояким путем: первый, и самый главный, это через усвоение ими православия, конечно, не безызвестно всякому, какое значение имеет в глазах наших протоллюдинов различие веры; второе, путем брачных союзов, и третье, через усвоение русского языка чувашами», – пишет в 1870 г. студент Казанского университета чуваш И.Я. Яковлев в докладной записке попечителю Казанского учебного округа П.Д. Шестакову. Совершенно очевидно, что у Яковлева нет ни малейшего сомнения в том, что не только усвоение языка и веры, но и брачные союзы чувашей с русскими не могут вызвать у его адресата никаких возражений².

¹ См., например: *Knight N.* On Russian Orientalism: A Response to Adeeb Khalid // *Kritika*. 2000. New Series. Vol. 1, No. 4. P. 701–715 (особенно p. 708). Эта «непоследовательность» русского националистического дискурса, который мог акцентировать различные, иногда противоречившие друг другу тезисы, в зависимости от обстоятельств и вызовов на разных окраинах, вовсе не была уникальна. Примеры мазуров и эльзасцев в Германии могут служить хорошей иллюстрацией того, что немецкий национализм точно так же, как русский, вовсе не заботился об идеологической последовательности при определении критериев принадлежности к нации. Применительно к эльзасцам немецкий национализм подчеркивал их немецкие корни, а отличия от немцев трактовал как тяжелое наследие французского владычества. С мазурами, которые в этническом отношении были славяне, немецкий национализм акцентировал уже не этнические корни группы, а их протестантизм и лояльность династии Гогенцоллернов. И в обоих случаях вывод был один – эти группы должны стать немцами. Об Эльзасе см.: *Gaines J.M.* The Politics of National Identity in Alsace // *Canadian Review of Studies in Nationalism*. 1994. Vol. 21. P. 99–109; *Silverman D.P.* Reluctant Union: Alsace-Lorraine and Imperial Germany 1871–1914. Philadelphia, 1971; *Baechler Ch.* Les Alsaciens et le grand tournant de 1918. Strasbourg, 1972; *Grünewald I.* Die Elsass-Lothringer im Reich, 1918–1933: Ihre Organisation zwischen Integration und ‘Kampf um die Seele der Heimat’. Frankfurt/Main, 1984. О мазурах см.: *Kossert A.* Preußen, Deutsche oder Polen? Die Masuren im Spannungsfeld des ethnischen Nationalisms 1870–1956. Wiesbaden, 2001; *Blanke R.* Polish-Speaking Germans? Language and National Identity among the Masurians since 1871. Cologne, 2001.

² Аграрный вопрос и крестьянское движение 50–70-х годов XIX в. // Материалы по истории народов СССР. Вып. 6. М. – Л., 1936. С. 333. «Обстоятельства сделали меня русским, и я горжусь этим именем, однако, нисколько не гнушаясь именем чувашина и не забывая своего происхождения. Будучи христианином, любя Россию и веруя в ее великую будущность, я от души желал бы, чтобы чуваша, мои единоплеменники, были просвещены светом Евангелия и слились в одно целое с великим русским народом», – пишет о себе Яковлев (с. 331–332).

Сравнительно небольшие по численности, лишенные модернизированных элит, народы Поволжья не воспринимались как серьезная угроза русскому национальному проекту, единству русской национальной территории. «Я полагаю, что такие мелкие разрозненные народности не могут прочно существовать и, в конце концов, они сольются с русским народом самым историческим ходом жизни. Теперь, например, замечено, что получившие образование инородцы женятся на русских, значит рождаются с русскими, без всякого с той или другой стороны сомнения», – писал Н.И. Ильминский К.П. Победоносцеву 21 апреля 1891 г.¹

Однако уже в 1850-е годы Ильминский под влиянием В.В. Григорьева осознает рост влияния татарских элит и ислама в Поволжье и Приуралье как серьезный вызов русскому проекту национального строительства, как альтернативный проект исламско-татарской общности². В рамках новой националистической оптики посредническая роль татар в отношениях с восточными народами империи, которую власти прежде поощряли, теперь виделась как источник угрозы. Считая, и не без основания, что русско-православный ассимиляторский проект на данный момент слабее татарско-исламского, Ильминский и его последователи прибегают к тактике поддержки отдельных, особых этнических идентичностей народов Поволжья и Приуралья, разрабатывают для каждого из них собственную письменность. Даже сохранение ими языческих верований в этом контексте выступает как предпочтительный вариант по сравнению с возможной исламизацией³.

В последнее время ряд исследователей отмечал структурное сходство конфликтов в Западном крае, остзейском крае и волжско-уральском регионе – везде власти и русские националисты были

¹ Письма Н.И. Ильминского к обер-прокурору Святейшего Синода К.П. Победоносцеву. Казань, 1895. С. 399.

² См.: *Dowler W.* Classroom and Empire: The Politics of Schooling Russia's Eastern Nationalities, 1860–1917. McGill-Queen's University Press, 2001; *Geraci R. P.* Window to the East. National and Imperial Identities in Late Tsarist Russia. Ithaca and London: Cornell UP, 2001; *Миллер А.* Российская империя, ориентализм и процессы формирования наций в Поволжье // *Ab Imperio*. 2003. № 4. См также: Письма Н.И. Ильминского к обер-прокурору Святейшего Синода К.П. Победоносцеву. С. 2, 3, 53, 63, 64, 74.

³ Осознание распространения ислама как угрозы было связано и с внешнеполитическими обстоятельствами, а именно – проявлением симпатий российских мусульман к Османской империи в ходе Крымской войны. Позднее, с появлением панисламизма, и в особенности пантюркизма, связь внутримперской политики с внешнеполитической ситуацией стала особенно актуальна.

озабочены соперничеством с этническими группами, обладавшими мощным ассимиляторским потенциалом и способными осуществить собственные экспансионистские проекты национального строительства. Это были поляки в Западном крае, немцы в Прибалтике, татары в Поволжье. Такой подход действительно позволяет лучше понять историю этих окраин империи. Но следует учитывать и различия, которые имели эти конфликты с перспективы русского национализма. Русский националистический дискурс рассматривал большую часть Западного края как часть русской национальной территории, Поволжье включалось в это представление целиком, а остзейский край не включался практически вовсе. В Западном крае стремление предотвратить формирование отдельных национальных идентичностей белорусов и украинцев, равно как и поощрение формирования особой литовской национальной идентичности, вполне логично вытекали из проекта общерусской нации. В остзейском крае поддержка формированию латышской и эстонской идентичностей ради того, чтобы заблокировать угрозу «немечивания», также давалась сравнительно легко. В Поволжье же парадоксальная логика Григорьева и Ильминского, предполагавшая упрочение на время идентичностей малых народов ради борьбы с более активным татарско-исламским проектом, вызывала много непонимания и критики¹.

Если демографическая ситуация в Поволжье была результатом длительного, многовекового процесса колонизации, то ряд территорий как раз в тех регионах, которые Пыпин не относит к числу «типически русских», заселялся русскими уже в XIX в. На Северо-Западном Кавказе и в Средней Азии власти прибегали к тактике «демографического завоевания» отдельных районов, которое было прежде всего мотивировано логикой военно-стратегического соперничества великих держав или логикой удержания в повиновении населения обширных завоеванных территорий через создание опорных пунктов с преобладанием русского населения². Эта «имперская» по своей логике и задачам политика в некоторых случаях вела со временем к включению

¹ См.: *Dowler W. Classroom and Empire; Geraci R. Window on the East.*

² См.: *Holquist P. To Count, to Extract, and to Exterminate. Population Statistics and Population Politics in Late Imperial and Soviet Russia // A State of Nations. Empire and Nation-Making in the Age of Lenin and Stalin / Ed. by R.G. Suny and T. Martin. Oxford: Oxford UP, 2001. P. 111–144 (особенно p. 117 (о Кавказе) и 122 (о Средней Азии)). Об аналогичных действиях Османских властей см.: *Adanir F, Kaiser H. Migration, Deportation and Nation-Building // Migrations and Migrants in Historical Perspective. P. 273–292 (особенно p. 279–284).**

новых территорий в символическую географию русского национализма, в некоторых – нет.

Как и с каким лагом во времени свежие плоды имперской русификации, которая создавала преобладание русского населения на определенных территориях в результате целенаправленного насильственного переселения или вытеснения вообще за пределы империи прежнего населения, постепенно «присваивались» средствами воображаемой географии как русская национальная территория? Этот вопрос еще ждет своего исследователя.

Во всяком случае, очевидно, что включение той или иной территории в империю и даже заселение ее русскими сами по себе не означали, что это пространство в категориях ментальных карт, воображаемой географии автоматически становилось частью русской национальной территории. При этом тактика «националистического присвоения» определенной части имперской территории различалась в зависимости от ситуации и вызовов. В Западном крае она предполагала включение огромного массива коренного населения как «русского», в Поволжье – фрагментацию инородческих идентичностей, чтобы закрепить доминирующее положение живших в регионе русских, в Сибири – смену статуса территории от колониальной к «родному», и т.д.

В XX в. представления о русской национальной территории неоднократно менялись и в результате событий Первой мировой войны, и усиления национальных движений на окраинах империи, и, особенно, в результате советской политики «территориализации этничности»¹. Но в целом эти представления оказались довольно устойчивы. Достаточно посмотреть, как определял А.И. Солженицын в своем знаменитом эссе «Как нам обустроить Россию», какие территории должны остаться «вместе» в случае «ропуска» СССР, чтобы увидеть, что обозначенное им пространство – РСФСР без Чечни, Украина без Галичины, Белоруссия, Северный Казахстан – весьма похоже на тот образ национальной территории, который был у русского национализма в XIX в. (Есть и явные отличия, например, исключение Галичины как признание, что претензии на ее «русскость» стали совершенно неадекватны к концу XX в.)

¹ См.: *Martin T. The Affirmative Action Empire...*

Латиница и кириллица в украинском национальном дискурсе и языковой политике Российской и Габсбургской империй*

Язык является одним из наиболее важных элементов в символике этничности. Трансформация этнического самосознания в национальное сопровождается переосмыслением связи между языком и этносом, ее идеологизацией¹. Борьба вокруг консолидации и эмансипации украинского языка дает в этом смысле особенно богатый материал для исследователей. Под консолидацией мы понимаем здесь не только сутобо филологические аспекты выработки единой литературной нормы, но и процесс установления политического консенсуса по вопросу языкового единства.

В XIX в. мы видим две «сцены», на которых разворачиваются интенсивные споры и политическая борьба по этому вопросу – это подчиненная Габсбургам Галиция и подчиненные Романовым днепровская Украина (Малороссия) и Слобожанщина. Эти споры и борьба шли среди элит, которые идентифицировали себя как «русинские»², «малорусские» и/или украинские, принадлежали разным конфессиям и были выходцами из разных социальных групп. Но эта борьба вовлекает и «внешних», «вненациональных» акторов, которые занимали доминирующее или господствующее положение по отношению к местным сообществам на окраинах империй,

* Статья написана совместно с Оксаной Остапчук. Впервые опубликована: Славяноведение. 2006. № 5.

¹ *Fishman J. A.* Language and Ethnicity: The View from Within // *The Handbook of Sociolinguistics* / Ed. by F. Coulmas. Cambridge, MA: Blackwell Publishers, 1997. P. 339.

² Здесь и далее термины «русин», «русинский» и т.п. употребляются в соответствии с общепринятой в XIX в. практикой и относятся ко всему украинскому населению западных регионов; не смешивать с современным этнонимом «русин».

то есть традиционные польские шляхетские элиты и имперские власти, а также церковные центры, прежде всего Ватикан. Это, в частности, означает, что адекватное рассмотрение этих сюжетов невозможно в рамках узко понятого национального нарратива, сосредоточенного преимущественно на «национальных» акторах.

Следует особо подчеркнуть, что события на двух сценах по обе стороны имперской границы были тесно взаимосвязаны. Иначе говоря, мы имеем дело с ярко выраженной спецификой оспариваемого пограничья, с характерным для таких ситуаций разнообразием проектов идентификации и стратегий лояльности, формирующихся в результате взаимодействия – как борьбы, так и сотрудничества – локальных и имперских акторов. В любой период и в любой ситуации, будь то в Галиции или в «большой» Украине, число взаимодействующих акторов было больше двух, и, по крайней мере, начиная с середины XIX в., в них, как правило, участвуют акторы из обеих империй: Российской и Габсбургской¹.

Алфавит и прежде всего вопрос выбора между латиницей и кириллицей был одним из важных элементов этой борьбы, наряду с вопросами орфографии, статуса языка и его применения (или запрета) в разных сферах жизни². Алфавит (а иногда и шрифт, как это было с церковной кириллицей и «гражданкой» в Галиции) представляет собой многозначный символ, который несет важную этнокультурную и этнорелигиозную нагрузку. Он нередко играл и играет ключевую роль в процессах формирования идентичностей,

¹ Более подробно о том, что процессы формирования идентичностей и лояльностей в соседних континентальных империях следует анализировать не в рамках отдельных империй, но в рамках своеобразной макросистемы континентальных империй, см.: *Миллер А.* Империя Романовых и национализм. М.: Новое литературное обозрение, 2009. Гл. 1; а также *Miller A.* The Value and the Limits of Comparative Approach to the History of Contiguous Empires on the European Periphery // *Imperiology: From Empirical Knowledge to Discussing the Russian Empire* / Ed. by Matsuzato. Sapporo. 2006. P. 11–24. Рассматриваемый в этой статье сюжет может служить образцовой иллюстрацией этого тезиса.

² Авторы этой статьи, каждый со своей перспективы историка (А. Миллер) и филолога (О. Остапчук), не раз обращались к изучению названных сюжетов: см. первую часть этой книги – «Украинский вопрос в политике властей и русском общественном мнении второй половины XIX века»; *Миллер А.* Язык, идентичность и лояльность в политике властей Российской империи / Россия и Балтия. Остзейские губернии и Северо-Западный край в политике реформ Российской империи. 2-я половина XVIII – XX в. М.: ИВИ РАН, 2004. С. 142–155; *Остапчук О.* Фактор полилингвизма в истории украинского литературного языка // *Славянский вестник.* Вып. 2. М., 2004. С. 257–269.

особенно на пространстве этнокультурного пограничья. В истории украинского литературного языка проблема алфавита никогда не воспринималась только и исключительно в технических категориях удобства и адекватности (заметим, что с сугубо филологической точки зрения латиница не менее, а иногда и более адекватно, чем кириллица, отражала особенности украинской живой речи на письме¹). Борьба различных акторов вокруг алфавита в XIX и начале XX в. и является предметом этой статьи.

Пограничное положение украинских земель на стыке двух цивилизационных и культурно-языковых ареалов – *Slavia Latina* и *Slavia Orthodoxa* определило принципиально «открытый» характер украинской культуры в целом, который складывался в течение XVII–XVIII вв. в результате наложения социокультурных и собственно языковых границ. Одним из проявлений такой открытости является сосуществование – и конкуренция – в одном культурном пространстве разных религиозно-культурных дискурсов², и как следствие – алфавитов и языков.

С одной стороны, границы культурной и коммуникативной компетенции языков в староукраинской книжной традиции являлись подвижными: часто даже внутри одного и того же памятника обнаруживаются фрагменты, написанные на разных языках (за исключением текстов, где выбор языка нес функциональную и стилистическую нагрузку, как в интермедиях или в полемической литературе). С другой стороны, в изданиях XVI в. язык еще довольно прочно связан с графическим кодом. Важнейшая функция алфавита в этот период – быть маркером границы. Смена языка обязательно предполагает смену алфавита, и – что естественно – смену уровня и типа дискурса. Начиная с XVII в. в униатской традиции становится возможным взаимопроникновение графических систем, причем латиницей нередко записываются не только «русские» тексты, но и церковнославянские.

¹ См., например, лингвистический анализ памятников XVII–XVIII вв.: *Маліневська Н.* Фонетична система української мови XVII – початку XVIII ст. і латинська графіка. Olomouc, 2005.

² Об этом см.: *Софронова Л.* Функция границы в формировании украинской культуры XVII–XVIII веков // Россия – Украина: история взаимоотношений. М., 1997. С. 101–113; о языковом аспекте см.: *Broggi Bercoff G.* Plurilinguism in Russia and in the Ruthenian Lands in the Seventeenth and Eighteenth Centuries. The Case of Stefan Javors'kyj // *Speculum Slavie Orientalis: Muscovy, Ruthenia and Lithuania in the Late Middle Ages.* Moscow: Novoe izdatel'stvo, 2005. (UCLA Slavic Studies. New Series. Vol. IV). P. 9–20.

Подобная практика, как и многоязычие в целом, сохраняется по крайней мере до конца XVIII в.¹ Параллельное употребление двух алфавитов для украинского текста широко практикуют типографии на Правобережной Украине, прежде всего униатские, в том числе типография Почаевского монастыря². В целом весь период вплоть до XIX в. характеризуется довольно широким использованием латинского алфавита для письменной фиксации украинского языка в разных частях этнической территории (преимущественно на границах с ареалами распространения латинской графики). Причем часто «латинизация» письма не рассматривается в идеологических категориях: так, прежде всего практические цели преследует приспособление венгерской графики для передачи текстов хозяйственного содержания на закарпатских территориях³.

Идеологизация проблемы алфавита происходит постепенно. Алфавиты не воспринимаются как различные формы этнокультурного выражения вплоть до середины XIX в. Так, распространявшееся в 1830 г. на Правобережье воззвание польских повстанцев “Do Włościan” (“Panowie gromada chrześcianie w poddaństwie...”), адресованное крестьянам, сохранилось в трех вариантах: по-польски (вероятно, это был исходный вариант), по-украински латиницей (“Panowe hromada chrestyane w podaństwi...”), и, наконец, запи-

¹ Об этом см.: Moser M. Das Ukrainische im Gebrauch der griechisch-katholischen Kirche in Galizien (1772–1859) // Das Ukrainische als Kirchensprache. Українська мова в церквах / М. Moser (Hrsg.). Wien, 2005. С. 232; о переводе униатских литургических текстов на латиницу как части культурной колонизации в более ранний период см.: Bolek A. Polska grafika w XVII-wiecznych unickich tekstach liturgicznych (na przykładzie Eophonemat P. Ohilewicza) (доклад на VI Международном конгрессе украинистов, Донецк, 28.06 – 01.07.2005).

² См. фрагмент из хозяйственного справочника И. Ленкевича с параллельным текстом на кириллице и латинице: *Исаевич Я.* Українське книговидання: витоки, розвиток, проблеми. Львів, 2002. С. 394.

³ См. тексты конца XVIII в.: *Novem puncta interrogatoria* (“Czi maje szije szelo urbariu? Koli maje, jaka je i od kotroho casazu pocsala sza?”) и *Fassiones colonorum possessionis Bubbiliska* (1773) (“Kaszdy (kazsdy) kmity u zimi, u oszeny, u jaru muszit odrobiti dva dni panszc(s)ini kaz(s)doho tezsnyu”) в сб. «Выборъ изъ старого руського письменства Подкарпатя (отъ найдавніишихъ початковъ до середины XIX в.)» (сост. Н. Лелекач и М. Грига), Унгварь, 1943. Сборник открывает таблица соответствий знаков в кириллице, «гражданке» и латинице (напр., ж = ž; s = dz; i, ĭ = i; ou = y = u; x = ch; ы = y; ять – jĭ, i, ě).

санное кириллицей («Панове громада крестіяне въ подданствѣ...»)¹. Несмотря на поражение восстания, и после 1831 г. латиница остается преимущественной формой передачи украинской речи на Правобережной Украине, касается ли это записи фольклорных текстов или создания оригинальных произведений на украинском языке. Для авторов – выходцев из местной шляхты, для которых польский язык был основным (родным), – использование латиницы для передачи украинской речи являлось одним из средств включения правобережных земель в общепольское культурно-языковое пространство. Один из ярких примеров – литературное творчество Тымка Падуры, который на базе польской латиницы создал даже собственную систему орфографии, максимально приближенную к украинской фонетике². Записи украинских фольклорных текстов латиницей публикуются также на украинских землях в Австро-Венгрии, выполняя (сознательно или неосознанно) все ту же функцию маркирования «своего» цивилизационного пространства. Один из самых известных примеров – фольклорный сборник В. Залеского (будущего губернатора Галиции)³.

В соседней Белоруссии в 1835 г. в типографии виленской римско-католической епархии неизвестный автор печатает латиницей побелорусски катехизис, снабдив его польским названием “*Krótkie zebranie nauki Chrześcijańskiej dla wieśniaków mówiących językiem polsko-ruskim wyznania Rzymsko-katolickiego*” («Краткое собрание христианской науки для сельчан римско-католического исповедания, говорящих на польско-русском языке», Wilno, 1835). Обратим внимание на формулу «польско-русский язык», аналогом которой в дискурсе русского национализма позднее станет концепция «малорусского наречия русского языка». Несколько позже, с 1838 по 1846 г., издает свои сборники белорусских народных песен бывший филомат и близкий друг Адама Мицкевича Ян Чачот. В них, среди прочего, обнаруживаются белорусские песни, записанные латиницей⁴.

¹ Текст из собрания *Do Mieszkańców Gubernii Nowo Rossyjskich* (с. 103–214). Biblioteka Książąt Czartoryskich, zbiór 3940 IV. Материалы предоставлены др. Артуром Чесаком из Кракова.

² В частности, он ввел особый знак для обозначения звука средней артикуляции между *e* и *u* (“aby pokazać różnicę w wymawianiu języka”): *Ukrainky z nutoju Tymka Padurry*. Warszawa, 1844. S. 125–126.

³ *Wacław z Oleska*. Pieśni polskie i ruskie ludu galicyjskiego. We Lwowie, 1833.

⁴ Подробнее об этом: *Токть С.* Латиница или кириллица: проблема выбора шрифта в белорусском национальном движении во второй половине XIX – начале XX века // *Ab Imperio*. 2005. № 2.

Конфронтация между сторонниками латиницы и кириллицы в Галиции возникает в середине 1830-х годов в связи с предложением ввести латиницу для передачи народной речи, сформулированным униатским священнослужителем и общественным деятелем Иосифом Лозинским (1807–1889). В качестве реализации проекта он издал первое в Галиции этнографическое описание украинского свадебного обряда, куда были включены народные песни, записанные польской в своей основе латиницей¹. Мотивирует он это исключительно практическими соображениями: «Руський язык, не бувши ще письменним, має свободу вибрати собі таку азбуку, яка була би найздібніша до відання його звуків і найкорисніша для його розвою. Таким уважаю абецадло польське»². Однако в ходе полемики, вызванной этими публикациями, Иосифом Левицким и Маркияном Шашкевичем отчетливо формулируется тезис о кириллице как национальной святыне и религиозном символе: «Найбільшою обманною, ба неспрошеним гріхом в сем ділі є, що писатель відвергши Азбуку питому рускую, приняў букви ляцькії, котрі ціло не пристають к нашому языкови. Чи годится безчестити святиню?.. Азбука святого Кирила була нам небесною, незборимою твердою перед довершеним знидѣньом, була найкріплісчим стоўпом, нескוליбиною скалою, на котрій Русь святая через тілько столітей люто печалена, крепко стояла»³.

¹ Речь идет о текстах: О wprowadzeniu abecadła polskiego do piśmiennictwa ruskiego (1834) // *Rozmaitości*. No. 29 и *Ruskoje wesile opysanoje czerez J. Łozińskiego* (Przemyśl, 1835), где призыв “brać język z ust ludu prostego” сочетается с принципом «писати так, як загално вимовляється»: см. *Худаш М.Л.* Алфавітно-правописні принципи Йосипа Лозинського // *Лозинський Й.* Українське весілля. Київ, 1992. Он известен также как автор одной из первых грамматик украинского языка – *Gramatyka języka ruskiego (małoruskiego)*, 1846. Позже Лозинский отходит от идей латинизации украинского письма, о чем свидетельствует его более поздняя статья «О образованию языка руского» (1850) и деятельность в составе комиссии по разбору проекта Иречека.

² Цит. по: *Франко І.* Азбучна війна в Галичині 1859 р. // *Історія українського правопису XVI – XX століття*. Хрестоматія. Київ, 2004. С. 210; полностью статью см.: *Записки Наукового Товариства ім. Шевченка*. 1913. Т. 114. Кн. 2. С. 81–116; Т. 115. Кн. 3. С. 131–153; Т. 116. Кн. 4. С. 87–125.

³ Цит. по: *Шашкевич М.* Руское весіле описаное через І. Лозинського в Перемишли – в типографії владичній гр. кат. 1835 // *Історія українського правопису XVI – XX століття*. Хрестоматія. Київ, 2004. С. 64–68; опубликовано впервые в: *Русалка Дністровая*. Будим, 1837. С. 130–133; ср. также: *Lewicki J.* *Odpowiedź na zdanie o wprowadzeniu Abecadła polskiego do piśmiennictwa ruskiego w Przemyślu 1835;*

Еще больше обостряется конкуренция языков и алфавитов в ходе политической борьбы в Галиции в 1848 г. Именно в это время противопоставление латиницы и кириллицы в культурном дискурсе в Галиции приобретает формы сознательной конфронтации национальных атрибутов – соответственно польского и украинского. По-украински латиницей издаются тексты открыто идеологического содержания (воззвания, прокламации, пропагандистские стихи), которые, как и печатаемые латиницей периодические издания (например, издаваемый Иваном Вагиловичем “Dnewnyk ruskij”, орган полонофильского Руського Собора), призваны участвовать в обосновании пропольской политической и культурно-цивилизационной ориентации¹. Весьма показательна в этом отношении цитата из произведения Д. Кочиндыка (псевдоним Rusyn z Drohobyczi) под названием “Rusyn do Rusyniw” (Lwów, 1848): “Rusyn, Polak to dwa tiła / Szczo jedneho serdca syła / Ożywaje z rodu, / A chto nam inaksze mowyt / Toj nasz woroh, toj nas zwodyt, / Na naszoju szkodul!”².

Сравнение текстов пропагандистских стихотворений и политических воззваний на кириллице и латинице, обращенных к жителям Галиции, показывает, что противопоставление охватывает не только и не столько алфавит, но выражается скорее в оппозиции разных моделей языка и типов литературного стандарта, связанных с различными политическими и формирующимися национальными дискурсами³. В то время как латиница фиксирует преимущественно народную речь, максимально приближенную к живой разговорной (то есть «наречие», диалект), кириллица сигнализирует о введении текста гораздо более традиционного по форме, с большим

Шашкевич М. Азбука і Abecadło (Uwagi nad Rozrąwą). O wprowadzeniu Abecadła polskiego do piśmiennictwa ruskiego. Przemyśl, 1836.

¹ Лингвистический анализ украинских текстов полонофилов см.: *Moser M.* Das Ukrainische (“Ruthenische”) der galizischen Polen und Polonophilen zwischen 1830 und 1848/1849 // *Zeitschrift für Slavische Philologie*. В. 62. Heft 2. 2003. P. 311–358.

² Центральный государственный исторический архив Украины во Львове (ЦДАУЛ). Ф. 474 («Документи про польські повстання 1830–1831, 1848 р.»); оп. Спр. 18 («Вірші про польський національно-визвольний рух другої чверті XIX ст., написані під впливом революції 1848 р. в Європі»). Л. 45–46.

³ См., например, украиноязычные воззвания, записанные латиницей из фондов ЦДАУЛ: Ф. 474, Оп. 1. Спр. 15: «Відозви, звернення, прокламації польських і українських суспільно-політичних, студентських і релігійних товариств і організацій в м. Львові періоду революції 1848 р.» Здесь же обнаруживаем текст принципиально иной по своей стилистике и языковой форме: «До всьх громад Архїдїецьальных. Одозва»; кириллицей отпечатана была и «Одозва до руского народу» в первом номере газеты «Зоря Галицка» (число 1, май 1848), органе Головной Руськой Рады.

числом церковнославянизмов, где алфавит и все прочие языковые средства направлены на манифестацию связи с культурно-церковной традицией. Пол Роберт Магочий предлагает в этой связи разделить участников языковой дискуссии в Галиции на «традиционалистов», сохраняющих «славено-русский язык», записанный этимологическим письмом, и «модернистов», допускающих использование народного языка как литературного и ратующих за фонетическое правописание¹. Стремление к литературной эмансипации народного языка, отмечаемое в обоих случаях, исходит из принципиально разных позиций. В первом – живой язык используется как средство обращения к социальным низам. Лишь в будущем он должен достичь уровня литературной обработки. Показательно мнение одного из самых заметных галицийских полонофилов Каспера Ченглевича: «Я не утверждаю, что руський язык не подлежит обработке... Но никто не сможет возразить, что в польском языке уже есть необходимые средства, чтобы стать соответствующим орудием образования. В червоноруськом языке таких средств нет. В нем есть только народные песни как литературы и песни Падуры»². Во втором случае апеллирование к традиции как таковое является «пропуском» в литературу для народного языка. «Азбучная война» в Галиции к середине XIX в. решается в пользу кириллицы³, которая, таким образом, становится основным графическим способом оформления украинской речи на письме в данном регионе. Позиция Вены в этом вопросе во многом объяснялась тогда восприятием галицких «русинов» как союзников в борьбе с польским движением. Центр орфографической дискуссии на время смещается к проблеме шрифта («церковная» кириллица или «гражданка») и к выбору принципа правописания: этимологического или фонетического.

Однако алфавит снова становится предметом ожесточенной борьбы в Галиции в конце 1850-х годов. В мае 1858 г. по указанию

¹ *Magocsi P.R.* The Language Question as a Factor in the National Movement // Nationbuilding and the Politics of Nationalism. Essays on Austrian Galicia / Ed. A.S. Markovits and F.E. Sysyn. Cambridge, MA: Harvard Ukrainian Research Institute, 1982. P. 220–238.

² Перевод мой, см.: *Cieglewicz K.* Rzecz czerwonoruska 1848 roku przez Kaspra Cieglewicza. W druk. Nar. Im. Ossolińskich: “Nie twierdę, że ruszczyzna nie jest zdolna do wykształcenia... Ale że język polski ma już przymioty potrzebne, aby był narzędziem oświaty dogodnem, nikt nie przeczy. Czerwonoruszczyzna nie ma tych przymiotów, dopiero więc musi być obrabiana. Ma ona tylko pieśni gminne, jako zasób piśmiennictwa i piosnki Padury”.

³ См.: *Нагаєвський В.* Історія української держави двадцятого століття. Київ, 1994 (репр. римського изд. 1989 г.). С. 26.

наместника Галиции графа Агенора Голуховского была создана специальная комиссия по переводу галицийских русинов с кириллицы на латиницу. Предпринимается попытка законодательно ввести латиницу в тех школах Галиции, где преподавался «русский» язык. С 1848 г. «русська мова» утверждается в школах Галиции для «русских» громад: ответ Головной Руськой Раде от 9 мая 1848 г. за подписью министра Пиллерсдорфа “An die ruthenische Versammlung in Lemberg” (о документе вспоминает Иван Франко в статье «Азбучна війна в Галичині»). Латиница для печатания законов и официальных объявлений «по-русски» была официально закреплена решением Министерства внутренних дел Австрийской империи¹.

С благословения австрийских властей чехом Йозефом Иречком, занимавшим важный пост в австрийском министерстве просвещения, был подготовлен проект латиницы для передачи украинской речи на письмо². Брошюра с изложением проекта Иречека была напечатана в начале 1859 г. как официальная, но фактически закрытая публикация, и в продажу не поступила. В своем проекте он сознательно сочетает принципы фонетической и этимологической орфографии и неслучайно останавливает свой выбор на чешском – не польском! – образце для украинской латиницы, предвидя возможную негативную реакцию местных элит. Впрочем, такая реакция все равно была неизбежна.

В момент появления проект Иречека вызвал прежде всего подозрения в «чешской» интриге. Их формулирует М. Малиновский в письме к Гр. Шашкевичу: «Між слов'янами поляки, росіяни та чехи воюють за перевагу, за принципат. Чехи хочять нам своє панування накинути, а ми, як не хочемо мати нічого спільного с поляками й росіянами, то й не хочемо чеського приципату»³. Однако связь латиницы с польской письменной традицией оказалась в языковом сознании гораздо более прочной, став своеобразным стереотипом, не случайно ее часто называли «абцадлом» (ср. польское

¹ Кубайчук В. Хронологія мовних подій в Україні (зовнішня історія української мови). Київ, 2004. С. 47.

² Опубликовано отдельным изданием: Über den Vorschlag, das Ruthenische mit lateinischen Schriftzeichen zu schreiben. Im Auftrage des K.K. Ministerium für Cultus und Unterricht verfasst von J. Jirecek. Wien, 1859. О проекте Й. Иречека и общем его контексте см.: Рудницький Я. Мовна та правописна справа в Галичині. Львів, 1937. С. 5.

³ Цит. по: Мойсеєнко В. Про одну спробу латинізації українського письма // “Г”... Незалежний культурологічний часопис. Львів, 1997. № 9. С. 146; ср. также Українсько-руський Архів. VII. С. 33. Лист VI із 9 червня 1859 р.

abecadło). Таким образом, усилия Иречека по созданию латинского письма, очищенного от национальных коннотаций, оказались тщетными. Неоцененными остались и практические достоинства новой системы орфографии, хотя с сугубо филологической точки зрения проект был хорошо продуман, последовательно реализовывал принципы фонетической орфографии, использовал уже имеющийся опыт реформирования славянских азбук и был по сути довольно удачной попыткой синтеза разных латинских график¹.

Иречек вовсе не скрывал идеологической мотивации проекта. Член партии чешских консерваторов и сторонник австрославизма, он был озабочен не только тем, что кириллической шрифт (читай церковный) не может быть приспособлен к потребностям живого языка. Его беспокоило, что до тех пор, пока галицкие русины будут писать и печатать кириллицей, у них будет проявляться уклон к церковнославянщине, а значит, и к «русскости»². Здесь его мнение полностью совпадает с мнением австрийских властей, которые, в условиях кризиса в отношениях с Петербургом после Крымской войны, были озабочены распространением в Галиции «москвофильских» настроений. Именно эта озабоченность, по-видимому, и стала основной причиной создания комиссии. Взойтой точке пересеклись интересы Вены и местных поляков, которые стремились противодействовать развитию конкурирующих с польским больших и малых национальных проектов.

Специально созданная комиссия после обсуждения отклонила проект Иречека. В составе комиссии оказались представители различных галицких идейных течений: С. Литвинович, М. Куземский, Г. Шашкевич, К. Моша, Е. Зелиг³. Но все они были едины в отрицании самой возможности латинизации украинского письма. Единой

¹ «Идейным» вдохновителем Иречека в практической части проекта можно считать Фр. Миклошича. Как система чешская латиница была впервые использована им в *Vergleichende Lautlehre der slavischen Sprachen* (Wien, 1852) для передачи на письме украинских примеров. Правда, во втором издании своего труда Миклошич (1874) высказался за использование для украинской речи реформированной по сербскому образцу кириллицы. Не исключено, что на такую смену взглядов могли повлиять результаты обсуждения проекта Иречека. Подробнее об этом сюжете см.: *Мойсеєнко В.* Про одну спробу латинізації українського письма // «І»... С. 140–147.

² Подробный анализ аргументации Иречека см.: *Мойсеєнко В.* Про одну спробу латинізації українського письма // «І»... С. 143.

³ О составе комиссии см.: *Гузар О.В.* Правописна система Галичини другої половини ХІХ – початку ХХ ст. Львів, 1994. С. 12.

была и мотивировка: «...пропадет и дух украинского народа, и вера»¹. С этим согласились даже те члены комиссии, которые (как епископ С. Литвинович) не отрицали практической пригодности латиницы для передачи украинской речи. Весьма показательна в этом отношении эволюция взглядов И. Лозинского. В середине 1830-х годов он, будучи в тот момент крайним «модернистом», спровоцировал первый раунд «азбучной войны» своими публикациями на латинице, но к 1850-м годам отказывается от возможности применения латиницы к украинскому письму и – более того – от идеи литературной эмансипации народного языка, перейдя в лагерь традиционалистов-«москвофилов». Подобная эволюция взглядов по мере кристаллизации национального проекта в Галиции – не редкость для этого периода, достаточно вспомнить пример деятелей «Руськой трійці»: Ивана Вагилевича, Маркияна Шашкевича и Якова Головацкого. Инициаторы первого издания на «местном (народном, диалектном) языке» (1837) и пропагандисты культурного «украинизма» в дальнейшем избрали различные политические (читай национальные) идентификации: Головацкий стал видным деятелем традиционалистов-«москвофилов», Вагилевич избрал пропольскую ориентацию, лишь Шашкевич остался в лагере модернистов-«народовцев»².

Хотя брошюра Иречека и не поступила в продажу, тем не менее она довольно скоро стала фактом публичного дискурса. Реакция общественного мнения Галиции на проект Иречека была резкой. Как писал Гушалевич Головацкому, «всіхъ сердце запеклося кровью»³. Суть претензий к Иречеку в наиболее развернутом виде сформулировал один из лидеров «традиционалистов» Богдан Дедицкий, который в свое время и учил его украинскому языку. Произведя основательный разбор достоинств и недостатков обеих азбук, он объявляет кириллицу «единым приступом к святине высоких правд божиих»⁴. Дедицкий формулирует основные доводы противников латинизации. Во-первых, это опасность «азбучной войны» для единства галицкого «русинского» движения: «общее замеша-

¹ *Мойсеєнко В.* Про одну спробу латинізації українського письма // "Г"... Незалежний культурологічний часопис... С. 145.

² Подробнее об этом см.: *Brock P.* Ivan Vahylevych (1811–1866) and the Ukrainian National Identity // *Nationbuilding and the Politics of Nationalism. Essays on Austrian Galicia.* Cambridge, 1982. P. 111–125.

³ Цит. по: *Франко І.* Азбучна війна в Галичині 1859 р. // *Історія українського правопису XVI–XX століття: Хрестоматія.* Київ, 2004. С. 208–228.

⁴ О неудобности латинской азбуки въ письменности русской. Розсужд. Богдана А.Д. Відень, 1859. С. 20.

тельство и бесконечная свара за азбуку». Во-вторых, разрыв местных письменных традиций: «роспаденіє нашої словесности». В этой связи Дедицкий упоминает только западноукраинскую традицию в Буковине, Галиции и на Закарпатье и не апеллирует к идее единства с традицией Малороссии и Правобережной Украины¹, что, возможно, было следствием самоцензуры в условиях, когда позиция Вены в «украинском вопросе» еще не была для него вполне ясной. В-третьих, это разрыв с культурно-религиозной традицией: «насильный розрыв межи рускою словесностию нынешних времен а рускою словесностию віків прошедших». Наконец, он делает главный вывод, совпавший, по сути, с выводом комиссии, разбиравшей проект Иречка: «Латинская азбука производит тут не только велике замішательство, но оразъ несогласіє и роздвоєніє въ одноплеменной братіи... Розрывъ духовой жизни цілого народа, – то найболестнійшее горе, яке коли существовало въ світі!.. Мы того не піймаємся, бо у нас так не бывало!»²

Итак, основной причиной поражения сторонников перевода украинской графики на латиницу в Галиции следует считать идеологизацию проблемы алфавита как инструмента влияния в национальном дискурсе. Это, впрочем, не означало, что практические попытки использования латиницы исчезают вовсе. Так, в 1861 г. предложения по продвижению чешской латиницы (с использованием отдельных польских букв) на Буковине сформулировали Антон Кобылянский и Кость Горбаль в своей работе “Slovo na slovo dla redaktora «Slova»”. Poleмический ответ появился незамедлительно – им стала пародийная брошюра, напечатанная чешской латиницей в приложении к газете «Слово» “Holos na holos dla Haličiny”³. И позже в лагере галицийских «полонофилов» публикуются украинские стихи, записанные польской латиницей⁴. Латиница

¹ В современной украинской лингвистической традиции латиница рассматривается именно в качестве одного из препятствий для создания единой литературной нормы и унификации письменных традиций: см. *Гузар О.В.* Правописна система Галичини другої половини ХІХ – початку ХХ ст. Львів, 1994. С. 20.

² О неудобности латинской азбуки в письменности русской... С. 37–40.

³ Об этом см.: *Сімович В.* Правописні системи М. Драгоманова (латиниця, драгоманівка). Прага, 1932. С. 173; *Мойсеєнко В.* Про одну спробу латинізації українського письма // “Г”... С. 140.

⁴ Один из примеров: *Późniak J.* Pisny z dawnych lit. U Lwowi 1877. Nakładom knyharni Wł. Bełzy (w Hotelji George’a); кириллический текст см: *Позняк Я.* Піснь нагідная // Українською музою натхненні (Польські поети, що писали українською мовою). Київ, 1971. С. 84–85.

также неизменно использовалась в 1860–1870-е годы в официальных стенограммах галицийского Сейма для передачи выступлений «русинских» депутатов.

Таким образом, мы видим, что к концу 1850-х годов проблема алфавита для языка галицийских «русин» перестала быть предметом внутргалицийских споров. В результате подключения к ней Вены она превратилась в предмет имперской политики. Это не прошло незамеченным в России, власти которой к тому времени еще не имели большого опыта в регулировании языковой сферы.

Империя Романовых до восстания 1830–1831 гг. на всех западных окраинах стремилась опираться на местные элиты и не прямые формы правления. Ее вмешательство в языковую ситуацию здесь было минимальным, а позиции польского языка в западных губерниях после разделов нисколько не ослабли. Даже когда в начале XIX в. власти в целях контроля потребовали от евреев перевести часть деловой документации с идиш на более доступный чиновникам язык, они оставляли за евреями выбор между русским, польским и немецким. Иначе говоря, язык заботил их как медиум, а не как инструмент формирования идентичности. Лишь после восстания 1830–1831 гг. власти существенно сократили сферу использования польского языка в Западном крае, перестав рассматривать польскую шляхту как лояльную региональную элиту. В период между восстаниями Николай I даже обсуждал со своими сановниками возможность полного перевода польского языка на кириллицу¹.

Хотя призрак малорусского сепаратизма тревожил Петербург, особенно после раскрытия Кирилло-Мефодиевского братства в 1847 г., в процессы развития украинского языка власти империи вплоть до конца 1850-х годов также практически не вмешивались.

Как известно, центром формирования нового украинского литературно-языкового канона в первой половине XIX в. является Левобережье, где пишутся и/или издаются все важнейшие тексты,

¹ Успенский Б.А. Николай I и польский язык (Языковая политика Российской империи в отношении Царства Польского: вопросы графики и орфографии) // Успенский Б.А. Историко-филологические очерки. М., 2004. После восстания 1863 г. Николай Милютин, уже не рассчитывавший на примирение с польской шляхтой, надеялся воспитать в духе лояльности польского крестьянина, и Б.А. Успенский отмечает, что предпринятые тогда гражданской администрацией Царства Польского попытки ввести русские буквы в польскую письменность (без полного запрета латиницы) были призваны воздействовать прежде всего на крестьянство (Там же. С. 141).

положившие начало кодификации народного языка, начиная с «Энеиды» Котляревского (1798). Публикация народного фольклора и оригинальных текстов на «малороссийском наречии» сразу вызвала к жизни проблему передачи специфики украинской речи на письме. Довольно скоро формируется и противопоставление позиций сторонников письма, максимально приближенного к реальному украинскому произношению, и тех, кто настаивал на употреблении русской в своей основе орфографии, приспособленной к передаче украинской речи, но отражающей общность в развитии обоих языков. Суть споров не сводилась, разумеется, к чисто техническим проблемам, а отражала (как и «азбучная война» в Галиции) поиск образца для письменного стандарта. Орфографическая дискуссия сохраняет свою значимость в течение всего XIX в.: в общей сложности было сформулировано около 50 орфографических проектов¹.

На Левобережной Украине принцип фонетического правописания декларирует уже автор первой малороссийской грамматики Ал. Павловский: «Я намерен все слова малороссийские писать точно теми буквами, какими они там произносятся (в т. числе і на месте о, хв на месте ф, ця вм. ца, і на месте ять)»². Однако долгое время он фактически остается в меньшинстве. Гораздо более авторитетно звучат голоса сторонников правописания, основанного на историко-этимологическом принципе. Среди них, несомненно, наибольший вес имело мнение Михаила Максимовича, взявшего за образец орфографию первых изданий Котляревского по двум причинам. Во-первых, она позволяла сохранить связь с традицией (прежде всего с традицией «общерусской»).

Во-вторых, этимологическое правописание позволяло избежать копирования региональной речи: «Нашей малороссийской правописи не должно, да и нельзя уже быть простою, внешнею копировкою звуков языка буквами. Оно должно необходимо, кроме исторической своей стихии, выражать собой более или менее внутренние, этимологические законы и свойства нашего языка. Без этого не может быть и правописание нашего языка, долженствующую

¹ Франко І. Етимологія і фонетика в южноруській літературі. Коломия, 1894.

² Цит. по: Павловський Ол. Грамматика малоросійського наречія // Історія українського правопису XVI–XX століття: Хрестоматія. Київ, 2004. С. 39–54 (цит. на с. 41); впервые напечатано как: Павловский А. Грамматика Малоросійського наречія. Санкт-Петербург, 1818. Впервые для западноукраинской традиции этот принцип сформулировали составители и авторы альманаха «Русалка Дністровая» (1837): «Держалися правила: “пиши як чуєшь, а читай як видишь”» (см.: Русалка Дністровая // Історія українського правопису XVI–XX століття: Хрестоматія. Київ, 2004. С. 60).

щее простирается на все его видоизменения, какие существуют в устах говорящего имь народа – отъ Карпатскихъ горъ до степей Задонскихъ и береговъ Кубани»¹. Разработанная Максимовичем и примененная им при издании сборников украинского фольклора (1827) историко-этимологическая система орфографии, введившая надстрочные знаки для обозначения *i* на месте *o*, *e*, *y*, *u* и параллельное употребление *ы*, *и* для обозначения украинского *и*, становится общепризнанной в Российской империи и активно применяется. Для нас в данном случае важно, что оба аргумента Максимовича (традиционность и некоторая надрегиональность орфографии) в дальнейшем были использованы имперскими властями. Эта аргументация прекрасно вписывалась в идею литературного «общерусского» языка, позволяла поддержать историческую связь русских и украинских слов и звучания, а также препятствовала слишком активной литературной эмансипации «малороссийского» наречия и регионализации письменного языка. Таким образом, попытки влияния на формирование орфографических норм украинского литературного языка уже в момент их складывания стали одним из важнейших аспектов языковой политики империи.

В то же время вплоть до 1850-х годов сама возможность украинских публикаций латиницей в Российской империи не ставилась под вопрос, о чем свидетельствуют, в частности, издания стихов Спиридона Осташевского² и других правобережных авторов³. То же справедливо и для белорусского. С 1855 по 1857 г. В. Дунин-Марцинкевич без каких-либо проблем издал в империи четыре книги на белорусском языке латиницей.

Однако уже в 1859 г. издание латиницей белорусского перевода поэмы Адама Мицкевича «Пан Тадеуш» было арестовано, причем именно из-за алфавита. Сам «Пан Тадеуш» в Российской империи запрещен не был. Власти даже выплатили Дунину-Марцинкевичу компенсацию за понесенные убытки, поскольку

¹ Максимович М. О правописаніи Малоросійскаго языка: письмо къ Основьяненку // Історія українського правопису XVI–XX століття: Хрестоматія. Київ, 2004. С. 88–106 (цит на. с. 91; взято из кн.: Максимович М.А. Собрание сочинений. Київ, 1880. Т. III. С. 312–328).

² Piu kopy kazok. Napysau Spiridon Ostaszewski dla wesolocho Mira. WilNo. Drukiem T. Glucksberga. Księgarnia i typografa szkół biał. Naukowego okręgu. 1850.

³ См.: Pieśni Antoniego Szaszkiewicza wraz z jego życiorysem wydał Stefan Buszczyński. Kraków, 1890. О нем см., в частности: Франко І. Король балагулів. Антін Шашкевич і його українські вірші // Франко І. Зібрання творів у 50 т. Київ, 1982. Т. 35.

тираж был отпечатан до того, как власти приняли постановление, гласившее, что «печатание азбук, содержащих в себе применение польского алфавита к русскому языку отныне запрещается». Цензурный циркуляр специально уточнял, что «следует постановить правилом, чтобы сочинения на малорусском наречии, собственно для распространения между простым народом, печатались не иначе, как русскими буквами»¹. После 1859 г. возможности легально издавать белорусские книги латиницей в Российской империи уже не было вплоть до начала XX в.²

Инициатива к запрету латиницы для украинского языка исходила от киевского отдельного цензора О.М. Новицкого³. 14 марта 1859 г. Новицкий направил письмо попечителю Киевского учебного округа Н.И. Пирогову, в котором отмечалось распространение в империи «рукописей на малорусском наречии, но писанных польскими буквами», а также ввоз из Галиции книг «на червоно-русском наречии, печатанных также польскими буквами». Непосредственным толчком для Новицкого послужило, вероятно, знакомство с «Новой украинской азбукой», написанной латиницей, которая была ему представлена на предмет получения разрешения к печати⁴. Цензор, в частности, писал: «Принимая во внимание, что с предстоящим освобождением крестьян грамотность между ними, по всей вероятности, распространится и усилится, что крестьяне западных губерний, встречая здесь книги, написанные на малорусском языке только польскими буквами, естественно, захотят более изучать польский, чем русский алфавит, что из обхождения с польским населением здешнего края понимая польский язык, весьма легко могут перейти к чтению собственно польских книг и через то подвергнуться влиянию лишь польской литературы с отчуждением от духа и направления литературы русской, и, наконец, что в Галиции... тамошнее польское население сознательно и упорно стремится к тому, чтобы между коренным русским населением вместо кирилловского алфавита ввести в употребление ис-

¹ РГИА. Ф. 772 (Главное управление цензуры МНП). Оп. 1. Ч. 2. Ед. хр. 4840.

² *Токть С.* Латиница или кириллица: проблема выбора шрифта в белорусском национальном движении во второй половине XIX – начале XX века // *Ab Imperio*. 2005. № 2.

³ В 1862–1863 гг. Новицкий сыграл важную роль и в подготовке известного циркуляра Валуева о запрете популярных изданий на малорусском наречии.

⁴ Азбука упоминается в переписке попечителя округа с Министерством народного просвещения. См.: ЦДИА Украины. Ф. 707 (Канцелярия попечителя Киевского учебного округа). Оп. 261. Ед. хр. 7. Л. 3.

ключительно польский алфавит с целью подавления, литературным влиянием, русской народности и постепенного преобразования ее в народность польскую, каковые тенденции тем же путем могут распространиться на наши Западные губернии... не будет ли признано полезным, в видах охранения русской народности в русском населении Западных губерний, постановить на будущее время, чтобы сочинения на малороссийском языке печатаны были в пределах России русскими буквами, или, где окажется нужным, церковно-славянскими, и чтобы тексты на червонно-русском наречии, печатанные за границею польскими буквами, не дозволены были к привозу в Россию в значительном количестве экземпляров одного и того же сочинения»¹. 5 мая 1859 г. Пирогов написал на основании этого письма представление министру народного просвещения графу Е.В. Путятину, а уже 30 мая Путятин разослал циркуляр за номером 1296, который и устанавливал этот запрет². Аналогичные меры были распространены на белорусский язык. 19 июня 1859 г. Пирогов разослал распоряжение о выполнении этого циркуляра в подведомственные ему органы цензуры, то есть от момента, когда киевский цензор Новицкий сформулировал свои предложения до превращения их в официальную инструкцию МНП, прошло лишь три месяца.

В письме Новицкого ясно обозначены все причины, по которым власти могли опасаться распространения польского алфавита применительно к украинскому и белорусскому языку. Очевидно, что события в Галиции в 1858–1859 гг. сыграли здесь далеко не последнюю роль. Разъяренный поведением Австрии в ходе Крымской войны, Петербург с особым вниманием следил теперь за любыми шагами Вены, и реакция на «игры с алфавитом» в Галиции была незамедлительной. Это тем более любопытно, что на тот момент в имперской бюрократии еще не было ясного мнения по вопросам, касавшимся статуса украинского языка в Российской империи, в частности, о возможности его использования в школах, для перевода Священного писания и для издания журналов. Эти проблемы интенсивно обсуждаются вплоть до 1862 г., причем мотив угрозы того, что поляки хотят «взять в свои руки инициативу в деле образования простого народа в Юго-Западном крае в видах

¹ ЦДИА Украины. Ф. 707. Оп. 261. Ед. хр. 7. Л.1–1об.

² ЦДИА Украины. Ф. 707. Оп. 261. Ед. хр. 7. Л. 3об., 7, 7об.

распространения польской национальности», оставался важным в этих дискуссиях¹.

Польское восстание 1863 г. ускорило не только процесс принятия бюрократических решений в отношении языковой политики на западных окраинах империи, но и кристаллизацию проекта «общерусской нации». Валуевский циркуляр, понимавшийся как временная мера, запретил летом 1863 г. украинский перевод Священного Писания² и использование украинского в школе и в публикациях «для простонародья». Галиция в этом контексте выступает как центр конкурирующего проекта – сначала польского, позже – собственно украинского. Имперская политика в отношении украинского языка предполагала разные уровни регламентирования языковой сферы. Наряду со стремлением властей не допустить повышения статуса языка и предотвратить литературную эмансипацию «наречия», объектом воздействия становится языковая система как таковая. Цель состояла в недопущении формального отграничения от русского языка на всех уровнях системы. Решение 1859 г. о запрете латиницы для «малорусского наречия», которое изначально было реакцией на события в Галиции и на попытки поляков и пропольски ориентированных украинских и белорусских деятелей распространить латиницу среди крестьян западных окраин, теперь стало частью широкой системы мер, направленных на ассимиляцию восточнославянского населения империи в единую нацию.

Интересно в этой связи проследить использование языка в польской пропаганде в ходе подготовки к восстанию 1863 г.³ В отличие от 1830–1831 гг. пропагандистские тексты, в том числе воззвания к крестьянству, публикуются либо по-польски, либо по-украински, но уже только с использованием кириллического алфавита.

¹ Об этом, со ссылкой на министра внутренних дел Валуева, писал председателю Цензурного комитета барону А.П. Николаи летом 1861 г. министр народного просвещения Путьин (ЦДДА Украины. Ф. 707. Оп. 261. Ед. хр. 7. Л. 5). О дискуссиях по поводу статуса украинского языка см. также: *Миллер А.* Украинский вопрос... С. 63–110, а также: *Vulpus R.* Language Policy in the Russian Empire: A Case of Translation of the Bible into Ukrainian, 1860–1906 // *Ab Imperio*. 2005. № 2 (forthcoming).

² Об этом см., в частности: *Німчук В.* Українські переклади Святого писання // *Das Ukrainische als Kirchensprache. Українська мова в церквах* / М. Moser (Hrsg.). Wien, 2005. С. 26–27.

³ О пропагандистской деятельности руководства восстания см.: *Jaegerm M.* Działalność propagandowo-informacyjna władz powstańczych (1794, 1830–1831, 1863–1864). Lublin, 2002. S. 181–189.

В этом отношении особенно показателен такой известный документ, как «Золотая грамота». «Грамота» распространялась на всей территории, охваченной восстанием. Повстанческое руководство не исключало возможность выступления крестьян против повстанцев и старалось избежать восприятия восстания крестьянским населением западных окраин как дела «шляхетского» и «польского». «Именно по этой причине повстанческое руководство остерегалось полонизмов как в тексте «Золотой грамоты», так и во внешнем ее оформлении»¹. Этот факт свидетельствует об окончательном закреплении за кириллицей функции национального украинского атрибута, причем также в сознании поляков.

Впрочем, это справедливо только для украинского случая. В то же самое время (в мае 1863 г.) подпольное правительство повстанцев издало специальный манифест, адресованный «братьям Белорусам». Этот документ был напечатан на белорусском языке латиницей. Языковая форма воззвания здесь, как и в украинском случае, была тщательно продумана. Использование же латиницы, по-видимому, могло быть связано с характером адресата пропагандистских текстов: естественно, что повстанцы ожидали найти своих союзников прежде всего в среде белорусов-католиков. В качестве другой возможной причины использования восставшими «своего» графического кода при обращении к населению белорусских земель можно рассматривать бóльшую (чем в случае с Украиной) размытость культурно-цивилизационной границы. Это связано среди прочего с более поздним оформлением собственно белорусского национального (и культурно-языкового) дискурса. Как следствие, здесь не было «азбучных войн» и четкой позиции в отношении латиницы с белорусской стороны не сформировалось. В свою очередь, российские власти, приняв вызов польских повстанцев, попытались организовать контрпропаганду и издали ряд брошюр на белорусском языке кириллическим шрифтом, адресуя их, как и поляки, крестьянам². Как видим, в белорусском случае эксплуатация конфликта алфавитов продолжается представителями обоих конкурирующих «больших»

¹ *Зайцев В.М.* Социально-словный состав участников восстания 1863 г. (Опыт статистического анализа). М., 1973. С. 205.

² В 1861 г. в Могилеве вышла брошюра «Бяседа старога вольніка з новымі пра іхняе дзела» (Б. м., [1861]. 31 с.), подробнее см.: *Токть С.* Латиница или кириллица: проблема выбора шрифта в белорусском национальном движении во второй половине XIX – начале XX века // *Ab Imperio*. 2005. № 2.

проектов: русского и польского; борьба за идентичность в условиях неопределенности еще не завершена.

Вскоре после подавления восстания, в 1865 г., власти Российской империи ввели запрет на латиницу и для литовского языка. Сравнение этой меры с запретом латиницы для украинского и белорусского в 1859 г. позволяет увидеть различия в стратегическом целеполагании властей при принятии мер, которые на первый взгляд кажутся идентичными.

Власти империй меньше, чем власти национальных государств, озабочены гомогенностью населения, особенно на окраинах. Далеко не всегда имперская власть, в том числе и при регулировании языковых вопросов, руководствуется националистической логикой, то есть ставит перед собой цель реализации того или иного проекта культурной и языковой гомогенизации. Нередко приоритетом здесь является лояльность, то есть утверждение такой версии локальной идентичности, которая была бы совместима с лояльностью империи как по определению гетерогенной политики, в том числе лояльности цивилизационной. Различение национального и цивилизационного фактора в политике властей не всегда можно провести достаточно четко, но оно заслуживает подробного обсуждения. Образ Российской империи как особого цивилизационного пространства, где окраины лояльны центру не только как центру власти, но и как центру цивилизационного притяжения, безусловно, существовал как идеал в умах имперской элиты. Часто используемый в то время термин «сближение» далеко не всегда означал русификацию в националистическом смысле, то есть ассимиляцию и внедрение русской национальной идентичности. Уже упоминавшиеся проекты в период между восстаниями перевода польского языка на кириллицу связаны были скорее с надеждой утвердить среди поляков такую версию польской идентичности, которая сочеталась бы с лояльностью империи и династии. Запрет на латиницу в отношении литовского языка также был направлен не на ассимиляцию, но на аккультурацию в Российской империи. Цель состояла не в том, чтобы сделать литовцев русскими, но в том, чтобы максимально дистанцировать их от мятежных поляков.

Подобная политика применялась не только на западных окраинах. В 1858 г. в Волго-Камском регионе массовые переходы кряшен в ислам вызвали к жизни систему, разработанную известным миссионером и востоковедом Н.И. Ильминским. К 1862 г. он подготовил для кряшен перевод на татарский букваря и молитвенника с использованием кириллического алфавита. Этот же принцип пе-

ревода религиозной литературы на местные языки с кириллическим письмом был применен Ильминским в отношении ряда народов Поволжья, а также башкир и казахов. Здесь нужно отметить два обстоятельства. Еще в начале 50-х Ильминский, отдавая приоритет миссионерской деятельности над языковой русификацией, планировал разработку письменности для ряда местных языков с использованием арабской графики. Только под влиянием более опытного востоковеда В.В. Григорьева, который убедил его в существовании угрозы распространения татарского влияния (а с ним идей исламизма и пантюркизма) на соседние народы, Ильминский остановил свой выбор на кириллице¹. Его деятельность не раз подвергалась нападкам со стороны приверженцев языковой русификации. Одним из контраргументов Ильминского было то, что татарский ассимиляционный проект имел в то время бóльший потенциал, и его деятельность по развитию местных языков блокирует эту опасность, а кириллица служит предпосылкой для более легкого последующего усвоения русского².

Таким образом, при всех различиях рассмотренных ситуаций на имперских окраинах мы видим ряд сходных черт. Во всех случаях у властей существовало опасение, что определенная группа на окраине достаточно сильна в материальном и культурном отношении, чтобы попытаться реализовать собственный ассимиляционный проект в отношении более слабых групп. В Западном крае соперником Российской империи выступало лишенное государства польское движение, в остзейских провинциях эта угроза была прямо связана с растущей силой Германии, а в Поволжье – с Османской империей как альтернативным центром притяжения мусульман и тюркских народов. Во всех случаях власти стремились воспрепятствовать реализации такого проекта, и во всех случаях один из инструментов заключался в более или менее настойчивом насаждении кириллицы. Опыт Ильминского показывает, что не всегда это было результатом прямолинейного стремления к русификации – ведь он даже разрабатывал письменность на местных языках.

¹ Knight N. “Grigor’ev in Orenburg, 1851–1862: Russian Orientalism in the Service of Empire?” // *Slavic Review*. Washington, 2000. Vol. 59. No. 1. P. 74–100.

² О ситуации в Волго-Камском регионе см.: *Dowler W.* Classroom and Empire: The Politics of Schooling Russia’s Eastern Nationalities, 1860–1917. Toronto: McGill-Queen’s UP, 2001; *Geraci R.P.* Window to the East. National and Imperial Identities in Late Tsarist Russia. Ithaca, L.: Cornell UP, 2001; *Werth P.W.* At the Margins of Orthodoxy. Mission, Governance, and Confessional Politics in Russia’s Volga-Kama Region, 1827–1905. Ithaca, L.: Cornell UP, 2001.

В Западном крае литовский случай также принадлежит к этой категории, поскольку приоритетом была борьба с конкурирующим влиянием и стремление закрепить версию идентичности, которая сочеталась бы с лояльностью империи, в том числе и как цивилизационному пространству. Если мы учтем, что в Галиции политика поляков пользовалась поддержкой Вены, то будет очевидно, что во всех случаях можно говорить о языковой политике как о части сложной системы соревнования между империями-соседями.

В отношении восточнославянского населения западных окраин власти к началу 60-х годов выработали мнение, согласно которому обучение грамотности должно было происходить на «общерусском» литературном языке. Украинский и белорусский должны были остаться на положении наречий как языки для «домашнего обихода», для издания художественной литературы о местной жизни, исторических и фольклорных памятников. Попытки поляков использовать латиницу для украинского и белорусского однозначно воспринимались как стремление перетянуть «русинов» на свою сторону, а те, кто уже мыслил националистическими категориями, видел в них желание «расколоть» формирующуюся общерусскую нацию. Уже в запрете латиницы применительно к «русскому» языку в 1859 г. речь отнюдь не случайно идет о польских (а не латинских) буквах. Очевидно, что в политике в отношении украинского и белорусского языков сочеталось, с одной стороны, стремление нейтрализовать попытки поляков, в том числе и с помощью алфавита, провести на этом пространстве цивилизационную черту по границе Речи Посполитой 1772 г., и ассимиляторский план объединения всех восточных славян империи в рамках «общерусской нации» – с другой.

В свою очередь, в центре внимания украинского националистического дискурса с 1860-х годов оказался вопрос о том, какая система орфографии: фонетическая или этимологическая – должна использоваться в украинских публикациях. Это было напрямую связано с конфликтом «общерусской» и «украинской» наций. В ходе орфографической дискуссии, развернувшейся в петербургских, киевских и харьковских изданиях, этимологическое письмо становится не только символом традиции, но и знаком ее единства, общерусского характера; фонетическая орфография, в свою очередь, становится не только средством собственно языковой модернизации, но и национальной эмансипации. Постепенная фонетизация украинской орфографии (как в Российской империи, так и на запад-

ноукраинских землях¹) означала постепенное оформление собственно украинского языкового и национального проекта.

Осуществившееся в начале 1860-х годов переосмысление орфографических дискуссий в национальных категориях вызывало вполне естественную реакцию со стороны властей. После восстания 1863 г., принятия Валуевского циркуляра и Эмских инструкций 1876-го², резко ограничивших разрешенную сферу применения украинского языка, власти продолжили попытки регулирования украинского языкового пространства, но теперь именно в вопросах орфографии. Цензура инструктировала издателей, что за образец правописания должна быть принята этимологическая орфография «Собрания сочинений на малороссийском наречии» И.П. Котляревского (Киев, 1875)³. Власти стремились регулировать вопросы орфографии там, где украинский был разрешен, преследуя цель не дать увеличить дистанцию между русской и украинской нормами, в том числе искусственно фиксируя украинскую норму на более раннем этапе развития (первое издание Котляревского – 1798). В Эмских инструкциях специально запрещалась так называемая «кулишовка», то есть фонетическая орфография, разработанная П.А. Кулишем⁴. С точки зрения властей она представляла собой не что иное, как увеличение разрыва между «общерусским» языком и «малорусским наречием» при помощи формальных графических средств.

Если в Российской империи этот вопрос оказался решенным «сверху» до 1905 г., в Галиции обсуждение орфографической проблемы в рамках национальной языковой программы продолжается. Орфографические дискуссии разгораются с новой силой в середине 1880-х годов в связи с инициативами профессоров Черновицкого университета С. Смаль-Стоцкого и Ф. Гартнера, которые обратились

¹ Обзор процесса постепенной «фонетизации» орфографии с собственно филологической перспективы см.: *Німчук В.* Передне слово // *Історія українського правопису XVI–XX століття: Хрестоматія.* Київ, 2004. С. 6–9; *Гузар О.В.* Правописна система Галичини другої половини XIX – початку XX ст. Львів, 1994. С. 9–15.

² Тексты обоих документов см. на с. 279–281 этого издания.

³ РГИА. Ф. 776. Оп. 11. Ед. хр. 61а. Л. 41об.

⁴ Из выводов комиссии «Для пресечения украинофильской пропаганды» (1875): «Воспретить в Империи печатание, на том же наречии, каких бы то ни было оригинальных произведений или переводов, за исключением исторических памятников, но с тем, чтобы и эти последние, если принадлежат к устной народной словестности (каковы песни, сказки, пословицы), издаваемы были без отступления от общерусской орфографии» (т.е. не печатались так называемой «кулишовкою»).

в министерство образования с предложением ввести фонетическое письмо в школьное обучение. Получив поддержку из Вены, они создали школьную грамматику, применив там последовательный фонетический принцип для передачи украинской речи¹. Активно поддержал позицию «модернистов» М. Драгоманов. С 1878 г. он издает кириллицей произведения, в которых использует собственную систему орфографии, реализующую последовательное требование буквального фонетического соответствия (один звук – одна буква)². Здесь же Драгоманов формулирует главный свой аргумент в пользу такой системы орфографии: практичность, применимость для народной аудитории: «Фонетична правопись, це полегкість всьакі дитині вивчитись читати і писати, всьакому мужикові раз на завше задержати собі в голові орфографію, не боїтись граматичних помилок, обходитись без писа- рья і т. и.!»³

С именем Драгоманова связана и последняя попытка возвращения проблемы латинского алфавита в публичный украинский дискурс. В различных изданиях в 1881–1882 гг. он применял различные системы письма на основе латиницы, попытавшись объединить разные традиции⁴. Наряду с обычным для галицких «латинизаторов» аргументом (латиница «зблизила б нас з більше цивілізованим світом») Драгоманов при этом ссылается на то, что

¹ «Правопись, що тут виложена, є в головних точках фонетична, бо вона має за основу правило: Пиши, як правильно говориться. Правильно говорити значить обминати в мові всякі місцеві (нарічеві) властивості». Цит. по: *Смаль-Стоцький С., Гартнер Ф.* Руска граматика // *Історія українського правопису XVI–XX століття*: Хрестоматія. Київ, 2004. С. 106–122 (первоиздание: Львів, 1893). О роли Министерства образования в утверждении фонетического правописания в Галиции см.: *Гузар О.В.* Правописна система Галичини другої половини XIX – початку XX ст. Львів, 1994. С. 9–15.

² Это требование прозвучало также в проекте Й. Иречека. Первым изданием с использованием «драгомановки» стал «Кобзарь» Шевченко (Женева, 1878; второе издание – 1881); отличительный признак орфографии Драгоманова – использование в кириллице знака *ј* для передачи йотированных гласных *я, ю, є, ї – ја, ју, је, јі*.

³ *Драгоманов М.* В справі реформи нашої правописі... С. 166.

⁴ Так, в переписке с М. Павликом (членом Научного общества им. Шевченко и его библиотекарем, соредктором ежемесячника «Громадський друг», позже соредктором женевской «Громады»), начиная с 1879 г., использована комбинированная латиница (подробнее см.: *Сімович В.* Правописні системи М. Драгоманова... С. 16(158)); в издании «Марии» (1882) – польская в своей основе; в «Письме в редакцію “Расу”» (1882) – смешанная польско-чешская (см.: *Драгоманов М.* Листи до Ів. Франка і інших: 1887–1895. Львів, 1908. С. 4–11).

в Галиции «люде говорят по-руськи, а письма іншого й не знають, окрім польського»¹. Он был убежден, что «з орфографії не можна робити святощів, як це роблять українці з так званою кирилівською азбукою, з неї не можна робити фетіша й переносити того фетішізму і в народ»². Драгоманову, однако, так і не удалось вернуть латиницу в галицийский узус, нереализованными остались планы по изданию в 1882–1883 гг. во Львове латиницей украинской газеты в качестве приложения к польскому изданию “Prasa”³, а проблема латинизации украинского письма вновь оказалась в рамках традиционного для Галиции украинско-польского спора. Осуществленное же им в Женеве издание поэмы «Мария» Т. Шевченко⁴ вызвало вполне ожидаемые обвинения в пренебрежении традицией и полонизаторских намерениях⁵.

Показательно, что реакцией на модернистские проекты фонетизации украинского письма как на основе латиницы, так и кириллицы в Галиции стал отход части «народовских» изданий (например, «Діло») от принципов фонетической орфографии в сторону украинскими националистами был решен именно в пользу фонетики.

¹ См.: Чудацькі думки про українську національну справу, написав Михайло Драгоманов, друге виданє. Львів, 1892. С. 280.

² Чудацькі думки про українську національну справу... С. 280; ср.: Сімович В. Правописні системи М. Драгоманова... С. 13(155); см. также: «Ми ніколи не робили з справ формальних – справи принципіальні. На забуку о правопись ми дивимось як на справу важну, та все таки формальну і, як би треба було дльа чого, то готові писати хоч гієрогліфами» (цит. по: Драгоманов М. В справі реформи нашої правописі (1887) // Історія українського правопису XVI–XX століття: Хрестоматія. Київ, 2004. С. 162; использовано издание: Драгоманов М. Листи до Ів. Франка і інших: 1887–1895. Львів, 1908.

³ Планировалось назвать ее “Robota”, затем “Wilna Spilka”. См. соображения М. Павлика из письма Драгоманову (1882): «З усім тим, будущіє нашій газеті в Галичині треба буде друкуватись польською правописю, хоть ја шче в цім вагуюсь» (цит. по: Сімович В. Правописні системи М. Драгоманова... С. 32(174)).

⁴ Marija maty Isusowa. Wirszy Tarasa Szewczenka z uwahamy M. Drahomanowa. Żenewa, 1882. С. VI–VII. Ср. другие издания произведений Шевченко латиницей в полонофильских изданиях *Dziennik literacki* (1861, № 60, 62, 64) и *Siolo* (1866, z. 2–3) в Галиции; подробнее см.: Повне видання творів Тараса Шевченка. Т. XVI: Бібліографія. Показчик видань шевченкових творів та спис бібліографічних праць про Шевченка / Зібрав і впорядкував Вол. Дорошенко. Варшава – Львів: Український Науковий Інститут в Варшаві, 1939.

⁵ Главным оппонентом Драгоманова стал один из видных «традиционалистов» Омелян Партицкий, автор одной из самых резких рецензий на «Марию»: см. Зоря. 1882. Z. 10, 15(27), V; ср. также: Вольное слово. 1882. № 36; о других рецензиях на издание см.: Повне видання творів Тараса Шевченка. Т. XVI.

Очевидно, что усилия Петербурга по вмешательству в языковую сферу принесли различные плоды в разных частях Западного края. Причину следует искать, в том числе, в различиях культурно-письменных традиций, определивших формы явного или скрытого противодействия имперской языковой политике. Так, в литовском случае традиция употребления кириллицы отсутствовала в принципе, она воспринималась как символ однозначно чужой культуры, что и предопределило провал имперского проекта по переводу письма на кириллицу. Отмена запрета на применение латиницы со стороны властей в 1904 г. может рассматриваться как вынужденное признание поражения. В белорусском случае, несмотря на официальный запрет публикаций на латинице, традиция ее употребления оказалась довольно прочной. Соревнование двух культурно-цивилизационных традиций в белорусской языковой среде возобновилось уже в начале XX в. после ослабления, а затем и снятия ряда цензурных ограничений. Так, среди 25 периодических изданий, выходивших в Белоруссии в период с 1901 по 1917 г., девять печатались латиницей, а «Наша Доля» и «Наша Нива» – двумя шрифтами. Всего до 1918 г. тексты на белорусском языке встречались в 423 книжных изданиях, из них 129 были напечатаны латиницей, а в некоторых присутствовали и латинские, и кириллические тексты¹. Принципиальное отличие от украинского случая (при изначально схожей традиции употребления латиницы) определялось спецификой конфессиональной и социальной структуры белорусского общества: значительная часть крестьянского населения на белорусских землях идентифицировала себя с католическим (латинским) кругом культуры, латиница была составным элементом их сакрального мира. Не учитывать этого в своих попытках национальной и языковой мобилизации крестьянства белорусские националисты не могли. Этот факт, в свою очередь, препятствовал идеологизации проблемы алфавита в белорусском национальном дискурсе, тем самым здесь возобладали соображения практической целесообразности. Так, Вацлав Ивановский, возможный соавтор белорусского букваря на латинице вместе с Марьяном Фальским

¹ В том числе с 1901 по 1917 г. было издано 245 книг на белорусском языке, из них 158 на кириллице и 87 латиницей. Данные приведены в: *Токть С. Латиница или кириллица... с использованием изданий: Александровіч С.Х. Пуцвявіны роднага слова: Праблемы развіцця беларускай літаратуры і друку другой паловы XIX – пачатку XX стагоддзя. Мінск, 1971. С. 163; Кніга Беларусі. 1517–1917. Зводны каталог. Мінск, 1986. С. 206–263.*

в 1905 г., отмечал по поводу использования двух шрифтов в белорусском книгопечатании: «Все мы знаем, что среди нас, Полешуков, Белорусов или – как еще себя называем – тутэйших, есть католики и православные; католики больше привыкли к латинским буквам, которые неправильно называют польскими, православные же к славянским, или, как говорят, русским... Поэтому специально издаем букварь двумя шрифтами, выбирай, что тебе нравится, лишь бы знал каждый, что хоть буквы и разные, но звуки, силабы и слова те же самые, язык тот же и люди, которые разговаривают одним языком, это родные братья»¹. Не решена была и главная задача: литературная эмансипация белорусского языка. В этих условиях белорусские националисты отводили алфавиту служебную, подчиненную роль². Не став средством проведения национальной языковой политики, латиница тем не менее оказалась важным фактом языкового узуса, вступавшим в противоречие с проектом общерусского языка. Но поражение «объединительных» языковых усилий властей в Белоруссии оказалось временным.

* * *

Политика в отношении различных алфавитов претерпела причудливые изменения в первые десятилетия существования СССР³. Коренизация, проводившаяся в СССР в 1920-е годы, была основана на идеологии деколонизации и предусматривала поощрение местных языков в администрации и образовании. Кириллица воспринималась как один из символов русского империализма и русификации. Еще до того, как была выработана официальная позиция по языковым вопросам, некоторые народы перешли с кириллицы на латиницу (якуты в 1920-м, осетины в 1923 г.). Однако в целом ряде случаев этнические группы отвергли инициативы по введению латиницы и предпочли реформировать уже имевшуюся кириллическую письменность (коми, мордва, чуваша, удмурты). С монгольского письма на кириллицу перешли калмыки; кириллицу выбрали также хакасы, ассирийцы, цыгане, ойроты и некоторые другие малые народы. Таким образом, можно сказать, что в «сво-

¹ Цит. по: *Turonek J.* *Wacław Iwanowski i odrodzenie Białorusi.* Warszawa, 1992. S. 41.

² Подробно пишет об этом в заключении: *Токть С.* Латиница или кириллица... // *Ab Imperio.* 2005. № 2.

³ *Martin T.* *The Affirmative Action Empire. Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939.* Ithaca and London: Cornell UP, 2001. P. 182–207, 422–429.

бодном соревновании» латиницы и кириллицы однозначного преимущества ни один алфавит не имел.

Особенно интенсивно вопрос о введении латиницы обсуждался среди мусульманского населения. Движение за утверждение «нового тюркского алфавита» на основе латиницы было инициировано в Азербайджане в 1922 г. В 1926-м в Баку прошел Тюркологический конгресс, который утвердил план реформы. К 1927 г. эта инициатива получила санкцию Политбюро и финансирование из госбюджета. Большевистское руководство считало, что переход на латиницу подорвет влияние ислама, который прочно ассоциировался с арабской письменностью. Пантюркистский аспект этого проекта еще не слишком беспокоил Москву. К 1930 г. 39 языков были переведены на латиницу. Часть из них переходила на латиницу с кириллицы, в чем власти, провозгласившие великорусский шовинизм главной опасностью, не видели ничего предосудительного. Кампания перевода с кириллицы на латиницу финно-угорских языков при полной поддержке центральных властей была предпринята в конце 20-х – начале 30-х годов. Всего к 1932 г. в СССР были переведены на латиницу 66 языков, а еще семь готовили к этому. В конце 20-х была даже начата подготовка к переводу на латиницу русского языка (прекращенная только в 1930 г. по специальному указанию Политбюро). Мы видим, что с изменением идеологических установок и политических приоритетов центральная власть в новой империи – СССР – могла кардинально изменить политику в отношении алфавитов по сравнению с властями царской империи.

На этом фоне особенно показательна судьба латинизаторских проектов в Белорусской ССР и Украинской ССР, то есть на бывших западных окраинах Российской империи. Главная задача языкового строительства на Украине в 20-е годы – создание единой орфографии для всех украинских земель с учетом исторического опыта ее развития.

Эту задачу призвана была решить созданная 23 июля 1925 г. Государственная орфографическая комиссия при Народном комиссариате образования¹. В общей сложности на ее рассмотрение было представлено 60 проектов (в т.ч. 37 из Галиции), результатом работы комиссии стало издание сводного проекта «Український правопис» (Харків, 1926), где особо ставилась задача упорядочения

¹ Об усилиях украинских ученых в этом направлении до 1925 г., а также о работе Комиссии см.: *Німчук В.* Передне слово // *Історія українського правопису XVI–XX століття: хрестоматія.* Київ, 2004. С. 14–17.

алфавита (с. 4). Завершаючим етапом обговорення став созыв в 1927 г. Всеукраїнської конференції по вопросу упорядочення орфографії, который прошел в Харькове сучасним представителів Західної і Східної України (всього було 75 учасників). Осознание того, что в орфографических дискуссиях попережнему присутствуют и внешние акторы, заметно в высказываниях республиканского руководства: «Тут приходиться уникати уклонів в двох напрямках, що мають місце при виданню українського правопису: стремління шляхом правопису відрізнити українську мову від польської або від російської мови, залежно від тої чи іншої орієнтації, яка є у тих чи інших представників нашої науково-суспільної думки»¹.

«Український правопис» после бурного обговорення на конференції і додаткової доробки Президіумом комісії (в ее состав входили А. Приходько, А. Крымский, О. Синявский, С. Пилипенко) был утверждён наркомом образования М. Скрипником в сентябре 1928 г.; спустя некоторое время в мае 1929-го «Правопис» был одобрен на заседании Научного общества им. Шевченко во Львове², что знаменовало важный этап в создании единой украинской литературной нормы.

Орфографическая дискуссия открыла возможность и для возвращения к вопросу о латинице применительно к украинскому языку, который, казалось, был уже решен окончательно. На этот раз проект латинизации украинского письма был связан с концепцией марризма, предполагавшей и перевод русского языка на латиницу. В этом контексте латинизация рассматривалась как первый шаг по унификации языков и письма на основе единого латинского алфавита как наиболее распространенного, становясь актуальным заданием коммунистического строительства³. Идею

¹ Цит. по: *Хвиля А.* Викорінити, зникити націоналістичне коріння на мовному фронті // *Українська мова у ХХ сторіччі. Історія лінгводику / за ред. Л. Машенко.* Київ, 2005. С. 128; впервые напечатано в: *Більшовик України.* 1933. № 7–8. С. 42–56; использован отрывок из вступительной статьи от редакции перевода кн. «В. Ленін. Дві тактики. Харків, 1926» за подписью М. Скрипника. Эти высказывания Скрипника позже были использованы против него: «Очевидно, т. М. Скрипник стояв і на тій «орієнтації», щоб відрізнити українську мову за допомогою українського правопису від російської мови» (Там же. С. 128).

² *Гузар О.В.* Правописна система Галичини другої половини ХІХ – початку ХХ ст. Львів, 1994. С. 20–21.

³ *Москаленко А.А.* Питання графічної нормалізації української мови після Жовтня. Принципи організації правопису української мови після Жовтня // *Москаленко А.А.* Історія українського правопису (радянський період). Одеса, 1968. С. 9.

об унификации алфавитов применительно к украинскому языку сформулировал в 1923 г. писатель и журналист Сергей Пилипенко. В своем опубликованном латиницей письме "Odvertij lyst do vsix, xto cikavyt'sja cijēju spravoju" он заявляет: «сейчас или никогда». "Sprava sja stojit' majže dylemoju... Ljudstvo maje odnakovo pysaty, aby men'she vytračaty času na oznajomlennja z ynšymy movamy... latyns'kuj al'favit... je najkraščym sposobom unifikuvaty jak najskorše i jak najzručniše pys'mo rižnych narodiv"¹. Отбрасывая возможные обвинения со стороны как «москвофилов» ("u odhorožuvanni od rosij's'koji kul'tury, toji kulltury, ščo najperša maje kopuljuvaty z ukrajins'koju"), так и «украинофилов» ("pro odhorožuvannia vod Halyčynu i do revnoji miry «polonizaciji»"), он в практической сфере предполагал постепенный перевод на латиницу школьного обучения и переход на печатание газет параллельно двумя алфавитами. Предложение Пилипенко поддержал Михаил Йогансен, подхвативший идею «латинского, а теперь интернационального алфавита»². Радикальный проект реформированной латинской в своей основе украинской орфографии был на практике использован группой киевских футуристов «Семафор у майбутнє».

Однако в ходе обсуждения на Орфографической конференции 1927 г. предложение о переводе украинского письма на латиницу было отвергнуто. Эти проекты оказались на периферии общественного и языкового внимания, отодвинутые на задний план более актуальным заданием унификации западно- и восточноукраинской орфографических (кириллических) традиций. Тем не менее сам факт их появления хорошо отражает общий реформаторский настрой эпохи «украинзации». Заметим, что часть этих предложений (их внес М. Скрипник) Конференция первоначально утвердила, и только вмешательство республиканских партийных властей не позволило им появиться в окончательной версии «Українського правописа»: «На конференції виникла дискусія в зв'язку з тим, що виступала досить значна група робітників конференції, яка запропонувала ввести латинську абетку в українську мову замість дотеперішньої кирилівки. Зрозуміло, що це поставило б бар'єр між російською та українською мовою, зрозуміло, що це на руку

¹ Цит. по: *Пилипенко С.* Odvertij lyst do vsix, xto cikavyt'sja cijēju spravoju // Історія українського правопису. XVI–XX ст. Хрестоматія. Київ, 2004. С. 348–351; вперше напечатано в: Червоний шлях. 1923. № 6–7. С. 267–268.

² См.: *Johansen M.* Пристосування латиниці до потреб української мови // Червоний шлях. 1923. № 9. С. 167–169.

українським націоналістам. І коли голосуванням ці пропозиції було відкинуто, справа з алфавитом на цьому не закінчилась. Тов. М. Скрипник вніс пропозицію в український алфавіт внести дві латинських літери для визначення звуків “дз” та “дж”... ЦК КП(б)У під керівництвом Л.М. Кагановича засудив таку лінію на введення в українському алфавіті нових латинських літер. Конференція скасувала своє попереднє рішення про “дз” і “дж”»¹.

В советской Белоруссии этого периода без труда обнаруживаются аналогии с украинской ситуацией. Политика коренизации создавала чрезвычайно выгодные условия для становления последовательного фонетического правописания для белорусского языка. Академическая конференция по упорядочению орфографии прошла немного раньше украинской, в 1926 г. На ней также поднимался вопрос о возможности использования латиницы в белорусском письме, причем в этом случае аргументация такого шага была более основательной, чем на Украине. Помимо заявлений в революционно-марристском духе о латинице как графике будущего и международном алфавите, среди доводов сторонников латинизации звучало обоснование ее преимуществ для передачи звуковых особенностей белорусской речи на письме; апеллировали они и к существованию устойчивой местной традиции использования латиницы в среде крестьян-католиков².

Убежденность в несвоевременности радикальных перемен в графической форме языка³, а также усматривание в проектах по введению латиницы очередной попытки полонизации предопределили их провал и на Украине, и в Белоруссии. Весьма типично в этом отношении высказывание одного из идеологов языковой политики на Украине эпохи украинизации наркома просвещения Скрип-

¹ Цит. по: *Хвиля А.* Викорінити, знищити націоналістичне коріння на мовному фронті // *Українська мова у XX сторіччі...* Київ, 2005. С. 123; вперше напечатано в: *Більшовик України.* 1933. № 7–8. С. 42–56.

² О ходе конференции см.: *Мусаев М.К.* Белорусский язык // *Опыт совершенствования алфавитов и орфографий языков народов СССР.* М., 1982. С. 200–207.

³ «Дійсно заведення латинської абетки нині є фактом всіх тюркських народів СРСР. Правильно також, що латинська абетка значно спростила би український правопис, але автори тої пропозиції не зважили найголовніше того, що мільйони народів наших уже знають нашу звичайну абетку. Отже справа не в тому, щоб переучувати людей, що уже знають українську звичайну абетку на новий алфавет, а в тому, щоб яко можна скоріше навчити писати тих, що ніякої абетки не знають». Цит. по: *Скрипник М.* Підсумки правописної дискусії // *Історія українського правопису XVI–XX століття.* Хрестоматія. Київ, 2004. С. 422–423; вперше в: *Вісти (Харків).* 1927. 19 черв. № 137(2027). С. 2–3.

ника, который, подводя итоги орфографической дискуссии, увязывает идеи латинизации в разные исторические периоды прежде всего с темой «внешней» национальной угрозы: «Були ще спроби завести латинський алфавет для української мови. Видатнішими представниками введення цієї течії були, з одного боку – група сполучених українських письменників 30 років 19 сторіччя, з другого боку, провідники колонізації в Західній Галичині 70-х та 90-х років, а останніми часами провідники чехізації на Закарпатській Україні та румунський уряд, що в Бесарабії та Буковині нині живосилом провадить латинську абетку для українського населення Бесарабії та Буковини»¹. Эти аргументы были затем использованы властями, которые поспешили вмешаться и устроить политическое разбирательство. Уже в 1929 г. обвинения в планах по введению латиницы и пропольских настроениях фигурировали при арестах украинских и белорусских лингвистов. Отказ от идеи введения латинского алфавита не избавил их от обвинений в национализме, сформулированных комиссией Наркомпроса Украины по проверке работы на языковом фронте во главе с А. Хвылей. Выводы комиссии звучали так: «Нова комісія розглянула правопис і кардинально його переробила, відкинувши штучне відмежування української мови від російської, спростивши правопис, ліквідувавши націоналістичні правила цього правопису, що орієнтували українську мову на польську, чеську буржуазну культуру»².

Рассмотренный нами сюжет показывает, что выбор алфавита для украинского языка в XIX и XX в. неизменно был предметом политической борьбы. Участниками этой борьбы были как «национальные», так и «внешние» акторы, а стратегии «национальных» акторов во многом определялись внешним контекстом.

Дальнейшая судьба белорусской и украинской орфографий (уже вне дискурса противопоставления алфавитов) являет собой пример сознательного влияния на систему языка с целью ограничения разрастания национальных проектов через влияние на практику кодификации. Логика языкового строительства с середины 1930-х годов исходит не столько из необходимости нейтрализации

¹ Цит. по: *Скрипник М.* Підсумки правописної дискусії. С. 418.

² Постанова Народного комісара Освіти УСРР від 5-го вересня 1933 р. Про «Український правопис» // Українська мова у XX сторіччі: історія лінгвоциду / за ред. Л. Масенко. Київ, 2005. С. 108. Использовано издание: Український правопис. Харків, 1933. В 1933 г. были репрессированы члены Президиума орфографической комиссии А. Приходько и инициатор латинизации С. Пилипенко (А. Крымский и О. Синявский подверглись репрессиям несколько позже).

внешнего влияния на близкородственные русскому языки, сколько из стремления не допустить разрыва национальных и русской нормы. Такая направленность «Українського правопису» (1933) декларируется открыто: «Основні виправлення стосуються ліквідації усіх правил, що орієнтували українську мову на польську та чеську буржуазні культури, перекручували сучасну українську мову, ставили бар'єр між українською та російською мовами. В зв'язку з цим а) ліквідовано націоналістичні правила щодо правопису іншомовних слів; б) викинуто з правопису форми, що засмічували сучасну українську мову архаїзмами, непотрібними паралелізмами, провінціалізмами»¹. В соответствии с логикой уничтожения «националистических ростков на языковом фронте» из украинского алфавита в 1933 г. была устранена, в частности, буква г как избыточная и даже вредная. Проект измененный белорусского правописания был утвержден постановлением Совета народных комиссаров Белорусской ССР также в 1933 г. Он зафиксировал некоторый отход от последовательного фонетического правописания. Другие направления вмешательства в сферу кодификации были аналогичны украинским: регламентация правописания и произношения слов иноязычного происхождения, устранение параллельных морфологических форм, отсутствующих в русском языке, отказ от терминов и лексем, тесно связанных с отдельными региональными традициями. Призывы к унификации норм повторяются вплоть до 1980-х, со временем только усиливаясь².

В качестве послесловия к нашей теме посмотрим на опыт использования латиницы в современных газетных, рекламных и др. публикациях на Украине. Будучи ярким примером постмодернистской языковой игры (или игры с языком?), латинизированные тексты одновременно прекрасно вписываются в контекст «алфавитных

¹ *Хвиля А.* До видання нового українського правопису // Українська мова у ХХ сторіччі: історія лінгвоциду / за ред. Л. Масенко. Київ, 2005. С. 108; использовано издание: Український правопис. Х., 1933.

² «На этапе развитого социализма, закономерностью которого является взаимодействие языков социалистических наций при наличии языка межнационального общения, роль которого успешно выполняет русский язык, не учитывать данной ситуации при выработке правил правописания было бы неоправданно, тем более, что в орфографических системах белорусского и русского языков много общего. Это обстоятельство требует идентичного отражения на письме одинаковых или близких явлений обоих языков, что должно способствовать повышению общей грамотности и стабилизации орфографического режима в школе, книжно-издательском деле, повседневной письменной практике»: *Мусаев М.К.* Белорусский язык // Опыт совершенствования алфавитов и орфографий языков народов СССР. М., 1982. С. 206.

войн» прошлого. Очевидно, что практика львовского журнала «Ї» или газеты «Поступ» по использованию латиницы, будучи обусловленной практическими и эстетическими целями, одновременно вызывает ассоциации с традицией употребления латиницы в XIX в. в данном регионе и работает на создание локального (регионального), почти экзотического колорита. Негативный языковой опыт, закрепленный в этноязыковом сознании, при ослаблении внешнего давления может вызывать процесс ретнизации и установления новой связи с алфавитом. Так, в новых условиях связь с латиницей в украинском культурном дискурсе была переосмыслена. Она больше не воспринимается в категориях противопоставления национальных проектов (украинского и польского), но оказывается включенной в собственно украинскую национальную традицию, становясь средством региональной и/или исторической стилизации.

Малоросс*

Понятие *малоросс* (*малорус*) – необычайно сложный и интересный предмет для исследования. Сложность его обусловлена несколькими обстоятельствами. Во-первых, *малоросс* – понятие, использовавшееся как для самоидентификации и репрезентации определенной группы, так и для идентификации этой группы извне, причем в тот период и на том пространстве, где стратегии идентификации были полем ожесточенной борьбы в сложных структурах взаимодействия с большим числом акторов. Поэтому *малоросс* и производные от него понятия функционировали в нескольких взаимосвязанных, но существенно различавшихся контекстах. Во-первых, можно говорить о «внутреннем» дискурсе, то есть о дискурсе в той среде, которая идентифицирует и репрезентирует себя с помощью понятия *малоросс*. Во-вторых, есть несколько дискурсов о *малороссе* «извне», то есть в среде немалороссийской – прежде всего это великорусский и украинский дискурсы, которые будут предметом нашего рассмотрения, но также и польский дискурс, который мы вынуждены оставить за рамками статьи. С определенного времени для части самой группы, идентифицировавшей себя как *малороссов*, понятие *малоросс* стало утрачивать свою легитимность и заменяться понятием *украинец*. Это, в свою очередь, вызвало сопротивление, порой весьма ожесточенное как среди тех, для кого *малоросс* оставался легитимным понятием самоидентификации,

* Статья написана вместе с Антоном Котенко и Ольгой Мартынюк. Впервые опубликована в книге: «Понятия о России»: к исторической семантике имперского периода / под. ред. А. Миллера, Д. Сдвижкова, И. Ширле. М.: Новое литературное обозрение, 2012. Т. 2. Укр. перевод этой статьи опубликован в 2012 г. в журнале «Український гуманітарний огляд» (вип. 16/17) под названием: «*Мы сами принадлежим к племени малорусскому*»: до історії поняття «малорос» у Російській імперії.

так и со стороны официальных властей империи и русского общественного мнения. Все это придавало понятийной ситуации необычайное напряжение и динамику. Особенность русского дискурса о *малороссе* состояла в том, что сами понятия *великоросс*, *русский*, *общерусский* приобретали тот или иной смысл в зависимости от интерпретации понятия *малоросс*. В этой статье, говоря о великорусском дискурсе, мы имеем в виду дискурс тех людей, которые идентифицировали себя как *великорусов*. В этом случае, говоря о *русском* дискурсе, мы будем иметь в виду более сложное явление, а именно дискурс, формировавшийся также при участии тех малороссов, которые также идентифицировали себя как русских. В XVIII – начале XX в. понятие *малоросс* пережило несколько кардинальных трансформаций, становилось не только оспариваемым, но и прямо «боевым»¹. Таким образом, через изучение понятия *малоросс*, которое очень сильно меняло свое содержание не только во времени, но и в параллельно существовавших дискурсах идентичности, мы неизбежно затронем целую группу других важных идентификационных понятий – *украинец*, *великорус*, *русский*, *общерусский*, *кацап*, *хохол* и так далее².

¹ Это особенно характерно для XX в., причем и для украинского, и для русского дискурса (в том значении, которое понятия *русский* и *украинский* приобрели к тому времени). Политически нагруженным, причем сугубо негативным смыслом, понятие *малоросс* остается в украинском дискурсе и сегодня (см., например, статью «Малороссийство»: Довідник з історії України. Київ, 2001. С. 447), что, конечно, затрудняет изучение понятия в исторической перспективе, но одновременно делает эту задачу еще более захватывающей.

² Констатируя, что эта поистине огромная тема далеко не достаточно изучена и весьма страдает от идеологизации, а также декларируя наши намерения подготовить вскоре более объемистое и охватывающее более широкие хронологические рамки исследование, отметим ряд ценных работ, где эта тема уже затрагивалась: *Грушевський М.* Велика, Мала і Біла Русь // Україна. 1917. № 1/2. С. 7–19; *Кателер А.* Мазепинці, малороссы, хохлы: украинцы в этнической иерархии Российской империи // Россия – Украина: история взаимоотношений / под. ред. А.И. Миллера. М., 1997. С. 134–135; *Шелухин С.* Україна – назва нашої землі з найдавніших часів. Прага, 1936; *Яковенко Н.* Вибір імені versus вибір шляху: назви української території між кінцем XVI – кінцем XVII ст. // Яковенко Н. Дзеркала ідентичності. Дослідження з історії уявлень та ідей в Україні XVI – XVIII століття. Київ: Laugus, 2012. (Серія «Золоті ворота»; вип. 2). С. 9–43; *Boeck B.* What's in a Name? Semantic Separation and the Rise of the Ukrainian National Name // Harvard Ukrainian Studies. 2004–2005. Vol. 27. No. 1–4. P. 33–65; *Plokhly S.* The Origins of the Slavic Nations: Premodern Identities in Russia, Ukraine, and Belarus. Cambridge, 2006. P. 299–353. Разумеется, авторы этих работ зачастую отстаивают разные точки зрения и нередко прямо полемизируют друг с другом.

Рождение малоросса

Семантическое поле понятия *малоросс* сложилось задолго до XIX в. Первыми важными терминами были *русь* или *русины*, как называлось в письменных источниках население Древней Руси. Как подчеркивает Наталья Яковенко, этноним *русины* оставался вне конкуренции в Польском королевстве и Великом княжестве Литовском для обозначения населения бывшей Руси до середины XVI в., когда параллельно появились и начали употребляться их новые и «латинские» формы *Ruthenia / Ruthenus (Рутения и рутены)* и *Roxolania / Roxolanus (Роксолания и роксоланы)*. В 1580–1590-х годах, а особенно после Брестской унии 1596 г., к ним добавились эллинизированные *Россия* и *народ российский*¹. Еще один неологизм из греческого, *Малая Россия*, появился на свет в XIV в. и сначала употреблялся для обозначения польской части Киевской митрополии, а после 1648 г. – для территории казацкой Гетманщины. Он особенно вошел в оборот во второй половине XVI в., но поначалу имел сугубо экклезиастическое функциональное значение и использовался местным духовенством исключительно во время контактов с Москвией².

В Москве жителей православных воеводств Речи Посполитой звали *литовцами* или *черкасами*³ и поначалу воспринимали откровенно враждебно, причем, как пишет Константин Васильевич

¹ Детальный разбор сюжетов, связанных с флуктуацией названий *Роксолания*, *Русь* и *Малая Россия*, см.: Яковенко Н. Вибір імені... С. 11–24.

² Первый такой опыт случился в 1561 г. и закончился тем, что священник, который прибыл из Киева, был обвинен в «злословии», «подвергся безчестию и злостраданию с досаждением, и различным озлоблением и поруганию от некоторых людей московских». Об этом см.: Харламович К. Малороссийское влияние на великорусскую церковную жизнь. Т. 1. Казань, 1914. С. 10. То же правило употребления этого термина срабатывало позже и с руководителями казацкого государства. Так, например, Богдан Хмельницкий, обычно называя свое государство *Украиной*, в обращениях к царю, вслед за церковной традицией, употреблял *Малую Русь*. См., например: Воссоединение Украины с Россией. Документы и материалы. Т. 3. М., 1954. С. 257, 365. Как отмечает Н.Н. Яковенко, со временем религиозное наполнение *Малой России* среди казацкой старшины стерлось и больше не осознавалось: Яковенко Н. Вибір імені... С. 25–30. О раннемодерном *народе руском* и его отличии от *народа московского* в дискурсе Речи Посполитой см., например: Frick D. Meletij Smotryč'kyj. Cambridge, 1995. P. 231.

³ Последний термин был закреплен за казаками. См., например, документы Разрядного приказа 1571–1664 гг. в: Акты Московского государства. Т. 1–3. СПб., 1890–1901.

Харлампович, такое отношение особенно усилилось после участия *черкасов* в Смуте¹. Как элегантно высказался об этих отношениях Игорь Шевченко, описывая пребывание в 1627 г. в Москве Лаврентия Зизания, «если в 1627 году украинцы не совсем осознали своей самобытности, то москвиты им об этом напоминали»². В это же время (1630-е годы), как пишет Борис Флоря, в сообщениях властей пограничных московских городов впервые для обозначения православных жителей Речи Посполитой появился термин *хохлач*, который с 1644 г. уже употреблялся в качестве синонима *черкаса*, запорожского казака³.

Вместе с тем уже с XV–XVI вв. в книгах канцелярии великих князей литовских пограничные со степью околицы называются *украинами*, а местные жители – *украинниками* или *людьми украинными*. После Люблинской унии 1569 г. это название переходит из Великого княжества Литовского в Польское королевство, сначала закрепившись как самоназвание жителей Киевского воеводства, а после казачьих войн середины XVII в. превратившись в самоназвание жителей Киевского, Черниговского и Брацлавского воеводств. Именно в результате этих войн и вызванных ими политических изменений (создание Гетманщины и постепенный отход ее элиты от осознания Речи Посполитой как своего отечества⁴) слово

¹ Именно в 1620 г. Московский собор постановил вторично крестить «полуперетических» православных выходцев с юга, так называемых «обливанцев» (*Харлампович К.* Малороссийское влияние... С. 22). Автор указывает, что такое отношение сохранялось вплоть до XVIII в., несмотря на большое количество священников с юга в Москве (Там же. С. IV).

² *Ševčenko I.* The Rebirth of the Rus' Faith // *Ševčenko I.* Ukraine Between East and West: Essays on Cultural History to the Early Eighteenth Century. Edmonton: Canadian Institute of Ukrainian Studies Press, 2009. P. 145.

³ *Флоря Б.Н.* Кто такой хохол? // Родина. 1999. № 8. С. 59. Автор указывает, что впервые «хохол» появляется в русских свидетельствах в начале XVII в. как «характерная черта облика поляка» – представителя «чужой» веры и «чужого» народа, людей другой, чужой и враждебной веры, признаком чего и служат «украшающие их “бесовские” хохлы». Представление о том, что «хохол» – неременный признак католика-поляка, должно было оказаться несостоятельным при усилении контактов между Москвией и Запорожьем, что и произошло в 1630-х годах.

⁴ Зенон Когут считает, что казацкое отождествление себя с отечеством-Гетманщиной начинается уже с Богдана Хмельницкого, вытесняя польско-литовское государство в иерархии ценностей казаков 1660-х годов. Фрэнк Сысын пишет, что первым понятие отечества по отношению к Украине употребил в 1652 г. Иван Выговский; см.: *Когут З.* Від Гадяча до Андрусова: осмислення «отчизни» в українській політичній культурі // Гадяцька унія 1658 року: контрверсії минулого

Украина стало использоваться как название казацкого государства, ситуационно выступая в качестве синонима бывшей Руси¹.

В 1674 г. был опубликован подготовленный в среде киевского духовенства «Синописис», который пытался связать Киев и Москву с помощью религии и династии, вместе с тем представив население Мало- и Великороссии как единое целое, назвав его общим *славенороссийским христианским народом* (касательно киевских времен), или православнороссийским народом (во времена Алексея Михайловича)². Однако, как напоминает Зенон Когут, эта идея во второй половине XVII в. оставалась лишь одним из целого ряда вариантов оценки связи Малороссии с Великороссией и их «народов»³. Последним примером последовательного употребления словаря первой половины XVII в. стала Летопись Самовидца, написанная незадолго до событий 1708–1709 гг., то есть до перехода Мазепы на сторону Карла XII и Полтавского сражения. Автор использовал в качестве своих референтов только *Украину* и *украинцев*, причем речь шла о стране и населении обоих берегов Днепра⁴.

Эта ситуация нашла также свое отображение и в изданном в то же время «Лексиконе трезычном» Федора Поликарпова. Хотя в нем не было отдельных статей о *малороссах* или *украинцах*, в некоторых местах автор словаря указывал на отличность последних от

і сучасність. Полтава, 2009. С. 82–89; Сисин Ф. «Отчизна» у політичній культурі України початку XVIII століття // Україна модерна. 2006. № 10. С. 9.

¹ Яковенко Н. Вибір імені... С. 31–43.

² Синописис, или Краткое собрание от различных летописцев о начале славенороссийского народа и первоначальных князех богоспасаемого града Киева, о житии святого благоверного великого князя киевского и всея России первейшего самодержца Владимира и о наследниках благочестивыя державы его Российския, даже до пресветлого и благочестивого государя нашего царя и великого князя Алексея Михайловича, всея Великия, и Малыя, и Белья России самодержца. См.: Sinopsis, Kyiv 1681: Facsimile mit einer Einleitung / Ed. by H. Rothe. Cologne, 1983. В XVIII в. «Синописис» был самым распространенным историческим сочинением в России.

³ Когут З. Питання російсько-української єдності та української окремішності в українській думці і культурі ранньомодерного часу // Когут З. Коріння ідентичності. Київ, 2004. С. 144. Одним примером противоположной «Синописису» точки зрения насчет связи Мало- и Великороссии считается «Кройника» Феодосия Софоновича (создана приблизительно в то же самое время, в 1670-е годы) – см.: Софонович Ф. Хроніка з літописців стародавніх. Київ, 1992.

⁴ Летопись Самовидца по новооткрытым спискам с приложением трех малороссийских хроник. Київ, 1878. Соответственно, вместо *Великороссии* автор употребляет *Московское государство*, а *Москву* – как его население.

московитов. Так, в своем «славянском» предисловии автор, перечисляя разные языки, на которые делится «славянский», указывал среди них, наряду с польским, чешским, сербским, болгарским, – литовский (то есть белорусский) и *малороссийский*. В греческом варианте для этого автор употребил “πολωνικὴν; βοεμικὴν, σερβικὴν, βουλγαρικὴν, λιθρανικὴν и ρωσσαικὴν”; в латинском – “Polonicam, Bohemicam, Serbicam, Bolgaricam, Lithuanicam i Rossiacam”, избегая употребления *мало-* (μικρός, *parvus* или *minor*) в греческом и латинском тексте и называя *малороссийский* язык просто ρωσσαικὴν / *Rossiacam*¹. Таким образом, еще московский «Лексикон» Поликарпова своеобразно подвел итог двум векам употребления термина *русский* для обозначения территории, языка и населения по обеим сторонам Днепра.

Можно предположить, что своеобразный *Sattelzeit* в понимании *малоросса* / *Малороссии* наступил в начале XVIII в. Как пишет Сергей Плохий, именно после сражения 1709 г. под Полтавой светская и церковная элиты Гетманщины были вынуждены изменить свою политическую ориентацию, отказаться от старых покровителей и найти новых. Для этого выходец из Киева Феофан Прокопович предложил заменить *Украину* / *Малороссию* в качестве «малороссийского отечества» и объекта первостепенной лояльности «малороссийского народа» на *Россию*. Именно поэтому, как указывает Плохий, в текстах Прокоповича, написанных «киевской» лексикой XVII в., под Полтавой сражаются уже не *мало-* или *великороссияне*, но *российское воинство*, *россияне*. Имперская Россия оказалась поднята на уровень нового отечества, опустив Малороссию на уровень локальной родины, или просто места рождения².

Несмотря на эти изменения, в текстах начала XVIII в. все еще продолжалось терминологическое шатание. Так, в «Письмах и бумагах Петра Великого» можно встретить в синонимическом употреблении и *черкасов*, и *малороссийского края людей*, и *жителей Малой*

¹ Поликарпов Ф. Лексикон трязычный, сиречь речений славенских, еллинографических и латинских сокровище из различных древних и новых книг собранное и по славенскому алфавиту в чин расположенное. М., 1704. Листы В, Г, Д. См. также: Ševčenko I. The Rise of National Identity // Ševčenko I. Ukraine Between East and West. P. 188.

² Ploky S. The Two Russias of Teofan Prokopovych // Mazepa and his time / Ed. by G. Siedina. Alessandria, 2004. P. 333–366. О последующей имперской карьере *отечества* и его семантического поля см.: Schierle I. ‘Syn otecestva’: ‘Der wahre Patriot’ // Russische Begriffsgeschichte der Neuzeit / P. Thiergen (Hrsg.). Köln – Weimar – Wien, 2006. S. 347–367.

России, и малороссийский народ (причем все они населяли обе стороны Днепра). Единство двух народов (велико- и малороссийского) также не воспринималось как этническое, а потому, соответственно, Мазепа представлялся как предатель *своего* государя (гаранта старых прав и вольностей Украины – Малороссии, который к тому же оборонял ее от «бусурманского и еретического наступления»), *своей* отчины, *своего* народа (малороссийского) и *своей* православной веры¹. Утверждения казацких летописей начала XVIII в. о том, что Великороссия с Малороссией – разные земли, населенные разными народами (*малороссами* и *великороссами*) и объединенные одним царем, а потому владеющие правами на все свои «старинные» права и свободы, нашли свое продолжение во второй половине XVIII в. в разного рода документах и текстах, созданных представителями казацкой элиты, которая постепенно все более инкорпорировалась в элиту имперскую². В то же время нужно отметить, что постепенно прививалась и концепция Прокоповича. Например, автор «Замечаний до Малой России принадлежащих» (начало XIX в.) всячески превозносил изменения в Гетманщине времен Екатерины II и

¹ См.: Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 7. Вып. 1. Пг., 1918. С. 157; Т. 8. Вып. 1. М.–Л., 1948. С. 241–242, 248; Т. 8. Вып. 2. М., 1951. С. 784. Подобное попеременное синонимическое употребление лексики второй половины XVII в. (*Русь / Россия / Малороссия / Рось / Мала Россия / Малая Россия / Малоруссия / Малороссийская Украина / Украина; россияне / москвиты; русь / малоросы / православные / люди украинские / народ малороссийский / народ украинский малороссийский / народ русский*) см. у двух авторов после полтавских казацких хроник Г. Грабянки и С. Величко: *Грябянка Г.* Действия презельной и от начала поляков кравашой небывалой брани Богдана Хмельницкого, гетмана запорожского, с поляки, за найяснейших королей полских Владислава, потом и Каземира, в року 1648, отправоватися начатою и за лет десять по смерти Хмельницкого неоконченной. Київ, 1854; *Величко С.* Летопись событий в Юго-Западной России в XVII веке. Т. 1–3. Київ, 1848–1855.

² В частности, именно так представлял себе отношения двух героинь своего текста С. Дивович, автор *Разговора Великороссии с Малороссией* (1762), в котором «Малороссия» объясняет «Великороссии», что они всего-навсего «смежные страны» и что она добровольно перешла под власть одноверного царя, после чего она предоставляла царю «важные услуги», а потому заслуживает благодарности и справедливого отношения со стороны Великороссии. См.: *Петров Н.* Разговор Великороссии с Малороссией // Киевская старина. 1882. № 2. С. 313–365. См. также: Историческое известие на каком основании Малая Россия была под республикою Польскою // Український археографічний збірник ВУАН. Т. 1. Київ, 1928. С. 147–161; Возражение депутата Полетики на наставления Малороссийской коллегии господину же депутату Дмитрию Натальину // ЧОИДР. 1858. Кн. 3. С. 71–102.

показательно сравнивал Богдана Хмельницкого с Емельяном Пугачевым¹.

Как и в случае с Феофаном Прокоповичем, не вполне ясно, была ли распространенной такая точка зрения или же оставалась сугубо индивидуальной. Скорее всего, большинство элиты бывшей Гетманщины оставалось верным взглядам автора «Истории Русов», наиболее известного «кто-где-когда»-сочинения в истории Украины. Автор «Истории», в продолжение традиции казацких летописей начала XVIII в., сознательно противопоставлял два разных народа, которые имеют разное происхождение (*руссы, руснаки, роксоланы, россы, contra московиты, мосхи*) и населяют разные территории². Таким образом, «История Русов», объединив своих предшественников, подчеркивала отдельный «отечественный» статус Малороссии для ее народа *малороссов*, хотя и не ставя при этом вопрос об отделении от империи. Именно это сочинение, изданное впервые только в 1846 г., смогло, распространяясь до того в рукописях, донести понятия казацкой старшины до поколения 1840-х годов, которое начало осуществлять совершенно иной по направленности модерный национальный проект.

Таким образом, можно сказать, что понятие *малоросс* появляется в русском языке под влиянием из Киева на рубеже XVII–XVIII вв. Именно в XVIII в. в русский язык постепенно входят *малороссияне / малороссийцы / малороссиянцы / малороссы* в типичном раннемодерном географическом (не этническом!) значении жителей, уроженцев *Украины / Малороссии*. Уничижительным вариантом понятия было *малороссийчик*³.

¹ Замечания до Малой России принадлежащие // ЧОИДР. 1848. Кн. 1. С. 1–55.

² История Русов или Малой России. Сочинение Георгия Конисского архиепископа Белорусского. М., 1846. С. 2–3. Самой лучшей на сегодня попыткой разобраться в обстоятельствах создания текста и найти его автора кажется статья: *Ploky S. Ukraine or Little Russia? Revisiting an Early Nineteenth-Century Debate // Canadian Slavonic Papers. Vol. 48. 2006. No. 3–4. P. 335–353*. Сергей Плохий издал также отдельную книгу «Истории Русов»: *Ploky S. The Cossack Myth: History and Nationhood in the Age of Empires. Cambridge, 2012* [укр. пер.: *Плохий С. Козацький міф. Історія та націєтворення в епоху імперій / пер. М. Климчука. Київ: Laurus, 2013. (Серія «Золоті ворота», вип. 5)*].

³ Примеры см.: СлРЯ XVIII. Вып. 12. СПб., 2001. С. 35, 49. Как пишет Е. Погосян, именно на это время приходится широкое вовлечение в обиход официальной культуры названия *Россия* как синонима *Руси* (иногда, например в «Истории Российской» В.Н. Татищева, с разной темпоральностью – первое понятие касалось современных Татищеву событий, второе же – древнего прошлого (*древняя Русь vs. современная Россия* – с XVI в.), а также производных от *Россия* *россов* в

В XIX в. *малоросс* входит как понятие, обозначающее население *Малороссии* левого берега Днепра, соединенное с *великороссами* общим сувереном и религией, но ни в коем случае не этнически или же исторически.

Романтизация *малоросса* в начале XIX в.

Несмотря на присоединение территорий и населения по правому берегу Днепра в результате разделов Речи Посполитой, существенных изменений в понятии *малоросс* не произошло. *Малороссы / украинцы / южноруссы* все так же бессистемно употребляются как синонимы в своем значении XVIII в. – для обозначения населения определенной территории, преимущественно на левом берегу Днепра.

Пол Бушкович говорит о украинофильской атмосфере в имперской культуре 1790–1850-х годов, при которой местный (*малорусский*) патриотизм и культурная лояльность империи не воспринимались антагонистически¹. Анализируя журнальные публикации первой половины XIX в., он выделяет два этапа отношения к *малороссам / украинцам*.

На протяжении первого (1800–1830 гг.) умы образованной публики занимали преимущественно вопросы армии и государства, а не этносов, его населяющих. Самым важным периодическим изданием в это время считался карамзинский «Вестник Европы», ведомый наставлением своего основоположника о том, что «все народное ничто перед человеческим; главное дело быть людьми, а не

смысле *русских*, впервые упомянутых в этом значении в 1682 г. Начиная с первой четверти XVIII в. *Русь* как синоним *России* отживает свое, и уже в середине XVIII в. М.В. Ломоносов (а за ним и остальные историки) использует в подавляющем большинстве слова *россияне*, *Россия* (а для далекого прошлого – *россы*), таким образом признавая древний и современный им *народ российский* одним и тем же. Детальнее об этом см.: *Погосян Е.* Русь и Россия в исторических сочинениях 1730–1780-х годов // *Россия / сост. Н. Мазур. Вып. 3 [11]: Культурные практики в идеологической перспективе: Россия, XVIII – начало XX века. М., 1999. С. 7–19; Крестова Л.* Отражение формирования нации в русской литературе XVIII в. // *Вопросы формирования русской народности и нации. М., 1958. С. 253–296.*

¹ Восприятие *Малороссии* как составляющей часть пары в дихотомии локальной *родины* и более широкого *отечества* встречается, например, у Н. Маркевича («Отечество выше родины; она только часть его; но для чьей души нет родины, для того нет и отчества») – эпитафия к его сочинению: *Маркевич Н.* Обычай, поверья, кухня и напитки малороссиян. Київ, 1860) или у П. Кулиша («Любовь к родине есть лучшее основание любви к отечеству») – *Кулиш П.* Записки о Южной Руси. Т. 2. СПб., 1857. С. VI).

славянами», а потому у «карамзинистов» интерес к *Малороссии / малороссам* появлялся только как к частному примеру более общих проблем. В частности «Вестник Европы» впервые напечатал речи лидера левобережной казацкой старшины и апологета превращения Малороссии в шляхетскую республику Григория Андреевича Полетики о патриотизме, которые для его редакторов были частным примером дворянской чести и просвещения во всей империи. По мнению Бушковича, то же дружественное отношение, разве что с разной степенью заинтересованности, было характерно и для других журналов. В результате этого, и не в последнюю очередь благодаря романтическому «открытию» Малороссии во многих «сентиментальных травелогах» путешественников из Великороссии¹, до 1830 г. в русских взглядах на южные территории складывается устойчивый шаблон: для представителей образованного общества это был преимущественно нецивилизованный любопытный руссоистский мир (Юг, «наша Италия», хотя в некоторых версиях – Швейцария или Шотландия), населенный патриотическими, добродетельными и просвещенными патриотами-дворянами, а также изобретательным и добродетельным крестьянством².

Точно так же как часть общерусского патриотизма воспринималось и историческое прошлое, а частные попытки его присвоить вызывали иронию. Именно потому вопросы о старине казались смешными малорусским интеллигентам 1820-х годов, например, Григорию Федоровичу Квитке:

Нет, никто мне не говори, где именно Россия! – восклицает постаревший Трофим Миронович, вспоминая прежние моды. – Спорю и утверждаю, что у нас, в Малороссии. Доказательство: когда россияне были еще славянами (это, я не помню, где-то читал), то имели отличные меды и только их и пили. Когда такому народу хотелось попить меду, то они ехали к славянам. В Великой России таких медов как у нас, в Малороссии, варить не умеют: следовательно, мы – настоящие славяне, переименованные потом в россиян³.

¹ О «сентиментальных» путешествиях в Малороссию и романтизме см.: *Ситовський В.* Україна в російському письменстві. Київ, 1928. С. 17–57; *Толочко А.* Киевская Русь и Малороссия в XIX веке. Київ: Laugus, 2012. (Серия «Золотые ворота»; вып. 1). С. 47–133 (глава 2: «Россия открывает Украину»).

² *Bushkovitch P.* The Ukraine in Russian Culture, 1790–1860: The Evidence of the Journals // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. Bd. 3. 1991. P. 341–349. Похожие оценки см.: *Luckyj G.* Between Gogol' and Shevchenko. München, 1971. С. 69–75.

³ Цит. по: *Зубков С.* Русская проза Г.Ф. Квитки и Е.П. Гребенки. Київ, 1979. С. 121.

В это время появляются и другие публикации – например, Николай Алексеевича Полевого, который, принимая карамзинские идеи предыдущего поколения о том, что *малороссы* – «наши», подчеркивал в то же время, что они – «не мы»; что хотя «доньне Малороссияне только исповедуют Греческую веру, говорят особенным диалектом Русского языка и принадлежат к политическому составу России, но по народности вовсе не русские»¹.

Наиболее радикальной попыткой изменить значение понятия *малоросс* в первой трети XIX в. была «Русская правда» Павла Ивановича Пестеля, сочинявшаяся, обсуждавшаяся и принятая в качестве программы Южного общества, то есть на территории Украины, на съезде в Киеве в 1823 г. В частности Пестель писал:

...племя Славянское, Коренной Народ Русской составляющее, имеет пять оттенков: 1) Собственно так называемые Россияне, населяющие Губернии Великороссийские; 2) Малороссияне, населяющие Черниговскую и Полтавскую Губернии; 3) Украинцы, населяющие Харьковскую и Курскую Губернии; 4) Жители Киевской, Подольской и Вольнской Губерний, называющие себя Руссанами и 5) Белорусцы, населяющие Витебскую и Могилевскую Губернии².

Пестель далее писал:

Коль скоро же сего различия существовать не будет, то и вовсе никакого в государственном отношении существовать не может, ибо: 1) язык везде один и тот же: различны одни только наречия, а сии даже и в самых Великороссийских губерниях не везде одинаковы, да и нету того большого народа, коего бы язык не имел различных наречий; 2) вера одна и та же, православная во всех губерниях, как в великороссийских, и хотя в некоторых местах униатство еще исповедуется, но оно ничто иное есть как слабый остаток соблазна, Флорентийским собором предложенный, иноземным насилием в несчастные те времена введенный и ежедневно более и более искореняющийся. [...] 3) Гражданское состояние в сих губерниях совершенно одинаково с таковым в Великороссийских губерниях, ибо те же сословия с теми же правами существуют³.

Из этого Пестель делал вывод, что

¹ Полевой Н. Малороссия; ее обитатели и история // Московский Телеграф. 1830. Сентябрь. № 17–18. С. 86, 229.

² Русская Правда. Гл. 2. § 3 // Восстание декабристов: документы. Т. 7. М., 1958. С. 138.

³ Русская Правда. Гл. 2. § 3 С. 139.

...никакого истинного различия не существует между разрядами, Коренной Народ Русский составляющими, и что малья оттенки замеченны должны быть слиты в одну общую форму. А по сему постановляется правилом, чтобы всех жителей, населяющих Губернии Витебскую, Могилевскую, Черниговскую, Полтавскую, Курскую, Харьковскую, Киевскую, Подольскую и Волынскую истинными Россиянами почитать и от сих последних никакими особыми Названиями не отделять¹.

Таким образом, полная ассимиляция малорусов и белорусов провозглашалась первоочередной задачей наиболее радикального проекта превращения империи в «единую и неделимую» нацию, разработанного в России в XIX в.

Власти империи, разумеется, были более осторожны в своей политике, но отчасти идеи Пестеля в отношении малорусов и белорусов разделяли. Министр народного просвещения Сергей Семенович Уваров, сделавший *народность* частью своей знаменитой триады, особо покровительствовал историку Николаю Герасимовичу Устрялову, создавшему в 1830-е годы ту версию русского исторического нарратива, которая в ряде ключевых элементов оставалась незабываемой вплоть до краха империи. История государства у Устрялова оказывалась меньше истории народа, поскольку в течение длительного времени государство не включало Западной Руси, то есть территории Великого княжества Литовского². В свою очередь, этот тезис позволил Устрялову дать новое историческое обоснование претензиям на земли, аннексированные в ходе разделов Речи Посполитой, как на русскую национальную территорию и, соответственно, на *малороссов* как на «русское население», что точно соответствовало уваровской политике в этом вопросе после восстания 1830–1831 гг. По Устрялову, в искажении представлений о Великом княжестве Литовском, в затушевывании его «русской природы» виновны поляки, «которые, поработив в последствии лучшую часть русской земли, старались изуродовать и историю ее»³. Эти идеи постепенно превратились во второй половине XIX в. в догму русского национализма.

¹ Русская Правда. С. 139.

² Н.Г. Устрялов имел в виду Великое княжество Литовское до унии с Польшей, то есть Княжество с поднепровскими землями. См.: Устрялов Н.Г. Исследование вопроса, какое место в русской истории должно занимать великое княжество Литовское. СПб., 1839.

³ Устрялов Н.Г. О системе прагматической русской истории. СПб., 1836. С. 72. Пестель объясняет происхождение различий между этими, как он говорит,

После 1830 г., частично под влиянием польского восстания, но главным образом из-за идей *народности*, которые начинают распространяться в это время, в имперских периодических изданиях появляется большое количество статей о русской истории и этнографии, а особенно (и здесь польский импульс был весьма важен) — об *украинцах / малороссах*, тексты (о) которых становятся своего рода аргументами против поляков¹. Именно в это время издается второй сборник *украинских* (уже не *малороссийских*, как первый) песен Михаила Максимовича (повлиявший на Пантелеймона Кулиша и Николая Костомарова), второе и третье (1830, 1842) издание «Истории Малой России» Дмитрия Бантыш-Каменского, балансирующие на грани истории и фольклористики фальсификаты Измаила Срезневского «Запорожская старина» (1833–1838), а также сильно повлиявшая на Тараса Шевченко «История Малоросии» Николая Маркевича (1842–1843). Таким образом, в общий контекст эпохи вполне вписывались знаменитые слова Гоголя в письме к Александре Осиповне Смирновой от 24 декабря 1844 г. о его неопределенности насчет того,

... какая у меня душа, хохлацкая или русская. Знаю только то, что никак бы не дал преимущества ни малороссиянину перед русским, ни русскому пред малороссиянином. Обе природы слишком щедро одарены Богом, и как нарочно каждая из них порознь заключает в себе то, чего нет в другой, — явный знак, что они должны пополнить одна другую. Для этого самые истории их прошедшего быта даны им непохожие одна на другую, дабы порознь воспитались различные силы их характера, чтобы потом, слившись воедино, составить собою нечто совершеннейшее в человечестве².

Проблематизация *малоросса* (скрытая стадия)

В 1840-е годы были предприняты первые шаги к переосмыслению понятия *малоросс* со стороны зарождающегося украинского националистического движения. Провозглашая идею создания независимого украинского государства в составе славянской федерации, члены Кирилло-Мефодиевского общества, раскрытого в Киеве в 1847 г., выдвигали две трактовки понятия *украинец*. Николай Костомаров в духе элитарного старшинского патриотизма делал акцент на свободу и социальное равенство, которые считал главными ценностями *украинца*:

«оттенками Русского Народа», сходно с Устряловым: «...иноземное насилие в несчастныя времена» (Русская Правда. Гл. 2. § 3 С. 139).

¹ *Bushkovič P.* The Ukraine in Russian Culture. P. 349–361.

² *Гоголь Н.В.* Полн. собр. соч. Т. 12. М., 1952. С. 418–419.

Не погибла она (Украина), ибо она не хотела знать ни царя, ни господина; а хотя и был царь над нею, но чуждый, и хотя были дворяне, но чужие; а хотя из украинской крови эти выродки, однако они не сквернят своими подлыми устами украинского языка и сами себя не называют украинцами, а истинный украинец, будет ли он происхождения простого или дворянского, должен не любить ни царя, ни господина, а должен любить и помнить одного бога Иисуса Христа, царя и господина неба и земли. Так было прежде, так и теперь продолжается¹.

Другой участник общества, Пантелеймон Кулиш, больше значения придавал «крови» и в своих письмах Костомарову в мае-июне 1846 г. пытался убедить того в первоочередной *украинской* составляющей их деятельности: «Зачем вы говорите, что вы не украинец? Что только из гуманистической идеи вертиться между нами? Мы даем вам право гражданства, притом же маменька ваша – украинка. Я не могу вас так любить, как люблю, когда считаю украинцем. Можно ли так отвергать столько драгоценное для нас имя?»²

Реакция в русском обществе на довольно смутные известия о раскрытии Кирилло-Мефодиевского общества была весьма разнородной, но именно с этими событиями связан новый уровень проблематизации понятий *малоросс* и *Малороссия* в русской мысли. Виссарион Григорьевич Белинский уже в середине 1840-х годов в своих рецензиях на появлявшиеся тогда украинские сочинения восхищался поэтичностью малороссийской жизни, но в то же время устанавливал определенную культурную иерархию в духе модного тогда в Европе «цивилизаторского» империализма и утверждал, что, «слившись навеки с единокровною ей Россией, Малороссия отворила к себе дверь цивилизации, просвещению, искусству, науке, от которых дотоле непреодолимою преградою разлучал ее полудикий быт ее»³. Отсюда вытекало и отношение к вопросу о языке:

¹ Список «Книги Буття Українського народу» М.І. Костомарова // Кирило-Мефодіївське товариство. Т. 1. Київ, 1990. С. 168. О традиционном патриотизме, который выражался прежде всего в любви к свободе и республике, см. эссе: *Viroli M. For love of country*. N. Y., 1995.

² *Кулиш П. Повне зібрання творів*. Т. 1: Листи, 1841–1850. Київ: Критика, 2005. С. 83. Хотя в этих словах Кулиша явна дихотомия по отношению к *великороссам*, примечательно употребление им *украинца*.

³ *Белинский В.Г.* Полн. собр. соч. Т. 7. М., 1955. С. 64–65. Чаще в рассуждениях о малороссах можно было встретить мотив «простоты», чем «дикости», но вполне оскорбительные суждения попадают и в 1860-е годы, причем тоже на демократическом фланге, в «Современнике», который в январском номере за 1862 г. в сатирическом разделе «Свисток» рассуждал так: «...сыны благословенной Малороссии, изучая, самым усердным образом, философию, все-таки не смогли ура-

«Мы имеем полное право сказать, что теперь уже нет малороссийского языка, а есть областное малороссийское наречие, как есть белорусское, сибирское и другие подобные им областные наречия. [...] Литературный язык малороссиян должен быть язык их образованного общества – язык русский»¹. Это отношение к малороссии как к интересной, но «уходящей» натуре было свойственно не только Белинскому. Именно как любопытный памятник старины «Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских» в продолжение прежней тенденции напечатали в 1846 г., накануне раскрытия киевского общества, «Историю Русов».

Реакция Белинского на слухи о киевских арестах вполне соответствовала его прежней позиции: «Ох мне эти хохлы! Ведь бараны – а либеральничают во имя галушек и вареников с свиным салом! И вот теперь писать ничего нельзя – все марают. А с другой стороны, как и жаловаться на правительство? Какое же правительство позволит печатно проповедовать отторжение от него области?» – пишет он П.В. Анненкову в начале декабря 1847 г.²

В 1847 г. «Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских» публикуют неоконченную работу Юрия Ивановича Венелина «Спор между южанами и северянами по поводу их россизма». Венелин, сам закарпатский русин, был сторонником концепции большой русской нации: «Весь Русский народ, как он есть ныне, по огромности своей [...] разделился только на две ветви. [...] Этих ветвей иначе назвать нельзя как Северною и Южною»³. Главной причиной возникновения различий между южанами и северянами Венелин считал нашествия татар, турок и германцев, причисляя к последним ляхов, в некотором смысле «выворачивая наизнанку» теорию поляка / украинца Францишека Духиньского о неславянском, туранском происхождении москалей⁴.

зуметь – чем жид отличается от собаки, равно как и того, что – кроме искусства делать сало и хорошие наливки – для человеческого благоденствия на земле потребны и некоторые другие знания» (цит. по: Основа. 1862. № 2. С. 103).

¹ Белинский В.Г. Полн. собр. соч. Т. 5. М., 1954. С. 177, 330. Подробно о позиции Белинского см.: Rutherford A. Vissarion Belinskii and the Ukrainian National Question // Russian Review. Vol. 54. 1995. No. 4.

² Белинский В.Г. Полн. собр. соч. Т. 12. М.: АН СССР, 1956. С. 441.

³ ЧОИДР. М., 1847. Кн. 3. С. 2–3.

⁴ Там же. С. 9. О Духиньском и других, по его определению, «поляках-украинофилах и украинцах польского происхождения» см.: Лисяк-Рудницький І. Історичні есе. Т. 1. Київ, 1994 (особенно с. 276).

Отвечая на вопрос, «что такое Украина, что такое козаки, что Малая Россия, что мало-россы?», Венелин, вполне в духе рассуждений Квитки четвертью века раньше, иронизирует над обеими сторонами «спора»:

Мне часто случалось быть свидетелем, как иному Украинскому Русаку прилагалось имя Хохла, в противоположность Русскому слову; в Украинцах иной, мудрено ученый Северянин, по нелепому мнению, видит какую-то смесь беглых Малороссов, Татар, Поляков, Литвы. [...] Другое дело с Русьяками Волинскими, Подольскими, Гродненскими, Белостокскими и Люблинскими в Царстве Польском. Эти Южане в глазах Москвитянина ни за какие деньги не омоют от Ляхизма. [...] По мнению Москвитян [...] тот только настоящий Русский, кто умеет гаварить панастоящему, т.е. па-Русски, а это значит: по-Северному. Но горе Южанину; вы можете знать в совершенстве Северное Русское наречие или, так называемый, Русский язык; можете даже почти совершенно подделаться под Северный выговор; но горе вам, если вы споткнулись в малейшем оттенении в выговоре; вам скажут: «Вы верна из немцов?» или «Вы верно не здешний?» и тогда, любезный мой Южанин, называйся как тебе заблагорассудится, Испанцем, Пруссаком, Халдейцем или Тарапанцем, все равно, все тебе поверят и как ты ни вертись, ни божись, все ты не Русский!! Но ты скажешь, что ты Мало-росс; все равно, все ты не Русский, ибо Московскому простолудину чуждо слово Росс; и будет ли этот Росс велик или мал, для него все равно, только он убежден, что он не Русский, а Поляк, или Хохол, или Литва, или Козак, или Украинец, или что-либо похожее; словом, что он не свой. И в самом деле, можно ли человека почесть своим, которой не носит красной или цветной рубашки, называет щи борщом, и не гаварит харашо, а добре!!¹

¹ К тому времени, как Венелин писал свои рассуждения насчет языка, в русской литературе уже возникла устойчивая традиция изображать *малоросса* как человека, знающего русский язык, но в определенных обстоятельствах предпочитающего это скрывать. Так, в «Вечерах на хуторе близ Диканьки», в «Ночи перед Рождеством» (1831) Н.В. Гоголь сначала описывает, как кузнец Вакула и запорожцы в Петербурге хвастаются друг перед другом знанием русского («— Что же земляк, — сказал, приосанясь, запорожец и желая показать, что он может говорить и по-русски, — што балшой город? — Кузнец и себе не хотел осрамиться и показаться новичком, притом же, как имели случай видеть выше сего, он знал и сам грамотный язык. — Губерния знатная! — отвечал он равнодушно. — Нечего сказать: дома балшущие, картины висят скрозь важные. Многие дома исписаны буквами из сусального золота до чрезвычайности. Нечего сказать, чудная пропорция! — Запорожцы, услышавши кузнеца, так свободно изысняющегося, вывели заключение очень для него выгодное»), а затем как они переходят на малорусский при встрече с Потемкиным и императрицей. («Не забудете говорить так, как я вас учил? — Нет батько, не позабудем. — Это царь? — спросил кузнец одного из запорожцев. — Куда тебе царь! это сам Потемкин, — отвечал тот. [...] Запорожцы вдруг все пали на землю и закричали в один голос: — Помилуй, мамо! помилуй!») Десятью

Но за то и Южане, в свою очередь, не допускают Северян участвовать в Россизме; как ни называй себя он Русским, все таки он не Русин, а Москаль, Липован и Кацап. По мнению южан настоящая Русь простирается только до тех пределов до коих живут Южане, а все прочее Московщина. [...] Вот опять новое мнение à la oussatch, à la britaya golova. Из этого следует, что и бородач, и усач стоят один другого¹.

Однако, вдоволь поиздевавшись над простонародным восприятием того, что мы бы назвали сегодня этнолингвистическими различиями, Венелин теперь, в 1847 г., замечает, что значение этих различий определяется тем, какой смысл придадут им «безбородые», то есть образованные, для своих политических целей.

Иначе смотрели на малороссийские дела славянофилы. Юрий Федорович Самарин писал в 1850 г., отчетливо следуя традиции видеть в *малороссах* / *украинцах* отдельный народ:

Пусть же народ украинский сохраняет свой язык, свои обычаи, свои песни, свои предания; пусть в братском общении и рука об руку с великорусским племенем развивает он на поприще науки и искусства, для которых так щедро наделила его природа, свою духовную самобытность во всей природной оригинальности ее стремлений; пусть учреждения, для него созданные, приспособляются более и более к местным его потребностям. Но в то же время пусть он помнит, что историческая роль его – в пределах России, а не вне ее, в общем составе государства Московского².

годами позже в «Тамани» (1840) Печорин подслушивает разговор контрабандиста со слепым мальчиком: «Последовало молчание; меня, однако – поразило одно: слепой говорил со мною малороссийским наречием, а теперь изъяснялся чисто по-русски».

¹ Венелин Ю.И. О споре между южанами и северянами на счет их россизма // ЧОИДР. 1847. Кн. 4. С. 4–5.

² Из дневника, веденного Ю.Ф. Самариним в Киеве, в 1850 году // Русский Архив. 1877. № 6. С. 232. Как показатель отношения славянофилов к Кирилло-Мефодиевскому обществу иногда цитируют высказывание А.С. Хомякова из его письма Ю.Ф. Самарину от 30 мая 1847 г.: «Малороссиян по-видимому заразила политическая дурь. Досадно и больно видеть такую нелепость и отсталость». Впрочем, из дальнейших рассуждений Хомякова ясно, что полемизирует он именно с увлечением *малороссиян* политикой, не определяя своего отношения к представлениям братчиков о будущем Украины: «Когда общественный вопрос только поднят и не только не разрешен, но даже и не близок к разрешению, люди, по-видимому умные, хватаются за политику! [...] Не знаю, до какой степени было преступно заблуждение бедных Малороссиян, а знаю, что бестолковость их очень ясна. Время политики миновало. [...] Наше дело – борьба нравственная» (Русский архив. 1879. Кн. 3. С. 327–328).

Похоже, что в это же время именно в связи с делом Кирилло-Мефодиевского общества впервые появляется и термин *украинофильство*, скроенный по образцу уже ставшего к тому времени привычным *славянофильства*. В секретном докладе шефа жандармов Алексея Федоровича Орлова царю о расследовании дела общества говорится: «В Киеве же и Малороссии славянофильство превращается в украинофильство. Там молодые люди с идеею соединения славян соединяют мысли о восстановлении языка, литературы и нравов Малороссии, доходя даже до мечтаний о возвращении времен прежней вольницы и гетманщины»¹. В конце 1840-х годов власти сочли вредным дать сколько-нибудь внятную публичную трактовку дела и не допустили его обсуждения в печати². Поэтому лишь весьма закамуфлированные рассуждения Венелина о «безбородых» стали достоянием публики, а все остальные приведенные выше цитаты взяты из писем и дневников.

На рубеже эпох

Середина и вторая половина 1850-х годов, когда направление нового царствования еще только определялось, а цензура с опаской пересматривала драконовские установки поздних николаевских лет, были переходным периодом для многих тем общественной мысли.

Яркий пример этого переходного времени применительно к *малороссу* – известный спор вокруг наследия Киевской Руси между Михаилом Погодиным и Михаилом Максимовичем³. Погодин начал

¹ Кирило-Мефодіївське Товариство. Т. 3. Київ, 1990. С. 309.

² В проекте того же доклада А.Ф. Орлова царю говорилось: «Еще более надлежит быть осторожными в отношении к Малороссии, хотя там, от молодых украинофилов, подобных Шевченко и Кулишу, быть может, обращаются идеи об отдельном существовании, даже между людьми более степенными, нежели сами украинофилы, но строгие меры сделают для них еще дороже запрещенные мысли и могут малороссиян, доселе покорных, поставить в то раздраженное против нашего правительства положение, в каком находится, особенно после мятежа, Царство Польское. Полезнее и справедливее будет не показывать и вида малороссиянам, что правительство имело причину сомневаться, не посеяны ли между ними вредные идеи, и принять меры в отношении к ним совершенно противоположные тем, которые принимались в Царстве Польском» (Там же. С. 308).

³ Детальнее о споре см.: *Миллер А.И.* Украинский вопрос. С. 69–71. [См. также: *Толочко А.* Киевская Русь и Малороссия в XIX веке. Київ: Laugus, 2012. (Серия «Золотые ворота»; вып. 1). С. 205–235 (глава 6: «Спор о наследии Киевской Руси: Максимович versus Погодин»).]

интересоваться украинской темой в 1830-х годах и, вслед за чешскими славистами Йозефом Добровским и Павлом Йозефом Шафариком, считал, что малороссийский и великороссийский языки были двумя разными языками, существовавшими со времен Киевской Руси¹. В 1845 г. он писал Ивану Васильевичу Киреевскому о том, что «Великороссияне живут рядом с Малороссиянами, исповедуют одну веру, имеют одну судьбу, долго одну Историю. Но сколько есть различия между Великороссиянами и Малороссиянами! Нет ли у нас большего сходства в некоторых качествах даже с Французами, чем с ними? В чем же состоит сходство? – Этот вопрос гораздо затруднительнее»². В 1856–1857 гг. Погодин, имплицитно признавая малороссов и великороссов разными народами, выдвинул тезис, что язык и население Киевской Руси до татарского нашествия были великорусскими, а малороссы заняли эту территорию лишь в XIV–XV вв. после ухода великороссов на север. Погодин возражал против объявления «Малороссийским того, что принадлежит нам (т.е. Великоруссам) искони», как бы допуская возможность «имущественного спора» за Киев³. Объясняя, почему заведомо любит Киев больше Погодина, Максимович ссылался на то, что «питая к нему любовь общерусскую, и ближайшую к нему любовь – малороссийскую, – я люблю его еще как родину моего рода», оперируя ценностями потомственного дворянина⁴. Отметим в этих рассуждениях понятие *общерусский*, которое позже сделает большую карьеру. О языке Максимович говорил уклончиво: «Малороссийское и Великороссийское наречие, или, говоря полнее и точнее, Южнорусский и Северорусский языки – родные братья, сыновья одной русской речи [...] должны быть непременно вместе, в одной системе»⁵.

В это же время обсуждение отношения к *малорусскости* шло в недрах имперской бюрократии. Это хорошо видно, например, из дела канцелярии министра народного просвещения по Главному управлению по делам цензуры, начатого в 1853 г. в связи с конфликтом киевского цензора Давида Ивановича Мацкевича с

¹ *Bushkovitch P.* The Ukraine in Russian Culture. P. 354.

² Москвитянин. 1845. № 3. С. 47.

³ *Погодин М.П.* Ответ на филологические письма М.А. Максимовича // Русская Беседа. 1856. Кн. 4. С. 137.

⁴ *Максимович М.* Ответные письма М.П. Погодину // Русская беседа. 1857. Кн. 2. С. 85.

⁵ *Максимович М.* Филологические письма к М.П. Погодину // Русская беседа. Кн. 3. 1856. С. 84–85.

киевской Временной комиссией для разбора древних актов по поводу издания «Летописи гадячского полковника Григория Грабянки»¹. Цензор полагал, вполне в согласии с изначальными планами учредившего эту комиссию правительства, что «главная цель учреждения ее (комиссии) состоит в обнаружении не актов, доказывающих отдельную историческую самобытность Малороссии, а присутствие русского элемента в возвращенных от Польши губерниях»². Мацкевич напоминал также, что в связи с делом Кирилло-Мефодиевского общества последовало распоряжение не дозволять перепечатывания прежде разрешенных сочинений Шевченко, Кулиша и Костомарова, поскольку «в этих сочинениях авторы стараются выставить прежнее положение Украины в выгоднейшем свете в сравнении с нынешним и возбудить сожаление об утрате старинной вольницы»³. Разбиравший дело чиновник для особых поручений Волков был с цензором солидарен, указывая в докладе Уварову, что «Малороссияне никак не могут забыть ни своей Гетманщины, ни своей казацкой вольности, ни своих прав, ими потерянных»⁴. В свою очередь Уваров в письме министру внутренних дел от 27 апреля 1854 г. напоминал высочайшее повеление от 1847 г., «чтобы писатели рассуждали возможно осторожнее там, где дело идет о народности или языке Малороссии и других подвластных России земель, не давая любви к родине перевеса над любовью к отечеству – империи, изгоняя все, что может вредить последней любви, особенно о прежнем, будто бы необыкновенно счастливом положении подвластных племен»⁵. Таким образом, на всех уровнях имперской власти от министра до рядового цензора «малороссийское особничество» рассматривалось прежде всего как проявление традиционалистского местного регионального патриотизма, как своеобразный пережиток старины. Впрочем, Уваров, знакомый в деталях с Кирилло-Мефодиевским делом, скорее всего, лишь следовал принятой линии на сокрытие истинного его смысла. В любом случае, главный мотив восприятия *малороссийства* в среде бюрократии того времени – недоверие и осторожность. Дело по перлюстрации письма Кулиша канцелярия шефа жандармов Василия Андреевича Долгорукова озаглавила: «Письмо [...] с рассуждениями в националистическом

¹ РГИА. Ф. 772. Оп. 1. Ед. хр. 3210.

² Там же. Л. 13.

³ Там же. Л. 9.

⁴ Там же. Л. 18об.

⁵ Там же. Л. 22об.

духе: о невозможности сосуществования в будущем России и Малороссии в едином государстве, о вере Малороссии в свое обособленное от России будущее и т.д.»¹

Национализация малоросса

Кажется, впервые переосмысленное понятие *малоросса* было представлено в герценовском «Колоколе» в 1859 г. В редакционной статье, посвященной польскому вопросу, говорилось, что в случае, если

...Украина, помнящая все притеснения москалей и крепостное состояние, и наборы, и бесправие, и грабеж, и кнут, с одной стороны, и не забывая, с другой, каково ей было и за Речью Посполитой с жолнерами, панами и коронными чиновниками, не захочет быть ни польской, ни русской. [...] [Ее] следует признать свободной и независимой страной. Развяжемте им руки, развяжемте им язык, пусть речь их будет совершенно свободна и тогда пусть они скажут свое слово, перешагнут через кнут к нам, через папужку к вам, или, если они умны, протянут нам обоим руки на братский союз и на независимость от обоих².

Годом позже Герцена за эти слова благодарил Костомаров, указывая на то, что до Герцена «большинство великорусской и польской публики привыкло не считать нас отдельным народом». Тем временем, писал бывший участник Кирило-Мефодиевского общества, «ларчик открывается просто: спорные земли принадлежат ни тем, ни другим – они принадлежат тому народу, который издревле их населяет, населял и обрабатывает». Более того, называя эти земли уже «нашим отечеством», а не локальной «родиной», как раньше, Костомаров закончил свою статью призывом: «Пусть же ни великороссы, ни поляки не называют своими земли, заселенные нашим народом»³. Кроме того, кажется, что здесь у Костомарова впервые встречается уничижительная характеристика *хохла*: «Имя хохол, которое москали давали казакам от их оселедцев, сделалось синонимом дурака»⁴.

¹ ГАРФ. Ф. 109 (Секретный архив). Оп. 1. Ед. хр. 1762. Л. 1–2.

² Россия и Польша // Колокол. 1859. 15 января. Лист 34. С. 274.

³ Украина (Письмо к издателю Колокола) // Колокол. 1860. 15 января. Лист 61. С. 503.

⁴ Там же. С. 501. Несколько позже М.А. Бакунин, рассуждая на страницах «Колокола» о будущей славянской федерации, подчеркивал, что, по его мнению, «Украина [...] будет не Польшею, и не Россиею, а сама собою» (см.: *Бакунин М.А.*

Эту же тему он продолжил и в своем знаменитом «евангелии украинского национализма» (выражение Грушевского), статье «Две русские народности». Указывая, что «Украина, Малороссия, Гетманщина» – это народные названия, которые возникли для разграничения себя от Восточной Руси и теперь «невольны сделались архаизмами», Костомаров назвал также «выдуманым» и «книжным» название «южноруссов». Он писал:

...из всех названий, какие были выдумываемы для нашего народа, чтоб отличить его от великорусского, более всех как-то приняло полное значение название Хохла, но не по своей этимологии, а по привычке, с какою усвоили его Великоруссы. По крайней мере, сказавши Хохол, Великорусс разумеет под этим словом действительно народный тип. Хохол для Великорусса есть человек говорящий известным наречием, имеющий известные приемы домашней жизни и нравов, своеобразную народную физиономию. Странно было бы думать о возможности принятия этого насмешливого прозвища за серьезное название народа, – все равно, как если бы Англичанин прозвище Джона-Буля сделал серьезным именем своего племени. Но из всех существовавших прозвищ и названий это едва ли не более других усвоенное в смысле народной особенности. Не только Великоруссы называют Южноруссов Хохлами, но и сами последние нередко употребляют это название, не подзревая уже в нем ничего насмешливого; впрочем это только в восточном крае пространства, заселенного Южноруссами. Неусвоиваемость его всем южнорусским народом, не менее его насмешливого происхождения, не дозволяет искать в нем приличного названия для народа¹.

В это же время Николай Васильевич Закревский впервые указывает, что «неправильно русские, в том числе Карамзин и издатели Ипатьевской летописи в слове *Украина* над буквою *и* ставят краткий знак; вследствие чего буква *а*, стоящая перед *и*, получает ударение. Напротив, все коренные жители Малороссии и западные славяне произносят в этом слове букву *и* с ударением. И так не Украйна, но Украина. Кому же в этом случае должно следовать?». Ответ на этот вопрос он дает в статье своего словаря, «правильно» расставляя ударения: «Украинец, Украинка – жители

Русским, польским и всем славянским друзьям // Колокол. 1862. Февраль. Приложение к № 122–123. С. 1026).

¹ *Костомаров Н.И.* Две русские народности // Основа. 1861. № 3. С. 41. Проблемы особой украинской идентичности наиболее полно были рассмотрены в статьях Костомарова «Правда москвичам о Руси» и «Правда полякам о Руси», где он подчеркивал особость украинцев в сравнении и с великоруссами, и с поляками, оговариваясь при этом, что в политическом отношении Южная Русь тесно связана с Москвой, а по складу народного характера ближе к Польше (Основа. 1861. № 10).

Украины»¹. Наиболее же яркий пример нового употребления лексики можно увидеть в ничем не примечательной статье П. Кулиша «Климентий. Украинский стихотворец времен гетмана Мазепы», которая впервые вышла в «Русской Беседе» в 1859 г., а в январе 1861 г. была перепечатана в первом номере организованного бывшими членами Кирилло-Мефодиевского общества в Петербурге журнала «Основа»: автор не просто расширил статью, но также последовательно заменил в своем тексте все *малороссийское* на *украинское*².

Именно материалы «Основы» (1861–1862), адресованные прежде всего украинскому читателю (обеих империй), позволяют говорить о начале складывания националистического понятия *украинец*³. Авторы журнала не только по возможности отдают ему предпочтение перед *малороссом* или *южно-руссом*, но и впервые четко территориализируют его, распространяя на всю территорию Украины⁴.

¹ Закревский Н. Словарь малороссийских идиомов. М., 1861. С. 17, 557.

² Ср.: Кулиш П. Климентий. Украинский стихотворец времен гетмана Мазепы // Русская Беседа. 1859. Кн. 5. С. 79–140; Кулиш П. Климентій (поет часів Мазепи) // Основа. 1861. № 1. С. 159–235. О похожей подмене слов и понятий, но уже в переводе «Тараса Бульбы» Гоголя, в своей записке «О так называемом украинофильском движении» осенью 1875 г. писал М. Юзефович. См.: Савченко Ф. Заборона українства 1876 р. X – К., 1930. С. 379.

³ Разумеется, что это характерно и для творчества Т. Шевченко, который как типичный представитель первой половины XIX в. хоть и не использовал в своем творчестве слово *украинец* (как и слова *русский*), но в своем понимании его был очень близок к Кулишу: ср. количество употреблений им в украиноязычных текстах *малоросійського* (2), *Малоросії* (3), *хохла* (1) с *Україна* (201), *Україна* (33), *Вкраїна* (28), *український* (7). В своих же русскоязычных произведениях Шевченко употреблял и *малороссийский* (как относящийся к Малороссии и малороссиянам – всего 53 раза), и *малороссиянин* / *малороссиянка* (3 и 1), и *украинский* (11), и *хохлацкый* (свойственный хохлу) (16), *хохлачка* (женское от хохол) (8), *хохол* (16), причем из этих 16 употреблений *хохол* лишь однажды имеет пренебрежительную коннотацию и один раз употребляется как бранное в обращении. См.: Словник мови Шевченка. Київ, 1964. Т. 1. С. 392; Т. 2. С. 359, 360, 385; Словарь языка русских произведений Шевченко. Т. 1. Киев, 1985. С. 521–522; Т. 2. Киев, 1986. С. 468, 519–520.

⁴ Об этом можно судить на основе разных статей «Основы». См., например: Левченко М. Места жительства и местные названия русинов в настоящее время // Основа. 1861. № 1. С. 263–266. См. также: Краткое географическое обозрение края, населенного южнорусским (украинским или малороссийским) народом // Основа. 1861. № 5, 7, 11–12. Детальнее о конструировании украинского национального пространства см.: Kotenko A. Construction of Ukrainian National Space by the Intellectuals of Russian Ukraine, 1860–70s // Osteuropa kartiert – Mapping Eastern Europe / J. Hoppel, C. von Werdt (Hrsg.). Münster: Lit Verlag, 2010. S. 36–59.

С 1860-х годов вплоть до начала мировой войны украинские активисты постоянно практикуют своеобразный *double-speak*, используя в публичных высказываниях, адресованных широкой публике, понятия *малорус / малорусский, южнорусский* там, где в своем кругу они наверняка употребили бы понятия *украинец / украинский*. Отчасти это объяснялось цензурой, отчасти – тактическими соображениями коммуникации с великорусской публикой.

Новые тенденции сразу же встретили протест в малорусской среде. Сильвестр Сильвестрович Гогоцкий, профессор педагогики Киевского университета, ссылаясь на польские происки, писал в декабре 1859 г. священнику Василию Васильевичу Гречулевичу, автору одного из многих появившихся в то время украинских букварей:

...мне кажется, вы не приняли во внимание обстоятельств всей Малороссии, когда а) намекаете народу о какой-то самостоятельности. (Само-стойкость нас убила бы в один год.) б) Хотя не прямо, но косвенно, молчанием проводите разделение между нами и Великоруссами, тогда как именно нужно внушить нашему народу крепко, что наше благо только и только в единстве всех Русских племен. Я заметил, что Восточные Малороссы совсем забыли о нас. [...] Поддерживать впредь мысль о единстве трех племен Русских; без этого единства мы погибнем и очень скоро¹.

В 1861–1862 гг. произошла резкая эскалация враждебности к украинофильству и в русском общественном мнении. В начале 1861 г. Михаил Катков в литературном обозрении «Русского вестника» говорил, что «Украина имеет свое наречие, которое довольно сильно и резко обозначилось с течением времени и почти готово само стать особым языком»². Но уже осенью 1861 г. Владимир Иванович Ламанский писал в «Дне» с акцентом на таящуюся в украинофильстве угрозу:

¹ ГАРФ. Ф. 109 (Секретный архив). Оп. 1. Ед. хр. 1763. Л. 3–4об. Выписка из письма С. Гогоцкого из Киева от 19 дек. 1859 г. к отцу Василию Вас. Гречулевичу, в СПб. Гогоцкий был отнюдь не одинок в своих взглядах. В октябре 1858 г. П. Кулиш писал С. Аксакову: «Мы имеем против себя не одно Правительство, но и ваше общественное мнение. Мы имеем против себя даже собственных земляков-недоумков» (Там же. Ед. хр. 1762. Л. 1–2). «Земляков-недоумков» започнем – эта тема еще появится применительно к началу XX в.

² В той же статье, рассуждая об особенностях малороссов, М.Н. Катков, явно обращаясь к кругу «Основы», писал: «...в этих существенных качествах желали бы мы видеть элементы общей русской народности; Малоросс, как свидетельствует история, есть такая же живая часть русского народа, как и Великоросс; они взаимно дополняют друг друга, и противоположность между ними есть противоположность одной и той же гармонии» (Русский Вестник. Т. 32. 1861. С. 2–5).

Малоруссы и Великоруссы с Белоруссами, при всех несходствах и смешках друг над другом, образуют один Русский народ, единую Русскую землю, плотно, неразрывно связанную одним знаменем веры и гражданских учреждений. [...] Отняtie от России Киева с его областью повело бы к разложению Русской народности, к распаденю и разделу Русской земли¹.

Катков же к концу 1861 г. от увещательного тона перешел к инвективам, обвиняя украинофилов в сознательном или бессознательном подчинении «польской интриге» и стремлении расколоть русскую нацию². «Возмутительный и нелепый софизм [...] будто возможны две русские народности и два русских языка, как будто возможны две французские народности и два французских языка!» – так отвечал Катков на статью Костомарова «Две русские народности»³. Аналогии с западноевропейским опытом ассимиляторской политики национального строительства, призванные подтвердить вредность и бесперспективность украинофильства, становятся общим местом.

В это же время голоса из малорусской среды доказывают губительность украинофильства для самой Малороссии. В 1862 г. «Вестник Юго-Западной и Западной России» писал:

...мы сами принадлежим к племени малорусскому. [...] Наш общерусский литературный язык есть такое же достояние малоруссов, как и великоруссов, потому что в развитии его оба великие племени принимали участие. [...] Мысль о какой-то отдельности малорусского народа и его языка мы считаем просто нелепостью, которая довела бы его не до отдельности, не до самостоятельности, но до гибели; без нашего выработанного, уже богатого письменными произведениями общерусского языка его неизбежно ожидает исчезновение в волнах известной нам западной пропаганды⁴.

¹ День. 1861. 21 октября. № 2. С. 17. Позднее Ламанский уже в панславистском духе писал об утверждении русского языка в качестве «языка высшей образованности» как об инструменте политического объединения всех славян, полагая, что при этом условии «образование общего славянского союза не представляет таких громадных трудностей, как политическое единство Германии» (см.: *Ламанский В.* Национальности итальянская и славянская, в политическом и литературном отношении // Отечественные записки. Т. 157. 1864. № 11–12. С. 615–616).

² *Катков М.Н.* 1863 год. Собрание статей, по польскому вопросу, помещавшихся в Московских Ведомостях, Русском Вестнике и Современной Летописи. Вып. 1. М., 1887. С. 273.

³ Там же. С. 276.

⁴ *Вестник Юго-Западной и Западной России.* Т. 1. 1862. С. 25, 26. Автором этой неподписанной статьи был, по всей видимости, С.С. Гогоцкий.

Ярким примером атмосферы всеобщей подозрительности в русско-украинско-польских отношениях того времени стало отношение к новому явлению, которое в польской среде было презрительно прозвано *хлопоманством*. Хлопоманами называли тех молодых представителей ополяченной шляхты Юго-Западного края, которые стали накануне восстания 1863 г. отказываться от польскости в пользу солидарности с простым украинским крестьянином. Наиболее подозрительные из русских противников украинофильства считали хлопоманство особенно коварной версией валленродианства, частью польского плана по расколу русского народа¹. Понятие *хлопоман* и скрывавшееся за ним явление обсуждалось в печати и в бюрократических сферах в начале 1860-х годов², но вскоре сошло на нет, оставив слова *украиофил* / *украинофильство* в качестве общепринятого обозначения украинского национализма, которое даже его активисты использовали до конца XIX в. как самоназвание. Иван Сергеевич Аксаков писал в это время, что «малорусс и малороссийский “патриот” – это вовсе не одно и то же и большею частью находится в совершенном друг другу противоречии», пытаясь еще обойтись без понятия *украиофил*³. Но в целом именно в начале 1860-х *малоросс* становится в дискурсе русской прессы обозначением человека, более или менее лояльного общерусской идее, а *украиофил* обозначает нечто по меньшей мере подозрительное или однозначно враждебное, и нередко сопровождается понятием *сепаратист*⁴. Сенатор Александр Александрович Половцов, общавшийся с Григорием Павловичем Галаганом в начале 1880-х годов, записал в дневнике следующий рассказ своего собеседника о его встрече с царем в 1863 г.:

¹ См., например, рассуждения М.Н. Каткова о готовности «польских фанатиков [...] прикинуться завзятыми украинофилами [...], имея на мысли великий идеал в лице Конрада Валленрода» (*Катков М.Н.* 1863 год. Вып. 1. С. 276–277). Подробнее о «хлопоманстве» см.: *Пытин А.Н.* История русской этнографии. Т. 3: Этнография малорусская. СПб., 1891. См. также: *Миллер А.И.* Украинофильство // Славяноведение. 1998. № 5.

² В письме Б.Ф. Сиверса военному министру Д. Милютину от 1862 г. говорилось, например, о существовании в Киеве «общества под названием хлопоманов», действующего «для возмущения крестьян против помещиков и распоряжений правительства с целью восстановления независимости Малороссии».

³ День. 1863. 22 июня. № 25. С. 3.

⁴ В связке «украинофилы – сепаратисты» использует эти понятия киевский студент А. Иванов в статье «О малорусском языке и об обучении на нем в Русском Вестнике» (1863. Май. С. 254).

Государь со всем соглашался, но как будто не решался высказать свою мысль, наконец он обратился к Галагану со словами: послушай, Галаган, ведь многие упрекают тебя в том, что ты украинофил. – Я люблю свою родину и край, где родился, – отвечал Галаган. – Да, но ведь между украинофилами есть такие, кои мечтают о сепаратизме. Из числа таких не надо бы привлекать к поручаемому тебе делу¹.

В среде бюрократии в начале 1860-х годов безусловно доминируют понятия *малоросс* и *Малороссия*, причем и здесь за ними уже очевидно скрывается проблема. В 1860 г. петербургский цензор Владимир Николаевич Бекетов при рассмотрении очередного произведения Кулиша под названием «Хмельниччина», не найдя в книге «ничего предосудительного, кроме некоторых слов, намекающих на стеснительное положение Малороссии при завладении ею русскими», тем не менее усомнился, «может ли вообще быть допущена история Малороссии, в чем как бы высказывается самостоятельность этого края»². Тайный советник Александр Григорьевич Тройницкий чуть позже писал:

Издание [...] этой книжки [...] на малороссийском языке, хотя и [...] русскими буквами³, обнаруживает намерение вызвать снова к отдельной жизни малороссийскую народность, которой постепенное и прочное слияние в одно неразрывное целое с народностью великорусскою должно, по моему мнению, быть предмет ненасильственных, но тем не менее постоянных стремлений правительства. Религия, исповедуемая нами, одна и та же; высшие классы малороссийского населения, благодаря Бога, уже значительно сблизились и слились с такими же классами великороссийского племени в общественном и служебном быту; простой народ составляет значительную часть русского войска, его интересы, земледельческие, промышленные и торговые, могут только выиграть и развиваться через взаимное обобщение с подобными интересами всего русского государства; различаются и разделяются еще отчасти великорусский и малороссийский

¹ ГАРФ. Ф. 583. Оп. 1. Ед. хр. 18. Л. 170–171. Дневник А.А. Половцова, запись от 6 февраля 1881 г. Отметим «нежелание» Галагана понимать смысл термина *украинофил* (а точнее, его трактовку этого понятия в буквальном смысле), продемонстрированное в разговоре с царем.

² РГИА. Ф. 772. Оп. 1. Ед. хр. 5536. Л. 1–1об. Запрос от 7 декабря 1861 г.

³ В 1859 г., в ответ на попытки перевода русинского языка на латиницу в Галиции и активизацию изданий латиницей на белорусском, цензуре было указано «постановить правилом, чтобы сочинения на малороссийском наречии, собственно для распространения между простым народом, печатались не иначе, как русскими буквами» (РГИА. Ф. 772. Оп. 1, ч. 2. Ед. хр. 4840). Подробнее см.: *Миллер А.И.* Империя Романовых и национализм: эссе по методологии исторического исследования. М., 2010. Гл. 4.

простой народ особенными наречиями одного и того же языка и некоторыми местными обычаями. Невозможно и не следует искоренять этих различий насильственными мерами [...] и сближение их следует предоставить времени; но никак не следует и препятствовать естественному ходу времени и новым оживлением малороссийской речи и малороссийской литературы содействовать, от имени или влиянием правительственных властей, возникновению вновь в будущем того разделения между родственными племенами, которое некогда было так губительно для обоих и которое было бы даже опасно для целостности государства. Позволяю себе присовокупить, что такому направлению следовали и главнейше, может быть, обязаны своим нынешним могуществом Англия и Франция, державы, собравшиеся первоначально из частей, более разнородных, нежели наше общее отечество – Россия¹.

В этих рассуждениях традиционный мотив постепенно стирающихся различий между *малороссами* и *великороссами* сочетается уже с новыми темами – угрозой нового оживления этих различий и параллелью с державами, уже десятилетиями проводившими сознательную политику строительства современных наций. Вскоре, после 1866 и 1870 г., к ряду этих параллелей добавится и Германия.

В отношении к терминам *язык* и *наречие* применительно к украинскому / малорусскому языку еще некоторое время сохранялся разнобой, хотя идея о том, что следует настаивать на *малорусском наречии* русского языка уже широко распространена. В инструкции цензурным комитетам от 18 июля 1863 г. министр внутренних дел Петр Александрович Валуев повторил, вслед за малороссом-цензором Орестом Марковичем Новицким и со ссылкой на «мнение малороссов», ставшую знаменитой сентенцию:

...что никакого особенного малороссийского языка не было, нет и быть не может, и что наречие их, употребляемое простонародием, есть тот же русский язык, только испорченный влиянием на него Польши; что общерусский язык также понятен для малороссов, как и для великороссиян, и даже гораздо понятнее, чем теперь сочиняемый для них некоторыми малороссами, и в особенности, поляками, так называемый, украинский язык.

В инструкции неизменно говорится о *малорусском языке* (восемь раз), а не о *наречии*. Лишь в так называемом Эмском указе 1876 г. мы находим последовательное употребление понятия *наречие*².

¹ Бородин В.С. Т.Г. Шевченко і царська цензура. Дослідження та документи. 1840–1862 роки. Київ, 1969. С. 155–156.

² Текст циркуляра Валуева и Эмского указа см. на с. 277–281.

Борьба украинца с малороссом

С 1860-х годов начинается массовое использование разными авторами псевдонима «Украинец»¹, и к концу 1860-х – началу 1870-х годов для наиболее националистически настроенных из них этот вопрос приобретает первоочередное значение. Так, очень характерно, один из них, член киевской Громады Александр Иванович Лоначевский-Петруняк, призывал М.П. Драгоманова в 1876 г.:

С большой просьбой я обращаюсь к вам. Для вас оно, о чем буду просить, – ни то, ни се, неважным кажется, а мне – просто из головы не лезет! Покая не дает! [...] Небольшая у меня просьба: оставьте Вы вот ту «Малороссию» на веки вечные, оставьте ее, голубь мой. Или все таки та «Малороссия» вкуснее вам, чем «Украина»? Ее «мало» меня колет, ее «россия» мене печет своей государственностью. [...] Это прозвище кажется мне таким гадким пятном на нашем теле, что я готов со шкурой сдереть ее с себя. В ваших руках теперь сила: если вы захотите, «Малороссия» соскользнет и мы сделаемся украинцами на веки вечные. Мое желание – стихийное желание! Оно сидит в душе каждого из нас, то есть каждому слаще «Украина», чем «Малороссия»: и у вас, как только заговорит сердце, «Украина» и покажется. Шевченко – украинец, Драгоманов – малоросс. [...] Как же мне располовиниться? [...] Зачем вводить в украинский язык новое слово «Малороссия»? Говорю «вводить», потому что кроме вас никто сроду не писал его по-украински. [...] Может, по-московски оно и не так гадко, но по украински: «малое – дурное» пословица всем известна. Если разговаривая по-украински где скажет кто «Малороссия», мне кажется, что он меня ругает. Не ругайте же меня!²

¹ Например, в 1860–1880-х годах его использовали Х. Алчевская, М. Драгоманов, С. Карпенко, Л. Косач (Украинка), В. Лесевич, М. Маркович, С. Пономарев, Л. Гончаренко. См.: *Дей О.* Словник українських псевдонімів та криптонімів (XVI–XX ст.). Київ, 1969. С. 371–372.

² Архів М. Драгоманова. Т. 1. Варшава, 1937. С. 163–164 (пер. с укр.). Лоначевский-Петруняк продолжал: «Молю вас, умоляю: не отбирайте от нас честное имя Украинцев. Если бы только знал я ключ к вашему сердцу, чтобы упросить вас: “Оставьте вы эту Малороссию на веки вечные”. [...] Даже Гоголь это чувствовал: “Знаете ли вы украинскую ночь?” – говорил он тогда, как его сердце горело любовью к родной стороне. Он высмеивал “малороссийских помещиков”, а не украинских. Чтобы затвердить свою несчастную выдумку, вы приточили всяких там актов. [...] И что нам за дело к тем актам, к тем канцеляриям? Пусть себе пишут, что хотят: люди сроду не станут звать себя малыми, потому что это стыдно! [...] Напишите мне такое, – и не я один, а легионы будут вас благодарить. Если от Мало-России и от Велико-России отбросить первые половины, то выйдет “единая нераздельная Россия”. Разве этого Вы хотите? [...] пора нам отбросить Малороссию: пусть нас зовут так одни обрусители. Никому, как вам, нужно густо процеживать собственные слова, – потому что ваше слово именот за слово Украины»

Драгоманов отвечал:

То, что я украинец по сердцу и желанию – это только тот не замечал, кто не хотел. Я свои «москвофильские» статьи в «Правде» давно уже подписывал «Украинец», и хотел галичан к украинству повернуть. [...] Я бы желал, чтобы в XVII в. всюду была козаччина, – и, значит, чтобы вся наша земля была Украиной, но что же я буду делать, когда она была только по Случь, а не по Тису. [...] Я не только желаю, но просто работаю для того, чтобы именно новое украинство было связью всех краев нашего этнографического рода, – был бы рад, чтобы все они подписались и под именем Украины (хотя для меня это дело поверхностное [...]), именно потому, что у людей головы в такую несерьезную сторону повернуты, а много серьезного дела брошено! только нужно, чтобы Украина заслужила прежде свой чин, чтобы на самом деле завелось новое, логичное, организованное, работающее и сильное украинство. А как оно постигнет головы всюду, “*wo die kleinrussische Zunge klinget*”, – тогда уже всюду наша “*Gesammte Vaterland*” сама себя назовет Украиной. А теперь иногда не то что глаза вылупливают, но и сердца люди, когда что-то такое слабое и скользкое, как мы, лезет к ним в родители. Имя «Малая Россия», «Малороссия» более по чину нам теперь, – да и более понятно, конечно, не народу. А народ – и на Волыни не знает, что он украинский, а грамотные люди, – наши и западнославянские, – более всего привыкли к «Малороссии» именно в родовом его смысле. Я потому только и употребляю этот термин¹.

В то время как украинцы стремились «со шкурой сдереть с себя» *малоросса*, малороссы ополчались против *Украины* и *украинца*:

Наш юго-запад не украйна, с древнейших времен русской истории этот русский край носит уже название Руси, русского. [...] Оттого и до сих пор на юго-западе говорят, например, *русский* фольварок, в отличие от польского [...], но никто никогда не говорил и не говорит: [...] *украинский* фольварок. [...] По какому же праву мы позволяем себе вторгаться с украинскими планами в землю издревле русскую, а не украинскую? Ведь подобные названия – не кличка, которую можно переменять как угодно. Кто в самом деле упомоночивал украинолюбцев отнимать у нас древнее название Русских и все принадлежности этого названия, в том числе и наш

(Архів М. Драгоманова. Т. 1. С. 165). С этого времени упоминания о «книжности» «малоросского» и «кацапскости» «хохлацкого» становятся общепринятыми в среде украинских национальных активистов. См., например: *Михальчук К., Тимченко Є.* Програма до збирання діалектичних одмін української мови. Київ, 1910. С. 1.

¹ Архів М. Драгоманова. Т. 1. С. 169–170. Драгоманов по каким-то соображениям не упоминает здесь, что до эмиграции в 1875 г. он, безусловно, занимался еще и самоцензурой, обращаясь в своих статьях к русской публике. Его статьи в русской прессе были ярким примером подстройки понятийного набора к взглядам и привычкам адресата.

общий, культурный русский язык, выработавшийся таким долговременным и многотрудным процессом нашей истории, и все это заменять чем-то украинским, т.е. возникшим гораздо позднее, чисто частным и обозначающим только *крайнюю местность*? [...] Смешное и жалкое увлечение, будто украинское может быть для нас выше и важнее *русского*!¹

Настаивая на *русском*, киевские противники *украинцев* не собирались отказываться от *малоруса* и *хохла*. Николай Аркадьевич Ригельман², скрывавшийся под псевдонимом Левобережный, подчеркивал, что он «тоже хохол, [...] с умилением произносящий слова “галушки” и “варенуха”. [...] любящий малороссийские напевы и малороссийскую деревню»³. Главный орган *малороссов*, газета «Киевлянин», в очерке из Воронежской губернии, где рядом жили велико- и малорусские крестьяне, с умилением рассказывала о «соединении малорусской опрятности и некоторого чувства изящества с великорусской энергией и предприимчивостью» как о символическом воплощении общерусского единства⁴. «Киевлянин» боролся за право «собственности» на Шевченко, Костомарова, Максимовича с украинофилами: «...украинофильство едва ли создано и руководилось талантливыми и сколько-нибудь серьезными людьми»⁵, «относясь с порицанием к смешным и диким украинофильским увлечениям, мы всегда относились с полным сочувствием и уважением к произведениям южно-руссов»⁶.

Либеральные публицисты в Петербурге старались найти какой-то средний путь между этими взаимоисключающими точками зрения, боровшимися вокруг Киева. Анастасия Васильевна Каирова писала в «Вестнике Европы»:

...нет той смешной нелепости, которая не могла бы стать источником неисчислимых бедствий, если ее сделают орудием политического гнета и национального гонения. [...] Позвольте малороссам оставаться малороссами, и они скоро станут настоящими русскими не только по имени, но и по существу. Если же их насильственно обращать в русских, они все малопомалу начнут величать великороссов «москалями», а сами себя «украинцами», как это уже и делает небольшая пока группа среди них. Эти

¹ Заметка без названия С.С. Гогоцкого // Русский вестник. 1875. № 7. С. 414–415.

² Н.А. Ригельман был главой киевского отдела «Благотворительного Славянского комитета». В сороковые годы он был близок к Кирилло-Мефодиевскому обществу, но затем перешел на жесткие антиукраинофильские позиции.

³ Киевлянин. 1874. 17 сентября. № 111.

⁴ Там же. 1875. 10 июля. № 81.

⁵ Там же. 8 марта. № 29.

⁶ Там же. 22 марта. № 35.

выражения: украинцы, крайнофилы, недаром они приводят в такое яростное негодование господ «охранителей». Они хорошо понимают тенденцию, таящуюся в этих названиях и стремящуюся раз навсегда отнять почву, уничтожить ту игру слов, или, вернее, даже букв, при помощи которой малороссы объявляют русскими, и на этом основании не признают за ними никакого права на племенную особенность. Плохо, очень плохо будет, если вся Малороссия поймет истинное политическое значение этой игры слов и начнет называть себя Украиной, а свой народ украинцами¹.

Разбирая эту статью, М.П. Драгоманов отвечал, что «ведь эта беда – если это беда – уже давно существует. Имя малороссияне было и есть книжное. [...] Из всех имен, прилагаемых к так называемым малороссам как расе, всего естественнее является имя украинцев»². Это упоминание «расы» также довольно симптоматично, потому что в это время понятие украинца начинает антропологизироваться, а на первое место кроме языка выходит именно расовый признак³.

Малоросс, украинец и раса

Хотя этнографические исследования *малороссов / украинцев* начались еще в первой половине XIX в., а в 1870-х годах были увенчаны семитомными «Трудами этнографическо-статистической экспедиции в Западно-Русский край» с картой населения, которое разговаривало «южно-русскими наречиями и говорами»⁴, именно в конце XIX – начале XX в., благодаря деятельности Федора Кондратьевича Волкова (Хв. К. Вовка), формируется представление об антропологическом типе украинца: брахицефала,

¹ Н.С. Львовский процесс // Вестник Европы. 1882. № 10. С. 850–851.

² Драгоманов М. Литературно-политические отрывки // Вольное слово. 1882. 1 декабря. № 50. С. 14–15. Особенно интересно этот комментарий в печати выглядит по сравнению с приведенным выше фрагментом из переписки с Лоначевским-Петрунякой.

³ Подробнее о понятии *расы* в Российской империи см. статьи В. Тольц («Дискурсы о *расе*: имперская Россия и Запад в сравнении») и К. Холла («Расовые признаки коренятся глубже в природе человеческого организма»: неуправляемое понятие *расы* в Российской империи») в кн.: «Понятия о России»: к исторической семантике имперского периода. Т. 2. С. 145–193, 194–258. О европейской модификация национализма в сторону новых, интегральных версий см.: Porter B. When Nationalism Began to Hate: Imagining Modern Politics in Nineteenth-Century Poland. Oxford, 2000.

⁴ Труды этнографическо-статистической экспедиции в Западно-Русский край. СПб., 1872–1879.

темноволосого, темноглазого, выше среднего или высокого роста, с овально узким носом и сравнительно короткими верхними и длинными нижними конечностями¹.

Интересно, что подобные выводы *украинских* деятелей из Петербурга яростно опровергались *малороссийским* антропологом из Киева Иваном Алексеевичем Сикорским. Соглашаясь с географическим и политическим смыслом *украинцев*, он яростно возражал против его «антропологической» составляющей:

Украинцев здесь нет! Их нет ни в живущих экземплярах, ни в кладбищном населении: нет ни на земле, ни под землей. Поэтому, если за исходное основание для суждений и выводов взять физический состав населения, его породу и природу, то на Украине нет такого населения, которое обладает особой породой: здесь то же, что существует и за пределами Украины. Отсюда – естественный вывод, что «Украина» и «украинцы» – это термин скорее географический и политический, но не антропологический или этнический².

Отрицая антропологические различия, Сикорский говорил о психофизической дифференциации великороссов и малороссов. Великороссы, по его мнению, во многом позаимствованному у Костомарова, в определенный момент истории слились с финской расой, фактически поглотив ее. Они приобрели от финнов более устойчивую волю и твердый ум, тогда как малороссы сохранили более чистый славянский тип, характеризующийся более тонкой чувствительностью, склонностью к размышлениям и поэзии. Вследствие контактов этих двух ветвей народности устанавливается творческое единство, так как они заимствуют друг у друга лучшие психические качества.

Впрочем, ведущий публицист малорусского лагеря той поры Анатолий Иванович Савенко готов был порассуждать о расовых

¹ Волков Ф. Антропологические особенности украинского народа // Украинский народ в его прошлом и настоящем. Т. 2. Пг., 1916. С. 452. Подробнее о Волкове см.: *Могильнер М.* Homo Imperii. М., 2008. С. 291–295 (хотя с ее выводом о том, что деятельность Волкова вряд ли могла вылиться в требование отдельной национальной государственности для украинской нации, трудно согласиться).

² *Сикорский И.А.* Русские и украинцы (Глава из этнографического катехизиса). Київ, 1913. С. 12–13. В этом докладе автор прямо полемизировал с М.С. Грушевским, который в 1898 г. начал издавать свой *magnum opus* – «Историю Украины-Руси». О терминологии последнего см.: *Грушевський М.* Історія України-Руси. Т. 1. Київ, 1991. С. 1–3 [эволюции исторических взглядов Грушевского посвящена отдельная работа: *Плохій С.* Великий переділ: незвичайна історія Михайла Грушевського / пер. з англ. М. Климчука. Київ: Критика, 2011].

отличиях *малороссов* и *великороссов*, только в нелестном для малороссов смысле: «Я всегда был того мнения, что кровь всех этих торков, половцев и прочих сидит в крови у малороссов и обуславливает собой отличие малороссов от великороссов, которые сохранили чистый тип славяно-руссов»¹.

Борьба украинца с малороссом. Акт второй – от революции 1905 г. до Первой мировой войны

Баталии по поводу статуса малорусского языка / наречия не утихали в течение всей второй половины XIX и начала XX в.² Часто в контексте этих споров использовалось понятие *общерусский язык*³. Новый импульс дискуссии получили в 1904 г., когда комиссия, работавшая под эгидой Академии наук, признала украинский самостоятельным языком. Это несколько убавило категоричности в высказываниях противников украинского движения, но отнюдь не прекратило полемику. Академик Алексей Иванович Соболевский в 1907 г. рассуждал так: «Одни знатоки говорят, что [...] малорусский и великорусский языки – два разных славянских языка, другие настаивают на значительной близости этих двух языков и называют их только наречиями русского языка, [...] здесь огромное значение имеют политические убеждения говорящих»⁴.

¹ Савенко А. Заметки // Киевлянин. 1909. 5 марта. № 65.

² Некоторые вполне антиукраинские авторы пользовались попеременно понятиями *язык* и *наречие*, но неизменно говорили о *малороссийском языке / наречии*. См.: Флоринский Т.Д. Малорусский язык и «українсько-руський» литературный сепаратизм. СПб., 1900. Перепечатан в: Украинский сепаратизм в России. М., 1998. С. 330–384.

³ См., например: Михальчук К. Что такое малорусская (южнорусская) речь? // Киевская старина. 1899. Август. С. 135–195. Любопытно, что в своей полемике с Т.Д. Флоринским и С.К. Буличем Михальчук ссылается на Ю.И. Венелина как на сторонника идеи существования «значительных отличий [...] между двумя родственными народностями» (Там же. С. 182). Позднее П.Б. Струве придавал большое значение понятию *общерусский*, говоря об общерусской культуре и общерусском / русском языке, и подчеркивал, что «в нашем споре самое употребление термина “великорусский” опасно и нежелательно: оно вводит в заблуждение, что та культура и тот язык, которые этим термином обозначаются, стоят, так сказать, в одном ряду с “малорусским” и “белорусским”» (Струве П.Б. Общерусская культура и украинский партикуляризм // Русская мысль. 1912. № 1. С. 66).

⁴ Соболевский А.И. Русский народ как этнографическое целое. Х., 1907. Цит. по: «Украинская» болезнь русской нации. М., 2004. С. 44–45.

«Понятійна війна» захватила і Галицію. Употреблення декількох версій національних самоназв в Галиції було пов'язано з боротьбою сторонників різних концепцій національного самоопределення, обострившійся в середі галиційських *русинов* во другій половині XIX – началі XX в. Для представителів всіх напрямків головним самоназванням впродовж до Першої світової війни залишався традиційний етнонім *Русь*, але інтерпретували його по-різному. За малозаметними відмінностями в написанні прилагательного *руський* (або ж *галицько-руський*) – *руський* – *руський* стояли суттєві розходження галиційських «старорусинов», «русофілів» і «українофілів»¹. Термін *ruski* в територіальному або традиційно-етнічному, але не національному значенні в середині XIX в. використовувала для самообозначення і колонізована частина освічених галиційських русинов². Терміни *малорусський* / *малоросійський* використовувалися рідко, але і навколо них відбувалася своєрідна семантична війна. Ряд джерел вказує на переважаюче в період революції 1848–1849 гг. отождествлення галицької Русі з Малою Руссю: «Малоруссоманія тепер господствує», – сеговали в переписці «общероссы» Кирилл Хоминський і Антон Петрушевич³.

Контакти як з українофільськими, так і з панславистськими діячами з Російської імперії, помітно зміцнілися в 60-і роки

¹ О борьбе этих направлений существует довольно обширная литература; среди прочего см.: *Magocsi P.R.* Old Ruthenianism and Russophilism: A New Conceptual Framework for Analyzing National Ideologies in Late 19th Century Eastern Galicia // *American Contributions to the Ninth International Congress of Slavists* / Ed. by P. Debreczeny (Kiev, September 1983). Vol. 2: Literature, Poetics, History. Columbus (Ohio), 1983. P. 305–323; *Миллер А.И.* Внешний фактор в формировании национальной идентичности галицийских русинов // *Австро-Венгрия: интеграционные процессы и национальная специфика*. М., 1997. С. 68–74; *Himka J.P.* The Construction of Nationality in Galician Rus': Icarian Flights in Almost All Directions // *Intellectuals and the Articulation of the Nation* / Ed. by R.G. Suny, M.D. Kennedy. Ann Arbor, 1999. P. 109–164; *Wendland A.V.* Die Russophilen in Galizien. Ukrainische Konservative zwischen Österreich und Russland, 1848–1915. Vienna, 2001; *Sereda O.* From Church-Based to Cultural Nationalism: Early Ukrainophiles, Ritual-Purification Movement and Emerging Cult of Taras Shevchenko in Austrian Eastern Galicia in the 1860s // *Canadian American Slavic Studies*. Vol. 40. 2006. No. 1. P. 21–47.

² См.: *Zięba A.A.* Gente Rutheni, natione Poloni: Z problematyki kształtowania się ukraińskiej świadomości narodowej w Galicji // *Prace komisji Wschodnioeuropejskiej Polskiej Akademii Umiejętności*. T. 2. 1995. S. 61–77.

³ Цит. по: *Турій О.* «Українська ідея» в Галичині в середині XIX століття // *Україна модерна*. 1999. № 2–3. С. 63–64.

XIX в., привели к тому, что термины *Малая Русь*, *малоруский*, *малороссийский* стали чаще употребляться для самообозначения в публичном дискурсе. Греко-католический священник Иван Наумович, ставший позже одним из лидеров русофильского движения, например, заявлял в Галицийском сейме в 1866 г.: «Как не можем быть поляками, так и не являемся великорусами, всегда были, являемся и будем малорусами». В связи с ростом русофильских настроений уже во второй половине 1860-х ряд видных деятелей галицко-русского движения, не меняя *малоруской* самоидентификации, стали подчеркивать культурное единство «со всем русским миром». «На Руси [...] один русский язык, а на этом языке два выговора: малорусский и великорусский», – писал в 1866 г. видный русофильский деятель Богдан Дедицкий¹. Деятели украинофильского направления сначала повсеместно использовали термин *малорусский народ*, ставя знак равенства между понятиями *Русь* и *Малая Русь*, а затем и *Украина* (*Русь – Украина*), как, например, это сделал Владимир Навроцкий в географическом описании «землі заселеної русинами»². Но уже в начале XX в. *Малороссия* и *малороссийский* (наряду с *русский*) утвердились как национальные самоназвания русофилов («москвофилов») и стали неприемлемыми для их оппонентов – украинофилов-народовцев³. Русофилы под-

¹ Цит. по: *Середа О.* Місце Росії в дискусіях щодо національної ідентичності галицьких українців у 1860–1867 роках // *Россия – Украина: история взаимоотношений.* М., 1997. С. 165, 167.

² *Навроцкий В.* Руска родина (географичний обзор землі заселеної Русинами) // *Правда.* 1867. Ч. 23. С. 3–4.

³ Отстаивая название *Русь-Украина* / *Украина-Русь* вместо употреблявшегося русофилами *Малороссия*, деятель Украинской национально-демократической партии Льонгин Цегельский одновременно пытался доказать духовное и даже антропологическое превосходство европейцев «русынов-украинцев» над азиатами «москалями», при этом явно следуя за теорией Ф. Духинского. Призывая не отсекаться от традиционных самоназваний *Русь* и *русин* (поскольку, по Цегельскому, лишь *Русь-Украина* в племенном, языковом и национальном плане была связана с древней, Киевской Русью) и употреблять одновременно сразу два названия – *Русь* и *Украина*, Цегельский, главным образом, ополчился против употребления термина *Малороссия*. Для этого он противопоставлял *Малую Русь Малороссии*, считая, что первое название употреблялось около 1300 г. применительно лишь к галицкому князю, а второе сознательно придумали «московские цари» для левобережной «Украины-Гетманщины» с целью представить ее перед всем миром в качестве «подрядной, “малой” части великой “России”». Смещение *Малой Руси* и *Малороссии* в одно понятие и его последующее навязывание *украинцам-русинам* было, по Цегельскому, делом рук российского правительства и галицийских москвофилов, имевших целью «змосковщення» *Украины-Руси* (*Цегельский Л.* Звідки взяли ся і

вергли эту тенденцию критике с теми же аргументами, что использовались противниками украинцев в России¹. Можно проследить и примеры влияния галицийских сочинений на русский дискурс².

що значать назви «Русь» і «Україна»? Львів, 1907). На официальном уровне слова *украинец* и *украинский* (*Ukrainer, ukrainisch*) заменили традиционные *русин* и *русский* (*Ruthener, ruthenisch*) позже. В июле 1915 г. депутаты венского парламента Кость Левицкий и Мыкола Васылько передали австрийскому правительству обращение украинского парламентского представительства с просьбой ввести в официальный и публичный обиход национальное название *украинцы* вместо *русини*. Авторы обращения и сопровождавшего его обоснования, подготовленного в Львовском научном обществе им. Т. Шевченко, утверждали, что термин *русини* используют *москвофилы* для подтверждения тезиса о «едином и неделимом русском народе», в то время как на самом деле по обе стороны австро-русской границы все чаще употребляется название *украинцы*. Австрийское правительство отправило обращение на экспертизу профессорам Венского университета В. Ягичу и Г. Юберсбергеру, получило от них противоположные ответы и отложило его «в долгий ящик». Окончательное решение употреблять в официальных текстах *украинцы* вместо *русини* было принято лишь незадолго до распада империи, в феврале 1918 г. (*Расевич В.* Меморандум від липня 1915 р. до австрійського уряду про необхідність вживання національної назви «українці» // Україна в минулому. Вип. 5. Київ – Львів, 1994. С. 172–189).

¹ См., например: *Мончаловский О.А.* О названиях «Украина», «украинский». Львов, 1903. С. 1 («Галицкие украинофилы, начиная с 1899 года, стали употреблять названия “Украина”, “украинский” вместо названий “Малая Русь”, “малорусский”. [...] Термин “украинский” употребляется вместо термина “малорусский” или обычного в Галицкой Руси слова “русский”, причем некоторые пишут “украинско-русский”, другие “украинско-русский”, а третьи “русско-украинский” или “русско-украинский”. Цель употребления этих терминов – желание в самом имени отделиться от общности с Русью, с русским народом». В другом своем сочинении Мончаловский говорил о «малорусском племени русского народа», «русском населении Галичины», «галицко-русском наречии» и об обязанности «сознательных русских галичан бороться с украинством». [Прилагательное «сознательный» («свидомый») было в чести и у *малорусов*.] Здесь же он говорит об *общерусском* языке и *общерусской* литературе. См.: *Мончаловский О.А.* Главные основы русской народности. Львов, 1904. С. 11 и дальше.

² О.А. Мончаловский приписывает импорт в Галицию понятия *украинский* полякам: «Термин “украинский” вместо “малорусский” не был в Галицкой Руси известен до 1863 года. Его принес к нам польский повстанец Павлин Стахурский-Свентитский» (см.: *Мончаловский О.А.* О названиях «Украина», «украинский». С. 5). Тому же Свенцицкому приписывает честь ознакомления галичан с понятием *украинский* С.Н. Щеголев, хотя ссылается при этом на другой «галицийский» источник: «П. Свенцицкому, по словам Франко, принадлежит честь изобретения термина “украинско-русский” для суммарного обозначения малорусской и червонорусской ветвей русского народа, чтобы подчеркнуть их взаимное тождество и солидарность в противопоставлении с великороссами и белорусами» (*Щеголев С.Н.* Украинское движение как современный этап южнорусского сепаратизма. Киев, 1912. С. 87).

Уже в конце XIX в. украинские деятели, наряду с *малоросом*, отказываются и от термина *украинофил*, о чем 17 марта 1891 г. М.П. Драгоманову писала его племянница Леся Украинка: «Вот, пришлось к слову, потому скажу Вам, что мы отбросили название “украинофилы”, а зовемся просто “украинцы”, потому что такими мы есть, безо всякого “фильства”»¹. Впрочем, это свидетельство скорее знаменует переходный этап перестройки понятийной сферы в украинской среде². Как языковой акт украинский национализм приобрел кодифицированную форму в «Словаре украинского языка» Бориса Дмитриевича Гринченко (1907–1909): в нем ожидаемо отсутствовали *малоросс* и *хохол*, а среди «украинских» статей было также «украинство: свойство и деятельность украинца в национальном смысле»³. Консолидация результатов этого нового этапа

Щеголев ссылается на: *Франко И.* Нарис історії українсько-руської літератури. Львів, 1910. С. 167.

¹ *Українка Л.* Зібрання творів. Т. 10. Київ, 1978. С. 85–86. Любопытно, что в своей полемике с Костомаровым в 1880-х годах М. Де-Пуле «соглашался» на использование *украинцев*, тем не менее не отождествляя их с «украинофилами»: «Не одна природа южной России, не одно оригинальное малорусское наречие отличают ее от России северной; в ней выработался и тип особенный русского человека, украинца (но не крайнофила), значительно отличающийся от типов московского, северного, восточного и западного» (см.: *Де-Пуле М.* К истории крайнофильства // *Русский Архив*. Т. 3. 1881. С. 225, 233). Кроме того, почти в то же время происходит избавление от «украинофильства» среди украинских деятелей Галиции. См., например: Задачи русской интеллигенции на Украине // *Дело*. 1882. 12 (24) мая. № 36. С. 2.

² См., например, эволюцию П. Стебницького, отразившуюся и в его сочинениях (*Стебницький П.Я.* Вибрані твори. Київ, 2009). Как вспоминал о Стебницьком его соратник по украинскому движению С. Ефремов, «из его рассказов выяснилось, что во время своего студенчества в Киеве был он “общеросом”» [см.: *Ефремов С.* Лицар нездоланний (Непобедженний рыцарь) // Там же. С. 562]. В 1904 г. Стебницький еще писал о «нас, малороссах», о малорусской литературе и языке, а также об общерусской литературе (*Стебницький П.Я.* Вибрані твори. С. 156–161). После революции 1905 г. понятие *малоросс* уже не используется Стебницьким для идентификации – оно решительно уступает место понятию *украинец, украинский*. Понятие *малоросс* совершенно отсутствует в переписке П. Стебницького и Е. Чикаленко. См.: *Євген Чикаленко – Петро Стебницький.* Листування, 1901–1922 роки. Київ, 2008.

³ *Гринченко Б.* Словарь украинского языка. Киев, 1909. С. 330–331. Понятие *украинофильство* приобретает в языке украинских деятелей отчетливые отрицательные коннотации. Называя *украинофильство* «то эмбриональной, то дегенеративной формой национального сознания», А. Никовский отмечал: «...несомненно, что крайнофильство как идея уже похоронено, а его живые представители или же подросли к стадии украинского сознания, или же должны были отойти в сумерки небытия, потерять всякое значение и общественный интерес» (*Яринович А.*

«борьбы за понятия» происходит после революции 1905 г., в принципиально новых условиях.

Во-первых, и на местном, и на общеимперском уровне возникла легальная политическая конкуренция, связанная с выборами городских дум и Государственной Думы. В Киеве эта политическая борьба находила теперь отражение и в газетных баталиях, поскольку резкое ослабление цензурного пресса позволило легально выходить украинским изданиям, которые включились в полемику с местными русскими изданиями. Среди украинских изданий особая роль принадлежала ежедневной газете «Рада», которая просуществовала до начала Первой мировой войны благодаря самоотверженным усилиям состоятельного землевладельца Евгения Харлампиевича Чикаленко, одного из лидеров и, по сути, координатора украинского движения того периода. Главным оппонентом «Рады» был «Киевлянин», продолжавший антиукраинскую линию 1870-х годов и ставший главным органом созданного усилиями А.И. Савенко и Д.И. Пихно под патронажем П.А. Столыпина Киевского клуба русских националистов (далее: ККРН)¹. Примерно в это же время в Киеве создается и Общество украинских прогрессистов (Товариство українських поступовців, далее: ТУП). Эти организации фактически олицетворяли два лагеря, непримиримых в своем отношении к украинству.

Особенность киевской ситуации состояла в том, что украинские активисты и малороссы-антиукраинцы из ККРН обращались к одному и тому же местному читателю, то есть к тому политически еще не определившемуся *малороссу, хохлу*, которого одни хотели сделать украинским националистом, а другие – националистом русским. Иначе говоря, прежняя борьба за интерпретацию понятия *малоросс* дополнялась теперь борьбой за умы и сердца реальных людей.

Следуя логике этой борьбы, оба лагеря, состоявшие из выходцев из одной среды и часто хорошо знакомых друг с другом, нередко коллег по университету, старались представить друг друга в самом черном цвете. ККРН в дискурсе «Рады» – черносотенцы, ре-

До психології українофільства // Основа. 1915. Вересень. № 2. С. 130). Одним из признаков такого «дегенеративного украинофильства» для автора был Н.И. Костомаров.

¹ К началу Первой мировой войны ККРН был самой влиятельной русской националистической организацией в Западном крае, если не во всей России. История ККРН очень слабо изучена во многом потому, что он стал одной из первых мишеней большевиков после их прихода в Киев – все оказавшиеся в их руках члены Клуба были расстреляны (69 человек), а пропавший архив Клуба, по некоторым данным, был захвачен ЧК.

акционеры и предатели собственной нации¹. В дискурсе ККРН круг «Рады» и ТУП – мазепинцы, отщепенцы, раскольники, сепаратисты, русофобы, агенты внешних сил, причем теперь не только, и даже не столько, поляков, сколько Австрии и Германии². Если для «Рады» малороссы-антиукраинцы все сплошь были реакционеры, что далеко несправедливо, то «Киевлянин» столь же несправедливо представлял всех украинцев-националистов космополитами, социалистами и беспринципными революционерами³.

¹ Дневники Е. Чикаленко просто пестрят весьма эмоциональными определениями таких малороссов-антиукраинцев: «вражий “землячок»» (Чикаленко Е. Щоденник. Т. 1: 1907–1917. Київ, 2004. С. 93, 306; отметим преемственность с «земляками-недоумками» из письма Кулиша 1859 г.), «зрадник» (Там же. С. 142), «московский запроданец» (Там же. С. 340), «наши перевертни, которые зовут себя русскими националистами» (Там же. С. 256). Чикаленко не прочь поиграть понятиями: «...черностенные малороссы, как Савенко, начали себя называть теперь богдановцами в память Богдана Хмельницкого, который присоединил Украину к Москве, противопоставляя себя “мазепинцам”, которые, якобы, хотят оторвать ее от России. Но по сути они не “богдановцы”, потому что Богдан присоединил Украину на автономных началах и отстаивал автономию Украины. [...] В действительности мы “богдановцы”, потому что с самого начала возрождения украинского самосознания далее автономии не шли» (Там же. С. 188). Ср. у П. Стебницького: «...“истинно руські”, и просто руські, и наши “тоже малороссы” – скалят на нас зубы, грозят кулаками, обзывают предателями и укоряют немецкими субсидиями» (Євген Чикаленко – Петро Стебницький. Листування. С. 167). Чикаленко предлагает и свою интерпретацию *кацапа*: «...наш народ называл великороссов “москалями” или “кацапами” (слово “кацап” или “касап” в тюркских языках и в молдавском означает “резник”, “резун”, “живорез”), а со временем начал называть москалей “руськими”. Чтобы отделить свою нацию и территорию от москалей, интеллигенция наша вынуждена была отбросить свое прежнее имя “руської” и приняла для своей нации наше народное название “украинская”. А для территории название “Украина»» (Там же. С. 255–256).

² Многочисленные примеры см. в сборниках антиукраинской публицистики, изданных стоящим на тех же позициях и сегодня М.Б. Смолиным: Украинский сепаратизм в России. М., 1998; «Украинская» болезнь русской нации. М., 2004.

³ «Стараясь дать себе ясный отчет о положении “мазепинского” дела, не надо ни на минуту забывать двойственный характер этого движения. Мазепинцы, с одной стороны, всемерно играют на квазинациональном чувстве, являясь яркими националистами новоизобретенной в Австрии украинской нации. Но, с другой стороны, эти господа – демагоги самой низкой пробы, подлинной гайдамацкой формации. Очень многим из них, социалистам и космополитам, выражаясь без перчаток, наплевать на всякую нацию, в том числе и украинскую. Поэтому-то эти “националисты” с такою охотою принимают в свою среду людей всевозможных национальностей и в особенности еврейской. Это мы видели ясно во время уличных демонстраций по поводу Шевченки. По этой причине они готовы поддаться и под Австрию, и под немца, и под самого черта. Так как настоящий их лозунг “Го-

Но ситуация кардинально менялась, когда обе стороны начинали говорить о малороссе неполитизированном. Для украинцев такие люди были, прежде всего, жертвами русификации и «несознательными украинцами»¹, теми, кого надо было спасти для украинской нации.

Чикаленко в своих дневниках дает описания таких людей, которых он старался обратить в правильную веру и привлечь к движению:

Родом он черниговец, но из-за того, что всю жизнь прожил за пределами Украины, он воспитался, как и большинство украинских интеллигентов, на общеросса².

Он, без сомнения, испытывает стихийную любовь к украинству, но в возрождение нашей нации, очевидно, не верит, да и не думал никогда об этом. Он с отвращением относится к украинскому литературному языку, считает его калечением милой его сердцу народной мовы, хотел бы, чтобы газета писалась языком Шевченко, Котляревского, а в тех случаях, когда слов не хватает, следует брать, по его мнению, всем уже известные русские слова³.

А вот как Чикаленко оценивал ситуацию в 1909 году в целом:

Города наши так омосковлены, что очень, очень малый процент населения вообще проявляет какой-либо интерес к украинству. [...] Обычный городской обыватель, который кое-как умеет говорить крестьянской украинской мовой, не выпишет нашей газеты, потому что он лучше понимает газету российскую⁴.

Но в целом украинские националисты считали, что, невзирая на ряд гениальных поэтов и писателей, великорусская культура бедна и груба. Они часто намекали на пристрастие *великороссов* к спиртным напиткам, бешеным пляскам и грубому обращению с близкими⁵. В этом смысле украинский дискурс разделял западное

лодранци со всього світа збирайтеся докупы”, этой своей стороной “голодранци” примыкают к революционно-социалистическим партиям, являясь одним из ответвлений этих партий» (Мазепинская опасность // Киевлянин. 1914. 1 марта. № 60).

¹ См., например, письмо Чикаленко Стебницкому от 16 апреля 1906 г., где тот говорит, что среди депутатов Государственной Думы «свідомих українців буде дуже, дуже мало, а родом українців звичайно багато» (Євген Чикаленко – Петро Стебницький. Листування. С. 44).

² О И.Н. Полторацком: Чикаленко Є Щоденник. Т. 1. С. 319.

³ О И.Д. Яновском: Чикаленко Є Щоденник. Т. 1. С. 68.

⁴ Там же. С. 47–48. Вообще мотив русификации как непосредственной и глобальной угрозы встречается у Е. Чикаленко и П. Стебницкого в их «внутреннем» дискурсе очень часто. «Все города и местечки на Украине страшно обрусели» (Там же. С. 281), «что теперь можно сделать тысячами, того не сделаешь потом, когда народ обрусее, и миллионами» (Там же. С. 72).

⁵ См.: Недоля П. Малороси, союзники і національна свідомість // Рада. 1910. 13 мая. № 108.

видение русских как полудикого азиатского народа, неспособного к европейскому образу жизни. Центральные российские губернии подобно метрополии выкачивали из Малороссии средства, не возвращая их в форме развития школьного образования и развития инфраструктуры¹. Таким образом, *великоросс* – это колонизатор, который пренебрегает потребностями поработанного народа. В политическом плане восточный тип *великороссов* означал их неготовность к демократическому преобразованию государства и признанию прав национальных меньшинств, причем это касалось не только приверженцев монархического строя, но и союзников украинских националистов из партии кадетов. Говоря об их лидере Павле Николаевиче Милюкове, лидер ТУП Чикаленко так писал в своем дневнике: «Нет, что ни говори, а в каждом кацапе, каким бы прогрессивным он ни был, таки прочно внутри сидит централист!»² Стремление некоторых малороссов к подражанию великорусской культуре как непременно высшей в ущерб развитию собственной понималось как заблуждение или результат подавления и травмы от насильственной русификации. Символ веры Чикаленко и других украинских националистов состоял в том, что с развитием собственной прессы и начальной школы на родном языке «все эти русины, малороссы и хохлы станут национально сознательными украинцами на территории от Сяна до Дона»³.

Для киевских русских националистов, которые сами идентифицировали себя как малороссов, *малоросс* «звучит гордо». Они, продолжая линию «Киевлянина» 1860–1870-х годов, соревновались с украинскими националистами за культурное наследие Малороссии, стараясь утвердить *малороссийскую* принадлежность многих ключевых фигур, включая Шевченко, на которых претендовал и украинский пантеон. «Сепаратистические» нотки у Шевченко, по их мнению, появились только под воздействием вредных влияний полонофильского кружка Кирилло-Мефодиевского братства⁴.

¹ *Стебницький П.Я.* Україна в економіці Росії // Стебницький П.Я. Вибрані твори. С. 280.

² *Чикаленко Є.* Щоденник. Т. 1. С. 320.

³ Там же. С. 228.

⁴ В дискурсе ККРН статус Шевченко снижался от «гения» к «галантливому поэту», его символическая роль «отца нации» отрицалась. Это особенно резко проявилось в дискуссии об установке памятника поэту: «Это вовсе не гений, каким силятся изобразить украинофилы. Это просто талантливый поэт. Украинофилы из постановки памятника Шевченке делают политическую демонстрацию. В сущности, дело здесь даже не в памятнике: последний является только предлогом для

ККРН считал себя истинным выразителем *малороссиян*: «Я сам – чистокровный малоросс и горячо люблю свою родину, ее чудную природу, обычаи, язык и предания, историю, как люблю и хохлов, ленивых и добродушных. Но я всеми силами души ненавижу украинофильство, движение предательское и подлое», – так неоднократно рассуждал лидер клуба А.И. Савенко на страницах «Киевлянина»¹. Впрочем, в этой же статье автор превращает понятие *малоросс* в «уходящую натуру», только далеко не в том смысле, что его оппоненты-украинцы: «В настоящее время малороссийский крестьянин совершенно не знает слова “малоросс”. Если вы спросите малоросса о его национальном происхождении, он всегда и неизменно отвечает: “Я – русский”. Представление о полном единстве русского народа глубоко внедрилось в умы южноруссов».

При этом деятели клуба русских националистов уже не принимали безоговорочно привычных стереотипов образа *малоросса* как веселого, добродушного обитателя Юга, любящего вкусно поесть и спеть красивую песню. Они не раз жаловались на *великороссов* за упрощенное понимание ситуации в Юго-Западном крае. «О Малороссии они имеют такое же смутное представление, как французы о России. Им представляется, что мы, малороссы, живем среди вишневых садов, в белых мазанках и целый день едим варе-

украинско-сепаратистской демонстрации. Гг. Грушевские и Науменки хотят в яркой форме показать, что, мол, отдельный и самостоятельный украинский народ не только существует, но и сознает свою национальную и культурную “отдельность”, что этот народ жаждет культурного и политического “самоопределения”, жаждет “самостийной” Украины. [...] Украинофилам памятник Шевченке надо ставить непременно в Киеве, в центре Малороссии, в древнейшей столице Руси. Михаил Грушевский говорит ведь, что Киев “матір городів українських”. Земля древних полян, по его учению, – Украйна, а поляне – это и есть нынешние малороссы. Поэтому и древние киевские великие князья на языке г. Грушевского именуются “украинскими князьями”, так что Владимир Святой, например, тоже приписан к малороссам. Забыто даже его варяжское происхождение. [...] Отсюда понятно, как страстно хочется украинофилам, помешавшимся на том, что древняя Русь, отпрыск новгородо-варяжской Руси, была хохлацкой Русью, – видеть статую Шевченки на склонах древнего Киева», – писал Савенко, демонстрируя обостренное внимание к понятийному аппарату своих противников (Киевлянин. 1908. 27 апреля. № 116).

¹ Савенко А.И. Заметки // Киевлянин. 1908. 15 мая. № 134. Эта формула, выкованная еще Ригельманом и Гогоцким в 1870-е годы, стала своего рода мантрой в публицистике малороссов-антиукраинцев. «Я как сын малорусской ветви русского народа люблю все малорусское: и живую малорусскую речь (но не “украинскую”, в которой так много искусственного и не малорусского), и малорусскую природу, и самое важное – малорусский народ», – это уже профессор Т. Локоть (Локоть Т. Как быть с украинством // Голос Москвы. 1911. 2 декабря. № 277. С. 2).

ники и ругаемся на малороссийском наречии», – писал тот же Савенко¹. Он многократно пытался показать, что *малоросс* может быть современным городским обывателем, истинным буржуа, которых так не хватало в империи. Мультимиллионеры Михаил Иванович Терещенко и Павел Иванович Харитоненко в этом смысле были блестящими образцами типа малоросса-предпринимателя и малоросса-купца². С определенного времени ККРН стал претендовать на лидерство среди русских националистов в масштабе всей империи, ссылаясь среди прочего на свои успехи в ходе избирательных кампаний: «...в то время, как великороссийские губернии даже в Третью думу послали в значительном числе революционеров, Малороссия послала в Таврический Дворец почти сплошь русских националистов, и в то время, как великороссийская Москва и Петербург служат оплотом революции, центр Малороссии – Киев – служит центром всего общерусского патриотического движения»³.

По сравнению с первой половиной XIX в. в русском дискурсе о *малороссе* произошла определенная трансформация: тогда в *малороссе* следовало «заново открыть» русскость, искаженную и подавленную польскими влияниями, а в начале XX в. о польских

¹ Савенко А.И. Заметки // Киевлянин. 1908. 15 мая. № 134. Были и более серьезные претензии: «Националисты великоросского происхождения встревожены украинофильством. И насколько мы здесь преуменьшаем размеры этого движения, настолько великороссы преувеличивают его. Совершенно забывая, что в переживаемые годы тяжелой смуты именно Малороссия послужила оплотом национально-патриотического движения, некоторые политические деятели Великороссии дошли до признания малороссов инородцами, наравне с поляками, финляндцами, грузинами и т.д.: все, мол, это сепаратисты» (Савенко А.И. Заметки. По поводу 100-летия с дня рождения Гоголя // Киевлянин. 1908. 16 ноября. № 320).

² «Оба архимиллионера были чистейшей воды малороссы и оба обладали не только выдающимися, но и замечательно трезвыми русскими умами. [...] Словом, это были выдающиеся чисто русские самородки, чисто русские не только по происхождению, но и по характеру и направлению их деятельности» (см.: Савенко А.И. Заметки // Киевлянин. 1908. 26 апреля. № 115).

³ Савенко А.И. Заметки. По поводу 100-летия с дня рождения Гоголя // Киевлянин. 1908. 16 ноября. № 320. Говоря об установке памятника Гоголю в Киеве, Савенко формулировал специфические задачи малорусского русского национализма, решать которые следовало именно без участия великороссов: «Это должен быть памятник от Малороссии своему земляку – великому русскому патриоту. Отнимите вы это, дайте на памятник хоть один великороссийский рубль, и национально-политическое значение памятника исчезнет. Если малороссийский памятник Гоголю громко и сильно говорил бы миру, что вся Малороссия, так же, как и Гоголь, считает себя нераздельной частью единой России, то общерусский памятник Гоголю будет в этом отношении безмолвен».

вливаниях говорилось уже редко, русскость *малоросса* воспринималась (или представлялась) как естественное состояние. Хотя эту русскость нужно было «защищать» от «отравляющего влияния» украинской пропаганды, но по своему «качеству» *малороссийская* русскость даже претендовала быть более основательной и прочной, чем *великоросская*, податливая на искушения революционных идей и обманчивые голоса из среды меньшинств на окраинах империи.

«Внешний» дискурс – споры о *малороссе* на столичной имперской сцене

По мере того, как правые русские националисты, прежде всего ККРН, усиливали свои позиции в ходе выборов, кадеты вынуждены были искать в Юго-Западном крае союзников против правых именно в среде украинского движения. Сотрудничество носило, главным образом, тактический характер, у сторон были весьма разные взгляды на «украинский вопрос», но, ведомые логикой партийной борьбы, кадеты включали в свои выступления некоторые постулаты украинского лагеря и заступались за украинцев в Думе, когда те подвергались репрессиям со стороны властей. ККРН же неизменно призывал дать правительству «навести порядок», когда то действовало против украинского движения¹. В этих условиях и ККРН, и ТУП пытались по-своему сформировать общественное мнение о *малороссе* и украинском вопросе в столицах империи.

А.И. Савенко ясно формулировал эту задачу уже в 1908 г.:

Нельзя не признать, что в ошибке и тревоге националистов-великороссов повинны и мы, малороссы. Политические и литературные деятели Великороссии много слышали об украинофильстве, которое шумит и шумит. При том же украинофилы имеют наглость говорить от имени всего «украинского народа». Но в Великороссии ничего не слышали о контрукраинофильстве. Едва ли не почин в этом отношении сделал Клуб русских националистов, поставивший одной из главных своих задач борьбу с украинофильством силами самой Украины².

¹ Наиболее показательна в этом плане главная думская дискуссия по «украинскому вопросу», состоявшаяся в феврале 1914 г. в связи с обсуждением протеста кадетов против репрессий МВД в отношении украинских активистов, пытавшихся организовать празднование юбилея Шевченко. От кадетов выступал П.И. Милуков, от правых – А.И. Савенко (Государственная дума. IV созыв. Сессия II. Стенографические отчеты. Ч. 2. СПб., 1914. Стб. 901–915, 927–933).

² Савенко А.И. Заметки. По поводу 100-летия с дня рождения Гоголя // Киевлянин. 1908. 16 ноября. № 320.

Правые представители Юго-Западного края охотно выпускали на трибуну Думы крестьянских депутатов, которые говорили как бы от имени всех крестьян-малороссов. Г.А. Андрейчук, представлявший Подольскую губернию, заявлял: «Всякую украинофильскую пропаганду мы отвергаем, ибо никогда не считали и не считаем себя нерусскими, и с какой бы хитростью не старались услужливые гг. Милюковы вселить в нас сознание розни с великороссами, им это не удастся. Мы, малороссы, как и великороссы, суть люди русские»¹.

Пожалуй, самой действенной пропагандистской акцией киевских малороссов-антиукраинцев стала публикация в Киеве в 1912 г. книги чиновника по особым поручениям, киевского цензора Сергея Никифоровича Щеголева «Украинское движение как современный этап южнорусского сепаратизма»². До революции книга выдержала четыре издания, причем, наряду с первой пространной версией, Щеголев издал еще и краткую, более приспособленную для сугубо пропагандистских целей. Щеголев собрал огромный объем информации (его книга до сих пор остается самым подробным описанием украинского движения того периода) и с помощью многочисленных цитат решительно доказывал сепаратистскую природу украинского движения. Он, между прочим, внес свою лепту в дискуссию о понятиях, разводя термины *украинец* и *мазепинец* и демонстрируя готовность первый из них «легализовать», превратив его в синоним лояльного *малоросса*:

Мы ничего не имели бы против того, чтобы малорусское население называть украинским (называют же его поляки «русинским», а немцы «фругенским»), если бы этот термин имел только этнографическое значение. Так как, однако, термин этот на обыденном языке связан с известным культурно-политическим *credo*, то он может дать повод к недоразумениям и должен осторожно употребляться всяким писателем, не желающим жонглировать словами. Суть дела такова: «мазепинцы», составляя большинство (руссофобское) в украинской партии, относятся к ней, как часть к целому; укра-

¹ Государственная Дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. 1909 г. Сессия третья. Ч. 1. СПб., 1910. Стб. 3081. «Мы – русские, и никто не вправе про нас сказать иначе», – говорил крестьянский депутат от Волынской губернии Матвей Степанович Андрейчук, почти однофамилец полтавского депутата, годом позже (Государственная Дума. III созыв. Сессия IV. Стенографические отчеты. Ч. 1. СПб., 1910. Стб. 1280).

² *Щеголев С.Н.* Украинское движение. Ксгати, само «переименование» книги Щеголева в новом издании книги на «Историю “украинского” сепаратизма» (М., 2004) прямо связано с историей понятий – *южнорусский сепаратизм* у современного читателя скорее вызовет ассоциации с Краснодарским и Ставропольским краем, чем с Украиной.

инцы, как партия, составляют (в Австрии и в России) часть (большую или меньшую) украинского (малорусского) народа. Отождествлять последнее (этнографическое) понятие со словом «мазепинцы» будет, очевидно, уже не простым абсурдом, но абсурдом в квадрате¹.

В том же 1912 г. П.Б. Струве, сильно разгневанный со своими коллегами-кадетами именно из-за украинского вопроса, поскольку занимал в нем позиции, не предполагавшие даже тактического союза с украинским движением², демонстрировал, независимо от Щеголева, ту же тенденцию легализовать и перезагрузить понятие *украинец*, сделав его синонимом *малоросса*: «Я глубоко убежден, что – наряду с общерусской культурой и общерусским языком – культура малорусская или украинская есть культура местная, или областная»³. Здесь можно увидеть один из источников того дуализма уже в понятии *украинец* в самой украинской среде, который столь характерен для XX и XXI в. – в одной трактовке это человек заведомо враждебный России и русским, в другой – близкий России и русским.

Украинский лагерь быстро пришел к мнению о необходимости ответить Щеголеву, чтобы нейтрализовать пропагандистский эффект его книги в столицах империи⁴. В результате Петр Януарьевич Стебницкий и Александр Игнатьевич Лотоцкий, две наиболее влиятельные фигуры в украинских кругах Петербурга, подготовили большую брошюру «Украинский вопрос», анонимно изданную в Петербурге в 1914 г. Этот текст, обращенный к великорусскому читателю, дался авторам нелегко, потому что представлял собой сознательную попытку подогнать под читателя не

¹ Щеголев С.Н. Украинское движение. С. 436.

² При этом Струве критиковал и «реакционеров», которые «вопят о “мазепинстве” и рисуют какие-то фантастические картины австрийско-польско-украинской войны с Россией в целях отторжения от нее Украины» (Струве П.Б. Общерусская культура и украинский партикуляризм. Ответ Украинцу // Русская мысль. 1912. № 1. С. 85).

³ Струве П.Б. Общерусская культура и украинский партикуляризм // Русская Мысль. 1912. № 1. С. 66. Уже в 1915 г., в условиях войны, эта тенденция нашла отражение в языке высших сфер власти, когда телеграмма от 24 августа 1915 г. ряду украинских деятелей в Швейцарии, заявлявших о лояльности России, подписанная министром двора графом Фредериксом, провозгласила: «Sa Majesté m'a donné l'ordre de vous remercier ainsi que le groupe d'Ukrainiens réunis en Suisse pour les sentiments exprimés dans votre télégramme» [АВПРИ. Ф. 135. Оп. 474. Ед. хр. 27. Л. 12 («Его величество приказал мне поблагодарить Вас, а также группу собравшихся в Швейцарии украинцев за чувства, выраженные в Вашей телеграмме»)].

⁴ Чикаленко со Стебницким обсуждали, например, кто бы мог ответить Щеголеву, что «украинство не результат какой-то интриги, а выросло органично, как и всякое возрождение нации» (см.: Чикаленко С. Щоденник. Т. 1. С. 284).

только идейное содержание, но и понятийную систему¹. Именно этим брошюра для нас и интересна в данном контексте.

В этом тексте *малоросс*, *хохол*, *кацап* лишены негативной коннотации, уже вполне характерной для «внутреннего» украинского дискурса². *Малоросс* / *малорусский* неоднократно употребляется там, где во «внутреннем» дискурсе определенно стояло бы *украинец* / *украинский*³. Вместе с тем, Стебницкий и Лотоцкий стараются осторожно, без нажима, отстоять термин *украинский* и перед великорусским читателем:

В украинской литературе со времени возрождения принят этот последний термин (украинский), принятый и народом в его словесном творчестве для обозначения национальной самобытности и единства украинского народа в прошлом и настоящем, поэтому термин «Украина», «украинский» вызывают много пылких и ожесточенных возражений [...] какой-бы термин не избрать для обозначения национальной самобытности украинского племени и даже просто в качестве собирательного его имени – хотя бы Малороссия, Малая Русь и даже Южная Русь, – в действительности рядом с этими названиями стоят, для означения другого русского племени, параллельные им – Великороссия, Великая Русь, Северная Русь, и как только обратиться к раскрытию сущности этих терминов, национальная особенность двух русских народностей обнаруживается с такой определенностью, что не может быть заглушена, и тем более скрыта простым названием⁴.

Стебницкий и Лотоцкий также пытаются переосмыслить понятие *общерусский* язык, рассуждая в том смысле, что вернее было бы говорить об «общероссийском, в государственном смысле, чем общерусском как соединении велико- и малорусских черт»⁵.

«Украинский вопрос» – наиболее полное выражение устойчивой тактики украинских авторов в их обращении «вовне», когда

¹ «Проклятая четырехмесячная писанина, которая выбила меня из нормальной жизни и обоих нас заела до печенок», – писал П. Стебницкий (Євген Чикаленко – Петро Стебницький. Листування. С. 373). Чикаленко утешал друга: «Книжка Ваша даст им чудесный и богатый материал для начинки», имея в виду начинку кадетов украинскими идеями (Там же. С. 384).

² Авторы вполне беззлобно рассуждают о «метком определении в кличках “кацапа” и “хохла”», отразивших различия двух национальных типов (см.: *Стебницький П.Я.* Вибрані твори. С. 293).

³ См.: Там же. С. 290, 297, 303. 308. Нередко Малороссия и Украина идут через запятую, как синонимы (Там же. С. 313). Здесь характерно также употребление Стебницким псевдонимов «малоросс» / «малороссиянин» (*Дей О.* Словник українських псевдонімів та криптонімів. С. 248).

⁴ *Стебницький П.Я.* Вибрані твори. С. 313–314.

⁵ Там же. С. 301.

и тезисы, и понятия вынужденно, или из тактических соображений, приспособлялись к аудитории. Таким образом, понятия *малоросс*, *украинец* и другие, связанные с ними, были не только предметом рефлексии и споров внутри анализируемых нами политических лагерей. Анализу и попыткам манипуляции подвергались понятийные системы оппонентов.

Заключение

Одна из ключевых проблем при исследовании понятия *малоросс* состоит в огромном объеме источникового материала, что свидетельствует о необычайной интенсивности дискуссии и остроте борьбы по поводу этого понятия. Это, прежде всего, было связано с неустойчивым статусом *малоросса* как идентификационного понятия в рамках той группы, к которой понятие прилагалось. Начало 1830-х, начало 1860-х, середина 1870-х и первые декады XX в. можно выделить как моменты особой интенсификации дискуссий вокруг *малоросса*, причем начало 1860-х годов и период после революций XX в. следует считать переломными, когда понятие *малоросс* и его соотношение с понятием *украинец* и *русский* претерпели наиболее глубокие изменения. Главные импульсы в трансформации понятия *малоросс* исходили не из центра империи, но из периферии, из Киева.

Как видно из проведенного исследования, содержание понятия *малоросс* оказывалось определяющим для содержания и взаимоотношения целого ряда других ключевых понятий, связанных с идентификацией, – *русский*, *великоросс*, *общерусский*. Последнее слово вообще теряло смысл, если понятие *малоросс* уступало место понятию *украинец*. Поэтому естественно, что *общерусский* постепенно исчезает в XX в. Понятия *русский* и *великорус* / *великорусский* стали почти синонимами в русском языке лишь во второй половине XX в., также в связи с выпадением *малоросса*. Однако путь к этой новой, привычной для нас сегодня ситуации стал результатом целого ряда сложных взаимодействий и изменений, главным образом в первой половине XX в., в том числе во время Первой мировой войны и в межвоенный период. Впрочем, эти сюжеты нам придется рассмотреть в другой статье.

Неуловимый малоросс: историческая справка¹

Понятие *малоросс* (*малорус*) – этно- и соционим с долгой историей и весьма драматичной судьбой. Этот идентификатор, бывший и самоназванием, и «внешним» определителем, в некий момент истории оказался оружием ожесточенной борьбы в сложных структурах взаимодействия с большим числом акторов. Поэтому *малоросс* и производные от него понятия функционировали в нескольких взаимосвязанных, но существенно различавшихся контекстах. С определенного времени для части самой группы, идентифицировавшей себя как *малороссов*, понятие *малоросс* стало заменяться понятием *украинец*. Это, в свою очередь, вызывало сопротивление, порой весьма ожесточенное, как среди тех, для кого малоросс оставался легитимным понятием самоидентификации, так и со стороны официальных властей империи и русского общественного мнения. Особенность русского дискурса о малороссе состояла в том, что сами понятия *великоросс*, *русский*, *общерусский* приобретали тот или иной смысл в зависимости от интерпретации понятия *малоросс*. В XVIII–XX вв. понятие малоросс пережило несколько кардинальных трансформаций, становилось не только оспариваемым, но и прямо «боевым», чрезвычайно нагруженным политически.

¹ Данный материал представляет собой извлечение из статьи «Малоросс» в книге: «Понятия о России». К исторической семантике имперского периода. Т. 2. С. 392–443. Краткий вариант статьи – ««Малоросс»: эволюция понятия до Первой мировой войны» – также опубликован в журнале «Новое литературное обозрение» 2011. № 2(108). Авторы: А.Л. Котенко, О.В. Мартынюк, А.И. Миллер.

Рождение и взросление малоросса

Неологизм из греческого, *Малая Россия*, появился на свет в XIV в. и сначала обозначал польскую часть Киевской митрополии, а после 1648 г. – территорию казацкой Гетманщины. Он особенно вошел в оборот во второй половине XVI в., но поначалу использовался местным духовенством исключительно во время контактов с Москвией.

В 1674 г. был опубликован подготовленный в среде киевского духовенства «Синописис», который пытался связать Киев и Москву с помощью религии и династии, вместе с тем представив население Мало- и Великороссии как единое целое, назвав его общим *славеноросским христианским народом* (касательно киевских времен), или православнороссийским народом (во времена Алексея Михайловича). Однако эта идея во второй половине XVII в. оставалась лишь одним из целого ряда вариантов оценки связи Малороссии с Великороссией и их «народов». В изданном в начале XVII в. «Лексиконе треязычном» Федора Поликарпова не было отдельных статей о *малороссах* или *украинцах*, но в некоторых местах автор словаря указывал на отличность последних от *московитов*.

Своеобразный *Sattelzeit* в понимании *малоросса* / *Малороссии* наступил, вероятно, в начале XVIII в. После Полтавской битвы выходец из Киева Феофан Прокопович предложил заменить *Украину* / *Малороссию* в качестве «малороссийского отечества» и объекта первостепенной лояльности «малороссийского народа» на Россию. В его текстах под Полтавой сражаются уже не *мало-* или *великороссияне*, но *российское воинство*, *россияне*. Имперская Россия оказалась поднята на уровень нового отечества, опустив Малороссию на уровень локальной родины, или просто места рождения. Концепция Прокоповича прижилась, разумеется, не сразу, да и не до конца.

Но в целом можно сказать, что понятие *малоросс* появляется в русском языке под влиянием из Киева на рубеже XVII–XVIII вв. В русский язык постепенно входят *малороссияне* / *малороссийцы* / *малороссиянцы* / *малороссы* в географическом (не этническом!) значении жителей, уроженцев *Украины* / *Малороссии*. Уничжижительным вариантом понятия было *малороссийчик*. В XIX в. малоросс входит как понятие, обозначающее население Малороссии левого берега Днепра, соединенное с великороссами общим сувереном и религией, но ни в коем случае не этнически или же исторически.

В имперской культуре 1790–1850-х гг. местный (*малорусский*) патриотизм и культурная лояльность империи не восприни-

мались антагонистически. В первой трети XIX в. умы образованной публики занимали преимущественно вопросы армии и государства, а не этносов, его населяющих. Она проявляла интерес к *Малороссии / малороссам* только как к частному примеру более общих проблем. Кроме того, благодаря романтическому «открытию» Малороссии во многих «сентиментальных травелогах» путешественников из Великороссии, до 1830 г. в русских взглядах на южные территории складывается устойчивый шаблон: для представителей образованного общества это был преимущественно «туземный» любопытный руссоистский мир (Юг, «наша Италия», Швейцария или Шотландия), населенный патриотическими, добродетельными и просвещенными дворянами, а также изобретательным и добродетельным крестьянством. О «войнах исторической памяти» и речи не было.

Тогда же появляются и публикации, которые, следуя идеям предыдущего поколения о том, что *малороссы* – «наши», подчеркивали в то же время, что они – «не мы»; что хотя «доньне Малороссияне только исповедуют Греческую веру, говорят особенным диалектом Русского языка, и принадлежат к политическому составу России, но по народности вовсе не русские». Наиболее радикальной попыткой изменить значение понятия *малоросс* в первой трети XIX в. была «Русская правда» Павла Ивановича Пестеля, предполагавшая в рамках задачи по превращению империи в «единую и неделимую» нацию полную ассимиляцию малорусов и белорусов. Власти империи, разумеется, были более осторожны в своей политике, но отчасти идеи Пестеля в отношении малорусов и белорусов разделяли.

После 1830 г., частично под влиянием польского восстания, но главным образом из-за идей *народности* появляется большое количество статей о русской истории и этнографии, а особенно (и здесь польский импульс был весьма важен) – об *украинцах / малороссах*, тексты (о) которых становятся своего рода аргументами против поляков.

Проблематизация малоросса

В 1840-е годы началось переосмысление понятия малоросс со стороны зарождающегося украинского националистического движения. Провозглашая идею создания независимого украинского государства в составе славянской федерации, члены Кирилло-Мефодиевского общества, раскрытого в Киеве в 1847 г., выдвигали

две трактовки понятия *украинец*. Николай Костомаров в духе элитарного старшинского патриотизма делал акцент на свободу и социальное равенство, которые считал главными ценностями украинца. Другой участник общества, Пантелеймон Кулиш, больше значения придавал «крови», то есть этничности.

Раскрытие Кирилло-Мефодиевского общества вывело проблематизацию понятий *малоросс* и *Малороссия* в русской мысли на новый уровень. Виссарион Белинский уже в середине 1840-х годов говорил о слиянии Малороссии с Россией и исчезновении «малороссийского языка». Другие авторы уже отмечали определенную политизацию самого «малороссийского» дискурса. Славянофилы же отчетливо следовали традиции видеть в *малороссах* / *украинцах* отдельный народ. Похоже, что в это же время именно в связи с делом Кирилло-Мефодиевского общества впервые появляется и термин *украинофильство*, скроенный по образцу уже ставшего к тому времени привычным *славянофильства*.

Чуть позже между историками началась дискуссия вокруг наследия Киевской Руси, а в недрах имперской бюрократии – обсуждение отношения к *малорусскости*. На всех уровнях имперской власти от министра до рядового цензора «малороссийское особничество» рассматривалось прежде всего как проявление традиционалистского регионального патриотизма, как своеобразный пережиток старины, вызывавший недоверие и осторожное отторжение.

К середине XIX в. в дискуссии *Малороссия* впервые прозвучала не как локальная «родина», а уже как «отечество» *малороссов* как отдельного народа, обсуждалась правильность написания – Украина или Украинна, а в текстах *малороссийское* вытеснялось *украинским*. Так началось складывание националистического понятия *украинец*.

Новые тенденции сразу же встретили протест в малорусской среде, а в 1861–1862 гг. произошла резкая эскалация враждебности к украинофильству и в русском общественном мнении. Аналогии с западноевропейским опытом ассимиляторской политики национального строительства, призванные подтвердить вредность и бесперспективность украинофильства, становятся общим местом. В целом в начале 1860-х годов *малоросс* становится в дискурсе русской прессы обозначением человека, более или менее лояльного общерусской идее, а *украинофил* обозначает нечто по меньшей мере подозрительное или однозначно враждебное и нередко сопровождается понятием *сепаратист*.

В среде бюрократии в начале 1860-х годов безусловно доминируют понятия *малоросс* и *Малороссия*, причем и здесь за ними уже очевидно скрывается проблема. В 1860 г. петербургский цензор В.Н. Бекетов, не найдя в очередной книге Кулиша «ничего предосудительного, кроме некоторых слов, намекающих на стеснительное положение Малороссии при завладении ею русскими», тем не менее усомнился, «может ли вообще быть допущена история Малороссии, в чем как бы высказывается самостоятельность этого края». Традиционный мотив постепенно стирающихся различий между *малороссами* и *великороссами* сочетается с новыми темами – угрозой реанимации этих различий и параллелью с державами, десятилетиями проводившими политику строительства современных наций. Вскоре, после 1866 и 1870 г., к ряду этих параллелей добавится и Германия.

В отношении к терминам *язык* и *наречие* применительно к украинскому / малорусскому языку еще некоторое время сохранялся разнобой, хотя идея о том, что следует настаивать на малорусском наречии русского языка, уже широко распространена.

С 1860-х годов начинается массовое использование разными авторами псевдонима «Украинец», и к концу 1860-х – началу 1870-х годов для наиболее националистически настроенных из них этот вопрос приобретает первоочередное значение. В то время как украинцы стремились «со шкурой сдереть с себя» *малоросса*, малороссы ополчались против *Украины* и *украинца*. При этом, настаивая на русском, киевские противники украинцев не собирались отказываться от *малоруса* и *хохла*. Главный орган *малороссов*, газета «Киевлянин», в очерке из Воронежской губернии, где рядом жили велико- и малорусские крестьяне, с умилением рассказывала о «соединении малорусской опрятности и некоторого чувства изящества с великорусской энергией и предприимчивостью» как о символическом воплощении общерусского единства. «Киевлянин» боролся за право «собственности» на Шевченко, Костомарова, Максимовича с украинофилами.

Либеральные публицисты в Петербурге старались найти какой-то средний путь между этими взаимоисключающими точками зрения, боровшимися в Киеве. В дискуссии возникает термин «раса», понятие украинца начинает антропологизироваться, и на первое место кроме языка выходит именно расовый признак.

Украинец против малоросса

Баталии по поводу статуса малорусского языка /наречия не утихали в течение всей второй половины XIX и начала XX в. Часто в контексте этих споров использовалось понятие *общерусский* язык. Новый импульс дискуссии получили после признания украинского самостоятельным языком в 1904 г. Это несколько убавило категоричности в высказываниях противников украинского движения, но отнюдь не прекратило полемику. «Понятийная война» захватила и Галицию. Обилие версий национальных самоназваний стало результатом борьбы сторонников разных концепций национального самоопределения, обострившейся в среде галицийских *русинов* во второй половине XIX – начале XX в. Для представителей всех направлений главным самоназванием вплоть до Первой мировой войны оставался традиционный этноним *Русь*, но интерпретировали его по-разному. За малозаметными различиями в написании прилагательного *русский – русский – русский* стояли существенные расхождения галицийских «старорусинов», «русифилов» и «украинофилов».

Контакты как с украинофильскими, так и с панславистскими деятелями из Российской империи, заметно усилившиеся в 60-е годы XIX в., привели к тому, что термины *Малая Русь*, *малорусский*, *малороссийский* стали самоидентификаторами в публичном дискурсе. Уже во второй половине 1860-х годов ряд видных деятелей галицко-русского движения, не меняя *малорусской* самоидентификации, стали подчеркивать культурное единство «со всем русским миром». Украинофилы сначала повсеместно использовали термин *малоруський народ*, уравнивая понятия *Русь* и *Малая Русь*, а затем и *Украина (Русь – Украина)*. Но уже в начале XX в. *Малороссия* и *малороссийский* (наряду с *русский*) утвердились как национальные самоназвания русофилов («москвофилов») и стали неприемлемыми для их оппонентов – украинофилов-народовцев. Русофилы подвергли эту тенденцию критике с теми же аргументами, что использовались противниками украинцев в России. Можно проследить и примеры влияния галицийских сочинений на русский дискурс.

Уже в конце XIX в. украинские деятели отказываются от терминов *малоросс* и *украинофил*. Кодифицированную форму украинский национализм приобрел в «Словаре украинского языка» Б.Д. Гринченко (1907–1909): в нем ожидаемо отсутствовали *мало-*

росс и *хохол*, а среди «украинских» статей было также «украинство: свойство и деятельность украинца в национальном смысле». Консолидация результатов этого нового этапа «борьбы за понятия» происходит после революции 1905 г., в принципиально новых условиях.

Возникла легальная политическая конкуренция, связанная с выборами городских дум и Государственной думы. Резкое ослабление цензурного пресса позволило легально выходить украинским изданиям, которые включились в полемику с русскими. Среди первых особая роль принадлежала ежедневной газете «Рада». Главным оппонентом «Рады» был «Киевлянин», продолжавший антиукраинскую линию 1870-х годов и ставший главным органом созданного усилиями Анатолия Савенко и Дмитрия Пихно под патронатом Петра Столыпина Киевского клуба русских националистов (далее: ККРН). Примерно в это же время в Киеве создается и Общество украинских прогрессистов (*Товариство українських поступовців*, далее: ТУП). Эти организации олицетворяли два лагеря, непримиримых в своем отношении к украинству.

Особенность киевской ситуации состояла в том, что украинские активисты и малороссы-антиукраинцы из ККРН обращались к одному и тому же местному читателю, то есть к тому политически еще не определившемуся *малороссу*, *хохлу*, которого одни хотели сделать украинским националистом, а другие – националистом русским. Прежняя борьба за интерпретацию понятия *малоросс* дополнилась борьбой за умы и сердца реальных людей.

Следуя логике этой борьбы, оба лагеря, состоявшие из выходцев из одной среды и часто хорошо знакомых друг с другом, старались представить друг друга в самом черном цвете. ККРН в дискурсе «Рады» – черносотенцы, реакционеры и предатели собственной нации. В дискурсе КРНН круг «Рады» и ТУП – мазепинцы, отщепенцы, раскольники, сепаратисты, русофобы, агенты внешних сил, причем теперь не только и даже не столько поляков, сколько Австрии и Германии. Если для «Рады» малороссы-антиукраинцы все сплошь были реакционеры, то «Киевлянин» всех украинцев-националистов представлял космополитами, социалистами и беспринципными революционерами.

Но ситуация кардинально менялась, когда обе стороны начинали говорить о малороссе неполитизированном. Для украинцев такие люди были прежде всего жертвами русификации и «несознательными украинцами», теми, кого надо было спасти для украинской нации. Великоросская же культура для украинских националистов была бедной и грубой. Они часто намекали на пристрастие

великороссов к спиртным напиткам, бешеным пляскам и грубому обращению с близкими. В этом смысле украинский дискурс разделял западное видение русских как полудикого азиатского народа, неспособного к европейскому образу жизни. Центральные российские губернии подобно метрополии выкачивали из Малороссии средства, не возвращая их в форме развития школьного образования и развития инфраструктуры. Таким образом, *великоросс* – колонизатор, пренебрегающий потребностями порабощенного народа. В политическом плане восточный тип *великороссов* представлялся патриархально-реакционным, причем это касалось не только монархистов, но и кадетов – союзников украинских националистов. Стремление некоторых малороссов к подражанию великорусской культуре как непременно высшей в ущерб развитию собственной понималось как заблуждение или результат подавления и травмы от насильственной русификации.

Для киевских русских националистов *малоросс* «звучит гордо». Они, продолжая линию «Киевлянина» 1860–1870-х годов, соревновались с украинскими националистами за культурное наследие Малороссии, стараясь утвердить *малороссийскую* принадлежность многих ключевых фигур, включая Шевченко, на которых претендовал и украинский пантеон. «Сепаратистические» нотки у Шевченко, по их мнению, появились только под воздействием вредных влияний полонофильского кружка Кирилло-Мефодиевского братства.

При этом деятели клуба русских националистов уже не принимали безоговорочно привычных стереотипов образа *малоросса* как веселого, добродушного обитателя Юга, любящего вкусно поесть и спеть красивую песню. Они не раз жаловались на *великороссов* за упрощенное понимание ситуации в Юго-Западном крае, пытаясь показать, что *малоросс* может быть современным городским обывателем, истинным буржуа, которых так не хватало в империи. Мультимиллионеры Михаил Терещенко и Павел Харитоненко в этом смысле были блестящими образцами типа малоросса-предпринимателя и малоросса-купца. Со временем ККРН стал претендовать и на лидерство среди русских националистов в масштабе всей империи, ссылаясь, среди прочего, на свои успехи в ходе избирательных кампаний.

Если в первой половине XIX в. в *малороссе* «заново открывали» русскость, искаженную и подавленную польскими влияниями, то в начале XX в. о польских влияниях почти забыли, русскость *малоросса* воспринималась (или представлялась) как естественная. Ее теперь нужно было «защищать» от «отравляющего влияния»

украинской пропаганды, но по своему качеству *малороссийская* русскость даже претендовала быть более основательной и прочной, чем *великорусская*, податливая на искушения революционных идей и обманчивые голоса из среды окраинных меньшинств.

Столичный взгляд на малоросса

По мере того как правые русские националисты, прежде всего ККРН, усиливали позиции в ходе выборов, кадеты вынуждены были искать в Юго-Западном крае союзников против правых именно в среде украинского движения. Сотрудничество носило главным образом тактический характер, у сторон были весьма разные взгляды на «украинский вопрос», но, ведомые логикой партийной борьбы, кадеты включали в свои выступления некоторые постулаты украинского лагеря и заступались за украинцев в Думе, когда те подвергались репрессиям со стороны властей. ККРН же неизменно призывал дать правительству «навести порядок», когда это действовало против украинского движения. В этих условиях и ККРН, и ТУП пытались по-своему сформировать общественное мнение о *малороссе* и украинском вопросе в столицах империи.

Правые представители Юго-Западного края охотно выпускали на трибуну Думы крестьянских депутатов, выступавших от имени всех крестьян-малороссов. А самой действенной пропагандистской акцией киевских малороссов-антиукраинцев стала публикация в Киеве в 1912 г. книги чиновника по особым поручениям, киевского цензора Сергея Щеголева «Украинское движение как современный этап южнорусского сепаратизма». До революции книга выдержала четыре издания, причем, наряду с первой пространной версией, Щеголев издал еще и краткую, более приспособленную для сугубо пропагандистских целей. Он собрал огромный объем информации (его книга до сих пор остается самым подробным описанием украинского движения того периода) и с помощью многочисленных цитат решительно доказывал сепаратистскую природу украинского движения. Он, между прочим, внес свою лепту в дискуссию о понятиях, разводя термины *украинец* и *мазепинец* и демонстрируя готовность первый из них «легализовать», превратив его в синоним лояльного *малоросса*.

В том же 1912 г. Петр Струве, сильно разругавшийся со своими коллегами-кадетами именно из-за украинского вопроса, поскольку занимал в нем позиции, не предполагавшие даже тактического союза с украинским движением, демонстрировал, незави-

симо от Щеголева, ту же тенденцию легализовать и перезагрузить понятие *украинец*, сделав его синонимом *малоросса*. Здесь можно увидеть один из источников того дуализма уже в понятии украинец в самой украинской среде, который столь характерен для XX и XXI в. – в одной трактовке это человек заведомо враждебный России и русским, в другой – близкий.

Украинский лагерь быстро пришел к мнению о необходимости ответить Щеголеву, чтобы нейтрализовать пропагандистский эффект его книги в столицах империи. Петр Стебницкий и Александр Лотоцкий, две наиболее влиятельные фигуры в украинских кругах Петербурга, подготовили большую брошюру «Украинский вопрос», анонимно изданную в Петербурге в 1914 г. Этот текст, обращенный к великорусскому читателю, представлял собой сознательную попытку подогнать под читателя не только идейное содержание, но и понятийную систему. В нем *малоросс*, *хохол*, *кацап* лишены негативной коннотации, уже вполне характерной для «внутреннего» украинского дискурса. *Малоросс / малорусский* неоднократно употребляется там, где во «внутреннем» дискурсе определено стояло бы *украинец / украинский*. Вместе с тем Стебницкий и Лотоцкий стараются осторожно, без нажима, отстоять термин *украинский* и перед великорусским читателем, пытаются переосмыслить понятие *общерусский* язык, рассуждая в том смысле, что вернее было бы говорить об «общероссийском, в государственном смысле, чем общерусском как соединении велико- и малорусских черт».

«Украинский вопрос» – наиболее полное выражение устойчивой тактики украинских авторов в их обращении «вовне», когда и тезисы, и понятия вынужденно или из тактических соображений приспособлялись к аудитории.

Таким образом, понятия *малоросс*, *украинец* и другие, связанные с ними, были не только предметом рефлексии и споров внутри разных политических лагерей. Анализу и попыткам манипуляции подвергались понятийные системы оппонентов.

Вместо послесловия: долгая смерть малоросса

После революции 1917 г. и Гражданской войны идея общерусской нации, объединяющей *великороссов*, *малороссов* и *белорусов*, была вынуждена эмигрировать из Советской России вместе с ее носителями. Одними из главных ее хранителей были те, кто отстаивал свою *малорусскую* идентичность. Студенты, создавшие в Праге в 1925 г. «Общество единства русской культуры», писали:

«Мы – малороссы и белорусы, не отказываемся от наших народных особенностей, знакомых и любимых нами с детства, от языка родного края, от песен своего народа. Нам дороги его нравы и обычаи, весь его бытовой уклад. Но мы не забываем, что все мы – украинцы, кубанцы, галичане, белорусы (здесь *украинцы* – одно из региональных названий. – А.М.), все, без различия политических убеждений, в то же время и русские, наравне с великороссами. Как баварцы и саксонцы – немцы наравне с пруссаками, провансальцы и гасконцы – французы наравне с бретонцами, тосканцы и сицилийцы – итальянцы наравне с ломбардцами. Для нас ясно, что великая Россия не равнозначна Великороссии. Над созданием общего отечества русских малороссы и белорусы трудились не менее великороссов...»

Помимо таких безыскусных суждений были и попытки заново осмыслить эту ситуацию с осознанием ее сложности, изменений, произошедших в годы войн и революций. Вот, например, Василий Шульгин в 1922 г. в книге «Нечто фантастическое» призывает сосредоточиться на «прочном устройстве русского племени». И племя это у него включает «южнорусский народ, который сначала поляки, а потом немцы называли украинцами». Он рассуждает так: «Все окраины вместо федерации пожаловать широкой автономией. В то время, как в России будут областные автономии – Петроградская, Московская, Киевская, Харьковская, Одесская, здесь будут области: Литовская, Латышская, Грузинская. Там будет, например, Киевская областная Дума, а здесь – Литовский Сейм... В Харьковской областной Думе председатель обязательно должен говорить по-русски, а остальные – кто во что горазд, хоть по-украински. А здесь, например, в Латвии председатель – обязательно по-латышски, а остальные, если хотят – хоть по-русски». Это, конечно, сознательное фраппирование, но и попытка подсказать тем в России, кто как раз в 1922 г. занят проектированием СССР. Но были и такие серьезные люди, как, например, Николай Трубецкой, который уже позже, в 1927 г., рассуждает о том, что «краевая и племенная дифференциация русской культуры не должна доходить до самого верха культурного здания, до ценностей высшего порядка, в то время как на нижнем этаже племенные и краевые перегородки должны быть сильно развиты и отчетливо выражены». С такой программой он пытается обратиться к украинской части постреволюционной эмиграции и говорит о том, что «сама правомерность создания особой украинской культуры, не совпадающей с великорусской, уже не подлежит отрицанию, а правильное развитие на-

ционального самосознания укажет будущим творцам этой культуры как ее естественные пределы, так и ее истинную сущность и истинную задачу: быть особой украинской индивидуацией общерусской культуры». Трубецкому отвечал Дмитрий Дорошенко, но готовности принять аргументы знаменитого лингвиста он не продемонстрировал.

В 1929 г. русские эмигранты в Праге создают издательство с символическим названием «Единство». Они издают целую серию брошюр, задача которых – объяснить историческую противоположность украинства как отдельной национальной идеи. Профессора Лаппо, Волконский, Мякотин публикуют свои исторические и филологические рассуждения на эту тему. Особняком среди этих брошюр стоит брошюра Петра Бицилли – очень глубокого мыслителя, который преподавал не в Праге, а в Софийском университете. Он говорил следующее: «Аргумент исторический я оставляю не имеющим никакой силы. А аргумент филологический считаю основным на недоразумении (это к вопросу о том, возможна ли отдельная украинская нация. – А.М.). Украинская нация существует «виртуально», существует «в потенции», в возможности. Я далек от того, чтобы считать это утверждение несерьезным. Напротив, в нем много правды. Расовое, культурное, языковое, историческое сродство – суть условия близости, а не доказательства ее. Близость одного народа другому – факт психологический. Она либо переживается, либо ее нет». И дальше Бицилли говорит, что «украинскую нацию создать можно. В этом украинизаторы вполне правы».

Заметим, что все эти рассуждения сделаны в 1930 г. До конструктивистских теорий нации, до Геллнера, Андерсона остается больше 50 лет. То есть Бицилли здесь пионер не только в плане политического понимания ситуации, но и в плане методологическом, научном. И можно даже сказать, что, вполне вероятно, Андерсон и Геллнер были знакомы с этими рассуждениями Бицилли, потому что он опубликовал их по-английски в статье в начале 1930-х годов, в чикагском журнале *The Modern History*.

В Советской же России понятие малоросс тотально делегитимируется. Оно вообще исключается из политического языка. В переписи населения 1926 г. категории «малоросс» нет. Есть инструкция переписчикам, что если человек себя определяет как малоросс, ему нужно объяснить, почему этим словом далее пользоваться не нужно и почему правильно говорить «украинец». И в принципе маркер «малоросс» нагружается – это очень характерно для последующего развития украинского сознания – негативным содержанием, что «малоросс» – обидное прозвище, наследие

русификации и колониализма. Это слово становится очень «токсичным». В конце 1920-х – начале 1930-х годов разворачивается конфликт между Лазарем Кагановичем и комиссаром-украинизатором Александром Шумским, который, критикуя партийное руководство в том, что оно недостаточно быстро, решительно и агрессивно проводит украинизацию, как-то обозвал своих оппонентов из числа украинцев малороссами. И это стоило ему, скорее всего, жизни (он был сослан, а впоследствии убит), потому что до того, как это произошло, готовился план перевести его на какую-то хозяйственную работу неидеологического характера в центр. Убрать с Украины, чего он и сам хотел как единственного способа выйти из уже проигранного противостояния. Его надежда сохраниться в партийной номенклатуре была убита использованием понятия «малоросс» в отношении своих партийных коллег, потому что он этим «выдал свою агрессивную националистическую сущность».

В этом смысле очень любопытно письмо двух школьных учителей из Черновицкой области, жаловавшихся Сталину на украинизацию школы сразу после войны. Эти люди, попавшие в СССР только в 1940 г., когда была аннексирована у Румынии Буковина, вскоре снова выпали из советской жизни, когда Румыния заново взяла Буковину в 1941-м. У них не было времени вполне усвоить советский подход к украинскому вопросу, и они излагают в письме ту дореволюционную концепцию триединой русской нации, которая включала в ее рамки не только великорусов, но также белорусов и малорусов, и протестуют против украинизации, которую в 1940 г. не успели начать, зато в 1947 г. проводили весьма энергично. Эти лояльные советские граждане пишут Сталину: «Родственные племена, народы объединялись в одну нацию, в один народ, а эта тенденция отделения украинцев от русских и вообще разъединение русской нации на великорусов, белорусов и украинцев (малороссов) как на отдельные народы, это пагубный путь регресса, и если мы пойдем по этому пути назад, то и украинцев можно делить на еще более древние племена: на полян, древлян, дреговичей, радимичей и т.д., а ведь ни одно государство не раздробляет свой народ, свою нацию на племена глубокой седины, и наша задача – тоже объединить, сцементировать в единое, целое, монолитное государство все близкие, родственные русские племена».

Никто, кто жил в Союзе в 20-е – 30-е годы, такого письма написать бы не мог – ну только если бы он находился в коме все это время. Письмо показывает, что у людей, которые не подвергались советской идеологической обработке, идея общерусской нации ока-

зывалась очень живучей. Это письмо последних «общеруссов», если можно так выразиться.

И таким образом, отношение к понятию «малоросс» долгое время оставалось в СССР предметом очень жесткого идеологического регулирования. И когда во время Майдана понятие «малоросс» использовалось как презрительное обозначение таких украинцев, которые, с точки зрения майданной стороны, неизлечимо зомбированы советской и российской пропагандой, в этом нетрудно увидеть сарказм истории.

Александр Воронович исследовал политику памяти в непризнанных республиках (Донбассе, Приднестровье) и показал, что они не формируют отдельный национальный нарратив и в то же время не реанимируют общерусскость, не возрождают «малоросса» как вариант идентичности. Они скорее акцентируют интернациональность. Это позволяет уверенно утверждать, что понятие «малоросс» как выражение определенной идентификации отошло в прошлое.

Концепт *малоросса* позволял сохранять множественную лояльность, множественную идентичность. Понятие «малоросс» как вариант самоидентификации сегодня уже умерло, но умирало оно долго и мучительно – не само по себе. Его вытравливали.

Соперничество русского и украинского национализма накануне и во время Первой мировой войны: история и политика памяти

Западные окраины Российской империи служили лабораторией для целого ряда национальных проектов в течение XIX и начала XX в. Именно здесь империи был брошен самый первый и самый мощный вызов – со стороны польского национализма. Именно здесь империя начала использовать националистические инструменты в своей собственной политике, пусть и бессистемно¹. Для оценки влияния Первой мировой войны на развитие различных национальных проектов на западных окраинах империи чрезвычайно важно иметь ясное понимание сложившихся в канун войны обстоятельств, что сопряжено с серьезными трудностями, поскольку многие аспекты предвоенной ситуации в этом регионе остаются малоизученными. В историографии существует тенденция преувеличивать силу националистических движений в имперском приграничье.

До 1905 г. украинский, литовский и белорусский национальные проекты в своих целях и методах оставались почти исключительно движениями в сфере культуры. В преддверии Манифеста 17 октября 1905 г. ряд политических партий требовал национальной автономии и даже неофициально поддерживал идеалы федерации. Кандидаты от части этих партий были избраны в Первую и Вторую Государственные думы². Тем не менее всплеск активности

¹ *Miller A.I. The Romanov Empire and the Russian Nation // Nationalizing Empires / ed. by S. Berger, A. Miller. Budapest : CEU Press, 2014. P. 309–368.*

² *Западные окраины Российской империи / под ред. М.Д. Долбилова и А.И. Миллера. М.: Новое литературное обозрение, 2006. 608 с.*

националистических партий, наблюдавшийся с 1905 по 1907 г., постепенно ослабевал, частично из-за усиления административного давления и неспособности мобилизовать поддержку масс¹.

Польское влияние на западных территориях сократилось в результате антипольских правительственных мер после январского восстания 1863 г., но было все еще весьма значительным, хотя польским активистам не удалось установить долгосрочное сотрудничество с украинским, белорусским и литовским национальными движениями. После 1907 г. русский национализм активнее всего развивался в Юго-Западном крае. Идея общерусской нации позволила привлечь к движению много малороссов. Поляки, евреи и сторонники украинского национализма, которых в русских националистических кругах Малороссии звали «мазепинцами», в зависимости от обстоятельств становились основным врагом на юго-западных территориях². Главная борьба за идентичность в этом регионе шла между русскими националистами (малороссами) и украинцами, которые поддерживали идею отдельной украинской нации³.

Правительственные органы активно поддерживали русских националистов, особенно во время премьерства Петра Столыпина, когда количество националистических организаций неуклонно возрастало. Число членов Союза русского народа на Волыни накануне войны намного превышало 100 000, главным образом из-за влияния православного духовенства на крестьян. Крупные русские националистические организации, объединявшие высшие сословия, процветали в Киеве и Одессе. Киевский клуб русских националистов (ККРН), созданный в 1908 г. под патронажем Столыпина, к 1910 г. был уже весьма влиятельным, и его члены выигрывали выборы в Городскую и Государственную думу. Вскоре ККРН стал претендовать на общее лидерство среди русских националистических организаций в империи, ссылаясь, среди прочего, на свои

¹ *Guthier S.L.* Ukrainian Cities during the Revolution and the Interwar Era // *Rethinking Ukrainian History* / ed. by I.L. Rudnytsky, J.-P. Himka. Edmonton: Canadian Inst. of Ukrainian Studies, Univ. of Alberta, 1981. P. 156–179.

² См. опубликованное собрание антиукраинских текстов этого периода: Украинский сепаратизм в России: идеология национального раскола / ред. М.Б. Смолин. М.: Москва, 1998. 431 с.

³ *Кантелер А.* Мазепинцы, малороссы, хохлы: украинцы в этнической иерархии Российской империи // *Россия – Украина: история взаимоотношений*. М.: Языки русской культуры, 1997. С. 125–144; *Котенко А.Л., Мартынюк О.В., Миллер А.И.* «Малоросс» // «Понятия о России»: к исторической семантике имперского периода : в 2 т. М. : Новое литературное обозрение, 2012. Т. 2. С. 392–443.

успехи в избирательных кампаниях. Лидер организации А. Савенко еще в 1908 г. писал: «В то время как великорусские губернии отправили даже и в Третью думу значительное число революционеров, Малороссия посылала в Таврический дворец почти исключительно русских националистов. В то время как великорусские Москва и Санкт-Петербург являются рассадниками революции, центр Малороссии Киев – это центр русского патриотического движения»¹.

Такая точка зрения считалась вполне оправданной накануне войны. На памятнике Столыпину в Киеве, открытом в 1913 г. перед оперным театром, где он был убит в 1911 г., были выгравированы слова премьер-министра: «Твердо верю, что затеплившийся на Западе России свет русской национальной идеи не погаснет и вскоре озарит всю Россию». В сочетании с жестким административным давлением, осуществляемым правительством, и изменением избирательного законодательства сильное присутствие русских националистов в этом регионе привело к резкому сокращению националистов нерусского толка в Думе².

В течение всего послереволюционного периода, и особенно после 1907 г., конституционным демократам пришлось добиваться поддержки от окраинных националистов в приграничье в их борьбе против русского правого национализма. Одним из аспектов этой тактики была поддержка реорганизации империи по принципу национальной автономии, хотя альянс кадетов и националистов на приграничных территориях не имел идеологической базы. Стороны не могли найти общий язык по вопросу об автономии, а идеи федеративного устройства кадеты поддерживать отказывались.

Тактика, используемая кадетами в Думе, – держать под контролем угрозу радикализации националистических движений на окраинах империи, идя на умеренные уступки – сталкивалась с неослабевающей оппозицией справа. Придерживаясь такой тактики,

¹ Савенко А.И. Заметки: по поводу 100-летия со дня рождения Гоголя // Киевлянин. 1908. № 320. С. 2.

² История русского правого национализма остается недостаточно изученной, несмотря на несколько недавно опубликованных важных работ (Кириянов Ю.И. Правые партии России, 1911–1917. М.: РОССПЭН, 2001. 446 с.; Степанов С.А. Черная сотня в России: 1905–1914 гг. М.: ЭКСМО; Яуза, 2005. 544 с.; Черная сотня: историческая энциклопедия 1900–1917 / сост. А.Д. Степанов, А.А. Иванов; отв. ред. О.А. Платонов. М.: Ин-т рус. цивилизации, 2008. 640 с.). Особенно это касается истории русского правого национализма на западных окраинах империи и его влияния на массы.

во время обсуждения украинского вопроса в феврале 1914 г. глава кадетов Павел Миллюков призвал: «Бойтесь Донцова! Если вы будете продолжать вашу политику, Донцовы будут исчисляться не единицами и не десятками, а сотнями, тысячами и миллионами»¹. Предводитель ККРН Анатолий Савенко, который был главным правым противником Миллюкова в этих дебатах, предупредил, что украинское движение представляет «большую и реальную опасность для единства России». По вопросу о признании украинцев как отдельной нации, отличной от России, Савенко отметил: «Как только народ признается отдельным, он должен, согласно основной идее столетия, пользоваться правом на самоопределение; он должен обрести свое собственное культурно-национальное и политическое существование».

Он призывал к невмешательству в борьбу правительства против украинского движения и настаивал на корректности малорусской версии идентичности, осуждая украинское движение как раскольническое для «одного единого 100-миллионного народа». Далее Савенко подчеркнул, что потеря неправославных *инородческих* окраин империи не столь опасна для России, как раскол русской нации². Правые националисты с радостью приняли в Думу крестьян, критиковавших «украинство» от имени всего малорусского крестьянства, и публично объявили о своей приверженности идее общерусской нации³.

Таким образом, перед Первой мировой войной западные окраины империи находились в состоянии неустойчивого равновесия. Местные органы власти не могли реально надеяться «искоренить» антирусских националистов, но и не были готовы к компромиссу. На протяжении нескольких лет до начала конфликта

¹ Дмитро Донцов в то время был главным идеологом украинского интегрального национализма.

² Государственная дума. IV созыв: стенографические отчеты, 1913–1914 гг., сессия 2 : в 5 ч. СПб.: Гос. тип., 1914. Ч. 2. Стб. 901–915, 927–933.

³ Григорий А. Андрийчук, представлявший Подолию, заявил: «Всякую украинфильскую пропаганду мы отвергаем, ибо никогда не считали и не считаем себя нерусскими. И с какой бы хитростью ни старались услужливые гг. Миллюковы вселить в нас сознание розни с великороссами, им это не удастся. Мы, малороссы, как и великороссы, суть люди русские» (Государственная дума. III созыв: стенографические отчеты, 1909 г., сессия 3: в 4 ч. СПб.: Гос. тип., 1910. Ч. 1. Стб. 3081). «Мы – русские, и никто не вправе про нас сказать иначе», – подчеркивал другой крестьянский депутат, представитель Волынской губернии Матвей Андрейчук (Государственная дума. III созыв: стенограф. отчеты, 1910 г., сессия 4: в 3 ч. СПб.: Гос. тип., 1910. Ч. 1. Стб. 1280).

правительство и русские националисты сочетали административное давление с активной пропагандой. В украинской активистской литературе этого периода описывается немедленная экзистенциальная и неизбежная угроза русификации. Один из ключевых активистов украинского движения в Киеве Евгений Чикаленко написал в своем дневнике в 1909 г.: «Города наши так *омосковлены*, что очень, очень малый процент населения вообще проявляет какой-либо интерес к украинству... Все города и местечки на Украине страшно обрусели»¹. Он также писал своему соратнику Петру Стебницкому в Санкт-Петербурге: «Что теперь можно сделать тысячами, того не сделаешь потом, когда народ обрусее, и миллионами»².

Начало войны

Общественные настроения в первый год войны характеризовались ростом имперского патриотизма и русского национализма. Реальные размеры массовой политической мобилизации военно-патриотического типа мало изучены, хотя в нескольких научных работах подчеркивается рост интереса к политике в целом, и в этом контексте – к националистическим чувствам среди сельского и городского населения³. В начале войны русская армия не несла очевидных поражений, поэтому первый год войны показал рост русского национализма.

Война оказала противоречивое воздействие на националистические проекты пограничных территорий. С одной стороны, административное давление резко увеличилось – многие периодические издания и местные отделения украинской культурной организации «Просвита» были закрыты, а несколько активистов, в том числе Михаил Грушевский, были отправлены в ссылку, хотя некоторые из них пытались демонстрировать лояльность к империи

¹ Чикаленко Е. Щоденник: в 2 т. Київ: Темпора, 2004. Т. 1. 1907–1917. С. 47–48, 281–282.

² Чикаленко Е., Стебницький П. Листування: 1901–1922 роки. Київ: Темпора, 2008. С. 72.

³ Sanborn J. The Mobilization of 1914 and the Question of the Russian Nation: A Reexamination // *Slavic Rev.* 2000. Vol. 59, № 2. P. 267–289; Sanborn J. Drafting the Nation: Military Conscription, Total War, and Mass Politics, 1905–1925. DeKalb: Northern Illinois Univ. Press, 2002. 278 p.; Seregny S.J. Zemstvos, Peasants, and Citizenship: The Russian Adult Education Movement and the First World War // *Slavic Rev.* 2000. Vol. 59, № 2. P. 290–315.

в надежде избежать репрессий и чтобы получить уступки от правительства в конце войны¹. С другой стороны, война создала атмосферу опасной неопределенности. Для сепаратистски ориентированных националистов война стала стимулом в создании причудливых планов о месте, соответствующем их нациям в послевоенной реорганизации Европы.

В начале осени 1914 г. Российская армия оккупировала Восточную Галицию, в том числе Львов / Лемберг. Аннексия Галичины была одной из ключевых целей России до войны, особенно для ирредентистов, которые считали включение этого региона в состав империи «воссоединением Красной Руси и России». Русские националисты ожидали, что оккупация Галичины сможет подорвать украинское движение. При изложении целей России в предстоящей войне в 1912 г. П. Струве подчеркнул необходимость «воссоединить и объединить с империей все части русского народа», то есть аннексировать «Русскую Галичину». Ее аннексия была необходима, по его утверждению, для «внутреннего исцеления России, поскольку австрийский повседневный уклад малороссов создал так называемый уродливый “украинский вопрос”»².

Ко времени российской оккупации Галичина уже подверглась суровым санкциям австрийского правительства. Более 10 000 русинов, которых правительство подозревало в прорусских симпатиях, были депортированы в концентрационный лагерь Талергоф. За время войны более 20 000 человек прошли через лагерь Талергоф и Терезин, ставшие первыми концентрационными лагерями на территории Европы. Несколько тысяч заключенных были казнены³. Одновременно с казнями правительство Австрии занималось созданием первого украинского военного формирования: легион Украинских сечевых стрелцов (Українські січові стрільці) принес клятву верности Австро-Венгрии 3 сентября 1914 г. В свою очередь, российские оккупационные власти закрыли все украинские периодические издания. Они также арестовали и депортировали в Россию значительное количество греко-католических священников,

¹ В частности, влиятельный лидер польской Национально-демократической партии Роман Дмовский предпочитал лояльность империи как «меньшее зло».

² Струве П.Б. Общерусская культура и украинский партикуляризм // Русская мысль. 1912. № 1. С. 65–86.

³ Ваврик В.Р. Терезин и Талергоф: к 50-летней годовщине трагедии галицко-русского народа. М.: СофтИздат, 2001. 145 с.

в том числе митрополита Андрея Шептицкого¹. В общей сложности около 2000 человек были подвергнуты административной депортации в центральные провинции России².

Такой образ действий, который вскоре стал доминировать и в других пострадавших от войны регионах, был совершенно очевидным в Галичине уже в первый год войны – при анализе существующей и потенциальной лояльности имперские структуры рассматривали этническую идентичность как важный, если не важнейший фактор. В ситуации, характеризующейся острой конкуренцией между различными националистическими проектами и одновременным отсутствием устойчивой этнической идентификации, как это было на Украине, имперские власти пытались всеми средствами подорвать влияние «нелояльных» вариантов идентичности и в то же время укрепить те из них, которые считались «лояльными».

Военные неудачи 1915–1916 гг. и их последствия

Западные окраины Российской империи стали основным театром военных действий на Восточном фронте во время Первой мировой войны. После Горлицкого прорыва немецких войск (май 1915 г.) русская армия понесла целый ряд поражений, которые вынудили ее не только покинуть Галичину, оккупированную в 1914 г., но и оставить значительную часть западных окраин империи. Внезапный сдвиг фронта на восток имел важные последствия для развития националистических проектов на этих территориях.

Исследователи отмечают несколько важных факторов, приведших к мобилизации этничности во время войны³. Первым среди них оказался феномен массового перемещения беженцев. Некоторые беженцы эвакуировались самостоятельно, в то время как другие были выселены против их воли. Многие русские националисты, особенно среди малороссов и белорусов, а также русские

¹ Во внутренних губерниях депортированные помещались под надзор полиции.

² Точная цифра неизвестна. В докладе князя Георгия Бобринского, главы Русской гражданской администрации в Галиции, указаны 1962 чел., высланных в Россию (*Бахтурина А.Ю.* Политика Российской империи в Восточной Галиции в годы Первой мировой войны. М.: АИРО-XX, 2000. С. 193).

³ *Hagen M. von.* The Great War and the Mobilization of Ethnicity // *Post-Soviet Political Order: Conflict and State-Building* / ed. by B.R. Rubin, J.L. Snyder. L.: Routledge, 1998. P. 34–57.

служащие покинули оккупированные территории, что привело к устойчивому снижению влияния русских националистических организаций. Понятно, что и австро-германские оккупационные власти не давали большую свободу действий русским националистам. В то же время, как показал Питер Гатрелл, влиятельные националистические структуры возникли среди нерусских групп беженцев из Балтии, впоследствии сыгравших важную роль в национальных движениях¹.

Центральные державы создали новую административную структуру на оккупированных территориях. Сначала украинские территории были главным образом под контролем Австро-Венгрии², хотя эта тема изучена еще явно недостаточно. Благодаря публикации Веяса Люлевичуса больше известно о немецкой оккупационной политике, предполагавшей контроль северо-западных территорий и части Прибалтики, особенно в районе администрирования *Ober Ost*. Новая администрация провела категоризацию этнической идентичности. Гражданские служащие администрации *Ober Ost* составили «Атлас народов Западной России», по их мнению, подтверждавший, что «государственная структура, которая до войны считалась единой Великой Российской империей, в значительной степени была сформирована из территорий независимых этнических групп, которые находятся не ближе к “природе москвитов”, чем к нам»³.

Языковая политика немецких властей была направлена на внедрение словаря административных и правительственных терминов на местном наречии. Школы организовывались по национальному принципу, то есть на основе родного языка. Но вскоре немцы начали внедрять и немецкие термины и язык в целом, тем самым подрывая инициативу местных националистических активистов, открывавших новые школы. Новые законы входили в обиход сразу, как только они публиковались на немецком языке.

¹ Gatrell P. A Whole Empire Walking: Refugees in Russia during World War I. – Bloomington: Indiana Univ. Press, 1999. 317 p.

² По сей день глубокого исследования оккупационной политики Вены в этом регионе не существует. В сборнике 2011 г. под редакцией австрийских историков практически ничего на эту тему не предлагается (Die Ukraine zwischen Selbstbestimmung und Fremdherrschaft 1917–1922 / Hrsg. von W. Dornik, G. Kasianov, H. Leidinger, P. Lieb, A. Miller, B. Musial, V. Rasevyc. Graz: Leykam, 2011. 544 S.).

³ Liulevicius V.G. War Land on the Eastern Front: Culture, National Identity, and German Occupation in World War I. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2000. P. 117.

Русский язык был полностью исключен из административной и общественной сферы.

Немцы стремились подорвать польское влияние на белорусов и литовцев и российское влияние на белорусов. Оккупационные власти весьма удивились, открыв для себя существование белорусского народа; они были поражены невысоким уровнем развития белорусской культуры и национального самосознания, осознав, что это обстоятельство предоставляет им возможность свободно влиять на процесс идентификации местного населения как отдельного и от поляков, и от русских. В 1916 г. Эрих Людендорф (1865–1937) издал специальную директиву для поддержки белорусской национальной идентичности через культурную политику¹. В проекте *Ober Ost* немцы, пытаясь играть роль наставников и руководителей местных народов, разработали школьные учебные программы, которые должны были содействовать уважению Германии и немецкой культуры как «старейшей державы».

Как указывает В. Люевичус, «культурная политика была фактически национальной политикой военного государства; она объединяла национальные культуры в немецких учреждениях по спущенным сверху параметрам: пресса, школы и рабочие помещения... Немецкая концепция “образования” (*Bildung*) применялась в ее самом буквальном значении “формирования”. Согласно официальному заявлению политотдела, “мы – те, кто внедряет *Bildung*, и больше никто”². «Культурная программа района *Ober Ost*... определяет место и этническую сущность народов их функцией, тем самым фиксируя национальную идентичность... Немецкая национальная идентичность также была четко фиксирована и представлена, по сути, как основная»³. Деятельность немецкой оккупационной администрации в западных приграничных районах Российской империи была одним из аспектов нового немецкого геополитического видения этого пространства как части Центральной Европы (*Mitteleuropa*), а Германии – как его доминирующего центра⁴. Местные активисты теперь старались приспособить свое видение будущего национальных проектов к новой геополитической реальности,

¹ См. об этом: *Liulevicius V.G. War Land on the Eastern Front: Culture, National Identity, and German Occupation in World War I*. P. 121.

² Цит по: *Liulevicius V.G. War Land on the Eastern Front: Culture, National Identity, and German Occupation in World War I*. P. 122.

³ *Ibid.* P. 143, 144.

⁴ *Naumann F. Mitteleuropa*. Berlin: Reimer, 1915. 324 p.

воображая и описывая место своих национальных групп в Восточной Европе под главенством Германии¹.

Политика по отношению к военнопленным была еще одним важным фактором в росте национализма на западных окраинах империи. Примерно 3,5 млн солдат царской армии были захвачены в плен². Администрация лагерей военнопленных уделяла особое внимание солдатам с Украины, создав несколько специальных лагерей со значительно лучшими условиями, чем предполагала общая норма. Немецкие лагеря для украинских военнопленных были расположены в Раштатте и Зальцведеде, а австрийский лагерь – во Фрайштадте³. В лагерях были размещены до 400 000 заключенных. Функционеры из украинских националистических организаций, прежде всего Союза освобождения Украины, проводили в лагерях пропагандистские мероприятия, преподавали украинский язык, готовили украинские издания. Примерно 40 000 военнопленных, откликнувшихся на пропагандистскую деятельность союза, были организованы в украинские формирования, имевшие специальную военную форму. В своем неопубликованном исследовании, основанном на архивах Союза освобождения Украины, Марк фон Хаген описывает среди прочего трудности, с которыми сталкивались администрация лагерей и активисты Союза, когда они пытались выделить украинцев среди общей массы военнопленных, из-за того, что термин «украинец» ничего не означал для подавляющего большинства этих людей.

Пропагандистская работа среди военнопленных также совершалась в России. В 1916 г. власти создали Особый политический отдел Министерства внутренних дел, целью которого было проведение пропаганды среди славянских военнопленных из австро-венгерской армии⁴. Историк австрийской армии Иштван Деак

¹ Литовским политиком, например, вскоре пришла идея пригласить немецкого принца стать королем Литвы (Западные окраины Российской империи / под ред. М.Д. Долбилова и А.И. Миллера. М.: Новое литературное обозрение, 2006. С. 415–416).

² Данные, приведенные Н.Н. Головиным; другие исследователи приводят цифры от 2 до 3 млн (*Головин Н.Н.* Военные усилия России в мировой войне: в 2 т. Париж: Т-во объединенных издателей, 1939. Т. 1. 211 с. Т. 2. 242 с.; Россия в мировой войне 1914–1918 гг. (в цифрах) / под ред. В.П. Ефремова. М.: Центр. стат. упр. СССР, Воен.-стат. отд., 1925. 103 с.).

³ АВПРИ. Ф. 135. Оп. 474. Д. 26.

⁴ Подробнее об Особом политическом отделе Министерства внутренних дел см.: [Miller, 2003]; англ. перевод русскоязычного оригинала 2000 г.: *Miller A.I.*

подчеркивает важную роль лагерей для военнопленных в распаде Габсбургской империи¹. Уже в конце 1916 г. политотдел начал уделять особое внимание украинским лагерям в Германии и Австро-Венгрии, правильно оценив уровень угрозы, которую они представляли для российской политики на западных окраинах империи. Существовала критическая разница между пропагандой в лагерях для военнопленных в России и украинских лагерях в Германии и Австрии: в России пропагандистские усилия были направлены на изменение политической лояльности заключенных, которые к тому времени имели развитую национальную идентичность (чешскую, словацкую и т.д.), а в лагерях для украинских заключенных пропаганда была сфокусирована на формировании одной определенной национальной идентичности.

В 1916 г. в Политотделе Министерства иностранных дел России обсуждалась возможность уступок украинскому движению с целью привлечь некоторых из ее лидеров на сторону России. Как только положение украинского движения на подконтрольных центральным державам территориях укрепилось, Петроград был вынужден признать этот фактор в собственной политике. Это привело к ряду символических уступок украинскому движению, с помощью которых власти стремились продемонстрировать свою готовность примириться с украинскими лидерами, остававшимися верными империи. Еще в начале августа 1915 г. термин «украинский» появился в первый раз в официальном контексте в телеграмме, отправленной от имени царя украинским активистам в Швейцарии, заявившим о своей поддержке России: “*Sa Majesté m’a donné l’ordre de vous remercier ainsi que le groupe d’Ukrainiens reunis en Suisse pour les sentiments exprimés dans votre télégramme*” («Его Величество приказали мне поблагодарить вас, а также украинцев, собравшихся в Швейцарии, за чувства, выраженные в вашей телеграмме») (Министр двора князь Фредерикс (телеграмма), 24 августа 1915 г.)². В 1916 г. появились планы открыть две украинские гимназии и организовать визит наследника престола в случае новой оккупации. В проекте рекомендаций для политики в отношении униатской церкви, подготовленном Особым политотделом Министерства

The Romanov Empire and the Russian Nation // *Nationalizing Empires* / ed. by S. Berger, A. Miller. Budapest: CEU Press, 2014. P. 309–368.

¹ Deak I. *Beyond Nationalism: A Social and Political History of the Habsburg Officer Corps, 1848–1918*. N. Y.: Oxford Univ. Press, 1990. 314 p.

² АВПРИ. Ф. 135. Оп. 474. Д. 27, л. 12.

иностранных дел, была подчеркнута необходимость воздерживаться от каких-либо репрессивных мер¹. Особый политотдел также подготовил списки украинских политиков, включая галицийских, которые могли бы принять прорусскую позицию, если бы они были убеждены, что только Россия может объединить все украинские земли. Поддержка центральными державами украинского национального движения, таким образом, принудила Петроград проявлять большую терпимость по отношению к движению. В такой тактике не было ничего нового: еще в 1840–1860-х годах российские власти демонстрировали снисходительность к украинским националистам, чтобы те не переходили на сторону поляков².

В 1915–1916 гг. обозначился серьезный сдвиг в относительном весе движений в соперничестве между общерусским и украинским национальными проектами. Во время эвакуации Галичины более чем 100 000 местных жителей, сотрудничавших с русской администрацией или симпатизировавших России, присоединились к отступавшей русской армии³. Вскоре большинству активистов из прорусских националистических организаций пришлось оставить оккупированную центральными державами часть западных окраин империи. Новые оккупационные власти разрушили организационную структуру русского националистического движения на этих территориях. В то же время Берлин и Вена выделили значительные административные и финансовые ресурсы на развитие организационной структуры украинского движения. Российские военные неудачи, отступление армии и меры, принятые немецкими и австрийскими оккупационными властями, подорвали престиж России в глазах неполитизированной части местного населения, особенно крестьянства.

¹ *Miller A.I. The Romanov Empire and Nationalism: Essays in the Methodology of Historical Research. Budapest: CEU Press, 2008. 242 p.*

² *Miller A.I. The Ukrainian Question: The Russian Empire and Nationalism in the Nineteenth Century. Budapest: CEU Press, 2003. 295 p.*

³ Точные цифры неизвестны, но летом 1915 г. около 100 000 беженцев из Галиции были сосредоточены на Волыни. Сообщалось, что к осени 1915 г. 40 000 беженцев из Галиции находились в Курской губернии. В августе 1915 г. каждый день 3000 русинов из Галиции прибывали на поезде в Киев (*Кучера І.В. Добровільна і примусова міграція населення Східної Галичини в роки Першої світової війни // Гілея: Історичні науки. Філософські науки. Політичні науки. Київ: НПУ ім. М.П. Драгоманова, 2009. Вип. 19. С. 10–16; Сердюк В.В. Біженство в Україні під час Першої світової війни // Проблеми історії України XIX – початку XX ст. Київ: Інститут історії України, 2002. Вип. 4. С. 111–132.*

1917: крах имперского центра и национализация армии

После падения монархии в феврале 1917 г. у националистических проектов приграничья появились три новых мощных мобилизационных фактора. Во-первых, даже в это время монархия оставалась законным центром империи для значительной части традиционно мыслящего крестьянства, включая примерно 100 000 крестьян – членов Союза русского народа на Волыни. Этот привычный источник законности и лояльности теперь был утрачен. Во-вторых, слабое Временное правительство призывало к формированию новой сельской администрации, но не предлагало ни четких принципов организации, ни ясной позиции по поводу создания автономии и/или федерации. В то время как влияние русских националистов на окраинах империи было ослаблено, региональные субъекты получили новые возможности для политических действий.

Увеличение дезертирства и влияния большевиков в армии заставило верховное командование предложить ее национализацию. После приказа главнокомандующего генерала Л. Корнилова начались украинизация и белорусизация армейских частей. Корнилов надеялся, что это оградит армию от большевистского влияния и в то же время послужит в качестве контрмеры действиям центральных держав в украинском и белорусском вопросах. Разница между двумя процессами была в том, что украинские подразделения были созданы на территории Украины, тогда как белорусские появились прежде всего на Румынском фронте и на Балтийском флоте, где они были отрезаны от своей родины и, таким образом, лишены возможности играть такую же активную роль в региональном национальном проекте, какую сыграли украинизированные подразделения.

Павло Скоропадский, гетман Украины в 1918 г., но верный имперский генерал в 1917 г., вспоминал в 1919 г., как ему было поручена украинизация его корпуса: «Корнилову я ответил, что только что был в Киеве, где наблюдал украинских деятелей, и на меня они произвели впечатление скорее неблагоприятное, что корпус впоследствии может стать серьезной данной для развития украинства в нежелательном для России смысле... Легкомысленное же отношение Корнилова к этому вопросу показало мне его неосведомленность или непонимание.

Я старался обратить его внимание на серьезность вопроса, понимая, что к такому национальному чувству, какое было у украинцев, надо относиться с тактом и без эксплуатации его из-за его искренности»¹.

Хотя Скоропадский был убежден, что настоящей необходимостью в украинизации армии летом 1917 г. не было, генерал дисциплинированно выполнил прямое указание Корнилова, став в результате гетманом Украины под германским протекторатом.

Создание национальных подразделений имело серьезные последствия для Украины, Белоруссии и Бессарабии, особенно после большевистского переворота. Период революционного кризиса превратил армию из сторонника старого режима в независимого актора. Во всех империях, переживающих кризис, армейское руководство использует свои подразделения – обычно последнюю оставшуюся организованную силу – чтобы удержать контроль хотя бы на ограниченной территории, как только они понимают, что старый режим уже не спасти². Часто армия поддерживает при этом национальную идею. Это стало особенно важным после октября 1917 г., когда законная центральная власть империи была безвозвратно утрачена. Значительное количество русских националистов всех оттенков, сотрудничавших с правительством гетмана Скоропадского, является лучшим подтверждением этого наблюдения.

В 1918 г. многие отчаявшиеся русские антибольшевистского толка мечтали о немецкой оккупации Петрограда как о единственно возможном спасении. На такой шаг немцы не решились, хотя

¹ *Скоропадський П.* Спогади: Кінець 1917 – грудень 1918 рр. Київ: Інститут української археографії та джерелознавства ім. М.С. Грушевського НАН України, 1995. С. 64. Скоропадский вспоминал о своей молодости и семье: «Украина понималась как славное родное прошлое, но отнюдь не связывалась с настоящим, другими словами, никаких политических соображений, связанных с восстановлением Украины, не было. Моя вся семья была глубоко предана российским царям, но во всем подчеркивалось как-то, что мы не великороссы, а малороссы, как тогда говорилось, знатного происхождения» (*Скоропадський П.* Спогади: Кінець 1917 – грудень 1918 рр. С. 387).

² В своей книге об имперском приграничье Альфред Рибер описывает армию как «клей и растворитель» имперской системы (*Rieber A.J.* *The Struggle for the Eurasian Borderlands: From the Rise of Early Modern Empires to the End of the First World War.* Cambridge Univ. Press, 2014. 648 p.). Я бы уточнил это определение так: армия не становится силой распада, «растворителем», пока есть надежда на сохранение порядка в имперском масштабе. Потеряв эту надежду, однако, армия берет на себя роль организатора нового режима в отдельных регионах распадающейся империи, часто пытаясь превратить их в национальные государства.

влиятельные военные чины, включая Людендорфа и начальника штаба территории *Ober Ost* генерал-майора Макса Гофмана, раздумывали о наступлении на Петроград, свержении большевиков и установлении в России консервативного прогерманского правительства. Им тем не менее удалось занять весь Донецкий бассейн и установить на этой территории украинскую власть¹.

В начале войны правительства воюющих сторон отказались от действовавших ранее ограничений. Макросистема континентальных империй на востоке Европы долгое время оставалась внутренне стабильной, потому что империи не стремились уничтожить друг друга. Более того, империи были нужны друг другу, чтобы взаимно подтвердить наследование территорий после раздела Польши². Однако в течение войны, которая быстро превратилась в беспощадную битву, империи стали активно разыгрывать этническую карту против своих врагов. Они подогревали сепаратизм внутри вражеских государств и вводили репрессивные меры против нелояльных или подозреваемых в нелояльности этнических групп среди своих подданных. Эти факторы приобрели особый смысл на Украине и в Белоруссии в контексте борьбы между различными версиями идентичности и лояльности.

Новые крупные игроки – СССР и Польша

До 1918 г. главной задачей, стоявшей перед политическими активистами, действовавшими на окраинах страны, было выяснить, какая держава победит в войне. После событий октября 1917 г. активисты-националисты пытались вести переговоры с Германией о новом статусе своих национальных проектов в рамках немецкой гегемонии в Восточной Европе. Когда стало очевидным, что поражение Германии неизбежно, лидеры национальных движений быстро обратились к Антанте. В отличие от России и Германии, Антанта не могла напрямую контролировать страны Восточной Европы. Лидеры Антанты не спешили выполнять ожидания националистов: они рассчитывали на падение большевиков и восстановление России. Поэтому в 1918 г. мировая война на этих территориях постепенно

¹ Корнилов В. Донецко-Криворожская республика: расстрелянная мечта. Харьков: Фолио, 2011. 800 с.

² Miller A.I. The Value and the Limits of a Comparative Approach in the History of Contiguous Empires on the European Periphery // *Imperiology: From Empirical Knowledge to Discussing the Russian Empire* / ed. by K. Matsuzato. Sapporo: Slavic Research Center at Hokkaido Univ., 2006. P 11–24.

трансформировалась в целую серию гражданских войн, различавшихся по своему классовому или этническому фокусу. Такая трансформация часто включала в себя конфликты между различными военизированными формированиями за территории, которые они считали своей законной этнической вотчиной (Lemberg / Lwow, Вильна / Wilno / Vilnius). То же самое верно и в отношении Киева, который во время Первой мировой войны и последовавших революционных войн 14 раз переходил из рук в руки. В 1918–1919 гг. город часто занимали различные украинские военачальники. История слабых и нестабильных украинских государств в западной и центральной частях страны (от гетманской державы Скоропадского и петлюровской директории Украинской Народной Республики) показывает, что мобилизационный потенциал и организационные возможности украинского национализма были довольно ограничены. Характерно, что Н. Махно смог завоевать значительную поддержку крестьянства, не используя украинский вопрос в качестве основной идеологической концепции. Эти особенности типичны для ситуации, в которой империя оставляет свои периферийные территории скорее в результате распада центра, чем в результате деятельности антиимперских движений. Мы знаем очень мало о развитии национального строительства на востоке и юге современной Украины – в районах Харькова, Донбасса и Новороссии – в рассматриваемый период.

После того, как в 1918 г. большевики получили контроль над Украиной, они установили режим террора против русских националистов¹. Именно русский национализм и социальные силы, стоявшие за ним, большевики считали своим главным врагом до конца 1920-х годов². Можно сказать, что общерусская версия национальной идентичности, которая являлась ключевым элементом русского национализма в имперский период, «осиротела» с падением Российской империи. Многие достижения политики русификации в приграничье были разрушены согласно новой советской идее регионализации этничностей и *коренизации*³.

¹ Все члены ККРН, которых большевики захватили в Киеве, были расстреляны.

² *Vujacic V.* Stalinism and Russian Nationalism: A Reconceptualization // *Post-Soviet Affairs*. 2007. Vol. 23, № 2. P. 156–183.

³ *Kaiser R.* The Geography of Nationalism in Russia and the USSR. Princeton; New Jersey: Princeton Univ. Press, 1994. 471 p.; *Martin T.* The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939. Ithaca ; N.Y.: Cornell Univ. Press, 2001. 528 p.

Русские сельскохозяйственные поселения во многих приграничных регионах Кавказа, в степных районах и в Центральной Азии были объявлены идеологически нецелесообразными, а многие поселенцы переехали обратно в Центральную Россию. Казаки, выполнявшие роль вооруженного авангарда поселенческого движения, были подвергнуты жестоким репрессиям как враги Советской власти (которыми большинство из них действительно являлись). Православная церковь и духовенство, также важнейшие составляющие российского присутствия в периферийных районах, на протяжении межвоенного периода стали объектом систематических репрессий на всей территории СССР. Большевики завершили разгром наследия имперской политики и довоенного русского национализма в западном приграничье, отказавшись от концепции триединого русского народа, который должен был включать великороссов, малороссов и белорусов. Перепись населения СССР 1926 г. сделала этноним «малоросс» незаконным, сохранив как термин для самоидентификации только «украинец»¹. Термины «русский» и «великорусский» стали синонимами. Большевики внедряли совершенно другой проект политической консолидации территории бывшей империи. Как квазинациональное государство Советская Украина получила «национальную территорию» вкпе с национальной идентичностью «советский украинец», а также инфраструктуру украинской национальной культуры.

Советско-польская война 1920 г. была борьбой за контроль над Восточной Европой между двумя новыми крупными игроками; в этом конфликте украинские силы играли строго подчиненную роль. Межвоенный период в истории региона мы можем охарактеризовать как своеобразную холодную войну, во время которой «прометейская акция» Пилсудского и советский принцип «украинского Пьемонта» воспринимали Украину как объект в геостратегической борьбе². Тем не менее уже в 1939 г. борьба больших империй за контроль над Восточной Европой, в которой особое значение придавалось политике по отношению к Украине, возобновилась в полную силу³.

¹ *Кадио Ж.* Лаборатория империи: Россия / СССР, 1860–1940. М.: Новое литературное обозрение, 2010. 336 с.

² *Martin T.* The Affirmative Action Empire; Timothy Snyder, *Sketches from a Secret War: A Polish Artist's Mission to Liberate Soviet Ukraine*. New Haven: Yale Univ. Press, 2005. 347 p.

³ *Grelka F.* Die Ukrainische Nationalbewegung unter deutscher Besatzungsherrschaft 1918 und 1941/42. Wiesbaden: Otto Harrasowitz Verlag, 2005. 507 S.

Можно сказать, что в течение всего послевоенного периода холодной войны Украина была важной ее темой, а в постсоветский период интенсивность соперничества за Украину между Россией и Западом все время нарастала и сегодня стала одной из основных причин острого международного кризиса. Один из элементов этого кризиса – «войны памяти», которые, без сомнения, будут разворачиваться с нарастающей интенсивностью в ближайшие годы.

История Украины в Советской исторической энциклопедии

Советская историческая энциклопедия (СИЭ) в 16 томах издавалась с 1961 по 1975 г. В политическом отношении это был весьма неоднородный период – замысел и разработка словника приходится на время оттепели, а последние тома выходили уже в заметно ужесточившихся условиях после подавления «Пражской весны» 1968 г., в начале так называемого «периода застоя». В 1969–1972 гг., в последние годы правления в Киеве первого секретаря КПУ П.Е. Шелеста, на Украине выходила четырехтомная Советская энциклопедия истории Украины (СЭИУ). Ее сравнение с СИЭ позволяет сделать некоторые любопытные наблюдения.

Энциклопедия всегда представляет собой своеобразную квинтэссенцию канона. В советской системе это каноническое качество энциклопедии усиливалось тем, что такие издания не были сугубо цеховым делом историков. На всех этапах от составления словника до окончательной редакции статей содержание энциклопедии утверждалось и контролировалось политическими структурами КПСС. В результате энциклопедия фиксировала определенные подходы, существенно сужая советским историкам коридор маневра в интерпретации различных событий.

При подготовке этих заметок я пользовался только самими энциклопедиями. Однако даже анализ этого общедоступного источника позволяет сделать некоторые важные выводы, которые, если судить по реакции на выступление автора на конференции, вызывают порой весьма эмоциональную реакцию.

Прежде всего, бросается в глаза, что практически все статьи СИЭ, посвященные украинским сюжетам, написаны украинскими историками. Исключений всего два. Статья о Киевской Руси написана Б.А. Рыбаковым и Л.В. Алексеевым, что, строго говоря, нель-

зя считать исключением, поскольку главный ее тезис состоит в том, что Киевская Русь была «общей колыбелью» трех славянских народов. Те же тезисы повторяет статья о Киевской Руси в СЭИУ, однако она написана украинским историком К.Г. Гуслистым.

Также не отличается по основным оценкам статья о Кирилло-Мефодиевском обществе. В СИЭ ее писал П.А. Зайончковский, незадолго до этого, в 1959 г., выпустивший важную монографию об обществе. Однако в СЭИУ российский автор заменен украинским историком Г.Я. Сергиенко, так что принцип, согласно которому об истории Украины пишут на Украине, в этом издании реализован бескомпромиссно.

Собственный опыт автора, защищавшего в 1986 г. кандидатскую диссертацию о польском консерватизме в Галиции, подтверждает, что эта установка сохраняла силу и на закате советской власти. Намерение включить в диссертацию главу о польско-украинских отношениях в Галиции в 1860–1870-е годы вызвало у опытных товарищей в Институте славяноведения и балканистики РАН беспокойство. Выяснилось, что при наличии такой главы в диссертации, защищаемой в Москве, непременно должен быть приглашен оппонент из Украины. Впрочем, моего обещания такого оппонента предоставить оказалось достаточно, чтобы сохранить «украинскую» главу в диссертации.

В области организации науки следование этому принципу означало, что в Москве, которая воспринималась как «центр мира», и в которой создавались научные подразделения для изучения всех мыслимых (и неммыслимых) регионов планеты, не было к концу 1980-х годов ни единого центра, специализирующегося на истории Украины. Отсюда можно сделать первый общий вывод – в сфере историографии мы имеем дело с ситуацией, которая не соответствует «колониальной» модели, когда основное знание о периферии производится учеными метрополии, но вполне соответствует принципам советской политики коренизации.

Вполне ожидаемо, что в содержании энциклопедических статей постоянно подчеркивается классовый подход к истории. Однако при ближайшем рассмотрении оказывается, что «классовые интерпретации» часто выполняют инструментальную функцию, и национальный подход в действительности не менее важен. В целом можно уверенно утверждать, что в СИЭ, и, тем более, в СЭИУ была проведена вполне последовательная национализация украинского исторического нарратива. Формирование украинской народности относится к XIV–XV вв., причем в более ранних томах СИЭ, даже к

XII–XIII вв. (Мы еще вернемся к этому казусу.) Буржуазная украинская нация считается в основном сформировавшейся уже во второй половине XIX в. (Вряд ли сегодня найдется много желающих отстаивать этот тезис даже среди исповедующих национальный нарратив украинских историков.) Ни в «маточных» статьях «Украинская Советская Социалистическая Республика», ни в статьях о крупнейших городских центрах Украины, отличавшихся большим этническим разнообразием, никого, кроме украинцев, нет. Лишь поляки фигурируют как эксплуататоры и выполняют функцию «конституирующего другого» применительно к периоду до раздела Речи Посполитой. Формирование украинской нации рассматривается как безальтернативное, распространение этнонима «украинцы» СЭИУ относит к XIV в. (Т. 4, с. 334). В СИЭ вообще отсутствует понятие «малоросс». В СЭИУ есть статья «Малороссия», которая объясняет, что это было название Украины в «официальных актах царской России и в русской дворянской и буржуазной историографии». Политика Российской империи в отношении Украины в СИЭ характеризуется как колониальная, а в СЭИУ к этому добавляется эпитет «шовинистическая» (Т. 1, с. 230).

У украинского национального нарратива в версии обеих энциклопедий есть существенные ограничения. Пожалуй, наиболее эксплицитно эти ограничения сформулированы в статье о М. Грушевском, написанной для обоих изданий М.Я. Рубачем. В этих статьях перечень претензий к Грушевскому почти полностью совпадает текстуально. Грушевскому вменяется в вину то, что он 1) интерпретировал источники в националистическом духе; 2) изображал украинскую нацию бесклассовой, отрицал наличие украинского пролетариата и его руководящую роль; 3) украинский народ противопоставлял русскому народу, игнорируя их историческую близость; 4) колониальную политику царизма выдавал за политику русского народа; 5) формирование украинской народности относил не к XII–XIII, но к IV веку, и утверждал, что Киевская Русь принадлежит только истории Украины, не является общей колыбелью украинской, великорусской и белорусской народностей; 6) осуждал Хмельницкого, но восхвалял Выговского и Мазепу.

Единственное любопытное отличие состоит в том, что за семь лет между выходом тома СИЭ (1963) и соответствующего тома СЭИУ (1970), украинская народность «помолодела» на два столетия – в СИЭ Рубач пишет о формировании украинской народности в XII–XIII вв., а в СЭИУ в дословно таком же обвинении уже стоят XIV–XV века. Впрочем, в маточной статье в СИЭ формирование

«в основном» украинской народности относится к XV в., так что к моменту написания Рубачем более ранней статьи для СИЭ консенсус, вероятно, еще не был выработан.

В обеих энциклопедиях последовательно проводился принцип, что национальные противоречия между украинцами и русскими невозможны. Большинство событий, которые можно интерпретировать как украинско-русские конфликты, боевые столкновения и т.д., в энциклопедии не вошли. Негативное описание действий Российской империи в отношении Украины не должно было носить антирусского характера. Например, разгром Петром I Запорожской Сечи объясняется в СИЭ тем, что после бегства туда части участников восстания К. Булавина с Дона Петр I воспринимал Запорожскую Сечь как центр антифеодальной борьбы, а переход на сторону шведов «части обманутых Мазепой казаков» послужил ему лишь предлогом. В СЭИУ булавинский сюжет отсутствует, но объясняющая схема, согласно которой главная причина разгрома Сечи это социальная борьба, сохранена.

Формально исторические персонажи определяются как положительные или отрицательные по классовому признаку. Но в классово «неправильные» записаны в энциклопедиях все антирусски настроенные персонажи украинской истории. Так, главной характеристикой Мазепы в энциклопедиях становится тот факт, что гетман владел почти 100 000 крепостных. Так же и с имперской стороны все «гнобители украинства» характеризуются прежде всего как «крайние реакционеры». Так описан, например, П. Валуев (СЭИУ, т. 1, с. 230), автор знаменитого циркуляра о запрете печатания украинского перевода Библии и дешевых украинских книг для народа. Кстати, Валуевский циркуляр 1863 г. и Эмский указ 1876 г. упомянуты в общей статье по Украине в СИЭ, а в СЭИУ каждому посвящена специальная статья.

Таким образом, второе общее заключение сводится к тому, что история Украины в энциклопедиях сконструирована как национальный нарратив, с маргинализацией нетитульных групп, примордиалистским подходом к этничности, существенным «удревлением» народности и нации. Тезис о том, что «царизм отрицал право украинского народа на самостоятельное национальное существование», повторяющийся в обеих энциклопедиях, повисает в воздухе, поскольку концепция триединой русской нации, доминировавшая в России в дореволюционное время, совершенно не упоминается, а с нею и все темы альтернативности процессов формирования нации.

Важным ограничением этого нарратива является тотальное исключение любых интерпретаций событий и процессов в духе конфликта между русскими и украинцами. (Это можно считать главным отличием украинского национального нарратива в его советской версии от версии постсоветской.) Роль конституирующего другого на разных этапах и в разных обстоятельствах отведена в энциклопедиях полякам, австрийцам, немцам.

В СИЭ этот принцип проведен вполне последовательно – в ней нет даже упоминаний Донцова, Михновского, ОУН, то есть важных персонажей и организаций, олицетворяющих антирусскую составляющую украинского национализма. СЭИУ тоже не содержит статей о Донцове и Михновском, однако упоминание о Донцове все-таки удалось обнаружить в статье о работе Ленина «Критические заметки по национальному вопросу», где говорится о том, что Ленин разоблачил «Донцова, Юркевича и др.» не только как врагов демократии, но и как «лютейших врагов украинского народа», поскольку они раскалывали единый фронт русского и украинского рабочего класса в борьбе против царизма (Т. 2, с. 517).

Западная Украина очень мало представлена в СИЭ. Нет вообще ничего про ОУН, УПА, Бандеру и т.д. Нет статьи о ЗУНР – она упоминается лишь в статье про Галицию как буржуазно-националистическая. Сама статья о Галиции весьма краткая. СЭИУ, в отличие от СИЭ, содержит краткую статью об ОУН, и упоминание в ней Бандеры и Мельника как руководителей фракций. ОУН охарактеризована как «фашистская организация украинских буржуазных националистов» (Т. 3, с. 294). Вообще, важнейшее отличие СЭИУ от СИЭ в том, что в ней большое внимание уделено «критике» украинского «буржуазного национализма» как в его дореволюционной и межвоенной версии, так и в эмигрантской послевоенной. Редакция СИЭ считала себя свободной от этой задачи. Внимательный читатель мог, конечно, о многом догадаться по критическим и полемическим замечаниям на страницах СЭИУ.

Любопытно, что существенно отличается состав авторов «маточной» статьи «Украинская Советская Социалистическая Республика». В СИЭ это И.А. Гуржий, В.А. Дядиченко, И.И. Компаниец, В.Е. Спицкий, а в СЭИУ И.А. Гуржий, А.Д. Скаба, Н.И. Супруненко. В СЭИУ эта статья вышла в 1972 г., а в СИЭ в 1973-м. По всей видимости, Скаба и Супруненко впали в немилость вместе с патроном, то есть П.Е. Шелестом, снятым со своего поста в мае 1972 г., а Гуржий, умерший в 1971 г., избежал этой участи. Интересно, что в СЭИУ его фамилия стоит в траурной рамке, а в СИЭ нет. Вероятно,

окончательная правка соответствующего тома СИЭ был приготовлена существенно раньше, чем книга была напечатана.

Статьи об УССР в СЭИУ и в СИЭ существенно отличаются по тексту и по композиции – в СИЭ заметно больше места уделено периоду от Киевской Руси до революции 1917 г. Есть и важные различия в оценках. Приведу несколько примеров. СЭИУ утверждает, что «основной и решающей силой в освободительной войне украинского народа» в XVII в. были крестьяне (Т. 4, с. 334), в СИЭ этот «антиказацкий» тезис опущен.

В СЭИУ упоминаются «значительные трудности» в сельском хозяйстве в 1931–1932 (*sic*) гг. (Т. 4, с. 347), в СИЭ от «трудностей» не остается и следа, зато появляется информация о 1800 террористических актов, совершенных в это время кулаками, сопротивлявшимися коллективизации (Т. 14, с. 753).

Передача Крыма из состава РСФСР в УССР в 1954 г. в СЭИУ оказалась связана с празднованием 300-летия «воссоединения Украины с Россией» (Т. 4, с. 350), в то время как в СИЭ этот акт объясняется «территориальной близостью и общностью экономики» (Т.14, с. 762).

В обеих энциклопедиях отсутствуют знаковые репрессированные персонажи – Шумский, Хвыловый. Зато есть Скрыпник, который упредил сотрудников НКВД и сам пустил себе пулю в голову. Конечно, обе энциклопедии ничего не сообщают об обстоятельствах его смерти. Однако именно в этой статье есть существенное, пожалуй, наиболее любопытное в политическом отношении, различие. Статьи в обеих энциклопедиях исправно перечисляют занимавшиеся Скрыпником посты. В томе СИЭ, вышедшем с 1969 г., кроме перечисления постов вообще нет никакой иной информации. А в томе СЭИУ, вышедшем в 1972 г., о Скрыпнике, который, очевидно, был близок Шелесту по своей позиции в национальном вопросе, дана, по меркам энциклопедии, достаточно развернутая оценка. В ней говорится, что Скрыпник «много сделал для претворения в жизнь ленинской национальной политики, но в этой сложной работе он допустил отдельные ошибки, которые Партия подвергла правильной критике» (Т. 4, с. 112). Всякий знакомый с правилами политического языка той эпохи должен был понимать, что «отдельные ошибки» упомянуты для «сбалансирования» характеристики. Эти ошибки, тем более не названные (вспомним, как подробно перечислены прегрешения Грушевского), весили много меньше, чем формула «много сделал для претворения в жизнь ленинской национальной политики».

Разумеется, анализ одних лишь энциклопедий не дает возможности ответить на целый ряд важных вопросов. Как был организован процесс политического контроля над изготовлением этих энциклопедий? Каким было разделение труда и прерогатив во время формирования словника, отбора авторов статей, редактирования текстов между Москвой и Киевом, между академическими и партийными структурами? Архивные изыскания в Москве и Киеве могут пролить свет на эти вопросы, весьма важные для понимания условий развития украинской историографии в постсталинское время. Если настоящие заметки подвигнут кого-то из молодых исследователей заняться этими сюжетами, автор будет считать свою задачу выполненной.

Прошлое и историческая память как факторы формирования дуализма идентичностей в современной Украине

При анализе политического процесса на Украине бросаются в глаза жесткая региональная привязка основных политических сил и резкие региональные различия в электоральном поведении населения. Исследователи выделяют до восьми регионов с разными электоральными моделями, но в самом общем виде страна делится на Восток и Юг, с одной стороны, Запад – с другой и Центр как поле борьбы – с третьей. Существует много факторов, которые влияют на такое региональное деление, – разные структуры экономики и уровни урбанизации, интересы региональных финансово-промышленных кланов, различие языковых предпочтений населения и т.д.

В этой статье мы сосредоточимся на анализе основных моделей идентификации населения Украины как на одном из наиболее важных факторов ее региональной поляризации, а также на роли прошлого и интерпретаций истории в формировании этих моделей и стратегий идентификации. В любых версиях объяснения причин и природы тех региональных различий, которые столь очевидны в современной Украине, активно используются ссылки на историю. Впрочем, как правило, апелляции к истории служат не столько для объяснения, сколько для легитимации одного из вариантов украинской идентичности и дискредитации другого. В этой статье мы проанализируем некоторые весьма распространенные сознательные манипуляции или невольные заблуждения в использовании исторического материала при борьбе вокруг стратегий идентификации в современной Украине и предложим свою версию того, как история повлияла на формирование различных вариантов украинской идентичности. Главный наш тезис сводится примерно

к следующему. Начиная с XIX в., когда, собственно, и были запущены процессы формирования национальных идентичностей на пространстве современной Украины¹, мы имеем здесь дело с ярко выраженным дуализмом стратегий идентификации. В то же время природа и причины этого дуализма в XIX и начале XX в., когда украинская идентичность противостояла «общерусской» ориентации, принципиально отличались от причин возникновения и природы тех двух различных вариантов собственно украинской идентичности, которые сложились главным образом под воздействием событий первой половины XX в. Эти два различных типа украинской идентичности имели и имеют до сих пор ярко выраженную региональную привязку, поэтому мы будем условно называть их «западноукраинским» и «восточноукраинским». Следует сразу оговориться, что те типы идентичности, о которых пойдет речь, следует понимать в веберовском смысле. В реальной жизни они внутренне неоднородны, заведомо не исчерпывают всего богатства вариантов идентификации в обществе и не являются стопроцентно локализованными.

Между украинскостью и общерусскостью

В XVIII и начале XIX в. память о гетманщине и региональный патриотизм в среде малорусского дворянства постепенно слабели. Зенон Когут, наиболее основательный исследователь истории гетманщины XVIII в., писал: «Оппозиционные тенденции замедлили, но не остановили интеграцию и постепенную ассимиляцию украинского дворянства в русское имперское дворянство. Несмотря на живучесть некоторых местных традиций, в конечном счете факторы, способствовавшие интеграции, оказались сильнее»². В этом замечании все верно, кроме описания дворянства как украинского, —

¹ Я сознательно пользуюсь этой довольно неуклюжей формулировкой с тем, чтобы избежать проекции современности в прошлое, т.е. употребления понятий «Украина» и «украинцы» в их современном значении применительно к XIX в. Подробно о том, какие проблемы для понимания прошлого порождает ретроспективное употребление вошедшего в оборот во второй половине XIX в. термина «украинцы» как названия нации см.: *Миллер А.И.* «Украинский вопрос» в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX в.). СПб., 2000. С. 31–50.

² *Zenon E.K.* The Ukrainian elite in the eighteenth century and its integration into the Russian nobility // *Banac I., Bushkovich P.* Nobility in Russia and Eastern Europe. New Haven, 1983. P. 78–83.

эти часто совсем недавно нобилитированные представители казначей старшины заведомо не думали о себе как об украинцах в современном смысле, т.е. как об отдельной нации.

Национализм в Восточной Европе был разбужен Наполеоновскими войнами. Польское восстание 1830–1831 гг. весьма убедительно показало, что загнать джина национализма обратно в бутылку с помощью принципа легитимизма не удастся. Именно как реакция на это восстание под покровительством министра просвещения С.С. Уварова формулируется (наиболее четко в работах историка Н.Г. Устрялова) концепция триединой русской нации, объединяющей великорусов, малорусов и белорусов¹.

Концепция общерусской нации охватывала всех восточных славян. Различия между великорусами, белорусами и малорусами трактовались как заведомо менее значимые по сравнению с чертами их родства. Возникновение этих различий объясняли по преимуществу вредным польским влиянием и оторванностью попавших под власть Речи Посполитой белорусов и малорусов от их братьев по вере и теперь воображенной новой общности, нации. Некоторые элементы малорусской (или, как еще писали, южнорусской) специфики могли вызывать неподдельный интерес и даже восхищение, но именно как особенности одной из версий *русской* жизни. Малорусская идентичность в рамках такой системы координат была идентичностью региональной и в качестве таковой могла мирно сосуществовать с общерусской идентичностью.

Проект украинской идентичности как особой *национальной* идентичности, отрицающий общерусскую концепцию, впервые был ясно сформулирован членами Кирилло-Мефодиевского братства в 1840-е годы. Они видели Украину как самостоятельное политическое образование, возможно, в широкой славянской федерации. Важнейший пункт новой стратегии идентификации состоял в определении русского языка как «чужого» и в стремлении к эмансипации украинского как универсального медиума «возрождающейся нации». Николай I прямо связывал возникновение общества с влиянием польской послеповстанческой эмиграции: «Явная работа

¹ У этого проекта строительства триединой русской нации, как и у альтернативных ему проектов, в том числе возникшего несколько позднее украинского проекта, были, разумеется, более древние интеллектуальные корни. Однако о национализме как идеологии и политической стратегии применительно к Российской империи можно говорить только начиная с первой половины XIX в. См.: *Миллер А.* Империя Романовых и национализм. М., 2006.

той же общей пропаганды из Парижа; долго этой работе на Украине мы не верили; теперь ей сомневаться нельзя»¹.

Влияние польского национализма на возникновение украинского безусловно имело место, но отнюдь не только в виде эмигрантской пропаганды. Украинские активисты заимствовали у поляков националистические идеи, что называется, «не спрашивая». Проект отдельной украинской нации был отрицанием не только общерусскости, но и концепции политической польской нации, формула которой говорила теперь о Речи Посполитой не двух, но трех народов – Польши, Литвы, Руси.

Арест в 1847 г. и последующая ссылка членов Кирилло-Мефодиевского братства обозначили одну из линий фронта в борьбе по вопросу об идентичности, которая сохранится вплоть до краха империи Романовых, – между империей и украинскими националистами, которых тогда называли украинофилами². В условиях, когда империя в целом до 1905 г. была лишена свободы собраний и организации, фокусом борьбы стал языковой вопрос. Цензурные инструкции 1863-го и особенно 1876 г. жестко ограничили сферу дозволенного применения украинского языка, который официально считался народным наречием³. По мнению властей, языком образования и культуры общерусской нации должен был оставаться только литературный русский язык.

В контексте нашей темы важно отметить, что в 1850–1860-е годы, когда возвращенные из ссылки члены Кирилло-Мефодиевского братства уже могли публично заявить о своих взглядах, обозначилась и линия противостояния внутри местного общества. Именно с этого времени мы можем говорить о борьбе малорусской (или общерусской) и украинской версий идентичности на Украине. В октябре 1858 г. П. Кулиш писал С. Аксакову следующее: «Мы имеем против себя не одно Правительство, но и ваше общественное мнение. Мы имеем против себя даже собственных землячков-недоумков.

¹ *Зайончковский П.А.* Кирилло-Мефодиевское общество (1846–1847). М., 1959. С. 118.

² Об эволюции понятия см.: *Миллер А.* Украинофильство // *Славяноведение*. 1998. № 5. С. 28–37.

³ Украинский язык в XIX в. как раз совершал эволюцию от наречия к стандартизированному литературному языку, так что и те, кто настаивал на его статусе наречия, и те, кто настаивал на его статусе языка, были каждый по-своему тенденциозны. Тексты Валуевского циркуляра 1863 г. и Эмского указа 1876 г., а также подробный анализ обстоятельств их принятия см. в: *Миллер А.И.* «Украинский вопрос»...

Нас горсточка, хранящих веру в свою будущность, которая, по нашему глубокому убеждению, не может быть одинакова с будущностью Великорусского народа»¹.

Разумеется, в обеих ориентациях была масса оттенков. Лишь немногие горячие головы среди сторонников украинской ориентации выступали в XIX в. за немедленное отделение Украины. Некоторые вообще были искренними и последовательными федералистами, как М. Драгоманов.

Среди сторонников малороссийской ориентации были люди, выбиравшие ее прежде всего как меньшее зло по сравнению с польской угрозой². Но постепенно в этом лагере стали все больше преобладать убежденные сторонники «общерусской» идентичности и решительной борьбы с «украинством». Кто-то из этих людей считал необходимым полное слияние малороссов и великороссов и презирал всякие проявления малорусской специфики, кто-то, напротив, умилялся малорусской опереттой и другими региональными особенностями, но и те и другие отвергали сторонников украинского национализма, которых враждебно называли «мазепинцами»³. Местные,

¹ ГАРФ. Ф. 109 (Секретный архив). Оп. 1. Ед. хр. 1762. Л. 1–2.

² Вот что писал малоросс С.С. Гогоцкий, профессор педагогики Киевского университета, священнику В.В. Гречулевичу, автору одного из многих появившихся в то время украинских букварей, в Петербург в декабре 1859 г.: «Мне кажется, вы не приняли во внимание обстоятельств всей Малороссии, когда а) намекаете народу о какой-то *самостойкости*. (Самостойкость нас убила бы в один год.) б) Хотя не прямо, но косвенно, молчанием проводите разделение между нами и Великоруссами, тогда как именно нужно внушить нашему народу крепко, что наше благо только и только в единстве всех Русских племен. Поверьте, что это единственный компетентный молот против этой пропаганды, которую я отлично вижу и понимаю, как она прячется. Я заметил, что Восточные Малороссы совсем забыли о нас... Поддерживать впредь мысль о единстве трех племен Русских; без этого единства мы погибнем и очень скоро. в) Литературный русский язык должен быть всем общим в букварях. Вера и язык должны быть связующими элементами. Но не мешает привести *что-нибудь* и на простом языке нашем. г) отнюдь не внушать разлада между Великороссиею и нами. Можно выражать желанья перемен другим способом. Не забывайте, что враги наши: Ляхи и Рим!». – ГАРФ. Ф. 109 (Секретный архив). Оп. 1. Ед. хр. 1763. Л. 3–4 об. Выписка из письма С. Гогоцкого из Киева от 19 дек. 1859 г., к отцу Василию Вас. Гречулевичу, в СПб. Сохранена пунктуация оригинала.

³ Тот же Гогоцкий в середине 1870-х годов полемизирует с украинофилами уже иначе: «Кто в самом деле уполномочивал украинолюбцев отнимать у нас древнее название Русских и все принадлежности этого названия, в том числе и наш общий, культурный русский язык, выработавшийся таким долговременным и многотрудным процессом нашей истории, и все это заменять чем-то *украинским*,

киевские противники украинофильства неизменно играли важную, порой ключевую роль в инициировании и разработке всех репрессивных мер, предпринимавшихся имперским центром в борьбе с украинским движением.

В Галиции под властью Габсбургов в среде русинского населения также происходит ожесточенная борьба между разными стратегиями идентификации. Уже в 1850-е годы постепенно сходит на нет прежде привлекательная для части русинской элиты русинско-польская версия идентичности, которая отражена в формуле *gente ruteni, natione poloni*, т.е. «родом из русин, но член польской нации». Борьба продолжалась в основном между «русофилами», т.е. сторонниками общерусской концепции, и «народовцами», т.е. сторонниками украинской идентичности. Таким образом, в Галиции в других социальных и политических условиях воспроизводился тот же конфликт, что и в Российской империи. Народовцы постепенно берут верх в последние десятилетия XIX в., хотя русофилы сохраняют заметное влияние и в начале XX в. Расклад сил отчасти объяснялся тем, что в Галиции имперская власть играла на стороне народовцев, а русофилы подвергались, особенно начиная с 1880-х годов, довольно жестким преследованиям. Кроме того, русофильские силы редели за счет оттока представителей этого лагеря в Российскую империю, а украинская ориентация усиливалась за счет притока людей и средств из украинофильской среды в России¹. Наиболее ярким примером может служить М. Грушевский, сыгравший весьма важную роль в развитии украинского движения в Галиции.

Конфликты между галичанами-народовцами и надднепрянскими украинофилами случались постоянно. Культурные, в том числе и языковые, различия ощущались современниками порой весьма остро. М. Грушевский, обращаясь к активистам украинского движения, в 1906 г. недаром ссылаясь на пример сербов и хорватов, предупреждая об угрозе формирования двух разных народов на едином этническом фундаменте². Тот же Грушевский чуть позднее жаловался на то, что в Киеве некоторые эмоциональные украинцы бросали на пол

т.е. возникшим гораздо позднее, чисто частным и обозначающим только *крайнюю местность*». Русский вестник. 875. № 7. С. 414–415. Курсив Гогоцкого.

¹ *Himka J.-P.* The construction of nationality in Galician Rus': Ikarian flights in almost all directions // Intellectuals and the articulation of the nation / Ed. by M. Kennedy, R.G. Suny. Ann Arbor, 1999. P. 109–164.

² *Грушевський М.* Україна і Галичина // Літературно-науковий вісник. Львів. 1906. № 36.

в магазине галицийские издания, выражая таким образом отношение к галицийской версии украинского языка¹. О том же говорил чуть позже и Е. Чикаленко, один из лидеров и главных спонсоров украинского движения в Киеве: «Антипатия до галичан и всего галицкого, которая заметна у левобережных... действительно существует, и я боюсь, как бы она не развилась еще больше»².

Будем, однако, помнить, что вплоть до Первой мировой войны разговор о национальной идентичности имел смысл лишь применительно к элитным группам и части городского населения. Основную же массу составляют крестьяне, в чью среду грамотность и национальные идеи начинают проникать в заметных масштабах лишь в начале XX в. Поэтому конфликты между галичанами и «левобережными», помимо вопроса о том, какой диалект должен быть принят за основу для выработки украинской литературной нормы и об источниках заимствований (из русского или польского), нередко касались обычных в такой среде вопросов о лидерстве в движении, распределении средств и других частных вещей. Не дуализм западноукраинской и восточноукраинской идентичности являлся на тот момент главным, хотя различий было много и они потенциально были чреватые расколом. Главная линия раздела и в Галиции, и в российской Украине в начале XX в. по-прежнему проходит между общерусской и украинской стратегиями идентификации. После революции 1905 г., которая принесла заметное расширение политических возможностей, противостояние этих лагерей в Российской империи обостряется и приобретает новые, более явные организационные формы. Теперь существует, пусть и довольно чахлая, украинская пресса, включая ежедневную газету «Рада». Наряду со старыми подпольными громадами украинцы создают, тоже подпольное, «Товарищество украинских прогрессистов». Противники украинства также имели свои газеты («Киев», «Киевлянин») и организацию – киевский «Клуб русских националистов» во главе с местными уроженцами Д. Пихно и А. Савенко. Если Кулиш в свое время жаловался на «земляков-недоумков», то Чикаленко в своем «Дневнике», который является великолепным источником для понимания атмосферы и обстоятельств украинского движения того времени, пишет уже о своих оппонентах: «вражьи землячки», «наши перевертны, которые зовут себя рус-

¹ См.: Чикаленко Е. Щоденник. Київ., 2004. Т. 1: 1907–1917. С. 133.

² Там же. С. 134.

скими националистами», «черносотенные малороссы»¹. Иллюзий по поводу просвещения «недоумков» он уже не питает.

Разумеется, основная масса образованной публики не принадлежит ни к одному из этих полюсов. Чикаленко в своих дневниках дает описания таких людей, которых он старался обратить в правильную веру и привлечь к движению. «Родом он черниговец, но из-за того, что всю жизнь прожил за пределами Украины, он воспитался, как и большинство украинских интеллигентов, на общеросса»². «Он, без сомнения, испытывает стихийную любовь к украинству, но в возрождение нашей нации, очевидно, не верит, да и не думал никогда об этом. Он с отвращением относится к украинскому литературному языку, считает его калечением милой его сердцу народной мовы, хотел бы, чтобы газета писалась мовой Шевченко, Котляревского, а в тех случаях, когда слов не хватает, следует брать, по его мнению, всем уже известные русские слова»³. А вот как Чикаленко в целом оценивал ситуацию в 1909 г.: «Города наши так омосковлены, что очень, очень малый процент населения вообще проявляет какой-либо интерес к украинству... Обычный городской обыватель, который кое-как умеет говорить крестьянской украинской мовой, не выпишет нашей газеты, потому что он лучше понимает газету российскую, да она и даст ему больше новостей, и эти новости будут свежее»⁴.

Войны и революции 1914–1921 гг. – идентичность в эпоху слома

Неверно понимать развитие национальной идентичности по аналогии с постепенным и неуклонным созреванием плода, и не только потому, что плод может и не созреть. В определенных обстоятельствах процессы формирования национальной идентичности развиваются взрывообразно, охватывая заметно более широкие, чем вчера, слои населения, превращая национальную идентичность из проблемы, достаточно периферийной в условиях спокойной жизни, в ключевой элемент стратегии выживания не только социальных групп, но и индивидов. Именно так развивались события после начала Первой мировой войны.

¹ Чикаленко Е. Щоденник. Київ., 2004. Т. 1: 1907–1917. С. 93, 188, 256.

² О И.М. Полторацком: Там же. С. 319.

³ О И.Д. Яновском: Там же. С. 68

⁴ О И.Д. Яновском: Там же. С. 47–48.

С началом войны природа всех этнических проблем радикально изменилась. В ходе мировой войны великие державы стали жестко подавлять потенциальных союзников врага у себя в тылу и использовать поддержку национального сепаратизма в лагере соперника без ограничений, характерных для предшествующего периода, когда они больше были озабочены сохранением определенной солидарности между империями в борьбе с национальными движениями. Если российская оккупация Галиции в 1914–1915 гг. сопровождалась гонениями на украинских активистов, то австрийские власти создали даже специальные концентрационные лагеря для русофильски настроенных русинов. «Неправильная» этничность или идентичность сама по себе могла теперь стать достаточным основанием для ареста, депортации, экспроприации имущества, «правильная» – источником неожиданных преимуществ. Немецкие власти, а за ними и австрийцы создавали особые привилегированные лагеря для военнопленных-украинцев, которых часто приходилось убеждать в том, что они именно украинцы. Там с ними сначала работали пропагандисты из Галиции. Вскоре, когда обнаружилось отчуждение выходцев с «русской» Украины от галичан, пропагандистов рекрутировали уже среди выходцев из надднепрянских областей.

На оккупированных в 1915 г. территориях немецкие власти разрешили местные языки и запретили использование русского в образовании, печати и администрации. «Иерархия» языков, установленная в Российской империи, была перевернута. Это, разумеется, не меняло тотчас языковую ситуацию с точки зрения распространения языков, но имело далеко идущие символические последствия – впервые возникла ситуация, в которой владение местными языками окраин давало индивидам существенные преимущества¹. Успехи немцев и поражения русской армии привели к тому, что идея отдельного от России существования Украины под покровительством Германии с 1916 г. уже перестала казаться фантастической.

Как следствие, уже в 1915 г. Николай II впервые употребляет в публичном высказывании понятие «украинцы» в положительном контексте и благодарит их за лояльность². В Петербурге к тому времени поняли, что теперь России следует бороться за симпатии

¹ Французы, оккупировавшие Новороссию в 1919 г., проводили такую же политику.

² Миллер А. Империя Романовых и национализм... С. 183.

украинцев в новых условиях, когда армия терпит поражения, а к прежним участникам игры – полякам, Вене, Ватикану – присоединялась Германия. Власти воюющих империй теперь направляли на поддержку национальных движений невиданные прежде ресурсы.

После Февральской революции 1917 г. по приказу Верховного главнокомандующего генерала Л.Г. Корнилова начинается украинизация и белорусизация армейских частей. Корнилов надеялся таким образом предохранить эти части от большевистского влияния и в то же время мог рассматривать эту меру как ответ на активность Германии в украинском и белорусском вопросе. Вот как вспоминал в 1919 г. об этих событиях бывший гетман Украины, а в 1917 г. лояльный генерал империи П. Скоропадский, которому Корнилов поручил украинизацию вверенного ему корпуса: «Корнилову я ответил, что только что был в Киеве, где наблюдал украинских деятелей, и на меня они произвели впечатление скорее неблагоприятное, что корпус впоследствии может стать серьезной данной для развития украинства в нежелательном для России смысле и т.д. ... Легкомысленное отношение Корнилова к этому вопросу показало мне его несведомленность и непонимание»¹.

Большевистский переворот фактически уничтожил тот легитимный центр в Петербурге, с которым окраинные движения собирались торговаться по поводу широты их федеративных или автономных прав, и заставил задуматься о независимости многих из тех, кто прежде не рассматривал ее как серьезную перспективу. В украинском национализме многие, в том числе даже русские деятели, видели теперь силу, способную остановить продвижение большевиков на юг.

Пересказать перипетии событий на Украине в 1917–1920 гг. в рамках этой статьи невозможно. Достаточно отметить, что власть в Киеве за это время 14 раз переходила из рук в руки. Режим Центральной Рады сменился гетманством Скоропадского, затем Директорией Петлюры. На востоке, с центром в Харькове, в это

¹ *Скоропадский П.* Спогади. Юнец 1917 – Грудень 1918. Київ, 1995. С. 64. О своем детстве и семье Скоропадский вспоминал так: «Украина понималась как славное родное прошлое, но отнюдь не связывалась с настоящим, другими словами, никаких политических соображений, связанных с восстановлением Украины, не было. Моя вся семья была глубоко предана российским царям, но во всем подчеркивалось как-то, что мы не великороссы, а малороссияне, как тогда говорили, знатного происхождения». (*Скоропадский П.* Мое детство на Украине // *Скоропадский П.* Спогади... С. 387.)

время существует Советская республика, а в Галиции – отдельная Западно-Украинская Народная Республика.

Петлюра, потерпев поражение, перешел на сторону поляков, а галицкие украинские части, проиграв в марте 1919 г. полякам битву за Львов, присоединились к Деникину¹. Красная армия добивала Врангеля в союзе с армией Махно, в основном состоявшей из украинских крестьян. Так в 1919–1920 гг. разные военные формирования украинцев оказались на стороне Польши, белых, большевиков, что прекрасно иллюстрирует, насколько причудливыми были расколы и союзы, возникавшие на почве переплетения различных национальных и социальных ориентаций.

За неполные семь лет с начала Первой мировой до конца советско-польской войны миллионы людей на Украине стали объектом украинской, немецкой, австрийской, польской, французской, российской, большевистской пропаганды, обращавшей к ним как к украинцам. Им обещали землю в независимой Украине, порядок и защиту от большевизма в независимой Украине, светлое коммунистическое будущее в Советской Украине и т.д. Эти люди служили в разнообразных украинских частях, сидели в украинских лагерях для военнопленных. Когда историки говорят о том, что XIX век кончился в 1914 г., они имеют в виду и взрывное распространение в эти годы идей национализма и националистических механизмов идентификации.

Две украинские идентичности

Современная оппозиция «западноукраинской» и «восточноукраинской» идентичности сформировалась главным образом в XX в., прежде всего под влиянием опыта межвоенного периода. Описание этой оппозиции как отражающей разницу между Западной Украиной – наследницей более толерантной, демократической и либеральной традиции Австро-Венгрии – и надднепрянской Украиной – жертвой авторитарной традиции и русификаторской политики империи Романовых – представляет собой ошибку или сознательную манипуляцию. Во-первых, то, что сегодня называется Западной Украиной на современных электоральных картах, состоит не только из бывших австрийских владений. Сюда входит и Вольнь, которая никогда под властью Габсбургов не была. Во-вторых, не все бывшие австрийские владения голосуют и вообще ведут себя

¹ Подробнее см.: *Шанковський Л.* Українська Галицька Армія. Львів, 1999.

по модели Галичины. Закарпатье с Ужгородом, Буковина с центром в Черновцах были частью Австро-Венгрии, но в своем политическом поведении они отличаются от Галиции: на советском мартовском референдуме 1991 г. против сохранения Союза в «ядре» Западной Украины, то есть во Львовской, Тернопольской и Ивано-Франковской областях, голосовало 76–80%, в Волынской и Ровенской областях – 43, в Закарпатской и Черновицкой – 36, в Киеве – 53, в Хмельницкой, Житомирской и Винницкой областях – 18–21%. Между тем Восточная Галиция и Волынь вместе входили в состав межвоенной Польши, а Закарпатье и Буковина – нет. Таким образом, именно сочетание наследия габсбургской эпохи с опытом межвоенной Польши дает тот «идеалтипический» феномен западноукраинского национализма, который мы видим в Львовской, Тернопольской и Ивано-Франковской областях.

Опыт пребывания во II Речи Посполитой был принципиально важен для формирования этого типа национализма. Польско-украинские отношения в межвоенный период были довольно напряженными. Остро стоял вопрос о «национальной собственности» на Восточную Галицию с центром во Львове. В связи с активной польской колонизацией все более обострялась борьба за землю на Волыни. Сторонники компромисса были как с польской, так и с украинской стороны. Однако с украинской стороны это предполагало серьезные уступки, в частности, признание не только Западной, но и Восточной Галиции неотъемлемой частью Польши. (Поляки настаивали на официальном названии этих земель «Восточная Малопольша».) Непримиимые националисты нередко прибегали к террору, причем не только против поляков, но и против своих «отступников». В конце 1920-х годов возникла Организация украинских националистов (ОУН), которая считала насилие легитимным способом политической борьбы и еще до войны осуществила сотни актов саботажа и диверсий, а также по крайней мере шесть десятков политических убийств. Членами организации (максимальная численность – около 20 000) были в основном молодые люди, гимназисты и студенты. ОУН во многом сформировала это молодое поколение межвоенного периода, в котором отчаянная готовность к самопожертвованию во имя нации сочеталась с такой же жестокостью к тем, кто мешал ее воплощению действием или самим своим присутствием на «украинской национальной территории».

В то же время даже в 30-е годы, когда авторитарные тенденции в польской политической жизни усилились, у украинцев осталось много легальных возможностей для деятельности нацио-

нальных организаций. Важные навыки национальной мобилизации в легальной сфере были накоплены украинскими активистами еще в Австро-Венгрии. В России думского периода украинские активисты старались наверстать отставание в этом плане. Именно в межвоенный период пути Востока и Запада в этом аспекте разошлись кардинально. Советская социальность никак не была похожа на ту школу именно национальной самоорганизации, в том числе в легальной сфере, которую западноукраинцы получили в межвоенной Польше.

Межвоенный период стал в Восточной Европе временем перехода к всеобщему школьному образованию. Школа – мощнейший механизм массовой индоктринации, причем опыт первого грамотного поколения оказывается особенно важен, потому что с грамотностью общество приобретает новые каналы межпоколенческой трансляции мифов и идентификационных установок. В Польше работали украинские школы. Важной составляющей идеологической индоктринации в этих школах были антисоветские и антирусские настроения, что вполне соответствовало идеологической ориентации польской государственной власти. Здесь в общественной жизни были активны ветераны петлюровских войск, совсем недавно сражавшиеся и с белыми, и с красными русскими.

Широко распространен в западноукраинской среде был антисемитизм, который отчасти был связан с антисоветизмом (образ «жидокоммуны»), отчасти питался общим для значительной части и поляков, и украинцев того времени взглядом на евреев как на капиталистических эксплуататоров.

В этих условиях и формируется часто радикальный в методах борьбы этнический украинский национализм, для которого и поляки, и евреи, и русские были не просто «иные», но «чужие», часто – враги. Распространенное здесь в габсбургский период русофильство сильно пострадало уже в ходе Первой мировой войны, а теперь еще больше маргинализуется.

В начале Второй мировой войны украинские националисты в Галичине были готовы к союзу с гитлеровской Германией. Но очень скоро они поняли, что в отличие от времен Первой мировой войны немцы теперь не готовы обсуждать перспективу создания, пусть даже зависимого от Рейха, украинского государства. Фактически в ходе войны националисты Западной Украины воюют против всех – против Советов, против поляков, против евреев и даже против немцев. Понимание того, что победа невозможна и союзника-патрона, на которого следовало бы оглядываться, нет, под-

талкивает к самым радикальным действиям. Во время большой войны имперских армий идет еще местная война, в которой землю, которую западноукраинцы считают своей, «чищают» от поляков¹. Отсюда печально знаменитая волынская резня 1943 г., когда беспримерная жестокость, с которой убивали десятки тысяч поляков, должна была подтолкнуть остальных к бегству. Поляки, в свою очередь, будут чистить землю от украинцев там, где у них будет такая возможность в 1944–1946 гг., а потом и во время акции «Висла» 1948 г. Силы Украинской повстанческой армии (УПА) участвовали и в Холокосте.

Борьба украинского подполья продолжалась до конца 1950-х годов, теперь уже против советской власти, нередко представленной тоже этническими украинцами с востока, и против тех местных, кто шел с ней на сотрудничество. Ситуация вооруженного националистического подполья, воюющего против всех и даже против украинцев, если те проявляют склонность к компромиссам с кем-либо, вела к дальнейшей радикализации движения. Именно в эту эпоху и эти реалии уходят корни современного западноукраинского национализма, с его жесткой этнической привязкой, с мощными мобилизационными механизмами, с отношением к более «мягко» настроенным соотечественникам как к «коллаборантам» и отступникам. Тогда же загнанная в подполье униатская церковь окончательно закрепляется в роли оплота украинства, которую она во многом обрела в межвоенной Польше².

В определенном аспекте ситуация в Украинской ССР была схожа с ситуацией на украинских землях под властью Польши. В ходе политики украинизации, ставшей специфической частью общей для всего СССР политики коренизации³, общерусская и/или малорусская версии идентичности оказались вне закона, в том числе и в буквальном смысле. Утверждается именно украинская

¹ Превосходный общий обзор событий, которые автор назвал «гражданскими войнами» в Советском Союзе в ходе Второй мировой войны, см. в: *Rieber A.J. Civil Wars in the Soviet Union // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian history. 2003. Vol. 4. № 1. P. 129–162.*

² Следует помнить, что в XIX в. настолько значительная часть униатских священников была в лагере русофилов, что Вена и Ватикан в начале 1880-х годов вынуждены были организовать тотальную чистку униатского духовенства и провести реформу местных семинарий.

³ Специфика заключалась в том, что в Украине и Белоруссии коренизация в большей степени, чем в других республиках СССР, была связана с демонтажем достижений проекта строительства общерусской нации, с дерусификацией.

идентичность. Ликвидация безграмотности проходит на украинском языке. В 1920-е годы Москва рассматривает УССР и БССР еще и как «выставочные павильоны» национальной политики, стремясь таким образом проецировать свое влияние на восточнославянское население в Польше.

«Общерусскость» и малороссийство могут теперь открыто декларироваться лишь в эмиграции. Так, в 1925 г. созданное в Праге «общество студентов малороссов и белоруссов “Единство русской культуры”» выступает с декларацией, включившей в себя все ключевые идеологемы общерусского проекта. «Мы, малороссы и белоруссы, не отказываемся от наших народных особенностей, знакомых и любимых нами с детства... Но мы не забываем, что все мы – украинцы, кубанцы, галичане, белоруссы, все – без различия политических убеждений, в то же время и русские наравне с великороссами, как баварцы и саксонцы – немцы, наравне с пруссаками, провансальцы и гасконцы – французы, наравне с бретонцами, тосканцы и сицилийцы – итальянцы наравне с ломбардцами. Для нас ясно, что великая Россия не равнозначна Великороссии. Над созданием общего отечества русских малороссы и белорусы трудились не менее великороссов... Непонятно поэтому стремление части малороссов и белорусов ... отвернуться от плодов общих с великороссами культурных усилий предшествовавших поколений, чтобы под новыми именами, следуя новому вероучению, строить здание новой культуры почти с основания. Искусственно возбуждаемое между русскими племенами взаимное отчуждение, направленное на разрушение всего, чем спаян был русский народ в целом... грозит поставить в неминуемую опасность чужеземного засилия не только Россию, но прежде всего свои Украину, Кубань, Белоруссию, Галичину. В полном убеждении, что отрицание русского единства объясняется лишь заблуждением у многих малороссов и белорусов (sic!), которое должно смениться сознанием неизбежности тесного и добровольного сотрудничества всех ветвей русского народа, мы призываем всех украинцев, кубанцев, галичан и белорусов, не заглушивших в своей душе чувства кровной и культурной русской связи, к дружной работе, способствующей на будущее время живому, свободному и цельному в своей многогранности единству русской культуры»¹. Но это уже голоса издалека. Однако

¹ ГАРФ. Ф. 5974. Оп. 3. Д. 5. Л. 6. Фактически в эмиграции оппозиция общерусскости и украинства оставалась актуальной весь межвоенный период. Подробнее см.: *Миллер А.* Империя Романовых и национализм... С. 195–203.

идеологическое наполнение восточноукраинской идентичности существенно отличалось от западноукраинского варианта. Антирусскости в школе, разумеется, не учили. Русские и Россия описывались уже как иные, но «свои». В школе говорили об «интернационализме и дружбе народов». Сколько-нибудь существенного националистического подполья не было. В этих условиях формируется украинская идентичность, которая не имеет столь жесткой этнической доминанты, как в ее западном варианте. Образ военного прошлого, многократно отшлифованный советской пропагандой, стал тоже совсем иной – восточнукраинцы сражались на правой стороне и вместе с русскими.

Граница между русскостью и украинскостью оказывалась пористой, легко пересекаемой не только в межэтнических браках, но и в отдельной биографии. Л.И. Брежнев, например, пока он делал карьеру на местном уровне, в Днепропетровске, по документам – украинец. Но как только его карьера выходит на союзный уровень – он по документам уже русский.

Отношение друг к другу представителей двух разных украинских идентичностей во многом походит на те, которые были между украинцами и малороссами до Первой мировой войны. Украинцы смотрели на малороссов как на объект просвещения и социальной инженерии, как на заблудших и исковерканных чужим влиянием. Так же сегодня смотрят западноукраинцы на восточнуукраинцев. Если малоросс упрямо настаивал на своей идентичности, а тем более на ее праве быть доминирующей в стране, то он в глазах украинца становился «вражьим землячком», прихвостнем москалей. Так же смотрит западноукраинец на агрессивно отстаивающего свою правоту восточнуукраинца. В свою очередь, малороссы считали украинофилов подпавшими под вредное влияние (поляков, Австрии, Германии) и обвиняли их в агрессивном национализме. Так же восточнуукраинцы смотрят на западноукраинцев, обзывая их нациками и считая, что они служат интересам поляков (это константа!) и американцев. Каждая из сторон сегодня претендует на то, что воплощает ценности демократии и модернизации лучше соперника. Западноукраинцы описывают восточнуукраинцев как совков, а те отвечают насмешками в адрес «рогалий», деревенщины. Обе стороны «в своем глазу бревна не видят», обе смотрели и смотрят друг на друга как на «чужих», как на источник угрозы. Это, в общем, не лишено оснований, если исходить из представления, что ситуация такого дуализма идентичностей не-

нормальна, временна и должна быть разрешена победой какой-то одной из этих идентичностей в масштабе всей Украины.

Избирательная риторика всех крупных политических сил, в особенности «оранжевого» лагеря, активно эксплуатирует именно эту идею. Тактика использования истории фокусируется не на совместном «забывании», маргинализации тех фигур и событий, трактовка которых на востоке и западе страны резко различается, но на их возвеличивании и стремлении поставить их в фокус идентификационного проекта. Таким образом идентификационный раскол страны в очень большой степени связан с разными образами прошлого и вытекающими из этого разными представлениями о «своих» и «чужих».

В условиях частых выборов (избирательные кампании прошли в 2004, 2006 и 2007 г., новые президентские выборы будут в 2009 г.) и примерного равенства электоральных ресурсов ведущие политические силы боятся отказаться от проверенных инструментов идеологической мобилизации (с одной стороны, это образы «советизированного, готового обменять украинскость на чечевичную похлебку Востока» и идея угрозы украинскому языку, с другой – это образ «фанатичного в своем национализме Запада» и идея угрозы русскому языку). Избирательная кампания 2007 г. лишний раз это подтвердила: как только Партия регионов, начавшая кампанию с упором на экономические лозунги, почувствовала, что теряет темп, она тут же вернулась к испытанному оружию – темам русского языка, членства страны в НАТО и противостояния с западом Украины. «Оранжевые» же партии эксплуатировали тему российской угрозы с самого начала. Тем самым идентификационный раскол с каждой новой избирательной кампанией углубляется. Политические лидеры боятся отступить от привычных позиций, потому что отказ от использования оппозиции «Восток – Запад» не сулит немедленных дивидендов с точки зрения увеличения электоральной поддержки в «чужих» регионах и грозит потерей части «своих» голосов.

Выход из этого порочного круга возможен лишь в том случае, если одна из ведущих «оранжевых» сил (ждать этого можно скорее от В. Ющенко, чем от Ю. Тимошенко) пойдет на стратегическую, устойчивую коалицию с Партией регионов. Если этого не произойдет, то для преодоления тенденции к углублению конфликта двух украинских идентичностей потребуются смена поколений политических лидеров.

Государство и нация в Украине после 2004 г.: анализ и попытка прогноза

«Оранжевая революция» 2004 г. спровоцировала появление массы довольно поверхностных книг и статей о политическом развитии Украины как оптимистического, так и алармистского толка. Среди публикаций 2005 г. трезвым подходом и теоретической основательностью выделяются две работы, написанные известными политологами – Домиником Арелем и Альфредом Степаном¹. Обоих можно охарактеризовать как сторонников «оранжевой революции», не склонных идеализировать ее природу и лидеров. Арель давно специализируется в области украинской проблематики, Степан Украинской прежде специально не занимался, но является признанным специалистом по анализу авторитарных режимов и различных моделей их демократизации. Статья Ареля публиковалась на русском языке, поэтому мы ограничимся лишь отсылками к ее основным тезисам и подробнее остановимся на аргументации Степана, которая представляет интерес не только применительно к украинскому случаю. В заключительной части статьи мы проанализируем, насколько обоснованными выглядят выводы и прогнозы Степана в свете событий, происходивших в Украине с момента публикации его исследования.

Для анализа политической ситуации в Украине Степан прибегает к противопоставлению двух идеалтипических моделей. Одна из них нам хорошо знакома – «нация-государство». Альтернативную модель «государство-нация» Степан разрабатывал в последние годы на материале Испании, Бельгии и Индии со своим много-

¹ Арель Д. Украина выбирает Запад, но без Востока // Pro et Contra. 2005. Т. 9. № 1(28). С. 39–51; Степан А. Ukraine: Improbable democratic “nation-state” but possible democratic «state-nation»? // Post-Soviet affairs. 2005. № 4. P. 279–308. (Ссылки на статью Степана далее даются в тексте с указанием номера страницы в скобках.)

летним соавтором Хуаном Линцем и новым сотрудником, политологом из Индии Йогендрой Ядавом¹.

Целью политики в духе модели нации-государства является утверждение единой, мощной идентичности сообщества как членов нации и граждан государства. Для достижения этой цели государство проводит гомогенизирующую ассимиляторскую политику в области образования, культуры и языка. В сфере электоральной политики автономистские партии не рассматриваются как партнеры по коалиции, а сепаратистские партии либо объявляются вне закона, либо маргинализуются. Примеры модели – Франция, Швеция, Япония, Португалия. Такая политика облегчается, если в государстве в качестве культурной общности с политическим представительством мобилизована лишь одна группа, которая видит себя единственной нацией в государстве.

Если в государстве есть две или более таких мобилизованных групп, как в Испании после смерти Франко, в Канаде при создании федерации в 1867 г., в Бельгии к середине XX в. или в Индии при получении независимости, демократические лидеры должны выбирать между исключением таких националистических культур или их обустройством в государстве. Все перечисленные государства в конечном счете выбрали модель, которую точнее описать не как нацию-государство, но как государство-нацию. Они решили признать более чем одну культурную, даже национальную идентичность, и оказать им институциональную поддержку. Они стремились сформировать множественные, взаимодополняющие идентичности в рамках одного государства. Для этого они создавали асимметричные федерации, внедряли практики консоциативной демократии, допускали более чем один государственный язык, позволяли автономистским партиям сформировать правительство в некоторых регионах и, порой, войти в коалицию, формирующую правительство в центре. Задача такой модели – создать у разных наций государства лояльность по отношению к нему на институциональной и политической основе, хотя политика не совпадает с различающимися культурными демосами.

¹ Первые их публикации о модели «государства-нации» появились в 2003–2004 гг. На сегодня наиболее полное изложение концепции в печати: *Stepan A. Comparative theory and political practice: do we need a “state-nation” model as well as a “nation-state” model? // Government and opposition. 2008. Vol. 43, № 1. P. 1–25.* Монография на эту тему: *Stepan A., Linz J.J., Yadav Y. Democracy in multinational societies: India and other politics.* Baltimore; L., 2008.

Недавно обретшие независимость страны могут выбрать настойчивую и энергичную, но мирную и демократическую стратегию построения нации-государства, если полис и культурный демос почти совпадают, политическая элита объединена в принятии такой политики и международная ситуация хотя бы не является враждебной осуществлению такой стратегии. Ситуация Украины в момент получения независимости не соответствовала ни одному из этих условий (р. 282).

При описании культурной и политической ситуации в Украине Степан во многом опирается на анализ Ареля, который показал, как и почему Восток и Юг Украины в культурном и языковом отношении существенно отличаются от Запада страны¹. Арель подчеркивает, что важно не только языковое различие как таковое (преобладание русского языка на Востоке и Юге), но культурные особенности, структура исторической памяти и идентичности. На западе страны Россия и русские выступают в роли конституирующего «Иного» как однозначно чужие, во многом враждебные. На востоке и юге преобладает восприятие русской культуры как своей, сходны с Россией и многие элементы исторической памяти, прежде всего представления о «наших» и «чужих» в ходе Второй мировой войны. Оба кластера регионов имеют представляющие их политические силы. В целом, что неудивительно, Арель, как специалист по Украине, точнее описывает культурные и идентификационные региональные различия в Украине, чем Степан, который в этой части опирается на чужие, не всегда вполне убедительные исследования. Но отдельные ошибки и неточности, которые мы можем встретить в статье Степана, принципиальной роли не играют и не обесценивают ни ту аналитическую модель, которую он предлагает, ни то, как Степан применяет ее для анализа украинского случая.

Степан подчеркивает принципиальное геополитическое отличие ситуации Украины по сравнению с теми странами, которые он и его соавторы рассматривали ранее в рамках модели «государства-нации», т.е. Индии, Бельгии, Канады и Испании. Суть его в том, что ни одна из этих стран не имела соседа, который представлял бы реальную ирредентистскую угрозу, в то время как у Украины такая потенциальная угроза со стороны России есть (р. 287). Отметим точность этой оценки – Степан говорит в 2005 г. о потенци-

¹ Арель Д. Украина выбирает запад... См. также: Миллер А.И. Прошлое и историческая память как факторы формирования идентичностей в современной Украине // Политическая наука. 2008. № 1. С. 83–100.

альной ирредентистской угрозе, признавая, что на тот момент ирредентистская тема сколько-нибудь серьезно не разыгрывалась как со стороны России, так и со стороны русских в Украине¹.

Сравнивая модель нации-государства с моделью государства-нации, Степан строит следующий ряд оппозиций: приверженность одной «культурной цивилизационной традиции» против приверженности более чем одной такой традиции, но с условием, что приверженность разным традициям не блокирует возможности идентификации с общим государством; ассимиляторская культурная политика против признания и поддержки более чем одной культурной идентичности; унитарное государство или монациональная федерация против федеративной системы, часто асимметричной, отражающей культурную разнородность (р. 283). В других работах Степан также отмечает, что для модели нации-государства более характерна президентская, а для государства-нации – парламентская республика².

Степан формулирует как общий теоретический принцип, что агрессивное проведение политики нации-государства в условиях наличия более чем одной «мобилизованной национальной группы» опасно для социальной стабильности и перспектив демократического развития (р. 280). Он признает, что идеалтипическая модель государства-нации предполагала бы применительно к Украине, в частности, наделение русского статусом второго официального языка государства (р. 292). Такие государства, как Швейцария, Испания, Бельгия и Индия, имеют более чем один официальный язык. Степан отмечает, что у Украины больше шансов создать демократическое политическое сообщество, если она не будет следовать агрессивной стратегии утверждения модели нации-государства. Однако далее он делает оговорку, которая и является главным тезисом его статьи: возможны ситуации, когда линия на нацию-государство, проводимая достаточно мягко, также может облегчить создание множественных и комплементарных идентичностей, которые так важны для государств-наций и для демократии в многонациональных обществах. По мнению Степана, Украина может служить примером такой ситуации.

Степан приводит следующие аргументы в пользу своего тезиса. В Украине предпочитаемый язык не обязательно является

¹ Подробнее о теме ирредентизма в российской политике см.: Наследие империй и будущее России / под ред. А.И. Миллера. М., 2008.

² См.: *Stepan A. Comparative theory and political practice...*

маркером идентичности. Число людей, идентифицирующих себя как украинцы, вдвое больше числа тех, кто использует при общении только украинский язык. По данным одного из исследований, до 98% тех, кто считает себя украинцем, вне зависимости от того, на каком языке они говорят сами, хотели бы, чтобы их дети свободно владели украинским. Среди тех, кто идентифицирует себя как русский, процент тех, кто хочет, чтобы их дети свободно владели украинским языком, также очень высок – 91% в Киеве и 96% во Львове (р. 293). На основании того, что подавляющее большинство русофонов хотят, чтобы их дети свободно владели украинским языком, государство может при достаточной гибкости проводить политику насаждения украинского в духе модели нации-государства, не вызывая напряженности в отношениях со своими русскоговорящими гражданами. Степан также указывает на то, что в 2000 г. лишь 5% респондентов в Донецке и 1% во Львове считали, что Украину будет лучше разделить на два или более государств, а Россия, как потенциальный центр ирредентистского притяжения, вела ожесточенную и кровопролитную войну на Кавказе, что служило эффективным ограничителем ее привлекательности.

* * *

С момента публикации статьи Степана прошло три года. Попробуем оценить в рамках предложенных им критериев, как развивалась ситуация в Украине и насколько оправдались его прогнозы.

Период 2005–2007 гг. в политическом отношении был для Украины весьма бурным. За это время прошли и очередные (в 2006 г.), и внеочередные (в 2007 г.) выборы в Верховную раду. В обоих случаях результаты выборов продемонстрировали, что электоральная база всех без исключения политических сил остается строго привязанной к тому или иному макрорегиону. Созданное после президентских выборов правительство Ю. Тимошенко через полгода было отправлено в отставку. Оно, как и сменившее его правительство Ю. Еханурова, не включало никого из политиков, которые воспринимались бы Востоком и Югом как их политические представители. Сформированное после парламентских выборов 2006 г. правительство В. Януковича, в свою очередь, не включало политических представителей Запада страны. Возникшие тогда было разговоры о возможности коалиции Партии регионов (ПР) с частью президентской «Нашей Украины» ни к чему не привели. Идея создания различных «широких» коалиций поверх раздели-

тельной линии между востоком и западом неоднократно возникала вновь, но так и не была реализована. Правительство Януковича, как и правительство Тимошенко до него, постепенно также вступило в острейший конфликт с президентом В. Ющенко, что и привело к неконституционному роспуску Рады и внеочередным выборам 2007 г. В ходе этого конфликта фактическому разгрому подвергся Конституционный суд, который окончательно утратил возможность претендовать на независимую роль¹. Все конфликтующие стороны неоднократно использовали в разных ситуациях свои «карманные» суды различной инстанции, продолжая подрывать престиж судебной власти. В 2008 г. страна вошла с новым правительством Тимошенко, не замедлившим вновь вступить в острый конфликт с ослабленным президентом. Все ведущие политические силы страны согласны в том, что необходим пересмотр конституции, при этом каждая имеет свое видение и механизма пересмотра, и самой новой конституционной модели власти. В 2009 г., если не раньше, стране предстоят новые выборы президента. Нельзя исключить, что до этого времени произойдут очередные внеочередные парламентские выборы.

Вплоть до роспуска Верховной рады летом-осенью 2007 г. власть, в основном, проводила ту самую сдержанную политику в духе модели нации-государства, шансы которой на успех Степан расценивал как весьма высокие. На востоке и юге страны были предприняты осторожные попытки внедрить некоторые решения в духе модели государства-нации. Ряд регионов и муниципий предоставил русскому языку статус официального. Однако по инициативе президентской администрации эти решения были оспорены в судах и не получили санкции на государственном уровне.

В условиях политического кризиса 2007 г. произошла резкая интенсификация украинизаторских усилий в культурной и языковой сферах. Неполный перечень мер последнего времени включает постановление о том, что через три года все высшее образование в Украине будет переведено на украинский язык, уже вступил в силу закон об обязательном дублировании на украинский всех прокат-

¹ Степан указывал как на важную основу для оптимизма на тот факт, что число «уверенных демократов», определяемых по негативным ответам на вопросы о желательности и вероятности роспуска парламента в Украине, в 2005 г., составляло 63% как среди тех, кто идентифицировал себя как украинца, так и среди тех, кто идентифицировал себя как русского (р. 302). И сам факт роспуска Рады в 2007 г., и обстоятельства, в которых это произошло, серьезно подорвали веру граждан страны в готовность всех политических сил придерживаться демократических и правовых норм.

ных копий зарубежных фильмов. В этот ряд следует поставить и заявление президента об информационной угрозе со стороны русскоязычных средств массовой информации, что обещает дальнейшее сокращение русскоязычного продукта на украинских телеэкранах.

В области политики памяти была резко акцентирована тема Голодомора как геноцида украинского народа. Это как минимум создает дискомфорт для русского населения Украины, потому что дискурс Голодомора как геноцида сопровождается рассуждениями о том, что место истребленных голодом украинцев заняли переселенцы из России. Крайне негативную реакцию везде, кроме Галичины, вызывают настойчивые усилия по героизации Украинской повстанческой армии (УПА), ее командира Р. Шухевича и лидера Организации украинских националистов (ОУН) С. Бандеры.

Неожиданная резкая активизация усилий по вступлению в НАТО в конце 2007 г. сыграла весьма провокационную роль как в сфере внутренней политики, так и для отношений с Россией. Россия в ответ на форсирование Украиной вопроса о вступлении в НАТО весной 2008 г. явно активизировала ирредентистскую тему в своей политике в отношении Украины в целом и Крыма в особенности. (Программа празднования 9 мая 2008 г. в Крыму может служить яркой иллюстрацией этого нового качества российской политики.) Угроза ирредентизма из потенциальной, как характеризовал ее Степан в 2005 г., все более превращается в реальную¹.

Один из важнейших вопросов современной украинской политики – это природа идентичности, а точнее – идентичностей населения юга и востока страны. Дело в том, что, когда мы говорим об особой восточноукраинской идентичности, мы считаем, что она объединяет и тех людей, которые считают себя украинцами по крови, но говорят по-русски, и тех граждан Украины, которые идентифицируют себя как русских². Мы не знаем, что будет происходить в случае дальнейшей активизации украинской политики в духе нации-государства. Весьма вероятно, что значительная часть русскоговорящих украинцев ее примут, с большим или меньшим энтузиазмом.

¹ До сих пор весьма сдержанная в этом вопросе, Москва, как можно предположить, хотела бы создать контролируруемую напряженность в Крыму, с тем чтобы усилить и без того серьезные сомнения многих руководителей стран НАТО в целесообразности приема Украины в альянс и даже предложения ей программы подготовки к членству в НАТО. Но ирредентизм часто похож на джинна, которого значительно легче выпустить из бутылки, чем загнать обратно.

² Таких, по данным переписи 2001 г., более 17%, или 8,3 млн человек.

Но не перешла ли уже государственная политика ту грань, за которой проведение политики языковой украинизации начинает играть мобилизующую роль для тех более чем 8 млн. человек, которые считают себя русскими? Для них вопрос стоит не об изменении содержания их украинской идентичности, но о потере комфортных условий жизни при сохранении русской идентичности (насколько можно судить по недавней переписи населения Украины, подавляющее большинство тех, кто по паспорту с советских времен числился русским, но готов был сменить идентификацию на украинскую, это уже сделали¹).

По данным опросов, проведенных в начале 2005 г., лишь 17% русских граждан Украины считали, что «оранжевая революция» несет им что-то хорошее, против 58% украинцев. Без боязни ошибиться можно предположить, что такая позиция русских граждан Украины была связана с опасениями ухудшения отношений с Россией и усиления украинизации.

В условиях, когда многие из этих опасений получили свое подтверждение, а Россия начала разыгрывать карту ирредентизма, трудно предсказать, как будут меняться настроения в среде украинских граждан с русской идентичностью. В пользу возможного роста ирредентистских настроений в их среде говорят несколько новых факторов. Во-первых, растет экономическая привлекательность России. Это происходит на фоне серьезных трудностей в экономике Украины, которые, скорее всего, будут нарастать в обозримой перспективе. Стране предстоит пережить очередное резкое повышение цен на энергоносители, кредитный кризис, резкий рост инфляции, негативные последствия постоянного откладывания структурных реформ², которые в условиях политической неста-

¹ По сравнению с последней союзной переписью 1989 г. численность русских к 2001 г. уменьшилась на 3 млн человек, или с 22 до 17%, что нельзя объяснить лишь миграцией.

² В недавней статье «Три года спустя. Теоретические размышления об «оранжевой революции»» А. Мотыль, пытаясь (весьма неубедительно) описать развитие после «оранжевой революции» как успешное, ставит в заслугу «оранжевым» лидерам постепенность и неспешность в проведении реформ. Можно сказать, что «неспешность» и осторожность были продемонстрированы во всех сферах, кроме той, где она была так нужна, если следовать аргументам Степана, а именно в национализаторской политике и риторике. См.: *Motył A. Theoretical reflections on Ukraine's Orange revolution // Harvard international review. 2008. Vol. 29, № 4. URL: <http://www.harvardir.org/symposia/78/>. Характерно название этого номера – Failed States, т.е. «несостоявшиеся государства».*

бильности и подготовки к очередным президентским (а возможно, и внеочередным парламентским) выборам будут откладываться и дальше. Экономическая ситуация Украины в 2008 г. сильно напоминает весну – лето 1998 г. в России.

Постоянно растущий разрыв в уровне заработной платы в Украине и России скоро начнет оказывать опасное для Украины воздействие на политическую ситуацию. Главный фактор, который отталкивал от России украинских граждан с русской идентичностью, а именно война в Чечне, устранен. До одного года сокращен срок службы в российской армии.

Весной 2007 г., то есть как раз накануне нового обострения политического кризиса, вызванного роспуском Верховной рады и связанного с ним нового витка интенсификации национализирующей политики, украинский Центр им. Разумкова провел весьма ценное социологическое исследование¹. Оно дает возможность оценить, какими были на тот момент настроения не только «русскоязычных граждан Украины», но и более специфических групп, о которых шла речь выше. Социологи выделили группы «русских», то есть «граждан Украины, русских по национальности, для которых родным языком является русский и которые относят себя к российской культурной традиции и используют русский язык в повседневном общении»; «украинцев» – «граждан Украины, украинцев по национальности, для которых родным языком является украинский, относящих себя к украинской культурной традиции и использующих украинский язык в повседневном общении»; а также «русскоязычных украинцев», т.е. считающих себя украинцами по национальности; «двухязычных украинцев» (с украинской национальностью и украинским языком как родным); и «двухязычных украинокультурных украинцев», декларирующих украинскую национальность, украинский язык как родной, принадлежность к украинской культурной традиции².

Как верно замечают авторы исследования, при таком подходе становится очевидным, что «русскоязычные граждане» не являются вообразенным сообществом в том смысле, в котором использовал

¹ Литвиненко А., Якименко Ю. Русскоязычные граждане Украины: «воображаемое сообщество» как оно есть // Зеркало недели. 2008. № 18(697). URL: <http://www.zn.ua/1000/1550/62942/>

² Между последними тремя группами авторы обнаруживают целый ряд интересных различий, но мы не будем рассматривать их подробно в данной статье, тем более что в целом группы очень близки по своим ключевым ответам.

это определение Б. Андерсон, т.е. группой с общей идентичностью. Это воображенное сообщество существует лишь в умах исследователей и комментаторов.

На вопрос, считают ли себя респонденты патриотами Украины, три последние категории, т.е. люди с украинской этнической идентичностью, но пользующиеся русским языком в повседневности, отвечали практически одинаково. Уверенное «да» – от 37 до 42%, «скорее да» – от 41 до 45, «скорее нет» – от 11 до 6, уверенное нет – 3% или меньше. Затруднились ответить – 6–7%. Положительные ответы в этой группе в сумме (80% и более) почти равны сумме положительных ответов «украинцев», с той разницей, что в этой группе уверенное «да» составляет 59%, а «скорее да» – 30%. Совсем иначе выглядят на этом фоне ответы «русских». Уверенное «да» давали 20,4%, «скорее да» – 29%, т.е. менее половины считали себя патриотами Украины. 14% русских открыто декларировали, что не считают себя патриотами Украины, 27% давали ответ «скорее нет», еще 9% уклонились от ответа.

Еще резче выступают различия в ожиданиях развития языковой и культурной ситуации. Лишь 4% русских согласны с тем, что украинский язык должен быть единственным государственным языком Украины, 13% удовлетворились бы тем, чтобы русский был официальным языком в некоторых регионах, а 70% считают, что русский должен быть вторым государственным языком. Еще 10% вообще считают, что русский должен быть единственным государственным языком страны. Практически зеркальная ситуация в группе «украинцев», где 71% настаивают на том, что украинский должен быть единственным государственным языком, лишь 6% согласны предоставить русскому статус второго государственного языка, а 20% – официального языка в некоторых регионах. Русскоязычные украинцы в этом вопросе оказываются довольно близки к русским – 49% респондентов в этих группах выступают за два государственных языка. Однако среди тех русскоязычных украинцев, которые владеют украинским языком, лишь чуть более 20% согласны предоставить русскому статус второго государственного языка.

В вопросе, какая культурная традиция будет преобладать в Украине в будущем, лишь 6% русских готовы смириться с безраздельным доминированием украинской культуры, 50% считают, что в разных регионах будут преобладать разные традиции, и 24% – что преобладать будет русская традиция. В группах, владеющих украинским языком, неизменно преобладают те, кто согласен с доми-

нированием украинской культурной традиции, хотя лишь среди украинцев такие люди составляют абсолютное большинство (59%).

Интересно, что в вопросе о том, какое определение украинской нации они считают предпочтительным, во всех группах наиболее популярный ответ – «гражданская нация, включающая всех граждан Украины» (русские и русскоязычные украинцы – 43 и 42%, остальные группы – по 35%). Однако сумма остальных ответов, по-разному акцентирующих этнический характер нации, во всех группах украинцев больше, чем процент ответов, акцентирующих гражданский принцип.

В целом эти данные подтверждают, что русскоязычные украинцы хотели бы равноправного статуса для русского языка и культуры, но готовы смириться с политикой в духе нации-государства, в то время как русские решительно такую политику отвергают. Логично предположить, что в их среде за последний год выросли уровень дискомфорта и потенциал для политической мобилизации в ирредентистском духе.

Отметим также очевидное разочарование в политике ПР среди тех избирателей, которые придают первостепенное значение вопросу о статусе русского языка и культуры. ПР не продемонстрировала настойчивости в реализации своих лозунгов в этой сфере и во многом по этой причине постепенно теряет поддержку электората. Возникает ниша для новой политической силы, которая может позиционировать себя как «русская партия»¹. В Крыму, где русские преобладают, такие организации уже есть, и многие из них выступают с русской ирредентистской программой.

Итак, по истечении трех лет со времени публикации статьи Степана можно констатировать, что в результате активизации политики в духе нации-государства, а также шагов России по использованию ирредентистской темы в отношениях с Украиной риски сильно возросли. Причем можно уверенно сказать, что хронологически именно усиление политики в духе нации-государства в Украине предшествовало активизации ирредентистского фактора в российской политике, создало для нее определенные условия и, отчасти, эту активизацию спровоцировало (что вовсе не нужно понимать как индульгенцию для России).

¹ Учитывая, что русские составляют 17% населения, такая партия вполне могла бы рассчитывать на получение фракции в Верховной раде даже в том случае, если проходной барьер будет выше сегодняшних 3%.

Кто виноват в таком развитии событий? Это как раз тот случай, когда ответ на вопрос не представляет большого труда. Главные дестабилизирующие импульсы исходят сегодня от президента страны В. Ющенко. Все перечисленные выше шаги по усилению украинизации были инициированы президентом и теми небольшими партиями, на которые он еще опирается. Именно Ющенко является главным действующим лицом в проведении описанной выше политики памяти. Он даже пытается провести через парламент такую редакцию закона о Голодоморе, которая предусматривала бы уголовную ответственность за отрицание характеристики Голодомора как геноцида. Именно Ющенко был инициатором обращения к НАТО о предоставлении Украине Плана действий по подготовке к членству в НАТО (ПДЧ) и настойчиво проталкивал это решение накануне Бухарестского саммита альянса как внутри страны, так и на международной арене.

Ющенко, не имея большинства в парламенте, правит через указы, многие из которых явно противоречат конституции. Растеряв популярность и отчаянно стремясь сохранить власть, именно президент выступает инициатором всех дестабилизирующих шагов в институциональной сфере. Список этих шагов только за последний год включает неконституционный роспуск парламента, попытку проташить собственный вариант новой конституции (резко усиливающий полномочия президента) через референдум в обход парламента, дискредитацию Конституционного суда, который до сих пор не работает в полном составе¹, постоянное вмешательство в сферу prerogatives правительства.

Две крупнейшие политические силы Украины – Блок Юлии Тимошенко (БЮТ) и ПР – как будто демонстрируют понимание тех механизмов, которые описаны Степаном и его коллегами в модели государства-нации. Обе выступают за парламентскую (или парламентско-президентскую) республику. ПР выступает против форсирования отношений с НАТО, БЮТ не демонстрирует активности в этом вопросе. БЮТ не акцентирует в своей риторике темы Голодомора и УПА, ПР выступает против реабилитации УПА и против политизации темы Голодомора. Ни для БЮТ, ни для ПР до сих пор не была характерна риторика в духе нации-государства.

¹ Сегодня судьи Конституционного суда настолько неприкрыто ассоциируются с той или иной политической силой, что его решения предсказуемы на уровне арифметических действий, – достаточно выяснить, сколько судей в суде у тех сил, которые пытаются провести то или иное решение.

ПР выступает за существенное расширение полномочий регионов, в кризисные периоды даже выдвигая требование федерализации, которое силы «оранжевого» лагеря рассматривают не иначе как сепаратистское. Впрочем, есть все основания предполагать, что для ПР идея федерации имеет не принципиальное, а ситуативное значение. Все это свидетельствует о существовании реальной возможности существенного реформатирования украинской политической сцены, которое позволило бы затормозить опасные тенденции 2007 г. Однако в условиях острого политического противостояния и глубокого взаимного недоверия различных политических сил, в том числе ПР и БЮТ друг к другу, шансы на дальнейшее углубление кризиса заметно выше.

Важным дестабилизирующим фактором является то, что главный соперник Ющенко и лидер БЮТ Ю. Тимошенко имеет в своей политической биографии целую цепь популистских шагов, и никто не возьмется гарантировать соблюдения ею демократических методов ведения политики в случае получения полноты власти. Очередное подтверждение эти опасения получили в марте 2008 г., когда БЮТ добился смещения неугодного мэра Киева Л. Черновецкого с вопиющим нарушением демократических процедур¹.

Демократический характер ПР также вызывает обоснованные сомнения. Строго говоря, ни одна заметная политическая сила Украины не демонстрирует надежных гарантий, что признает демократию «единственной игрой в городе». У всех в «послужном списке» более или менее длинный ряд действий, демонстрирующих неуважение к базовым демократическим принципам, нормам и процедурам.

Нужно отметить, что в борьбе вокруг механизма принятия новой конституции и принципов, которые должны быть в нее заложены, все политические силы руководствуются прежде всего своими сиюминутными политическими интересами. Важно, что в дебатах о желательной форме устройства тема федерации не обсуждается вовсе, а при обосновании предпочтения парламентской республики перед президентской мотив государства-нации не звучит ни со стороны БЮТ, ни со стороны ПР.

¹ БЮТ вообще активно подрывает позиции мэров крупных городов, если они не входят в число его сторонников. Между тем Степан отмечает, что в условиях, когда федерализация Украины затруднена из-за ирредентистского фактора, страна могла бы воспользоваться опытом скандинавской модели, где отсутствие федерации отчасти компенсируется очень широкими полномочиями муниципалитетов.

Таким образом, мы видим, как за три года, прошедшие с момента публикации статьи Степана, оправдались многие его прогнозы и предостережения. К его анализу можно сделать два важных дополнения. Во-первых, он недостаточно учитывал идентификационную неоднородность населения востока и юга страны (хотя Степан больше, чем многие исследователи, уделил внимания различиям в позиции русскоязычных украинцев и русских).

Во-вторых, соблюдение должной умеренности в политике украинизации оказалось весьма сложной задачей. Умеренная политика в духе нации-государства в условиях, когда построение нации-государства невозможно, а выбор модели государства-нации затруднен внешнеполитическими обстоятельствами, – так описал Степан в 2005 г. возможную успешную стратегию для Украины. Такая политическая конструкция успешно работала при сравнительно централизованной системе во времена Кравчука и Кучмы, но она оказалась довольно хрупкой. Слабеющая президентская власть при Ющенко принесла этот умеренный курс в жертву в условиях обострившейся борьбы за власть.

Если политическая мобилизация русских граждан Украины выльется в создание «русской» партии, то Киев столкнется с трудной проблемой. Удовлетворение требований по повышению статуса русского языка и проведению других мер в духе модели государства-нации будет затруднять успешно протекавший до сих пор процесс «мягкой» украинизации русскоязычных украинцев. Продолжение же украинизаторской политики в духе нации-государства будет способствовать росту и без того усилившегося дискомфорта 8 млн. русских и создавать новые возможности для усиления ирредентизма.

При оценке современной ситуации и тенденций ее развития на первый план выдвигаются два вопроса. Во-первых, как и когда будет преодолен кризис власти и какая конфигурация политических сил возникнет на выходе из кризиса? Нет сомнений, что политика нации-государства сохранится, но неясно, будет ли новая властная коалиция продолжать линию на ее активизацию или попытается вернуться к прежнему умеренному курсу. Пока шансы на скорое завершение политического кризиса в Украине выглядят очень скромно. Во-вторых, можно ли будет к тому времени, как кризис завершится, вернуться к прежней политике или срыв 2007–2008 гг. уже запустил процессы, которые заставят списать стратегию, описанную Степаном, в разряд упущенных возможностей? Сегодня уверенно ответить на эти вопросы не может никто.

Стенограмма лекции «Две украинские идентичности», прочитанной в Одессе летом 2011 г.¹

Спасибо, что пришли. Я буду говорить о тех же вещах, о которых на прошлой неделе вам рассказывал Джон-Пол Химка. Я буду говорить о том же, но иначе. Иначе не только по содержанию, но и по стилистике. Несколько лет назад я читал курс в Киево-Могилянской академии, и под конец попросил знакомую местную преподавательницу неформально спросить у студентов, как им все это понравилось. И один из них сказал: вроде он все логично излагает, но слушать очень противно. Вам тоже, я уверен, будет противно меня слушать.

Как вы помните, Химка начинал с XIX в. и говорил о двух идентичностях, одну из которых он называл центральноевропейской, а другую постсоветской. Во-первых, давайте зададимся вопросом, а была ли эта оппозиция восточнукраинской и западноукраинской идентичности центральной для дореволюционного периода? Если вы откроете дневники Евгена Чикаленко, который был очень важным деятелем украинского движения в Киеве до Первой мировой войны, то обнаружите, что, конечно, эта оппозиция галичан и поднепровских, скажем так, украинских националистов была очень часто эмоциональная. Если я правильно помню, Ефремов, входя в киевскую лавку, которая торговала украинскими изданиями, и обнаружив там книжку, изданную галичанами, кидал ее на пол и начинал топтать, чтобы показать свое отношение к тому варианту украинского языка, который пользовался тогда популярностью в Галиции. Грушевский в 1905 г. предупреждал, что на одном

¹ Видеозапись лекции и последующей дискуссии: URL: <https://www.youtube.com/watch?v=I9PmxSYUY50&t=862s>

этническом материале могут сформироваться две нации, и ссылался на пример хорватов и сербов, которых, как галичан и поднепровцев разделяла принадлежность разным империям и разным конфессиям. Но в целом, если мы посмотрим на дневники Чикаленко, да и на многие другие источники, станет ясно, что эта позиция не была ключевой. Это была оппозиция внутри украинского движения. Главным же противником всех украинских националистов были люди, которых я буду называть малорусами и, через черточку, русскими националистами. Это коряво немножко выходит, но хорошо отражает суть дела. Если мы посмотрим на политическую жизнь Киева, начиная с 1905 г., когда политическая жизнь в Российской империи стала легальной, с выборами, причем не только в Государственную Думу, но и в городские Думы, то главным противником Чикаленко считает, и совершенно справедливо, Киевский клуб русских националистов. Этот Киевский клуб русских националистов, созданный в 1908 г., состоял в основном из местных уроженцев. Его возглавляли такие люди как Дмитрий Пихно и Анатолий Савенко, которые подчеркивали свою малорусскую идентичность и при этом были русскими националистами. Они очень уверенно требовали для себя ведущую роль в русском национализме, противопоставляя себя великороссам центральных областей и говоря о том, что Киев в отличие от крупных городов центра посылает в Думу не левых депутатов, а правильных людей, то есть русских националистов. Это действительно было так, потому что они выигрывали выборы в Киеве. Возможно вы удивитесь, но Киевский клуб русских националистов был самой многочисленной русской националистической организацией накануне Первой мировой войны – там было больше 3000 активных членов. А на Волини более 100 000 крестьян состояли в Союзе русского народа, куда их привлекала обещанная местными попами будущая раздача польской помещицкой земли. В Галичине народовцы заведомо сильнее, чем русофилы. Но русофилы не маргинальная сила. Достаточно сказать, что 30 000 подозреваемых в пророссийских симпатиях в 1914 г. оказались в австрийских концлагерях, а вместе с российской армией в 1915 г., когда она отступала из Галиции, добровольно ушло более 100 000 человек.

Так мы подошли незаметно к Первой мировой войне. Мне кажется, что это очень важное событие в истории борьбы по поводу идентичностей на Украине. Потому что неверно полагать, что идентичность – такая штука, которая все время переживается с более-менее одинаковой интенсивностью. И тем более это неверно

для периода до Первой мировой войны, потому что когда я описывал оппозицию киевских русских националистов и киевских украинских националистов, понятно, что это сравнительно небольшие группы политически активного и сознательного населения, которые обращаются со своей политической пропагандой к одному и тому же человеку на самом деле. Этот адресат – такой политически неактивный и не обладающий четко определенной национальной идентификацией малоросс, который еще не украинец. Помните, Химка говорил про свою бабушку, которая была украинка, но этого не знала? Вот это примерно то же самое. Причем это не обязательно были темные крестьяне, это могли быть люди вполне образованные. У Чикаленко применительно к таким людям, как Савенко, есть выражение «вражьи землячки», а применительно к таким неосознанным малороссам Чикаленко говорит что «он вырос из стихийного общеруса из-за тяжелых условий русификации». Первая мировая война очень сильно изменила ситуацию по многим причинам. Во-первых потому, что она резко повысила значение этнического фактора. Причин тому было очень много, но среди прочего одна из очень важных причин состояла в том, что империи, которые сошлись в смертельной схватке, перестали соблюдать определенные конвенциональные ограничения, которых они придерживались до Первой мировой войны. Теперь они начали разыгрывать этническую карту друг против друга. Если мы посмотрим на Первую мировую войну, то мы увидим, что возникло несколько очень важных механизмов мобилизации личности. Во-первых, это лагеря для военнопленных и по российскую сторону, и по сторону центральных держав. В них военнопленные сортировались по этнической принадлежности. И в зависимости от того, в какой лагерь ты попал, условия пребывания существенно отличались. Настолько существенно, что среди военнопленных, которые возвращались потом из немецкого и австрийского плена в Россию, легко вычислялись те, кто сидел в лагерях для украинцев, потому что они были намного более упитанные. Но можно было попасть в совершенно другой лагерь, потому что именно для того, чтобы бороться с подозрительными русофилами австрийцы создали два концентрационных лагеря в Талергофе и Терезине. Это были первые концентрационные лагеря на европейской территории. Всего в них было более 30 000 человек.

В ходе революции появляется новый очень важный игрок – большевики. Главным врагом большевиков, как они это понимали, были те классы, которые составляли опору русского национализма.

Правление гетмана Скоропадского, который из лояльного царского генерала превратился в украинского гетмана, потому что Корнилов поручил ему украинизировать корпус в 1917 г., было последним временем, когда русские националисты и украинские националисты сосуществуют в Киеве. Савенко и Грушевский заседают в одной комиссии по национальным отношениям при Скоропадском. Когда приходят большевики, для тех и для других уже в Киеве нет места. Чикаленко уезжает, Грушевский уезжает, Савенко уезжает. А те члены Клуба русских националистов, которые остались в Киеве, были первыми, кого большевики арестовали и практически тут же всех расстреляли.

И вот мы приходим к межвоенному периоду, когда, на мой взгляд, и сформировались две украинские идентичности. Почему это период так важен? Потому что в этот период общество очень сильно меняется, в том числе и потому, что люди научились читать. Дело в том, что школа, особенно пока нет телевизора, это главный инструмент идеологической индоктринации широких масс населения. И механизмы идентификации в обществе, охваченном хотя бы начальным обязательным образованием, уже иные. На той территории, которую контролируют Советы, утверждается именно украинская идентичность, потому что малорусская и общерусская идентичности при большевиках были уже вне закона. А по другую сторону границы формируется существенно другой тип украинской идентичности в условиях польского государства. Вспомните, как Химка рассказывал эту историю: у него акцент был на то, что демократические традиции Австро-Венгрии были ключевым моментом в формировании центральновропейской идентичности. Это совершенно справедливо для периода до Первой мировой войны. Но тогда совершенно непонятно, откуда взялся Бандера. Именно межвоенное время с очень острым украинско-польским конфликтом и было периодом, когда формируется западноукраинская идентичность. Она характерна не только для Галичины, но и для Волыни, которая никогда частью Габсбургской империи не была, а досталась Польше от России в 1920 г. Важным различием этих двух украинских идентичностей был набор «образов врага». Всякая групповая идентичность формируется через систему оппозиций «мы – они». В этом смысле в межвоенной Польше ключевой враг это «жидо-коммуна». Второй главный враг – это, конечно, русские. Про этих двух врагов говорили в школе. А в повседневной жизни врагами для украинских националистов были еще поляки. И в этих условиях формировался такой очень закрытый,

этнически эксклюзивный тип идентичности. В этой атмосфере возникали те подпольные организации, в которых молодые люди были готовы убивать за национальное дело и готовы были умирать за национальное дело. В межвоенный период мишенями террора этих подпольных организаций были польские чиновники, но более всего жертвами были украинцы, те украинцы, которые пытались с поляками договориться и наладить мирное сосуществование. Теперь если вы посмотрите на советскую Украину, то в школе не учили, что русские – это враги, говорили про интернационализм. С антисемитизмом боролись. Врагом были белополяки, мировой капитал и его агенты внутри страны. Формировавшаяся в этих условиях идентичность была, что называется, пористой по краям. Заметно больше было смешанных браков, довольно легкими были переходы из одного состояния в другое. Вот такой известный персонаж Леонид Ильич Брежнев начинает свою карьеру в Днепропетровске как украинец по паспорту, а позднее становится русским. И это на самом деле довольно характерная черта для, скажем, первых десяти лет уже независимой Украины. Потому что, если вы помните по последней советской переписи населения на Украине жили 12 млн русских, а по переписи 2001 г. их осталось восемь. А никакого массового переселения в Россию мы не наблюдали. Очевидно, что значительная часть людей просто поменяла официальную идентификацию.

Ну вот мы и подошли к современности. В 2005 г. Альфред Степан, очень известный американский политолог, он долго был ректором одного из колледжей Оксфорда, написал статью об Украине. Очень любопытный факт, что обычно, если кто-нибудь что-нибудь про Украину напишет из серьезных западных людей, это сразу переводится, как-то обсуждается, но эта статья вообще не получила никакого отклика на Украине. Сейчас я вам ее перескажу кратенько, и вы поймете, почему не обсуждается. Степан для анализа ситуации в Украине в 2005 г. использует оппозицию двух моделей – нации-государства, которая нам всем хорошо знакома, и модели государства-нации, которые он разрабатывал на примере Бельгии, Канады, Индии. Речь там идет том, что новые государства, которые получают независимость, могут строить нацию-государство, то есть стремиться к тому, чтобы была одна доминирующая национальная группа с какими-то меньшинствами по краям, в том случае, если есть лишь одна сильная консолидированная и политически мобилизованная группа, которая считает себя нацией-хозяйкой в этом государстве. А в том случае, если таких групп

больше, то попытка им навязать эту модель нации-государства может привести к очень тяжелым конфликтам. Совершенно очевидно, что на Украине есть больше одной такой мобилизованной группы с мощной идентичностью, которые, если вам угодно, можно называть нациями, но можно и не называть. Это восточнукраинская и западноукраинская идентичности. У этих групп разные историческая память, разные наборы ценностей, разный язык, разное политическое представительство. Вы все это знаете как регионально локализованные политические силы на Украине. Модель государства-нации предполагает признание этого многообразия, приспособление государственных институтов для того, чтобы не пытаться добиться единой национальной идентичности, где признается существование различных групп, что не препятствует их лояльности общему государству. Но в условиях, когда рядом Россия с ее возможным ирредентизмом, решиться на такую политику трудно.

Поэтому рецепт Степана таков: мы вроде как стремимся к национальному государству, но по принципу «поспешай медленно». Делаем это, не нарушая какого-то баланса и не создавая ощущения острого дискомфорта для группы, которую можно назвать восточнукраинской. Восточные украинцы, в принципе, были готовы терпеть определенную степень дискомфорта, полагая что «хорошо бы наши дети переключились на украинский язык» и так далее, а мы уж так доживем. Вернемся к статье Степана 2005 г. Степану очень нравится оранжевая революция 2004 г., и он надеется на то, что Ющенко сможет как-то дальше развивать эту политику медленной национализации. Что же получилось? С 2007 г. Ющенко этот хрупкий баланс нарушил и своей политикой в области исторической памяти, и своей языковой политикой, в том числе в системе просвещения. Он не только не попробовал построить мосты между региональными элитами, но посмотрите на все эти правительства Еханурова и Тимошенко, потом правительство партии регионов. Ни в одном из этих правительств не было сочетания людей, представляющих и Восток, и Запад. Таким образом люди, которые полагали, что на их жизнь вот такой тихонькой ползучей украинизации хватит в том смысле, что они свое нормально доживут, разочаровались в этих надеждах. В современном украинском политическом дискурсе тема федерации абсолютно нелегитимна. Политики с обеих сторон не готовы признавать оппонентов как группу со своими правами. О восточнукраинцах западенцы говорят, что у них постсоветская идентичность. Это такая подсказка,

что вот люди такие травмированные, недоделанные, они как бы постсоветские, «совки», надо с ними поработать, они объекты социальной инженерии. Мы сейчас из них сделаем правильных людей. Что такое Западная Украина в таком радикальном восточноукраинском взгляде? Это какие-то рагули, нацики, бандеровцы. То есть дискурс вот этот отталкивающий, дискурс отторжения, он очень резкий с обеих сторон, и обе стороны подозревают друг друга в намерениях разрушить перспективу хорошей жизни. Потому что дискурс Западной Украины, если приходит Янукович, состоит в том, что украинство в опасности, а ощущение Восточной Украины после 2007 г. – что нам не дадут дожить спокойно.

А я к этой картинке добавлю еще одну группу, которую Степан не заметил. Дело в том, что как правило, в украинских рассуждениях на эту тему используется понятие «рускоязычные», и это, с моей точки зрения, заблуждение. Это очень хорошо показал центр Разумкова, который в 2005 г. проводил исследование. У них получилось, что на самом деле на Украине три группы, потому что у них есть, скажем так, украинцы, у которых родной украинский, есть украинцы русскоязычные, у которых родной русский, но которые идентифицируют себя как украинцев. А еще есть больше 7 млн русских, которые реагируют на окружающую действительность иначе, чем русскоязычные украинцы. Это очень хорошо было видно по вопросу, который они задавали и в 2005 г. Это был вопрос о том, чего вы ждете от оранжевой революции. Положительные ожидания почти той же степени интенсивности были у украиноязычных и русскоязычных украинцев. А среди русских чего-то хорошего ждали от оранжевой революции только 17% этой группы. Я бы учитывал эту группу, потому что при продолжении политики Ющенко страхи, которые от времени посещают украинских политиков, что русские на Украине станут пятой колонной, могут и осуществиться. С точки зрения человека, который живет в Москве, это тревожно, потому что для современной России если есть какая-то еще не активированная политическая опция, то это ирредентизм, когда государство начинает спасать соотечественников за пределами страны, и под этим лозунгом начинает аннексировать разные территории. (Голоса в зале.) Смейтесь. Если бы Россия занималась этим так, как занимались немцы, то вы бы над тем не шутили, вот в чем беда-то.

Итак, завершая все эти рассуждения. Мне представляется, что если вы задаете вопрос о том, когда в Украине можно построить единую нацию именно вот в таком этнополитическом плане,

то мой ответ отличается совсем чуть-чуть от ответа большинства здесь присутствующих. Мой ответ – никогда, ваш ответ – когда-нибудь, через несколько десятилетий. В чем принципиальная разница? В том, что чем скорее это будет признано, тем скорее будет поставлена реальная задача. Как сформировать черты украинской государственности таким образом, чтобы эти две существенно различные группы населения, два вида украинцев, причем не первый и второй сорт, а просто два разных типа, чтобы обе группы могли чувствовать лояльность по отношению к этому государству? Тогда меняется вся политическая повестка дня. Возможно ли это – не знаю. Но для того, чтобы это было вообще теоретически возможно, надо, хотя бы, чтобы такая задача была кем-то поставлена.

История для политики или наоборот?

Интервью

АЛЕКСЕЙ МИЛЛЕР – ФЁДОР ЛУКЪЯНОВ (19.07.2021)

Статья Владимира Путина «Об историческом единстве русских и украинцев» вывела на высший политический уровень давнюю дискуссию о культурно-исторических взаимоотношениях народов, с которыми связано становление нашего государства. Об обстоятельствах этих дискуссий и возможных задачах публикации Фёдор Лукьянов беседовал с Алексеем Миллером, профессором Европейского университета в Санкт-Петербурге, одним из наиболее известных исследователей истории национализма в целом и украинского вопроса в частности.

ЛУКЪЯНОВ: Начнем с азов. Откуда взялась сама идея триединого русского народа? И какую трансформацию она переживала?

МИЛЛЕР: Изначально это была идея вовсе не триединого народа. Потому что в тот момент, когда закладывались ее основы, а это была вторая половина XVII в., про белорусов никто особо не думал. В Печерской лавре, в Киеве, тогда составляли «Синописис», книгу, которая затем, в течение полутора веков, вплоть до начала XIX в., оставалась главным историческим сочинением для русской читающей публики. И ее составители написали о едином словенороссийском народе. Этот тезис, на самом деле, отражал прежде всего собственные интересы сочинителей, потому что и представителям церковной иерархии, и казацкой старшине надо было вписываться в соответствующие структуры Московского царства и потом – Петровской империи. И вписываться в качестве части одного народа было удобнее.

Церковники вписались быстрее, уже где-то в середине XVIII в. они занимали примерно половину высшего уровня клира Московской патриархии. У казаков это заняло больше времени. Но как раз к концу XVIII – началу XIX в. их тоже приняли в дворянство в значительном количестве, что было очень непросто.

Таково начало длинного обсуждения того, единый мы народ или не единый народ и что это значит. Этому обсуждению почти три с половиной века, в нем участвуют разные силы с разными интересами, и смысл того, что они вкладывают в эти слова, все время меняется.

ЛУКЪЯНОВ: А на том, первоначальном, этапе Москве это тоже было нужно? Или у нее была вообще другая повестка?

МИЛЛЕР: Москве это было в некотором смысле обязательно, но там тоже имелись свои интересные. Если ты сидишь в Москве как церковный иерарх, а тебе навязывают выходцев из Киево-Могилянской академии (в качестве более образованных), ты будешь сопротивляться до определенного момента. А если ты русский дворянин, то тебе лишних не надо. Тем более что, с точки зрения русского дворянина, который в книгах записан, казацкая старшина – не ровня, потому что документов почти ни у кого из них нет и в Речи Посполитой статуса шляхты им не дали.

ЛУКЪЯНОВ: В какой момент это становится имперским инструментом?

МИЛЛЕР: Идею единого народа начинают активно обсуждать в тот момент, когда империя приходит к выводу, что нужно строить нацию в имперском ядре, в первые десятилетия XIX в.

Так или иначе к концепции единства приходили разные люди. Это в том числе и декабристы, которые твердили о том, что вот – мы победим, уничтожим самодержавие и устраним вообще все различия русского народа: малорусов, белорусов, великорусов – все отменить. Только русские.

И министр народного просвещения Сергей Семёнович Уваров, который говорил, что тронь самодержавие и все обрушится, тоже был озабочен нациестроительством. Уваров поддерживал тот нарратив русской истории, который ревизует Николая Михайловича Карамзина. Ведь Карамзин же писал «Историю государства Российского», и для него темы этничности были второстепенны. А для историка Николая Герасимовича Устрялова, который выигрывает при Уварове приз за лучшую схему русской истории для учебников, это центральный момент. Он пишет о том, что русская история – это больше, чем история государства, что значительная

часть русского народа жила под гнетом Великого княжества Литовского и Речи Посполитой, и различия, которые сегодня мы наблюдаем между разными ветвями русского народа, вызваны именно этим угнетением.

ЛУКЪЯНОВ: То есть фактически это и есть исток того, о чем пишет Владимир Путин?

МИЛЛЕР: В общем, да. Потому что для Карамзина такой стиль мышления еще совершенно нетипичен. Надо сказать, что концепция единства характерна для любых националистических построений того времени. Когда немцы смотрят на эльзасцев и говорят, что, в принципе, это немцы, а если они чем-то и отличаются, то лишь из-за многовекового французского ига, они делают абсолютно то же самое – объединяют немецкие племена в нацию. Первая фраза Веймарской конституции, кстати, говорит о «германском народе, едином в своих племенах».

А вот, собственно, схема русской истории: есть те русские, которые жили в Великом княжестве Литовском и потом, после польско-литовской унии, попали под власть поляков, и те русские, которые были в Москве, и те, что жили в Новгороде, и у всех свои политические традиции. Историк Николай Иванович Костомаров про это пишет: есть Южная Русь и есть Северная Русь, но основной мотив такой, что, да, эти Руси чем-то различаются, однако их различия менее значимы, чем общность.

Вопрос, который нужно было тогда решить имперским властям – по какому пути идти. Французский путь – все различия убираем, уничтожаем под корень – в общем, экстремистский: он был использован только французами и только французам удался отчасти. Есть и другой путь. Это немцы с их разными племенами и местными наречиями, которые существуют до сих пор под крышей общего *Hochdeutsch*. Идея, опираясь на которую, скажем, англичане строили *the British people*, британский народ. Логика та же: вы, шотландцы, все-таки иные, различия существуют, и они важны, но менее важны, чем наша общность. И как шотландцев англичане пригласили рулить Британской империей вместе, так и великороссы позвали малороссов – казацкую старшину и церковных иерархов – в Российскую империю.

ЛУКЪЯНОВ: Но шотландцы – потомки кельтов, этнически они все-таки больше отличаются от англичан, чем малороссы от великороссов.

МИЛЛЕР: Если начать копать в этничности, то все усложняется. Какова этничность казаков? Черт ногу сломит определять.

Сколько у них там похищенных турецких, черкесских и прочих княжон, сколько неславянской крови... Изначально казаки крестьян-гречкосеев не считали частью своей общности. Споров по этому поводу было достаточно.

В них, кстати, участвовали не только малороссы и великороссы, но и поляки. А у поляков своя схема, в которой Русь и поляки – это славяне, но только Москва к Руси не относится. Москали – туранцы, какая-то смесь угро-финнов и каких-то тюрков, которые прикидываются славянами и которые украли имя Руси. Все эти аргументы поляки сформулировали после восстания 1830 г.

ЛУКЪЯНОВ: То есть отголоски этих споров слышны в сегодняшней украинской реакции – и на Путина, и вообще?

МИЛЛЕР: Безусловно. Это все очень давняя история. И она все время возрождается, проигрывается заново. Но в массовом сознании любая ее научная критика как-то выпадает, маргинализуется. Хотя и с украинской, и с российской стороны было сказано много разумных слов по поводу того, что это очень схематично и к критическому историческому взгляду имеет мало отношения.

Далее. В 20-е годы уже XX в. русская эмиграция в Праге очень болезненно переживала происходящее на Украине (политика коренизации и разные другие вещи).

ЛУКЪЯНОВ: Именно в связи с большевистской политикой?

МИЛЛЕР: Да, но, конечно, не только большевики были важны. Это и опыт гражданской войны, и Первой мировой, и вообще весь комплекс большого слома. Пражских эмигрантов это волновало. Они даже создали издательство с неслучайным названием «Единство». В Праге в 1920-е годы публиковались брошюры, где историческая часть нынешней статьи Путина более или менее изысканно излагалась эмигрировавшими профессорами истории и филологии из Московского и Петербургского университетов. Среди них были люди, которые стали продвигать интересную идею. Известный лингвист Николай Сергеевич Трубецкой, например, писал о том, что на самом деле украинцы создали канон русской культуры в XVIII в., это их вклад. К чему его теперь отбрасывать? Он обращался к профессору Дмитрию Ивановичу Дорошенко, но никакого взаимопонимания не нашел.

А Пётр Михайлович Бицилли, который жил на отшибе в Софии и был, конечно, интеллектуал совершенно другого масштаба, способный выскочить из этой наезженной колеи, написал для «Единства» в 1930 г. брошюру «Проблема русско-украинских отношений в свете истории». Она настолько поразила издателей, что

они прямо во введении говорят: это все кажется очень странным, но мы публикуем. А рассуждения у Бицилли такие: исторические аргументы, что и имени украинцев не было раньше в современном национальном значении, и Украины как государственного образования не было, – малозначимы. Если есть желание, политическая воля и ресурсы для создания украинской нации и Украины как квазигосударства (Украинская Советская Социалистическая Республика), это вполне возможно сделать. Дальше Бицилли рассуждает о том, как обеднеет новое образование, если оно будет отвергать русскую культуру, но это уже детали. Надо сказать, что через год он эту брошюру в качестве статьи издал по-английски в очень важном журнале *The Journal of Modern History*. И у меня есть подозрение, что те, кто потом развивали *nationalism studies* (исследования национализма), типа Эрнеста Геллнера, Бенедикта Андерсона, эту статью могли и должны были читать. Потому что Бицилли обогнал лет на пятьдесят все рассуждения западной науки по этому поводу.

ЛУКЪЯНОВ: Получается, до этой брошюры идеи о том, что нацию можно придумать и создать имеющимися средствами, не было?

МИЛЛЕР: В XIX в. считалось, что нация легитимируется через историю. Интеллектуал, который принимал участие в строительстве нации, имел обязательство с упорством отстаивать, что украинский народ был всегда. И что он всегда был иной и отличался от российского народа. А Бицилли поставил вопрос иначе: зачем спорить об этом? Это же неважно вообще. Важно лишь то, как концептуализируются эти различия.

Если я правильно помню, в 1846 г. в журнале Сергея Семёновича Уварова – «Журнал Министерства народного просвещения» – публикуется статья, где говорится, что малороссы и великороссы, конечно, отличаются. Но главный вопрос состоит в том, какое значение мы придаем тому, что у одних – щи, а у других – борщ. Тогда люди еще умели писать с сарказмом. А вот в настоящее время, буквально где-то месяца три-четыре назад, разгорелся скандал чуть ли не на дипломатическом уровне по поводу того, чей же борщ.

В общем, в XIX в. дискуссия о том, один народ или не один, – это дискуссия о том, какой из проектов выиграет. Потому что оба проекта были. И были люди, которые работали и в ту, и в другую сторону.

ЛУКЪЯНОВ: Имеется в виду проект внутри империи?

МИЛЛЕР: Да. Но значительная часть людей, которые потом станут украинцами, находились не внутри империи. Когда импе-

рия вступила в Первую мировую войну, она захотела проливы. А второе – Восточную Галицию, которую она называла Червонной Русью. Многие полагали, что если взять Галицию, где правят австрийцы и поляки, очистить ее от язвы украинства, то и у нас язва украинства исчезнет. Были люди поумнее, типа Петра Николаевича Дурново, который в 1914 г. писал, что брать Галицию ни в коем случае нельзя, потому что там пророссийски настроенных мы получим несколько сотен тысяч на миллион упертых украинцев. А в 1939 г. товарищ Сталин не послушался Дурново. И пришлось, если я правильно помню, до 1954 г. воевать с украинским подпольем.

Условно говоря, во второй половине XIX и в начале XX в. можно было обсуждать, состоится украинский проект или нет... Кстати, можно было еще обсуждать, стали бы единой нацией русины и украинцы Галиции и Надднепрянской Украины, между которыми были конфессиональные различия – униаты и православные. Например, сербы и хорваты превратились в две разные и неприязненно настроенные друг к другу нации. Притом, что язык был один, сербохорватский, а потом оказалось – он не один.

В Первую мировую войну случились важные вещи – напрямую и очень интенсивно в события включились Австрия и Германия, каждая из которых обладала своей национальной политикой в украинском вопросе. Это повлияло и на российскую политику, и во время войны Российская империя признала украинцев как украинцев.

ЛУКЬЯНОВ: А почему?

МИЛЛЕР: Потому что это уже было сделано немцами и австрийцами, и упираться, что украинцев не существует, стало трудно. Проще признать, что украинцы существуют, и начинать торг по поводу того, что это значит. Весь XIX век Австрия, Пруссия и Россия придерживались в своей политике определенных конвенциональных ограничений – у них общий скелет в шкафу – раздел Речи Посполитой. Поэтому они, при всех возникающих конфликтах и напряжениях, очень сдержанно разыгрывали друг против друга карту этнического сепаратизма. А в Первую мировую войну эти ограничения оказались решительно отброшены.

ЛУКЬЯНОВ: В чем заключалось отличие немецкого и австрийского подходов?

МИЛЛЕР: Австрийцы приготовили своего Габсбурга, который хотел стать украинским королем. Был такой принц Вильгельм фон Габсбург, который на Украине был известен как Василь Вышиванный. У него были свои казачьи отряды, он знал украинский

язык и претендовал на роль будущего украинского короля. То есть такая мягкая имперская политика: мы вам много чего дадим, а заодно дадим и нашего короля.

ЛУКЪЯНОВ: Предполагалось, что Украина станет отдельным государством?

МИЛЛЕР: Отдельной провинцией, например. И немцы, и австрийцы создали отдельные «украинские» лагеря для военнопленных. Там с ними работали пропагандисты, прежде всего из Союза освобождения Украины. В этих лагерях находилось около 400 000 человек. У немцев все было жесточе. Они не готовили никакого Гогенцоллерна на украинский престол, но где-то с 1915 г. их игра стала понятной. Они тогда не получили украинских земель, но получили другие земли – сегодня они белорусские. Немцы обнаружили белорусов, были очень удивлены, что такие вообще есть, но сразу начали с ними работать. Схема та же, что и в отношении украинцев: это другие люди, они не имеют ничего общего с русскими.

Собственно, позиция, что украинцы – не русские, что они дружелюбны немцам, сохранялась даже в 1941 г. Примерно до 1942 г. у вермахта были инструкции, что предпочтительно все-таки в заложники, если идет борьба с партизанами, не брать украинцев, чтобы их не обижать, в отличие от русских, например, или белорусов.

Но это один опыт. Совсем другое – гражданская война. В гражданскую войну надо выбрать сторону, за которую воюете и какую поддерживаете, и вам нужно выбирать, например, между гетманом Скоропадским и большевиками. Выбор совершенно очевиден, например, для русского офицера. Это описано у Михаила Булгакова в «Белой гвардии» – все-таки Скоропадский для него намного более «нормален», чем большевики. И Скоропадский, кстати, тоже на этом играет и не хочет отталкивать русских. Он говорит, что Украина может стать спасительной гаванью для русской культуры, если ее удастся отстоять у большевиков.

ЛУКЪЯНОВ: Ну да, «остров Крым».

МИЛЛЕР: Не совсем, потому что рядом должна развиваться и украинская культура. Собственно, противостояние в ходе гражданской войны – «Ты за Украину или за Россию?», – если взять, например, крестьян – это еще и вопрос, хочешь ты к большевикам или нет. Этот выбор просуществовал недолго, но потом вернулся уже в новом виде, когда Гражданская война закончилась и началось проведение границы между УССР и РСФСР. Какие-то земли были переданы России. Например, Таганрог, который (по логике «уходите,

с чем пришли») надо было бы отдать Украине. А Донбасс можно было бы, напротив, взять.

Что интересно во всей этой истории? Посмотрим на территории, о которых спорят, – Кубань, Таганрог, юг Воронежской губернии, Донбасс. Эти территории не входили в состав Украины, хотя там было очень много малороссов, хохлов (это самоназвания), которых потом стали обязательно называть украинцами, потому что это советская власть сформулировала тезис, что термин «малоросс» оскорбителен (на самом деле он таковым не был). Итак, если посмотрим на идентичность малороссов Кубани, Воронежской области, Таганрога, то увидим – они все стали русскими. Некоторые еще до недавнего времени называли себя русскими хохлами. На самом деле, ответ на вопрос, кем станет тот или иной конкретный человек, еще в первой половине XX в. очень сильно зависел от того, какие политические решения будут приняты *не им*. И серая зона – можешь стать русским, можешь стать украинцем – сохранялась долго и в советское время. У Леонида Ильича Брежнева, когда он жил в Днепропетровске, в паспорте было написано – «украинец». Переехал в Москву – стал «русский». И кто он на самом деле? Есть люди, для которых поменять украинца на русского в паспорте – это не так уж и важно... Кстати, много тех, кто менял наоборот. Например, по последней советской переписи 1989 г., на Украине было 11,3 млн русских. А по единственной украинской переписи, которая прошла в 2001 г., если я правильно помню, русских осталось 8,3 млн. Три миллиона куда-то пропали. Большинство из них не переехали в Россию – они поменяли идентификацию в паспорте. При этом для кого-то – и таких людей довольно много – очень важно, что он украинец и понимает украинство как «Украина – не Россия». И настаивать на том, что это один народ, – анахронизм.

Но значимо другое. Если мы говорим о том, как развивается этот дискурс, бесконечный спор, то стоит обратить внимание на то, что советская модель – это три братских народа. А говоря об одном народе, Путин возвращается в дореволюционный, добольшевистский дискурс. И он возвращается в некотором смысле дорогой Александра Солженицына, который реанимировал идею триединства в эссе «Как нам обустроить Россию?». Но это триединство уже надо создавать заново – с учетом того, что произошло за годы советской власти.

ЛУКЪЯНОВ: Если брать современное украинское национальное строительство, чему оно наследует на самом деле? Во что уходят его корни?

МИЛЛЕР: Украинское национальное строительство на самом деле вдохновлено идеей сделать украинскую идентичность необратимой. Леонид Кучма, например, недавно говорил о том, что главное достижение всего произошедшего заключается в том, что сегодня большинство украинцев не захотели бы заново объединяться с Россией. Это было, разумеется, ведущей нитью идентичности украинской диаспоры, которая является значимым актором.

Один очень серьезный историк и интеллектуал Омельян Иосифович Прицак, академик, признанный в мире, говорил в начале 1990-х годов, что Украина «неправильно» получила независимость: она на нее упала, Украина за нее не сражалась. «Правильно» получать независимость через войну. В этом смысле понятно, почему Киев настаивает, что с 2014 г. на востоке идет война с Россией... За попытку порассуждать о том, что это гражданская война, могут посадить. С точки зрения таких строителей украинской нации, текущий конфликт – божий дар. Прицак еще говорил о том, что хорошо бы произвести обмен населением (вполне в сталинском духе), как это было между советской Украиной и Польшей: в России живет 7 млн украинцев, отдайте их обратно (правда, он забыл поинтересоваться, хотят ли они переехать), а русских заберите себе.

Так что является необходимым стандартом украинской идентичности? Входит ли в этот пакет осознание русского как врага? Этот вопрос раскалывал и до сих пор раскалывает украинскую нацию. Западные украинцы всегда знали, что русские – враги (а также поляки и евреи). А восточноукраинская идентичность русского в качестве врага не рассматривала. Сейчас на Украине все снова реформируется, идут сложные процессы – мы мало об этом знаем на самом деле. И количество людей, для которых характерно западноукраинское понимание украинской идентичности, растет. Центр Украины в политическом отношении все больше клонится к западной идентичности. По всем социологическим опросам получается, что запад Украины и центр теперь схожи, также есть восток и юг, у которых все по-другому. Это новая разделительная линия. Раньше она пролегла между центром и западом, а сейчас сдвинулась. Солженицын в 1990 г. говорил, что Украина должна остаться с Россией, но без западной части. Теперь, наверное, сказал бы, что и без центральной.

ЛУКЬЯНОВ: Если принять концепцию триединого народа как данность и пытаться строить на этом дальнейшую политику, какая модель отношений с Украиной и Белоруссией могла бы из этого вытекать?

МИЛЛЕР: Вообще-то, я статью Путина читал иначе. Первая историческая часть не понравилась мне тем, что она «в колее». Ведь таких – большой длительности – интеллектуальных тем очень много. Есть, например, «Россия и Европа», причем и с русской стороны, и с европейской. Что меня огорчает, что и в этой теме мы сваливаемся в какие-то старые привычные решения. Когда происходит кризис понимания, для политических деятелей, и европейских, и наших, очень характерно войти в привычное, накатанное русло.

Мне все-таки кажется, что историческая часть статьи не так важна, главное – в конце. Тезис о том, что Украина на данный момент не имеет суверенитета, находится под внешним управлением, с моей точки зрения, есть проведение «красной линии»: не надо строить здесь бастион против России, потому что тогда, по логике вещей и по логике нашей позиции, мы этот бастион просто развалим.

Основой, поддерживающей этот тезис, является утверждение, что мы не воспринимаем Украину как врага и не воспринимаем украинцев как врагов. Поэтому готовы обсуждать, как строить отношения с Украиной, если все игроки, задействованные в данном вопросе, отдают себе отчет в том, что это необходимо. Не надо думать, что мы уже сделали на Украине все, что могли сделать, но при этом мы не хотим снова переходить в режим тотальной конфронтации и игры с нулевой суммой.

Для меня принципиальный вопрос в том, какое значение автор статьи придает исторической части. Мне бы хотелось, чтобы как можно меньше, – и в этом случае весь этот экскурс не про историю, а про то, что мы не хотим становиться анти-Украиной, что мы не хотим рассматривать Украину как врага, а украинцев как врагов.

ЛУКЬЯНОВ: Если только они сами не начнут на этом настаивать.

МИЛЛЕР: Вот потому и неважно, что сказано в исторической части. Либо у нас есть политика, которая основывается на нашем понимании современной ситуации и для осуществления которой мы выстраиваем определенный исторический нарратив. Либо у нас есть видение истории, из которого мы выстраиваем нашу политику. Все-таки мне бы очень хотелось надеяться, что это первый вариант, а не второй.

ЛУКЬЯНОВ: Думаю, что это первый вариант.

МИЛЛЕР: Это принципиальный момент.

Национальная идентичность на Украине: история и политика

В многовековой дискуссии о национальной генеалогии восточных славян наступает новый этап.

Мне не раз приходилось обращаться к теме формирования национальных идентичностей в Восточной Европе. Есть две причины сделать это еще раз.

Во-первых, пора начать серьезное обсуждение вопроса, какое влияние на процессы формирования идентичностей на Украине и в России оказывают и окажут события, развивающиеся после 24 февраля 2022 года. А влияние, конечно, будет очень значительным. Во-вторых, нужно переосмыслить некоторые тезисы, касающиеся предыдущих этапов сложных и длительных, можно сказать – нескончаемых, процессов. Как это всегда бывает в ходе открытых военных конфликтов, информационная война разрушает или как минимум резко сокращает пространство для нюансированных суждений и оценок. А именно такие суждения и такое пространство нужно отстаивать во что бы то ни стало.

Идея «одного народа» В 70-е годы XVII в., вскоре после того, как левый берег Днепра перешел под контроль Московского царства после восстания Богдана Хмельницкого и войны с Речью Посполитой, в Печерской лавре в Киеве был составлен «Синописис». Эта книга в течение полутора веков, вплоть до начала XIX в., оставалась главным историческим сочинением для русской читающей публики. Ее составители писали о едином славено-русском народе, частью которого были и малороссы, и великороссы¹. Сами термины «Малая Русь» и «Великая Русь», как и термины «Малая Польша» и

¹ Synopsis: A Collection of Essays in Honour of Zenon E. Kohut / Plochy S., Sysyn F.E., Kohut Z.E. (Eds.). Alberta, 2005.

«Великая Польша», обозначали «малую» – в смысле «изначальную» – и «великую» – в смысле «расширенную» – часть. То есть если между этими понятиями и была какая-то иерархия, то «малая» как «изначальная» стояла «выше».

Тезис о «едином славено-русском народе» отражал прежде всего собственные интересы сочинителей, потому что и представителям церковной иерархии, и казацкой старшине надо было вписываться в соответствующие структуры Московского царства и потом – Петровской империи. И вписываться в качестве представителей одного народа было, конечно, удобнее. Церковникам это удалось быстрее, уже где-то в середине XVIII в. они составляли примерно половину высшего уровня клира Московской патриархии. У казацкой старшины это заняло больше времени. Они помнили про прежние вольности Гетманщины, но никто не взбунтовался против ее отмены Екатериной II. Традиционалистская региональная идентичность казацкой элиты и в XVIII, и в XIX в. была очень далека от будущей украинской национальной идентичности и заведомо не содержала в себе чувства «украинской национальной солидарности» с крестьянами-гречкосеями.

Московскому царству XVII в. нарратив православного единства служил козырем в большой игре, начинавшейся в регионе. Конечно, не всем здесь нравилась идея «единого народа». Если ты сидишь в Москве как церковный иерарх, а тебе навязывают выходцев из Киево-Могилянской академии (в качестве более образованных), ты будешь сопротивляться. И будешь помнить, кто помогал Петру упразднить патриаршество, ведь местоблюстителем патриаршего престола являлся Стефан Яворский – уроженец Львовщины, а другой видный приближенный Петра Феофан Прокопович был выпускником Киево-Могилянской академии. Если ты российский дворянин, тебе лишних не надо. Тем более что, с точки зрения русского дворянина, который «в книгах записан», казацкая старшина – не ровня, потому что почти ни у кого из них нет документов, и в Речи Посполитой статуса шляхты им не дали. Екатерина II совершенно сознательно допустила массовую подделку бумаг казацкой старшиной, чтобы более 20 000 ее представителей в конце XVIII – начале XIX в. смогли обрести статус потомственного дворянства. А старшина, глядя, как Россия громит Османскую империю и делит Речь Посполитую, какие права получило дворянство по «Жалованной грамоте», искренне анафемствовала Мазепу в церквах и уже не сомневалась, кому из больших игроков следует быть лояльным.

Таково было начало длинного обсуждения того, единый или не единый народ велико- и малороссы и что это значит.

Этому обсуждению почти три с половиной века, в нем участвовали и участвуют разные силы с разными интересами, и смысл того, что они вкладывают в тезис о едином или не едином народе / народах, все время меняется.

В XIX в. концепцию «единого народа» начали активно обсуждать в тот момент, когда элиты империи пришли к выводу, что идея нации, как она сформулирована аббатом Сийесом в эпоху Французской революции, слишком сильна, чтобы ее можно было игнорировать. Череда событий – от наполеоновских войн, когда националистические подходы были впервые использованы для мобилизации сопротивления вторжению врага, до польского восстания 1830–1831 гг., когда Сейм от имени нации лишил Николая I польской короны, свидетельствовала об этом слишком убедительно. Уже декабристы в «Русской правде» (которую писали в 1823–1824 гг. во Второй армии, стоявшей на Украине) говорят, что в языке и в жизни следует вообще устранить все различия русского народа: вместо малороссов, белорусов, великороссов должны быть только русские. «Все племена должны быть слиты в один Народ» – так назывался этот раздел декабристской программы. Радикальный проект строительства нации в имперском ядре, предложенный Павлом Пестелем, явно вдохновлялся французским опытом.

После польского восстания 1830–1831 гг. империя больше не видела в тамошней шляхте лояльного партнера по управлению западными окраинами. Поляки потеряли автономию Царства Польского, а в Западном крае империя перестала считать крестьян не только экономической (это осталось, как и крепостное право, до 1860-х годов), но и культурной собственностью польской шляхты. Дело народного просвещения в Западном крае из рук шляхты забрали, и встал вопрос о языке преподавания, которым до этого по умолчанию был польский. Польский Виленский университет был закрыт, а вместо него в 1834 г. учрежден Киевский университет с преподаванием на русском. Именно здесь спустя примерно десять лет возникнет Кирилло-Мефодиевское общество, первое объединение людей, исповедовавших взгляды, которые можно считать современным этническим украинским национализмом. Но будем помнить, что в Киеве члены общества появились как «деполонизаторы».

Министр народного просвещения Сергей Семёнович Уваров поддерживал тот нарратив русской истории, который ревизовал Николая Михайловича Карамзина. Ведь Карамзин писал «Исто-

рию государства Российского», и для него темы этничности были второстепенны. Когда в 1819 г. Карамзин возражал против планов Александра I присоединить Подолию и Волынь к Царству Польскому, он использовал все возможные аргументы, кроме того, который станет для всех главным через 20 лет, а именно: что крестьянство здесь не польское, а малорусское¹. Для историка Николая Герасимовича Устрялова, который выиграл при Уварове приз за лучшую схему русской истории для учебников, это центральный момент. Он пишет, что русская история – это больше, чем история государства, что значительная часть русского народа жила под гнетом Великого княжества Литовского и Речи Посполитой, и различия, которые сегодня мы наблюдаем между ветвями русского народа, вызваны прежде всего именно этим угнетением. Тогда же начинают разными способами, от архивных изысканий до археологических раскопок, доказывать, что Киев и днепровские земли русские, а не польские. Издаваемые в рамках этих усилий летописи и документы, раскопанные фундаменты Десятинной церкви для одних будут впоследствии символами русскости, для других – украинскости этих земель².

Надо сказать, что концепция единства разных частей народа характерна для любых националистических построений того времени. Когда немцы говорили, что различия саксонцев, ганноверцев и баварцев второстепенны, утверждали, что эльзасцы, в принципе, это немцы, а если чем-то и отличаются, то лишь из-за многовекового французского ига, они делали абсолютно то же самое – объединяли немецкие племена в нацию.

Вот, собственно, схема русской истории, которую разделяли все крупнейшие русские историки второй половины XIX в.: есть те русские, которые жили в Великом княжестве Литовском и потом, после польско-литовской унии, попали под власть поляков, и те русские, которые жили в Москве, и те, которые жили в Великом Новгороде, и у всех свои политические и культурные традиции, однако их различия менее значимы, чем общность. Но историк Николай Иванович Костомаров, один из членов Кирилло-Мефодиевского общества, пишет о Южной и Северной Руси, имея в виду, что различия между ними так глубоки и важны, что дают основания Южную Русь считать отдельной нацией.

¹ Карамзин Н.М. Мнение русского гражданина // Карамзин Н.М. О древней и новой России. Избранная проза и публицистика. М., 2002. С. 436–438.

² Толочко А.П. Киевская Русь и Малороссия в XIX веке. Киев, 2012.

Вопрос, который нужно было решить имперским властям в середине XIX в. – по какому пути идти. Французский путь – все различия уничтожить под корень – в общем, экстремистский: он был использован только французами и только французам удался, и то лишь отчасти¹. Другой путь – это немцы с их разными племенами и местными наречиями, существующими до сих пор под крышей общего *Hochdeutsch*. Первая фраза Веймарской конституции 1919 г., кстати, говорит о «германском народе, едином в своих племенах». Власти Российской империи выбора не сделали, а все время колебались между репрессиями и уступками элитам Малороссии.

Как Лондон пригласил шотландцев рулить Британской империей вместе, что сделало шотландцев XIX в. верными слугами империи, так и Петербург позвал малороссов – казацкую старшину и церковных иерархов – править Российской империей. После революции знаменитый лингвист-евразиец Николай Сергеевич Трубецкой убеждал (правда, без успеха) украинских эмигрантов, что глупо им отказываться от наследия Российской империи, потому что их вклад в ее создание был даже больше, чем вклад московских элит². Но победа большевиков все споры и спорщиков отправила в эмиграцию. Мы еще к ним вернемся.

Конечно, выдающуюся роль в управлении империей играли немецкие, а до определенного времени и польские дворяне, но как мобилизованные диаспоры, которым по многим причинам непросто было вписаться в формирующуюся русскую нацию. А вот малоросс по умолчанию признавался русским, если не настаивал на ином. Впрочем, если настаивал, правомерность его претензий отрицалась. Отношение к малороссу было принципиально иным, чем к каким-то другим группам, чья инаковость признавалась без колебаний. Последние дискриминировались на индивидуальном уровне. (Немцев стали отчасти ущемлять, когда на западных границах возникла опасная объединенная Германия, а поляков после двух восстаний перестали вообще допускать к службе на должностях, предполагавших допуск к важным центрам управления и к инфраструктуре – от железной дороги до Генштаба.) Малоросс никогда не дискриминировался по причине происхождения. Малороссов всегда приглашали быть членами русской нации, но их право пре-

¹ Weber E. Peasants into Frenchmen: The Modernization of Rural France, 1870–1914. Stanford University Press, 1976.

² Трубецкой Н.С. Ответ Д.И. Дорошенко, 1928 г. // П.П. Гай-Нижник. URL: http://hai-nyzhnyk.in.ua/doc2/1928.trubeckoi_otvet.php

тендовать на статус отдельной нации отрицалось. Итак, региональные особенности – да, малорусский язык или малорусское наречие – да, но для каких-то локальных целей, а не в качестве языка преподавания и высокой культуры. Как Фридрих Энгельс считал Франтишека Палацкого «спятившим немцем», так и в глазах русского националиста украинский националист, не желавший, чтобы его считали русским, был таким «спятившим», отвергавшим свою подлинную русскую природу под влиянием вредных, напоенных враждебностью к России идей.

Споры по поводу этничности было достаточно. В них участвовали не только малороссы и великороссы, но и поляки. А у поляков была (и остается) своя схема, в которой Русь и поляки – это славяне, но только Москва к Руси не относится. Москали – туранцы, смесь угро-финнов и тюрков, которые прикидываются славянами и которые украли имя Руси. Все эти аргументы поляки сформулировали после восстания 1830 г. И они оказывали, кстати, огромное влияние на ученых-антропологов Европы вплоть до Первой мировой войны¹. Сегодня они повторяются в почти неизменном виде в украинском дискурсе этнической эксклюзивности². Как и в России звучат рассуждения об этнической общности великоруссов и малоруссов, различия которых есть лишь плод польской интриги.

И с украинской, и с российской стороны было сказано много разумных слов о том, что описанные схемы этнического родства и взаимной чуждости имеют мало отношения к критическому историческому взгляду, что эти и еще другие, иначе расставленные фигуры на доске, были производными от идеологических усилий по формированию разных стратегий построения коллективных идентичностей. Они, как правило, весьма тенденциозны и односторонни и служат лишь иллюстрацией того, как одна и та же реальность может быть описана совершенно взаимоисключающими способами. Но такой подход для строителей идентичностей утилитарной ценности не имеет, а потому всегда отбрасывается, когда дело доходит до практики идеологической индоктринации.

Вернемся к исторической последовательности событий. После отмены крепостного права вопрос о школе для крестьян, языке

¹ Гурный М. Великая война профессоров. Гуманитарные науки. 1912–1923. СПб., 2021.

² Наконечний В. Украдене ім'я: чому русини стали українцями. 3-е доповнене і виправлене видання. Львів: Львівська наукова бібліотека ім. В. Стефаника НАН України, 2001.

преподавания в начальной школе и об идентичности, которую такая школа будет формировать, постепенно переходил в практическую плоскость. Мы можем говорить о соревновании двух проектов – один предполагал формирование у крестьянской массы общерусской идентичности, другой – особой, имя которой еще предстояло найти.

Наиболее распространенный термин «малоросс» доминировал почти до конца XIX в. – только тогда активисты украинского движения сами стали себя называть украинцами.

А ту страну, о которой они мечтали, отец украинского национального исторического нарратива Михайло Грушевский называл «Украина-Русь». В 1863 и 1876 г. имперские власти принимали циркуляры и указы, жестко ограничивавшие использование «малорусского», по их выражению, наречия русского языка. О том, как эти решения принимались и каковы были их последствия, автор этих строк 20 лет назад написал книгу, которую в Киеве переиздали в 2013 г.¹ Кажется, уже годом позже такая книга там не могла бы выйти, во всяком случае польский ее перевод, приготовленный тогда же, так и не увидел свет.

Критерии допустимого отклонения от официального нарратива постепенно ужесточались.

Галицийские русины, жившие под властью Габсбургов, создали в XIX в. целый ряд концепций национальной идентичности. Некоторые предполагали объединение с поляками, другие считали, что они часть народа, живущего над Днепром, третьи настаивали на том, что русины – русские. Историк Джон-Пол Химка назвал поиски национальной идентичности среди галицких русинов «полетами Икара во всех возможных направлениях»². Отметим, что в начале прошлого века украинские активисты на надднепрянской Украине и в Галиции были настолько далеки друг от друга, что Грушевский всерьез говорил о возможности хорватско-сербского сценария, когда сформируются две разные и даже враждебные друг другу нации, тем более что принадлежность к разным конфессиям (униаты и православные) и языковые различия (до сих

¹ *Миллер А.И.* Украинский вопрос в политике властей...; *Миллер А.И.* Украинский вопрос в Российской империи...

² *Himka J.-P.* The Construction of Nationality in Galician Rus': Icarian Flights in Almost All Directions // Suny R.G., Kennedy M.D. (Eds.), *Intellectuals and the Articulation of the Nation*. University of Michigan Press, 1999. P. 109–164.

пор можно поговору без труда отличить «западенца» от «схидняка») были похожи на ситуацию хорватов и сербов.

Россия подерживала галицких русофилов, но в начале 1880-х годов Вена, заключившая антироссийский союз с Германией, русофилов в Галиции разгромила, обвинив их вождей в государственной измене. А с началом Первой мировой создала для таких людей два концентрационных лагеря, в Талергофе и Терезине, где содержались 30 000 человек. Это, кстати, были первые подобные лагеря на территории Европы, а изобретены они были в начале века британцами в борьбе против буров (у этого чешского городка своеобразная карма: в ходе Второй мировой Терезин станет нацистским лагерем для евреев Терезиенштадтом). В число участников большой игры вокруг идентичности и лояльности малороссов – русинов – украинцев все более активно включались новые мощные игроки с имперскими ресурсами – Германия и Австро-Венгрия.

Вплоть до начала XX в. процессы формулирования и продвижения различных проектов национальной идентичности оставались предметом споров и столкновений среди образованных слоев и имперских чиновников. Говоря о данном противостоянии, мы по-прежнему ведем речь о тысячах участников.

В конце XIX в. в деревне стала ускоренно развиваться школа. Только тогда начались массовые процессы миграции крестьян – частью в города (которые говорили на территории Западного края по-русски, а в Галиции по-польски), частью по транссибирской магистрали в Сибирь и на Дальний Восток. После 1906 г. через выборы в Государственную и городские думы в политическую жизнь вовлекается все больше людей. Все эти процессы делали массы крестьян и городские низы участниками формирования национальных идентичностей. Исход был далеко не предопределен, особенно с учетом того, что в среде по преимуществу неграмотных сельских жителей они протекают иначе, чем после ликвидации неграмотности и вовлечения в политическую жизнь. Но украинский национальный проект самими его сторонниками в начале XX в. воспринимался как противостоящий натиску русифицирующей модернизации. Один из ключевых деятелей украинского движения в Киеве Евген Чикаленко написал в своем дневнике в 1909 г.: «Города наши так омосковлены, что очень, очень малый процент населения вообще проявляет какой-либо интерес к украинству... Все города и местечки на Украине страшенно обрусели»¹. Он также

¹ Чикаленко Е. Щоденник... Т. 1. 1907–1917. С. 47–48, 281–282.

писал своему соратнику Петру Стебницкому в Санкт-Петербург: «Что теперь можно сделать тысячами, того не сделаешь потом, когда народ обрусееет, и миллионами»¹. Какая часть малороссов станет украинцами, как будет выглядеть территория Украины, если такое государство состоится – все это были открытые вопросы.

Отметим, что после 1905 г. русский национализм как политическое движение активнее всего развивался именно в Юго-Западном крае. Идея общерусской нации находила отклик у многих малороссов. Борьба за идентичность в регионе шла между русскими националистами-малороссами и украинцами, которые разделяли идею отдельной украинской нации². Власти активно поддерживали русских националистов, особенно во время премьерства Петра Столыпина. Число членов Союза русского народа на Волыни накануне войны намного превышало 100 000, главным образом – из-за влияния православного духовенства на крестьян. Крупные русские националистические организации, объединявшие высшие сословия, процветали в Киеве и Одессе. Киевский клуб русских националистов (ККРН), созданный в 1908 г., к 1910 г. был уже весьма влиятельным, и его члены выигрывали выборы в Городскую и Государственную думы. На памятнике Столыпину в Киеве, открытом в 1913 г. перед оперным театром, где он был убит в 1911 г., выгравированы слова премьер-министра: «Твердо верю, что затеплившийся на Западе России свет русской национальной идеи не погаснет и вскоре озарит всю Россию».

Между тем предводитель ККРН Анатолий Савенко говорил в 1914 г. в Государственной думе, что украинское движение представляет «большую и реальную опасность для единства России». По вопросу о признании украинцев как отдельной нации, отличной от России, Савенко отметил: «Как только народ признается отдельным, он должен, согласно основной идее столетия, пользоваться правом на самоопределение; он должен обрести свое собственное культурно-национальное и политическое существование». Савенко призывал депутатов не мешать борьбе правительства против украинского движения и настаивал на корректности малорусской версии идентичности, осуждая украинское движение как расколь-

¹ Чикаленко Е., Стебницький П. Листування: 1901–1922 роки. Київ, 2008. С. 72.

² Каннелер А. Мазепинцы, малороссы, хохлы: украинцы в этнической иерархии Российской империи // Россия – Украина: история взаимоотношений. С. 125–144; Котенко А.Л., Мартынюк О.В., Миллер А. «Малоросс» // «Понятия о России»: к исторической семантике имперского периода... Т. 2. С. 392–443.

ническое для «одного единого стомиллионного народа». Далее Савенко подчеркнул, вполне в русле идеи об общерусской нации, что потеря неправославных инородческих окраин империи не столь опасна для России, как раскол русской нации¹. Таким образом, перед Первой мировой войной западные окраины империи находились в состоянии неустойчивого равновесия. Власти империи уже не могли реально надеяться на «искоренение» антирусских украинских националистов и говорили об угрозе раскола. А сторонники украинской нации считали, что общерусская идентичность пребывает в наступлении.

Решающий XX век

Исследователи отмечают несколько важных факторов, приведших к мобилизации этничности во время Первой мировой войны: массовое вынужденное перемещение населения, поддержка сепаратистских движений в лагере врага противоборствующими державами, оккупационная политика, работа с военнопленными, мобилизация националистов по всей Восточной Европе, которой предстояло стать пространством соревнования новых государственных проектов после войны при любом ее исходе². Все эти факторы влияли на Украину. Так, администрация германских и австрийских лагерей военнопленных уделяла особое внимание солдатам оттуда, создав несколько специальных лагерей со значительно лучшими условиями, чем предполагала общая норма. Немецкие лагеря для украинских военнопленных были расположены в Раштатте и Зальцведе, а австрийский лагерь – во Фрайштадте³. В лагерях были размещены до 400 000 человек. Функционеры из украинских националистических организаций, прежде всего Союза освобождения Украины, проводили пропагандистские мероприятия, преподавали украинский язык, готовили украинские издания. В то же время Берлин и Вена выделили значительные административные и финансовые ресурсы на развитие организационной структуры украинского движения.

¹ Государственная дума. IV созыв. Сессия 2. Ч. 2. С. 901–915, 927–933.

² *Miller A. The Role of the First World War in the Competition between Ukrainian and All-Russian Nationalism // The Empire and Nationalism at War. E. Lohr et al. (Eds.). Slavica Pub., 2014. P. 73–90.*

³ АВПРИ. Ф. 135. Оп. 474. Д. 26.

Российские военные неудачи, отступление армии и меры, принятые немецкими и австрийскими оккупационными властями, подорвали престиж России в глазах неполитизированной части местного населения, особенно крестьянства. Активные сторонники русского национализма покидали территории, занимаемые противником. В 1918 г. мировая война на бывших западных окраинах рухнувшей империи Романовых постепенно трансформировалась в целую серию гражданских войн, различавшихся по своему классовому или этническому фокусу. Частью их были конфликты между различными военизированными формированиями за территории, которые они считали своей этнической вотчиной. То же верно и в отношении Киева, который во время Первой мировой войны и последовавших революционных войн 14 раз переходил из рук в руки. В 1918–1919 гг. город часто занимали различные украинские военачальники. История слабых и нестабильных украинских государств в западной и центральной частях страны (от гетманской державы Скоропадского и петлюровской директории Украинской Народной Республики до Западно-Украинской Народной Республики) показывает, что мобилизационный потенциал и организационные возможности украинского национализма были довольно ограничены. Показательно, что Нестор Махно смог добиться значительной поддержки крестьянства, не используя украинский вопрос в качестве основной идеологической концепции. Эти особенности типичны для ситуации, в которой империя оставляет свои периферийные территории скорее в результате распада центра, чем в результате мощи антиимперских движений на окраинах.

Советско-польская война 1920 г. была борьбой за контроль над Восточной Европой между двумя новыми крупными, но еще только наращивающими мускулы игроками; в этом конфликте украинские силы играли строго подчиненную роль. Межвоенный период в истории региона можно охарактеризовать как своеобразную холодную войну. «Прометейская акция» Пилсудского, направленная на поддержку антисоветских сил на Украине и Кавказе, и советский принцип «украинского Пьемонта», предполагавший привлечь симпатии украинцев и белорусов под власть Польши на сторону процветающих УССР и БССР, воспринимали Украину как объект в геостратегической борьбе¹.

¹ *Martin T. The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939.* Cornell University Press, 2001.

В 1939 г. схватка больших империй за контроль над Восточной Европой, в которой особое значение придавалось политике по отношению к Украине, возобновилась в полную силу. Частью немецкой стратегии в 1941–1942 гг. была попытка привлечь украинцев на свою сторону¹.

Можно сказать, что в послевоенный период холодной войны Украина была важной ее темой, а в постсоветский период интенсивность соперничества за Украину между Россией и Западом все время нарастала и сегодня стала одной из основных причин острого международного кризиса.

После того, как в 1918 г. большевики получили контроль над Украиной, они установили режим террора против русских националистов. Все члены ККРН, которых большевики захватили в Киеве, были расстреляны. До конца 1920-х годов именно русский национализм и социальные силы, стоявшие за ним, большевики считали своим главным врагом². Коренизация 1920-х годов сопровождалась борьбой с «великорусским шовинизмом», понятие «малоросс», а с ним и тот вариант идентичности, который можно назвать общерусским, были объявлены позорным наследием имперского прошлого. Многие достижения политики русификации в приграничье были разрушены согласно новой советской идее коренизации и территориализации этничности³. УССР получила свои границы, государственные и культурные институты, которые набирали легитимность с течением времени. Но террор 1930-х годов сильно ударил на Украине по тем, кто собирался определять темпы и границы коренизации в Харькове и Киеве, не дожидаясь руководящих указаний из Москвы.

Русских эмигрантов политика большевиков на Украине, хоронившая общерусский проект, весьма волновала. Они даже создали издательство с неслучайным названием «Единство». В Праге в 1920-х годах публиковались брошюры, где профессора истории и филологии из Московского и Петербургского университетов более или менее изысканно излагали идеи, которые спустя столетие были использованы в исторической части статьи Владимира Путина,

¹ Grelka F. Die Ukrainische Nationalbewegung unter Deutscher Besatzungsherrschaft 1918 und 1941/42. Harrasowitz Verlag, 2006.

² Vujacic V. Stalinism and Russian Nationalism: A Reconceptualization // Post-Soviet Affairs. 2007. Vol. 23, № 2. P. 156–183.

³ Kaiser R.J. The Geography of Nationalism in Russia and the USSR. Princeton University Press, 1994; Мартин Т. Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939. М., 2011.

опубликованной летом 2021 г.¹ А Пётр Михайлович Бицилли, который жил на отшибе в Софии и был интеллектуалом другого масштаба, способным выскочить из наезженной колеи, написал для «Единства» в 1930 г. брошюру «Проблема русско-украинских отношений в свете истории»². Она настолько поразила издателей, что те прямо во введении подчеркнули: это все кажется очень странным, но мы публикуем. Бицилли рассуждал так: исторические аргументы, что раньше не было ни имени украинцев в современном национальном значении, ни Украины как государственного образования, – малозначимы. Если есть желание, политическая воля и ресурсы для создания украинской нации и Украины как квазигосударства (Украинская Советская Социалистическая Республика), это вполне возможно сделать. Далее Бицилли рассуждал о том, как обеднеет украинская культура, если она будет отвергать русскую, но это уже частности. Через год брошюра была издана в качестве статьи по-английски в престижном чикагском журнале *The Journal of Modern History*. И есть подозрение, что те, кто потом развивал *nationalism studies* (исследования национализма), типа Эрнеста Геллнера и Бенедикта Андерсона, эту статью могли и должны были читать. Бицилли лет на пятьдесят обогнал все рассуждения конструктивистов и модернистов по этому поводу.

Значимость политики коренизации и последующего существования УССР для формирования украинской идентичности демонстрирует следующий факт: малороссы (или, как они себя чаще называли до коренизации, хохлы) на тех территориях, которые не вошли в УССР – юг Воронежской области, Кубань, район Таганрога и так далее, – сегодня в подавляющем большинстве считают себя русскими, иногда говоря о себе как о «русских хохлах»³.

Ответ на вопрос, кем станет тот или иной конкретный человек, еще в первой половине XX в. очень сильно зависел от того, какие политические решения будут приняты не им. Серая зона – можешь стать русским, можешь стать украинцем – долго сохранялась и в советское время. Пока Леонид Ильич Брежнев жил в Днепро-

¹ Статья Владимира Путина «Об историческом единстве русских и украинцев» // Президент России. 12.07.2021. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/66181>

² См.: Бицилли П.М. Проблема русско-украинских отношений в свете истории. Прага: Издательское общество «Единство», 1930. 38 с. URL: https://vtoraya-literatura.com/pdf/bitsilli_problema_russko-ukrainskikh_otnosheny_v_sвете_istorii_1930.pdf

³ Boeck B.J. What's in a Name? Semantic Separation and the Rise of the Ukrainian National Name // *Harvard Ukrainian Studies*. 2004–2005. Vol. 27, № 1/4. P. 33–65.

петровске, в его паспорте значилась национальность «украинец». Переехав в Москву, он стал числиться русским. После 1991 г. было много тех, кто менял идентификацию наоборот. Например, по последней советской переписи 1989 г., на Украине было 11,3 млн русских. А по единственной украинской переписи, которая прошла в 2001 г., их осталось 8,3 миллиона. 3 млн куда-то пропали. Большинство из них не переехали в Россию, а изменили идентификацию в паспорте. Советская модель – это три братских народа, русские, украинцы и белорусы. Говоря об одном народе, Владимир Путин возвращается в дореволюционный, добольшевистский дискурс. Неслучайно 21 февраля 2022 г., в преддверии начала специальной военной операции, он говорил о «декоммунизации»¹.

Гражданская война идентичностей

Украинское национальное строительство после 1991 г. на самом деле прежде всего вдохновлено идеей сделать украинскую идентичность необратимой. Леонид Кучма, например, летом 2021 г., в связи с тридцатилетием провозглашения независимой Украины, утверждал: главное достижение заключается в том, что сегодня большинство украинцев не захотели бы заново объединиться с Россией². Это было, разумеется, ведущей мыслью многолетней политики идентичности украинской диаспоры, которая является значимым актором в украинском политическом процессе после распада СССР. Один действительно серьезный историк из среды диаспоры Омельян Иосифович Прицак говорил автору статьи в начале 1990-х годов, что Украина «неправильно» получила независимость: она на нее упала, Украина за нее не сражалась. «Правильно» получать независимость – через войну. Прицак еще рассуждал, что хорошо бы произвести обмен населением (вполне в сталинском духе), как это было между советской Украиной и Польшей: в России живет 7 млн украинцев, отдайте их обратно (правда, он забыл поинтересоваться, хотят ли они этого), а русских заберите себе.

Таким образом, вплоть до середины XIX в. дебаты вокруг вариантов идентичности и различной трактовки близости / отчуж-

¹ См.: Обращение Президента Российской Федерации // Президент России. 21.02.2022. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/67828>

² Кучма о крахе СССР: людям лгали, когда говорили, что Украина кормит Россию // ИА REGNUM. 13.07.2021. URL: <https://regnum.ru/news/3320489.html>

денности великороссов и малороссов были именно дебатами, происходившими в узком элитном образованном слое. Во второй половине XIX в. мы имеем дело с первыми, крайне ограниченными в своей численности, украинскими националистическими объединениями – Кирилло-Мефодиевское общество 1840-х годов, «Киевская громада» 1860-х годов. Тогда же империя начинает непоследовательно и довольно неумело проводить политику построения общерусской нации в имперском ядре. В начале XX в. в надднепрянской Украине разворачивается борьба между малороссами, которые были сторонниками общерусской идентичности, и украинцами, активистами украинского движения.

Взрывная мобилизация этничности происходит во время Великой войны и революций. При этом малороссы-общероссы уstraняются из игры, сначала за счет эвакуации с оккупированных территорий в годы войны, затем за счет физического истребления, эмиграции и политического подавления в 1920-е годы.

В межвоенный период формируется новая структура дуализма идентичностей на Украине. В западной части, находившейся под властью Польши, формируется этнически эксклюзивный, радикальный национализм, породивший Степана Бандеру, ОУН и УПА. Для этого национализма врагами были поляки, евреи и москали. После Второй мировой в этой иерархии первое место неизменно занимали москали и их восточнoукраинские «приспешники». На советской Украине формируется иная украинская идентичность, с более слабым уровнем мобилизации, не видящая в русских врага.

Эти две идентичности достались в наследство независимой Украине.

Энергичный, пользующийся поддержкой мощной диаспоры западноукраинский национализм смотрел на восточных украинцев с их русским языком как на объект социальной инженерии, из которого еще только предстояло сделать полноценных украинцев.

Плюс появилось русское суперменьшинство – свыше 8 млн, или более 17%, всего населения, сосредоточенного в основном на юго-востоке страны. Эта ситуация и постепенная экспансия «западноукраинской» идентичности в центральные регионы определяла электоральные качели, характерные для первой четверти века существования Украины. Политика Виктора Ющенко способствовала эскалации напряженности в отношениях сторонников восточной и западной идентичности и резко усилила дискомфорт русского населения.

События 2014 г. внесли радикальные изменения в процессы формирования идентичностей на Украине. После присоединения Крыма к России и возникновения ДНР / ЛНР из украинского политического процесса ушло порядка 6 млн человек, для которых была характерна либо русская, либо восточноукраинская, либо даже интернационалистская постсоветская идентичность¹. Русские перестали быть «суперменьшинством», что открыло путь к энергичным действиям по вытеснению русского языка из публичной сферы и активной политики памяти в опоре на западноукраинский набор символов и нарративов. Интенсивная кампания десоветизации в сфере символической политики имела слегка закамуфлированный характер дерусификаторства. Все это происходило под ежедневное напоминание о том, что страна находится в состоянии войны с Россией, что стало общепризнанным фактом на Украине после Майдана. Любые попытки описать противостояние с ДНР / ЛНР как внутриукраинский гражданский конфликт жестко пресекались. С 2014 г. строители украинской нации получили, хотя бы на риторическом уровне, то, чего так не хватало Прицаку и его единомышленникам, – войну с Россией. Причем это обходилось Киеву недорого – боевые действия низкой интенсивности можно было вести без больших потерь личного состава с использованием оставшихся советских запасов вооружения. Расчет Москвы на то, что непризнанные республики Донбасса станут своеобразным крюком, с помощью которого можно будет сдерживать дрейф Украины в сторону НАТО, оказался ошибочным. Со временем стало понятно, что на крюке оказалась Россия – потому что теперь Киев мог решать, когда активизацией действий в Донбассе можно поставить Кремль перед трудным выбором – ведь допустить сценарий, реализованный хорватами в 1995 г. в Сербской Краине, Москва не могла.

До 2022 г. война не выглядела вполне убедительно, и многие украинцы, с симпатией относившиеся к России, так и продолжали к ней относиться. Но в воспитании молодого поколения – в школе и в летних лагерях пластунов – произошли большие перемены. Дети, которым в 2014 г. было 10–12 лет и которые выросли в этой атмосфере, сегодня воюют в ВСУ и нацбатах под командой ребят постарше, чья идентичность формировалась в среде футбольных болельщиков и других неформальных правых группах 1990-х годов.

¹ *Voronovici A. Internationalist Separatism and the Political Use of “Historical Statehood” in the Unrecognized Republics of Transnistria and Donbass // Problems of Post-Communism. 2020. Vol. 67, № 3. P. 288–302.*

Теперь, когда боевые действия на территории Украины приобрели ужасающую интенсивность и размах, когда жертв много как среди военных, так и среди мирного населения, когда целые населенные пункты стираются в ходе боев с лица земли, радикализация антироссийских настроений как консолидирующего элемента украинской идентичности приобретает массовый характер¹. Погибшие родственники и друзья и, что для украинской ментальности очень важно, разрушенные и вынужденно оставленные дома хаты – мощный фактор. Конечно, в восточных и южных регионах страны есть люди, которые приветствуют российскую армию, но очевидно, что их намного меньше, чем ожидали те, кто планировал специальную операцию.

Вот что 23 мая 2022 г. написал в своем телеграм-канале вдумчивый созерцатель, а по совместительству командир батальона «Восток» Александр Ходаковский: «Начинаю наблюдать в себе синдром раздвоения личности: инерция думать об украинцах, как о наших, пусть и заблудших, но братьях, натолкнулась на встречный поток нынешних проявлений с их стороны... Их душа стала совсем другой, чуждой нам, несмотря на то, что свои мысли они выражают одинаковыми с нами звуками. И если принять это, если впустить в себя осознание нашей чуждости друг другу – поменяется многое в отношении к реальности. Даже родственники больше не родственники, когда перестают быть близкими, а тут...»².

Если верно рассуждение Владимира Путина о том, что Владимир Ленин внес важный вклад в формирование украинской нации, то будущий историк вправе заключить, что важный вклад внес в эти процессы и сам президент России, закрепив антироссийские и антирусские чувства как доминирующий элемент украинской национальной идентичности.

Мы не знаем, когда и как закончатся боевые действия.

¹ Киевский международный институт социологии опубликовал данные опроса, проведенного 13–18 мая 2022 г. Согласно им, сегодня всего 2% украинцев хорошо относятся к РФ, о своем плохом отношении к России заявляют 92% жителей страны. При этом, по информации КМИС, еще в начале февраля 2022 г. 34% украинцев хорошо относились к РФ. См.: Динаміка ставлення населення до Росії та емоційний фон унаслідок війни: результати телефонного опитування, проведеного 13–18 травня 2022 року // Київський міжнародний інститут соціології. 26.05.2022. URL: <https://www.kiis.com.ua/?lang=ukr&cat=reports&id=1112&page=1>

² См.: *Ходаковский А.* Начинаю наблюдать в себе синдром раздвоения личности... // Телеграм@aleksandr_skif. 23.05.2022. URL: https://t.me/aleksandr_skif/2208

Весьма вероятно, что заметные уже сейчас разбирательства и конфликты внутри украинского общества выйдут на первый план либо как реакция на условия мирного соглашения, либо еще во время боевых действий вследствие неудач на фронтах. В этих разбирательствах взаимное отчуждение «западенцев» и «схидняков», пусть даже они теперь одинаково негативно относятся к России, все равно присутствует.

Потому что у таких процессов нет «конца истории». Прямо сейчас, в июне 2022 г., на Украине разворачивается дискуссия об отношении к русскому языку и русской культуре как «оружию агрессора». Набирает силу стремление двинуться по пути их тотального запрета. Он уже введен в некоторых украинских городах, в том числе Николаеве, где для подавляющего большинства жителей русский – родной. Оппоненты подобного подхода считают, что правильнее присвоить себе русский язык и те элементы русской культуры, которые «свободны от имперскости». Такая идея и прежде звучала в ходе украинских дебатов об идентичности.

Между тем нет сомнения, что на занятых российской армией территориях будут происходить диверсии и акты саботажа. Они уже происходят. А недавно появились сообщения, что российские компьютерные фирмы начинают убирать украинцев с рабочих мест, которые напрямую связаны с критической инфраструктурой¹. Правда, российское Минцифры жестко потребовало прекратить подобное, но само появление такой идеи характерно. Знакомому с историей Российской империи это сразу напоминает о ситуации с поляками после восстаний XIX в. Если тенденции получают развитие, мы можем стать свидетелями завершения той очень устойчивой и важной для русской идентичности практики, когда малороссы и затем украинцы не отторгались в российском обществе как чужие. В России живут миллионы людей с украинскими фамилиями, украинскими корнями и даже украинской идентичностью. Так что события последних лет и месяцев способны оказать существенное влияние на процессы формирования идентичностей не только на Украине, но и в России.

¹ Российские компании начали увольнять украинских ИТ-специалистов // РБК. 24.05.2022. URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/24/05/2022/628ba6cb9a7947ec9b30946f?from=from_main_1

Старинная хроника текущих событий

Образ России и русских в западноукраинской прессе начала 1990-х годов

Над этой статьей, которая вышла в журнале «Полис» в 1995 г., я работал в 1993–1994-м. Это была первая часть проекта, вторая статья, тоже опубликованная в «Полисе», в № 2 за 1996 г., анализировала образ Украины и украинцев в российской прессе после распада СССР. Мне показалось, что сегодня полезно перечитать материал, написанный более четверти века назад, потому что некоторые темы, в нем затронутые, резонируют с современной ситуацией. В те далекие времена финансировал проект американский Фонд Джона и Кэтрин Макартуров, а собирать фактуру помогали коллеги из Львова. Статья печатается без изменений и сокращений, но я снабдил ее некоторыми комментариями. Современные вставки выделены курсивом.

Друзья, враги, соседи – кем будут друг для друга новые, никогда прежде не существовавшие в таком виде крупнейшие государства Восточной Европы Россия и Украина? Нет нужды объяснять значение этого вопроса не только собственно для России и Украины, но и для мира в целом. Опыт Югославии свидетельствует, что мы не застрахованы от самых кошмарных вариантов. В немалой мере развитие российско-украинских отношений зависит от того, какой образ друг друга выстраивают элиты новых государств, с каким посланием обращаются они к обществу.

Наиболее удобный для изучения этой проблемы источник – пресса.

Провал путча в августе 1991 г. создал в распадавшемся СССР совершенно новую ситуацию. Главное изменение состояло в

исчезновении Страха, подспудно существовавшего все годы перестройки. Боязнь, что коммунистический режим вдруг «очнется» от либерального наваждения и вспомнит вкус крови, отражалась в популярных полушутках о том, что вся перестройка была затеяна КГБ, чтобы выявить «скрытых врагов» и затем разом с ними расправиться. В республиках – Казахстане, Грузии, Прибалтике – «малая» (с точки зрения политического цинизма) кровь уже была пролита.

Испуганное молчание 19 и 20 августа 1991 г. большинства республиканских лидеров, в том числе и Леонида Кравчука, сменилось резкой политической активизацией, когда стало ясно, что «старый режим» оказался бессилён. Именно в этот момент началось ускоренное и необратимое движение Украины к полной независимости. Последующие полтора года были для Украины необычайно богаты политическими событиями – референдум о независимости, первые президентские выборы, создание собственных государственных институтов. Пресса, особенно в связи с неразвитостью украинского телевидения, играет в этот период весьма важную роль не только в конкретной политической борьбе, но и в формировании нового образа мира в массовом сознании.

Западноукраинская, или галицийская, пресса занимала и отчасти занимает до сих пор особое место на рынке украинской печатной продукции. Именно этот регион был оплотом национал-демократического движения «Рух» в перестроечные годы. Здесь коммунисты катастрофически проиграли выборы 1990 г. Здесь же базируются наиболее радикальные националистические политические организации Украины. Объяснение этого феномена во многом связано с историей Галичины в XIX и XX в., когда этот регион, не входивший в империю Романовых и Советский Союз до 1939 г., был, если не считать короткого периода в 1920-е годы, лидером украинского национального движения. За годы принадлежности к СССР ассимиляционные процессы продвинулись здесь заметно слабее, чем в других регионах Украины. Неудивительно, что галицийская пресса в начале 1990-х годов видела свою роль отнюдь не как сугубо региональную, но как общенациональную, следуя традициям конца XIX и первой половины XX в., когда Галиция стремилась оказывать влияние на Восточную Украину как через печатную продукцию, так и через посылку активистов национального

движения. (Такие же походы национальных активистов «на восток» организовывались и в начале 1990-х¹.

В середине 1990-х годов уже был очевиден процесс кадровой и идеологической экспансии западноукраинского национализма в центральные регионы страны. Конечно, его потенциал составляла не только популярность в Галичине, но и самая разнообразная поддержка той украинской диаспоры, которая сформулировала многие части этого идейного комплекса задолго до того, как он мог быть публично заявлен на Украине. При подготовке статьи были проанализированы материалы за период с августа 1991 по декабрь 1992 г. основных ежедневных изданий Западной Украины («Высокий замок», «Молода Галичина», «За вільну Україну»), еженедельника «Пост-поступ», а также близкой по направленности к галицийской прессе газеты украинской диаспоры в Германии «Шлях перемоги», которая с 1992 г. стала выходить в Украине. В общей сложности было выявлено около двухсот публикаций. Они довольно однородны по своей направленности, хотя могут весьма различаться по эмоциональному заряду. Все публикации, противоречащие основной тенденции, отмечаются специально².

Скажу сразу, что образ России, как он рисуется в галицийской прессе, несправедлив в своей односторонности. Было бы, однако, слишком просто ограничить задачу статьи лишь анализом механизмов негативной стереотипизации, для которого галицийская пресса дает столь богатый материал. Поучительной будет попытка проанализировать также непосредственную реакцию воображаемого российского читателя этих текстов (реально в России практически неизвестных) и, невзирая на явную тенденциозность большинства публикаций, разобраться, что же в них тем не менее справедливо или не совсем несправедливо. Иначе говоря, стоит внимательнее присмотреться, всегда ли то или иное утверждение, вызывающее у нас, россиян, эмоциональное отторжение, несправедливо, а если нет, то почему так происходит.

Ключевая идеологема, вокруг которой строится образ России в галицийской прессе, это ее имперскость. Она присутствует в

¹ См. например, информацию: Правда. 08.08.1991.

² К 1995 г. образ России и русских в галицийской печати претерпел некоторые изменения. Не сменилась, однако, общая парадигма. Это обстоятельство будет проанализировано в следующих публикациях. Вместе с тем основные подходы к трактовке этого образа, проявившиеся еще в 1991–1992 гг., «сцементировали» ту основу, на которой продолжают развиваться негативные представления о России.

подавляющем большинстве публикаций всех изданий и разрабатывается по нескольким направлениям. Такая концепция доминирует при описании прошлого России и российско-украинских отношений.

Приведу несколько наиболее красноречивых цитат.

«Огромная тюрьма, безграничный ГУЛАГ, почти триста пятьдесят лет (с 1654 года) угнетения. Восстания, национально-освободительные движения, а со стороны царской России одно за другим запрещения украинского языка, всего украинского... Тщательно замалчиваемый в СССР факт – советская Россия завоевала независимую в то время Украину. Украинско-российской, а не гражданской была для Украины война 1918–1921 годов»¹.

«Борьба привилегированных россиян против украинства в Украине велась со времен Бутурлиных, Меншиковых, Потёмкиных, Эмских указов, тайных циркуляров до времен Раковских, Постышевых, Хрущёвых. Им противостояли Выговский, Мазепа, Шевченко, Петлюра, Шухевич.

Задыхаясь в «братских объятиях», украинцы лишь защищались – слепли в подземельях Соловков, харкали кровью в казематах ЧК, клялись в победе духа борьбы, когда подрывались гранатой в укрытиях. Хлопцев из Волынских и Галицких войск трудно было взять в плен – окруженные НКВДешниками, они стреляли в себя, сливаясь воедино со своей вечной нацией. Так становились украинцами студенты под Крутами и солдаты под Базаром»².

«...Пришел Степан (Бандера) и могучей волей направил огонь ненависти к оккупанту в пасть московскому зверю. УПА опалила нутро ненасытного медведя».

«Тоталитарная система в отсутствие частной собственности (ее в Украине заменяло великорусское происхождение и красный билет в кармане) позволяла присланным плантаторам эксплуатировать украинцев. Созданная система льгот и привилегий имела целью вытеснить украинцев с Украины. Для украинцев Украина была превращена в 1917–50 годы в ад, а с 50-х по 80-е – в резервацию»³. Ю. Покальчук в статье «Кто может любить Россию?» вспоминает фильм Лилианы Кавани «Ночной портье», описывающий

¹ Покальчук Ю. Кто может любить Россию // Молода Галичина. 30.09.1991. Здесь и далее названия ряда статей даны в переводе с украинского.

² Жижко С. Восстановление справедливости или разжигание национальной вражды // Шлях перемоги. 28.11.1992.

³ Национализм и демократия (без автора) // Шлях перемоги. 14.11.1992.

любовь узницы концлагеря и гестаповца, и приходит к выводу: «Такой и была наша любовь с Россией»¹.

В конечном счете коммунизм часто рассматривается просто как прикрытые русского империализма. «Пришло время суда над идеологией российского национал-шовинизма, который под прикрытием коммунизма проводил тотальную экспансию во всех направлениях», – говорится в статье с замечательным названием «И последние могикане чего-то стоят, если они украинские»².

Интерпретация многих событий не выдерживает научной критики или, по крайней мере, выглядит однобокой. Очевидно, что многовековое соседство просто не может содержать одни лишь негативные аспекты. Однако любые черты общности или позитивного взаимодействия обходятся вниманием.

Образ украинцев как жертв русского гегемонизма на протяжении столетий наверняка вызовет неприятие подавляющего большинства российских читателей. Русские никогда не отторгли украинцев, а фамилия на «-о» никогда не доставляла в России неприятностей ее владельцу. Отмечу, однако, что вряд ли многим в России известны упомянутые в одной из цитированных статей события под Крутами и Базаром, Эмский указ, как, впрочем, и многие другие печальные и трагические факты истории российско-украинских отношений. Надо отдавать себе отчет в том, что историческая правда о российско-украинских отношениях лежит где-то посредине между сугубо негативным образом из галицийской прессы и тем бесконфликтным, едва ли не идиллическим, который был сформирован советской пропагандой и историческим образованием.

Это часть огромной проблемы, связанной с тем, что русские до недавнего времени не имели опыта жертв этнического притеснения и дискриминации. Эмоции «этнических жертв» для русских, живущих в России, малопонятны. В сочетании с незнанием, а порой с нежеланием знать историю национального угнетения в Российской империи и СССР, это способствует возникновению «пространства непонимания» в отношениях с другими народами бывшего Советского Союза в не меньшей степени, чем экзальтированность антирусских настроений с другой стороны.

Мотив имперскости, безусловно, доминирует в интерпретации современной российской политики галицийской публицистикой.

¹ Покальчук Ю. Кто может любить Россию? // Молода Галичина. 30.11.1991.

² Заливала О. И последние могикане чего-то стоят, если они украинские // За вільну Україну. 21.01.1992.

До декабря 1991 г. присутствует противопоставление двух России – имперской, воплощенной в союзном центре и М. Горбачёве, и «новой, демократической», воплощенной в Б. Ельцине и противниках ГКЧП. Галицийская пресса однозначно и резко осудила ГКЧП и декларировала солидарность с демократической Россией уже 20 августа 1991 г., когда официальный Киев ограничивался призывами к спокойствию. «Реакция не пройдет, демократия победит!» – лозунг с первой полосы газеты «За вільну Україну» от 20 августа. 22 августа та же газета вышла с заголовком, отразившим местную специфику взгляда на события: «Хунта потерпела крах! Развал імперії неминуєм!»

В выступлениях галицийских лидеров той поры, особенно накануне референдума о независимости Украины и президентских выборов, часто подчеркивалось стремление сохранить тесные связи будущей независимой Украины с Россией. Больше всего таких высказываний печаталось во львовской русскоязычной газете (выходит также и по-украински) «Высокий замок». «Я как-то уже представлял себе такую картину: не нравится тебе, скажем, репертуар львовского оперного – слетал на субботу-воскресенье в Москву, в Большой театр, а в понедельник – на работу, уже в своей стране», – говорил на встрече с избирателями кандидат в президенты В. Чорновил¹. За симпатии русских избирателей с ним соревновался тогдашний председатель парламента Л. Кравчук, выражавший «твердое убеждение, что никому не удастся посорить народы Украины и России»². Подчеркну, что В. Чорновил и в дальнейшем демонстрирует весьма взвешенную позицию, говоря уже весной 1992 г. о многочисленных ошибках с обеих сторон, приведших к обострению российско-украинских отношений³. Также накануне референдума «Высокий замок» опубликовал интервью с заместителем председателя Постоянной комиссии Верховного Совета Украины по иностранным делам, одним из лидеров Украинской республиканской партии Б. Горынем, который сформулировал наиболее, пожалуй, конструктивный подход к проблеме украинско-российских отношений: «В отличие от некоторых политиков в своих выступлениях на конференциях, семинарах, митингах я избегал выражения «российская империя», а говорил о реально существующей совет-

¹ Высокий замок. 31.10.1991.

² Кравчук Л. Никому не удастся посорить Украину с Россией // Высокий замок. 20.11.1991.

³ Чорновил В. СНГ обречено // Высокий замок. 02.04.1992.

ской империи, которая, несомненно, доживает свои последние дни. В истории отношений между Украиной и Россией было немало мрачных, я бы сказал, трагических страниц. Но пусть это будет достоянием историков. Мы, политики, должны исходить из реалий сегодняшнего дня, а не из страниц истории, ибо такой подход может завести нас в глухой тупик... Украине и России Богом суждено быть соседями, и наше благородное предназначение – сделать все возможное, чтобы отношения между нашими суверенными государствами были цивилизованными, взаимовыгодными и добрососедскими. Вполне возможны рецидивы имперского мышления и имперской политики. Но очень хочется верить, что Россия не пойдет после демонтажа советской империи по пути возрождения «русской империи»¹. Даже газета «За вільну Україну», наиболее жестко настроенная в отношении России, пишет в декабре 1991 г.: «Союз с Россией нам обязательно нужен, но без посредников из центра. Равноправный, по-настоящему братский, такой, который бы работал и на Россию, и на более чем 11 миллионов россиян, которые живут вместе с нами в независимой Украине, и на Украину, которая надеется на честные отношения»².

Эта позиция была, несомненно, близка многим политически активным русским как в России, так и в республиках в то время, о чем свидетельствовало поведение русскоязычного электората и в самой Украине, и в Прибалтике. Вскоре, однако, выяснилось, что отнюдь не все готовы следовать призыву Б. Горыня не переносить неприязнь к коммунизму и советскому строю на Россию и русских, и это существенно увеличило среди последних число сторонников возвращения к «добрым старым временам».

Уже осенью 1991 г. ясно ощущалось настроение, которое можно назвать готовностью к «узнаванию» знакомого образа. Оно нашло определенное выражение в словах Б. Горыня из уже цитированного интервью о встрече межпарламентской комиссии Украины и РСФСР: «*К нашему удивлению* (здесь и далее курсив мой. – А.М.), со стороны делегации российских парламентариев не было ярко выраженных симптомов “старшего брата” и стереотипов импер-

¹ Украина и Россия: достичь взаимопонимания, смотреть в будущее // Высокый замок. 23.11.1991.

² *Воробель И.* Не должником, а кредитором была и остаётся Украина // За вільну Україну. 17.12.1991.

ского мышления»¹. В ноябре 1991 г. передовица «Молодой Галичины» говорит, что за распадом советской империи «неминуемо последует распад империи низшего ранга – РСФСР»². Та же газета в декабре пишет о «финансовой палке» России, которая угрожает украинскому суверенитету³.

Неизбежность и желательность распада современной РФ как единственного пути к преодолению ее имперскости – один из важных мотивов рассуждений критиков современной российской политики как со стороны иностранных оппонентов, так и со стороны свежей российской эмиграции. В России это вызывает изрядное раздражение. Однако соотношение имперского элемента в идеологии и политике со стремлением части общества стать «нормальным национальным государством» остается в центре дебатов о будущем России, и этот дуализм очевиден как в мотивах принятия политических решений, так и в том, как эти решения объясняют публике.

С 1992 г., когда союзный центр ушел в небытие, а Украина и Россия остались один на один с массой проблем в двусторонних отношениях, галицийская пресса уже демонстрирует явную предрасположенность интерпретировать любые внешнеполитические шаги Москвы как «имперский синдром», даже когда за ними стоят вполне локальные и рационализируемые конфликты интересов России и Украины. (Сказанное вовсе не означает, что Россия не дает, и с течением времени все больше, пищи для опасений насчет «имперских рецидивов».) Такой подход характерен при обсуждении основных проблем: Крыма, Черноморского флота, ядерного оружия, финансовых взаимоотношений.

Первая из них – Крым – неизменно вызывала и вызывает сегодня самые сильные эмоции, суть которых выражает заголовок из «Высокого замка» – «Крым – это проба России, что можно сделать с Украиной»⁴. Западноукраинская пресса остро реагирует практически на все публикации и политические заявления сколько-нибудь заметных российских деятелей, в которых ставятся под сомнение права Украины на Крым. То обстоятельство, что на уровне официальной российской позиции территориальные претензии к Украине

¹ Украина и Россия: достичь взаимопонимания, смотреть в будущее // Высокий замок. 23.11.1991.

² Молода Галичина. 09.11.1991.

³ Молода Галичина. 14.11.1991.

⁴ Высокий замок. 09.05.1992.

не выдвигались, трактуется как сугубо тактический ход. «Пока что Ельцин не склонен встречать в вооруженный конфликт в Крыму»¹. «Что у Ельцина на уме, то у Руцкого на языке» – заголовок первой полосы «Молодой Галичины», которая поясняет: «Что с того, что мы не видим Жириновского рядом с Ельциным. Он может появиться в любой момент»². Иными словами, угроза появления Жириновского у власти связывается не с каким-то политическим катаклизмом, а с отказом российской правящей элиты от демократического камуфляжа.

В контексте потенциальной агрессии России против Украины рассматривался и вопрос о судьбе базирующегося на Украине ядерного оружия³. Карикатура в «Пост-поступ» изображала бункер посреди ядерной пустыни, один из обитателей которого выговаривает другому: «Ведь предупреждали Вас, Леонид Макарович, не отдавайте боеголовок москалям!»⁴ Другая на фоне стартующих ракет изображала Кравчука, который говорит по телефону: «Хорошо, хорошо, господин Буш, мы доставим ракеты в Россию даже быстрее, чем вы думаете»⁵. Однако не все склонны были говорить об этом с пусть даже черным юмором. «Почему Москва так пылко жаждет разоружения Украины – думаю, понятно. Кремль всегда жаждал и жаждет вести с нами разговор с позиции силы и лелеет мечту при первой благоприятной ситуации снова набросить на украинский народ имперское ярмо. Присутствие ядерного оружия на Украине охлаждает шовинистический запал. Справедливо предполагать, что эту грязную российскую игру понимают в Вашингтоне»⁶. (Трудно не заметить, что немало публикаций галицийской прессы по стилю и словарю поразительно напоминают газету «Правда» советского времени. Похожи они и крайней познавательной скудостью, строгим следованием агитационному принципу все ответы ясны и однозначны.)

«Шлях перемоги» считал, что военная доктрина Украины должна базироваться на концепции потенциальной российской угрозы. «Не тут ли начинается фактор моральной демобилизации, комплекс малороссийскости, когда люди, ответственные за судьбу

¹ Пост-поступ. 1992. № 16. С. 3.

² Молода Галичина. 11.04.1992.

³ Кузьо Т. Ядерное оружие – гарантия безопасности // За вільну Україну. 21.05.1992.

⁴ Пост-поступ. 1992. № 3. С. 1.

⁵ Пост-поступ. 1992. № 16. С. 1.

⁶ Бруч И. Заботиться о своих интересах // Шлях перемоги. 14.11.1992.

державы, не могут переступить через веками вдолбленный комплекс униженности, не могут поставить вопросы: “Является ли Россия дружественной Украине державой?”, “Угрожает ли Россия независимости Украины?” – и ответить на них. Рано или поздно ответ дать придется, и тогда сама жизнь заставит создателей военной доктрины Украины взять за основу концепции мазепинское “...через саблю имеем право”. Тогда и увидим, есть ли у нас сегодняшние Мазепа, Петлюра, Шухевич¹. Обратим внимание, что все перечисленные деятели были лидерами именно вооруженной борьбы с русскими или советскими властями. Чтобы понять степень безответственности автора этого текста, стоит лишь задаться вопросом, что же конкретно, по его мнению, должны делать «сегодняшние Мазепа, Петлюра, Шухевич».

Интересно, что бы сказал автор этой статьи, если бы узнал, что продолжателем дела Мазепы и Шухевича история сделала Владимира Зеленского.

Замечу в то же время, что российский политический истеблишмент много сделал для того, чтобы подобная точка зрения получила некоторое оправдание. Это справедливо не только по отношению к той его части, которая все более активно эксплуатирует ностальгические эмоции, рассуждая о «воссоединении» и «незаконности беловежского сговора» или заявляя о правах России на Крым. Подобные выступления неизбежно будут еще долго отравлять отношения России с соседями – послевоенная история Европы показывает, что «реставраторские» настроения сохраняются на протяжении всей жизни того поколения, чья судьба была покорена в результате изменения границ. Важно, чтобы эти настроения не становились определяющими для политики государства. Между тем за три с лишним года после распада СССР не нашлось в России политической воли, чтобы на самом высоком официальном уровне – президентском и парламентском – жестко зафиксировать российские гарантии уважения суверенитета и целостности Украины. На психологическом уровне Россия оказалась слишком слабой, чтобы вести себя по отношению к соседям с должным политическим тактом.

К сожалению, этот диагноз получал все новые подтверждения в последующие годы.

Однако это не отменяет факта, что в конечном счете подобная воинственная риторика крайне опасна. Она способствует преодолению того психологического барьера, который делает и сегодня

¹ Через саблю имеем право (без автора) // Шлях перемоги. 07.11.1992.

совершенно непредставимым для многих как в России, так и в Украине, что русские и украинцы могут стрелять друг в друга. С похожих публикаций, концентрировавших внимание на кровавых страницах прошлого и создававших образ соседа-агрессора в настоящем, начиналась эмоциональная подготовка современной балканской войны.

Объявив о начале конкурса карикатур на актуальные темы, газета «Высокий замок» напечатала первую – нагруженный удовольствием мешочник говорит напарнику: «Интересно, и как это они все узнают, что мы из Москвы?»¹ Рисунок в другой газете изображал полуразвалившуюся избу с портретами Ленина и Сталина в красном углу и балалайкой у стены. Обутый в лапти и читающий газету при свете керосиновой лампы дед обращается к старухе: «Эх, нам бы еще Крым отвоевать!»² На митинге, посвященном крымской проблеме, мэр Львова В. Шпицер говорил: «Я верю, простые русские люди в Крыму поймут, что лучше жить в богатой Украине, чем в голодной России»³.

Та же риторика использовалась после 2014 г. и в отношении Донбасса.

Газета «Пост-поступ» отдала всю первую полосу карикатуре, на которой изображен роденовский мыслитель с ярко выраженными монгольскими чертами лица, с шапкой-ушанкой на голове, балалайкой у ног и «Актом провозглашения независимости Украины» в руках, с подписью: «Как теперь обустроить Россию?»⁴ Если вспомнить тональность позднейших сообщений российских средств массовой информации об экономических трудностях в Украине, то придется признать – нас очень роднит умение искренне радоваться тому, что «у соседа корова сдохла».

И здесь ничего не изменилось за прошедшие четверть века.

По мере ухудшения экономического положения эти проблемы также все чаще начали освещаться сквозь призму имперскости. «Центральный банк России начал против Украины финансовую войну, сознательно идя на убытки, лишь бы погубить соседа»⁵. К России применяется принцип «презумпции виновности»: «Политику России в отношении Украины можно назвать политикой

¹ Высокий замок. 26.12.1991.

² Молода Галичина. 28.01.1992.

³ Высокий замок. 09.05.1992.

⁴ Пост-поступ. 1992. № 5.

⁵ Фрунзе В. Украине есть что терять... // Пост-поступ. 1992. № 18. С. 3.

“активного игнорирования и противодействия”, на практике эта стратегия базируется на приостановке официальных пропагандистских выпадов против Украины, нареканий на ее независимость, на максимальной сдержанности официальных антиукраинских выступлений в прессе. В целом российская политика в отношении Украины нацелена на сдерживание ее экономического роста и ограничение экономической независимости там, где этого можно достичь без особого ущерба для себя. Таким образом, сегодня из-за спокойного тона в переговорах Украины с Россией существует большая опасность быть втянутыми в российскую политическую, экономическую среду, и противостоять этому может только активная целеустремленная политика Украины¹. Вывод ясно сформулирован в заголовке из «Молодой Галичины»: «Россия любит Украину. Голодную и босую»².

Как видим, приписывание России ответственности за экономические неудачи и настаивание на заведомой невозможности взаимовыгодного экономического партнерства – этот тезис был сформулирован уже в 1992 г.

В конечном счете создается почти апокалипсический образ Украины как жертвы российского экономического империализма: «Сегодня в большинстве областных городов Украины в администрации, управлении, руководстве кооперативов и СП есть шовинистично настроенные русские. В теневой экономике доминируют кавказцы – они в независимом украинском государстве фактически господствующее национальное меньшинство, которое тут паразитирует. Незначительный процент мелких собственников-украинцев будет стонать под прессом российского капитала и финансово-административной элиты, которая будет говорить по-русски. Десятки тысяч украинцев, у которых не будет собственности, также поймут, что их эксплуатируют только потому, что они родились украинцами, ведь они будут безработными»³. Очевидно, что в высказываниях подобного рода национализм переходит ту черту, которая отделяет его от ксенофобии.

А. Витвицкий так резюмировал российско-украинское общение в первый год после распада СССР: «В отношениях с Украиной демократизированная Москва применяет ряд тактических шагов, которые имеют целью не допустить ее полной независимости. По-

¹ Лавренко С. Новая Переяславская рада // Шлях перемоги. 19.11.1992.

² Молода Галичина. 11.06.1992.

³ Национализм и демократия (без автора) // Шлях перемоги. 14.11.1992.

следовательные атаки из Москвы шли на создание самостоятельных вооруженных сил Украины, саботировались доставки нефти и другого сырья с целью положить на лопатки экономику Украины и так уже слабую из-за унаследованной советской экономической структуры. Особое значение имели различные политические интриги Москвы с целью расчленения украинской территории... Это имперский синдром, глубоко укорененный в психике российских демократов...»¹

С точки зрения галицийской прессы имперские настроения свойственны всему российскому политическому спектру и являются в конечном счете более важным фактором, чем любые идеологические разногласия. «Не станет ли, если уже не стала, российская мессианская идея той “общей территорией”, тем общим плацдармом и российских либералов, и российских импер-патриотов, и российских национал-коммунистов, плацдармом для отвоевания “общей территории многих народов”?»² Обвинения российских либералов в «имперском мышлении» встречались так часто, что даже по меркам 1995 г. это выглядит не вполне справедливо. Более важно, что при таком подходе в России просто не оказывается партнера, с которым можно договариваться о нормализации отношений, и усилия в этом направлении представляются заранее обреченными на провал. Очевидно, что эта точка зрения оказывала заметное влияние на поведение Украины в ходе переговоров по СНГ и по проблемам двусторонних отношений с Россией в период президентства Л. Кравчука.

Вполне закономерно, что галицийская пресса обильно цитирует высказывания «реставраторски» настроенных российских политиков и публицистов как самый убедительный аргумент в пользу такого подхода. Однако она – в чем и проявляется тенденциозность – практически ничего не сообщает о том, что отнюдь не все в России разделяют «реставраторскую» точку зрения, в том числе и среди видных российских политиков. Мне не удалось обнаружить ни одного интервью или хотя бы цитаты, отражающих альтернативную точку зрения. Исключение, которое должно «свидетельствовать, что не вся российская интеллигенция одурманена шовинистическим ядом», составляет статья «известной москов-

¹ *Витвицкий А.* Имперский синдром – главная причина кризиса демократии в России // Шлях перемоги. 19.12.1992.

² *Кись Р.* Кесарева закваска московского мессианства // Пост-поступ. 1992. № 37. С. 6.

ской политической деятельности» В. Новодворской под красноречивым названием «О национальной подлости великороссов», напечатанная во Львове¹.

«Пока националистическое движение в России еще только интенсивно формируется в идеологическом и организационном плане, среди россиян, как всегда, процветает кондовый рыночно-трамвайно-тюремный шовинизм. В головах старшего брата под шапкой-ушанкой прочно засели имперские амбиции, мессианство. И как бы ни выглядел российский человек: в лаптях и фуфайке, в мундире сталинского гауляйтера или в европейском смокинге с «Независимой газетой» в руке, он любит повторять, что несет мировое добро, страдает за освобождение народов из-под чужеземного или классового гнета и самоуправно позволяет себе делать все что хочет, потому что России все позволено»². Напомню, что уже цитировал статьи, где русские определялись как колонизаторы и плантаторы.

Обращу еще внимание на слова о «мундире сталинского гауляйтера». Аналогии сталинизма с фашизмом часты в украинской прессе, как, впрочем, и в прессе других стран, находившихся под контролем Кремля. Нет сомнения, что многих российских читателей это коробит, воспринимается как проявление русофобии. Действительно, порой встречаются вполне безграмотные попытки описать фашизм как черту, неотъемлемо присущую русской истории, начиная с опричнины, которую Л. Сотник, автор статьи «Обыкновенный имперский фашизм», сравнивает со штурмовыми отрядами Рёма³. Но подобные глупости не должны закрывать наличие реальной проблемы. Когда тот же Сотник или иные авторы говорят о черносотенных традициях «Союза Михаила Архангела», советских концлагерях и опасности фашизма в современной России – разве они не правы? Другое дело, что общественное сознание России как целое оказалось неспособно к решительному расчету с прошлым, и разговоры об очернительстве истории постепенно оттеснили на задний план попытки честного, хотя и очень болезненного осмысления преступлений советского режима.

И это диагноз, сформулированный в 1994 г.

Есть жесты, которые стоят дороже десятилетий дипломатической работы по налаживанию отношений. В свое время канцлер

¹ За вільну Україну. 20.11.1992.

² Национализм и демократия (без автора) // Шлях перемоги. 14.11.1992.

³ Молода Галичина. 16.06.1992.

ФРГ В. Брандт встал на колени в Варшаве, прося прощения за злодеяния нацистов. Официальные лица России часто вспоминают о том, что она является правопреемницей СССР, однако не в таком контексте, что не проходит без внимания галицийской прессы. С этим отчасти связано и то, что многие соседи России не чувствуют себя застрахованными от возрождения имперских тенденций в ее внешней политике. А. Масляник, ссылаясь на пример польского сейма, осудившего операцию «Висла», в ходе которой после Второй мировой войны были насильственно согнаны с родных мест тысячи украинцев, опубликовал статью под показательным заголовком «Порядочные люди привыкли извиняться, или Покается ли российская демократия в преступлениях против украинского народа?»¹.

Тема, вокруг которой мог быть построен разговор о тяжких страницах истории, это голод 1932–1933 гг. Однако обе стороны оказались не готовы к такому разговору. На Украине эта тема стала предметом самой ожесточенной пропагандистской кампании и законодательного регулирования, защищавшего трактовку этих событий как геноцида, завышавшего число жертв и определявшего круг виновных, в центре которого стояла Россия. В России усилия при изучении этой темы были сосредоточены на опровержении украинских тезисов. События, которые были общей трагедией многих людей разных национальностей, превратились в инструмент формирования негативного образа этнического Другого.

Теперь о том образном ряде, который выстраивается западноукраинской прессой в связи с Россией и который так важен для понимания механизмов стереотипизации. Наиболее ярко он выступает в карикатуре. (К великому сожалению, возможности журнала не позволяют их репродуцировать, так что читателю придется поверить мне на слово в том, что по своей стилистике большинство из них принципиально не отличается от средних советских образцов. Исключение составляют достаточно оригинальные и остроумные работы художников из «Пост-поступа».) Число таких карикатур весьма велико, мне удалось выявить около тридцати.

Центральным и здесь остается мотив имперскости. В июле 1991 г. Россия изображается как угрюмый вохровец у ворот концлагеря, на которых написано «“Новый” союзный договор». Вохровец обращается к стоящим в нерешительности у ворот фольклорным персонажам, символизирующим республики, со словами «Добро

¹ За вільну Україну. 02.06.1992.

пожаловать!»¹. Другой рисунок представляет сидящее в Кремле паукообразное существо, которое тянет свои когтистые лапы к Молдове, Грузии и Крыму², третий – двуглавого российского орла, хищно вцепляющегося в казака со словами: «А куда это ты, козаче, от меня уходишь?!»³ Еще один часто используемый символ агрессивности России – медведь. «А это мой референт по украинским проблемам», – говорит Ельцин Кравчуку, указывая на нависающего над персонажами огромного свирепого зверя в буденовке⁴. «Как мы выглядим на фоне российского медведя?» – задается вопросом автор «Пост-поступа» в статье о ходе реформ в Украине⁵.

Другие стабильно присутствующие черты образа России – тьма и хаос. Кравчук изображается атакуемым темной стаей летучих мышей с лицами российских политиков⁶ или с трудом удерживающим забор, отделяющий его от дерущейся и стреляющей толпы российских политиков⁷. «Каким путем пойти?» – спрашивает на другом рисунке Леонид Макарович девицу-Украину на развилке дорог. Надпись на указателе «азиатский путь развития» смотрит в сторону пожарищ и взрывов, а «европейский» указывает на идиллический пейзаж с восходящим солнцем⁸. (Возникает, однако, вопрос, каким образом мы так легко догадываемся, особенно сегодня, что под «Азией» имеется в виду Россия.)

Проведение границы Европы по восточной границе Украины весьма характерно для галицийской прессы. Введение купона (временной денежной единицы) «Шлях перемоги» комментирует так: «Теперь Украина достигла экономической независимости, сделала огромный шаг из Азии в Европу»⁹. В полемике со скептически настроенным в отношении современных возможностей Украины английским журналом «Экономист» «Молода Галичина» дает совет редакции журнала: «Пусть в следующий раз ваш художник нарисует обшарпанного, исхудалого, но большого и сильного европейца, выходящего из открытой железной клетки,

¹ За вільну Україну. 25.07.1991.

² За вільну Україну. 29.09.1992.

³ За вільну Україну. 23.07.1992.

⁴ Пост-поступ. 1992. № 23.

⁵ Пост-поступ. 1992. № 26. С. 3.

⁶ Пост-поступ. 1992. № 19.

⁷ Пост-поступ. 1992. № 47.

⁸ Высокий замок. 12.12.1992.

⁹ Украинские деньги – лучше поздно, чем никогда // Шлях перемоги. 21.11.1992.

рядом с которой лежит огромный поверженный варвар с монгольскими чертами»¹.

(И «Экономист» услышал эту рекомендацию.)

Вообще бросается в глаза, что в контексте обсуждения образа России и русских большинство галицийских публицистов утрачивает чувство самоиронии и дистанции к образу самой Украины, а это – типичная характеристика всякого «молодого» национализма.

Это весьма очевидный симптом неразвитости геополитического мышления, делающий носителем таких концепций заложниками противостояния России и Запада, которое катастрофически опасно прежде всего для них самих. *(И это было написано в 1994 г.)* Так что западноукраинская пресса следует здесь довольно давним стереотипам – практически весь набор этих идей можно отыскать в польской публицистике не только межвоенного периода, но даже второй половины XIX в., причем прежде всего в изданиях, выходивших в Галиции.

Можем ли мы, однако, говорить о совершенной ложности представленного образа? Украина, в отличие от России, сумела в течение всех этих лет избежать силового решения политических и национальных конфликтов. Это единственное государство СНГ, где у власти стоит *второй* законно избранный президент. Прав Д. Фурман, когда пишет: «В политическом аспекте, аспекте построения демократии “младший брат” оказался более “талантливым”, чем “старший”, – факт, который, видимо, просто не полностью дошел еще до сознания “старшего”, ибо как бы подрывает саму идею “старшинства”»².

Подведу некоторые итоги. Очевидно, что галицийская пресса в рассмотренный период формировала сугубо отрицательный образ России. В ее публикациях отчетливо присутствуют элементы негативной стереотипизации. Россия рассматривается как главный источник угрозы, все спорные вопросы и локальные конфликты интересов осмысливаются как проявление целенаправленной политики, ставящей целью подрыв украинской независимости. Политические процессы в нашей стране интерпретируются в рамках пессимистических сценариев, неизбежно ведущих к росту агрессивности России.

Одновременно в публикациях галицийской прессы явственно присутствует комплекс «младшего брата». Он проявляется в стремлении всячески подчеркнуть инаковость Украины по сравнению с

¹ Кто боится независимой Украины? // Молода Галичина. 25.04.1992.

² Фурман Д. Украина и мы // Свободная мысль. 1995. № 1. С. 70.

Россией в качестве способа обоснования украинской индивидуальности. Это особенно характерно для газет резко националистической ориентации – «Шлях перемоги», «За вільну Україну».

В базовых для образа мира оппозициях «Европа – Азия», «Лучшее будущее – тяжкое прошлое», «мир – война», «порядок – хаос» Россия с точки зрения галицийской прессы неизменно превосходит иной их части, чем Украина.

Опасность такого образа России и русских в том, что он является конституирующим элементом мировоззрения определенных политических сил. Высокий статус темы косвенно подтверждает и то, что подавляющее большинство цитированных публикаций было помещено редакциями изданий на первую полосу. Это означает, что пропагандистские усилия по формированию негативного образа России являются в настоящем и будут в обозримое время устойчивой практикой вне прямой зависимости от конкретной политической ситуации. Скорее, будут выискиваться, а порой и создаваться поводы для поддержания атмосферы противостояния. Если учесть то обстоятельство, что и на российской стороне вполне достаточно сил, заинтересованных в нагнетании напряженности, можно с уверенностью прогнозировать сохранение антироссийского мотива как одного из ведущих для значительной части западноукраинской печати.

К началу XXI в. это было верно уже и для центральной печати Украины.

Галицийская пресса не пользуется сегодня сколько-нибудь широкой популярностью за пределами Западной Украины. Одна из причин этого – одномерная антироссийская ориентация, которая явно не соответствовала смене настроений электората в пользу нормализации отношений с Россией, что так сильно проявилось и на выборах в Верховную Раду в 1993 г., и на президентских выборах 1994 г. Однако любое обострение российско-украинских отношений, нарастание националистических тенденций в политической жизни России, выступления российских политических деятелей в пользу восстановления «страны, которую мы потеряли» служат дополнительным ресурсом привлекательности антироссийской пропаганды в Украине. Фобии, находящие выражение в публикациях западноукраинской прессы о России, есть факт общественного сознания существенной части населения Украины. Они не всегда беспочвенны. На обыденном уровне нас это может огорчать и даже раздражать, но на уровне политическом с этим надо уметь считаться, если Россия хочет добиться серьезного прогресса в

весьма непростом деле нормализации отношений со своим крупнейшим соседом.

Что ж, все худшие опасения, сформулированные в этой статье почти тридцатилетней давности, подтвердились.

«Надо отдавать себе отчет в том, что историческая правда о российско-украинских отношениях лежит где-то посредине между сугубо негативным образом из галицийской прессы и тем бесконфликтным, едва ли не идиллическим, который был сформирован советской пропагандой и историческим образованием», – написал я в 1994 г., предполагая, что со временем эта односторонность и украинского, и российского нарратива будет постепенно уходить в прошлое. С украинской стороны, как и с польской, у России на официальном уровне были попытки выстраивания диалога по вопросам истории, для этого создавались организационные структуры, издавались книги, являвшиеся результатом совместных усилий историков двух стран. Этим усилиям в отдельные периоды придавалось достаточно большое политическое значение. Сам я активно участвовал в такой работе, правда, больше в личном качестве, потому что официальные форматы не вызывали у меня большого энтузиазма, в них чувствовалось отсутствие подлинного взаимного доверия. С украинской, польской, литовской стороны находились люди, персонально открытые для такого сотрудничества.

В этих диалогах Западная Европа иногда участвовала, а иногда незримо присутствовала символически как наблюдатель, которому обе стороны старались продемонстрировать приверженность тому космополитическому подходу к политике памяти, который на тот момент доминировал в Европе. В этом варианте политики памяти роль главной жертвы принадлежала жертвам Холокоста, и выставление собственной нации в роли главного страдальца считалось неприличным. Равно как и неприличными представлялись этнически закрытые исторические нарративы.

Однако, как теперь уже вполне очевидно, преобладание все больше получали именно нарративы, укрепляющие отчуждение и воспитывающие враждебность, исключаящие с обеих сторон темы, которые мешают формированию таких «однозначных» оппозиций «жертв и палачей». «Историческая политика» как антагонистический подход к политическому использованию прошлого стала отчетливо преобладать уже на рубеже первого и второго десятилетий XXI в., постепенно разрушая и без того уязвимое пространство диалога. Постепенно и Западная Европа сместила

фокус своей политики памяти с Холокоста и ответственности за него на «сказание о двух тоталитаризмах».

Тридцать лет убежденные сторонники конфронтационного подхода работали над укреплением образа Другого как врага, с которым рано или поздно предстоит столкнуться на поле боя. Теперь сторонники этой точки зрения торжествуют и видят в современных событиях подтверждение своей изначальной правоты. Но здесь уместно задать вопрос – не встроен ли в такой конфронтационный подход механизм самосбывающегося пророчества? Если вы с первых дней независимости готовите общества к неизбежной, на ваш взгляд, и даже желанной, конфронтации, которая избавляет ваши общества от ошибочной неопределенности в отношении к бывшей метрополии – не повышаете ли вы шансы на то, что такая конфронтация действительно произойдет?

Между тем я пишу эти заключительные комментарии под свежими впечатлениями от выставки «Украина. На эпохах переломов» в московском Манеже, открывшейся 4 ноября 2022 г. С сожалением должен констатировать, что и с российской стороны сегодня возобладали самые тенденциозные и односторонние нарративы, которые выглядели бы анахронизмом в середине 1990-х годов. Так что в обозримом будущем нет причин для оптимизма – прошлое, как и культурная и символическая политика в самом широком смысле стали еще одним полем боевой конфронтации.

Угрозы, которые с таким трагизмом реализовались сегодня, были преобладаемы и артикулируемы еще четверть века назад. Мы не сумели им противостоять.

--- *Глисьмена времени* ---

А.И. Миллер

**УКРАИНСКИЙ ВОПРОС
И ПОЛИТИКА ИДЕНТИЧНОСТИ**

Дизайн серии И.П. Леонтьева
Оформление обложки О.Е. Максимов
Техническое редактирование и компьютерная верстка
Л.Н. Синякова, И.П. Леонтьева
Корректор *И.П. Леонтьева*

Подписано к печати 19 / VIII – 2024 г.
Формат 60x84/16 Бум. офсетная № 1
Усл. печ. л. 30,45 Уч.-изд. л. 30,25
Тираж 300 (1–100 экз. – 1-й завод) Заказ №

**Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук**
Нахимовский проспект, д. 51/21, Москва, 117418

Отдел печати и распространения изданий
Тел.: +7 (925) 517-36-91
e-mail: inion-print@mail.ru

Отпечатано в типографии
АО «Г8 Издательские Технологии»
109316, Москва, Волгоградский проспект,
д. 42, корп. 5, кв. 6